ХРЕСТОМАТИЯ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Составил
доктор филологических наук
профессор А. В. Кокорев

Допущено
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия для филологических
факультетов университетов и факультетов русского
языка и литературы педагогических институтов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — 1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая хрестоматия по русской литературе XVIII в. предназначена как учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов и литературных факультетов педагогических институтов при прохождении ими курса истории русской литературы.

Хрестоматия написана в соответствии с программой и учебником «История русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого.

В данную хрестоматию впервые помимо художественных произведений введены наиболее ценные образцы публицистики и теоретических выступлений писателей XVIII в. (отрывки из «Духовного регламента» и «Слов и Речей» Феофана Прокоповича, из «Письма о правилах российского стихотворства» Ломоносова, из анонимной статьи «О качествах стихотворца рассуждение», из «Рассуждения» Фонвизина, из статьи Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских», статья Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества» и т. п.).

Составитель хрестоматии стремился дать в ней материалы, обеспечивающие показ развития демократических и освободительных идей в русской литературе XVIII в., ее самобытности; ввиду этого в хрестоматию введены также произведения устной народной поэзии, народной сатиры.

Обращено серьезное внимание на расширение круга произведений, характеризующих литературу петровского времени: введены трагедокомедия Ф. Прокоповича «Владимир», книжная лирика торжественного одического характера («Победославная песнь на победу Полтавскую», «Кто идет с войском, лаврами венчанный»), книжные песни бытовые и лирические, отрывки из драмы «Слава российская» и т. п.

Хрестоматия разделена на три отдела, в соответствии с принятой периодизацией литературы XVIII в.: 1) литература первых десятилетий XVIII в., 2) литература 30—50-х годов XVIII в. и 3) литература от начала 60-х годов до конца XVIII в.

Подбор произведений каждого отдельного писателя производился в расчете на наиболее полное освещение творческого пути писателя, однако в ряде случаев отдельные выдающиеся произведения того или иного писателя, широко известные, печатавшиеся в различных учебных пособиях, начиная с школьных

хрестоматий, не включены в данную хрестоматию («Недоросль» Фонвизина, «Бедная Лиза» Карамзина).

Произведения в хрестоматии расположены по датам написания с учетом жанровых различий.

Составитель стремился к тому, чтобы представить в хрестоматии по возможности цельные произведения: все произведения небольшие по объему и часть крупных («Бригадир» Фонвизина, «Димитрий Самозванец» Сумарокова, «Анюта» Попова) даны полностью. Другая часть крупных произведений дана в сокращении.

В текстах хрестоматии соблюдена современная орфография и пунктуация, за исключением тех случаев, когда необходимо было сохранить особенности произношения того времени и точность стихотворного размера, рифмы и т. п.

Так, например, нельзя делать изменений в стихотворных произведениях в старинном написании таких слов:

1) Другой из краев самых *дальных*
Несет обломок гор хрустальных.

2) За то ли рабство, казнь и муки лишь *одне*
Рассеяны теперь в подвластной вам стране.

3) Чьи в рамах по стенам златых блистают *лицы*
И для прикрас моей столицы.

4) Усатый староста, иль скопидом *брюхатой*
С улыбкой часто плутоватой.

5) Съестное, питейцо — пред нею нет *чужаго,*
И только что твердит: даянье всяко благо.

6) Для знающих людей не игрищи пиши;
Смешить без разума дар *подлыя* души.

7) Шатаясь по свету и вдоль и *поперег,*
Что мог увидеть я, того не простерег.

В хрестоматии, помимо текстов, имеются также краткие очерки жизненного и творческого пути писателей. В основу этих очерков составитель стремился положить учение В. И. Ленина о двух культурах и труды И. В. Сталина по вопросам языкознания. Опыт преподавания в вузах говорит о том, что такие очерки полезны студентам при повторении, для справок.

В конце книги помещены два приложения: 1) источники хрестоматийного материала и 2) словарь.

В первом из этих приложений сообщается о том, из каких изданий перепечатан данный текст, и приводятся комментарии текстологического характера, направленные на восстановление словарного состава отдельных произведений, подвергавшихся неудачным исправлениям со стороны издателей и комментаторов.

В словаре даны объяснения устаревших и иностранных слов, мифологических имен и имен некоторых исторических лиц.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XVIII ВЕКА

Буржуазное литературоведение XIX — начала XX в. расценивало литературу петровского времени как литературу, не представляющую ценности ни в идейном, ни в художественном отношении.

Белинский, несмотря на то, что большая часть литературных памятников петровского времени оставалась не опубликованной в то время, правильно оценивал роль русской литературы петровского времени, указывал, что «наша поэзия, наша литература — плод реформы Петра I», говорил о «живой связи Петра с Ломоносовым» и утверждал, что написать историю русской литературы, не учитывая деятельности Петра I в области русской культуры, невозможно.

Правильную оценку литературы петровского времени дали советские литературоведы. «Устанавливается, — говорит проф. Д. Д. Благой, — традиция того просветительства — культа разума, науки, — носителями которого в той или иной степени были представители новой интеллигенции петровского времени и которое будет горячо подхвачено и развито всеми наиболее выдающимися нашими писателями XVIII в. от Кантемира и Ломоносова до Радищева».

ВЕДОМОСТИ

По указу Петра I от 16 декабря 1702 г. при Посольском приказе стала издаваться русская газета «Ведомости».

«Ведомости» — исключительно важный памятник литературы петровского времени. В них систематически велась пропаганда новой науки, культуры, просвещения, утверждалась необходимость и справедливость войны с Швецией и т. п. Первый дошедший до нас номер «Ведомостей» датирован: «На Москве 1703, генваря в 2 день».

На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов. Гоубицы бомбом пудовые и полупудовые. Мартиры бомбом девяти, трех и двупудовые и меньше. И еще много форм готовых, великих и средних к литью пушек, гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит.

Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штюрманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды [1] пишут. Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству.

Из Сибири пишут. В Китайском государстве езуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертию казнены.

Из Олонца пишут. Города Олонца, поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тех заставах шведов побил

[1] Из Персии.

многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег. И Соловскую мызу сжег и около Соловской многие мызы и деревни, дворов с тысячу, пожег же. А на вышеписанных заставах, по сказке языков, которых взял, конницы шведской убито 50 человек, пехоты 400 человек; ушло их конницы 50, пехоты 100 человек, а из попова войска только ранено солдат два человека.

Ведомости.
На Москвѣ вновь нынѣ пушек мѣдных гоубиц и мартиров вылито 400. Тѣ пушки ядром по 24. по 18. и по 12 фунтов. гоубицы бомбом пудовые и полупудовые. мартиры бомбом девяти трех и двупудовые и менше. И еще много форм готовых великих и средних к литью пушек гоубиц и мартиров: а мѣди нынѣ на пушечном дворѣ, которая приготовлена к новому литью, болше 40000 пуд лежит.
Повелѣнием его величества московские школы умножаются, и 45 человѣк слушают философию, и уже диалектику окончали.
В математической штюрманской школѣ болше 300 человѣк учатся, и добрѣ науку приемлют.
На Москвѣ ноября с 24 числа по 24 декабря родилося мужеска и женска полу 386 человѣк.
Из Персиды пишут: Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона, и иных вещей не мало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.
Из Казани пишут. На рекѣ Соку нашли много нефти, и медной руды, из той руды мѣдь выплавили изрядну.

Первая страница «Ведомостей».

Изо Львова пишут, декабря в 14 день.

Силы казацкие под полковником Самусем ежедневно умножаются. Вырубя в Немирове коменданта, с своими ратными людьми город овладели, и уже намерен есть Белую Церковь добывать, и чают, что и тем городком овладеет, как Палей с ним соединится с своими войски, и уже сказывают, что соединился, и будет их всего войска 12 000 человек. Литовский польный гетман едет к своему войску под Литовскую Бресть, войско шведское, по сказке секретаря Орухо, частию в Казимере, частию в Сандомире стоит, и сказывают, что через великую Польшу в прусскую землю пойдет. Подъезд наш вновь от шведов собранных волохов большую часть снесли и несколько в их платье в польском обозе повесили.

Из Ниена [1] во ингерманландской земле, октября в 51 день.

Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва в здешней земле зело не добро поступает, и для того многие люди от страха отселе в Выйбурк [2] и в финляндскую землю уходят, взяв лучшие пожитки с собою.

Крепость Орешек [3] высокая, кругом глубокою водою объятая в 40 верстах отселе, крепко от московских войск осажена, и уже

[1] Город в Ингерманландии — Канца или Ниеншанц, взятый русскими войсками в апреле 1703 г.
[2] Город Выборг.
[3] Шлиссельбург.

больше 4 тысяч выстрелов из пушек вдруг по 20 выстрелов было и уже больше 1500 бомб выбросано, но по се время невеликой убыток учинили, а еще много трудов имети будут, покамест ту крепость овладеют.

Из Нарвы, октября в 13 день. Сентября в 27 день московские войска 10 000 человек на сей стороне реки Невы при Нотенбурхе [1] между русским и ингерманландским рубежами пришли и стали тамо и учали шанцы делать, за 500 шагов от крепости на сей стороне реки. Войско наше с генералом Крониортом стоит на той стороне реки между Нотенбурхом, [1] и не всю имеет пехоту, и конницу, и пушечный снаряд, и возбраняет русским войскам переправы на Неве реке, которые наудачу туда пройдут ли. Намерены крепости той Нотенбурху пушками досажать, но что вся из камени построена и войска добрые в ней во осаде суть, и вновь 400 человек в ту введено, и тако ныне нечего опасатись.

---

[1] Нотенбурх — шведское название города Шлиссельбурга (Орешка).

СВЕТСКИЕ ПОВЕСТИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

ГИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМ МАТРОСЕ ВАСИЛИИ КОРИОТСКОМ И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНЕ ИРАКЛИИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

«Гистория о российском матросе» — характерная для петровского времени повесть. Главный герой ее, сын обедневшего дворянина, пробивает себе дорогу в жизни исключительно благодаря своим личным качествам. Он освободился от домостроевских религиозно-церковных пут, не страшат его «злочастия» жизни, он борется с ними и выходит победителем.

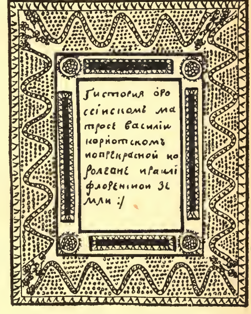
Повесть носит ярко публицистический, пропагандистский характер.

В Российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотской. Имел у себя сына Василия, лицем зело прекрасна. А оной дворянин [в] великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи. Во едино же время оной его сын рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословления, изволь мене отпустить в службу — то мне будет в службе даваться жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления». Выслушав же отец его и даде ему благословление, отпустя от себя. Василий же, взяв от отца своего благословление, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. И отослали его на корабль по определению; на корабле призываше [его] по обыкновению матросскому зело нелестно и прочих всех матросов; в науках пребывавше и [у] всех персон знатных в услужении полюбился, которого все любили и жаловали без меры. И слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже он знал в науках матросских вельми остро, по морям, где острова и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздухи. И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

Во единое же время указали маршировать и добирать младших матросов за моря в Галандию, для наук арихметических и разных языков; токмо оного Василия в старшие не командировали с младшими матросами, но оставлен бысть в Кранштате; но токмо он по желанию своему просился, чтоб его с командированными матро-

сами послать за моря в Галандию для лучшего познания наук. По его прошению был командирован с прочими матросами, отпущен за моря в Галандию с младшими матросами.

По отбытии из Кранштата, по некоторых днях прошедших, прибыли в Галандию матросы на кораблях и с ними Василий Кориотской. В Галандии учинили им квартеры и поставлены были все младшие матросы по домам купецким, а ему, Василию, за его услуги и за старшинство — к знатному и богатому гостю в дом поставили равно [со] штатами. И оной матрос Василий у гостя стоял вельми смирно и слушал его во всем. И оной галандской гость усмотрел его в послушании и в науках зело остра и зело возлюбил и послал его на своих кораблях с товарами в Англию, которому лучше всех своих приказчиков стал верить и во всем ему приказывал и деньги и товары ему вручил.



Титульный лист рукописи «Гистории о российском матросе».

И как в Англию с кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявя все и спродав и принадлежащих в Галандию товаров на корабль [взял] и поехал обратно, — в которой он, Василий, посылке великой прибыток гостю галандскому присовокупил, також и накупи всякие восприял, и знатен был в Англии и в Галандии. Ко отцу своему в Россию чрез вексель послал четыре тысячи ефимков златых двурублевых, которые отец его и получил, и писал к нему, чтоб он к нему приехал повидаться ко отцу своему и благословление принять.

А как урочный термин пришел, чтоб ученикам-матросам маршировать в Санктпетербурх в Россию, то все матросы поехали, а Василия Кориотского оной гость нача просити, чтоб в Россию не ездил, понеже он, гость, его, Василия, возлюбил яко сына родного. Но токмо он, Василий Кориотской, нача от гостя проситися в дом ко отцу для свидания и объявил ему, что отец его в великой находится в древности; то он, гость, его приятно увещевал, дабы от него не отлучился, и обещался во всем, яко родного сына, наследником учинить. И рече оной гость: «Любезнейший мой россий-

ский матрос, нареченный мой сын, изволь хотя еще чрез вексель послать ко отцу своему от имени моего, токмо ты, мой дражайший, не отлучался от меня». Слышав же он, Василий, от него зело прослезился и любезно просился, чтоб его ко отцу в Россию отпустил взять благословление, и обещался к нему обратно быть. Видев же гость непреклонную его просьбу, и просил его, чтоб он во Францию [сходил с товарами, и когда] возвратится, то обещал его в дом отпустить, — по которому прошению он, Василий, не ослушался, оного гостя взяв корабли и убрався с товары и отыде во Францию, и во Франции был два года и, спродав товар, возвратился в Галандию и учинил оному гостю великой прибыток в хождении своем, что оной гость никогда такого прибытка не видал и сердечно его возлюбил.

Но токмо он, Василий, нача еже с прилежанием в Россию к отцу своему проситься, и видев гость его несклонную просьбу и по желанию его уволил ему ехать в Россию, и даде ему оной гость три корабля с разными товарами и суммы своей денежной казны довольно, и просил его, чтоб, быв у отца своего, к нему возвратился, и отпустил его с великою печалью. И оной матрос Василий Кориотской, приняв корабли и работников-матросов и подняв парусы, побежали к Российской Европии. И по отбытии на кораблях оной Василий взял тысячу червонцев и зашил в кафтан свой в клинья тайно, чтоб никто не знал, для всякой приключающейся между... [1] И минувших семи днех как корабли из Галандии поплыли, воста время и неукротимая буря, яко всему морю возлиятися, с песком смутитися; и корабли все врознь разбишася. И на котором кораблю был Василий, и оной корабль волнами разбит, и люди все утопоша. Токмо божиею помощью единого Василия на доске корабельной прибило к некоему великому острову. И от великого ужаса пав на землю, яко мертв; а как волны утишилися, два корабля, видевше, что корабль, на котором был Василий, разбиен был весь, и чаяли, что и Василий утопоша в волнах морских, возвратишася назад в Галандию и поведаша гостю о приключившемся несчастии. Слышав же гость вельми нача плакати и тужить не о кораблях и не о товаре, но о Василии Кориотском.

И как он, Василий, от великого ужаса, лежа на острове, очнулся и взыде на остров, и велие благодарение воздав богу, что его бог вынес на сухое место живого: «Слава тебе, господи боже, небесный царю и человеколюбче, яко не остави мя грешного, за грехи моя погубити, в водах морских погрызнутися!»

Потом стоящу ему на острове, много мысляще и осмотряюще семо и овамо, в которые страны принесло и какой остров; токмо хотя и много время по морям ходил, а такого острова не видал, понеже на оном острове великой непроходимой лес и великие трясины и болота, что от моря никуды и проходу нет; а уже ему есть зело хотелось, и хотя у него червонцы были зашиты в клиньях

[1] В рукописи пропуск.

в кафтане, токмо негде и не у кого было [купить], и помощи ему в них никакой не было. И ходя по брегу на многие часы, усмотрел, как бы ему куда пройтить к жилищу, и ходя нашел маленькую тропку в лес, яко хождение человеческое, а не зверское. И о том размышлял, какая та стежка: ежели пойти, то зайти неведомо куда; и потом размышлял на долг час, и, положась на волю божию, пошел тою стежкою в темной лес тридцать верст к великому буераку. Виде великой, огромной двор, поприща на три, весь кругом стоящим тыном огорожен. И подошел ко двору близко к воротам, — те ворота крепко заперты; и хотел посмотреть на двор, токмо скважины не нашел, и страхом обдержим и убоялся. Помышлял потом, что, конечно, зашел к разбойникам, и думал, как сказаться: ежели добрым человеком, то убьют; ежели сказаться разбойником, то в разбоях не бывал. А в том дворе великой шум и крик и в разные игры играют. И вздумал сказаться разбойником и нача у ворот крепко толкаться; то оные услышали, в скорости вороты отворяли и спроша его: что за человек и откуда. Видев же Василий, что разбойники и множество их народа стояще и играюще в разные игры и музыки пьяных, то ответствовал им Василий: «Аз есмь сего острова разбойник, един разбивал плавающих по морю». И оные разбойники взяша и приведоша его к атаману. Атаман же, видев его молодца удалого и остра умом и зрачна, лицом прекрасна и осанкою добра зело, нача его вопрошати: «Чего ради пришел к нам?» Василий же рече, яко: «Единому мне жити скушно, и слышав вас в сем острове живущих и весело играющих, того ради к вам приидох и прошу, чтоб вы меня в товарищи приняли». И атаман приняв его и определил к разбойникам в товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибежал от моря есаул их команды и объявил: «Господин атаман, изволь командировать партию молодцов на море, понеже по морю едут галеры купецкие с товары». Слышав то, атаман закричал: «Во фрунт!» То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фрунт. Токмо российской матрос Василий един стоит без ружья особо, понеже не определен. Тогда разбойники реша атаману: «Что наш новоприемной товарищ стоит без ружья и не в нашем фрунте; извольте приказать оружия выдать». И атаман вскоре повеле ему оружия выдать и во фрунт встать. И оной матрос хотя того не желал, но токмо чрез боязнь взяв оружия и стал во фрунт. И при командировании стал Василий просить атамана: «Господин атаман и вы все, молодцы товарищи, прошу вас, пожалуйте увольте меня одного на добычу, понеже я извык один разбивать и хочу вам прибыль принесть». То слышав, атаман и все разбойники реша: «Отпустим его одного и посмотрим прибыли от него». И по командировке разбойники поехали на три партии, а Василия единого отпустили. Тогда матрос Василий пошел на морскую пристань и не желаше разбивать, но токмо смотрел того, как бы ему путь сыскать; и пришел на берег моря, взираше семо и овамо, не идут ли паки суда, чтоб ему

уехать. И смотрев ходя по берегу весь день, токмо никого не видал и в великую печаль впаде, нача горько плакати и рыдати, господа бога на помощь призывати, чтоб его господь вынес из рук разбойнических; и в том размышлении и великой печали уснул крепким сном на берегу моря. И сном крепким спал, что уже нощь; и нача думати — с чем ему показаться, что добычи никакой не получил. И вспомнив, что у него в кафтане в клиньях зашиты червонцы, и распоров, вынел сто червонцев и завязал в платок шелковой; и пришел ко атаману и предложил пред него червонцы и сказал, что «некоторые люди в малом судне плыли и только у них было, которые вам предъявляю». Видев же атаман и вси разбойники зело тому начаша дивитися, и вси же его хвалили. И после того еще его отпускали одного на разбой дважды, и он к ним приносил по двести червонцев, которые его добычи как атаман и вси разбойники зело дивились, что счастлив.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о российском матросе, чтоб его поставить во атаманы, понеже видев его молодца удалого и остра умом. И приидоша вси ко атаману к старому и начаша ему говорить: «Господин наш атаман, изволь свое старшинство сдать новоприемному нашему товарищу, понеже твое управление к нам худо; изволь с нами быть в рядовых, и которая наша казна извольте с рук сдать». Тогда атаман им отвещал: «Братцы-молодцы, буди по воли вашей». И вси единогласно российскому матросу Василию реша: «Буди нам ты атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Тогда отвеща им Василий: «Братцы-молодцы, пожалуйте оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал; рад бы с вами в товарищах быть, а атаманского управления не знаю». И нача пред ними горько плакати, разбойники же, его зело видя плачущего, вси яко звери единогласно российскому матросу Василию реша: «Буди ты нам атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Отвеща к ним Василий: «Братцы-молодцы, пожалуйте оставьте мене от такого дела, понеже я атаманом не бывал; рад бы с вами в товарищах быть; атаманского управления не знаю». И нача пред ними горько плакати; разбойники же, видевше его зело плачуща, вси яко люты звери единогласно закричали: «Ежели ты атаманом быть не желаешь, то сего часу мы тебя изрубим в пирожные части». Видев же Василий зело убояшася, чтоб от них не быть и вправду убиту, глаголя им: «Буди по воле вашей; токмо прошу вас: будьте во всем меня послушны». Тогда вси единогласно реша: «Господин наш атаман, во всем слушать будем». И старой атаман отдаде ему ключи и поведе его по погребам. Видев же Василий казны многое множество, злата и серебра и драгих камениев и всяких драгих парчей, яко умом человеческим невозможно описать все суммы; и оную всю сумму принял, и ключи Василию разбойники отдали и стали его поздравлять: «Здравствуй, наш господин атаман, на многие лета!» И нача пити и веселитися про его здравие и во всякие игры играть. Потом реша ему: «Господин

(357-6

атаман, изволь с нами идти до некоторого чулана». И как к тому чулану приидоша и ключи ему даша от него, точию реша ему: «Господин атаман, изволь ключи принять, а без нас во оной чулан не ходить; а ежели без нас станешь ходить, а сведаем, то тебе живу не быть». Видев же Василий оной чулан устроен зело изрядными красками и златом украшен, и окны сделаны в верху оного чулана, и рече им: «Братцы-молодцы, извольте верить, что без вас ходить не буду и в том даю свой пороль».

И в то время прибежал от моря есаул, и разбойники сказали ему, что «у нас атаман новой». И он, подошед к нему, отдал поклон и стал его поздравлять и говорить ему: «Господин атаман, изволь сего часу отправлять всех молодцов на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкие из Ландона плывут».

Тогда новый атаман Василий крикнул великим гласом: «Молодцы удалые, во фрунт!» И вси разбойники — единым оком мгнуть — все во фрунт стали, и Василий нарошно пред ними, якобы что знает волшебное, взяв два замка большие, привязал к ногам своим и около всех разбойников обежал, заговаривая им оружие, нога об ногу замками постукал и, обшед их, поклонился и выставил бочку вина, всем по ковшу поднес. Тогда вси разбойники между собою реша: «Хорош, братцы, наш атаман новой, лучше старого; мы сами видим и знаем, что замками крепко заговаривает и для бодрости по чарке вина поднес; а старой атаман был дурак; как и был в атаманах, заговоров не знал и во отпусках нам никогда вина пить не давал». И весьма во отпуске им полюбился. И поехали на добычу в смелости и в надежде его заговору замками страсти никакой не возымели.

И как спустя их на добычу, думал сам: что у них в чулане имеется, понеже всю сумму сдали, а в этот чулан ходить не велели, хотя ключ у него. И не долг час размыслил и осмелился отпереть чулан и дверь отворить, и виде девицу зело прекрасну в златом одеянии королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно. И как увиде Василий, паде от ее лепоты на землю, яко Лодвик королевич рахлинский, токмо не так, как Лодвик, себя отягчил любовию силною и в болезнь впаде. Сей Василий, встав на коленки, рече: «Государыня, прекрасная девица, королевна, ты роду какого и како сими разбойники взята». И отвеща девица: «Изволь, милостивый государь, слушать, я тебе донесу. Аз есмь роду королевского, дочь великого короля флоренского, а имя мое Ираклия; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли морем в наша государства из Европии кораблями российскии купцы, и я в то время гуляла с девицами в шлюпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок. И как мы на шлюпках от кораблей поплыли, то оные разбойники набежали в буерах и всех гребцов у нас побили и девиц в море побросали, мене едину в сей остров уведоша и держат по сие время, — что между ими великая распря: тот хочет взять себе, а другой не дает; и за тем спором хотят меня изрубить. И я пред

ними горько плакати»... И стала его вопрошать: «Молю тя, мой государь, ваша фамилия како, сюда зайде из которого государства, понеже я у них, разбойников, до сего часу вас не видала, и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некоторого кавалера». Тогда Василий нача ей о себе сказывать, исповедать: «Государыня королевна, что я Российской Европии, послан для наук в Галандию и так был почтен от галандского купца, от которого ходил с товарами в Англию и Францию на кораблях, и оттуда возвратился, и великие ему учинил прибытки, почтен был вместо сына родного; потом просился я у оного гостя в дом к отцу своему, по некоторому прошению был уволен, и дано мне было три корабля с товарами, и чтоб быв у отца, возвратиться назад в Галандию. И по отбытии из Галандии семь дней на море были благополучно, а потом заста великая буря и корабли все разбила, и меня единого в сей остров на доске корабельной принесло, в котором разбойников обрел и поставлен от них атаманом, чего не желал. Доношу вам, изволь верить: ежели меня бог вынесет от них, то и тебя не оставлю, токмо прошу не промолвиться им, что я у вас был». Королевна же, слышав от него, паде на коленки и нача его целовать любезно и просить, чтоб ее он не оставил, как сам пойдет. Василий же клятвою обещался не оставить и запер чулан и отыде в великой печали.

Потом разбойники приехавши с добычи, и он их встретил по обычаю атаманскому, и вси ему веселым образом отдали поклон и объявили, что его счастием три корабля и семь галер талианских разбили и великую сумму казны получили и товаров. И начаша ясти и пити в великом веселии, что его крепким заговором великие получили прибыли. Потом реша ему: «Господин наш атаман, изволь приказать на блюды хороших яств положить и ключи возьми от заповедного чулана». Пришли, и отпер, и видел королевну, и введе к разбойникам, и кушанья велел поставить на уборной стол, а сам плюнул и вон пошел в свой покой. Видев же разбойники, что он на королевну нимало не стал смотреть, и реша к себе: «Зрите ли, братцы-молодцы, каков наш атаман, что женский пол не хощет смотреть: не как наш прежний атаман — все глаза растерял; и можно верить во всем господину новому нашему атаману». И с того времени наипаче стали верить, и как он их на добычу ни отпускал, и во отпусках его великие прибытки были. И отпускал их на городки португальские и других земель, и его счастием везде без урону и с великим прибытком приезжали. А как их ни отпустит, то всегда к королевне хаживал, и думали, как бы от них уйти.

В единое же время нача говорить Василий всем разбойникам, чтоб великие суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгие камения сыпать в сумы, и по его приказу множество сум [пошили] и начаша разбирать все порознь и в сумы сыпать. И как все разобраша, то атаман рече им: «Братцы-молодцы, приведите мне коня, и я поеду по острову, погуляю». Они же тотчас приведоша

коня к нему и оседлаше драгим убором. Василий же ездил весь день по острову сему, но токмо кругом моря, а сухого пути следу нет. И узрев на одной стороне — пристают рыболовы; он же их спрашивает, что из которого государства. «А приезжаем сюда для продажи в сем острове живущим разбойникам рыбы». А того они не ведали, что их атаман. Он же рече им: «Братцы-молодцы, пребудьте здесь два дня, и я вам дам великую плату; вывезите меня до цыцарских почтовых буеров». Они же обещали подождать.

Потом приехал атаман Василий к разбойникам в великом веселии; они тотчас у него коня приняли и с честию его приведоша до горницы и начаша вси пити и веселитися. И как ночь прошла, то Василий тотчас велел всем собраться во фрунт. Как скоро все во фрунт собрались, то он нача к ним говорить: «Братцы-молодцы, вчерашнего числа я видел, на море корабли плывут, семь кораблей с Португалии: извольте за ними гнать, а я признаю, что купецкие». И они тотчас вси поехали в буерах.

Матрос Василий тотчас взял двух коней и собрав роспуски и наклав сум с златом и сребром и драгими камениями, елико можно было двум коням везти, и пришел к королевне и ее взял с собою. Тотчас поехали к морю, где рыбаки цесарские. И убрався, взяв судно и с королевною, и злато и серебро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребках поплыша морем к пристани, от которой пристани к Цесарии почтовые буеры бегают. И в то время разбойники вскоре возвратишася ко двору своему и не обретоша атамана, также и королевны. Тотчас бросишася на море к той пристани, где рыбаки пристают, и увидевше коней и роспуски; тотчас в малых суднах в погоню погнаша, а рыболовы уже морем далеко гребут, что насилу можно в трубку человеку видеть. Разбойники же начаша догонять и великим гласом кричать: «Стойте, сдайте нам сих людей, а не отдадите, то мы вас живых не пустим». Рыболовы убояшася и хотели возвратиться к ним; Василий же, вынев свою шпагу, и пихнул одного в море: «Аще возвратитеся, то вас всех побью и в море побросаю». Они же убояшася и начаша елико мочно вдоль морем угребать, и по их счастию воста покосный ветр, и они подняли маленькие парусы и поплыша, из виду ушли. А у разбойников парусов нет, и тако возвратишася разбойники в великой печали. Потом приплыша рыболовы с российским матросом и с королевною на почтовую пристань. Тогда Василий, вышед из судна и все имение выбрав, и тем рыболовам дал едину суму злата, и они рыболовы той казне вельми были рады и обещались рыбы по морю не ловить и к тому острову разбойническому не ездить. А Василий нанял почтовое судно до Цесарии, в которое убравшись и с королевною Ираклиею, и поехали морем до Цесарии. И приехали в Цесарию благополучно, и за наем по договору деньги заплатил.

Приплыша же в Цесарию, нанял некоторой министерской дом зело украшен, за которой платил на каждой месяц по пятидесяти червонцев, и в том доме стоял и с королевною в великой славе.

И нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым поделал ливреи вельми с богатым убором, что при дворе цесарском таких ливрей нет чистотою; а королевне нанял девиц самых лепообразных тридцать, которых зело украсил. Случися некоторой праздник, то российский матрос, убравшись в драгоценное платье, — великие лучи от него сияют, — также приказал и людям убраться, а карету приказал заложить златокованную и коней добрых, с богатым конским убором, яко во всей Цесарии такового убора нет ни у кого, и поехал к церкви, в которой будет цесарь сам, и стал в церкви у правого крылоса.

Потом приехал и цесарь к церкви, и вшед в церковь и увидев Василия в богатом убранстве и чая каков приезжай царевич или король, тотчас призвал к себе каморгера, которому вопросить приказал его: что за человек. И он, каморгер, с почтением приступил к российскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человек и которого государства. «Матрос, а фамилия моя небольшая — Василий Иванов сын Кориотской, а сюда привела меня некоторая нужда быть», — которой выслушал каморгер и цесарю объявил. И как отслушал церковное пение, то цесарь просил к себе российского матроса. И обещал быть, его величеству поклон отдать. И цесарь поехал во дворец свой, а Василий остался в церкви для некоторой своей богу должности.

Потом поехал к цесарю во дворец; приехал и принят был от цесаря с великою славою, подобно яко некоего царевича. И как вошли внутрь царских палат, в палату убранную, в которой был поставлен стол со всем убранством и кушаньем, потом цесарь стал российского матроса сажать за стол кушать. Василий же нача с почтением отговариваться: «Пожалуй, государь великий царь, меня недостойного остави, понеже я ваш раб, и недостойно мне с вашею персоною сидеть, а достойно мне пред вашим величеством стоять».

Тогда цесарь рече: «Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу вас достойна разума, то вас жалую своим сердцем искренним; хотя бы мой которой и подданной раб, а я его жалую, велю садиться с собою, и тот меня слушает; а ты, приезжий ко мне гость, извольте садиться». Тогда российский матрос, поклонясь, рече: «Буди воля вашего величества». И сел за стол с цесарем кушать.

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и российского матроса спрашивать о его службе и похождении. И он, Василий, его цесарскому величеству от начала своего похождения и службы подробно объявил: как на кораблях разбило бурею, и как пришел к разбойникам и был атаманом, и как от них увез прекрасную королевну Ираклию Флоренскую, даже до прибытия его в Цесарию все по ряду. Слышав же, цесарь зело дивися российскому матросу: «Государь мой братец, Василий Иванович, во истину всякой чести достойной! Я вам донесу, что сию королевну флоренского короля за себя сватал, токмо такое несчастие

учинилось [что безвременно пропала]; от флоренского короля адмирал старший послан ее искать по всей Европии, и где сыщут, то за него король обещал отдать оную королевну Ираклию и после себе наследником хочет учинить. И оной адмирал собою не млад. И я вас, мой государь Василий Иванович, иметь буду вместо брата родного», — которого велел во всей Цесарии за родного брата почитать. И по откушании много было разговоров, и поехал цесарь с российским матросом, названным братом своим, гулять. И российский матрос посла своего раба к прекрасной королевне Ираклии, чтоб убралась хорошенько, понеже цесарь с ним будет. И как тот посланной приехал и объявил ей о приезде цесаревом, и королевна убралась хорошенько, и с девицами. И как цесарь с Василием гуляли, то российской матрос Василий нача просить цесаря, чтоб к нему пожаловал на квартеру, и цесарь поехал с ним; и как приехали, и королевна их встретила, и цесарь в палатах долго беседовал и спрашивал королевну, как она увезена от Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самого вечера и поехал во дворец, а ему, матросу Василию, и с королевною велел переехать в свой особой дворец и от своего дворца все напитки и кушанья приказал отпускать и драбантам своим на карауле быть, и министрам, и пажам, и каморгерам неотступно быть; а королевне девице фрелин определил быть. И поутру российской матрос перебрался во дворец, данный от цесаря, и стал у цесаря в великой славе пребывать; а министрам, и пажам, и каморгерам, и драбантам всем давал великое жалованье; и все его министры возлюбили, паче цесаря почитали, а королевна Ираклия — всем вельми сердцем, и говорила, что до законного браку сохранять во всякой девической чистоте, а кроме его в супружество ни за кого иного не посягать; а ежели кто один из них какими ни есть приключившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей клятвою обещался, что хранить девичество ее. Прекрасная же королевна Ираклия вельми была горазда играть на арфии и Василия Кориотского такожде выучила, как и сама играет, и говорила ему, что: «В нашем Флоренском государстве, кроме меня, никто на арфии не играет и не умеет». И всегда тем цесаря забавляла. И к цесарю во дворец безпрестанно езжали.

Во едино же время российский матрос Василий был у цесаря; в то время из Флоренского государства адмирал к пристани цесарской приехал и великую иальбу учинил из пушек. Тогда цесарь послал каморгера осведомиться, кто прибыл. И каморгер, осведомився, объявил, что адмирал Флоренского государства. Потом цесарь послал его просить к себе, и как адмирал флоренской во дворец к цесарю прибыл, и будучи в палатах объявил, что: «Ваша королевна у меня в Цесарии», — и показал, что: «У брата моего — Василия, понеже он ее избавил от разбойников, и ежели вам он ее покажет или отдаст, в том воля его». Адмирал раболепно российского матроса просил, чтоб его государыне показал, и он

велел быть на другой день поутру во дворец его. Адмирал поехал на пристань, а российский матрос в свой дворец. Приехавши, объявил прекрасной королевне Ираклии о приезде от отца ее адмирала. То королевна слышав, зело опечалилась всем сердцем; и просила королевна у Василия, чтобы приказал сделать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости сделано.

И поутру рано королевна убралась в черное платье, и в то время с пристани адмирал приехал во дворец к нему, и вшед в палату к российскому матросу и раболепно поклон отдал, яко своему королю флоренскому. А прекрасная королевна была с девицами в особой палате. Потом адмирал просил российского матроса, чтоб его государыне показал, и Василий, взяв его за руку и введе его в ту палату, где сидела прекрасная королевна Ираклия. Вшед адмирал к королевне в палату, и королевна против его не встала, сидела в великой печали. Адмирал же королевне, как должно своей государыне, поклонился до земли и подшед целовал ее руку. «Государыня наша, великая и прекрасная королевна Ираклия, многолетно и благополучно, государыня, здравствуй! О сем вас, государыня, представляю, что ваш батюшка, король флоренской Эвгер, здравствует, и матушка такожде благополучно пребывает, токмо уже о вас, государыня, в великих печалех по вся дни сокрушается, а ныне им великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу вас, извольте со мною отправиться». Слышав же то, королевна воздохнув и слезы из очей испусти и рече: «Благородный адмирал, я вам доношу, что к родителям моим рада ехать, токмо не моя воля, но того, которой меня избавил от разбойников». Тогда рече Василий адмиралу: «Извольте вы ехать возвратно во Флоренское государство и донесть королю своему, что его дочь, прекрасная королевна Ираклия, благополучно в Цесарии обретается; и прошу вас все подробно представить, что как мною избавлена она от разбойников; и с вами ее не отпущу, дондеже сам ваш король, а ее родитель, будет в Цесарию». Понеже слышав же адмирал поехал на пристань в великом сумнении и приказал убраться в поход совсем, а сам к цесарю поехал поклон отдать и объявить, что Василий не отдал ему королевну. И цесарю зело о том весело было, что российской матрос Василий велел флоренскому королю быть самому в Цесарию. И адмирал отдав цесарю поклон и объявил, что скоро в марш во Флоренцию плыть имеет, и поехал на корабли свои, в великую печаль впаде и думал, как бы ему королевну увезти. И вздумал к себе звать российского матроса на корабль и с королевною и увезти. И поехал во дворец, нача просить: «Государь мой, Василий Иванович, покорно прошу государя моего, пожалуй завтрашнего числа ко мне, рабу вашему, со всеми министрами и пажами, такожде ежели возможно и с прекрасною королевною Ираклиею, на корабли погулять и наших кораблей посмотреть и убранства флоренского». И Василий рече ему: «За вашу просьбу быть готов». И которые были при адмирале флоренском, всем Василий давал дары и напитки на корабли

посылал. И на другой день поутру рано адмирал вторично просил Василия, и он обещал к нему быть. И нача просить Василий по просьбе адмиральской, звал с собой королевну на корабль. Тогда королевна рече ему: «Государь мой, я опасна того, что сей адмирал вороват, не сделал бы чего над нами; того ради весьма опасаюсь». И рече Василий: «Государыня, с нами много будет генералов и министров и пажей и драбантов наших; что нам может сделать?» Королевна же рече: «Будь, государь мой, по воле вашей; я готова с вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять». И поехали Василий и королевна во дворец к цесарю и о всем ему том объявили. И цесарь рече: «Братец, изволь ехать, и с собою изволь взять моих генералов и министров, также чтоб и драбанты были при вас». И от цесаря Василий с королевной, с генералы и министры и множество драбантов как к адмиралу на корабли поехали, и как на пристань приехали, тогда адмирал с великою радостию встретил, и приняв Василия и королевну, пошли в корабль. А королевна в черном платье была и в великой печали. И как в корабль пришли, тогда адмирал нача всякими напитками поити жестоко всех генералов и министров и пажей и драбантов; великие бочки вина выставил и во всякие игры играть приказал. А как все пьяны стали, тогда адмирал, вышед из корабля, и велел своим офицерам и солдатам, чтоб цесарских генералов и министров с кораблей бросать и драбантов бить и подымать парусы, чтоб из Цесарии уйтить. И оный его офицеры приказ приняли и начаша всех с кораблей в море бросать и в цесарские суда пьяных метать. И поднявши парусы, побежали к Российской (?) Европии. И оный адмирал вшед в корабль, нача Василия Кориотского бить по щекам и за власы терзать, и рече адмирал: «Тебе ли, коналия непотребный, бестия, сею прекрасной королевною Ираклиею владеть». И бивши его, едва жива оставил и велел своим офицерам, навязавши ядро пушечное, бросить в морскую глубину. Тогда офицеры, взяв Василия из корабля и помня прежнюю его к себе милость, взяв, положили в малую лодку и спустили на море, шляпу его с ядром пушечным с корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и он в глубину морскую с ядром уйде, только шляпа его наверху плавает. Королевна же, видя сие приключившееся над ними несчастие, паде, обмерла от великой ужести, пала на землю. Адмирал же, приступив к королевне и подняв, дул в уши и лил на перси ее воду, дондеже могла прийтить в чувство; и как прииде в память, нача горько плакати. Тогда адмирал, вынев из ножен свою шпагу, и с пристрастием рече: «Ежели станешь плакать, сейчас главу твою отсеку». И приведе ее к присяге, что отцу ее и матери о том своем несчастии не сказывать, а сказала бы, яко с Цесарии боем взял. И она страху ради дала присягу, что по воле его сделать, и от той печали прииде в великую болезнь.

И как цесарю сказали, что такое несчастие учинилось, и брата его Василия в море бросили, и весьма печалился о брате своем и распалился сердцем, скоро велел собрать войско четырех тысяч

и с войсками послал своего генерала и кавалера Флегонта, с которым писал королю флоренскому все подробно об его адмирале, как увез прекрасную королевну Ираклию и брата его Василия кинул в море, [за] которое непотребство, при посланном его генерале и кавалере Флегонте, велел [бы] с живого кожу снять и жилы все вытянуть: «А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю».

Василия же в том малом судне принесло к некоему малому острову, на который остров вышед, нача горько плакати о своем несчастии и призвал господа бога на помощь, и с той печали на том острове уснул крепким сном. И в то время приста некий муж, старый рыболов, и видев человека спяща в драгом одеянии и пришед, возбуди его. И виде Василий, паде на ноги его, плача и рыдая. Оный же муж его вопроси о приключившемся, како на сей остров заиде и которого государства. Василий же все ему подробно сказал. Слышав же оный муж рече: «Не плачь, брате, молися господу богу, бог все помощает, может тя и помиловать, и будешь в прежней своей славе. Аще хощеши в Цесарию или во Францию, аз тя имам отвезти». Василий же нача просити, чтоб во Флоренское государство его отвезти, и старый муж, посадив его в свое судно, в три дни во Флоренское государство его поставил. Василий же велие ему воздаде благодарение и вниде во Флоренское государство. И выпросился у некоторой старухи в богадельню, на которую дрова сек и воду носил и плетнем ее хижину оплел. А оная богадельня была на пути близ кирки, в которую король хаживал. И видев короля и королеву весьма печальных и спрашивал у старухи, чего ради король и королева в великой печали; она же ему говорит: «Уже три года и слуху нет — пропала королевна, и послан для искания ее адмирал по разным государствам, который еще и поныне не бывал». Тогда уразуме Василий, что еще его прекрасной королевны Ираклии нет.

По прошествии же трех месяцев, как Василий во Флоренцию приде, прибыл флоренской адмирал и с прекрасною королевною Ираклиею на пристань, и начаша из пушек палить и в барабаны бить и во всякие игры играть. Тогда уведал король флоренской, что адмирал его дочь, прекрасную королевну Ираклию, привез; тотчас и с королевою своею на пристань поехал, и увидевше дочь свою, от радости [нача] горько плакати; а королевна с печали насилу вышла и ни о чем не говорит, лицом помрачена. Видевше отец ее и мать начаша горько плакати и говорить: «Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видом очень печальна». Она же воздохнув жалостно и нача плакати и рекла: «Государь мой батюшко и государыня матушка, ныне я вижу вас, токмо мало порадовалась сердцем своим, от печали своей, которая в сердце мое вселилась, не могу отбыть». И поехавши во дворец король, и королевна весьма была печальна и в черном платье.

Потом адмирал объявил королю: «Я королевну взял приступом». И просил адмирал королевского величества, что ему обещена

отдать в жену, в чем и король свое королевское [слово] не преминет. И как утро и день наста, к законному браку совсем уготовился и пришед к кирке; а прекрасную королевну повели убирати в драгоценное платье королевское. И адмирал поехал со всем убранством к кирке.

И король прииде к королевне Ираклии и рече: «Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклия! Изволь убираться, время к законному браку». Слышав же королевна от отца своего, горько стала плакати и паде на ноги его и рече: «Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй не отдавай меня в жену сему адмиралу». «Чтоб тебя не отдать, я не хощу пороль свой оставить; изволь убираться и ехать до кирки». И видев королевна, что уже никак у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: «На что мне убираться, когда у меня единого нет: ежели б у меня едино было, то бы я веселилась». Слышав же отец и мать, начаша дивитися и ее вопрошати: «Повеждь нам, милейшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклия». Королевна же в великой своей печали не отвеща и поиде во уготованную палату и вышла, и пала в карету в черном платье. И поехали к кирке, и как стали подъезжать близ той богадельни, идеже российской матрос, Василий, взяв арфу, нача жалобную играть и петь арию:

Ах, дражайшая, всего света милейшая, как ты пребываешь,
А своего милейшого друга в свете жива зрети не чаешь!
Воспомяни, драгая, како возмог тебя от морских разбойнических рук
свободити,
А сеи злы губители повеле во глубину морскую меня утопити!
Ах, прекрасный цвет, из очей моих ныне угасаешь,
Меня единого в сей печали во гроб вселяешь.
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злому губителю супругою быть желаешь.
Точию сей мой пороль объявляю
И моей дрожайшей восневаю:
Аще и во отечестве своем у матери пребыти,
Прошу верные мои к вам услуги не забыти!

Слышав же королевна играюща на арфе и поюща к ней арию, тотчас повеле карете стати и разумела, что ее верный друг Василий жив, повеле спросити: кто играет. Паж прииде и поведа, яко некий ковалер играет. Королевна же из кареты тотчас сама встала и желала видеть, кто играет. И как увидела, что милой ее друг Василий Иванович, и пришед ухвати его, нача горько плакати и во уста целовати. И взяла его за руку и посадила в карету и повеле поворотить и ехать во дворец. Видев же сие министры, и начаша зело дивитися, что такое несчастие, всем превеликое подивление. И как приехали во дворец, тогда королевна Василия взяла за руку, [повела] российского матроса Василия ко отцу своему и матери и рече: «Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видеть, сие во очию мою ныне явилось!» И нача им подробно о всем предъявлять, како он

ее избавил от разбойников, и как сам в Цесарии был назван от цесаря братом родным, и как ее адмирал увез из Цесарии и его бил, в море повеле бросити, и цесарских министров и драбантов били, — «за которое извольте ожидать от цесаря вскоре силы за предерзость оного нашего адмирала». Слышав то, король и королева и приидоша в великой ужас; и вси кавалеры стали говорить, чтоб Флоренцы быть не разоренной. Тотчас посла каморгера к кирке и повелел арестовать адмирала; каморгер арестовал. Королевна же тогда просия красотою, яко солнце неодеянное; черное сняла и в драгоценное платье убралась и бысть в великом веселии.

По прошествии трех дней прибыл из Цесарии генерал цесарской Флегонт с войском цесарским к Флоренскому государству и приказал беспрестанно бить из пушек и в барабаны; а сам генерал Флегонт, взяв присланный лист от цесаря и поехал к королю флоренскому; и как приехал, то объявил королю, чтоб приказал адмирала своего, которой был в Цесарии, и брата цесарева Василия зазвав к себе на корабли с генералами и министры цесарскими, великое учинил непотребство, повеле в море побросать и прекрасну королевну увез, которая была избавлена от разбойников оным цесарским братом Василием, — и за оные его адмираловы непотребства чтоб пред войском цесарским учинить тиранственное мучение, с живого кожу снять. Король же флоренской рече генералу цесарскому Флегонту, что Василий Иванович жив и в его королевстве, и взем его за руку. Видев же Флегонт Василия и королевну, яко своему цесарю поклон отдал и вельми тому порадовался. Василий же повеле адмирала пред войском цесарским вывесть и с живого кожу снять, а генералу цесарскому король флоренской и Василий даша великие дары и всему войску цесарскому жалованье.

И после той казни король флоренской дочь свою, прекрасную королевну Ираклию, отпусти с Василием к законному браку к кирке. И венчались в той кирке, на котором их законном браке был генерал цесарской Флегонт и все генералы и министры флоренские. И было великое веселие во всей Флоренцы три недели. И по прошествии трех недель генерала цесарского и с войсками Василий отпустил в Цесарию, писал с великим благодарением и обещался быть сам к цесарю.

И как к цесарю генерал Флегонт приехал и объявил, что Василий Иванович жив и в добром здоровьи обретается и совокупился законным браком и прекрасную королевну Ираклию взял, и подал от него присланной лист, которой принял цесарь, в великой радости был, что его брат Василий Иванович жив, в добром здравии обретается. Василий спустя время сам ездил к цесарю и благодарение цесаря за его прежнюю к себе милость получил и возвратился во Флоренцию и поживе в великой славе и после короля флоренского был королем флоренскиим; и поживе многие лета и с прекрасной королевной Ираклиею и потом скончался.

ИСТОРИЯ О АЛЕКСАНДРЕ, РОССИЙСКОМ ДВОРЯНИНЕ

(Отрывки.)

«История о Александре, российском дворянине» — повесть петровского времени [1]. Действие этой повести развивается в двух планах: с одной стороны, автор рисует любовные приключения своего героя, с другой — в лице Александра он изображает славного русского рыцаря. Сильный, ловкий, храбрый, победитель в боевых схватках с самыми могучими рыцарями, он делается предметом любви и уважения рыцарей всей Европы. Вместе с тем автор повести показывает начало того процесса моральной деградации дворян-помещиков, который в сильной степени развился позже: прожигание за границей, в особенности во Франции, жизни, расточение богатств, добываемых путем жестокого ограбления крепостных крестьян.

В России, в столичном граде Москве, был некий знатен дворянин, именем Дмитрий, добронравием, смелством, храбростию и учтивством зело украшен и ко всякому добродеянию весьма был рачителен и бедных призирал, за что ему всемогущий бог даровал сына лепообразна юношу, которому равное красоте его имя дадеся Александр. И еще Александру в малом возрасте сущу дивитися было достойно, понеже от природы данной разум в нем так изострился, что философии и прочих наук достигл и склонность же его была более в забавах, нежели во уединении быть. Егда Александр умеренную силу в себе познал и двонадесятный возраст приспе, тогда возревновах красоту маловременно жизни света сего зрети, пришел ко отцу своему Дмитрию и просил сице: «Любезнейший и дражайший отче, желание мое нестерпимо мучит мя, еже бы от вас милости испросити, — и, конечно, бессовестная моя была бы дерзость, ежели бы не образцы многие тому свидетельствовались: понеже во всем свете до единого обычая имеют чад своих обучати и потом в чуждые государства для обретения вящей чести и славы отпускают, — того ради и я, ваш раб, взял намерение вначале благословение и к путешествованию позволения у вас испросити. Знаю, государь, что горячность и отеческая любовь ваша к разлуке, конечно, советоват [ь] не будет, однакож покорнейше прошу: учините мя равно с подобными мне, ибо чрез удержание свое можете мне вечное поношение учинити, — и како могу назватися и чем похвалюся? Не токмо похвалитися, но и дворянином назватися не буду достоин! Сотворите милость, не допустите до вечного позору!». Егда услышили отец и мати сына своего неотступное прошение, слезно увещевали и многими ласковыми разговоры намерение его развращали; однакож крепкое желание его оного ни отчее и матерное слезное рыдание призирало, и не могли никак склонить. И дав благословение и на знак памяти 2 кольца золотые с драгоценными камени под запрещением, еже бы ни для какой страсти никому не отдават [ь], вручили

---

[1] По мнению некоторых литературоведов, повесть эта написана в 1728—1732 гг., но и при таком датировании она не выпадает из литературы первых десятилетий XVIII в.

ему. И егда Александр благословение и позволение получил, исполнился великой радости, повеле седлати коней, благополучно, взяв с собою единого раба именем Евпла, от дому отыде и чрез несколько дней до Парижа столичного французского града достиг. И не восхоте в том себя показат[ь], стал на квартиру града того у купца именем Кера, у которого в дом[е] слышит от рабов купцовых часто воспоминаемый град Лилл. Желанием Александр уязвился и конечное намерение взял, чтоб ради смотрения, достоин ли такой великой хвалы, ехать на утре повеле рабу своему быти в намеренный путь готову; и взяв с собою потребные, поехали. И как в близости достиг и око его зрети красоту града оного допустило, то всем сердцем возрадовался, якобы что и свое получил, и по той радости усумнился, рече в себе: «Великие и изрядные грады прошел и видев, основание тех радости же мне никакой тогда не было ни еже оком, — токмо возмог зрети сей град Лилл — и порадовался безмерно: сего признаваю, либо буду в сем граде в великой чести, или в несносной погибели причастен!» Однакож, приехав, нанял квартиру близ пасторских полат и жил долгое время в великих забавах так, что живущие во оном граде Лилле, красоту лица и остроту ума его усмотря, между всеми приезжими ковалеры первенством почтили. Но в един от дней к вечеру наиде на Александра незапное уныние, от которого никоими забавами избавитися не мог; и взяв флет-реверн, начал играти и мало тем себя увеселил, но игра его бы[ла] слышна в пасторских полатах, которые близ квартиры его стояли; и такое его флет-реверн подавал приятное играние, что пасторская дочь от сна пробудилас[ь] и послала девку, именем Акиллию, проведать, кто играет, а сама села близ окна и с великим умилением слушала. Девка, пришед на квартиру Александрову, у раба его Евпла спрашивала, кто играет, на что Евпл отвещал: «Господин мой от уныния забавляется!» Александр, слышев девичий разговор, вышед, вопросил ее сице: «Что от раба моего требуеши? И откуда еси ты?» Она ему отвещала: «Государыня моя Элеонора, града сего пасторская дочь, прислала меня на квартиру вашу проведат[ь], кто играет: понеже де игра оная в великое желание к слушанию ее привлекла». Александр рече: «Покажи мне государыню свою, чтоб я знал о себе, ей как сказаться!». Раба усумнилась и долгое время в размышлении стояла и потом говорила сице: «Ежели прямо желаешь государыню мою видеть, извольте выйти на улицу и узрити ее в спальне, в окне седящую!» Александр, слыша сие, скоро на улицу побежал, и поровнясь с пасторскими полатами, устремился на все окна смотреть, и узрил ее в окне седящу, дивился красоте ея. Элеонора ж, узрев Александра, возмнила быть некоему шуту: того ради отворя окно, рече ему громко: «Чего, человече, желаеши? Или мадел зданию снимаеши?» Александр отвещал: «О желании моем скоро известна будишь!» И паки на квартиру возвратился и пришед посланной девке подарил 20 червонных и просил, чтоб ему помощь учинила, как бы с государынею ея познаться. Она же

обещала возможно вспомогание, а ради лучшего совета просила сроку до утра. Александр, опустя девку, размышлял много; способнейшего случая никоего не домыслился и был всю ночь в великом диспорате [1]. На утре же пришла к нему реченная девка и дала совет, чтоб написал письмо, которое обещалась верно вручить. Александр исполнился великой радости о данном добром совете и написал письмо:

«Дражайшая Элеонора,
моя государыня!

Кол [ь] велию печал [ь] беспокойство вчерашней ваш вопрос во мне умножил и дивлюсь, как возмогла такое великое пламя горячность с высоты во утробу мою вложить, которая меня столько палит, что уже терпети не возмогу! Того ради покорно прошу, буди врач болезни моея: ибо никоим дохтуром отъятой быти не может. Аще же с помощию не ускоришь, страшуся, да не буди мне убийца! паки молю, не обленись, с помощию зде предстани и ежели учиниши, припишу корысти на сердце моем и верность моя до гроба не оскудяет, в которой и днесь пребываю и склоннейши слуга.

Александр».

Написав и с реченною девкою ко Элеоноре послал. Девка же, излуча время, государыне своей сице вручила: «Государыня моя, не возымей на меня, рабу свою, гнева за невольную мою продерзость; понеже письмо сие понудил мя смертный страх вам государыне моей вручить. Сего дни, как я пошла по валу, стретился мне тот ковалер, который вчерашнего числа от уныния забавлялся, и отдав мне сие письмо, приказал вам вручит[ь] и сказал, ежели не вручу или дам кому прочесть, закаялся живым богом, что меня, конечно, умертвит!»

И Элеонора, взяв письмо с великим недоумением, рассуждала об нем и подписала на том же письме сице:

Надежду вручаю,
Просьбы ожидаю,
Желанное получишь,
А здравие погубишь! —

и послала с тою же девкою ко Александру. Александр о получении письма возрадовался, и егда несклонность Элеонорину уразумел, притворил себя, якобы изумлен стал. Девка Акиллия, виде Александра изумленна, ужаснулас[ь], и не дождась от Александра приказу, ушла и случившаяся с ним Элеоноре поведала. Тогда Элеонора, хотя и сожелела, а объявлять ему запретила, ибо желание ея было, чтоб познат[ь] ковалерское сердце, сколько крепко противу женска. Александр, размышляя о несчастии своем и надежды, и притворил себя так, что можно его изумленным тогда назвати было, отчего наконец и в сущую жалост[ь] пришел... Того ради, ища себе увеселения, пошел за город и нашел место прохладное и воздух приятный, на оном возлеже лицем ко граду, взирая

[1] То есть в расстройстве.

нан[ь] и несчастия своя воспоминая, прослезился, и тако в размышлении о несклонной элеонориной любви долгое время пребыв тут, запел арию:

«Дивну красоту твою, граде Лилл, я ныне зрю:
Врата имашь, позлощенные,
А внутри копие изочренные!
Почто чинишь со мною прю?
Стенами крепчайшими отвсюду окружен;
Здание предивно имашь,
В руце держишь палашь!
С тобою уязвлен!
К ней похвалы имам днесь предати,
Храбрость мою уничтожил,
Печаль во мне умножил!
Покинь стрелы метати!
В себе драгоценнейший камень бралиант имашь,
Ах, Элеонору деву,
Полну ярости и гневу!
Помощи мне в том не дашь, —
Зрю фартуна злящая мною ныне владеет,
Несчастие ко мне течет
И ко гробу уже влечет!
Что мне в помощь успеет?..»

И окончив сию арию, пошел с того места до своей квартиры; и в великой той печали многие дни по граду ходил. Жители же того града Лилла, хотя и о причине несчастия его ведать и много вопрошати покушалис[ь], но Александр не сказывал. И по многом александровом сумнении прииде нань жестокая горячка, и в том великом жару, невем, како в пасторские полаты вшел. И пришед пред лицо Элеоноры, рече: «Что со мной знай чинити!» И паде на землю, ибо не мог более болезни ради стояти. Тогда Элеонора в великий прииде ужас и рече: «ах, какая проклятая девица! такового изрядного и чести достойного ковалера несклонностию своею и гордым ответом в конечную погибел[ь] привела!» И взяв Александра Элеонора с рабою своею Акиллиею и снесоша на квартиру и положиша на одр. Тогда Элеонора, взирая на Александра, многие слезы испускала, и так в себе смутилась, что чрез великую силу Акиллия Элеонору от Александра отвела; а пришед Элеонора во свою спальну, проклиная себя, неутешно плакала и в тех слезах пела арию:

«Счастие, Элеонора, сама ты погубила!
Нанесла печаль своей младости!
Гордым ответом болезнь возбудила,
Коей причастна ныне сладости!
Кою пользу гордостию себе, бедная, сотворила?
В чем себя более признаваешь?
Здравия почто ты себя лишила,
А в горести уже пропадаешь!
Прииди, любезнейший! изми мя от злейшия муки
И не дай напрасно погибати!
Ускори мне в помощь и простри руку,
Не имам, на кого уповати!»

Акиллия, видев государыню свою, неутешно плачущу, пошла ко Александру и обрете его в болезни сущей, — того ради не имела ко увеселению государыне своей ничего достать, взяла раба его Евпла с собою и просила, чтоб Элеоноре донесть, будто Александр уже здрав и поехал для увеселения в поля гулять. Евпл же, не хотя Акиллии преслушат[ь], вскоре пошед ко Элеоноре и донес, что государь его Александр уже здрав и поехал гулять в поле. Элеонора, слуша сие, хот[ь] мало и порадовалас[ь], однакож познав неправду, говорила Евплу сице: «Знаю, свет мой, что ради увеселения мне Александрово здравие объявляешь, однакож вем, что Александр при смерти лежит болен!»

А как Александр от болезни свободился, рече в себе: «Безумен есть аз! коликие дни препроводил в муке ради негодной любви женской! Ныне с чем возвращуся в дом отца моего? Не знав поля, не видав неприятеля, не слышав ружейного стуку, како прислужуся монарху моему? и коим достоинством пожаловати мя повелит? Аз же сим не токмо похвалятися могу, но и приятелю сказати не могу под великим стыдом!» Однакож желание конца мира зрети преодолело, и повеле призвати единого купца, именем Ланже, которой Александру в знакомстве очень близок был, и просил его, чтоб сделал [пир], а сам бы сею позвал бы купно с протчими дамами пасторскую дочь Элеонору к себе. На что купец охотно обещал учинить. И в третий день повеле стол готовить и созвал множество дам и ковалеров, в том числе Элеонору. И Александр в то время сидел с Элеонорою за особливым маленьким столом, которой к тому был приуготовлен, а забавлялис[ь] в карты, и между тем Александр пел арию тихо для того, чтоб Элеонора одна слышала...

[Александр и Элеонора горячо полюбили друг друга. «Ни чрез какие волшебства и хитрости, когда любовь их развратити было возможно», — замечает автор повести. Однако счастье влюбленных было недолговременным: Александр увлекается Гедвиг-Доротеей, дочерью генерала, изменяет своей возлюбленной. Элеонора от тоски, горя заболела и умерла. Недолго торжествовала свою победу Гедвиг-Доротея, — Александр изменяет и ей, увлекшись красавицей Тиррой, дочерью гофмаршала.

Далее в повести описываются рыцарские подвиги Александра, которыми прославился он на весь мир. Рыцаря Тигнанора, который одного из самых сильных английских «кавалеров с единого разу надвое разделил», Александр легко побеждает: он его «так сильно в груди ударил, что латы просекл и из седла вышиб, а потом копием тупым концом ударил и поверже на землю его, яко мертва». Александр, сражавшийся под девизом рыцаря «Гнева и победы», своею силою и храбростию заслужил такое уважение среди рыцарей, что в случае обиды какой-либо рыцаря «Гнева и победы» за честь его «вся Европия восстанет», — говорится в повести.

Александр погиб во время своих странствований, но не в бою, а случайно: утонул во время купанья в море].

КНИЖНЫЕ ПЕСНИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

До нас дошло очень большое количество рукописных сборников XVII—XVIII вв. с книжными песнями — духовными и светскими. Среди последних выделяются песни панегирические (похвальные), застольные, сатирические, забавные (т. е. любовные) и др.

Надписи на рукописных песенниках их владельцев или читателей показывают, что они обслуживали различные слои грамотного городского населения: низшее духовенство, учащихся, канцеляристов, младших военных, попадая иногда и в крестьянскую среду; этими своими признаками книжная песня отличается от классической поэзии, ориентировавшейся в основном на дворянские грамотные круги.

Самые ранние рукописные песенники со светскими песнями относятся к 20-м годам XVIII в. Изучение их показывает, что светская песня прошла уже большой период своего развития, характеризуемый особыми признаками стиля и языка.

В некоторых историко-литературных исследованиях утверждалась зависимость лирики петровского времени от западно-европейской поэзии. Изучение языка, поэтики, стиля светских книжных песен петровского времени указывает на тесную их связь с русской духовной книжной песней XVII в. Появление в петровское время украинизмов в языке песен объясняется тем, что при Петре I в Россию наехало много образованных украинцев, которые осели в России.

Темами песен петровского времени являются события действительной жизни: военные дела, походы и сражения, поездки морем (что изображено очень реалистически в песне «Буря море раздымает»), ассамблеи с танцами, любовные отношения между молодыми людьми, веселые пирушки и т. д. Выражение любовного чувства в этих песнях дано угловато и неумело: влюбленный (или влюбленная) прибегают к не всегда удачным образам («магнит дражайший», «ты мой виноград»), к трафаретам из греко-римской мифологии (Купидо, Венера, Фортуна), пользуются штампованными метафорами церковной поэзии («сердце... аки воск растаяше»).

Ставший традиционным взгляд на Монса и его секретаря Столетова как на авторов лирических песен, на основании находки таких песен в архиве Монса, должен быть отвергнут. Сравнение вариантов песни «Ах, свет мой горький моей молодости», найденных в архиве Монса, с вариантами рукописных песенников показывает, что первые имеют столько грубых ошибок против правил силлабической поэзии (которых в других вариантах нет), что Монса и Столетова нужно считать не авторами, а лишь любителями, списывавшими эти лирические песни.

Обращает на себя внимание значительное число книжных песен, написанных от лица женщины. Акростих песни «Како не лишатися веселия мне ныне» позволяет предположить, что автор ее — княжна Прасковья Трубецкая,

близкая к семье Антиоха Кантемира. Несколько песен, близких между собой по своей тематике и стилю и притом написанных от лица женщины, позволяют предполагать наличие в петровское время талантливой поэтессы, лучшим произведением которой является песня «Ах, свет мой горький моей молодости»; эта песня была очень популярной и в рукописные песенники включалась до конца XVIII в. В песнях этой поэтессы дает себя знать фразеология народной песни.

ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Панегирики XVII в. были однообразными, узкими по своему содержанию. Восхваления высокопоставленных духовных и светских лиц, стихотворные поздравления по случаю дня рождения — обычная тематика панегириков XVII века.

В Юго-Западной Руси особенно большое распространение получили хвалебные стихотворения на гербы, представлявшие собою нагромождение громких фраз, хитросплетенных символов, аллегорий.

В петровское время панегирическая поэзия в значительной степени изменяется: она откликается на исторические события, начинает носить пропагандистский, агитационный характер (борьба России с Швецией, измена Мазепы и т. д.).

По языку, стилю панегирическая поэзия петровского времени остается тесно связанной с традициями религиозно-церковной поэзии XVII в., однако «обмирщение» начинает сказываться и здесь: в панегирики проникают элементы разговорной речи.

В панегирической поэзии различаются два вида: 1) стихотворения, предназначенные для произношения (орации, победные песни), и 2) стихотворения для пения (канты).

1

ПОБЕДОСЛАВНАЯ ПЕСНЬ НА ПОБЕДУ ПОЛТАВСКУЮ

I

Восклицайте вси весело,
Небо, звезды и воздух,
Князь и солнце, поле, село.
С вами людьми всякой дух.
Радостно вси приносите
Тысящих струн пения,
Всякия припевания,
Богу славу воздадите.
Се царь Петр бесценну
Носит победы казну.

II

Государь благорожденной,
Князь всех добродетелей,
Самым богом ты избранной, —
Фама уж у всех князей
Голос свой распространила
Даже до неба и звезд.

Славу же твою и честь
Преизрядно проявила.
Есть нам Пресветлейший Царь
Ратоборцем чин и дар.
. . . .
. . . .

V

Что я убо здесь посмею,
Низкой я слуга его;
Честь его я не умею
Вознести достойно.
А Монарше! соизволи
Препустити мне сие
Смело прегрешение,
Что я хвальныя глаголы
Пишу, храбрость бо твоя
Смела сделала меня.
. . . .
. . . .

VII

Нам сие Полтава скажет —
Ныне наш знатнейший град:
Там бо недруг швед не может,
Падает во меч и глад.
Днепр и сам то изрекает,
Яко крепкий Государь
Петр Алексеевич и царь,
Хоть Украйна ущербает,
Сильною рукою бил
И недругов победил.

VIII

Ингерманландия то познает,
Тож и Нарва говорит,
Царя своего называет,
Таково и получит.
Сего дела научают,
Яко поспеваема,
Там и здесь познаваема.
Им и лучше промышляют,
Нежели король им учинил,
Иже их не защитил.

IX

Вся сия так учиненна,
Яко бог определил:
Град Москва непобежденна,
Швед ея не одолел.
Видим яко совершился
Тайной божий совет,
Сердце бо у шведа нет,
Их же смех и превратился.
Бог так мудро то вратил,
Гордых шведов низложил.
. . . .
. . . .

XII

Ну, Москва, приди над всеми,
Встани, Русская земля,
Зри, каких тебе приемы
Дала милость божия.
Буди богу благодарен
Всякой за такой свет,
Тому бо подобна нет.
Я не буду лицемерен:
Сей преславной Гедеон
Сделал много оборон.

XIII

Иноземцы, похвалите
Бога милостиваго,
А и в будуще молите
Сию благодать его;
Будете в его боязни,
Да сей воин и борец,
Царству Русскому венец,
Долго жив был без болезни.
Возжелающе сие,
Пойте славно пение.
. . . .
. . . .

XV

Похвалы благоприяти,
Государь, прими сие.
Не изволишь презирати
Ты простое пение.

Тем живу тебе обязан,
Хоть и раб простой я,
Я нижайший [я] слуга,
Счастием твоим обязан.
Государь, пожалуй
Сию милость мне яви.

XVI

Да бог защитит Ти Царство
По своей милости,
Содержит Государство
В счастливом стоянии:
Что Россия впредь достала
Мир и благоденствие,
Радость и веселие.
Да Москва всегда стояла
Несмущенна без войны
И в соединении.

2

Кто идет с войском, лаврами венчанный,
С знаменми побед гость к нам чрезвычайный?
Светлым оружьем предивно украшен:
Однак не страшен.
Марсово лице, но весьма не ратно,
Все осклабленно, всем благоприятно,
Яко Феб, егда по дожде сияет,
Любим бывает,
На что посмотрит, отнюдь не плачет,
Но премененно [1] от радости скачет...
Ты ли таковых чудес содетелю,
Ужасе мира и устрашителю,
Отчества отче и усладителю,
Защитителю,
Усмиренного мира правителю,
Петре, великий в мире властителю,
Великих бо́льший, Роский автократор,
Император!
Ты, во истинну, познаем тя ясно:
Кто бо когда так явился нам красно,
Кто таковую приносит нам сладость,
Вечную радость?

---

[1] То есть попеременно.

Покрывают тя ветви зеленыя,
Но открывают благодеяния:
Яко же солнце — лучи покрывает
И открывает...
Повелевая землям побежденным
И учрежденным,
Градом, езерам, народом подбитым,
Островам многим, синусам разлитым,
И Балтицкому, чтоб не изливало,
В брегах бы стало.
Ныне же грядет с миром возвратився,
Корыстей бремянем весь отяготився,
Все оружие с себе отлагает
И отдыхает.
Что бо Варяжско море ни имело, —
На его плещах возлегло все цело...
На море путь — что птицам на воздусе —
Безбеден людем, яко же на сусе;
Радостна Церес ралом нивы пашет,
Вся земля пляшет;
Счастливость в полях гуляет весела,
Златый дождь свыше орошает села,
Восстает жатва, люба поселяном,
Люба крестьяном...

КНИЖНАЯ БЫТОВАЯ И ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

1

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце.
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече во чистом поле,
Курится огонечек малешенек.
У огонечка разостлан шелковый ковер,
На коврике лежит удал доброй молодец,
Прижимает белым платком рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его бодрой конь,
И он бьет копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удал доброй молодец,
Ты садися на меня, на своего слугу;
Отвезу я добра молодца в свою сторону

К отцу, к матери родимой, к роду-племени,
К милым детушкам, к молодой жене.
Как вздохнет тут удалой доброй молодец:
Поднималась у удалого его крепка грудь,
Опустилися у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертоносная,
Полилась ручьем кипучим кровь горячая.
Тут промолвил доброй молодец своему коню:
— Ох ты, конь мой, конь, лошадь верная,
Ты товарищ моей участи,
Доброй пайщик службы царския,
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене,
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля вострая,
Положила спать калена стрела.

2

ЛЮБОВНАЯ, С АКРОСТИХОМ

(КНЕЖНА ПРАСКОВИЯ ТРУБЕЦКАЯ)

*К*ако не лишатися веселия мне ныне,
*Н*адежды уже лишихся во злой сей причине.
*Е*сть бо противно натуре в печали весело быти,
*Ж*еланного отлучая, в свете весело жити.
*Н*адежда от мене уже днесь отходит,
*А*х, злое несчастье на мя днесь приходит.
*П*олно мне в забаве жити, полно веселитца,
*Р*азве ко мне назад моя радость возвратитца.
А хотя в то время веселитца буду,
*С*ердцем же по нем тужить никогда не забуду.
*К*ако отлучили от мене днесь мою надежду,
О, терзайте и дерите всю мою одежду,
*В*сегда же буду себя слезами забавляти
И пременное свое счастье буду проклинати.
Я, ныне отлученна другой надежды своей,
*Т*ебя прошу покорно радости моей,
*Р*азве позабудешь днесь всю мою услугу,
*У*бей-то скорей меня, а сам предайся в тугу.
*Б*ог бо заплатит тем, кто нас разлучает:
*Е*го ввержет в печаль всяку, нас же все сияет.
*Ц*вету всяку уподобися любовь наша ныне:
*К*ак цвет отпадает без солнца, так ты в сей причине,
А как солнце будет паки лучи вон выпущати,
Я, аки цвет же, буду себя забавляти.

3

[Ах], свет мой горький моей молодости,
Печально терпеть, не [маю] радости,
Мои утехи в плач ся превратились,
Мои роскоши уже пременились.
Тяжка туга меня сокрушает,
Злая же печаль жизни мя лишает.
Хочь пойду в сады или в [вертограды],
Не [маю] в серце ни малой отрады:
Друг мой сердечный прочь отъезжает,
Меня, бедную, в горе оставляет.
Иже обязан союзом [нелестным],
В любви сопряжен [афектом телесным],
Который во всем хотел быти верным,
Мне же до смерти никак не изменным.
Ныне от очей моих он [сокрыхся].
Ах, горе, горе! [зело удалихся].
Кого бедная сердечно любила,
Того несчастьем своим утратила.
Возьму в печали преострые мечи,
Промолвлю в горе такие аз речи:
Бесчастный той день, в онь же аз рожденна!
Почто на свете [богом] сотворенна?
За [ревность] мою легко мне умрети,
Вечный слух будет, ах! об моей смерти.
Пробью на мече свои [белые] перси.
От чего умру, — ты сам, друг мой, веси.

4

Что убо — сугубо
　　Сердце во мне играше,
С радости, сладости
　　Аки воск растаяше!
Что вижду — надижду
　　Сердечну, непреминну—
Избранну Дианну,
　　Приятельницу вирну!
Неть тако — что яко
　　Сердцем возвеселихся,
Не тебе, но себе
　　Ради зря насладихся.
Цвет красный, свет ясный
　　Очей моих зенице,
Дрожайша, сладчайша,
　　Прекрасная девица!

Никто же возможе
    В любви нас разлучити,
Аще же и вверже
    В нас хитросные сити.
Очию точию
    На нас токмо взирают,
Лукавством, злонравством
    Ничтоже успевают.
Аз уже тя, друже,
    Не престану любити
Никогда, но всегда —
    Доколе имам жити.

5

Буря море раздымает,
А ветер волны подымает;
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело,
    Почернело.
В полдни будто в полуночи —
Ослепило мраком очи:
[Един молний] свет мелькает,
Туча с громом наступает,
    Наступает.
Волны с шумом бьют тревогу,
Нельзя смечать дорогу.
Вдруг настала перемена,
Везде в море кипит пена,
    Кипит пена.
Прибавляет ветр погоду
Чуть не черплет корабль воду.
Мореходцы суетятся:
От потопа как спасаться,
    Как спасаться.
Начальники все в заботе,
А матросы все в работе.
Иной снизу лезет кверху,
Иной [сверху летит книзу,
    Летит книзу].
Тут парусы подбирают,
Там веревки прикрепляют;
Нет никому в трудах спуску,
Ни сухаря на закуску,
    На закуску.
Одолела жажда, голод,
[Бессонница], нужда, холод.

Неоткуда ждать подпоры,
Разливные валят горы,
      Валят горы.
Одна пройтить не успеет,
А другая свирепеет.
Дружка дружку рядом гонит,
С боку на бок корабль клонит,
      Корабль клонит.
Трещат райны, мачты гнутся,
От натуги снасти рвутся;
От ударов корабль стонет,
От бросанья чуть не тонет,
      Чуть не тонет.
Вихрь парусы порывает,—
Меж волнами нос нырет.
Со всех сторон брызжут волны,
Все палубы воды полны,
      Воды полны.
Так стихии все [бушуют]
И на тщету наветуют;
Уж не в нашей больше власти
Ни парусы, [ниже] снасти,
      [Ниже] снасти.
Ветром силу всю сломило,
Уж не служит и кормило,
Еще пристань не [доспела],
А погода одолела,
      Одолела.
Не знать земли ниоткуду,
Только видеть остов груду,
Где сошлося небо с понтом
И сечется с горизонтом,
      С горизонтом.
Нестерпимо везде горе,
Грозит небо, шумит море.
Вся надежда бесполезна:
Везде пропасть, кругом бездна,
      Кругом бездна.
Есть ли сему кто не верит,
Пускай море сам измерит;
А когда сам искусится,
В другой мысли ощутится,
      Ощутится.

НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Устное народное творчество в первые десятилетия XVIII в. развернулось очень широко: особенно много появилось в это время исторических песен. Напряжение народных сил было исключительным; народ, отстаивавший независимость родины, принес великие жертвы.

1

Ах, бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет!
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты во строю стоят.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебрена сиповочка возыграла,
Что возговорит наш батюшка православный царь:
«Ах вы гой еси, все князья и бояре!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте:
Еще как нам Азов-город взяти?»
Еще князьи и бояре промолчали.
Еще ж сам наш батюшка прослезился.
«Ах вы гой еси, солдаты и драгуны!
Вы придумайте мне думушку крепкую:
Еще как-то нам Азов-город взяти?»
Как не ярые пчелушки зашумели,
Что взговорят солдаты и драгуны:
«Взять ли нам, не взять ли, — белой грудью!»

2

Подымалась Полтавская баталия:
Запалит шведская сила
Из большого снаряда — из пушки;
Запалит московская сила
Из мелкого ружья — из мушкета.

Не крупен чеснок рассыпался:
Смешалася шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

3

Как по матушке Москве
Да пять сот стружков плыло,
Что на каждом на стружке
По пяти сот человек,
Они едут и гребут,
Сами песенки поют,
Они песенки поют,
Разговоры говорят,
Что про Гришку про Гришутку
Про Гагарина с детьми:
«Заедает вор Гагарин
Наше жалованье,
Долгово́е, трудово́е,
Малоде́нежное,
Что на всякого человека
По пятнадцати рублей.
А на эти, вор, на деньги
Он заводы заводил,
Палатушки становил
За большим мучным рядом,
Он построил себе дом,
Что на улицу окошечки,
Хрустальный потолок.
Москворецкая вода
По фонтанам взведена,
Жива рыба пущена,
Кровать нова смощена.
Как на той ли на кроватке
Сам Гагарин князь [1] лежит,
Он лежит, лежит, лежит,
На живу рыбу глядит,
Таки речи говорит:
— Кабы бог мне дал пожить,
Во Сибири послужить, —
Я построил бы палатушки
Не этакие,
Право лучше, право чище
Государева дворца,
Разве тем только похуже, —
Золотого нет герба.

[1] Князь Гагарин — сибирский губернатор, взяточник, грабитель населения подчиненной ему области.

ДРАМА ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

В петровское время было три центра, где развивалась русская драма: Киево-Могилянская академия, Славяно-греко-латинская академия и Московская хирургическая школа.

В Киевской и Московской академиях преподавателями сочинялись, а учениками разыгрывались религиозно-церковные драмы на сюжеты, взятые из библейской истории. Строились они по правилам, установленным схоластическими средневековыми теоретиками.

С начала XVIII в. школьная драма видоизменяется — в ней зазвучали отклики на происходившие тогда «мирские» события («Божие уничижителей... гордых уничижение» и др.). Самой выдающейся школьной драмой, выходившей за рамки этого жанра, была трагедокомедия «Владимир» Феофана Прокоповича.

В Московской хирургической школе был организован школьный театр. Две из дошедших до нас пьес, ставившихся в этой школе, написаны Федором Журовским, бывшим воспитанником Славяно-греко-латинской академии («Слава российская» и «Слава печальная»). Пьесы эти по форме примыкают к обычной школьной драме, но по содержанию своему отходят от нее: Журовский пишет исторические драмы, следуя традиции, шедшей от Феофана Прокоповича.

СЛАВА РОССИЙСКАЯ

(Отрывки.)

[В «Славе российской» два акта. В первом действии изображается упорная борьба России с многочисленными врагами, победа над ними и славный мир, во втором — прославляется Екатерина I.]

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 3

Турция, Персия, Полония, Швеция гордятся о своей силе; Слава виктории Российския гласит та же **России** с **Марсом** идущей; оные скрываются.

Турция. Мое полномощество всем есть объявленно,
Ни единому царству есть весма сравненно.
Где есть славна Греция, аще не за мною?
Кто ко мне днесь кинется с голою рукою?

Треми частми из света едина владаю,
Никого от противных себе быти чаю,
Аще же кто противиться дерзнет отчаянне,
Тот падет на острии меча окаянне.

П е р с и я. Многими аз богатствы всегда изобилна,
Не издам никогда же аз гласа умилна.
Многие мне царствия рабско покоренны
И под мою державу весма преклоненны;
Не буду иным царством аз дани давати,
Но еще буду иных в плен к себе взимати.
Кто Персидского царства не знает пространна?
Убоится и храбрый оружия бранна.
Богатством вся блистает, чудными товары:
Кто ей может нанести каковые свары?
Окрестные царства мне суть покоренны,
Скифы же и армени мне соединенны,
Вси, чаю, возмнят мене быти полномощну,
Златом, драгим богатством не весьма же тощну.

П о л о н и я. Аз же какова храбра являюсь на свете,
Сие, чаю, всем царствам есть весма в примете.
Знают мя, Полонию, вси высокоумну,
В различных художествах зело быстроумну.
Прочие многи грады мя и огнь ссекоша,
Храбрых воев телеса мечи прободоша;
По окрестным мя царствам храбру признавают,
Смиренно свои скиптры под нозе склоняют.

С в е ц и я. Стати не может никто со мною в раздоре
Ниже в сухопутии, но ниже на море.
Всяк мене кавалера признавает славна,
Никого не боюсь, врага хотя и главна.
В военных артикулах обучен жестоко,
Водружу врагом раны в тело преглубоко.
Нанесох злая всяка России безмерно,
Поступах в баталиях всегда лицемерно.
Не будет, чтоб орел лву показал победу,
Не успеет за собою показать и следу.

С л а в а. Услышите от мене гласы неслыханны,
Яже предлагаю вам чудеса пространны.
Прежде злые пагубы Россию сретали,
Ныне на ню вся блага себе излияли;
Вси, иже прежде на ню роги возносиша,
Ныне ся ей покорне под нозе смириша.
Воцарится преславно Россия блажима,
В вечные убо роды будет недвижима.
Сие вси от мене днесь изрядне внушите
И России под нозе себе преклоните.

T u r c i a. Против мене Россия не может восстати:
Войска есть бесчисленно, буду их топтати.

Новая диковинка и пречудно диво,
Егда против множества станут нам противо.
Polonia. Что се нечто слышится весьма неслыханно,
Что се днесь об России благовествованно,
Яко она над нами будет обладати,
Мы же ей всесмиренне главы преклоняти?
Не изучихся баснем всяким уверяться.
Может иногда всяко в народе солгаться.
Svecia. Како неучены нам вооружатся,
Егда хитростнейши вои ополчатся?
Никогда не боюсь, что хотят, вещают:
На себя мои храбры вои уповают...
Mars. Не сии ли на тебе злобно воеваша,
Почто убо свои днесь в бег ноги предаша?
Видевше тя мужеством лепо украшенну,
Отселе не сотворю тебе побежденну.
Не бойся, побеждати будеши отселе,
Возложишь всех недругов на смертной постеле.
Pallas. Кто вас зде неученых ныне нарицаше?
Кто смело бесстыдные слова испущаше?
Мудростию зелною, зри, коль даровання,
Всегда убо будеши со мною сохранна.
Rossia. Вас нигде в забвении буду полагати,
Стану в нуждах совета вашего прошати.
Бедна прежде Россия, ныне же коль блага,
Егда мя посетиша времена предрага.
Уже не буду ныне стонать тяжко горе,
Егда Нептун безбедно обещает море.
Тако же и на поле аз не устрашуся,
Егда Марса в помощи видеть сподоблюся.
Тебе же, премудрости Палляду богиню,
Имети себе буду присную другиню.

ЯВЛЕНИЕ 4

Мир государств с Россиею, их же скипетры Россия венчает. Марс безоружен отпочивает. Турция в раздоре отходит.

Persia. Не чаях воистину Россию быть славну,
Ныне познаю тебе во всем быти державну.
Слышах прежде бесчестну, ныне благородну;
Прежде и дань даяше, а ныне свободну.
Не знах аз Россиянов так быть марсоватых,
Зрю всех крепких и сильных, хотя староватых.
Чаять ли персам в гости российских героев,
Аж владетели стали дербентских покоев.
Войска так регулярна не было и флота,
Славнейша Петербурха, не было Кроншлота.

Тем твоя днесь, Россие, героична сила;
Твоя слава Персию зело убедила.
Российску всегда в чести да имать корону,
Сприят будет согласно российскому трону.
Polonia. Нечаянно взлетела российская слава,
Взгласила, что Росска славна есть держава,
Виктории повсюду глашаше трубою,
Вскоре склонихся к сему моею ногою.
Чаях, что всегда буду дань от Россов брати
И в российских квартирах преславно стояти,
Аж российский Марс выгнал мене, ох! жестоко,
Водрузил мне и раны зело преглобоко.
Оттоле до ныне вас признаю быть силных,
Не слышу от Россиян гласов быть умилных.
Тем покорна тебе, Россие, являюсь,
В крыле орла российска ныне укрываюсь.
Svecia. Российский орел со лвом билися доволно,
Свейскому птица зверю ранит ногу болно.
Чрез толко лет Свеция с Россами трудилась,
В баталиях никогда я не поживилась:
Лучше в мире быть с тобою, Россие, желаю,
Свейского Марса в покой аз днесь отсылаю.
Rossia. Слышах ваши гласы
Между сими часы,
Рассудих быть добры
И советы бодры,
Преславны уветы,
Украсятся цветы,
Что так возгласисте,
Всем днесь возвестите,
Российску честь, корону
И ея же трону
Всегда быти верных
И другов безмерных;
Лучше жити в покои,
А оставить вои,
Сему согласую,
Всем днесь ответствую:
Короны наши
И скипетры ваши
Днесь соединятся,
Лявром украсятся.

1724

ИНТЕРМЕДИЯ

Параллельно с школьной драмой шло развитие небольших сценок, вставлявшихся между действиями драмы и получивших название интермедий или междоречий. Возникли интермедии в Киеве, в XVII в., а затем перешли в Москву. Интермедии в XVII в. были большей частью связаны с содержанием разыгрывавшейся драмы. Интермедии своими традициями уходят в народный анекдот, скоморошью присказку, прибаутку. Интермедии можно рассматривать как преддверие к русской комедии XVIII в.

1

Исходит Старик и глаголет:

Увы мне бедну! Весь изнемогаю,
Частее стеню, неже отдыхаю:
Старость глубока зело ми стужает,
Недугом тяжким вельми озлобляет.
Ноги не крепки, не служат и руце;
В новой на всяк день есмь недугов муце.
Глава ми болит, стомах зазнобися.
Сердце печально, все тело растлися;
Уши не слышат, очи видят мало;
Бодрость и действо всех удов престало;
Язык не хощет усты разверзати,
И зубы хлеба не могут сожевати.
Живы хожду труп, весьма неключимы,
А от скудости зело есмь мучимы;
Хлеба не имам; риза вся раздранна.
Не вем над мене в мире окаянна.
Зима лютая вельми досаждает,
Мертвеца суща в дрова изгоняет;
Сещи не могу, обаче искати,
Не возмогу ли готовых собрати?

(Пойдет за завесу и абие с дровами исшед, глаголя.)

Бог ми пособил: наидох дрова сия.
От них же болит зело моя выя.
Ох! утрудихся! Не могу носити.
Лучше умрети, неже в нужде жити.
Бог мя оставил за преступления,
Не посылает мне умерщвления.
Юные мнози везде умирают,
Старика тленна жити оставляют.
Ей, смерть есть слепа, не видит, что взяти:
Мало в ней ума, не весть рассуждати:
Юным есть горька, а тех похищает;
Мне бы была сладка, но мя оставляет.
О смерть! где ты? камо заблудила?
Вскую бедного старика забыла?

Потщися ко мне, возьми мя до себе:
О коль аз давно ожидаю тебе!

Смерть (*изыдет и глаголе*).

Что, старче древни, слезно вопиеши?
Чесо мя ради до себе зовеши?
Имя ми есть Смерть. Аз мир умерщвляю,
Души от телес людских разлучаю.

Старик. Честная Смерть! ничто мне с тобою,
Живи в дружестве добром ты со мною.
Иннии люди семо прихождаху,
Тии до себе тебе призываху.

Смерть. Не льсти мя, старче! По гласе тя знаю.
Чего хощеши, повеждь, вопрошаю.

Старик. Прости мя, Смерть! Се правду вещаю:
На помощь милость твою призываю,
Пособи дрова на плеща возложити.
Твоим пособством престану тужити.

Смерть. Старче лукавы! что се ты твориши?
Непрельстимую богатырку льстиши.
Не мое дело в дровах ти пособляти;
Аз вем телеса ваша в гроб хищати.
Обаче тебе имам пособити,
Да скорее в гробе можешь почити.
Се коса моя дровам ся касает,
Гроб тя древяны в дому твоем чает:
Прощайся с людьми и богу молися,
Утро в могилу ко мне ты ложися.

Старик. Увы мне! увы! Что имам творити?
Вскую аз дерзнух Смерть к себе гласити?
Сам ю возбудих, яже твердо спаше,
Мене мертвити не у помышляше.
Прельстихся бедный. Лучше бе молчати.
Воли божия в готовости ждати.
Уже днесь время приде умирати.
Извольте вы мне прощение дати,
Бога за душу мою помолити,
В последней нужде любовь мне явити.
Сами здравствуйте на лета премнога!
Званием Смерти не гневайте бога.

(Смерть косою косит, старик упадает.)

2

Изыдет Астролог с трубкою и глаголет:

Изыду в люди, в мире проявлюся,
Многим на пользу пожити потщуся.
Прежних весь мой век в науках премногих,

Вем пользовати богатых, убогих.
Наипаче буду на звезды глядати
И будущая людем провещати.

(Вымет трубку и смотрит на звезды и глаголет.)

Доброе лето имать ныне быти,
Жито, пшеницу хощет нам родити.

(Паки посмотрит и глаголет.)

Ученым людем мало будет чести,
Едва довольно дадут пити, ести.

(Паки посмотрит и глаголет.)

Правды не станет, лжа по градом ходит,
Гнев божий весьма по себе приводит.

(Паки посмотрит и глаголет.)

Добро жити совещаю,
Хищников много быти познаваю.

(Ту, снимя с себя одежду и положа, смотрит паки; в то время тать покрадет, а он глаголет.)

Благое ведро ныне имать быти,
Ни капля дождя восхощет мочити.
Всуе опанчу носящи, трудихся:
Нигде водою аз, мню, омочихся.

(Паки смотрит и глаголет.)

В чужих потребах мудрыми бывают,
Сами в своей беде ничесоже знают.

(В то время дождь его обольет, он же глаголет.)

Откуда дождь сей? Звезды не являху,
Паче ведро велик вещаху;
Взяти опанчу, чтобы ся окрыти.
Не чаях дождем днесь омочен быти.

(Кинется до опанчи; не обрет же ея, глаголет.)

Увы мне, яко в небо засмотрихся!
Опончи, шапки чрез воров лишихся.
Обаче еще имам усмотрати,
Егда возмогу татя поимати.

(Паки посмотрит и глаголет.)

Счастливый путь небо мне проявляет,
За татьми скоро в путь идти повелевает.

(Ту бежит скоро и впадет в яму, а мужик, пришед просты и глаголет.)

Се тебе, глупче, что высоко зриши,
А на землю под ноги не смотриши.
Ты будущая дерзну провещати,
Твоих случаев не возмог познати:
Впал еси в яму темную глубоко
За то, что в небе зрел еси высоко.

Лучше под ноги прилежно смотрети,
Землю копати, неже в звезды зрети.
Полежи в яме мало, потружайся;
Да то извлеку, три дни дожидайся.

(И отходит за завесу.)

3

(Херликин пришел к судье, подает доношение.)

Судья. О чем твое прошение?
Херликин. Тому явствует мое доношение.
Судья *(отдает секретарю)*. Секретарь, доношение сие прими
И, о чем явствует, прочти.

(Херликин кланяется.)

Секретарь. Во учрежденную для всяких
Расправ канцелярию покорное доношение,
Понеже известно мне учинилось,
Что для всяких расправ канцелярия учредилась,
Дабы всякие обиды и налоги, напасти,
Притом наглости, беспокойства и страсти
Всякие, справедливо розыскав, решить
И достойным по делам наказания чинить,
Тако ж всякую вольницу от буйства их воздержать,
Чтоб возможно было от беспокойства избежать.
Мне же есть издавна немалые обиды,
Яко то от мух, комаров и прочия проныры,
Ни днем, ни ночью нет покою от них нигде,
Но сыскивают человека, хотя б запершись везде,
Поют, шумят, а иные дерутся,
Сколько ни выгоняешь, все в избу жмутся.
Не имеют себе никакого стыда,
Но только лезут всегда в глаза,
Притом некоторые жестоко жиляют
И погибели же своей ниже не чают.
Какое же бы кушанье и питье ни поставлялось,
Без того нельзя, чтоб их в то не навалялось.
Всегда прежде хозяв смакуют
И через то людей весьма не респектуют...
Того ради оную канцелярию прошу,
О чем я выше сего доношу,
Со оными плутами так поступать,
Как вящи повеления велят,
Дабы они от вышеписанного буйства унялись
И впредь бы противу людей не дрались,
Или мне прошу поволить
Управляться с ними дозволить.

В том мое состоит и прошение,
Чтоб было учинено решение.
Вместо Епикура руку приложил
Сибирский дворянин Иван Курин.
Числа, значит, и месяца
Сего году писано нынешнего.

Судья. По доношению в резолюцию тако:
Управляться тебе повелеваю самому всяко,
Понеже брать их под караул, сажать некуды,
За множеством не укараулишь, солдаты все рекруты:
Иди теперь и управляйся с ними смело,
Где их сколько ни найдешь, там и бей не жалея.
Взыску за то никакого не будет,
А их понескольку убудет.

Херликин. Хотя и до смерти?

Судья. Поди уже, не медли,
Секретарь, подпиши на доношение помету
И в том учини ему быть неотменну,
Чтоб бить ему мух самому везде,
Не исключая никаких и нигде.

Секретарь. Слышу ваше определение
И подпишу все повеление.

Херликин *(оборотясь к народу, говорит)*. Куда я сему рад!
Станут за то и мне давать,
Чтоб я только не бил
Или бы их обходил.
Вот и сидит первая,
А вот здесь другая.
Ах! Ты сидишь наверху?
Не уйдешь у меня и на лету.
А ты думаешь отсидеться на полу,
Сыщу тебя и в углу.
Охо! Какова воровата
Сяду де на судью, будто и неторовата! *(Ударит судью.)*

Судья. За что ты бьешь меня?

Херликин. Молчи, я — муху, а не тебя!
Так и сюды уже поспела,
Эдак она где села! *(По сем ударит секретаря.)*

Секретарь. Изрядно присудил.

Херликин. Я уже многих убил.
Вот там, вот сям,
Вот зде и везде,
Аха, ха, охо, хо! *(И тако с тем судей прогоняет.)*

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ
(1681—1736)

Феофан Прокопович — виднейший общественный и политический деятель первых десятилетий XVIII в., ближайший помощник Петра I, блестящий оратор, талантливый писатель и теоретик литературы.

Родился Феофан Прокопович в семье киевского мещанина, рано осиротел, образование получил в Киево-Могилянской академии, затем учился в Риме, в коллегиуме. По возвращении на родину Прокопович принимает монашество и поступает в Киевскую академию в качестве преподавателя, где преподает пиитику, риторику, логику, философию, богословие и, кроме того, читает лекции по физике и математике. Прокопович стал известен Петру, начиная с 1706 г.; он приветствовал Петра при проезде его через Киев перед Полтавской битвой и после нее, сопровождал его в Прутском походе. В 1715 г. Прокопович был вызван Петром в Петербург, куда приехал он в 1716 г.; в 1717 г. Прокопович был назначен епископом в Псков, но большей частью жил в Петербурге, сделавшись одним из самых близких к Петру людей. В дальнейшем Прокопович был новгородским архиепископом и фактически возглавлял синод. При Петре II во время господства реакционной аристократической группы Долгоруких — Голицыных положение Прокоповича стало очень тяжелым. При вступлении на престол Анны Ивановны он выступил против «затейки верховников», в связи с чем положение его упрочилось; в дальнейшем, однако, во все последующие годы до конца жизни Прокоповичу пришлось упорно бороться с многочисленными своими врагами.

Феофан Прокопович

Прокопович — плодовитый писатель, перу его принадлежат произведения самого разнообразного характера: юридические и законодательные («Духовный регламент», «Правда воли монаршей», предисловие к «Мор-

скому уставу»), педагогические («Первое учение отрокам»), научно-теоретические («De arte poetica»), художественные (трагедокомедии «Владимир», «Епиникион» и др.), «Слова и Речи», носившие в значительной степени злободневный публицистический характер.

Феофан Прокопович был одним из самых образованных людей своего времени. Знаток философии и художественной литературы — античной и эпохи Возрождения, рационалист, поклонник Декарта и Бэкона, Феофан Прокопович был сторонник просвещенного абсолютизма, причем лучшим выразителем его он считал Петра I. Прокоповича можно назвать гуманистом-просветителем: он отстаивал равенство всех людей перед судом, выдвижение на высшие ступени в государстве по личным качествам, он верил в великие творческие силы, заложенные в человеке, верил в победу этих сил. Прокопович был страстным врагом невежества, обскурантизма, организатором «Ученой дружины». В то же время необходимо помнить, что Прокопович был воспитанник схоластической школы и религиозно-церковная схоластика в его идеологии сказывалась.

Феофан Прокопович занимает видное место в истории русской литературы — он был одним из зачинателей раннего русского классицизма, учителем А. Кантемира, предшественником М. В. Ломоносова.

ПУБЛИЦИСТИКА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

1. ИЗ «ДУХОВНОГО РЕГЛАМЕНТА»

(Отрывок.)

О возрождении наук[1]

«Ведати же подобает, что от пятисотного до четыредесять сотного году, сиесть через девять сот лет, во всей Европе, вся почитай учения в великой скудости и неискусстве были: так что у самых лучших авторов во оные времена писавших, остроумие видим великое, а света великого не видим. По четырехсотном на тысячу годе начали проявлятися любопытнейшии и потому искуснейшии учители, и помалу многие Академии гораздо великую, и почитай от древних оных Августовых лет, большую силу возимели: многие обаче училища в прежней тине остались, так что у оных Риторики и Философии и протчих учений, имена точию суть, а дело не тое. Причины того различные, суть которые зде за краткостью не вспоминаются».

2. ИЗ «СЛОВ и РЕЧЕЙ» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

(Отрывки.)

1

О великих творческих силах человека

«И не без великого удивления сие есть; аще бо могли быхом удивитеся пределу толикия крепости в нечувственной натуре, кольми паче ко удивлению возбуждает ум человеческий таковое от естества

[1] Названия отрывков даны составителем хрестоматии.

своего подлежащее немощи вещество, человек глаголю, сей всем внешним и внутренним душевным и телесным страданиям подверженный. Но зри, что не творит? Коих тяжких случаев чрез себе не пропущает? Коих отовсюду окрестных обстояний не сносит? Коих бедств, коих лютых злоключений не подъемлет? Коих трудов и подвигов не содержит в себе и не вмещает? Коих удручений не претерпевает? словом: всегдашний подвиг, ни единого покоя, внеуду брани, внутрьуду боязни; обаче нитако взнемогает, не ослабевает, не унывает».

2

О возрождении Русской земли

а) «Как незапно да вельми знатно... стала в славу, в пользу возрастати Россия! растет человек, растет древо, ведаем, да никакими очима не можем усмотрети растительного движения, а мир весь ясно видел, как народ Российский, когда весьма ему исчезнути многии провещали, возрастал высоко и аки бы подымался, от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу... Вещь воистину неслыханная! в одном времени и вооружала и украшала себе Россия!.. Чудо чудес, что новое в России воинство вдруг воевати училось и победительне воевало».

б) «Что бо была Россия прежде так недолгого времени? и что есть ныне? ...Посмотрим ли на градские крепости? имеем таковые вещию, каковых и фигур на хартиях прежде не видели и не ведали... Отверзем статьи и книги судейския? Колико лишних оставлено, колико здравых и нужднейших прибыло вновь. Уже и свободная учения полагают себе основания, идеже и надежды не имеяху, уже арифметическия, геометрическия и прочие философския искусства, уже книги политическия, уже обоей архитектуры хитрости умножаются».

3

Об умалении народных тяжестей

«В отечестве нашем видим ныне, видим различие людей в одеждах, в домовых зданиях и именах, на суде различия не видим: все равны суть... Како же образуется народ миром, аще сладких плодов его не причастится? Плод же мира от внутри есть умаление народных тяжестей, что будет, естьли не будет расхищения Государственных интересов. Плод мира есть своей всякому чести и имения целость, щитом правды сохраняема, что будет, естьли не будет в судах тлетворныя страсти и злодейственных взятков».

4

Сатира на придворных льстецов

«Когда слух пройдет, что Государь кому особливую свою являет любовь, все к тому на двор, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати и умирати за него будто бы готовы, и тот службы

его исчисляет, которых не бывало, тот красоту тела описует, хотя прямая харя, тот выводит рода древность из-за тысячи лет, хотя бы был харчевник или пирожник. Найдет как бы похвалити и кашель господский. Услышит о болезни, господину тотчас свои ломы и шумы повествует, каков в историях хитрец Клеон, который увидав, что Дарий себе ногу повредил, тотчас хромати начал с великим стенанием».

ИЗ «ЕПИНИКИОНА»

Летит Свей, летит купно зменник неистовий!
Камо духом бесовским бежиши носимий,
Студе веку нашего, вреде нестерпимий?
На отца отечествия мещеши меч дерзкий.
О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любовь отчую и презрев самаго
Твердый закон естества; обаче се благо,
Яко скорий есть на казнь, косний сий на дело.
Бежете, скорой мести требе, скорой зело.
Но и зде непостоян злий зменник явися,
Зменник царю и Марсу; егда бо открися
Поле бою страшного, не токмо входити
Во ратний огнь, но ниже издалече зрити
Не дерзну; но сугуб студ прият место рани.
Не постоян во вере — трепетен во брани!
Зрем же, что и Свей дерзкий силою своею
Успе храброй России, боряся со нею?
Блесну огнем все поле, многие во скоре
Излетеша молния. Не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
Ниже тако гром с темних облаков рикает,
Яко гремят арматы — и гласом, и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом.
Страшное блистание, страшный и великий
Град падает железный: обаче толикий
Страх не может России сил храбрых сотерти,
Не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю! о воине сильный!
Узре посреде огня, объят я страх зильный,
Вострепета и крайней убоялся страсти,
Дабы в едином лицу всем не пришло пасти.
Но не попусти прийти бедству таковому
Бог сильный, абие бо от горнего дому
Ниспосла щит, им же во лютое время
Хранит гради и царства, и людское племя.
И вся на главу твою и на твои силы
Летущие сотвори бездельние стрелы.
. . . .

О сем преславном деле, в песнех неслыханном,
Пети будет весельник по морю пространном.
Пети будет на холме путник утружденный,
И оповесть иногда леты изнуренный
Старец внуком, и яко — своима очима
Виде то — старца внуци нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный
На мир весь, сугубому верху подложенный.
Всяк слышай, сомнение мысли в сердце приимет,
И всех силы твоея страх велий обиимет.
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати,
И не дерзнут русского Марса раздражати...

ТРАГЕДОКОМЕДИЯ «ВЛАДИМИР»,

славенороссийских стран князь и повелитель от невирия тми в свит евангельский приведенний духом святим от рожества христова 988, нини же от православной академии могилеанской и киевской на позор российскому роду от благородных российских сынов, добре зде воспитуемых, дийствием, еже от пиит нарицается трагедокомедия, лита господня 1705 июля 3 дня показанний.

(В сокращении.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Я р о п о л к. З бездн подземних, з огненной вихожду геенни
Ярополк, братним мечем люте убиенний,
Брат князя Владимира. Ни! Глагол сей ложний:
Яко не Владимир мой брат есть, но безбожний
Братоубийца. Кая лесть! Многажди красно
Имя будет, но своей вещи несогласно:
Владимир владиние мира знаменует,
А брат мой с родственною кровию воюет.
Брат мой, — о горе! и се глагол неистовий:
Враг мой, супостат мой, жрец моея есть крови!
Сия ли знамения братной любви? Сие
Усердие ко брату? О вик мой! О дние
Лукави! да помрачит вас мрак нечаянний!
Но где есм? О люте мне! Где есм окаянний?
Что вижду? Киев се есть. Горе мне! О горе!
Умерший единою, се уже повторе
Умрети чаю. Почто, плачевний удоле
Адский, послал мя еси семо! Сие поле
Болшую скорбь и позор лютейший имеет:
Увидит мя Владимир и паки убиет.
Аще же и не может меч духа убити,
Обаче кая туга, кая скорбь — видити

Миста сия! Зде княжий престол, зде державу
Всероссийской области и толику славу
Брат завистний содержит; аз же приях рани,
Аз смерть подях горькую, тоеяжде страни
Отчичь, дедичь, наследник. Кто от вас, о бози,
Тако владиет миром? Един или мнози
Промисл вещей имате? Такова ли ваша
Правда? Братоубийци честь за казнь прияша,
А его же убиша, смерти неповинна,
Еще в ров есть низвержен темний! О безчинна
Сонма вашего, бози! Но кая мя сила,
Чия вражда на сие мисто понудила
Изийти з бездн адових? Скорб тамо велика,
Но горее от огня гризет человика
Зависть неутолима. Зде убо утробу
Мою зависть снидает, зде мене ко гробу
Болезнь влечет внутрная. Лучше бы умрети
Паки: тако не могу окаянний зрети
На цвитущую область враждебного брата.
Зде его сокровища, зде царска палата;
Зде враг мой, на престоле сидя превисоком,
Сам честен сий прочиих величавим оком
Презирает. Сам токмо драгий, свитлий, златий,
Прочии, пред ним просто не смиюще стати,
Гиблют себе смиренно; инний же поднозе
Пад, лежит и бездушен трепещет на мнозе.
Мнози от иноземних приходят со дари,
Господем зовут; он же, окружен боляри,
Легким степенем семо и овамо ходит
И, всих удивляющи, бров горду возводит.
О люте мне! люте мне! Весма исчезаю,
Весь гину от зависти и не ощущаю
Вутроб во мне ражженных. Вещь есть невозможна
Не завидети тому, иже брат сий, ложна
Имени искренному брату в своей части
Завидит и завистной не наситит страсти,
Аще не в братней крове меч лютий упоит.
Коих убо зол ему желати достоит?
О граде тяжкий моим очесем! О злаго
Жилище разбойника! Добре таковаго
Князя достоин еси, аще болезнь чужда
Не болит тебе, аще неправда и нужда
Имать мисто у тебе. И еще повсюду
Проносится висть, не вем, исшедши откуду,
Аки бы христов закон в тебе имать быти,
И з богами Владимир дерзнет брань творити.
Христе! аще ти еси цар и господь всея
Твари, где суд истинний? где правды твоея

Неложное мирило? Убийца во славе
От тебе винчан будет, и тако державе
Твоей угождается! Сродственния крови
Губитель любим тебе. О суд неистовий!
Но вы, бози лучшии, привратете семо
Уми прозорливие; виждите, что творемо
Зде будет: Владимиру брата не довлеет
Убити, брань вознести на богов имеет.
Что вам мнится? Тебе же найпаче, державний
Перуне? Видел еси, когда мя злославний
Убиваше мучитель, и стрел огневидных
Отнюд не пустил еси и сих всих безбидных
Разбойников сотворив. Вижд, что имать быти:
Брат мой тебе ж самого хощет сокрушити.

ЯВЛЕНИЕ 2

Ж е р и в о л (волхв), Я р о п о л к.

Ж е р и в о л. Кто зде тако на боги хулит?
Я р о п о л к. Стой, не бойся.
Ж е р и в о л. О люте мне!
Я р о п о л к. Не бойся.
Ж е р и в о л. Перуне! устройся!
Помози, силний боже!
Я р о п о л к. Что тако безумен
Стал еси, Жериволе? Или дитоумен
Вик тебе возвратися? Ни ли мене веси,
Кто есм аз? Стой, не бойся. Кии тако беси
Возмущают и мещут?
Ж е р и в о л. Вем тя, о владико:
Князь Ярополк еси ти.
Я р о п о л к. Что уже толико
Вид мой устрашает тя?
Ж е р и в о л. Мертва тя слишахом,
Того ради видяй тя колеблюся страхом.
Я р о п о л к. Вем се, яко на мертвих и зрити живии
От трепета не могут; но позори сии
Тебе, мню, не страшни суть: ти тайними слови
Каменнии от гробов открываешь крови
И гниющие уже возбуждаешь тила;
К тому воздушных, лисних и геенских сила
Духов повинуется тебе, а на чари
Твои слонце минится, померкают зари,
Ден во тму облачится. И недавно, в темной
Сетующе геенне, слишах от подземной
Страни глас приходящий, — пение то бяше
Таин твоих: абые все сонмище наше

Вострепета, сам токмо цар не ужасеся,
Но позна глас и, егда многое стечеся
К нему полчище духов: «поспишно летите», —
Рече, — «Жеривол гласит; что велит, творите».
И многих посла к тебе.
Ж е р и в о л. Всегда аз довольний
Любве его, за что есм сам в себе неволний,
Ни свобод, в раба ему з тилом и душею
Вично себе написах кровию моею.
Недавно он мне присла дар неоциненный,
Злат сосуд, некоея сили исполненний,
От него же мало что, аще испиваю,
Абые со мертвими и с биси дерзаю
Сходитися. Тебе же ныне устрашихся,
Яко сили тоея еще не напихся.
Прости, о владико мой! Не буди твоему
Противно величию, дажд крепост моему
Малодушию.
Я р о п о л к. Несть в сем моей укоризни,
Не требе гнушатися царской даровизни.
Ж е р и в о л. О висти сей веселой! Кого вижду, княже?
Ярополк еси, добре знаю. Коея же
Вини к нам пришел еси от мертвих?
Я р о п о л к. Вас ради.
Ж е р и в о л. Како?
Я р о п о л к. В бидах ваших вам желая отради.
Не прииде ли вам в слух, что ваш умишляет
Князь на ви?
Ж е р и в о л. Что новое? Он давно являет
Свирепство свое: уби тебе, брата родна.
Я р о п о л к. Жертва великих богов несть к тому свободна.
Ж е р и в о л. Что слышу?
Я р о п о л к. Християнский закон восприяти
Умысли, от богов же всячески отстати
Хощет.
Ж е р и в о л. Га! га! га! га! га! Истинное слово.
Аз сам без висти сея (повим нечто ново,
А вам несвидомое), аз (глаголю вирно),
Аз первый подзрел его, яко лицемирно
Начат богом служити: слиши тайну странну.
Первие он ко богом и жерцом пространну
Име руку и, егда жертву приношаше,
Радость, праздник, торжество, веселие наше
Бе тогда: воли толсти и тучние крави
Убиваеми бяху и довольно страви
Не бози токмо, но и жерци имеяхом
И не токмо ни мало тогда не стужахом;
Но, — вируй ми, о княже! — жрец Перуна, бога,

Добре чрево исполнил от тука премнога
Со Перуном (веси, что имам глаголати),
Со Перуном могох мя в тили соравняти.
Но уже тую щедрость измини. О студа!
Даде вчера едина козла, тако худа,
Тако престарилого, тако бестилесна,
Тако изнуренного, иссохша, бесчестна,
Тонка, лиха, немощна, бескровна, бесплотна, —
Еще ножа не приях, а смерть самохотна
Постиже его. Гнив ли уби его божий,
Или яко не бе в нем кроме едной кожи
И под кожею костей, тилесе ни мало?
Что убо мнится тебе? Кое се настало
Время? Не нам се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрут бози.

Я р о п о л к. Еще прежде глада
Побиет их Владимир: дерзнувий пролити
Кровь братнюю, дерзнет он и боги побити.

Ж е р и в о л. О лютой сей дерзости! Но повежд подробну,
Молю, коим образом тако неудобну
Смерть подъял еси; аз бо ничтоже вем инно,
Токмо яко брат брата умертви бесчинно.

Я р о п о л к. Сведом вам есть наш давний свар [1]. Но се не буди
Дивно: претикаемся часто, суще люди.
Зрете, яко неравни братние бывают
Сердца. Уви! вышь миры себе возвышают.
Владимир, мний возрастом, долженства своего
Ни мало не помяну, ни проси моего
Он, престарилой сущей злоби, мира; мира
Аз убо просих, но не бяше его мира
Злоби. Не могий убо явним и оружним
Видом мя побидити, побиди безмужним.
Лесть приявт вместо меча: мнится быти мирний
Во слове, в сердцы же ношаше яд звирний.
З моего ж он хищний смирения сити
Соплет на мя: взивает дому посетити
И утвердити завит. Аз прост и ничтоже
Злого в толицей любве чаяй, — не бо може
Вирная любовь быти, ни распра почиет,
Где любви знамения вира не имиет,
Пойдох аки ко брату. О день! о час лютий!
Камо идох безумен? Трикрати на пути
Конь преткнулся, трикрати вран прелете черний,
Третий час дне трикрати нарекох вечерний;
Воспящаше мя и друг, даяй совет здравий.
Но не воспященни суть божии устави!

[1] То есть ссора.

Прийдох уже ко дверем, чаяй, яко тими
Вхожу в дом братний, — внидох во мрак вичний ими!
Егда бо праг преступих, отсюду и сюду
На мечи мя подъяша, моих же оттуду
Всих воев воспятиша; еден со двоими
Всуе брахся, весь люте на мечах носимий.
Яко медвидь, ему же в перси ловец силний
Вонзет рожен, мечется всуе и бездилний
Гнив ярит и, елико борется крипчае,
Толико вонь желизо входит глубочае:
Сице аз бидний брахся, послиди же тамо
Падох и, валялся семо и овамо
В крови моей, сугубим путем пустих душу.

Жеривол. Не могу аз слышати, но отмстити мушу [1].
О бози! помозете. Аще мои писни
Силни суть и могут что, да пройдут в безвистни
Миста, в дебре, в пещери, в рики, в биздни, в гроби,
В глубокие великой Матери утроби:
Подвигну мертвых, адских, воздушных и водних,
Соберу духов к тому же звирей многородних,
И совокупно прийдут змии страховидни,
Гади, смоки, полози, скорпии, ехидни;
Совлеку солнце з неба, помрачу свитила,
День в нощ претвору: будет яве моя сила.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Куроянд, жрец *(поет)*. Слишите празднична рога:
День прийде Перуна, бога, —
День шумний, бурний, ужасний,
Праздник громкий, велегласний.
Слишите, рустие люди!
Доми, орудия, труди,
Торги, купля оставите,
Спешно на праздник идите!
Воли, крави избирайте,
Толстие жертви давайте!
Он есть бог молниелучний,
Любит мяса зело тучни.
Слишите празднична рога,
День прийде Перуна, бога.

[1] **Мусить** — быть должным.

ЯВЛЕНИЕ 2

Пияр и Курояд, жрецы.

Пияр. Курояде! престани! престани! престани!
Курояд. Что тако, о Пияре?
Пияр. Всуе ныни страни
Оглашаеш, понеже не будет днесь жрома
Жертва, не движи людей.
Курояд. Невежо! есть грома
Праздник.
Пияр. Честний Жеривол есть не готов.
Курояд. Како
Жеривол есть не готов?
Пияр. Не готов есть всяко.
Курояд. К чему он есть не готов?
Пияр. Не готов есть жерти.
Курояд. Дадите ми, о бозе, да аз тако терте
Возмогу кури моя, яко он всецило
Трет воли безмерния! И на сие дило
Что есть нужно, молю тя, повиждь.
Пияр. Несть удобна
Времени, яко вижду.
Курояд. Вещь се неподобна.
Жерти ему несть время? Прельщаешься, друже,
И вируеши тако, я виры нейму же:
Он бы хотел, дабы был праздник беспрестанний.
Аз дивную вещь видех: когда напитанний
Многими жертвами он лежаше в охлади,
А чрево его бяше превеликой клади
Подобное; обаче в ситости толикой
Знамение бысть глада и алчби великой:
Скрежеташе зубами на мнозе без мири,
Движа уста и гортань! И достойно вири
Слово твое, Пияре: «время не имиет?»
И во сне жрет Жеривол.
Пияр. Се не разумиет
Любимий мой Курояд Пиярева слова!
Рех: «не имать времени», видя не готова
Его быти.
Курояд. Мню, зубов не изостри или
Не испраздни стомаха.
Пияр. Ругаешься; ни ли
Ти во грих вменяеши дерзок смих творити
З мужа толь велебного? Что ж имеет быти?
Веси попа сего.
Курояд. Почто праздника не творит?
Пияр. Ныни и се довлеет.

К у р о я д. То он нас поморит
Гладом.
П и я р. Нужда терпити.
К у р о я д. Но молю тя, кая
Нужда се необична?
П и я р. Аз, дрова сбирая
На жертву, ходях ныни сквозе лис пустинний,
И се бижаше скорий, простовлас, бесчинний
Жеривол и, от земли вихром подносимий,
Не позна я на пути; но неудержимий
Биг творя, пущаше вопль в дебры необичний.
От всих же стран пустини страшни и различни
Отповидаху гласи и свисти, и кихти.
К у р о я д. Скорбь некую имеет.
П и я р. Того ради рех ти,
Яко нест готов жерти.
К у р о я д. Убо потерпемо,
Что се будет. Но се он, се он бижит семо!

ЯВЛЕНИЕ 3

Ж е р и в о л, К у р о я д, П и я р.

Ж е р и в о л. Скорбь велия! Люте мне! Скорб, братия, зелна!
К у р о я д. Что ти есть, Жериволе? Престани: безделна
Толикая печаль есть. Аще и что злое
Случи ти ся, сотворше совет, можем тое
Исправити и в добрий случай преминити.
П и я р. Скажи, да советуем.
Ж е р и в о л. Ничто же совити
Успиют, аще сами не потщатся бози.
Не весте ли, о друзи, яко зело мнози
Супостати на богов ни на нас воссташа,
Воводя христов закон?
П и я р. Убо, честность ваша,
Призови силу богов: твоих они пений
Слухати навикоша, ниже повелений
Преступают.
Ж е р и в о л. Ныни бех в дебрах непроходних
И созвав бесчисленных, лютих, страхородних,
Сонм духов неисчетний. Егда же познаша
Нужду мою, скоро вси равним совещаша
Гласом, яко не требе вести всего полка.
Мы (рекше) уведахом от слов Ярополка,
Яко князь ваш Владимер, иже скорб толику
Наводит, страсть имеет зелну и велику
Ко похоти тилесной и ко мирской власти;
Того ради цариков, иже тими страсти

Владеют, звати треба. Трие суть: бис мира,
Бис плоти, бис противства божия. Тем вира,
Неблагоприятна нам, колеблется всюди.
Но тии где сь странствуют? Убо наши труди
Будут в том, да поищем и пришлем их скоро.
Се рекше, полетеша поспишно и споро.
Тых на помоць аз чаю...

[В третьем действии Владимир советуется с сыновьями, Борисом и Глебом, о принятии новой веры: они поддерживают его намерение. Приходит Жеривол и упрекает Владимира в небрежении к богам. В дальнейшем происходит спор византийского философа с Жериволом, в котором последний обнаруживает полное свое невежество. Жеривол уходит, византийский философ-миссионер излагает Владимиру, Борису и Глебу основы христианского вероучения.]

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Владимир, Борис и Глиб.

Владимир. Имате ли некое сумнение, чада,
О слове философа?
Борис. Мне еще отрада
Великая на сердцы и, егда он слово
Простираше, мнит ми ся, яко вино ново
Влияше ми в сердце.
Владимир. И аз таковую
Радость имех; но нини инну во мне чую
Измену: сон мя некий устрашил до зила.
Некиим черним мужем изведен от тила
Мнихся быти и ведом сквозе дебр пустинну,
Потом вверже в дол темний, потом же ко инну
Мисту свитлу и злачну, но не вем, коего
Страха полну приведен, — доселе моего
Покоити не могу сердца. К тому громи
Зелние слишах, потом весь от огня жгомий
Люте бех; отвсюду же пси лаяху мнози.
Боюся, да не гнив свой поощрают бози.
Глиб. Истинна суть, яко гнив поощрают беси;
Но суетний их меч той. Веми, яко неси
Сам устрашен, нашего сердца испитати
Хощеши, отче! Ми же, тебе подражати
Во всем обикнувшии, ни мало в сем дили
Не разнствуем от тебе; бисовской же сили
Весма поругаемся: во сне страх наводят.
Почто, аще силни суть, яве не исходят
На бран? Аки татие, покровенни тмою,
Дерзают на спящего и сен со собою

Ведут на помощ; лютий полк суть и ужасний,
Лаяху же, аки пси, добре: ибо гласний
Крик имут; но ничто же криком успевают,
Не ложни в том, яко в псы себе претворают.
Мы, отче, веления от твоей державы
Ожидаем! аз сею рукою им главы
Покрушу, аки скудель.

Борис. И о мне не инно
Имей разуминие, отче! Непреминно
Согласие наше есть, ниже кров сродственна
Тако нас вяжет яко вира божественна.

Владимир. Радуюся, о чада, яко ко благому
Преклонни еста зело; обаче влекому
Волю ко желанному не всегда ползует
Свободно простирати, но да советует
Первее трезвий разум на мнозѐ, и тогда
Безбидно пойдет воля: она бо иногда,
Мняще быти вещ добру, избирает злую.
Отыдете на время. Аз посоветую
Наедине со мною... З воску имут дити
Сердце, скоро их на вся преклониш совити.

ЯВЛЕНИЕ 2

Владимир. Коль мнози суть совити, их же лице красно
Мнится быти, но, егда рассмотрем опасно,
Инако являются... Первое се яве, —
Породится от сего укоризна славе
Нашей: не повергу ли греческим под нози
Царем венца моего? И их же на мнози
Усмирих побидами, тим сам подчиненний
Буду, не оружием, — едним побижденний
Словом философовим! Инако же носит
Обычай: да закона побижденний просит
От побидника, сей же тому да владиет.
К тому мир знает, яко сили ми довлиет,
Да з римским царем сяду купно же и равно,
Не тако, аще ученик его есм. Явно
Се вем укорение. Но уже и время
Мину ученичества: егда мал бех, бремя
Сие на мне не баше; нини на престоле
Княжем сидяй, поддам мя учителской воле?
Доселе бех невежа, и невежи бяху
Князи праотци мои, вси бо почитаху
Сих богов несуминно. Убо от безумних
Порожден есть Владимир? Кто от многоумних
Боляр не повисть тако? Ниже токмо сие
Рекут, но (что ми сердце уязвить лютие)

Рекут, яко не ради вири приях виру,
Но страха ради, хотяй завещанну миру
Крепость дати, аки бы страшна ми со греки
Брань была... Но что сия возмогут вопреки
Оглашенной истинне? Что сего порока
Множае аз боюся, неже цар? Висока
Велми и его слава. Но нам совитуя,
«Крестися» ми не рече, да не аз, дряхлуя [1],
Творити се явлюся. Аще же и тое,
Еще аз мишлю, будет, что се есть? Кое
Зло есть хулиму быти от рода лукава?
Дим есть токмо людская и хула, и слава!
А яко стар учуся, — то ли будет бидно?
Учитися доброго во всяком не стидно
Есть времени: «до смерти (обще гласит слово)
Всяк человек учится». Но на мне се ново
Явится, — от праотец никто же не бяше
Християнин. Что к тебе? Но аще бы наше
Не было от князей сродство, князем быти
Не требе бы нам было! Како же смирити
Имаши славу? Ни ли и во християнех
Суть князы? Суть царие, суть крепки во бранех
Воини. Аще же то и не будет тако,
Что есть цвит мира сего? Не видишь ли, како
Цвитуще увядает; вся аки дождевний
Туман, аки дим, аки крин единодневний,
Аки сон исчезают! А и сие благо
Толь худое колико в себе имать злаго,
Вражд, зависти, болезней, случаев различных!
Сия ли мя усладят? Сия от благ вичних
Удержат мя? Не буди!.. Но камо идеши,
Княже бидний? Триста жен где суть? Небрежеши,
Всих отвращаешися? Убо ти звир дикий,
А не человик еси; тако горделивий
Будеши, хотя быти смиренний. И сию
Мзду воздаси за любов? Уви мне! Весь тлию,
Жегом огнем сердечным, весь внутр изгораю,
Пламень внийде в утробу. О горе! Не чаю
Жив быти, аще прийму закон нелюбимий,
Иго тяжкое, ярем, неудоб носимий!
Еще же ми сие исперва повиданно
Было бы, когда еще не бе привязанно
Сердце мое толь долгим обычаем сластей,
Удобнее было бы. Ныне же огнь страстей,
Толику силу вземший, како есть удобно
Угасити? Отсюду мнится неподобно

[1] Дряхловати — печалиться.

Учение христово: учит утоляти
Похоть плотскую. Како се есть — уязвляти
Естество? Естеству се наносится нужда.
Како убо он есть бог? Воля его чужда
Есть смотриния, богу отнюд несвойственна:
Аще он есть создатель мира вещественна,
То почто созданию своему противний
Закон вносит? Аще же ин кто мир сей дивний
Произведе в бытие, ин убо кто мира
Начало есть, убо есть о нем ложна вира...
Владимере! что тако биснуешься? Кия
Биси (о люте тебе!) наваждают сия
Помысли и глаголи?..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Курояд, Пияр.

Курояд. Ясти мне хочется, ясти, о горе! ясти,
Ясти хощу! Горе мне! приходит пропасти.
Пияр. Куроядe! где ти был? Где был еси нине?
Курояд. Дабы тако не был жив князь наш (наедине
С тобою бесидую), яко богом жертва
Чрез него вся оскуде! О! аще бы мертва
Слышах его, слышах бы висть радостну нову.
Пияр. Почто тако?
Курояд. Увирив философа слову
Запрети приносити жертви по всем градом.
Пияр. Мала еще се злоба.
Курояд. Убивати гладом
Малу злобу зовеши да еще пречестних
Жерцов и молебников за ввес род нелестних!
Се аз ходих на село курей куповати.
И когда сие бяше?
Пияр. Горшее слишати,
Вижду ты не случися, что глаголют мнози.
Молю тя: кто болий есть — жерци или бози?
Курояд. Вем, что вопрошаеши: аки бы скорбь сию
О мне имел? Ни, друже! Мене не жалию,
Жалию богов: ибо аще оскудиет
Жертва, аз куплю мяса; бог же не имиет
Пенязей и не пойдет на село: глад убо
Нам — ему смерть готова. И сие сугубо
Печалива мя творит.
Пияр. Еще ты не виси
Злобы его горшия. Тако его биси

На богов возяриша: повеле повсюду
Крушити боги. Видех, како уд от уду
Отторжен валяшеся, многих носи, нози
Урезанние видех. О благие бози!
Болию за вас зело. Чи не скорб се, друже?
Ладо не может уже плясати, ему же
Сие дило от богов всих есть порученно,
Но токмо лакте движет всуе, недейственно.
Мошко же отнюдь кадил не возможет чути,
А Подвизд (о скорб моя! О жал мой вселютий!)
Пребиту голень имать и храмлет, стеняя!
Но слыши множайшая и крайняя злая:
Дети студнии, кумир рассекше подробну, —
Что видех окаянний! зри вещ неподобну...

Куроя д. Ах! ах!
Да како их не пожрет земля, се видяще?
Весть ли сия Жеривол?

Пияр. Курояде! аще
Жеривол увесть сия, предаст духа богу.

Курояд. Но где он есть, не веси?

Пияр. Впаде во премногу
Болезнь от скорбей многих и едва возможет
Убижати от смерти: зело бо не может
Ясти, ни вкуса чует: третии день минает,
Яко он уж едного токмо пожирает
Быка на день.

Курояд. О люте! Вси ми измрем гладом!
О княже беззаконний! дабы ты над адом
Царствовал, не над нами, не над руским родом!

Пияр. Молчи! Тешимся твоим, господи, приходом.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мечислав Вожд Храбрий, Пияр и Курояд.

Мечислав. Кое зде дило, жерци? Воистинну дивний
Упор сей! Вы едини имате противны
Быти воле княжеской? О столпи безумни!
Скоти бессловесние! Старци детоумни!

Курояд. Что толиким, господи, движеши нас страхом?

Мечислав. Ни ли слышасте воли княжей?

Курояд. Не слишахом
Воистинну, кая есть.

Храбрий. Убо еста глуха?
Трубний глас извещаше.

Пияр. Не доиде слуха
Нашего: ми зде равно прийдохом от пути;
Не быхом днесь в Киеве. Но воспомянути

Изволте, господие, кий указ есть княжий.
Ми творим волю его. Воистинну вражий
Дух бы был, аще бы кто противился воле
Толикого владики.

Мечислав. Убо вам дотоле
Несть вестно, яко всюду крушити кумири
Князь повелел, наставшей християнской вири?

Пияр. Се новое мы слышим.

Куроянд. Ниже нам чаянно.

Мечислав. Како? Вся весть Россия, вам же неслыханно
Доселе есть! Лжете, пси!

Пияр. О господи! буди,
Якоже глаголеши; обаче мы люди
Простие, не слишахом.

Куроянд. Да не прогневится
Власть твоя: ваша повесть отнюдь быти мнится
Неудоб верителна: наш боголюбивий
Княз есть.

Мечислав. О горе тебе! Или мне, псе лживий,
Лгати велиши? Убо от твоего ж дила
Явлю истинну: круши идоли.

Куроянд. Сечила
Не имам со собою.

Мечислав. Воини! дадите
Оружие.

Куроянд. Милости прошу: не мучите
Болного. Виждьте, како не могу подяти.

Мечислав. Уд непослушлив мечем достоит отяти.

Куроянд. Люте мне!

Мечислав. Достизайте! Ти на мистце друга
Наступи; ни ли и ти тогожде недуга
Вредом ослаблен еси?

Пияр. Послушай мя мало,
Владыко! Се Ладо есть бог, а се — Купало,
А се — Перун великий: с теми убо, яко
Хощете ви, творете; сего же никако
Не вредете, молю вас. Ох! с коликим страхом
Поминаем, что о нем от древных прияхом.
Прорекоша древнии жерци, яко аще
Вредит кто бога сего, тогда, то видяще,
Слонце лучи закриет, Днепр же воспятится,
Киев, трусом низвержен, во прах обратится!
Молю вас, не дерзайте.

Храбрий. Дерзнем убо сие
Уведати: дило нам страх сей явственнее
Покажет. О великий! О боже преславний!
Не прогневайся на ны: что веле державний

Княз, достоит творити. Аще погибаем,
Яко же прещаеши, обаче дерзаем.

П и я р. Не дерзайте, молю вас. О люте! о горе!
Зрите: трясется земля, падет град воскоре,
Падет град! Что творите? Не могу стояти
На ногах.

М е ч и с л а в. Лживий лестче! не годе ти лгати.

П и я р. Слонце изминяется!..

[Заканчивается трагедокомедия «Владимир» х о р о м, который высказывает пожелания успехов Петру I в его делах]:

...дажд крепость и силу
Дажд и многоденствие, дажд к всякому дилу
Поспех благополучний, брань всегда побидну!
Даждь здравие, державу, тишину безбидну!
Даждь сия царю Петру, от тебе венчанну,
И его первейшому вожду Иоанну!

ТВОРЦУ САТИРЫ «К УМУ СВОЕМУ»

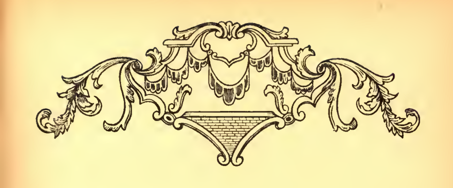
Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы.
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ты блажен трикраты.
Благо, что бог дал ум тебе здравый.
Пусть весь мир будет па тебя голосливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.
Объемлет тебя Аполлин великий.
Любит всяк, кто есть таинств его зритель,
О тебе поют парнасские лики.
Всем честным сладка твоя добродетель,
И будет сладка в будущие вики,
А я ныне сущий твой любитель.
Но сие за верх славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидят люди.
А ты, как начал, тещи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный
На не любящих ученой дружины.
И разрушай всяк обычай злонравный,
Желая доброй в людях перемины.
Кой плод ученый не един искусит,
А дураков злость язык свой прикусит.

Написано в начале 1730 г.

ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТИИ

Коли дождусь я весела ведра
  И дней красных?
Коли явится милость прещедра
  Небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно,
  Все ненастье,
Нет и надежды, о многобидно
  Мое счастье;
Хотя ж малую явит отраду
  И поманит.
И будто нечто польготит стаду
  Да обманет,
Дрожу под дубом, с крайним гладом
  Овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом
  Исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
  Нет отмины,
Нет же и конца воплей плачевных
  И кручины.
Потчися, боже, нас свободити
  От печали,
Наши нас деды к тебе вопити
  Научали.

1730



ЛИТЕРАТУРА 30-50 ГОДОВ XVIII ВЕКА

А. Д. КАНТЕМИР
(1708—1744)

Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе.

Белинский.

Антиох Дмитриевич Кантемир — сын молдавского господаря князя Дмитрия Кантемира. Верный союзник Петра I во время русско-турецкой войны, борец за национальное возрождение Молдавии, Дмитрий Кантемир после неудачного Прутского похода Петра переселился в Россию со всей своей семьей. Будучи просвещенным человеком, автором ряда сочинений («Историческое и географическое описание Молдавии» и др.), Дмитрий Кантемир проявил большую заботу о воспитании и образовании своих детей. Младший из сыновей Дмитрия Кантемира, талантливый Антиох, получил прекрасное образование под руководством домашних учителей, изучал греческий и латинский языки в Славяно-греко-латинской академии и закончил свое образование, слушая лекции в открывшейся в 1726 г. Академии наук. В 1730 г. он вместе с Феофаном Прокоповичем и Татищевым принял деятельное участие в политической борьбе против известной «затейки» реакционных аристократов-верховников — ограничить в свою пользу власть императрицы Анны Ивановны.

А. Д. Кантемир

В 1732 г. Кантемир, будучи назначен посланником в Лондон, должен был выехать за границу, где и оставался против своей воли до конца жизни, состоя с 1732 по 1738 г.

дипломатическим представителем России в Англии, а с 1738 г. до смерти — посланником во Франции.

Писательскую деятельность Кантемир начал в юношеские годы.

Под влиянием своего учителя Ивана Ильинского Кантемир работает в течение нескольких лет над «Симфонией на псалтырь», заканчивает ее к июлю 1726 г. Книга посвящена была Кантемиром Екатерине I, напечатана она в 1727 г. по «именному указу». Одновременно с работой над «Симфонией» молодой поэт увлекается сочинением любовных песен. Вспоминая впоследствии об этом своем увлечении, он сожалел, что «дни золотые так непрочно стратил». Увлечение любовными песнями было кратковременным. Писательские интересы Кантемира скоро определяются: его влечет к социальной сатире.

В 1726 г. Кантемир переводит с французского «Письмо от некоего Сицилионца к своему приятелю», изобилующее резкими сатирическими зарисовками жизни и быта жителей Парижа. С 1728 по 1730 г. Кантемир усиленно работает над переводом книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» [1], в 1729 г. переводит с французского философское произведение «Таблица Кевика Философа или изображение жития человеческого». С 1729 г. Кантемир выступает как автор сатир: в конце 1729 г. им написаны две сатиры (I и II), в 1730 г. — две (III и IV), в 1731 г. — две (V и IX). «Сатиры Кантемира были именно такими, какие тогда были нужны и могли быть полезны; первая сатира «На хулящих учение» особенно богата смешными чертами и верными снимками с общества того времени» (Белинский).

Кроме того, в 1730 г. Кантемир начал писать поэму «Петрида» и написал ряд эпиграмм, а в 1731 г. — ряд басен. Затем на несколько лет писательская деятельность Кантемира почти прекращается. С 1736 г. начинается новый подъем в творчестве Кантемира: в 1736 г. он переводит белыми стихами «Анакреонта Тиейца песни», в 1736—1737 гг. проводит большую работу по переделке первых пяти сатир, в 1738 г. пишет VI сатиру, в 1739 г. — сатиру VII и VIII.

В конце своей жизни Кантемир работает над переводом на русский язык крупных произведений по литературе, истории, философии (Епиктитово нравоучение, Письма Квинта Горация Флакка, Письма персидские и др.) и подводит итоги своей работы в области русского стихосложения («Письмо Харитона Макентина», написанное в 1742 г., напечатанное в 1744 г.).

Кантемир — один из наиболее крупных русских просветителей первой половины XVIII в., член «ученой дружины», соратник Феофана Прокоповича в общественно-политической деятельности. Так же, как Феофан Прокопович и Ломоносов, Кантемир личное счастье видел в служении обществу: «В общей я пользе собственную чаю».

Будучи одним из зачинателей русского классицизма, Кантемир хотя и исходил в своем творчестве из рационалистических начал поэтики классицизма, но в то же время настойчиво стремился к изображению подлинной русской действительности, и ему удавалось связывать «поэзию с жизнью», «писать не только русским языком, но и русским умом» (Белинский).

САТИРА I. К УМУ СВОЕМУ

(НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЕ.)

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно и славу достать, хоть творцем не слыти.

[1] Книгу «La pluralité des mondes» Кантемир взял у кн. П. М. Голицына в феврале 1728 г.

Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги:
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестер. Многи на нем силу потеряли
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится [1],
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна марморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда в нашем молодом Монархе надежда
Всходит Музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого [2], и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно:
Но та беда, многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети,
Больше врет, кому далось больше разумети,
Приходит в безбожие, кто над книгой тает», —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
«Дети наши, что пред тем тихи и покорны
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь к церкви соблазну Библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали» [3].
Силван другую вину наукам находит:
«Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали,
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину [4]

---

[1] То есть чуждается.
[2] То есть императора Петра II.
[3] Здесь намекается на важный в то время вопрос об отобрании поместий у монастырей.
[4] Здесь слово чин употреблено в значении: порядок.

Ни связи, должно ль о том тужить дворянину:
Довод, порядок в словах, подлых [1] то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину; глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что прикащик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства;
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди;
Можно знать различие злата, сребра, меди.
Трав, болезней знание, голы все то враки;
Глава ль болит? тому врач ищет в руке знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли, кровь тихо чрез меру
Течет; если спешно — жар в теле, ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Некстати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного всхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим;
Сколько копеек в рубле без алгебры счислим».
Силван одно знание слично [2] людям хвалит,
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар приняли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан; для мертвых друзей живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В весельи, в пирах мы жизнь должны провождати;
И так она недолга, на что коротати,

[1] Слово **подлый** значило: принадлежащий к низшему сословию.
[2] **Слично** *(польск.)* — отлично, прекрасно.

Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино дар божественный, много в нем провору;
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки,
И возвратятся назад минувшие веки;
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».
Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.
Пред Егором [1] двух денег Виргилий не стоит,
Рексу [2], не Цицерону, похвала достоит.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши [3]
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала; без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, нежь пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа, и таким подобны
Науку должны хулить, — да речи их злобны
Умным людям не устав [4], плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому же не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел, иль, правду сказать, мог исчесть смелея.
Полно ль того? [5] Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые [6],
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.

---

[1] Егор — модный московский портной.
[2] Рекс — модный московский сапожник.
[3] Клуша *(польск.)* — галка.
[4] То есть не закон.
[5] Довольно ль того.
[6] Здесь речь идет о судьях.

Епископом хочешь быть? уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет, повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою,
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву;
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
Отчего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны, и вся церкви слава.

Хочешь ли судьею стать? вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны правы,
Плюнь ему в рожу; скажи, что врет околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.

К нам не дошло время то, в коем председала
Над всем мудрость, и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к вышнему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело.
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита,
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: никакой плод не видим с науки;
Ученых хоть голова полна, пусты руки.

Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень — мзда уж не велика;
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,

Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя, впрочем, ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729

САТИРА II. ФИЛАРЕТ[1] И ЕВГЕНИЙ[2]

(НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ.)

Ф и л а р е т. Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен и глаза красны, как бы ночь не спали?
Задумчив, как тот, что чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил некстати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильно сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.
Что ж молчишь? Ужели твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь нам друг полезен в печали?
Сколь много здравый совет полезен бывает,
Когда тому следовать страсть не запрещает?
А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден; ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность,
И преимуществ твоих толпа неоспорных;
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.
Е в г е н и й. Часть ты прямо отгадал. Хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатным всем и стыд и обидно,

---

[1] Ф и л а р е т *(греч.)* — любящий добродетель.
[2] Е в г е н и й *(греч.)* — благородный.

Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас, «сальные, — крича, — ясно свечи
Горят»; кто с подовыми[1] горшком истер плечи,
Тот, на высоку степень вспрыгнувши, блистает;
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги[2].
Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели,
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри Гербовники, грамот виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны;
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены этой салы,
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их, помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет, всяк долой с дороги
И, шапочку сняв, ему головою в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступать к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками?
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово,
Заторопев, онемев, слезы у инова
Потекли с глаз с радости, иной не спокоен,
Всем наскучил хвастая, что был он достоен
С временщиком говорить, и весь веселился
Дом его, как бы им клад богатый явился.
Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
Столь славны предки имев, забытым остаться,
Последним видеть себя, куды глаз не вскину.

Ф и л а р е т. Слышав я важну твоей печали причину,
Позволь уж мне мою мысль открыть и советы.
А ведай притом, что я лукавых приметы,
Лесть, похлебство не люблю; но сердце согласно
С языком, что мыслит то, сей вымолвит ясно.

---

[1] То есть подовые пироги. В этой строчке намек на кн. Меншикова, торговавшего в юности пирогами.

[2] Пользы.

Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
Сколь важно, и много в нем пользы признаваю.
Почесть та к добрым делам многих ободряет,
Когда награду в себе вершенных являет.
(Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
Куча золота, ни дом огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значит в том, кто себе своею рукою
Не присвоит почесть ту, добыту трудами
Предков своих. Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель,
Благородными явит одна добродетель.
Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
К безопаству общества расширил ли власти
Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
Примером, словом твоим ободрены ль люди
Хоть мало очистить злых нравов темны груди? [1]
Иль буде случай, младость в то не допустила,
Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
Бедных жалки ли тебе слезы и докуки?
Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
Изрядно можешь сказать, что ты благороден.
Можешь счесться Ектору иль Ахиллу сроден;
Иулий и Александр, и все мужи славны
Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.
Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
Буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским.
Спросись хоть у Нейбуша [2], таковы ли дрожжи
Любы, как пиво, ему, — отречется трожжи;
Знает он, что с пива те славные остатки,
Да плюет на то, когда не как пиво сладки.
Разнится потомком быть предков благородных
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопях течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы;

[1] Темные сердца, испорченные злыми нравами.
[2] Генерал Нейбуш «пиволюбец» — знакомый Кантемира.

И чужих обнажена красных перьев галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бывает
Дедов служба, когда внук в нравах успевает,
Но бедно блудит[1] наш ум, буде опираться
Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся
Под лишним те бременем, если сами в силу
Нужную не приведем ту подпору хвилу.
Светлой воды их труды ключ тебе открыли
И черпать вольно тебе: но нужно, чтоб были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
К ключу; сама вода в рот твой не станет литься.
Ты сам, проатцев твоих исчисляя славу,
Признал, что пала она и делам и нраву:
Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны;
Иным в море недруги и валы попраны;
Иной правду весил, бегая обиды;
Всех были различные достоинства виды.
Если б ты им подражал, право б мог роптати,
Что за другими тебя и в пару[2] не знати.
Потрись на оселку, друг, покажи, в чем славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчою
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли,
Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, ожидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая,
Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину.
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам в колечки завиты
Свободно станет играть, часть уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцис, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Деревню взденешь потом на себя ты целу.
Не столько стало народ римлянов пристойно

---

[1] Заблуждается.
[2] В ноту.

Основать, как выбрать цвет и парчу, и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
Пора, место и твои рассмотрены годы,
Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образу [1],
Нежну зелен в городе не досажал глазу [2],
Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело;
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны.
Долголетнего пути в краях чужестранных,
Иждивений и трудов тяжких и пространных
Дивный плод ты произнес [3]. Ущербя пожитки,
Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
В пол-аршина глубоки и ситой подшиты;
Согнув кафтан, не были б станом все покрыты,
Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
В лето или осенью, в зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнее нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.
В обед и на ужине частенько двоится
Свеча в глазах, часто пол под тобой вертится,
И обжирство тебе в рот куски управляет.
Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
И глодая до костей самых, нрав веселый,
Тщиву душу, и в тебе хвалит разум спелый.
Сладко щекотят тебе ухо красны речи,
Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи
Не дойдет тебе людей все прочее племя.
Оглянись, наместников царских чисто семя,
Тот же полк, лишь с глаз твоих, тебе уж смеется;
Скоро станет и в глаза; притворство минется,
Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
(Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)
Ты сам неотступно то время ускоряешь,
Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь[4],
И мечешь горстью твоих мозольми и потом
Предков скоплено добро. Деревня со скотом
Не первая уж пошла в бережную руку
Того, кто мало пред сим кормился от стуку
Молота по жаркому в кузнице железу.
Приложился сильный жар к поносному резу,

---

[1] Образа *(польск.)* — оскорбление.
[2] Здесь речь идет о тогдашних модах; смысл фразы таков: чтобы твоему нежному глазу не досаждал зеленый цвет.
[3] Произвел.
[4] Не выпускаешь из рук карт.

Часто любишь опирать щеки на грудь белу;
В том проводишь прочий день и ночь почти целу.
Но те, что стенах твоей на пространной салы
Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
Чужой глаз нужен тебе и помочь чужая
Нужнее, чтоб знать назвать черту, что, копая,
Воин пред собой ведет, укрываясь, к валу;
Чтоб различить, где стены часть одна по малу
Частым быстропагубных пуль ударом пала,
Где, грозно расседшися, земля вдруг пожрала;
К чему тут войска одна часть в четверобочник
Строится, где более нужен уж спомочник
Редким полкам, и где уж отмененны силы
Оплошного недруга надежду прельстили.
Много вышних требует свойств чин воеводы
И много разных искусств; и вход, и исходы,
И место, годно к бою, видит одним взглядом.
Лишной безопасности не опоен ядом,
Остр [1], проницает врагов тайные советы,
Временно предупреждать удобен наветы [2],
В обильности в своем таборе [3] печется
Недремительно; любовь ему предпочтется
Войска, чем страшным им быть, и вдруг ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью; врагам одним лишь ужасен,
Тихим нравом и умом и храбростью красен.
Не спешит дело начать, начав, производит
Смело и скоро; не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя. В счастии умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,
И в один все мозг вместить смертных столь мнишь
трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судье жить скудно.
Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил,
И хотя в пруду твоем, лишь берег оставил,
Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первый вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
С низу, с верху и с боков; одна отделяет
От нее доска, толста пальца лишь в четыре:
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет;

[1] Острым взглядом.
[2] Способен своевременно раскрывать замыслы врага.
[3] В своем лагере.

Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь вящши суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех не оскудну
Меру поставя частях мира, и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце[1], не многу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны;
Небес положение на земле способный
Бывает нам проводник, и когда страх мучит,
Грубых пловцов, кормчего искусного учит
Скрытый камень миновать, иль берег опасный,
И в пристань достичь, где час кончится ужасный.
Недруга догнать, над ним занять ветр способный
И победу исхитить, вступя в бой удобный,
Труд немалый. На море, как на земле, те же
Прочи вождев должности: тебе еще реже
Снилась трубка и компас, чем строй и осада.
    За красным судить сукном Адамлевы чада,
Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
Сердце к сожалению склонно, и речиста
Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
Не сильны; пред кем, всегда мудрец и невежда,
Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа
Равны в суде, и одна правда превосходна;
Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
Ябеда и ее друг дьяк или подьячей,
Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячей,
Стречись должен, и сам знать и лист и страницу[2],
Что от нападения сильного вдовицу
Соперника может спасть, и сирот спокойну
Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
Наизусть он знает все естественны права,
Из нашего высосал весь он сок устава,
Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый,
Не меньше стройный других, не меньше обильны,
Завидим врагу[3], и в нем злобу унять сильный.
Можешь ли что обещать народу подобно?

[1] Стрелка компаса.
[2] То есть статью закона.
[3] Предмет зависти врага.

Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой левою (зверям лишь прилична
Жадность крови; плоть [1] в слуге твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорой.
Арапского языка, права и законы
Мнятся тебе, дикие русску уху звоны [2].

Если в те чины не гож, скажешь мне, я чаю,
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой [3],
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не рдится [4],
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель; Клиту счастье служит.
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;
А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья, к солнцу подошед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать, как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь.
Честнее будет он друг, всем дружен являясь,
И многосмирение, и рассудность многу
Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит, виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет:
Счастлив, кто средины той держаться умеет.
Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
Учтивость приличная, что дает род знатный;

[1] То есть тело у слуги такое же, как и у тебя.
[2] Смысл фразы: права и законы тебе непонятны, далеки от тебя.
[3] В приемной у знатных.
[4] Не стыдится.

Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь;
Всего того я в тебе искать опасаюсь.
Словом, много о вещах тщетных беспокойство,
Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду;
По тех пор забытым быть не считай в досаду:
Пороки, кои теперь прикрывают тени
Стен твоих, укрыть нельзя на высшей степени,
Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.
Но поставим, что твои заслуги и нравы
Достойным являют тя лучшей мзды и славы:
Те, кои оной тебя неправно лишают,
Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
А ты не должен судить, судят ли те здраво,
Или сам многим себя предпочтешь неправо?
Над всем же тому, кто род с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье узда, не пристала,
Еще б можно извинить, если знатный тужит,
Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
Кого сколько темен род, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни в людях приятны.
Но когда противное видит в человеке,
Веселиться должен уж, что есть в его веке
Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
Делами и полезен всем быть начинает.
Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллие гнусно,
Что, как награждают их, тебе на смерть грустно?
Благонравны те, умны, верность их немала;
Слава наша с трудов их нечто восприяла.
Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все такой был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.
Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеющe стадо.
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных,
От них мы все сплошь пошли, один поранее
Оставя дудку, соху; другой попозднее.

Написано в конце 1729 или в начале 1730 г.

САТИРА VII

(О ВОСПИТАНИИ.)

Если б я видя кого, что с рук не спускает
Часовник, и пятью в день в церковь побывает,
Постится, свечи кладет и не спит с женою,
Хоть отняв у бедного ту, что за душою
Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, —
Если б я видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
Тем путем не войдешь в рай, и буде радеешь
Душу спасть, отдай назад, чем худо владеешь».
Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
«Напрасно, молокосос, суешься с советом».
  И дело он говорит: еще я тридцатый
  Не видел возврат зимы, еще черноватый
  Ни один на голове волос не седеет;
  Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
  Седых, пожилых людей, кои чтут с очками,
  И чуть три зуба сберечь могли за губами;
  Кои помнят мор в Москве и как сего года
  Дела Чигиринского сказуют похода?
Напрасно охрип бы я доводя доводом,
Что ум в людях не растет месяцем и годом;
Что, хотя искус дает разуму подпору,
И искус можно достать лише в поздню пору,
Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает,
Так прилежность сильна дать искус в малы лета.
Презрены слова мои будут без ответа,
И свет почти весь упрям всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет.
  Не одно то мнение здравому разгласно
  Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно
  Подобны и злейшие. Одни тех держаться
  Любят, что полезны им и законны зрятся;
  Обман те свой чувствовать грубый не умеют,
  Другие, и зная вред, бороться не смеют
  С упрямою волею, котора их нудит
  Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.
Буде причину того спросишь у народа,
Скажет, что с зачатия нашего природа
Слабу душу нам дала и к обману склонну,
И подчиненну страстям и что ту законну
Над нами природы власть одолеть неможно.
  Испытал ли истину он в том осторожно?
  Не знаю, Никита, друг! то одно я знаю,
  Что если я добрую, ленив, запускаю
  Землю свою — обрастет худою травою;

Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную, жирнее уж станет,
И довольный плод с нее трудок мой достанет.
Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уймем, буде всю истребить не можем
И утвердиться в добре доброму поможем.
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.
Большу часть всего того, что в нас, приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдем воспитания одного быть дело,
И знал то, высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев, осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
Пример в чужих брать краях то, что над Москвою
Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
Мужи вышли годные к мирным и военным
Делам, внукам памятны нашим отдаленным.
Но скоро полезные презренны бывают
Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
Кучу к куче накоплять, дом построить пышной,
Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишной,
Детям уж богатое оставить наследство
Печемся, потеем в том: каково их детство
Проходит — редко на ум двум или трем всходит;
И у кого не одна в безделках не ходит
Тысяча, малейшего расхода жалеет
К наставлению детей; когда же шалеет
Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
Богатства сыну копил, презрел в сердце нравы
Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
Проживет, мало любим, и свету презренный,
Буде в петлю не вбежит плут уж совершенный.
Главно воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен

Сын твой был отечеству меж людьми любезен
И всегда желателен: к тому все науки
Концу и искусства все должны подать руки.
Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
Пространна царства, и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость, и того, сколь велика сила,
Путь и беглость, в твари всему знать исту причину,
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
Высшему отворит вход; народ будет целый
Искусным вождем тя звать, зря царства пределы
Тобою расширены, и вражие рати
И городы стерты в прах. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
К тебе доступ, и тебе плач бедных не внятен,
Ежели волю твою не правит смысл правый,
Ежли развратны, одним словом, твои нравы,
Дивиться станет тебе, но любить не станет,
Хвалы нужда из его уст твои потянет.
Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тебя, и той готов отщетиться,
Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает
Твоя в мал час; позабыт человек бывает,
Скоро ненавидимый, и мало жалеет
Кто об нем, когда ему черный день наспеет.
Добродетель лишь одна может нам доставить
Покойну совесть, предел прихотям уставить,
Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину.
И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
Добродетель потому над всем неотменно
Нужно младенцем внушать, пока совершенно
Вкоренится; притом ум изощрять в пристойных
Им и других знаниях. Так в детях, достойных
К всем чинам, отечеству дашь дар многоценный.
Если б предписан был с двух выбор неотменный,
С чистою совестью ум избрал бы я простый,
И оставил бы я с злым сердцем разум острый,
И оставил бы я все добро тому, кто с чужого
Стыдится жиреть добра, хотя он немного
Счету знает, и рубить числа должен в палку;
А грош не дал бы беречь другому, что в свалку
Глотает одну, свернув дом, и лес, и пашни,
Хоть числит он лучше всей Сухаревской башни.
Бесперечь детям твердя строгие уставы,
Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь:

Дай им время и играть; сам себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спеша дело;
Наедине исправлять можешь ты их смело.
Ласковость больше в один час детей исправит,
Чем суровость в целый год; кто часто заставит
Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
Смелость и безвременно торопеть повадит.
Счастлив, кто надеждою похвал взбудить знает
Младенца; много к тому пример способляет:
Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.
Пример наставления всякого сильняе:
Он и скотов следовать родителям учит.
Орлий птенец быстр летит, щенок гончий мучит
Куриц в дворе, лоб со лбом козлята сшибают;
Утята, лишь из яйца выйдут, плавать знают.
Не смысл учит, не совет: того не имеют,
Сего нельзя им подать; подражать умеют.
С двух братьев, кои росли под теми же глазами,
И коих тот же крушил учитель лозами,
Один добродетелей хвальную дорогу
Топчет; ни надежда свесть с нее, ни страх ногу
Его не могли, в своей должности он верен
И прилежен, ласков, тих и в словах умерен,
В бедности смотреть кого сухими глазами
Не может, сердцем дает, что дает руками.
Другой гордостью надут, яростен, бесщаден,
Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
Казну крадет царскую, и тем сломя шею
Весь уж сед в петлю бежит, в казнь должну злодею.
В том, по счастью, добрые примеры скрепили
Совет; в сем примеры злы оный истребили.
Если б я сыновнюю умел унять скупость,
Описав злонравия, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказал бы ему, сколь Игнатий беден
Над кучей золота; сух, печален и бледен
Бесперечь мучит себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь в обильстве такову? Если б чресчур тщиву
Руку его усмотрел, пальцем указал бы
Тюрьму, где сидит Клеарх, и всю рассказал бы
Потом жизнь Клеархову, чрез меру прохладну.
Если б к подлой похоти видел склонность жадну,
Привел бы его смотреть Мелита в постели,
И гнусны чирьи, что весь нос его объели.
Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
Лучшую бы сыну я избрал осторожно.
Не одни те растят нас, коим наше детство
Вверено; со всех сторон находит посредство
Подскользнуться в сердце нрав: все, что окружает

Младенца, произвести в нем нрав помогает.
Так не довольно одно изрядное семя
Дать изрядный цвет иль плод: нужно к тому время
Умеренно и красно, без мразу, без зною,
Без вихрев; нужна земля жирна, и водою
Нужно в пору поливать, и тихо и в меру;
Семя без всего того прельстит твою веру.
Филин вырос пьяница? Пьяница был сродник,
Кой вскормил. Миртил блядун? дядька его сводник.
У Савки век на губах правда не садится
И вред, что на ум взойдет, что в ночь ни приснится.
Лгуньи бабушки его помним бесконечны
Басни, коими надоел язык скоротечный.
Сильвия круглую грудь редко покрывает,
Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
Боясь досадного в отказе ответа.
Такова и матушка была в ее лета.
Обычно цвет чистоты первый увядает
Отрока в объятиях рабыни; и знает,
Унесши младенец, что небом и землею
Отлыгаться пред отцом, — наставлен слугою.
Слуги язва суть детей. Родителей — злее
Всех пример. Часто дети были бы честнее,
Если б и мать и отец пред младенцем знали
Собой владеть, и язык свой в узде держали.
Правдой и неправдою куча мне копится
Денег, и нужусь всю жизнь в высоку добиться
Степень; полвека во сне, в пирах провождаю;
В сластях всяких по уши себя погружаю;
Одних счастливыми я зову лишь обильных
И сотью то в час твержу; завидую сильных
Своевольству я людей, и дружбу их тщуся
Всячески достать себе, убогим смеюся:
А однакож требую, чтоб сын мой доволен
Был малым, чтоб смирен был и собою волен,
Знал обуздать похоти, и с одними знался
Благонравными, и тем подражать лишь тщался.
По воде тогда мои вотще пишут вилы.
Домашний, показанный часто пример силы
Будет важной, и идти станет сын тропою,
Котору протоптану видит пред собою.
И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
Когда своим наставлять его не умеешь
Примером? Когда в тебе видит то всечасно,
Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
Если молодому мать раку обличает

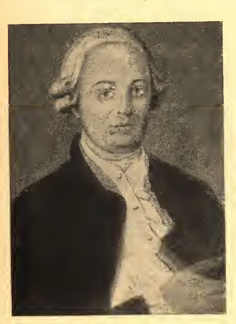
Кривой ход: «Прямо сама пойди, — отвечает, —
Я за тобой поплыву и подражать стану».
Нельзя ль добрым быть? будь зол, своим не к изъяну;
Изряднее всякого убегать порока
Нельзя ль? укрой лишнего от младенча ока.
Гостя когда ждешь к себе, один очищает
Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
И убирает весь дом, третий трет посуду,
Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
Глаз гостев малейший сор, чтоб он не приметил
Малейшу нечистоту, а ты же не тщишься
Поберечь младенцев глаз, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
Большу бережь ты для них должен бы имети.
Не один острый судья, знаю, зубы скалить,
Злобно улыбаяся, станет и бровь пялить
И, качая головой, примолвит поважно:
Смотри, наш молокосос какие отважно
Сказки нам рассказует и, времени цену
Не зная, скучает нам, лепя горох в стену.
Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует
Вину, воспитанию склонность приписует
Нашу, уча, как растить детей; одним словом,
Продерзость та родилась в мозгу нездоровом.
Никита, друг! может быть, слово то рассудно
Явится тем, кои, жизнь чая время скудно,
Лучше любят осудить вдруг, что их несходно
Мысли, нежли выслушать доводы свободно.
Тех я людей уверять не ищу, не годен,
Да всяк открывать свое мнение свободен,
Если вредно никому, и законов сила
Чтительна нужду молчать в том не наложила.
Пусть не чтет, кто мои мнит мнения неправы;
С досугу стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что одно я дело
Начав, речью отскочил на другое смело.
Порядок скучен везде и немножко труден:
Блистает в сумятице умок в чину скуден,
И если б нам требовать, чтоб дело за делом
Рассуждать, и не скончав одно, в недозрелом
Разговоре не ввернуть некстати другое,
В целой толпе говорить чуть станут ли двое...

1739

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ
(1703—1769)

Тредьяковский никогда не будет забыт, потому что родился во-время.
Белинский.

Характерным представителем русской культуры, науки, литературы, порожденных петровскими реформами, был Василий Кириллович Тредиаковский. Оставаясь всю свою жизнь во власти традиций, уходивших своими корнями в XVII в., Тредиаковский вместе с тем был энергичным проводником новых идей, поборником новой науки, нового просвещения.



В. К. Тредиаковский

Родился Тредиаковский в глухом углу тогдашней России, в Астрахани, в семье священника, учился «словесным наукам на латинском языке» у католических монахов, а в 1723 г. «по охоте к учению оставил природный город, дом и родителей и убежал в Москву», где поступил в Славяно-греко-латинскую академию в класс риторики. В начале 1726 г. Тредиаковский «получил оказию выехать в Голландию», а в конце 1727 г. прибыл в Париж, где в университете «обучался математическим и философским наукам, а богословским там же в Сорбоне». В сентябре 1730 г. Тредиаковский возвратился в Россию. С 1732 г. он выполнял поручения Академии наук как переводчик, а с 1 сентября окончательно был принят на службу в Академию наук с «титлом секретаря». В 1745 г. Тредиаковский был назначен профессором (академиком) «как латинския, так и русския элоквенции». В 1759 г. Тредиаковский вышел в отставку, жил в большой бедности, умер в 1769 г.

Тредиаковскому принадлежит огромное количество работ оригинальных и в особенности переводных по различным отраслям знания — по филологии, истории, литературе: в 1730 г. Тредиаковский напечатал перевод произведения Поля Таллемана «Езда в остров любви», обративший на него внимание тогдашнего светского общества; в 1735 г. выпустил в свет «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором он выступил как преобразователь русского стихосложения. В 1751 г. Тредиаковский издал перевод романа Джона Барклая «Аргенида», а в 1766 г. напечатал стихотворный перевод политико-нравоучительного романа Фенелона «Похождения Телемака». В 1768 г. Тредиаковский закончил печатание переведенного им огромного труда в тридцати томах — «Всемирная история» Роллена-Кревье.

Тредиаковский был выдающимся русским просветителем середины XVIII в., горячо любившим свою родину, честно служившим ей в течение всей своей жизни до самой смерти.

Осмеиваемый Екатериной II и ее клевретами, удрученный нуждой, предсмертной болезнью, лишенный способности двигаться вследствие болезни ног, Тредиаковский находил успокоение в сознании, что он оказал своими трудами «услужение, на честности и пользе основанное, досточтимым по гроб... соотечественникам».

Тредиаковский «родился во-время»: Россия, вступившая в новую полосу жизни после петровских реформ, нуждалась в упорных, настойчивых тружениках, какие бы расчищали, подготавливали почву для развития культуры и литературы. Таким тружеником и был Тредиаковский. Он «брался за то, за что прежде всего должно было браться» (Белинский).

Тредиаковский берется «вычищать язык русский», обещает составить грамматику, словарь, пишет работы по филологии, выступает как литературный критик, дает образцы художественных произведений в различных жанрах, преобразует русское стихосложение и т. д.

Не все одинаково хорошо удавалось Тредиаковскому, он часто не рассчитывал своих сил, однако многое из сделанного им вошло в русскую культуру и литературу XVIII в. и последующего времени как ценное, нужное.

Тредиаковский был прав, когда в 1755 г. говорил: «Приступая к описанию нового нашего стихосложения, ныне от всех стихотворцев у нас воспринятого и многими достохвальными и достопамятными введенного и подтвержденного, принужден объявить, что в нем самое первое и главнейшее участие имею». Прав был и Пушкин, когда заявил: «Тредиаковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны».

Разбирая русские научные работы по всеобщей истории, Н. Г. Чернышевский добрым словом помянул труды в данной области Тредиаковского: «Это сочинения, еще ничем незаменимые для русского читателя, и да будет почтен нашею признательностью трудолюбивый ученый, который, быть может, и не надеялся, что переводы его будут заслуживать чтения в 1855 году».

Значительная часть произведений Тредиаковского напечатана была при его жизни. В 1752 г. были напечатаны «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского». Это основное издание сочинений Тредиаковского, им самим проверенное. В 1849 г. Смирдин выпустил «Сочинения Тредиаковского» в трех томах; это наиболее полное собрание сочинений Тредиаковского.

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ [1]

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.
Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо Российску ты Солнце ясно!
Красят иных всех златые скиптры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила,
И лицем светлым венец почтила.
О благородстве твоем высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.
В тебе вся вера благочестивым,
В тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.
Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны:
Чада достойны таковыя мати,
Везде готовы за тебя стати.
Чем ты, Россия, неизобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина!
Всегда богата, славе причина.
Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И Россияне коль громко плещут:
Виват, Россия! виват, драгая!
Виват, надежда! виват, благая!
Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны.
Сто мне языков надобно б было
Прославить все то, что в тебе мило!

1728

ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

[1] Ода «Стихи похвальные России» была положена на ноты, получила широкое распространение, попала в рукописные сборники псальм и кантов.

Ну ж, умилися,
  Сердцем склонися;
Не будь жестока
  Мне паче рока:
Сличью обидно
То твому стыдно.
  Люблю, драгая,
  Тя, сам весь тая.
Так в очах ясных!
  Так в словах красных!
В устах сахарных,
  Так в краснозарных!

Милости нету,
Ниже привету.
  Люблю, драгая,
  Тя, сам весь тая.
Ах! я не знаю,
  Так умираю,
Что за причина
  Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
  Люби, драгая,
  Мя поминая.

ЭПИСТОЛА ОТ РОССИЙСКИЯ ПОЭЗИИ К АПОЛЛИНУ

Девяти парнасских сестр, купно Геликона,
О начальник Аполлин, и пермесска звона!
О родитель сладких слов, сердце веселящих,
Прост слог и не украшен всячески красящих!
Посылаю ти сию, Росска Поэзия,
Кланяся до земли, должно что самыя.
Нову вещь тебе хочу сею объявити,
И с Парнасса тя сюда самого просити;
Чтобы в помощь ты мою был всегда скорейший,
Чтобы слог мой при тебе начал быть острейший.
Уж довольно чрез тебя пела наученна
Греческа сестра моя в веки не забвенна;
Славил много хитр Гомѐр ею Ахиллеса,
Чрез Улиссов же поход уж знатна Цирцеса.
Много ж и сестра тобой римска свету пела,
Жаром, что вложил ты ей, дивно та кипела;
Уж Эней описан там сердца добронравна,
Чрез Виргилия в стихах князя толь преславна;
И Горациева всем есть люба уж лира,
С Ювеналовой при том колюща сатира.
Где Овидий уж не чтен радостно пресладкий?
Галл, Проперций и Тибулл в слоге своем гладкий?
И Теренций, комик Плавт в Сокке [1] поиграли,
Плеск и похвалу себе в Римлянах сыскали;
Трагик Сенека не столь ткал хоть стих изрядно,
Выходил в котурне он иногда ж нарядно;
Марциал кратк, узловат, многажды сатирик,
В эпиграмме умещал инде панегирик.
Всем моя сим к славе их там сестра служила,
И тебя довольно в сих Аполлина чтила.

[1] Сокк (soccus) — комедия, комический стиль.

Не презренна и сестра от тебя та нежна,
С Тевтом[1], Ибером[2] живет, что в средине смежна,
С мягким так же в юг близка что италиянцом,
С острым в север чрез моря купно и британцом;
Галлы ею в свет уже славны пронеслися,
Цесарем что, но давно, варвары звалися.
Два Корнелия[3], Рацин, трагики искусны,
Реньние в них, Боало, сатирами вкусны;
С разумом и Молиер в роде их глумливый,
Был Виргилия Скарон осмеять шутливый;
Молодый хоть в них Волтер, но весьма чист в слоге;
Счастлив о! де ла Фонтен басен был в прилоге!
Одами летал Малгерб в них всегда достойно,
Эклогу поправил там Фонтенель пристойно;
Воатюр в Ронде играл, весел и приятен,
Больше чрез псалмы Русо, хоть чрез все он знатен.
Про других упоминать, право, нет им счоту:
Особливу всяк в стихе показал доброту.
Эпиграммы тот писал, ин же филиппики,
Славны оперы другой сладкой для музыки;
В элегиях плакал ин жалостно, умильно,
Тот сонет, тот мадригал, тот балад клал сильно.
Песен их что может быть лучше и складняе?
Ей! ни Греция, ни в том мог быть Рим умняе.
Славны и еще они, но по правде славны,
Что жены, тот красный пол, были в том исправны:
Сапфо б греческа была в зависти великой,
Смысл девицы Скудери есть в стихе коликой;
Горько плачущей стихом нежной де ла Сюзы,
Сладостнее никогда быть не может музы.
Токмо полно мне и сих имянно счисляти,
Лучше сам ты, Аполлин, можешь про них знати.
Галлия имеет в том ей толику славу,
Что за средню дочь твою можно чтить по праву.
В сытость напился воды так же касталийски,
Что писал разумно Тасс и по-италийски.
Ты вознес в Милтоне толь и сестру британску,
В Лопе, так же и в других, разгласил Гишпанску.
Правильно германска[4] уж толь слух услаждает,

[1] **Тевт** — германец.

[2] **Ибер** — испанец.

[3] В стихах 35—70 Тредиаковский восхваляет французских писателей XVII—XVIII вв.: Пьера Корнеля, Тома Корнеля, Расина, Рене Матюрена, Буало, Мольера, Скаррона, Вольтера, Лафонтена, Вуатюра, Малерба, Жан-Батиста Руссо, Мадлен Скюдери; итальянского писателя XVI в. — Тассо, английского — Мильтона, испанского — Лопе де Вега.

[4] В стихах 70—90 говорится о немецких писателях XVII — начала XVIII в.: Юнкере, Канице, Бессере, Неймайстере, Броксе, Триллере, Гинтере, Нейкирхе, Опице.

Что остр Юнкер славну мзду ею получает:
Юнкер, которого в честь я здесь называю,
Юнкер, которому ей всяких добр желаю.
Что же сладкий тот Орфей, Пиндар тот избранный,
В благородном роде сем Кенигом что званный?
В нем сестра моя всегда пела героично,
Амфионской петь бы так было с ним прилично.
Каница сердечный жар, Бессера любовна,
А Неймейстера при нем Шмолка толь духовна
Кто бы ныне лучше мог на стихах играти?
Брокса, Триллера, кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?
О стихом весь идет коль Гинтер лехк нарядно!
Счастливее в ком сестра там моя трубила,
Как в Нейкирхе, стих кому важный подарила?
У чужих брал мысли сей; но чрез переводы,
Дивно полагал те в стих своея природы.
Нову в Опице мою все сестру признали,
Обновителем тоя называть все стали;
Опицу, придав стихов имя отца, перву,
Что в них строен тот и хитр вольну чрез Минерву.
Научивши ты сестру толь мою немецку,
Научить не позабыл так же и турецку,
И персидску, и какой хвалится Индия,
И в арапской что земле мудра Поэзия.
Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учтиво.
Словом, нет уже нигде такова народа,
Чтоб честна там сестр моих не была порода.
Только ли одну меня так ты оставляешь?
За родную мя себе иль не признаваешь?
Но приди и нашу здесь посетить Россию,
Так же и распространи в ней мя, Поэзию.
Встретить должно я тебя всячески потщуся,
И в приличный мне убор светло наряжуся;
С приветственным пред тебя и стихом предстану,
Новых мер в стопах, не числ, поздравлять тем стану [1].
Новых! поистине так, хоть бы ты дивился,
И подобен такову, кто не верит, зрился:
Старый показался стих мне весьма не годен,
Для того что слуху тот весь был не угоден;
В сей падение, в сей звон стопу чрез приятну,
И цезуру в сей внесла долготою знатну.
Старым токмо я числом стих определила.
Стопы двосложны за тем в новый сей вложила;

[1] В этом и последующих стихах Тредиаковский говорит о введении им нового тонического стихосложения.

Стопы, обегая в них трудность всю афинску,
И в количестве стихов також де латинску;
Тоническу долготу токмо давши слогу,
Так до рифмы стих веду гладку чрез дорогу;
Выгнав мерзкий перенос и все, что порочно,
То оставила стиху, что ему есть точно.
Таковым тебя стихом стану поздравляти,
Таковым тебя стихом буду умоляти,
Чтоб оставивши Парнасс все ты жил со мною,
Одарил бы всю меня слова красотою.
Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно.
Хотя нужден ты давно здесь в России славной,
Все в великих что делах счастится быть главной...

1735

ПОХВАЛА ИЖЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТПЕТЕРБУРГУ

Приятный брег! Любезная страна,
Где свой Нева поток стремит к пучине!
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Не мало зрю в округе я доброт:
Реки твоей струи легки и чисты;
Студен воздух, но здрав его есть род;
Осушены почти уж блата мшисты.

Где место ты низвергнуть подала
Врагов своих блаженну Александру:
В трофей и лавр там лавра процвела;
Там почернил багряну ток Скамандру [1].

Отверзла путь, торжественны врата,
К полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал;
И обитать в нем всякому любезно.

Не больше лет, как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все, хвалу от удивленной

[1] Смысл данной строчки таков: Невская победа славнее Троянской победы греков — волны Невы принизили кровавый Скамандр (река у Трои).

Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной.

Что ж бы тогда, как пройдет уж сто лет?
О! вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему коль граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки,

Авзонских стран Венеция и Рим;
И Амстердам батавский [1], и столица
Британских мест тот долгий Лондон к сим;
Париж градам как верьх, или царица, —

Все сии цель есть шествий наших в них,
Желаний вещь, честное наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих;
Влечет туда нас слава и убранство.

Сей люб тому, иному тот из нас;
Как веселил того, другой другого;
Так мы об них беседуем мног час
И помним, что случилось там драгого.

Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих все, дивящихся о всем,
Гласящих: се рай стал, где было пусто!

Явится им здесь мудрость по всему,
И из всего Петрова не в зерцале
Санктпетербург не образ есть чему?
Восстенут: жаль! зиждитель сам жил вмале.

О! боже, твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду,
Светило дня впредь равного не зрит,
Из всех градов, везде Петрову граду.

1752

ТИЛЕМАХИДА

(Отрывки.)

Горе! чему цари бывают подвержены часто?
Часто мудрейший в них уловляется в сети не чая;
Люди пронырны, корысть и любящи их окружают;
Добрые все отстают от них, отлучаясь особно,

[1] Между Рейном и Маасом жили батавы, поэтому Голландия называлась Батавией.

Тем, что они не умеют ласкать и казаться услужны:
Добрые ждут, пока не взыщутся и призовутся,
А государи почти неспособны снискивать оных.
Злые ж, сему напротив, суть смелы, обманчивы, дерзки,
Скоры вкрасться, во всем угождать, притворяться искусны,
Сделать готовы все, что противно совести, чести,
Только б страсти им удоволить в самодержавном.
О! злополучен царь, что толь открыт злых коварствам;
Он погиб, когда ласкательств не отревает [1],
И не любит всех, вещающих истину смело.

Все государи, всегда которы преспеющи были,
Суть не весьма за тем своего блаженства достойны:
Нега портит их, а величие упоевает [2].
Счастия коль же тебе, по всех победе несчастий!
И при всегдашней памяти внутрь тех бедностей бывших!
Ты увидишь Ифаку [3] еще; твоя же и слава
Превознесется до самых светил, до звезд поднебесных.
Будешь же ты когда другим властелин человеком
И добродетельми отчими править мирное царство,
Помни, что сам был слаб, бедн, страждущ равно как оны.
Сладко тебе да бывает всем им делать отраду,
Подданных прямо люби, проклинай ласкательства вредны,
Да и знай притом, что великим будешь постольку,
Ты поскольку в стремительствах всех быть станешь умерен,
А всегда бодр, храбр, побеждать кипящие страсти.

Я спросил у него [4], состоит в чем царска державность?
Он отвещал: царь властен есть во всем над народом;
Но законы над ним во всем же властны, конечно.
Мощь его самодержна единственно доброе делать;
Связаны руки имеет он на всякое злое.
Их законы во власть ему народ поверяют,
Как предрагий залог из всех во свете залогов;
Так чтоб он был отец подчиненным всем и подручным.
Хощет Закон, да один человек, за мудрость и мерность,
Служит многих толь людей благоденствию паче,
Нежели многие люди толь, за бедность и рабство,
Подло гордость и негу льстят одного человека.
Царь не должен иметь ничего сверх в обществе прочих,

---

[1] Не отвергает.
[2] Опьяняет.
[3] Ифака — остров Итака.
[4] Телемак спросил у Ментора.

Разве что нужно его облегчить от труда многодельна,
И впечатлеть во всех почтение благоговейно,
Как к блюстителю всех положенных мудро законов,
Впрочем, царю быть должно трезвейшу, мнее роскошну,
Более чужду пышности, нежели просту людину.
Больше богатства ему и веселий иметь не достоит.
Но премудрости, славы, к тому ж добродетели больше,
Нежели стяжут коль сих прочие все человеки.
Вне он должен быть защитник отечеству милу,
Воинствам всем предводитель, и сим верьховный начальник,
Внутрь судия, чтоб подсудным быть добрым, разумным,
счастливым,
Боги царем его не ему соделали в пользу;
Он есть царь, чтоб был человек всем людям взаимно:
Людям свое отдавать он должен целое время,
Все свои попечения, все и усердие людям;
Он потолику достоин царить, поскольку не тщится
Памятен быть о себе, да предастся добру всенародну!..

1766

БАСЕНКА
«ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА»

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее: что нужды, говорит,
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?
Желал бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюем дворовые мы птицы:
К тому ж, мне на себе сей вещи не носить;
Да и не может та собой меня красить.
И так, другим она пусть кажется любезна;
Но мне, хоть и блестит, нимало не полезна.

М. В. ЛОМОНОСОВ

(1711—1765)

Ломоносов был великий писатель — кому это не известно?
Чернышевский.

«Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник...» (П у ш к и н).

Родился Михаил Васильевич Ломоносов на далеком севере в семье крестьянина-рыбака. Детство и юность его были тяжелыми. Глухой осенью 1730 г. девятнадцатилетний Ломоносов уходит в Москву, поступает в Славяно-греко-латинскую академию. И снова жизнь, полная лишений. «Имел я, — вспоминал впоследствии наш великий поэт и ученый, — со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели». И все эти препятствия были побеждены страстной непреодолимой жаждой знаний, какой с юных лет был охвачен этот гениальный сын великого русского народа. В январе 1736 г. Ломоносов был отправлен в университет при Академии наук и в том же году был послан в Германию, где он специально изучал горное дело и металлургию, но вместе с этим упорно занимался математикой, физикой, философией, филологией и языками. Будучи назначен по возвращении своем в Россию адъюнктом Академии наук, Ломоносов через несколько лет избирается профессором (академиком) химии. В течение 25 лет до самой смерти (1765) Ломоносов все свои силы отдавал русской науке и русской поэзии.

М. В. Ломоносов

Ломоносов, великий русский просветитель-гуманист, был одним из самых передовых деятелей своего времени в области науки, культуры, просвещения. В лице Ломоносова русская наука не только догнала Западную Европу, но даже в отдельных дисциплинах (химия, электродинамика) опередила ее. Как ученый Ломоносов был человеком исключительной идейной честности, принципиальности: «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю». В своих научных работах Ломоносов всегда стремился исходить из прочных начал, настойчиво, упорно искал их; он встал на материалистические позиции, что и было причиной исключительной успешности, плодотворности его работ (учение о сохранении вещества и энергии, о развитии земли и др.). А отсюда острые выступления против невежества, обскурантизма, религиозного суеверия. «Легко быть философами, — говорил Ломоносов, обращаясь к обскурантам-церковникам, — выучась наизусть трем словам: Бог так сотворил, и сие дая в ответ вместо всех причин».

Ломоносов завершил преобразование русского стихосложения («Письмо о правилах российского стихотворства», 1739) и в подтверждение своей теории дал блестящие образцы. Радищев был прав, когда говорил, что Ломоносов необыкновенный мастер стиха — «доселе не удалося еще никому» сравняться с ним.

Ломоносову принадлежит утверждение народной речи как основы русского литературного языка («Риторика», 1748, «Российская грамматика», 1755, «О пользе книг церьковных в Российском языке», 1757).

Ломоносов явился «первым основателем истинных правил языка нашего», утверждая которые, он предпослал «философское рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном» (Радищев).

Ломоносов — великий русский поэт. Он прославился главным образом своими торжественными одами, но дал замечательные образцы и в других жанрах.

Ломоносов был виднейшим представителем русского классицизма, но классицизм Ломоносова был особым, отличным от дворянского классицизма: творчество Ломоносова уходило своими корнями в русское историческое прошлое, тесно было связано с настоящим и устремлялось к будущему: «Ломоносов пел то, что было ближе к делу, что заключалось в самой действительности» (Белинский).

Ломоносова упрекали в том, что он не сумел создать своей школы, не вырастил последователей, а Белинский по этому поводу рассуждал по-иному: «Есть живая органическая связь между Ломоносовым и Пушкиным, как между причиной и следствием».

Ломоносов как поэт, как просветитель имеет и свои слабые черты, которые объясняются в основном преувеличением с его стороны прогрессивной роли русского «просвещенного абсолютизма», но Ломоносову, несмотря на его ограниченность, определявшуюся тогдашней исторической обстановкой, удалось подняться к вершинам современной ему науки, культуры, литературы.

Поэзия Ломоносова была риторична, но другой поэзии Ломоносов не мог дать: «Нам нужна была поэзия во что бы то ни стало, — и Ломоносов дал именно такую поэзию, кроме которой ни ему, ни другому кому, хотя и великому гению, дать было невозможно» (Белинский).

Ломоносов был энциклопедистом, как энциклопедистами были также Кантемир и Феофан Прокопович. И это не случайно, это вызывалось насущными, неотложными нуждами родной земли: «не одно дело, а десять, двадцать дел должен [был] брать он в свои руки» (Чернышевский).

Сочинения Ломоносова при его жизни издавались два раза — в 1751 г. в одном томе и в 1757—1759 гг. — в двух томах. Полное собрание сочинений Ломоносова начато Российской Академией наук в 1891 г., закончено Академией наук СССР в 1948 г.

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон! любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум,
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен;
Героев славы вечной
Я больше восхищен.

. . . .

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».
Я не тужу нимало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел.

Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь.
И сим от кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок.
Катон старался ввесть в республику порядок.
Ты век в забавах жил, и взял свое с собой:
Его угрюмством в Рим не возвращен покой.
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху:
Зерном твой отнял дух приятный виноград [1],
Ножом он сам себе был смертный супостат:
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдруг и сходства понял я:
Умнее кто из нас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живопистве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

*

Дай из роз в лице ей крови,
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу.

[1] Ломоносов разделял мнение, основанное на предании о том, что Анакреон умер, подавившись виноградным зерном.

Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

*

Цвет в очах ее небесный,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестный
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали,
И чтоб их безгласна речь
Показалась мёдом течь.

*

Всех приятностей затеи
В подбородок умести,
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют,
И по множеству отрад
Водят усумненный взгляд.

*

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб ее, увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно!
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон:
Но счастливее ты собою
Через приятный лиры звон.
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную мать.

*

О мастер в живописстве первой!
Ты первой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне.
Изобрази мне возраст зрелый
И вид в довольствии веселый,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.

*

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть;
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить;
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой.

*

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны
И полны живости уста
В беседе важность обещали,
И так бы слух наш ободряли,
Как чистый голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

*

Одепь, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец.
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви мать
И повели войнам престать.

Написано между 1747—1762 гг.

ОДА

НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА, 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.

Внимая нечто ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри,
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит;
В пучине след его горит;
К Российской силе так стремятся.
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Етны ржет,
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,

Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрый ток на огнь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
И мрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут:
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны!
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной в последни видя зорю:
Закрой, кричит, багряной вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю.

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет.
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицем,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны Россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к Готфским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут Герой:
Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей.
Свилася мгла, Герои в ней:
Не зрит их око, слух не чует.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид,
В крови другов своих лежащих.
Уже тряхнувшись легкий лист
Страшит его как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа.

Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их,
И в мрак лицо, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила.

Вливаясь в Понт, Дунай ревет,
И Россов плеску отвещает.
Ярясь волнами, Турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь
В последний раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как тигр на Росский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попрала,
Целуйте руку, что ваш страх
Мечом кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор,
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовию горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От встока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицом сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;

Преславно дело зря, дивится:
Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится.

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел, когда шумя летит,
И там парит, где ветр не воет;
Превыше молний, бурь, снегов,
Зверей он видит, рыб, гадов.
Пред Росской так дрожит орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей.

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечом противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О как красуются места,
Что иго лютое сбросили,
И что на Турках тягота,
Которую от них носили.
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят Росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском проницает?
Чистейшим с неба что лучом
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тотчас бы Фивы обвинили:
Затем, что о победах сих
Они бы громче возгласили,
Как прежде о красе Афин:
Россия как прекрасной крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет,
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярясь, грызет;
То наша радость презирает.

Козацких полк заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал плывя препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал:
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит,
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.

Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь брегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой в громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.

ОДА

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1747 ГОДА

1

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

2

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит:
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ея зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

3

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв, облобызала:
— Мне полно тех побед, — сказала, —
Для коих крови льется ток.
Я Россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый Запад и Восток.

4

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас.
О, коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик,
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

5

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал;
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

6

Молчите, пламенные звуки [1],
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте

[1] Звуки войны.

Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай вселенна!
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

7

Ужасный чудными делами,
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

8

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг,
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна
Сомненная Нева рекла:
Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?

9

Тогда божественны науки,
Чрез горы, реки и моря,
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды.
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

10

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный Муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ.

Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив [1] рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

11

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах естьли б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана [2] постыдилась
С своим искусством пред Невой!

12

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнасс?
О коль согласно там брящает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство Муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

13

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ея мешает
Плачевный побежденных стон.

---

[1] Внушити — услышать.
[2] Древнее название реки Сены.

14

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава,
О, как тебя благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство в оных потаенно
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

15

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия,
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

16

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей крылами
Твои взвевает знамена,
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напаяет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

17

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей

Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

18

Широкое открыто поле,
Где Музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур [1].

19

Се мрачной вечности запону [2]
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы [3]
Твои щедроты возвестить.

20

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в розах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

---

[1] По Нерчинскому трактату 1689 г. область Амура была Россией признана сферой влияния Китая.
[2] Запона — завеса.
[3] Ломоносов в этих строчках говорит об открытиях русских моряков.

21

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски [1] копием.
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

22

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

23

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

24

Тебе, о̀ милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,

---

[1] **Рифейские горы** — баснословные горы «на северном краю земли», а также Уральские.

Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

1747

ПЕТР ВЕЛИКИЙ,

героическая поэма

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

(В сокращении.)

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприемлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот шведской. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости, по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе, сказывает государь настоятелю тамошния обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничей.

Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.
К тебе я вопию, Премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна,
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной вслух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас неслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя.
Да на его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны владыки,
Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой.
Дабы Российский род во веки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика дщерь его щедротой оживит.

Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И к подданным любовь всех высший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабый лирный звон:
Склони, склони свой слух, когда я пред тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.
Уже освобожден от варвар был Азов;
До Меотиских Дон свободно тек валов,
Нося ужасной флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром неимоверной.
Уже́ Великая покоилась Москва,
Избыв от лютого злодеев суровства:
Бунтующих стрельцов достойной после казни
Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
От дерзкой наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасной гром.
От Нарвской обуяв сомнительной победы,
Шатались мыслями и войск походом шведы.
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем веселилась,
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена:
Ты тем всех выше рек, что устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и островы зелены,
Как радовались вы сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден
И тем толикого веселия лишен?
Не зрел, как он сиял величеством над нами
И шествовал по вам пред новыми полками;
Как новы крепости, и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли́,
Смотрел и утверждал, противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому брегу:
Дабы Российскую тем силу разделить,
От Ингерских градов осады отвратить,
Но вдруг пришествия Петрова в север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.
Уже белея Понт перед Петром кипит,
И влага уступить, шумя, ему спешит.

Там вместо чаянных Бореи флагов шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
На запад и на юг, на север и восток
Стремятся и вертя́т мглу, влагу и песок:
Перуны мрак густой, сверкая, разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют.
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь! промысл нас небесный искушает;
К трудам и к крепости напредки ободряет;
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея бог скоро пошлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.
  Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.
  О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских неугодна,
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды его поя,
В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой;
В убежища сии склонитесь вы со мной:
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли́ стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушись на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает:
Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
Однако, доскакав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовые,
Так север, укротясь, впоследни восстенал.
По усталы́м валам Понт пену ра́сстилал;
Исчезли облака́; сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и бе́реги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод;
Где в мокрых берегах крутясь, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна.
В числе Российских рек безвестна и мала,
Но предков роком злым Петровых прослыла,
Когда коварного свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова;
Как праотцев его он в север заточил,
Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места́, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись бе́реги, зря в славе оных род.
Меж тем способной ветр в свой путь сзывает флот.
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаваньи сии слова́ вещал:
«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама,
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран;
Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила.
Бездонный океан травой, как луг, покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгой зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.

Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава;
Но ныне настоит в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд сло́ва его скончал,
И добрый дух к трудам на всем лице сиял.
Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица́ горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов,
И простирало блеск багровой из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.
От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят и к верьху бьют,
Предшествуя царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недосягаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол;
На том сего царя палаты и престол.
Столпы округ его огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы:
Главы́ их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет, укротясь, нам громовая буря:
Помо́ст из аспида и чистого лазуря,
Палаты из одной иссечены горы;
Верьхи под чешуей великих рыб бугры;
Уборы внутренни покров черепокожных,
Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон жемчугами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен царь.
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда царская — порфира и виссон,
Что сильные моря́ несут ему пред трон.
Ни мразы, ни Борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
Воздвигли радостной морские птицы клик.
Он вслед к пловущему Герою обратился,
И новости судов Петровых удивился:
«Твои, — сказал, — моря́, над ними царствуй век;
Тебе течение пространных тесно рек:

Построй великой флот; поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобно б сему,
Что должен Океан монарху своему...

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

(В сокращении.)

От Белого моря путешествуя Петр Великий к Шлиссельбургу через Олонец, осматривает горы; и приметив признаки руд и целительных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожского озера, пожирающего волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению нового великого города и корабельной пристани на Балтийском море, подает ему мысль соединить Волхов с Невою впредь великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде окружена новыми его войсками и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женской пол присылают из города просить о выпуске; на что отказано: Российское де войско не за тем город обступило, чтобы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному приготовлению дан знак к приступу. Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лестницы коротки и шведы, обороняясь храбро, причиняют немалой вред Россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лестницами наступление учинить благополучнее. Посланному главной предводитель на приступе князь Голицын ответствовал, что уже большая трудность преодолена, а если снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре чиненным разорванным бревном сброшен, с приступной лестницы упал замертво на землю. Между тем почти без предводительства Россияне на город стали всходить; и шведы, спасения отчаясь, подают знак к сдаче. По вступлении оных, выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

... Умолкнул грозный звук со обоих сторон;
Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
Вандалы выпуску с военной честью просят
И городских воро́т ключи Петру приносят,
На победителя в восторге взводят взор
И укрепляют свой о сдаче договор.
Коль радостная там, коль красная премена!
Уж веют на стенах Российские знамена,
Изображаются, Нева, в твоих струях.
Тимпанов мирный шум при радостных трубах
Забыть велит сердцам минувших тучей громы;
И шведы тщатся в путь в свои достигнуть домы.
  Обычай во́ины из древних лет хранят,
Чтоб храбрых почитать по сдаче сопостат:
Призна́ки мужества в руках их оставляют
И славу тем своей победы уважают.
Победоносец наш жар сердца отложил
И первый кротостью успех свой посвятил:

Снабдил противников к отшествию судами.
Оставив стену, зрят прискорбными очами.
Распущенны на ветр знамена, трубный шум
Печальной радостью теснят их вольной ум.
На волю им пути прискорбны, стен проломы,
Что отворили им из рук Российских громы.
По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.
В отечестве сказать сей случай поспешайте
И побежденны быть от Россов привыкайте.
Скажите ваш домой почтительный возврат,
Что выпущены вы пространством новых врат.
И Карлу вашему победу возвестите,
Что Петр отечеству и к славе и к защите
Над вами получив, наследство возвратил
И ближе к Швеции простер шум орлих крил.
Пускай в Германии Герой ваш успевает,
Отверсты городы свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать:
Не спорит меж собой, развратна прежде, рать;
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят в полках единодушны.
Движением своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и океан его послушен слову:
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.
Разливы Невские на устиях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят.
Там нимфы по брегам в веселии ликуют,
И в осень зефиры между древами дуют;
Вменяя, что лице земное расцвело.
Тогда возвел монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости другов своих обратных.
Отрада всех живит, стократно выше бедств.
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, государь, твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты;
И промысл дал тебе земли и моря ключ:
По их обширности распростирай свой луч.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,
Лишь только бы твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает твой».

Усердным толь речам Петр радостно внимает;
Но к городским стенам приближась, воздыхает,
Смотря на разные повержения тел,
Кому как умереть предписан был предел;
Прощается у них печальными устами:
«О, други верные, я вашими кровями
И общих и своих преодолел врагов:
Небесных радуйтесь сподобившись венцов.
Примером с высоты другим по вас сияйте
И мужество в сердца полкам моим вливайте».
Рыдание — конец был жалкой речи сей,
И манием дал знак к сокрытию костей.
   Чрез стены проходя от древности наследны,
Что были долго нам от межусобства вредны,
Он оком облетел преодоленный град;
Рассматривает сам все множество громад;
Между различными едина изваянна
Великим именем являет Иоанна.
Сей бодрый государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя татары,
Во век отчаялись над Россами побед:
Скончался с гордостью Ордынскою Ахмет.
Сие старинное орудие военно
В смущенны времена осталося плененно.
На выгоды свои, на знаки наших бед
Смотря с веселием, тогда гордился Швед.
Теперь против него обратно пусть пылают
И вместо радости во брани устрашают.
Коль многи тягости оружий роковых,
Что в приступлении вредили нас и их,
Лежат по улицам и бомб и ядер кучи,
Наметанные там из грозной Россов тучи.
Меж целыми число расседшихся громад,
Что выше сил своих на нас пускали град.
Там потрясенный дом на дом другой склонился,
Иной на улицу повержен разрушился.
По всходам, по стенам, по кровлям угли, прах
Показывают вид, каков был самый страх.
   О смертные, на что вы смертию спешите?
Что прежде времени вы друг друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним во веки затворил.

Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В средине лутчих лет иной устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь здрав пребыть, умом:
Отныне поживу и наслаждусь трудами;
Но час последней был, скончался со словами.
Коль многи обстоят болезни и беды,
Которым, человек, всегда подвержен ты!
Кроме что немощи, печали внутрь терзают,
Извне коль многие напасти окружают.
Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
Трясение земли́, свирепы звери, глад,
Падение домов, и жрущие пожары,
И град, и молнии гремящие удары.
Болота, лед, пески, земля, вода и лес
Войну с тобой ведут, и высота небес.
Еще ли ты войной, еще ль не утомился
И сам против себя во век вооружился?
Но оправдал тебя военным делом Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и щедр,
При том и меч простер и на море и в поле.
Сомнительно, чем он войной иль миром боле.
Другие в чести храм рвались чрез ту вступить,
Но сю он желал Россию просветить.
Когда без оныя не ввел к нам просвещений:
Не может свет стоять без сильных воружений,
На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул храм наук;
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.
   Посмотрим мысленно на прежни времена;
Народам первенство дает везде война.
Науки с вольностью от зверства защищает
И храбрых мышцею растит и украшает.
Оружие дано природою зверям;
Готовить хитростью судьба велела нам.
Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют пращами и напрягают луки.
   Открой мне бывшие, о древность, времена;
Ты разности вещей и чудных дел полна.
Тебе их бытие известно все единой:
Что приращению оружия причиной?
С натурой сродна ты, а мне натура мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.
   Уже далече зрю в курении и мраке
Нагова тела вид не явственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывные слова́:

Так должно древности простой быть и не ясной
С народов наготой, с нетщанием согласной!
Велит: «ты зрение по свету обведи,
По мест различности и веки рассуди,
И мысльми обратить на новые народы
Простерла руку в даль из облаков чрез воды.
Там вместо знания военных всех наук
Довольна мнится быть едина твердость рук;
Там знают напрячись коленом и бедрою,
Нагая грудь и лоб, броня и шлем есть к бою;
Иные, камни взяв с земли, друг друга бьют;
Сломив уразину, нагие члены рвут.
Дреколия концы огнем там прижигают,
И, заостривши их, противников пронзают.
Там тучи страшные на воздуха предел
Терновых, костяных, железных воют стрел.
При накрах движут дух свирели, барабаны,
И новость стен трясут пороки и тараны.
Но инде с ужасом трудолюбивый ум
Услышал для войны огня приличной шум».
Европа тем гремит, сама в себе пылая,
Коль часто Фурия свирепствует в ней злая!
Кровавая война от века так течет,
Так хитрость бранная от первых дней растет.
Рок кровью присудил лице земли багровить;
Монархам надлежит оружие готовить.
Ваш Петр за широту пределов меч простер;
Блаженству Росскому завиствующих стер.
И ныне дщерь торжеств бессмертность утверждает,
Огней ражение искусством умножает.
Елисаветины военные дела́,
Как мирные во век, венчает похвала.
Уже Россияне мест дряхлость очищают
И рухлость стен, стрелниц прилежно укрепляют,
Дабы лежащий град восстал и был готов
Оружие поднять и отвратить врагов.
Преславный в путь вступил вандалов победитель
Во град, где праотцы и храбрый где родитель
Оставили своих заслуг великих знак.
Коль радостен там был Москвы священный зрак!
Но, Муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:
Безмерно больше труд напредки настоит;
Тогда представь сея богини светлый вид.

1760—1761 гг.

ТАМИРА И СЕЛИМ

Трагедия

(Отрывки.)

Краткое изъяснение

В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордого Мамая, царя татарского, о котором из российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию московского государя, великого князя Димитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьями своими в Крым, в город Кафу и там убит от своих. В дополнение сего представляется здесь, что в нашествие Мамаево па Россию Мумет, царь крымский, обещав дочь свою Тамиру в супружество Мамаю, послал сына своего Нарсима с некоторым числом войска на вспоможение оному. В его отсутствие Селим, царевич багдатский, по повелению отца своего, перешед через Натолию, посадил войско на суда, чтобы очистить Черное море от крымских морских разбойников, грабивших багдатское купечество. Сие учинив, приступил под Кафу, в которой Мумет, будучи осажен и не имея довольные силы к сопротивлению, выпросил у Селима на некоторое время перемирие, в том намерении, чтобы между тем дождаться обратно с войском сына своего Нарсима. После сего перемирия в первый день следующее происходит в Кафе, знатнейшем приморском городе крымском, в царском доме.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Мумет, царь крымский.
Мамай, царь татарский.
Тамира, царевна крымская, дочь Мумстова.
Селим, царевич багдатский.
Нарсим, царевич крымский, брат Тамирин.
Надир, брат Муметов.
Заисан, визир Муметов.
Клеона, мамка Тамирина.
Два вестника.
Воины.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 4

Тамира *(одна)*... Мне легче смерть сама, как смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селим, тебя лишиться,
Когда б наш век продлить изволилось судьбе.
Но ныне не хочу и в смерти разлучиться:
Ты умер для меня; я следую тебе. *(Хочет заколоться.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Селим, Нарсим и Тамира.

Селим *(схватив за руку и вырвав кинжал)*.
Я жив, дражайшая, я жив и торжествую!
Нарсим. Любезная сестра, твой здравствует Нарсим!
Тамира *(ослабевая)*. Уже меж мертвыми я вижу тень
драгую!

Селим. В каком отчаяньи!
Тамира. И дух Нарсимов с ним!
Селим (*к ослабевающей Тамире*).
Тебя, дражайшая, Селим твой поздравляет,
Что враг наш погублен, уж больше не страшись.
Нас верность и любовь и счастье возвышает;
Великой радостью ты с нами ободрись.
Тамира. Возможно ль быть тому? Селим! Нарсим! Я с вами!
Я с вами в жизнь еще увидеться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя над нами,
О, боже мой, в беде и в горести была!
Но мне Мамаева еще ужасна сила!
Нарсим. Умывшись в варварской рука моя крови,
Вселенныя концы от страху свободила,
Мне мщенье воздала и вашей долг любви.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ.

Мумет, Надир, Заисан, Селим, Нарсим и Тамира.

Мумет. Нарсим, ты здесь! тебя я вижу, сын любезный?
Колику радость ты нечаянно принес!
Один ты иссушишь мои потоки слезны,
Что пролил мне удар разгневанных небес!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой,
Всего лишает нас, что нам он обещал
И что ты приобрел своей к нему услугой.
Нарсим. Я всю уж, государь, печаль твою скончал,
И побежден к тебе с победой возвращаюсь,
Димитрий одолел, и враг наш поражен.
Мумет. Внимая страшну весть, в сомненьи ужасаюсь!
Нарсим. Коль чудно я для вас от пагубы спасен!
Спасен, сей град, тебя, Тамиру и Селима
Избавить от беды, Мамая погубив.
Повержен супостат и разоритель Крыма,
Что полк мой низложил; чуть я остался жив.
Мумет. О небо!
Заисан. Ах, удар!
Тамира. О промысл милосердый!
Надир (*к Заисану*).
Не мне ли в честь конец имеет наша пря?
Селим. Сама судьба есть щит любови нашей твердый.
Мумет. О льстивые слова коварного царя!
Скажи, любезный сын, скажи мне все подробно
И сделай всем моим смущениям конец.
Нарсим. Не слыхано еще на свете зло подобно,
Какое предпринял Мамай, тиран и льстец.
Уже чрез пять часов горела брань сурова,

Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце луч.
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дожжевых гуще туч.
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва, трупами спершись, едва текла.
Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом поверженны тела.
Иной с размаху меч занес на сопостата,
Но прежде прободен, удара не скончал,
Иной, забыв врага, прельщался блеском злата,
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иной, от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем.
Иной пронзен угас, противника пронзая,
Иной врага поверг и умер сам на нем.
Российские полки отвсюду утесненны,
Казалося, что в плен дадутся иль падут.
Мамай растерзанны противных видя члены,
Великой гордостью, промолвил мне, надут:
«Нарсим, Димитрия во узах предо мною,
Когда он жив еще, немедленно поставь.
Но ежели он мертв, с противничей главою
Поспешно возвратясь, мне радости прибавь.
Я будучи его тобою отдан воле,
Немедля поскакал к российскому полку
Димитрия искать в его стану и в поле;
По трупам перешел кровавую реку.
Со всех сторон меня внезапно окружили
Избранны воины мамаевых полков,
И тех, что круг меня вооруженны были,
Дерзнули сечь. Я тут узнал проклятой ков.
Узнал, что не вотще его я опасался
И к защищению себя вооружил.
Один из них ко мне уж прямо устремлялся
И стрелу на меня в свирепости пустил.
Она, пробив мой щит, увязла посредине.

Мумет. К какой ужасной я послал тебя беде!

Надир. Трепещет грудь моя!

Селим. Коль близко был к кончине.

Нарсим. Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная ударив от пучины,
Ужасной в воздухе рождает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкой лист,
Так сила росская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас;
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой глас.

Во сретенье своим россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех татар.
Убивцы от меня для страху удалились,
Я кверху смутные возвел свои глаза.
Тогда над росскими полками отворились
И ясный свет на них спустили небеса.
Ударил гром на нас, по оных поборая,
И подал знак, что бог на помощь им идет!
Глазами я искал и не нашел Мамая;
С бегущими и сам побег ему во след.
Вникая страшный стон, с холма я оглянулся;
Какую пагубу увидел наших сил!
Увидел купно всех попранных, ужаснулся,
Мамаю отомстить за все я зло спешил.

Мумет. О счастье льстивое, как души ослепляешь!
Тамира, я тебя напрасно озлоблял!

Тамира. Ты словом сим живот с надеждой возвращаешь.

Селим. Уже я вознесен, как мой соперник пал,
И очи, государь, мои тем насладились,
Что отнял жизнь ему при мне любезный друг.
Когда мы на поле один с другим сразились,
Вооруженные наехали к нам в луг.
Я чаял, что Мамай с другими согласился,
Чтоб множеством меня коварно одолеть;
Однако я стоять против вооружился
И предприял, лишась любезной, умереть.
Тотчас тут усмотрел любезного Нарсима,
Которой, яростью к Мамаю устремлен,
Летел к отмщению колеблемого Крыма.
Он тяжко восстенал, мечем сквозь грудь пронзен.
Как тигр уж на копье, хотя ослабевает,
Однако посмотрев на раненой хребет,
Глазами на ловца кровавыми сверкает
И ратовище, злясь, в себе зубами рвет,
Так меч в груди своей схватил Мамай рукою,
Но пал, и, трясучись, о землю тылом бил.
Из раны черна кровь ударилась рекою;
Он очи злобные на небо обратил.
Разинул челюсти! но глаза не имея,
Со скрежетом зубным извергнул дух во ад.
Нарсимовы слуги бездушного злодея
Остались истребить огнем последний яд.

Надир. Толь тяжко с высоты бог гордых повергает!

Селим. Вторично, государь, я ныне предложу
О том, к чему моя толь сильно грудь пылает
И жизни для чего своей я не щажу.

Мумет. Я с небом и с судьбой и с вами соглашаюсь,
Исполню, что велит любовь и красота.
Я счастием своим и вашим утешаюсь!
Живи в веселии, любезная чета.
Коль всем нам был сей день печален и ужасен,
Что мог нас в пагубе конечной утопить,
Толь будет завсегда он весел и прекрасен,
Что в оный промысл вас судил соединить.
Взаимная любовь меж вас не принужденна
Всегдашней верностью пусть даст иным пример.
Мамаева притом кичливость пораженна
Других пусть устрашит гордиться выше мер.
К готовому теперь вы алтарю за мною
Последуйте пред ним в супружество вступить;
Клеониною я хоть оскорблен виною,
Но радость нынешня велит ей все простить.

Конец пятому действию.

1750

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

1

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас склонились прочь:
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

2

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мысльми утомлен!

3

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:

Для общей славы божества
Там равна сила естества.

4

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

5

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

6

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

7

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

8

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец!

1748

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

(В сокращении.)

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Нередко я для той с Парнасских гор спускаюсь:
И ныне от нея на верьх их возвращаюсь;
Пою перед тобой в восторге похвалу,
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я счастья представляю,
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огнь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.
...Исполнен слабостьми наш краткий в мире век:
Нередко впадает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличные лекарства предписать;
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют;
В Стекле одном они безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу:
Какую надлежит ему принесть хвалу!
Хоть вместо оного замысловаты Хины [1]
Сосуды составлять нашли из чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобратив в фарфор,
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают.
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает,
Имеет от Стекла часть крепости фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.
Искусство, коим был прославлен Апеллес [2]
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,

---

[1] Китайцы.
[2] Известный древнегреческий живописец.

Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.
Когда неистовой, свирепствуя, Борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толстые стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть.
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть,
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом как человек зимой стал безопасен,
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад:
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимою за Стеклом цветы хранятся живы,
Дают приятной дух, увеселяют взор,
И вам, Красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, Любитель Муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И Музы с оными единого сродства;
Подобна в них краса и нежные слова.
Счастливой младостью Твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренесть не возбранят.
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя.
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены.
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росою.
Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила;

Вы также украшать желаете себя.
За тем прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другие времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют,
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!
Так в бисере Стекло, подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных степях,
Им красится Арап на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем, простаки,
Что там драгой металл из сребреной реки
Дают европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчетно.
Но тем, я думаю, они разумне нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз.
Им оны времена не будут в век забвенны,
Как пали их отцы для злата побиенны.
О, коль ужасно зло! на то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшел кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепого врага?
По тягостном труде снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят царей там древние жилища;
Венцы врагам корысть, и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены подают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут, несытые и златом и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.

Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные! или поистине блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!
Оставив Кастиллан [1] невинность так попранну,
С богатством в отчество спешит по Океану,
Надеясь оным всю Европу вдруг купить.
Но златом волн морских не можно утолить.
Подобный их сердцам Борей, подняв пучину,
Навел их животу и варварству кончину,
Погрязли в глубине, с сокровищем своим,
На пищу преданы чудовищам морским.
То бури, то враги толь часто их терзали,
Что редко до брегов желанных достигали.
О коль великой вред! от зла рождалось зло!
Виной толиких бед бывало ли Стекло?
Никак! Оно везде наш дух увеселяет:
Полезно молодым и старым помогает.
По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг;
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие — досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем?
Что честь достойную воздать ему коснеем?
Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огнь возженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные, знать хотя, кто с неба мог принесть,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различные казал искусством чудеса:
За то Минервою был взят на небеса,
Похитил с солнца огнь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки,
Продерзкого к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал,
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит,
И кровь чрез камни вниз текущая шумит.

[1] Испанец.

О, коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометею тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курим табак;
И только лишь о том мы думаем, жалея,
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
Не огнь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от Варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесные страны,
Движение планет, течение Луны,
Когда бы Аристарх [1] завистливым Клеантом [2]
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим Землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг Солнца обнести;
Дерзнувшим научать, что все домашни боги
Терпят великой труд всегдашния дороги;
Вертится вкруг Нептун, Диана и Плутон;
И страждут ту же казнь как дерской Иксион;
И неподвижная Земли богиня Веста
К упокоению сыскать не может места.
Под видом ложным сих почтения богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры:
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единого творца весь мир сей сотворила.
Что Марс, Нептун, Зевес, все сонмище богов
Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров;

---

[1] Аристарх — греческий астроном (III в. до н. э.), впервые высказал мысль о движении земли вокруг солнца.

[2] Философ Клеант обвинил Аристарха за это в безбожии.

Что агньцов и волов жрецы едят напрасно;
Сие, одно сие казалось быть опасно.
Оттоле Землю все считали посреде.
Астроном весь свой век в бесплодном был труде,
Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник.
В средине всех планет он Солнце положил,
Сугубое Земли движение открыл.
Однем круг центра путь вседневный совершает,
Другим круг Солнца год теченьем составляет,
Он циклы истинной системой растерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении [1], Кеплеры [2] и Невтоны;
Преломленных лучей в Стекле познав законы,
Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно.
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной,
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое,
Кто чудо сотворит, кроме его, такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, божий некогда описывая град,
Вечерний Августин [3] душою веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами б жителей, как здесь, не отрицал,
Без математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил;
Доказывает то подземной католик,
Кадя златой его в костелах новых лик,
Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном:
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.

---

[1] Гугениус (1629—1695) — крупный ученый — математик и астроном.

[2] Кеплер (1571—1630) — ученый, открывший движение планет вокруг солнца.

[3] «О граде божии», кн. 16, гл. 9. *(Прим. Ломоносова.)*

Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ;
Он слово божие употреблял[1] напрасно,
В Системе света вы то ж делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг Солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней Луной течет.
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но, к свету применив, как точку представляем.
. . . .
. . . .
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны
Поставлены творцом; другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дотти по оным человек?
Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оного конец имеет сила.
Кроме, что вдалеке не кажет нам вещей,
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не досягает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем он наполнил Понт, и воздух и леса.
Прибавив рост вещей оно коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно.
Коль много Микроскоп нам тайностей открыл
Невидимых частиц и тонких в теле жил!
Но что еще? уже в Стекле нам Барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры
Коль скоро дождь густой на нивах зашумит
Иль, облаки прогнав, их Солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:

[1] «О граде божии», кн. 16, гл. 9. *(Прим. Ломоносова.)*

Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил:
Чрез то ж откроется в погодах разность сил.
Коль могут счастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной ни дождь опасен в поле?
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам,
И плавать по морю безбедно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!
Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целой год едва бы мне достал.
За тем уже слова похвальны оставляю,
И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.
Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапной треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум;
От гневного часа желает где б укрыться;
Причины оного исследовать страшится.
Дабы истолковать, что молния и гром,
Такие мысли все считает он грехом.
На бич, он говорит, я посмотреть не смею,
Когда грозит отец нам яростью своею.
Но как он нас казнит, подняв в пучине вал,
То грех ли то сказать, что ветром он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не родился,
То грех ли то сказать, что Нил там не разлился?
Подобно надлежит о громе рассуждать.
Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
Держал ученых смысл в смущении толиком,
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,
Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стеклянный шар дает удары с блеском.
С громовым сходственны сверьканием и треском.
Дивился сходству ум; но, видя малость сил,
До лета прошлого сомнителен в том был,
Довольствуя одни чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи:
И больше в том одном рачения имел,
Чтоб силою Стекла болезни одолел
И видел часто в том успехи вожделенны.
О, коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила туч гремящих мрак наводит,

Котора от Стекла движением исходит,
Что, зная правила изысканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром.
Единство оных сил доказано стократно:
Мы лета ныне ждем приятного обратно.
Тогда о истине Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас?
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу...

1752

НАДПИСЬ

К СТАТУЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних супостатов;
И словом, се есть Петр — отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько алтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

1750

НАДПИСЬ

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА 1753 ГОДА, ГДЕ РОССИЙСКОЙ ПОКОЙ УПОДОБЛЯЕТСЯ ПРЕКРАСНОМУ СЕЛЕНИЮ С ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ ЗДАНИЯМИ

Хотя счастливые военные дела
Монархам громкая на свете похвала,
Но в ясной тишине возлюбленного мира
Прекраснее ко всем сияет их порфира.
Велико дело в том, чтоб часто побеждать,
Но более того всегдашней мир держать.
В победах надлежит полкам большая доля,
В победах счастию почти дана вся воля.
Спокойной мир хранит одна премудра власть,
Не может войску быть, ни счастию в том часть,

Производить плоды природно только лету,
И кроткий мир един дает богатство свету;
То правда, надлежит и зиму тем хвалить,
Что может суровство поветрий отвратить
И вредны умертвить в лесах и нивах гады:
Подобные дает счастлива брань отрады.
Но как между стихий с зимой минет война
И нам является прекрасная весна,
От ней неистовы бореи убегают,
От ней приятные зефиры вылетают,
Дыхая по земле, дыхая по водам,
Велят всходить цветам, велят упасть волнам.
Ведут суда в моря и земледельца в нивы,
Готовят сладкой плод и в пристань путь счастливый.
Льют радость в понт, в луга, и в воздух, и в эфир:
Толь счастливы места, где дом имеет мир...

1753

*
* *

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал;
«Согрей обмерзло тело», —
Сквозь дверь он отвечал.
«Чего ты устрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши ни мало,
К себе его пустил.
Увидел, что крылами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.

Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
До суха выжимал.
Он чуть лишь ободрился:
Каков-то, молвил, лук
В дожже чать повредился, —
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал.
«Чего ты испугался?» —
С насмешкою сказал.
«Мой лук еще годится
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

1748

*
* *

Лишь только дневный шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидел там, что Жучко спит!
Обняв пастушку, Фирс храпит.
И овцы все лежали сряду.
Он мог из них любую взять,
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.

Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

1748

ГИМН БОРОДЕ

(В сокращении.)

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

. . . .

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам [1] любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

. . . .

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает,
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы [2]:
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.

. . . .

О коль в свете ты блаженна,
Борода — глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,

---

[1] Керженцы — раскольники, жившие в Керженских лесах.
[2] В этой строчке говорится о самосожжении раскольников.

Им в глаза плевал бы всяк:
Ею цел и здрав их зрак.

. . . .

Если правда, что планеты
Нашему подобны светы,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою,
Скажет кто: мы вправду тут —
В струбе там того сожгут.

. . . .

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом,
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен, —
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

. . . .

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?

. . . .

1757

Случились вместе два астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: Земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит.
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?
Он дал такой ответ: что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг кругом жаркого?

1761

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен!
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен;
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен,
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

1761

ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

(В сокращении.)

...Первое и главнейшее мне кажется быть сие: Российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем Российский язык изобилен и что в нем к Версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила:

Первое: в Российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству Славенского языка, которой с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *е*, *о* за короткие, *а*, *і*, *ѵ* за общие, *и*, *ѣ*, *ѡ* с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что перед двумя или многими согласными стоят, за долгие почел.

...Второе правило: во всех Российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных, довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так, что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том Грекам, Римлянам, Немцам и другим народам, в Версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше,

ни меньше определенного числа слогов не имели; а с другой, такую волю дать, чтобы вместо Хорея свободно было положить Ямба, Пиррихия и Спондея; а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на Рифмы кончащимся Польским и Французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они также, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Quelle docte et sainte yvresse,
Aujourdhui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc.

Однако нежные те господа на то не смотря, почти однеми рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма симболом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что сугорбившись и раскарячившись при музыке играющего на скрыпице Сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что Российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном Греческому, Латинскому и Немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную Версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье, чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять, и о тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первой род стихов называю Ямбическим, которой из однех только Ямбов состоит:

Бӗле̄ӗт бӯдто̆ сне̄г лйцо̄м.

Второй Анапестическим, в котором только одне Анапесты находятся:

Нӑчӗрта̄н мно̆го̆кра̄тно̆ в бӗгӯщйх во̆лна̄х.

Третий из Ямбов и Анапестов смешанным, в котором по нужде, или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во̆ пйщў сӗбе̄ чӗрве̄й хвӑта̄ть.

Четвертый Хореическим, что одни Хореи составляют:

Свѣ̄т мо̆й, зна̄ю̆, что̄ пы̆ла̄ӗт.
Мнѣ̄ мо̆я̄ нѐ слӯжйт до̄ля̆.

Пятой Дактилическим, которой из единых только Дактилей состоит:

Вье̄тся̆ крӯга̄мй змия̆ по̆ трӑвѣ̄, о̆бно̆вйвшйсь в рӑзсѣ̄лйнѣ̆.

Шестой из Хореев и Дактилей смешанным, где по нужде или по изволению ту и другую употреблять можно стопу.

Е̄жӗль бо̆йтся̆, кто̄ нѐ ста̄л бы̆ сйлӗн бӗзмѣ̄рно̆.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столькож родов Пентаметров, Тетраметров, Триметров и Диметров, а следовательно всех тридцать родов.

Не правильными и вольными стихами те называю, в которых вместо Ямба или Хорея можно Пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо Ямба Пиррихий положен:

Цвѣ̆ты̆ рўмя̄нӗц ўмно̆жӑйтѐ.

А здесь вместо Хорея:

Со̄лнцѐвӑ сѐстра̄ зӑбы̄лӑ

Хорея вместо Ямба, и Ямба вместо Хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимыя нужды или великия скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Что до Цезуры, надлежит оную, как мне видится, в средине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем Гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитать не может. За наилучшие, великолепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие, оные стихи почитаю, которые из Анапестов и Хореев состоят.

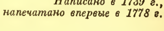
Чистые Ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаяся тихо вверьх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из Хореев и Дактилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых Аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бревна катайте на верьх, каменья и горы валите,
Лес бросайте, живучей выжав дух, задавите.

Протчие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробно упоминать для краткости времени оставляю.

Третье: Российские стихи красно и свойственно на мужские, женские, и три литеры гласные в себе имеющие Рифмы подобные Италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские Рифмы в Российских стихах употребляемы были, а мужские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей Версификации так свойственен и природен, как, ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуду пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим Польским Рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими: понеже все Польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третием, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится: то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только однеми женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские Рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в Комическом и Сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? и чем бы святее сии женские Рифмы: красовулях, ходулях, следующих мужеских: восток, высок, были? по моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют: но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: Российские стихи также кстати красно и свойственно сочетоваться могут, как и Немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные Рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собой перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские Рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других Европейских языках. Никогда бы мужеская Рифма перед женскою не показалася, как дряхлой, чорной и девяносто лет старой арап перед наипокланяемою, наинежною и самым цветом младости сияющею Европейскою красавицею...


Написано в 1739 г.,
напечатано впервые в 1778 г.

О КАЧЕСТВАХ СТИХОТВОРЦА РАССУЖДЕНИЕ

(В сокращении.)

Статью эту некоторые литературоведы приписывают Ломоносову. Не ставя вопроса о принадлежности ее Ломоносову, считаем, однако, что для характеристики теоретико-литературных взглядов русского общества середины XVIII в. она имеет важное значение. Статья эта была напечатана в «Ежемесячных сочинениях» за 1755 г., в майском номере, в котором она занимает первое место в ряду других статей. Нетрудно заметить, что первое место в номерах журнала отводилось статьям руководящим, значительным: «Предуведомление о выходе в свет «Ежемесячных сочинений» (январь), «О первом летописце российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных» (апрель), «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (июнь) и т. д. Нет сомнения, что и статья «О качествах стихотворца рассуждение» помещена была в журнале как важная, значительная; будучи напечатанной в журнале, она получила широкую известность в тогдашнем русском образованном обществе.

...В Российском народе между похвальными ко многим наукам склонностьми перед недавними годами оказалася склонность к стихотворству; и многие, имеющие природное дарование, с похвалою в том и преуспевают. Те, которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности оная есть наука. Другие, напротив того, написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся оная не дале простирается, как их знание постигло. Таковое неправое мнение, от единого самолюбия происходящее, подало случай предложить рассуждение о том, сколь трудна наука стихотворческая и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, который стихотворцем быть хочет, а при том дарование от бога особливое к изобретению новых мыслей и быстроту разума природную; то самое, что стихотворцы называют огонь стихотворческий.

... Стихотворец, не знающий ниже грамматических правил, ниже реторических, да когда еще недостаточен и в знании языков, а паче в оригинале Авторов, ежели не читал тех, которые от древних веков образцом стихотворству осталися, или новых, которые тем точно так как великие великим подражали, то николи до познания прямого стихотворства доступить не может. И чем меньше такой творец Рифм о науках прочих познание имеет, тем больше удаляется от тех качеств, которые природный дух в нем стихотворства довершают. Многие думают, что изучение словесных наук, которое у Латинщиков идет под именем humanoria, а у французов под именем Belles lettres, невеликого труда требует и невеликой нужды есть.

...Ежели хочешь быть в публике Автором, поступи дале во все словесные и во все свободные науки, которых может быть не только важность и польза к стихотворству, но и имена тебе неизвестны. Вместо того, что не различаешь еще в грамматике осьми частей слова и что ее знание, которое педантством называешь, и церьковных славенских книг чтение весьма потребны к доброму слову и правописанию; будь не только знаток, но и критик и

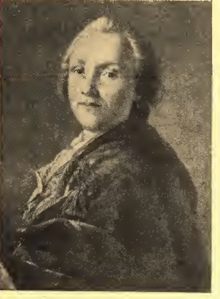
учитель в том языке, на котором пишешь, когда хочешь быть Автором, будь неотменно в некоторых случаях и Педант. Потом познай, что Период простой, что сложной и употребление частиц, соединяющих речь человеческую. Познай, что есть еще правила, которые речь и мысль твою украшают. Изучись отделять понятия и силлогистически представлять твои мысли. Положи основание по правилам Философии практической к благонравию. Пробеги все прочие науки, и не кажись в них пришелцем. Научись тем языкам, в которых библиотеку найдешь тебе учителей. Поступи во глубину чтения книг, найдешь науку баснословия, которая тебя вразумит к понятию мыслей старинных стихотворцев. Мы писателей Греческих имеем от двух тысяч и пяти сот лет назад, которые свои веки услаждали. Их старайся знать, и что другими подражателями в них не открыто, того сам доискивайся, последуя самому себе. Когда Сафо, когда Анакреонт в сластолюбиях утоплены, мысли свои писали не закрыто, когда Люкреций в натуре дерзновенен, когда Люциан в баснях бесстыден, Петроний соблазняет, оставь то веку их к тому привычному, а сам угождай своему в нежности и в словах благопристойных. Ежели из правил политических знаешь уже должность гражданина, должность друга и должность в доме хозяина и все статьи, которых практика в Философии поучает, то стихами богатство мыслей не трудно уже украшать, был бы только дух в тебе стихотворческий.

Материю о всем у Сократа найдешь,
К материи слова не трудно приберешь.

Сими снабден, загляни в историю древнюю, загляни в новую политическую и литеральную. В чем силен Демостен, в чем велик Цицерон или слаб Квинтилиан, чем друг к другу как Ораторы ревнуют, было бы тебе известно. Чем чтит Гораций Виргилия, в чем Виргилий велик, а Овидий нежен, почерпни то в самом языке Латинском. Прочти Французских великих стихотворцев в собственной их красоте, а не в переводе. Под сим малым числом я без числа тебе учителей разумею старых и новых. Рассуди, что все народы в употреблении пера и изъявлении мыслей много между собою разнствуют. И для того береги свойства собственного своего языка. То, что любим в стиле Латинском, Французском или Немецком, смеху достойно иногда бывает в Русском. Не вовсе себя порабощай однакож употреблению, ежели в народе слово испорчено, но старайся оное исправить. Не будь притом и дерзостен сочинитель новых. Хотя и свой собственный составить стиль, однако ж был бы он чист в правописании и этимологии, плодоносен в изобретении слов и речей приличных, исправен в точности их разума, в ясном мыслей изображении, в непринудительной краткости, в удалении от пустого велеречия, в падении по прозодии, в периодах, не заплетенных союзами, наречиями и междометиями, мысль твою затемняющими.

А. П. СУМАРОКОВ
(1718—1777)

Александр Петрович Сумароков происходил из знатного дворянского рода, ко времени рождения будущего поэта разорившегося. До четырнадцатилетнего возраста Сумароков обучался дома под руководством иностранных гувернеров, в 1732 г. был определен в только что открывшийся Шляхетный кадетский корпус, по окончании которого с 1740 по 1756 г. служил офицером. В 1756 г., будучи в чине бригадира, Сумароков был назначен директором Государственного театра с оставлением в «армейском списке». В 1761 г. Сумароков был уволен в отставку с сохранением жалованья, в 1763 г. Екатериной II произведен в чин действительного статского советника. После отставки Сумароков жил сначала в Петербурге, а с 1769 г. поселился в Москве; последние годы жизни Сумарокова прошли в большой материальной нужде.



А. П. Сумароков.

Писать начал Сумароков еще в Шляхетном корпусе; в ранних своих произведениях (любовные песенки, хвалебные оды, переложения псалмов) Сумароков находился под влиянием сначала Тредиаковского, а затем Ломоносова. С 1747 г. начинается драматургическая деятельность Сумарокова, создавшая ему славу великого писателя. С 1747 по 1774 г. Сумароковым написано девять трагедий: «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Артистона» (1750), «Семира» (1751), «Ярополк и Димиза» (1758), «Вышеслав» (1768), «Димитрий самозванец» (1771), «Мстислав» (1774). Несколько позже выступил Сумароков как комедиограф, он написал 12 комедий: «Тресотиниус» (1750), «Пустая ссора» (1750), «Чудовищи» (1750), «Приданое обманом» (1764), «Опекун» (1765), затем четыре комедии написаны Сумароковым в 1768 г.

(«Три брата совместники», «Ядовитый», «Нарцисс», «Лихоимец») и, наконец, три последних в 1772 г. («Мать совместница дочери», «Вздорщица», «Рогоносец по воображению»).

Сумароков — плодовитый писатель: начиная с 1755 г., в течение нескольких лет он напечатал очень большое количество различных стихотворных произведений и прозаических статей в журналах «Ежемесячные сочинения» за 1755—1758 гг., «Трудолюбивая пчела» (журнал издавался самим Сумароковым в 1759 г.), «Праздное время, в пользу употребленное» (1760), «Полезное увеселение» (1760—1762). Кроме того, Сумароков выпустил несколько стихотворных сборников: «Разные стихотворения» (1769), сборник, состоящий из четырех разделов (оды духовные, оды торжественные, элегии, эклоги); «Притчи» (кн. I—III) (1762—1769), «Сатиры» (1774), «Эклоги» (1774) и др. Вскоре после смерти Сумарокова в 1781 г. было выпущено Н. И. Новиковым полное собрание сочинений А. П. Сумарокова в десяти томах (второе издание в 1887 г.). Оба эти издания, однако, не являются полными.

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА

Генварь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Титульный лист журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела».

Сумароков — прогрессивный деятель, просветитель середины XVIII в., но просветительство его ограничивается узко-дворянскими рамками: Сумароков рьяно отстаивал самодержавно-крепостнический строй, привилегии дворянства, «подпоры престола». Сумароков отрицал деспотизм, отличая его от самодержавия, требовал улучшения административного и судебного аппарата, резко критиковал невежественных, грубых, жестоких дворян как вредных для дворянского общества членов, но он был очень далек от подлинных демократических тенденций, хотя отдельные его высказывания внешне и носят демократический характер, что с исключительной ясностью вскрыто Н. А. Добролюбовым. «Нельзя же ведь Сумарокова, например, — говорит Добролюбов, — назвать представителем народных интересов только потому, что у него есть такие стихи:

На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Мужик и пьет, и ест, родился и умрет,
Господский так же сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?

Этими стихами обольщаться не должно: смысл их не простирается далее такого заключения: людьми надобно обладать не скотине, а людям, и обладать по-людски, т. е. милостиво и справедливо».

Как писатель Сумароков являлся организатором и проводником в теории и на практике русского дворянского классицизма, отличного от классицизма Ломоносова. В 1748 г. Сумароков выпустил в свет своего рода литературные манифесты (эпистолы «О русском языке» и «О стихотворстве»), которыми он утверждал дворянский классицизм.

Несмотря на ярко выраженную дворянскую ограниченность, Сумароков оказал влияние на дальнейшее развитие русской литературы, так как в произведениях его проявилось «какое-то стремление на сближение литературы с жизнью» (Б е л и н с к и й).

НАСТАВЛЕНИЕ ХОТЯЩИМ БЫТИ ПИСАТЕЛЯМИ

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем
И помощию слов пространна языка
Все можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем все и чувствие и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Приняв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу объявляем
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки.
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был, и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французской,
Иль ближе объявить, каков способен русской.
Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного на нем числа писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
В Германию влечет российскую палладу,
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ее сотрет.
Другой, не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи себя, дает пиша в законы.
Кто пишет, должен мысль очистить наперед
И прежде самому себе подати свет,
Дабы писание воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет склада всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может скаредно во складе быти русском.
Не мни переводя, что склад тебе готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
Ты, путаясь, как твой творец письмом ни славен,
Не будешь никогда французяся исправен.

Хотя перед тобой в три пуда лексикон:
Не мни, чтоб помощью тебя снабжал и он,
Коль речи и слова поставишь без порядка;
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает ввек,
Хотя и все слова исправно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Во переводе мне яви ты силу точно.
Мысль эта кажется гораздо мне дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердися: мало книг у нас и делай пени.
Когда книг русских нет, за кем итти в степени?
Однако больше ты сердися на себя:
Пеняй отцу, что он не выучил тебя.
А естьли б юности не тратил добровольно,
В писании ты б мог искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед.
И посещающа благоуханну розу,
В соты себе берет частицы и с навозу.
А вы! которые стремитесь на Парнасс,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! песнь ваша не прелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна!
Стихосложения не зная прямо мер,
Не мог бы быть Мальгерб, Расин и Молиер.
Стихи писать не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно все, когда искусства нет,
Хотя творец, пиша, струями поты льет.
Без пользы на Парнасс слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верьх горы не взводит.
Когда искусства нет, иль ты не тем рожден,
Не строен будет глас и слаб и принужден.
А естьли естество тебя и одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство повторило.
Во стихотворстве знай различие родов
И что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка моется на чистом берегу,
Не перлы, но цветы сбирает на лугу,
Ни злато, ни сребро ее не утешает:
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь стихов пастушьих склад.
В них громкие слова, чтеца ушам жестоки,
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.

Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор:
Чтоб не был ни учтив, ни грубым разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы опять придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи.
Дай чувствовати мне пастушью простоту
И позабыти всю мирскую суету.
Плачевной музы глас быстрее проницает,
Когда она в любви, стоная, восклицает,
Но весь ее восторг, эрата чем горит,
Едино только то, что сердце говорит.
Противнея всего элегии притворство,
И хладно в ней всегда без страсти стихотворство,
Колико мыслию в него ни углубись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Кавказских гор верьхи и Альпов осязает.
В ней молния делит на полы горизонт,
И в безднах корабли скрывает бурный понт.
Пресильный Геркулес злу Гидру низлагает,
А дерзкий Фаетон на небо возбегает.
Скамандрины брега богов зовут на брань.
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с брегов балтийских мещет,
Екатеринин меч на Геллеспонте [1] блещет.
В эпическом стихе Диана — чистота,
Минерва — мудрость тут, Венера — красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю возмущает.
Когда в морях шумит волнение и рев,
Не ветер то ревет, ревет Нептуна гнев.
И эха голосом отзывным лес не знает,
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением, но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей Средьземный понт ломал
И грозные валы до облак воздымал.

[1] Геллеспонт — ныне Дарданеллы.

Он мстил Парисов суд за почести Венеры
И ветром растворил глубокие пещеры.
По сем рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель.
Посадской, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходят на театр: творец находит путь
Смотрителей своих чрез действо ум тронуть.
Коль ток потребен слез, введи меня ты в жалость,
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действ моих на смеси дум;
Смотритель к одному тогда направит ум.
Ругается смотря единого он страстью
И беспокойствует единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись мои глаза различием прельстить
И бытие трех лет во три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившись бытие.
И не греми в стихах, летя под небесами;
Скажи мне только то, что страсти скажут сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб я, зря твой театр имеючи за Рим,
В Москву не полетел, а из Москвы к Пекину;
Всмотряся в Рим, я Рим так скоро не покину.
Для знающих людей не игрищи пиши;
Смешить без разума — дар подлыя души.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью не знающа, что писано в указе.
Комедией писец исправить должен нрав:
Смешить и пользовать — прямой ее устав.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого: лезет он в удавку за полушку;
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки с фигурой сидя: рест.
В сатире ты тому ж пекись пиша смеяться,
Коль ты рожден, мой друг, безумных не бояться,
И чтобы в страстные сердца она втекла,
Сие нам зеркало в сто раз нужняй стекла.
А эпиграммы тем единым лишь богаты,
Когда сочинены остры и узловаты.
Склад басен Лафонтен со мною показал:
Иль эдак Аполлон писати приказал.

Нет гаже ничего и паче мер то гнусно,
Коль притчей говорит Эзоп, шутя невкусно.
Еще мы видим склад геройческих поэм,
И нечто помяну я ныне и о нем.
Он подлой женщиной Дидону превращает,
Или нам бурлака Энеем возвещает,
Являя рыцарьми буянов, забияк [1];
И так таких поэм шутливых склад двояк.
Или богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектор не в брань идет, но во кулачный бой,
Не воинов, бойцов ведет на брань с собой.
Иль пучится буян: не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец во кузнице — Вулкан,
А лужа от дождя — не лужа, окиян.
Ребенка баба бьет: то гневная Юнона;
Плетень вокруг гумна: то стены Илиона.
Невежа, верь ты мне и брось перо ты прочь
Или учись писать стихи и день и ночь.

1748—1774

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Димитрий Самозванец.
Шуйской.
Георгий, князь Галицкий.
Ксения, дочь Шуйского.
Пармен, наперсник Димитриев.
Начальник стражи.
Бояря и протчие.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Димитрий и Пармен.

Пармен. Разрушь монархова наперсника незнанье!
Дней тридцать лишь твое внимаю я страданье
И зрю, что мучишься на троне завсегда;
Какая предстоит Димитрию беда,
Блаженству твоему какая грусть мешает,

[1] Здесь имеется в виду герои-комическая поэма французского поэта Скаррона «Переодетый Вергилий».

Или уже тебя престол не утешает?
Хоть был несчастлив ты, но век твой ныне нов,
То небо отдало, что отнял Годунов:
Не мог тебе злодей во гроб дверей отперти;
Судьбиною ты взят из челюстей злой смерти,
А истина на трон отцов тебя взвела.
Какие ж горести судьба тебе дала?

Димитрий. Зла фурия во мне смятенно сердце гложет;
Злодейская душа спокойна быть не может.

Пармен. Ты много варварства и зверства сотворил:
Ты мучишь подданных, Россию раззорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь невинных.
Против отечества не утолим твой жар;
Прекрасный стал сей град темницею бояр.
Отечества сыны все счастьем одинаки,
И здравие твое брегут одни поляки.
Восточной церкви здесь закон совсем падет:
Под иго папское царь Росский нас ведет.
И ежели ко злу влечет тебя природа,
Преодолей ее и будь отец народа!

Димитрий. В законе Климент мя присягой обязал,
А польский мне народ услуги показал;
Так милости моей Россия не причастна,
Коль папской святости не хочет быть подвластна.

Пармен. Мне мнится человек себе подобным брат.
И лжеучители рассеяли разврат,
Дабы лжесвятости их черни возвещались
И ко прибытку им их басни освящались.
Нам наши пастыри того не говорят
И, с ними развратясь, судьбу благодарят.
Сложила Англия, Голландия то бремя
И пол-Германии: наступит скоро время,
Что и Европа вся откинет прежний страх,
И с трона свержется прегордый сей монах,
Который толь себя от смертных отличает
И чернь которого, как бога, величает.

Димитрий. Толь дерзостно Пармен о нем не говори;
Сие светило чтут и князи и цари!

Пармен. Не все к нему, не все усердным сердцем тают,
Но многие его притворно почитают,
И виден только в нем вселенский патриарх:
Не мира судия, не бог и не монарх.
А папа вить не всех людей скотами числит;
Разумный человек о боге здраво мыслит.

Димитрий. Во умствовании не трать напрасно слов,
Коль в небе хочешь быть; не буди философ,—
Премудрость пагубна, хотя она и льстивна.

Пармен. Премудрость вышнему быть может ли противна?
Исполнен ею, он вселенну созидал
И мертву веществу живот и разум дал.
На что ни взглянем мы, его премудрость видим.
Или, что в боге чтим, в себе возненавидим?
Димитрий. Премудрость божия непостижима нам.
Пармен. Так Климент оныя не постигает сам.
К понятию ее ума пределы тесны,
Но действа божества в творении известны.
И естьли изострим нам данные умы,
Что папа ведает, узнаем то и мы.
Димитрий. За дерзость будешь там ты мучиться вовеки,
Где жажда, глад, тоска и огненные реки,
Где скорбь душевная и неисцельных ран.
Пармен. Димитрий будет там, когда он стал тиран.
Димитрий. Я ведаю, что я нежалостный зла зритель
И всех на свете сем бесстудных дел творитель.
Пармен. Так должно от таких дел страшных убегать.
Димитрий. Нет сил и не могу себя превозмогать.
Затмится Росска честь и действия геройски:
Почтут отцом отцов мои все папу войски;
Оружием ему я церковь покорю,
Коль хочет царь того, удобно то царю.
Пармен. Во треволненное вдаешься, царь, ты море;
А тщася учредить Москве и Россам горе,
Готовишь ты себе несчастливый конец;
Колеблется твой трон, с главы падет венец.
Димитрий. Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцом мне быти в той стране,
Котора, мя гоня, всего противняй мне?
Здесь царствуя, я тем себя увеселяю,
Что Россам ссылку, казнь и смерть определяю.
Сыны отечества, поляки будут здесь;
Отдам под иго им народ Российский весь.
Тогда почувствую, последуя успеху,
Я сан величества и царскую утеху.
Когда притом и то я в добыч получу,
Что я давно уже иметь себе хочу.
А ежели сие, мой друг, не совершится,
Димитрий множества спокойствия лишится.
Грызеньем совести я много мук терплю;
Но мука мне и то, что Ксению люблю.
Пармен. У Ксении жених, а у тебя супруга...
Димитрий. Я чту тебя, Пармен, как верного мне друга;
Так я не кроюся: могу прервати брак,
И тайный яд мою жену пошлет во мрак.
Пармен. Объемлет трепет...

Д и м и т р и й. Ты пугаешься напрасно.
П а р м е н. О действии таком помыслити ужасно.
Д и м и т р и й. Я к ужасу привык, злодейством разъярен,
Наполнен варварством и кровью обагрен.
П а р м е н. Супруга пред тобой ни мало не виновна.
Д и м и т р и й. Перед царем должна быть истина бессловна;
Не истина, царь — я, закон — монарша власть,
А предписание закона царска страсть.
Невольник тот монарх, кто презрит те забавы,
В которых вольности препятствуют уставы:
И естьли б был таков порфироносца век,
Так был тогда б и царь подвластный человек,
И суетно бы он для подданных трудился,
Когда б как подданный он истиной судился.
П а р м е н *(особливо)*. Потщусь от варварства супругу обрегать.

(Димитрию.)

В геенну ты себя стараешься ввергать.
Д и м и т р и й. О Климент! естьли я в небесном буду граде,
Кому ж мучение готовится во аде!

ЯВЛЕНИЕ 2

Д и м и т р и й, П а р м е н и с т р а ж е н а ч а л ь н и к.

Н а ч а л ь н и к. Великий государь! смущается народ,
И все волнуются, как бурей токи вод:
Иной отважился и явно то вещает,
Что он против царя и скиптра ощущает.
Д и м и т р и й. Какой на площади плетется ими вред?
Я скоро прекрачу сей мерзкой черни бред.
Н а ч а л ь н и к. Не смею, государь, то точно повторяти.
Д и м и т р и й. Вещай! А Россов я умею усмиряти!
Н а ч а л ь н и к. Что ты не царский сын, которым ты явлен,
Что он, во Угличе, не ложно умерщвлен,
Отрепьевым тебя в народе именуют.
Твою историю вот тако знаменуют:
Что ты из общества монашеска ушел,
И в Польше ты себе убежище нашел,
И тамо, обманув и тестя и невесту,
Дошел обманами к престола царска месту;
Что днесь колеблется поляками сей трон,
И церкви западной ты вводиши закон;
Что ты безбожия и наглостей рачитель,
Москвы, России враг и подданных мучитель.
Д и м и т р и й. Надежну стражу мне поляками умножь
И духа яростью еще не востревожь;
Внимать извергов сих не станет больше мочи.
Представь мне Шуйскова и с дочерью пред очи.

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий и Пармен.

Пармен. Когда тебя судьба на трон такой взвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты злонравно,
Димитрий ты, иль нет, сие народу равно.
Димитрий. Мятеж от Шуйскова: в лице его то зрю,
Когда во друга я врага не претворю;
В сей день пожрет его, пожрет земли утроба
Отверзу и ему и Ксении дверь гроба.
Пармен. Остановляется моя сей речью кровь:
Неслыханную к ней имеешь ты любовь.
Димитрий. Любовь геройская во мщение преходит,
Когда взаимственной утехи не находит:
И ежели княжна пренебрежет сей страх,
Цветущу розу я преобращу во прах.
Когда противится монаршей нежной страсти,
Противится она законной царской власти.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий, Пармен, Шуйской и Ксения.

Димитрий. Мне дерзкой площади известен наглый шум
И основание ее коварных дум.
Сие московские вельможи утверждают
И благоденствие престола повреждают.
Шуйской. Не важен черни шум, то только звук пустой;
Их лай разносит ветр, исчезнет он...
Димитрий. Постой!
Мне тайны твоея нельзя проникнуть боле,
Все ясно: на моем быть хочешь ты престоле.
Шуйской. Чтоб я монархом был преславной сей стране,
Не всходят и на ум такие мысли мне.
Ты наш монарх и сын монарха Иоанна:
В Соборной церкви нам глава твоя венчанна.
Тираном был у нас злонравный Годунов.
Ты грозен, праведен: отец твой был таков.
Роптанье на тебя злочестные сугубят:
Тати, пияницы, — а протчие все любят.
По нужде днесь ты лют, но будешь милосерд.
Великий государь! в Москве престол твой тверд.
Димитрий. Безумцем ты меня, лаская мне, не числи:
Со взором, с речью сей твои не сходны мысли.
Будь истинный мне друг, то дружество храня.
Шуйской. Я твой послушный раб.
Димитрий. Пармен, оставь меня.

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий, Шуйской и Ксения.

Димитрий. Что ты передо мной в речах не лицемерен,
В том быти я хочу действительно уверен.
Мой рок любовию всю кровь мою зажог;
Так дай ты Ксению мне дружества в залог.
Ксения. Меня?
Шуйской. Супругу ты имеешь.
Димитрий. Законом та римлянка:
Благочестивая потребна россиянка.
Ксения. Я сердцем со другим давно сопряжена.
Димитрий. Так ты не хочешь быть монархова жена?
Ксения. Не отвратит меня сияние короны,
Ниже всея земли и скипетры и троны
От нынешней моей к любовнику любви,
И не погаснет жар горящий во крови,
Которым полон ум, которым чувство тает,
И вечно в сердце сем Георгий обитает.
Димитрий. Но смерть тебя и с ним удобна нискосить
И жар с обеих стран любовный погасить.
Ксения. Тогда навеки мы друг друга позабудем,
А прежде никогда неверны мы не будем.
Димитрий. Никак забыла, кому даешь ответ.
Страшишься ль смерти ты, мучений, казней?
Ксения. Нет.
Димитрий. Так ты готовься к ним в отважности без страха,
Не будет твоего на свете сем и праха.
О небо! истиной ко мщению бегу,
Тужа, что, жизнь отняв, терзати не могу.
Подвигнул бы теперь ад, море я и сушу
И вечно бы терзал я Ксенину душу.
Шуйской. Не буди, государь, так ею прогневлен;
Такой ее упор от младости явлен.
Коль толь очам твоим ее прекрасно тело,
Вручи родителю ее сие ты дело;
Я мысли дочери, конечно, пременю.
Ксения. Я честность верности до гроба сохраню:
Или ты должности родительской не внемлешь,
Что мя соделати неверной предприемлешь?
Все тщетно, как бы ты меня ни увещал.
Шуйской. Исполню то, что я исполнить обещал,
И образумится несмысленная дева.
Пожди и умеряй жар праведного гнева.
Димитрий. Увещевай ее, колико льзя тебе.
Ксения. Не вображай меня супругою себе.

ЯВЛЕНИЕ 6

Шуйской и Ксения.

Шуйской. Возникни истина к народной обороне!
Недолго враг Москвы пребудеши в короне.
Ксения. Но ты ему теперь иное говорил.
Шуйской. Не мни, чтоб истину злодею я открыл.
Твоя несмысленность и неискусна младость
Посеяли в тебе одну любови сладость;
Стремиться к роскоши прямым путем ийти;
Притворностью к ней путь стремися ты найти.
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело;
Обман усилился на трон его венчать,
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя.
О Боже! дай Москве и нам покойно время!
Ксения. Тиран отъемлет жизнь мою, меня разя.
Шуйской. Обманывай его, притворствуй, сколько льзя,
Надежду подавай, в нем сердце распаляя
И варварство его любовью утоляя,
Во воздыхание преобращая гнев.
Любви покорствует змея и тигр, и лев:
И звери дикие свирепство оставляют,
Как нежной роскоши приветствия являют.
Ксения. Сей варвар аспида и василиска зляй.
Шуйской. Отчаянную мысль, как можешь, удаляй,
Которою свой дух толико ужасаешь.
И помни, что отца, любовника спасаешь,
А к ним приобщено отечество твое,
Москва, Россия вся...
Ксения. Мне вестно все сие;
Но исполнение сего весьма мне трудно.
Избавь Россию мной, о небо правосудно!

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Георгий и Ксения.

Георгий. Язык мой должен я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить
И быти мерзостным лукавцам я подобен —
Вот поступь, естьли царь неправеден и злобен.

Ксения. Блажен на свете тот порфироносный муж,
Который не теснит свободы наших душ,
Кто пользой общества себя превозвышает
И снисхождением сан царский украшает,
Даруя подданным благополучны дни,
Страшатся коего злодеи лишь одни.
Георгий. О ты, печальный Кремль! стал ныне ты свидетель,
Что днесь низверженна с престола добродетель.
Томящаясь Москва в унынии дрожит,
Блаженство в горести из стен ее бежит:
Дни светлы кажутся густой темняе нощи;
Прекрасны вкруг Москвы покрыты мраком рощи.
Когда торжественный шумит во граде звон,
Нам мнится, что твердит он града общий стон
И церкви нашея паденье возвещает,
Которое она от папы ощущает.
О боже, ужас сей от Россов отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климент обещал на небеси награду
Мятежникам, врагам отеческому граду,
И что им все грехи прощает наперед;
Пострáждет так Москва, как страждет новый свет,
Там кровью землю всю railписты обагрили,
Побили жителей, оставших разорили:
Средь их отечества стремясь невинных жечь,
В руке имея крест, в другой кровавый меч.
Что с ними делалось в незапной их судьбине,
От папы будет то тебе, Россия, ныне.
Ксения. Все силы пагубны, Димитрий, Климент, ад,
Из сердца моего тебя не истребят.
О небо, удали свирепство папской власти,
А с ним и Ксении несносные напасти;
Дабы свою главу Россия подняла,
А я б супругою любовнику была!
Дай нам увидети монарха на престоле,
Подвластна истине, не беззаконной воле!
Увяла правда вся; тирану весь закон
Едино только то, чего желает он:
А праведных царей для их бессмертной славы
На счастьи подданных основанны уставы.
Наместник божества быть должен государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Из тартара тебя Мегера возметала,
Кавказ тебя родил, Иркания питала.
Извержет еретик толпой своих рабов
Тела святых мужей, ругаясь, из гробов.
В России имена их вечно сокрушатся,
И домы божии в Москве опустошатся.

Народ, сорви венец с главы творца злых мук:
Спеши, исторгни скиптр из варваровых рук:
Избавь от ярости себя непобедимой
И мужа украси достойна диадимой!

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, Георгий и Ксения.

Димитрий. Внемли и ты, и ты, Георгий, то внемли:
Вы ползующа тварь и черви на земли;
Внимайте рабственно монарше повеленье
Иль паче святости небес благоволенье:
Не для тебя сия девица рождена,
Она моею быть супругой суждена.
И естьли в бедствие не хочешь ты впускаться,
Престань прекрасною княжною сей ласкаться.
Георгий. Не спорю, государь, безмолвствую.
Ксения. И я.
Димитрий. И завтра будеши на веки ты моя.
Ксения. Из мысли то гоня, что было толь утешно,
Нельзя готовиться ко браку толь поспешно.
Я знаю, государь, сильна монарша власть,
Но не бессильные ее любовна страсть.
Не можна вдруг себя от страсти сей избавить,
Ниже любовника без горести оставить;
Дай несколько ты дней сей страсти волновать
И мне Георгия привыкнуть забывать.
Дай прежню исцелить глубоку в сердце рану,
Что в том, когда на брак отчаянна предстану.
Лишь только к олтарю я очи возведу,
Лишуся живота и мертвая паду.
Димитрий. Отвергни наглое во страсти волнованье —
Иль кончится его на свете пребыванье.
Исчезни, мелкая царю на жертву тварь:
Он прах земной, а я венчанный Россов царь.
Георгий. Довольно я терпел...
Ксения. Молчи!
Георгий. Сие презренье
Несносно мне...
Ксения. Мой князь!
Димитрий. Монархово смиренье
Преобращается во справедливый гнев:
Разверзся на тебя голодной смерти зев.
Вступите, стражи!

(Стражи вступают)

Георгий. Я готов на разны муки;
Коль отдан я судьбой во варварские руки.

Насыться, тать венца, убийца и тиран,
Моею кровию и кровию граждан,
Восшед на высоту из преисподня дола,
Доколь не будеши низвержен со престола.

Димитрий. В темницу.

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий и Ксения.

Ксения. Варварствуй, терзай меня, терзай:
На все злосчастия, свирепствуя, дерзай!
Ты благо каждого, мучитель, ненавидишь.
О боже! Ты его дела ужасны видишь,
Тебе известно то, каков народу он;
Всечасно от него ты слышишь бедных стон.
Проникни, каковы сии мне злы минуты,
Взгляни со небеси на горести толь люты,
Взгляни на трепет мой, взгляни на токи глаз,
Услышь моление, услышь мой томный глас.
Пошли мучителю достойную награду
И дай несчастнейшей хоть малую отраду!

Димитрий. Я скоро в горести тебе отраду дам,
Узнаете меня: явлю то ясно вам;
Георгий будет весь растерзан пред тобою,
А ты жди жалости подобной над собою.

Ксения. Почтенняй на торгу с Георгием умреть,
Как со Димитрием себя на троне зреть.

Димитрий. Исполнится в сей день сие твое желанье
И окончается к Георгию пыланье
В отмщенье скипетра, державы и венца.

Ксения. Со нетерпением я жду себе конца.
Ты пола не щадишь, ни рода здесь, ни чина;
Однако знай и ты: близка твоя кончина;
Здесь долго царствовать тебе надежды нет;
Тобой пролита кровь на небо вопиет;
Ты не был жалостью ни на минуту тронут:
Бояря, весь народ и стены града стонут.
Не страшны казни мне: угрозы все вотще;
Сражай меня, тиран; чего ты ждешь еще!

(Шуйской пред последним стихом приходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий, Ксения и Шуйской.

Шуйской. За дерзости свои достойны вы сраженья.

Димитрий. Превсходят дерзости все силы вображенья:
Во удивление придет то внемля свет.

Шуйской. Мой так отеческий приемлешь ты совет!
Ксения. В отчаянии мне...
Шуйской. В толико наглом деле
Беги от глаз моих: исчезни ты отселе.

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий и Шуйской.

Шуйской. Доколе не взойдет на горизонт луна,
Тебе престанет быть преслушницей она;
Смягчися, извини девическую младость.
Димитрий. Смягчает мя любви желаемая сладость.
Как я ее люблю, хоть я о ней стонал,
Я то до сих минут еще не прямо знал.
Любовью чувствие мое не утешалось,
И сердце славою единой украшалось.
Подвластен нежности простонародный дух,
И сей увеселял меня единый слух,
Что мой божественный венец ко страху блещет,
Москва во ужасе, Россия вся трепещет,
Дворяня знатные у ног моих лежат,
Вельможи предо мной, как пленники, дрожат.
Должна ли нежности порфира быть причастна!
О гордая душа! и ты любви подвластна.
Скажи ты дочери, чтоб пала предо мной,
И, мне желая быть покорною женой,
Взяла бы перстень сей в залог моей приязни,
Или б готовилась на место лютой казни.
Шуйской. Преслушная тебе, преслушна небесам,
И утверждаю я твое решенье сам;
Мы должны покорять желания и страсти
Закону божию и государской власти.

ЯВЛЕНИЕ 6

Димитрий, Шуйской и Пармен.

Пармен. Сугубится так шум, как буря востает,
Когда от северной страны Борей ревет.
Прервется тишины народныя граница.
Георгиева смерть, оковы и темница,
И что жестокости всегда на троне те ж
Приводят город весь во ярость и мятеж.
Каков твой сан, тебе опасности толики,
И бедства предстоят Димитрию велики.
Не восхотел ты здесь покойно обладать
И ярости своей не тщился обуздать:
Коль был бы подданным ты счастьем и отрадой,
Народ бы твоего престола был оградой.

Шуйской. Подпора трона я и площадь умягчу
И верность подданных монарху возвврачу.
Надейся, государь, на Шуйскова ты твердо.
Димитрий. Еще ли сердце днесь во мне немилосердо,
Что я Георгию и площади терплю
И новой кровию я града не кроплю!
Зияет тигр: а я зияющего глажу.
Пойди уйми народ, а ты умножи стражу.

ЯВЛЕНИЕ 7

Димитрий *(один)*. Не твердо на главе моей лежит венец,
И близок моего величия конец.
Повсеминутно жду незапныя премены.
О устрашающи меня кремлевы стены!
Мне мнится, что всяк час вещаете вы мне:
Злодей, ты враг, ты враг и нам и всей стране.
Гласят граждане: мы тобою разоренны;
А храмы вопиют: мы кровью обагренны.
Унылы вкруг Москвы прекрасные места,
И ад из пропастей разверз на мя уста,
Во преисподнюю зрю мрачные степени,
И вижу в тартаре мучительские тени,
Уже в геенне я и в пламени горю.
Возрю на небеса: селенье райско зрю.
Там добрые цари, природы всей красою,
И ангелы кропят их райскою росою.
А мне отчаянну, на что надежда днесь!
В век буду мучиться, как мучуся я здесь.
Не венценосец я в великолепном граде,
Но беззаконник злой, терзаемый во аде.
Я гибну, множество народа погубя.
Беги, тиран, беги... кого бежать?.. себя.
Не вижу никого другого пред собою.
Беги!.. куда бежать?.. твой ад везде с тобою.
Убийца здесь; беги!.. но я убийца сей.
Страшуся сам себя и тени я моей.
Отмщу!.. кому?.. себе?.. себя ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?.. того не вижу,
Все вопит на меня: грабеж, неправый суд.
Все страшные дела, все купно вопиют.
Живу к несчастию, умру ко счастью ближних.
Завидна участь мне людей и самых нижних;
И нищий в бедности спокоен иногда,
А я здесь царствую и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшед на трон обманом!
Гони и будь гоним: живи, умри тираном!

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Шуйской и Пармен.

Пармен. Я мысли мрачные злодею просветил
И новы ярости сколь можно укротил:
Георгия от уз тиран освобождает;
Довод мой гнев его по нужде побеждает,
Наперсником его я был бы верен в век,
Коль добродетельный он был бы человек;
Но сын отечества, член Росского народа...
Шуйской. Димитрия на трон взвела его порода.
Пармен. Когда владети нет достоинства его,
Во случаи таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он; но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.
Но пользует ли нам высокий сан един?
Пускай Димитрий сей монарха росска сын;
Да естьли качества в нем оного не видим,
Так мы монаршу кровь достойно ненавидим,
Не находя в себе к отцу любови чад.
Коль нет от скипетра во обществе отрад,
Когда невинные в отчаянии стонут,
Вдовы и сироты во горьком плаче тонут;
Коль вместо истины вокруг престола лесть,
Когда в опасности именье, жизнь и честь,
Коль истину сребром и златом покупают,
Не с просьбой ко суду — с дарами приступают;
Коль добродетели отличной чести нет,
Грабитель и злодей без трепета живет,
И человечество во всех делах теснится, —
Монарху слава вся мечтуется и снится.
Пустая похвала возникнет и падет;
Без пользы общества на троне славы нет.
Шуйской. Царю и обществу я всяких благ желаю.
Пармен. А я на небеса молитвы воссылаю.
Спасай отечество, Георгия, себя
И деву страждущу, рожденну от тебя.

ЯВЛЕНИЕ 2

Шуйской *(один)*.

Лукавствуй ты иль нет, Димитрий мной увянет,
Низвержется, падет, падет и не востанет.
Когда умрети рок велит, умреть хощу,
Но на Димитрия весь город возмущу.
Спасу престольный град, отечество избавлю:
Умру, но имени бессмертие оставлю.

Почтен герой, врага который победит,
Но кто отечество от ига свободит, —
И победителя почтенняй многократно:
За общество умреть и хвально и приятно.

ЯВЛЕНИЕ 3

Шуйской, Георгий и Ксения

Шуйской. Враг общества еще нам хочет говорить,
С собой желая нас тирански примирить,
Но предложение его хотя и гнусно,
Старайтесь поступать вы скромно и искусно.
Такой же вам совет и прежде я давал,
Но вы испортили, что я ни основал.
Кто силе уступать при нужде не умеет,
В развратном мире жить понятья не имеет.
Георгий. Оставь содеянну мне, князь, вину сию!
Презрительны слова тронули честь мою.
Они смятенный весь мой дух восколебали:
Предосторожности все разом погибали.
Я в век не ожидал, с рожденья моего,
Услышати таких речей ни от кого;
Неожидаемо нахальство ум расшибло,
Вся память отошла, терпение погибло.
И естьли б брак его с ней меньше мне грозил,
Я б меч тогда во грудь тиранову вонзил.
А днесь колико он бессовестен, безбожен,
Толь буду терпелив пред ним и осторожен.
Для ней одной, для ней ругательство стерплю:
Довольно ли тебя я, Ксения, люблю?
Ксения. А я Георгия зря к смерти осужденна,
Могла ль терпением быть хитро побежденна!
На что мне жизнь и свет в такой уже судьбе?
О мой любезный князь! душа моя в тебе:
Тобой живу, дышу, тобою украшаюсь,
Тобой блаженствую, тобою утешаюсь.
Не стану при тебе и в бедности тужить:
В убогой хижине с тобой готова жить.
Ни казнью мне тиран и никакой судьбою
Не разлучит меня, возлюбленный, с тобою.
Шуйской. Но скройте во сердцах взаимный свой сей жар.
Георгий. Ах, естьли поразит такой меня удар,
Что он насилие употребит ко браку!
Такое торжество Георгиеву зраку,
Свирепяй муки той, какая в аде есть:
И сердце каменно того не может снесть.
Трепещет грудь моя, душа моя разится,
Когда мне только то в уме вообразится.

К с е н и я. Откинь сей страх, того не будет никогда;
Сей брак не торжества, но смерти мне вреда.
И естьли я с тобой не буду сопряженна,
С тобою буду я во гробе положенна.
Пускай истлеет наш в пещере купно прах.
Не брак, но смерть моя тебе единый страх.
Г е о р г и й. Дай мне, любезная, единому умрети, —
И смерти твоея не возмогу я зрети.
Живи и в черную одежду облекись,
Живи и ангелом прекрасным нарекись!
Еще духовные духовну власть имеют,
Еще Игнатию противустати смеют,
И бодрствуют еще противу ересей,
Которы, папствуя, нам сеет пастырь сей.
Ш у й с к о й. В печали, в горести надейтеся на бога;
Всесилен он, премудр, его щедрота многа.
И следуйте во всем совету моему.
К с е н и я. Во всем последуем приказу твоему.

ЯВЛЕНИЕ 4

Г е о р г и й и К с е н и я.

К с е н и я. Пройдите вы скорей, пройдите дни плачевны!
Г е о р г и й. Пройдите времена, которы столько гневны!
Скрывайся в сердце ты, горячая любовь,
Престань воспламенять мою кипящу кровь
И нежным перестань ее прельщаться взглядом,
Дабы не стал тебе взгляд сей смертельным ядом!
Умолкни, страсть моя, и нужде покорись:
Жар, пламень мой, во хлад и в стужу претворись!
Скрывайтесь, нежности, колико станет мочи!
К с е н и я. Взирайте на него без нежности вы очи,
Не прежние текут минуты сладких дней,
И соглашайтеся с притворностью моей:
Не вображайтеся те радости минуты,
Которы милы толь, колико ныне люты,
Как будто не было приятства мне сего,
Не трогайте теперь вы сердца моего
И верностью к нему не востревожьте мысли!
Г е о р г и й. О небо, ты мое вздыхание исчисли!
К с е н и я. И капли изочти моих горчайших слез!
Г е о р г и й. Смягчи мою судьбу, царь солнца и небес,
И обнови мое сладчайше упованье
Или пересеки на свете пребыванье!
Не истребительна ничем любовь сия.
Княжна! я вечно твой и вечно ты моя,
Как мы ни мучимся несчастною судьбою.

Ксения. Готова Ксения на смерть идти с тобою,
И, больше жизни всей любезного любя,
На все мучения готова для тебя.
Сей град, колико он стал ныне ни развратен,
Тобой еще мне мил и так, как рай, приятен,
Мне мнится, все тобой наполнены места;
Коль нет тебя, Москва мне кажется пуста.
Те милы улицы и те во град дороги,
Твои касалися которым чаще ноги,
Те села близкие, где я с тобой жила,
И рощи, где с тобой хотя я раз была:
Те чистые луга, по коим мы гуляли
И вод журчанием свой слух увеселяли.
Георгий. Мне стены градские и башни, город весь
И протекающи меж гор потоки здесь,
Когда в приятную они погоду плещут,
И солнечны лучи, когда в день красный блещут,
И нощи темнота, во самом крепком сне,
Любезну Ксению изображают мне.
Не вижу при тебе душе малейшей смуты,
И полны нежностью все тропки, все минуты:
До издыхания я в области твоей.
Ксения. Подобно так и ты, любезный, мной владей.

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий, Георгий и Ксения.

Димитрий. Покорствуете ли предписанной судьбине?
Георгий. Все ясно рассмотрев, покорны оба ныне.
Димитрий. Во мзду сей жертвы мне, я все прощаю вам,
Но впредь не то явлю толь наглым я рабам.
О правосудия плоды, вы мщенью вкусны,
Как женской слабости вы кажетеся гнусны!
Быть пользою чему подлейша может тварь.
А мучить весь народ единый может царь:
Благополучия се в мире совершенство!
Георгий. Но всенародное устроити блаженство
Удобно в свете сем ему же одному;
Ласкательно и то величью твоему.
Димитрий. Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богат быть должен царь, а государство бедно.
Ликуй, монарх, и все под ним подданство стонь!
Всегда способняе к труду нежирный конь,
Смиряемый бичом и частою ездою
И управляемый крепчайшею уздою.
Георгий. Способствует трудам усердье и закон.

Димитрий. Самодержавию к чему потребен он?
Узаконения монарши — царска воля.
Георгий. Самодержавие России лучша доля.
Мне думается, где самодержавства нет,
Что любочестие, теснимо, там падет;
Вельможи гордостью на подчиненных дуют,
А подчиненные на гордых негодуют.
Не сын отечества, отечества злодей,
На троне ищущий из подданных судей.
Правленья таковы совсем России новы:
Коль нет монарха в ней, власть — тяжкие оковы.
Несчастна та страна, где множество вельмож:
Молчит там истина, владычествует ложь.
Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава.
И естьли властвовать ты будешь так Москвой,
Благословен твой трон и век России твой.
Димитрий. Я слышу таковы нередко женски басни:
Сияй, Москва, или хотя на век угасни!
Пускай живут мои народы в ней, стеня;
Не для народов я, народы — для меня.
А ты мя к милости на то увещеваешь,
Что Ксению еще имети уповаешь.
Георгий. Но досаждаю ли предлогом сим царю,
Когда я истину и в страсти говорю?
Я знаю то, что я во всем царю подвластен,
Но жар моей любви короне не причастен.
Мое ль то, что закон естественный дает?
Димитрий. У вас имения и собственности нет.
Ты князь! князь Галицкий и отрасль Константина,
Однако предо мной ты тень и паутина:
Все божье и мое.
Георгий. Себе я свой ли сам?
Димитрий. И ты принадлежишь царю и небесам:
А будучи моим, своим себя не числи.
Георгий. Моя ль во мне душа, кровь, сердце, ум и мысли?
Димитрий. То все не для тебя в тебе сотворено,
Но богу то и мне совсем покорено.
Георгий. Но бог свободу дал своей последней твари,
Так могут ли то взять законно государи?
Властительны они законы пременить,
Но может ли их власть неправду извинить?
Димитрий. Не приключайте вы душе моей тревоги,
Пойди под стражу ты в назначенны чертоги,
Моя любезная, прекрасная княжна,
А взавтре будеши Димитрию жена.
Ты плачешь?

Ксения. Я тебе стараюсь быть подвластна,
Колико я, увы, Георгием ни страстна.

(Георгию.)

Неожидаемой покорствуя судьбе,
Преодолей себя колико льзя тебе!

ЯВЛЕНИЕ 6

Димитрий и Георгий.

Димитрий. Ты худо следуешь, Георгий, повеленью!
Смущаешься.
Георгий. Стремлюсь любви ко одоленью.
Димитрий. Бледнеешь.
Георгий. Нет... креплюсь... колико станет сил...
Ты знаешь, государь, что Ксении я мил
И без смятения нельзя ее оставить.
Димитрий. Но сердце наглое старайся ты исправить.
И беспрепятственно волнуй лишь тамо страсть,
Где выше смертных сан и полномочна власть.
Георгий. Цари и цесари, колико ни преславны,
Но в нежности любви и раб и цесарь равны.
Людей боготворит едина только лесть:
Не сходны должности и различная честь,
Определенная достоинству награда.
Царь подданных отец, а подданные чада.
Мы все рождаемся и краткий век живем:
Вельможа, царь и раб, — и все потом умрем.
Пещера малая, скрывающая сира,
И победителя равно сокроет мира.
Оставим хижину, отшед из света вон,
Оставит и монарх великолепный трон.
Во всех нас действует равенственно природа:
И в обладателе подвластного народа,
Как и в родившемся незапностью рабе,
И все подвержены естественной борьбе.
Премены чувствуешь ты в царском сердце гневном,
Их чувствую и я во сердце днесь плачевном.
Услыши, боже мой, молитву ты мою,
Зри слезы, кои днесь перед тобою лью:
Простри от горьних стран божественную руку
И злую отврати со Ксенией разлуку;
В тебе спасение, в тебе я льщусь найти;
Не дай несчастному в отчаянье прийти!
Димитрий. По увещании родительском и многом,
Терзайся, рвись, рыдай и сетуй перед богом:
А мне приятно то, когда страдаешь ты,
Зря в области моей любезны красоты.

ЯВЛЕНИЕ 7

Г е о р г и й *(один)*. Не чтя бессмертного и смертных ненавидя,
Довольствуйся, тиран, мое мученье видя.
Тревожа весь мой ум и грудь мою разя,
Гордися и губи людей, доколе льзя!
Ах, естьли я лишусь красот, которы милы!
И вображение того отъемлет силы:
Мертвеют чувства все, темнеет солнца луч,
И небо кажется покрыто мраком туч,
А воздух над Москвой наполнен мутным адом.
Увижу ль, солнце, я тебя над здешним градом,
Народу счастливу светяще в высоте,
Лучи пускающе во прежней красоте;
Восплещут ли опять, играя, здешни воды;
Ко обитателям прийдут ли дни свободы
И возвратятся ли те радостны часы,
В которы зрел без слез я Ксении красы;
Избавится ль сей град бесстудия и срамов
И возблистают ли верьхи златые храмов;
Затворит ли, увы, свой алчный злоба рот;
Возвеселятся ли дворяня и народ,
Возрадуются ли московские девицы
И воссияют ли прекрасные их лицы;
Престанет ли багрить дворец и храмы кровь?
Возникни здесь покой, возликовствуй любовь
И буди счастливых сердец увеселеньем!
А ты, Москва, а ты будь райским нам селеньем!

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Д и м и т р и й и К с е н и я.

Д и м и т р и й. Когда готовятся утехи нежны нам,
Одолевай себя любезный вид очам
И сердце умягчи, ярящееся вседневно,
Произведенное на троне быти гневно.
Когда ты будеши супругою моей,
Прибегнут подданны ко милости твоей.
Мной должно множество народа помирати;
Тщись миловать сирот, вдов слезы отирати,
И строгости мои умеривай, как друг.
Будь жалостна жена, когда жесток супруг.
А естьли строгостей моих и не умеришь,
Но милостью своей ты подданных уверишь,

Что есть еще к кому в страданьи прибегать,
Хотя ты страждущим не в силах помогать,
Пусть мучится народ, как мучился он прежде;
Но каждый, живучи в обманчивой надежде,
Рожденный иго несть, как подлый человек,
В надежде будет жить и мучиться вовек,
Прямыя помощи не видя ниоткуду
И тако говоря: я завтра счастлив буду —
Довольствуется тем; но завтра то придет
И новые ему напасти приведет.
Но пусть подвластный мне всегда народ болеет,
Димитрий ни о ком из них не сожалеет;
Для собственности всяк живет на свете сем.
Все в мире пагубно и развращенно в нем.
Хочу тираном быть: все хвалят добродетель,
На свете коей нет, чему весь мир свидетель;
Не устрашает ад, колико ни грозит;
Так праведно людей Димитрий здесь разит.

Ксения. Достойно, государь, злодеев истребляти;
Однако должно ли невинных погубляти?
Не беззаконию ль определенна месть?

Димитрий. Достойны мщенья все, колико смертных есть.

Ксения. Когда такими всех, Димитрий, примечает,
Себя ль единого он только исключает?

Димитрий. Когда бы меняе самолюбив я был,
Давно б Димитрия Димитрий погубил.
И естьли б было льзя с собою разделиться,
Я стал бы мукою своею веселиться,
Готовый сам себе в мученьи сострадать
И на отчаянье отчаян соглядать.

Ксения. Изрядный брак теперь супруге обещаешь
И преизрядное спокойство предвещаешь!
Супружницу ль такой супружник пощадит,
Который и себя по нужде не вредит?

Димитрий. Когда боишься ты жестокости и казни,
Вседушно ты ищи супруговой приязни,
Ставь мужа своего превыше естества:
Покорствуй, почитай в нем образ божества.

Ксения. Великолепен царь, почтен монарх и славен,
Но быть любовнице любовник должен равен.
Хотя и узница с царем сопряжена;
Она рабыня ли иль царская жена?
Ищи в супружество девицы равночестной.

Димитрий. Ищу в супружество девицы я прелестной;
Порода красоты лицу не придает:
В селе и в городе цветок равно цветет,
А став супругой мне, судьбой определенной,
Послушна буди дщерь монарха всей вселенной

И, мне покорствуя, любви моей ищи.
А ежели не так, страшись и трепещи.
Ксения. Георгий о женах не тако рассуждает.
Димитрий. Георгий рабствует, Димитрий обладает.

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, Ксения и начальник стражи.

Начальник. Во граде радостной нет вести никакой:
Как сядет солнце, с ним исчезнет твой покой.
Ужасен вечер сей: жди с трепетом ты ночи;
Не будут солнца зреть твои с престола очи,
Игнатий патриарх во ересях дрожал,
И се лукавый муж из града убежал.
Бояря вечер сей к измене простирают,
Духовные отцом другого избирают:
Ожесточается дворянство и народ;
Брегися, государь, жестоких ты погод.
В тебе твоя одном осталась оборона:
Валится со главы уже твоей корона.
Димитрий. И всех бояр она с собою повалит.
Начальник. Ждет стража, что творить Димитрий повелит.
Димитрий. Представь Пармена мне и храбро стражей прави:
А в страшной сей ночи свой сон совсем остави.

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий и Ксения.

Димитрий. Вот верности, княжна, князей твоих плоды!
Ксения. О небо, отврати от сих князей беды!
Когда, о царь! народ перед тобой злочинен,
Родитель ли мой в том и князь Георгий винен?
Димитрий. Я знаю их давно. А ты отсель пойди.

(Пармен приходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий и Пармен.

Димитрий. Какой приказ я дам, ты то распоряди,
Сия мне страшна ночь добра не предвещает,
И страхи все моя грудь ныне ощущает.
Дрожу... престол падет, преходит жизнь моя...
Куда, отчаянный, к кому прибегну я!
Встают против меня и бог и человеки,
Разверсты пропасти, пылают адски реки.

Уж я во узника почти преображен:
И небо, и земля, и ад вооружен.
Дух смутный демоны терзают неотступно:
Мой подданный народ гнушается мной купно,
Весь град колеблется, от варварства стеня,
И отвращается всевышний от меня.
Я враг природы всей, отечества предатель,
И сам создатель мой — мой ныне неприятель.

Пармен. В жестокосердии не буди тако тверд:
Колико грешен ты, бог столько милосерд.

Димитрий. Во милосердии бог столько изобилен,
Колико я хранить устав его бессилен.

Пармен. Во добродетели одной его устав.

Димитрий. Но добродетели противится мой нрав,
И сердцу моему к ней, вижу я, путь трудный.
Где скроюсь от тебя, о боже правосудный!
Убежища мне нет во горести моей;
Ад, небо и земля — все в области твоей.
И ждет меня мое мученье бесконечно;
Преобрати живот в небытие мне вечно:
Бери и огнь и гром, кинь молнию, губи,
И дух из существа навеки истреби!
Едино днесь меня, едино услаждает.

Пармен. Конечно, истина твой разум побеждает?

Димитрий *(вручая ему хартию)*.
Что тут написано, исполни все сие.

Пармен *(прочет надпись)*.
Ко нову варварству стремление твое!

Димитрий. Бояря, пастыри — все б были умерщвленны.

Пармен. Коль должно быть сему, труды мои явленны.

Димитрий. Представь Георгия и Ксению с отцом
Под стражей пред моим монаршеским лицом.

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий *(один)*. Блаженная душа идет в объятье бога,
А мне показана с престола в ад дорога.
Сия последня ночь, ночь вечна будет мне:
Увижу наяву, что страшно и во сне.
Скончает неба мрак народныя напасти,
Отнимет у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спешит на небеса,
И солнце, утомясь, нисходит за леса,
Дабы свежай себя природе возвратило...
Помедли, в небеси горящее светило!
Во учрежденный час ты спустишься всегда,
А мне уже тебя не зрети никогда.

ЯВЛЕНИЕ 6

Димитрий, Шуйской, Георгий и стражи.

Димитрий. Я ведаю то все, кем бунты учрежденны:
А вы пред окнами умрети осужденны.
Шуйской. Великий государь!..
Димитрий. Не трати больше слов.
Георгий. Лишенный Ксении, умрети я готов;
Уж больше мне нельзя ничем на свете льститься.
Шуйской. Дай с дочерию мне в последния проститься:
Для ней единыя мне смертный час — боязнь.
Димитрий. Я сам того хочу — умножить вашу казнь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Шуйской, Георгий и стражи.

Георгий. Умрем без робости, себя преодолеем:
Покажем городу, что мужество имеем.
Умрем.
Шуйской. Умрем; когда определенный рок,
По власти вышняго, толико нам жесток.

ЯВЛЕНИЕ 8

Шуйской, Георгий, Ксения и стражи.

Ксения. Пришли уже часы неизреченной муки.
Се с вами день моей, день вечныя разлуки!
Превыше сил моих минуты мне сии;
О небо, укрепи ты немощи мои!
Шуйской. Сим образом монарх на трон тебя венчает.
Георгий *(Ксении)*. Сим образом мою к тебе любовь кончает.
Ксения. Страдай ты, Ксения, страдай, страдай теперь!
Георгий. Любезная княжна!
Шуйской. Возлюбленная дщерь!
Лишаюся тебя.
Георгий. Навек тебя я трачу.
Ксения. Стеню без помощи и без надежды плачу.
Шуйской. С младенческих ты лет утехой мне была,
Во добродетели и в красоте цвела,
Своею красотой беседы украшала,
А добродетелью пол женский возвышала;
К веселью моему и радостям росла,
Ему сладчайшую надежду принесла.
Георгий. Которая в сей день навеки исчезает.
Ксения. Томится грудь моя, теснится, замерзает...
Над страшной пропастью я, бедная, стою:
Возьми, о небо, жизнь, возьми ты жизнь мою!

Чем прежде я себе, живуща, ни ласкала,
Чего на свете сем я прежде ни искала,
Всего лишаюся, лишаюся того,
Что мне и живота милее моего.
Родитель мой!.. мой князь!.. тобою я рожденна,
Твоей, несчастная, любовью побежденна:
Дав дочери ты жизнь, вонзи ей меч во грудь
И окончателем горчайшей жизни будь!
Иль ты вонзи мне меч, любви моей содетель,
И буди верности к себе моей свидетель!

Георгий. Крепися, сколько льзя, любезная княжна!
Шуйской. Нужна моя мне смерть.
Георгий. И мне она нужна.

ЯВЛЕНИЕ 9

Шуйской, Георгий, Ксения со стражами, Пармен и стражи.

Пармен. В темницу весть велел в сию вас царь минуту.
Шуйской. Иду в темницу я.
Георгий. Иду на смерть я люту.
Ксения. Пармен!
Шуйской. Идем, когда предел уже такой.
Пармен. Когда разрушили вы общества покой,
Примите мзду.
Шуйской. Се муж достойный градожитель.
Георгий. Казни и не суди нам, варварства служитель.
Ксения. Ты жалостный свой нрав на зверство пременил,
Которо много раз ты прежде сам винил.
Пармен. Ведите их.
Шуйской. Умерь тоску, княжна несчастна!
Георгий. Останься, Ксения, ты мною меньше страстна!

ЯВЛЕНИЕ 10

Ксения со стражами и Пармен.

Ксения. Не тронут жалостным позорищем таким,
Насыться, злой тиран, мучением моим!
Когда ты наглые чтишь варварски уставы,
Рази, влеки мой дух, терзай мои составы,
Невинну кровь мою подобно ты пролей
И руки, обагрив без сожаленья в ней,
Взведи на небеса окровавленны руки,
Чтоб ты избавлен был в том мире вечной муки!
Бог, правый судия, колико он ни щедр,
Не внемлет он молитв из тартаровых недр.
Отмстите, небеса, душе его зловредной!

Отмстите!.. ах, но мне в том кая польза бедной!
Хоть адских не прервут мучители оков,
Отец, любовник мой не встанут из гробов.
Я им мила, а мне они всего дороже.
Порабощенну мысль тебе вручаю, боже.

Пармен. В неутолимых сих пребуди ты слезах
И будь отчаянна в тирановых глазах.
Я больше ничего тебе не отвечаю.
Исполни, боже, то, чего хочу и чаю!

Ксения. Чай, мерзостный тиран, и жди достойной мзды!
В геенне соберешь насеянны плоды.

ЯВЛЕНИЕ 11

Ксения и стражи.

Ксения. Исполнилося все, и часть моя свершенна;
Томись, моя душа, толико сокрушенна.
Умрут и пренесут во гроб ко мне любовь...
Остановляется дыхание и кровь...
Ах! руки в казнь уже убийцы простирают:
Вкушают князи казнь, падут и умирают.
И преселяяся, покорствуя судьбе,
Зовут и Ксению страдающу к себе,
Оставленную здесь, отчаянну и сиру...
Иду за вами я к безвестну нами миру...
Преобратился сей цветущий прежде град
Во мрачный, в ужасный, в неисходимый ад...
Отверзи челюсти, пылающа геена,
И выпусти меня! за что тобой я пленна?
Не в аде я! — но где ж?.. жива ли я?.. иль нет?..
Не рушится ль земля?.. не небо ли падет?..
Ах! небо и земля безвредны пребывают,
Но князи навсегда меня позабывают...
Куда, стрегущие, велите мне идти?
Везде равно; нигде отрады не найти!

Занавес опускается

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ V

ЯВЛЕНИЕ 1

Димитрий *(один).*

Занавес подымается: Димитрий спящий сидит на креслах; возле него стол, на котором царские утвари, и, проснувся, говорит:

Довольно я терплю душевных огорчений;
Не умножайте вы, мечты, моих мучений:

Мне все приснилося, чем страшен сей мне град,
И весь перед меня предстал ужасный ад.

(Слышен колокол.)

В набат биют! сему биенью что причина!

(Восстает.)

В сей час, в сей страшный час пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звон!
Вещай мою беду, смятение и стон.
Трепещет дух во мне... сего не знал я прежде...
Объят отчаяньем, и нет путей к надежде.
Дом царский зыблется, колеблется чертог...
О боже!.. но меня оставил вечно бог...
А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибежища... не зрю... в геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и там рука твоя!
Исторгнет мя на суд из адския утробы,
Суди и осуждай за все творимы злобы;
И человечества я враг и божества;
Против я шел тебя, против и естества...
Весь воздух восшумел: враги вооруженны
У стен моих палат ярятся приближенны,
А я бессильствую, их наглости внемля...
Все, все против меня: и небо и земля...
О град, которым я уж больше не владею,
Достанься ты по мне такому же злодею!

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, стражи и страженачальник.

Начальник. Весь Кремль народом полн, дом царский окружен,
И гнев во всех сердцах против тебя зазжен,
Вся стража сорвана: остались мы едины.
Димитрий. Не может быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойдем... повержем... стой... ступай... будь здесь... беги
И мужеством число врагов превозмоги!
Бегите! тщитеся Димитрия избавить!..
Куда бежите вы?.. хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!..
Убегнем... тщетно все, и поздно все теперь.
Введите Ксению.

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий *(один)*. Не трона отлученье
Важнейшее мое тяжчайшее мученье,
Но то, что в ярости лютейшей я горю

И услаждения в отмщении не зрю;
В крови изменничей, в крови рабов виновных,
В крови бы плавал я, и светских и духовных,
Явил бы, каковы разгневанны цари,
И кровью б обагрил и трон и олтари,
Наполнил бы я всю подсолнечную страхом,
Преобратил бы сей престольный град я прахом,
Зажег бы град я весь, и град бы воспылал,
И огнь во пламени до облак воссылал.
Ах! суетно сии мя мысли утешают,
Когда меня судьбы отмщения лишают.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий, Ксения и стражи.

Димитрий. Внимая бунта шум, ты в радости не мни,
Что нежности твоей не кончилися дни;
Как скоро ты меня узришь не на престоле,
Не будешь ты часа на свете этом боле;
Удар, который мя изменою разит,
Моею и в тебя рукой кинжал вонзит:
Ты узницей умрешь, не царскою супругой.
Ксения. Достойна смерти сей какою я прослугой?
Димитрий. Любовница и дочь предателей моих!
Когда они спаслись, так ты умри за них,
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева.
Ксения. Не страшен более несчастный мне конец,
Когда спасенны мой любовник и отец.
Единыя такой боялась я разлуки.
Омой невинною моею кровью руки,
Когда ни милости, ни сожаленья нет;
Кончай плачевну жизнь во дни цветущих лет!
Не удивится ли Россия и вселенна,
Услыша, что тобой девица умерщвленна,
Толико близко быв у сердца твоего,
Ко раздраженчю не сделав ничего.
Не ждет родитель мой моей невинной казни,
Ни город наш ко мне такой твоей приязни.
Не думает никто, что я их долг плачу
И пол чертогов сих я кровью омочу.
Димитрий. Прельстившемуся мне, прекрасная, тобою,
Одни уж мысли зреть тя мертву пред собою.
Зрю сам, колико ты в сии часы бедна;
Но ты к отмщенью мне осталася одна;
Винна ли ты иль нет, будь винна града жертва:
Доколь не свергуся с престола, буди мертва...
В предверии моем я слышу стук и треск...

Пришли минуты злы, короны тмится блеск.
Готовься ощущать караемую злобу.

(Хватает ее за руку, вынимает кинжал и подымает на нее.)

Жди смерти и умри, предшествуй мне ко гробу.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Димитрий, Ксения, Шуйской, Георгий и воины.

Георгий. Какое зрелище!
Шуйской. Свирепая душа!
Димитрий. Лишайтеся ее, престола мя лиша!
Георгий *(несколько приближася к нему)*.
Когда ты чьей-нибудь погибели желаешь,
Смягчи суровство мной, в котором ты пылаешь!
Георгий твой злодей.
Шуйской. Не он, не дочь моя
Виновны пред тобой, начальник бунтов я.
Димитрий. Когда содеяти хотите ей пощаду,
Ступайте вон отсель и объявите граду,
Что я им дарствую и милость и приязнь,
Или над сей княжной свершится града казнь.
Шуйской. За град отеческой вкушай, княжна, смерть люту!
Георгий. Стремится на меня зло все в сию минуту!..
Судьбина, ждал ли я столь страшного часа!..
Вельможи и народ!.. Димитрий!.. небеса!..
Оставь невинную; моей лей токи крови
И сотвори конец несчастнейшей любови!
Димитрий. Мне жертва та мала к отмщенью моему.
Георгий *(отступив и обратясь к народу)*.
Спасения лишен, на смерть лечу к нему.

(Бросаяся на него.)

Прости, любезная!
Ксения. Прости!
Димитрий *(устремився Ксению заколоть)*. Увяньте, розы!
Пармен *(с обнаженным мечом, вырывая Ксению из рук его)*.
Прошли уже твои жестокости и грозы,
Избавлен наш народ смертей, гонений, ран:
Не страшен никому в бессилии тиран.
Димитрий. Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!

(Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая, падущий в руки стражей.)

Ах, естьли бы со мной погибла вся вселенна!

Конец трагедии.

1771

ОПЕКУН

Комедия в одном действии

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Чужехват, дворянин.
Сострата, дворянская дочь.
Валерий, любовник Состратин.
Ниса, дворянка и служанка Чужехватова.
Пасквин, слуга Чужехватов.
Палемон, друг покойного отца Валериева.
Секретарь.
Солдаты.

Действие в Санктпетербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Пасквин *(один)*. Нет, ради всех сокровищей света не останусь я больше в этом поганом доме. Подлинно это правда, что каков поп, таков и приход. И может ли это быть, чтобы господин был бездельник, а слуги бы у него были добрые люди? Всего меня обокрали, а напоследок украли с меня и крест. Конечно, это кто-нибудь по обещанию подтяпал. Прости, Сострата! прости, моя возлюбленная Ниса! пришло вас покидать, хотя и не хочется. Здешние воры так хитры, что они и душу у человека украсть могут; надобно отселе выйти, доколе я жив, а после будет поздно; потому что у тела, в котором нет души, ноги более не ходят.

ЯВЛЕНИЕ 2

Сострата, Ниса и Пасквин.

Сострата. Что ты здесь один поговариваешь?

Пасквин. А поговариваю я то, что я во здешнем доме больше служить не намерен.

Ниса. А для чего?

Пасквин. А для того, что здешние люди, обокрав меня всего, украли нынешнею ночью с меня и крест.

Сострата. Какой он был и велик ли?

Пасквин. Маленький и золотой.

Сострата. Так я тебе дам золотой и большой.

Пасквин. На нем же было вырезано мое имя и год и день моего рождения.

Сострата. И я это велю вырезать, и Пасквиново имя.

Пасквин. Это не прямое мое имя.

Сострата. Как же?

Пасквин. Прямое мне имя Валериан, потому что так на кресте у меня вырезано.

Сострата. Слышишь ли, Ниса? Так это и очень походит на правду, а я этого и не рассмотрела.

П а с к в и н. Я сроду не лгал, и что крест у меня украли, — это правда, как и то правда, что я Валериан, а не Пасквин. А тебе где было это видети? вить ты моего креста не видала.

С о с т р а т а. Как же тебе имя-то переменили?

П а с к в и н. Нрав переменити у человека трудно, а имя легко. Я знал людей, которых подьячими называли; после дали им имена регистраторов, после секретарями называти стали, а потом судьями; имена им даваны новые, а нравы у них осталися прежние. А что я и Валериан, и Пасквин, так это может быть ради того, что я двойнишник. Да пускай я от отца и не два имею имени, и дано мне другое имя после, однако я тот же, и нрав у меня тот же — без беседы и поныне быть не могу, по пословице: каков в колыбельку, таков и в могилку. Нрав очень редко переменяется: слуги здешнего дома воры были, воры ныне, воры и впредь будут.

С о с т р а т а. Слышишь, Ниса? Он и Валериан, и двойнишник.

П а с к в и н. Да у него же и крест украли.

С о с т р а т а. Я тебе уже сказала, что я тебе вместо украденного креста другой дам.

П а с к в и н. От того креста зависело все мое благополучие, а от этого оно зависеть не будет.

Н и с а. Как это?

П а с к в и н. Мне сказал хиромантик то, что я по тому кресту счастлив быть могу.

С о с т р а т а *(Нисе)*. Вот и это правдою пахнет. *(Пасквину.)* Только это не хиромантик был.

П а с к в и н. Конечно, хиромантик, почему это знати другому? А ежели вы этому не верите, так я вам его укажу и еще засвидетельствую им самим: а я его иногда и во здешнем видаю доме. Он у батюшки твоего бывает, и он-то меня ему во услужение и препоручил, подговорив меня у хозяина, у которого я в доме вырос.

С о с т р а т а *(Нисе)*. Я думаю, что все это дело сегодня же развяжется.

П а с к в и н. Трудно развязаться; воры здешнего дому очень хитры и таковы же в этом хитры, как их господин; у других сыщут они и чужое все, а у них ничего не сыщешь и своего собственного. Это они у ябедников переняли. А я в здешнем доме жить больше не хочу.

С о с т р а т а. Я прошу тебя, чтобы ты еще здесь побыл.

Н и с а. И я тебя прошу.

П а с к в и н. Да ежели бы я ведал то, что будешь ты за Валерием, а ты за мной, так бы я на это согласился.

С о с т р а т а. Погоди только.

Н и с а. Только погоди.

П а с к в и н. Как ни годи, только тебе не бывать за мною, а тебе за Валерием.

Сострата. Погоди только.

Ниса. Только погоди.

Пасквин *(Сострате)*. Дай же мне во уверение поцеловать ручку. *(Сострата дает ему руку.)*
(Нисе.) А ты во уверение поцелуй меня.

Ниса. Погоди немного.

Пасквин. Что это у тебя за пословица: погоди да погоди, да и госпожу-то этому же научила; конечно, ты подьяческая дочь?

Ниса. Вот тебе во уверение рука моя: ее поцелуй.

Пасквин *(целует руку, и потом)*. Ну, я погожу; а что будет, увидим.

ЯВЛЕНИЕ 3

Сострата и Ниса.

Сострата. Вот, Ниса, не выходит ли чаяние мое истиною?

Ниса. Да, пожалуй, растолкуй мне это все подробно.

Сострата. Выслушай. Этот бездельник, у которого мы ныне имеем несчастие жити в доме, как был помоложе, казался добрым человеком и хитростию своею все свои плутни преобращал в добродетель и вкрался в сердца многих. Притворство у несовершенно проникающих людей и у тех, которые о всем по своим сердцам рассуждают, более нагой добродетели имеет успеха; потому что добродетель редко хитростию укрепляется, хотя нагая добродетель от того часто и вредна бывает, и следственно тогда и она несколько, а иногда и гораздо порочна. Батюшка мой по смерти поручил меня этому злодею, а я и при всем моем достатке претерпеваю ныне нужду. Твой батюшка был хотя и скудной человек, однако дворянин, а ты поручена по смерти от него этому плуту ныне служанкою в доме. Таким же образом, как мы, поручены ему Валерий и брат его. Валерий отдан был по счастью на воспитание приятелю отца своего, человеку разумному и богатому, после которого получил он и наследство, а о Валериане слух носится, что он украден: намнясь, как были мы в день Валериева рождения у него, так он рассказывал то, что он двойнишник и что вырезано на кресте у него, когда он родился, в доказательство, сколько ему лет, и что такая верная записка старым женщинам, которые молодятся и кокетствуют, убавляя себе бесстыдным образом лет по десятку, закрывая морщины белилами и румянами, конечно, не была бы угодна, и что такой же крест надет и на брата его, который с ним родился. А я ныне нечаянно увидала у Пасквина этакой крест и нарочно отрезала его у него ночью, отчасти подумав: не брат ли уже он его, потому что от Чужехвата всякого бездельства надеяться можно; а теперь это дело уже не на издевку походит. И хотя я и не посмотрела, что на его кресте вырезано, не важным еще почет это дело, да только

малое сомнение имев. Однако сказал уже Пасквин то, что на кресте его вырезано; и ежели этот не ему крест надлежит, так, конечно, он получил его от того, кому он от Валериана достался, будучи маленькой; а от этого о смерти Валериановой великое подается сомнение. Надобно это дело поразведать. Я об этом поговорю с Валерием, а между тем посмотрю, то ли вырезано на кресте, что и у Валерия, тот ли год и число, и не по наслышке ли о Валериане Пасквин это наговорил.

Ниса. Что же бы за прибыль была в этом нашему Чужехвату, чтобы брата Валериева не было?

Сострата. Та прибыль ему, чтобы, потеряв его, овладеть его наследством; а в завещании написано, что ежели кто из братьев у них умрет, так наследник он по них за воспитание и труды.

Ниса. Для чего же к этому выбрал он одного Валериана?

Сострата. Валерия, видно, оставил он ради того, что очень бы уже подозрительно было обоих потерять младенцев колыбельных, а из двух их пал, видно, жребий на меньшого.

Ниса. К изрядному попалися мы душеприказчику!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Чужехват.

Чужехват. Мерзкие, негодные, плюгавые, скаредные! долго ли мне вас учить? Я думаю, что мне от вас до гробовой доски покою не будет!

Сострата. Что такое сделалось?

Чужехват. У Пасквина крест украли, а он жалуется да из дому вон хочет.

Сострата. Кража та, сударь, обыкновенное здесь ремесло, и, кажется, можно уже вам привыкнуть к этому здешних людей бездельству и поменьше гневаться.

Чужехват. Не о том дело, что они крадут; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своих, так бы в доме помаленьку прибавлялось; а у своего украсти, так это из кармана в карман перекладывать да шум делать, а мне беспокойство. Пускай бы крали: кто без греха и кто бабе не внук. А хотя бы по слабости, что и у своих товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронити, чтобы не подумали, что свой взял. Тому-то я их учу, да дурака хотя век учи, так не научишь. А об этом говорю ли я, чтобы не крали. Ведь они не на каторге, для чего у них волю отнимать? Кража невеликая вина, потому что она страсть общая слабости человеческой. Мошна дело первое на свете; пуста мошна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительнее, нежели просить ради Христа. Честь да честь! какая честь, коли нечего есть? До чести ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна, пусто и брюхо.

Сострата. Изрядное нравоучение!

Чужехват. Конечно, изрядное. Так лучше по твоему поступать нравоучению? Намнясь видел я, как честной-то по вашему и бесчестной, а по-моему разумной и безумной, принималися. Бесчестной-ат по-вашему приехал, так ему стул, да еще в хорошеньком доме: все ли в добром здоровьи? Какова твоя хозяюшка? Детки? Что так запал? Ни к нам не жалуешь, ни к себе не зовешь? А все ведают то, что он чужим и неправедным разжился. А честного-то человека детки пришли милостыни просить, которых отец ездил до Китайчетого царства и был во Камчатном государстве и об этом государстве написал повесть; однако сказку-то его читают, а детки-то его ходят по миру, а у дочек-то его крашенинные бостроки, да и те в заплатах; даром то, что отец их во Камчатном был государстве, и для того-то, что они в крашенинном таскаются платье, называют их крашенинниковыми.

Сострата. А ежели бы это дошло до двора, так, может быть, чтоб таких людей дети по миру таскаться и перестали.

Чужехват. А когда у кого что свое есть, так ему нет нужды, знает ли о нем двор или нет. Щей горшок, да сам большой; а горшок-ат равно варит, хотя купленый, хотя краденой. *(Оборотясь к Нисе.)* Так-то, Нисанька! да что ты задумалась?

Ниса. Я о тебе, сударь, думаю.

Чужехват. Что такое?

Ниса. Я, сударь, не смею этого выговорить.

Чужехват. Говори, нет ничего: брань на вороту не виснет.

Ниса. Мне думается, что ты разбойник и что тебе быть повешену.

Чужехват. Туда и дорога; а что пожито сладко, так то мое, по присловице: что взято, то свято; а эта присловица законная и в приказах наблюдалася ненарушимо, разве ныне по новому уложенью отставится.

Ниса. А душа та куда? Во ад?

Чужехват. На что заранее мучить себя; и тогда спастися можно, когда петлю накидывать станут. Да в том я полно и винен ли, что плутую? Потому что без воли божией ничего не делается, и не спадет со главы человеческой волос без воли божией; так я плутую по воле божией, по пословице: что ежели бы не бог, так бы кто мне помог.

Сострата. Бог плутам не помогает и дал человеку волю избирати доброе и худое, за одно обещая воздаяние, а за другое грозя наказанием. А кто противу совести своей святой не повинуется истине, так тот суетно уповает на милость божескую.

Чужехват. Святая истина! что это у тебя за святая? Ее и во святцах нет, так мы ей не молимся. А покаяние все грехи очищает; покаюся часа за два до смерти, да в те же войду в царство небесное ворота, в которые и вы: а что пожито послаще и жито, как хотелося, так то в барышах.

Сострата. Что вам это сделалося, что вы так бесстыдны стали под старость? Уж и я знаю, что вы не таковы были: а прежде сего все вас почитали добрым человеком, как я слышала. Ради чего вы прежде притворялися и старалися добрым казаться человеком.

Чужехват. Слыхала ли ты повесть о некоем попе римском?

Сострата. Нет, сударь.

Чужехват. Ты, Нисанька, слыхала ли?

Ниса. Я, сударь, эдаких повестей не слушаю.

Чужехват. Будешь же ты в раю.

Ниса. А для чего же не быть? Разве мое спасение от того зависит?

Чужехват. Как же не от того; ведь бог грешника без попа простить не может; а ведь и ты не без греха то-таки. Ты же девушка молоденькая, так, хотя не делом, ин мыслию согрешишь; един бог без греха, а мы все грешники.

Ниса. Все грешники, сударь, да не все бездельники.

Чужехват. Все бездельники, от них же первый есмь аз.

Ниса. Конечно, ради того, чтобы тебе это слово чистосердечнее выговаривать.

Чужехват. Так-таки, Нисанька. А повести о попах читай; они грехи прощают.

Сострата. Они прощают именем божиим, а не своим; а они только свидетели.

Чужехват. Так вот, Нисанька, не все ли мы бездельники? И сам бог нам без свидетелей не верит.

Ниса. Я, сударь, богословию не училась.

Чужехват. Однако священников-то не презирай.

Ниса. Я и так их не презираю.

Сострата. Из чего вы это заключаете? К духовным доброй человек должен иметь почтение, потому что они научают нас добродетели и собою примеры показывают. А презренны из них только те, которые этого недостойны имени.

Чужехват. Что ты говоришь? Духовные презренны?

Сострата. Да, сударь, и не только духовные, и государи те презренны, которые этого титла недостойны. Одни заключают нам пути ко временному благополучию, а другие к вечному. Одни за малейшие слабости людей казнят, а другие проклинают и, разными образами отъемля свободу, отягощают естество человеческое. А это мое толкование ни правосудным государям, ни добронравным духовным не может быть противно.

Чужехват. Вот, коли бы я тебя не велел учить, так бы ты эдакой наглости не имела и эдакого бы вздору не молола. Не о том дело, слыхала ли ты о попе-то римском?

Сострата. Я вам уже сказывала, что не слыхала.

Чужехват. В Римском царстве, у соборной церкви был поп, здоровой человек, а ходил завсегда скорчася, чтобы смирен-

нее казался и чтобы за такое смирение сделали его поскорее ключарем, потому что это место там доходно, а молодых людей туда не избирают, не ведаю ради чего; а как его только выбрали, так он тотчас и разогнулся и стал так бодр, как ты, говоря причетникам церковным, которые его спрашивали, что ему вдруг за причина дала здоровье: я ради того ходил нагнувшися, что искал тогда ключа к церкви, а теперь на что мне корчиться и в землю смотреть, ключ этот я уже сыскал.

Сострата. Это рассказывают о Сиксте пятом.

Чужехват. В том нет нужды о пятом или о десятом.

Сострата. Да к чему вы эту историю привязываете?

Чужехват. К тому-то, что я ради того лицемерил прежде чтобы мне верили и не мешали разживаться. А теперь я уже доволен, так на что мне честное имя?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Пасквин.

Пасквин. Валерий пришел, сударыня, к тебе.

Чужехват. Напрасно он суетится; не видать его ей мужем, как ушей своих.

Сострата. Я хотя в зеркале увижу их. *(Отходит.)*

Чужехват. А ты, Нисанька, куда?

Ниса. Куда люди, туда и я.

Чужехват. Нет, останься; я с тобой о некоторой поговорю нужде.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чужехват и Ниса.

Ниса. Что это, сударь, за нужда?

Чужехват. Ты знаешь, Нисанька, с каким я тебя возрастил попечением?

Ниса. Да, сударь, я в вашем выросла доме. Да к чему это предисловие?

Чужехват. А к тому-то оно, что я хочу жениться, а это счастие сделаю тебе и учиню тебя участницею моего имения и моего сердца.

Ниса. Эдакой женитьбе и куры смеяться станут; мне семнадцать лет, а вам семьдесят.

Чужехват. Да я так бодр, как лучше быть нельзя, и молодого детину заткну за пояс.

Ниса. Ты, сударь, бел, как лунь: изволь посмотреться в зеркало.

Чужехват. То-то и хорошо: без пудры белоголов; а ежели тебе надобен муж черноголовый или русый, так можно купить парик.

Ниса. А французов, которые снаружи убирают головы, навезено много.

Чужехват. Много за грехи наши: а таких не вывозят, которые бы нам головы внутри убирали.

Ниса. Ныне, сударь, во всем только об одной поверхности стараются, а о важности мало думают; так вот отчего у нас пустоголовых людей много.

Чужехват. А у меня не только голова, да и мошна не пуста, даром то, что она снаружи не нарядна и только из посконной холстины. Снаружи она убрана не по-французски, да в ней хорошо, по присловице, что не красна изба углами, красна пирогами. А этот пирог начинен не кашею, а золотом и серебром, а медные деньги мне не по мысли: пускай ясно видят безумцы, что медные деньги не то, что золотые и серебряные, и, платя при размене по три процента, верят тому, что и медные деньги такие ж, как золотые, серебряные, и что по положенной цене всякие деньги равны, из какого бы они металла и какой бы величины ни были.

Ниса. Однако я за тебя, сударь, не пойду, хотя бы ты был богатее турецкого султана.

Чужехват. Хотя ты ко мне теперь и холодна, однако когда о моих червончиках поболее подумаешь, конечно, поразгорячишься...

. . . .

ЯВЛЕНИЕ 10

Чужехват, Валерий и Сострата.

Чужехват. С роду моего я себе не представлял этого, чтобы женщина могла сопротивляться любви такого человека, у которого много денег, и это мне совсем неестественно кажется; деньги всего преимущественнее в мире, и потому-то, что человек их иметь может, и создан он по образу и по подобию божию. Естество две имеет души: солнце и деньги; солнце сотворил бог, а деньги сотворил человек; и потому-то он уподобляется создателю подсолнечныя, для того, что во всей подсолнечной ничего нет полезнее солнца и денег.

Сострата. Что это, сударь, такое?

Чужехват. Надобно скорее послать за лекарем: Нисаньке надобно кровь пустить.

Сострата. Да она совсем здорова, я ее теперь видела.

Чужехват. Даром то, что ты ее теперь видела; однако она в жестокой горячке и бредит, и в уме совсем повредилася.

Сострата. Из чего вы это заключаете?

Чужехват. Из того, что я хочу на ней жениться, она за меня нейдет.

Валерий *(особливо)*. Кровь-то пустить надобно ему, а не ей.

Сострата. Это, сударь, удивительно, что она за вас нейдет.

Чужехват. Чудно и непонятно.

Валерий. Это мне чудно и непонятно, что она за вас не выходит; однако и то мне чудно ж и непонятно, ради чего вы за меня Сострaты выдать не хотите?

Сострата. И предпочитаете ему многих безумцев, которых вы мне в женихи избираете.

Чужехват. Коли вы меня это сказать принуждаете, так я вам это на прямые выговорю денежки: те, которых я избираю, люди или совершенно староманерные или совершенно новоманерные; а ты, друг мой, ни то ни се, ни мясо ни рыба и не следуешь никакой моде, ни прародительской, ни нынешней.

Валерий. Я следую, сударь, только чистосердечию, здравому рассудку, простоте природы и благопристойности вкуса; а эта мода никогда не переменяется, хотя и не всеми, да только одними теми последуема, которые достойны имени человеческого.

Чужехват. Однако кафтан-ат на тебе не по простоте природы сделан; волосы-то у тебя не по простоте природы; а о маншетах-то природа и не думывала.

Валерий. Я, сударь, и в этом не скоропостижен; а в таких мелочах на что от людей отставать: выдумывать моды — мелочь, отставать от моды — такая ж мелочь. На что платье выдумывать, когда такая выдумка ни малейшия славы не приносит? а отставать от моды разве ради того, чтобы дураки имели причину пересмехать и досаждать.

Сострата. Не моды, сударь, у вас в уме, да для того вы меня хотите выдать за какого-нибудь дурака, чтобы вам можно было моего мужа обмануть и удержати мое имение, мне после моего отца принадлежащее.

Чужехват. Да меня и ты, государь мой, не перетягаешь и не впрямь-то я так стар, что не могу ни жениться, ни кнута вытерпеть.

Валерий. Пойдем, сударыня, во твои комнаты, пускай он об этом другому говорит, а не мне; а я этого слушать не могу.

Чужехват. А, а! эдакой молодец! еще не дошло до того, а он уже испугался; а я, хотя и старик, однако ударов пятьдесят еще вытерплю.

ЯВЛЕНИЕ 11

Чужехват *(один)*. Кнута я не боюсь, да боюсь я вечной муки, а мне ее, как видно, не миновать. О великий боже! хорошо бы жить было на свете, ежели бы тебя в нем не было; не давали бы мы ни в чем никому по сокровенным делам отчета; а ныне от тебя никаким образом не можно укрыться. На что такая в законе строгость: не бери чужого, вить я, и овладев чужим, чужого из твоего мира не вынесу; так не все ли равно, что оно в того хозяина или в другого сундуках. Господня земля и все ее исполнение. *(Становится на колени.)* Великий боже! не вниди в суд со рабом твоим! каюся пред тобою от всего моего сердца и от искренности души моей. Отпусти мне мое согрешение, но не взыскивай от меня,

чтобы я то, что я себе присвоил беззаконно, отдал назад; ибо сие выше человечества. Вем, господи, яко плут и бездушник есмь, и не имею ни к тебе, ни ко ближнему ни малейшия любви; однако, уповая на твое человеколюбие, вопию к тебе: помяни мя, господи, во царствии твоем. Спаси мя, боже, аще хощу или не хощу! Аще бо от дел спасеши, несть се благодать и дар, но долг паче. Аще бо праведника спасеши, ничто же велие, и аще чистого помилуеши, ничто же дивно — достойни бо суть милости твоея; на мне, плуте, удиви милость твою!

ЯВЛЕНИЕ 12

Чужехват и Пасквин.

Пасквин. Конечно, скоро, сударь, преставление света будет.

Чужехват. Почему?

Пасквин. А потому, что вы каятесь.

Чужехват. Как не каяться, Пасквинушка; ведь вечная-то мука не шутка.

Пасквин. А когда она не шутка, так и шутить ею не надобно.

Чужехват. Когда бы бог милосерд был, так бы никакой муки не надобно было.

Пасквин. Послушай-ка, сударь: ежели бы был такой милосердой настух, у которого бы собаки грызли день овец и он бы своих собак только гладил, так овцы его сказали ль бы, что этот пастух человек милосердой?

Чужехват. Ты все дела к наказанию пригибаешь.

Пасквин. Негодные дела сами к наказанию пригибаются. Что бы ты сделал, ежели бы я сто рублев украл?

Чужехват. У кого?

Пасквин. У кого ни есть, это все равно.

Чужехват. Коли бы ты украл у меня, так бы я тебя отдал на виселицу; а ежели бы не у меня, так бы я тебе и слова не сказал: какое мне до других людей дело; а я не бога граблю, так на что ему в чужие мешаться дела? Есть ли тут хотя малое правосудие?

Пасквин. Видно, сударь, то, что вы изрядно покаялись.

Чужехват. И положил еще на себя эпитемию.

Пасквин. Какую?

Чужехват. Чтобы понедельничать.

Пасквин. Милостивый сударь! позвольте мне на эту минуту сделаться рифмотворцем.

Чужехват. Да ты этому не учился.

Пасквин. На Руси такая мода, что те-то около этой науки и трутся, которые мало грамоте знают.

Чужехват. Ну, какая у тебя рифма?

Пасквин. Нежели понедельничать, лучше не бездельничать.

Чужехват. Ты меня побраниваешь?

Пасквин. Милостивый государь, стихотворцы говорят не то, что хотят, да то, что им велит рифма.

Чужехват. Дурацкая это наука, когда она заставляет говорити то, что велит рифма, а не то, что должно. А сверх этой моей эпитемии хочется мне и в Киеве побывать. О Киеве, Киеве, святый граде Киеве, помилуй мя недостойного раба твоего! От самого Петербурга пойду пешком туда, Пасквин.

Пасквин. Богу все это равно, пришел ли кто на молитву или приехал.

Чужехват. Однако идти-то потруднее.

Пасквин. А ежели ты туда поползешь, так-то еще и того труднее.

Чужехват. Да отселе до Киева-то не доползешь и в три года.

Пасквин. Да зачем тебе туда?

Чужехват. Я человек самый грешной, и беззакония превзыдоша главу мою; так я, не уповая больше на милосердие божие, хотя и каюся, угодников божиих попрошу, чтобы они за меня слово замолвили.

Пасквин. Поверь, милостивый государь, тому, что ни один угодник божий за тебя не вступится, ради того, что они недобрых людей, следуя примеру божиему, не любят.

Чужехват. Я их умилостивлю: сожгу воску пуда три.

Пасквин. Поколь не очистится твое сердце, так ты не умилостивишь ничем бога, хотя ты сожжешь триста ульев воску с медом и со пчелами.

Чужехват. Ты это бредишь, как басурман, а я проповедую, как сын церкви.

Пасквин. Зачем вам, сударь, на старости ехать в Киев? Останьтеся здесь да молитеся: тот же бог и здесь, который в Киеве.

Чужехват. Там место освященное, а не такое, какое здесь; да здешнему же городу еще и немецкое имя. Скажи мне, Пасквин, ради чего этот город называется по-немецки?

Пасквин. Этого я, право, не знаю.

Чужехват. Так то-ста, Пасквин: идти в Киев хотя и трудновато, жаль ног, а души еще больше.

Пасквин. Виновата душа, а наказаны будут ноги.

ЯВЛЕНИЕ 13

Пасквин *(один)*. Несчастливы у того человека ноги, у которого душа дурна.

[В явлениях 14—17 начинают выясняться преступления Чужехвата; он ничего не подозревает, не покидает мысли жениться на Нисе.]

ЯВЛЕНИЕ 18

Чужехват, Ниса и Пасквин.

Чужехват. Что, Нисанька, одумалася ли ты?

Ниса. В чем, сударь?

Чужехват. А в том, сударыня, чтобы выйти за меня замуж.

Ниса. Я, сударь, вам это уже сказала, что я за вас нейду.

Чужехват. Так ты червонцев-то себе не воображала: какой у них вид, какое сияние и какая в них притягательная сила?

Ниса. Нет, сударь.

Чужехват. Ни империалов?

Ниса. Я, сударь, и в бедности моей, этой подлости не имею, чтобы мне утешаться воображением денег.

Чужехват. О великий и всемогущий боже! как ты слышишь такие душепагубные речи и терпишь такое беззаконие? удивляюся твоему долготерпению.

Пасквин. И я, сударь, удивляюся, что бог ей такое великое терпит беззаконие.

Чужехват. Как ее гром не поразит или земля не пожрет! и иконы святые, прославленные многими чудесами, золота и серебра не уничтожают.

Ниса. Я, сударь, не икона и чудесами не прославлена, и золота и серебра вашего мне не надобно, а кажется мне, что хотя и хорошо, кто от усердия святые и по справедливости нами почитаемые иконы золотом и серебром украшает, а особливо те, которые показывают божией премудрости знамения, сотворшего премудростию своею небо и землю, однако еще лучше пригвоздить сердце свое к богу, нежели кусок золота или серебра к иконе его.

Чужехват. Серебро-то и золото, Нисанька, к иконе приложить можно, хотя и не то на уме, а сердце-то к богу, когда не то в мысли, не приложишь; а я, за келью, между нами молвить, к богу-то никакого усердия не имею, и в этом вам, как доброй человек и православный христианин, чистосердечно признаваюсь. А тебя, рублевичек мой, червончик мой, империальчик мой, возьму я за себя и силою: лучше отнять волю у человека и спасти его, нежели оставить ему ее на его погибель; а молодым людям воли давать никогда не надобно, потому что они не знают еще, что им полезно и что вредно.

Ниса. Нет, сударь, силою вы на мне жениться не можете.

Пасквин. Этого, сударь, не водится.

Чужехват. А тебе, дружок, до этого дела нет, я уже давно приметил то, что ты за нею волочишься; так ступай с двора долой, ступай, ступай! и чтобы духа твоего здесь не было! вон, вон из двора, вон, негодной!

ЯВЛЕНИЕ 19

Чужехват, Валерий, Палемон, Ниса и Пасквин.

Пасквин. Вот, Ниса, это тот хиромантик, который мне предсказывал то, что я по кресту счастлив буду, и которой мне приятие службы в здешнем доме препоручил, а меня гонят вон за то только, что ты старика любить не хочешь. Без слуг бы были

старики, ежели бы они людей своих из домов выгоняли за то, что их молодые не любят женщины.

Валерий. Это не хиромантик, да друг нашего с тобою, Валериан, отца, возвращающий мне моего брата, а тебе твою породу.

Чужехват. Что ты такое бредишь? еще страшный суд не пришел и воскресения мертвых нет; а младенец этот, о котором ты мелешь, тому уже двадцать два года, как умер. А ежели бы он воскрес, так бы он воскрес так, как он умер: двухлетним младенцем, а не эдаким пестом; ведь люди на том свете не вырастают.

Палемон. Тебе страшный суд, а ему воскресение мертвых уже пришли.

Чужехват. Помнишь ли ты, что Христос воскрес в день недельный; так и наше из мертвых восстание в такой же день будет, а сегодня пятница. Конечно, ты нажрался мяса, когда ты позабыл то, что сегодня пятница.

Палемон. Какой сегодня день, в этом нужды нет.

Чужехват. А ежели я сплутовал, так ты, то ведая, для чего так долго медлил и молчал? и коли я плут, так и ты такой же плут.

Палемон. Я в то же время объявлял об этом графу Откупщикову; однако ты помнишь это, что ты, сведав о том, отнес к господину графу из Валериановых денег десять тысяч; так сказано мне было под рукою, что ежели я хотя намекну о том когда, так места я себе и в Камчатке не сыщу.

Чужехбат. Так бы ты бил челом на него!

Палемон. Великий бы я получил успех, ежели бы я ему же и на него же бить челом начал. Ныне его нет на свете, и правосудие возобновилося, так я это дело в действо и произвел.

Чужехват. Хвали сон, когда сбудется.

Палемон. Этот сон уже сбылся.

Чужехват. Чем ты это дело доказать можешь?

Палемон. Многим. А первое доказательство вот, — войди сюда, старушка.

ЯВЛЕНИЕ 20

Те же и старуха.

Палемон. Знаешь ли ты этого человека?

Старуха. Я худо, родимой, вижу; мне уж в исходе осьмой десяток. *(Надевает очки и смотрит на Чужехвата.)* Ах, честной господин! как ты поседел, ведь бы я тебя не узнала, хотя бы ты мне в глаза наплевал, когда б я тебя не в твоем увидела доме!

Чужехват. Я тебя, старуха, от роду не видывал и кто ты такова, я не ведаю.

Старуха. А помнишь ли ты, господин доброй, как ты мне детище-то отдал?

Чужехват. Ты выжила из ума, старуха; этого никогда не бывало.

Старуха. И, родимой! как не бывало! Еще об этом детище после сказывала мне молодка, будто она его грудью кормила и будто он господской сын, и подлинно походил он на господского сына — как наливное был яблочко. Она об этом и тому, кому я его отдала, сказывала; да полно, откудова взяться господскому сыну? А своего сынка ты бы не отдал: и змея своих черев не поедает; и чтобы это господской сын был, мы этому не поверили, хоша она в том доме, куда я младенца-то отнесла, и все о нем подноготно рассказывала.

Чужехват. Рехнулась ты, старуха!

Старуха. Я худо слышу, боярин.

Чужехват *(кричит ей)*. С ума ты спятила!

Старуха. Отец мой, мне ведь не два века жить; так надо смерть помнить, и говорю я самую сущую истинную правду; а вить и вы, бояря, так же, как и мы, умираете, так и вам надо смерть помнить.

Валерий. Довольно, старушка: поди с богом.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же, кроме старухи.

Чужехват. Вы все трое плуты и всех вас должно перевешать.

Валерий. Нет, сударь, плут-ат ты, а не мы, и повесить-то должно тебя, а не нас; добрых людей не вешают нигде, а воров, разбойников и грабителей, по всем законам и божеским и человеческим, во всех просвещенных и человеколюбивых народах вешают; ежели бы это инако было, так бы не было добрым людям довольныя безопасности на свете: и чем меньше беззаконники погибают от правосудия, тем больше погибают невинные от беззаконников.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Чужехват, Валерий, Валериан, Сострата, Ниса, Палемон, секретарь и два солдата.

Секретарь. По решению Государственной Коллегии Правосудия, по утверждению Правительствующего Сената и по Высочайшему повелению, учреждено ваше имение описать и то, которое вам собственно принадлежит, отдать Валериану, учинив расчет по опекунству, также и те деньги, которые вами подарены покойному графу Откупщикову, взыскати с его наследников со всеми по указам интересами, а вас отселе взяти под караул, ради учинения надлежащия вам по законам казни, для отомщения истине и для отвращения страхом от нетерпимого в честном и благоденственном обществе злодеяния.

Чужехват. Да это дело еще не совсем окончено?

Секретарь. Совсем окончено.

Чужехват. Я ни однажды не пытан, а надлежало меня трижды пытать, и ежели бы я трех пыток не вытерпел, тогда бы должно было обвинить меня.

Секретарь. Изволь идти.

Чужехват. Мороз меня по коже подирает: пришло преставление света: гибну! гибну! горю! тону! помогите! умираю, ввергаюся во ад! мучуся! стражду! стражду!

Секретарь (*солдатам*). Возьмите его.

Чужехват. Будьте вы, злодеи мои, прокляты и в сем веке и в будущем!

(Секретарь отходит, и Чужехвата выводят.)

Валерий. Исчезни, беззаконие, и процветай, добродетель! А ты, любовь, дражайшая утеха в жизни человеческой, вкоренившаяся в сердца наши и увеселяющая нас прекрасными своими цветами, дай нам вкусити сладкие плоды свои!

РОГОНОСЕЦ ПО ВООБРАЖЕНИЮ

Комедия

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Викул, дворянин.
Хавронья, жена его.
Флориза, бедная дворянка.
Касандр, граф.
Дворецкой.
Ниса, служанка Хавроньина.
Егерь графа Касандра.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

[Граф Касандр, сосед Викула по имению, прислал через своего егеря приветствие Викулу и Хавронье и предупреждение о своем к ним визите.]

ЯВЛЕНИЕ 5

Викул *(один)*. Не за тем ли уже граф ко мне хочет пожаловати, чтобы за женою моею поволочиться? Мне это не очень полезно, а ты, граф, на чужое добро напрасно зубы скалишь, за эту честь я, ваше сиятельство, покорно благодарствую.

ЯВЛЕНИЕ 6

Викул и Хавронья.

Хавронья. Какого это енерала адъютант у нас был?

Викул. Не адъютант, егерь был: по-нашему слуга, которой стреляет, хотя птиц.

Х а в р о н ь я. Какой слуга; весь в позументах.

В и к у л. Ныне у господ такой манер; это был егерь от графа Касандра: его сиятельство к нам заехать изволит.

Х а в р о н ь я. Его сиятельство!

В и к у л. А что? Разве он тебе знаком?

Х а в р о н ь я. Да, я его высокой милости, покуль душа в теле, не позабуду: и коли бы он такую мне, многогрешной, показал отеческую милость и велел бы маляру красками написать персону свою, я бы ее у себя поставила пред кроватью и не спустила бы с нее глаз.

В и к у л *(особливо)*. Как будто слышало это мое сердце! Да почему ты знаешь его, и какую сделал он тебе милость?

Х а в р о н ь я. А вот, сердечушко, я тебе донесу: как я нынешнею зимою была без тебя в Москве, так расхвалили мне какую-то интермецию и уговорили меня туда съездить. Бывает и на старуху проруха: поехала, вошла я в залу, заиграли и на скрипицах, и на габоях, и на клавикортах, вышли какие-то и почали всякую всячину говорить и уж махали, махали руками, как самые куклы, потом вышел какой-то, а к нему какую-то на цепи привели женщину, у которой он просил не знаю какова письма, она отвечала, что она его изодрала, вышла, ему подали золоченой кубок, а с каким напитком, етого я не знаю, этот кубок отослал он к ней, и всё было хорошо, потом какой-то еще пришел, поговорили немного, и что-то на него нашло: как он, батька, закричит, шапка с него полетела, а он и почал метаться, как угорелая кошка, да выняв нож, как прыснул себя, так я и обмерла. А граф этот, сидя тогда со мною в одном чулане и разговаривая прежде еще интермеции, что я его соседка, меня тогда мунгальской водкой, как я от страха обмерла, от смерти избавил.

В и к у л. А хорош граф-ат?

Х а в р о н ь я. Такой пригожий, преузорочной и обходительной, что вось табе.

В и к у л. Жена! хотя бы ты его и поменьше хвалила.

Х а в р о н ь я. Как не хвалить? Да эдакой молодец и старикам не в память.

В и к у л. Жена! мне это не по нутру.

Х а в р о н ь я. И! моя ласточка! уже не ревнуешь ли ты к нему? Да я тебя и на Бову королевича не променяю.

В и к у л. Жена! не знаю, что меня по коже подирает! Пойти да полежать.

Х а в р о н ь я. А я о кушаньи да о закусках прикажу.

ЯВЛЕНИЕ 7

Х а в р о н ь я *(одна)*. За милость ево высокореисграфского сиятельства надобно его получше угостить: для милого дружка и сережка из ушка. Дворецкой!

ЯВЛЕНИЕ 8

Хавронья и дворецкой.

Хавронья. Есть ли у нас свиные ноги?

Дворецкой. Имеются, сударыня.

Хавронья. Вели же ты сварити их со сметаной, да с хреном, да вели начинить желудок, да чтобы его зашили шелком, а не нитками, да вели кашу размазню сделать...

Дворецкой. В горшке прикажешь, барыня-государыня, или на блюде?

Хавронья. В горшочке, да в муравленом, и покройте его веницейскою тарелкой, с морковью пироги, пирожки с солеными груздями, левашники с сушеною малиной, фрукасе из свинины с черносливом, французской пирог из подрукавной муки, а начинка из брусничной пастилы; да есть ли у нас калужское тесто?

Дворецкой. Имеется.

Хавронья. А сверх тово, сам приказал, что варить, жарить и печь, только бы всего было довольно; салат подай не с конопляным, да с ореховым маслом.

Дворецкой. Знатные господа больше к салату деревянное масло употребляют: так не прикажете ли лучше к салату лампадного положить масла?

Хавронья. Фу, батька! вить я не басурманка! А после кушанья поставьте стручков, бобов, моркови, репы да огурцов и свежих и свежепросольных, а кофий подавайте с сахаром, а не с патакою, исправь же все, как надобно, да пошли на базар купить золоченых пряников, да паутины вели обмести, а двери-то вели подмазать, чтобы не скрыпели, да людей вели накормить.

Дворецкой. Этого, барыня-государыня, не водится, это старая мода, прежде сего и лошадей гостиных кормливали, а ныне и людей не кормят.

Хавронья. Накорми и людей и лошадей его сиятельства, все бы так было, как тебе приказано.

Дворецкой. Наше дело, сударыня: все будет исправно.

ЯВЛЕНИЕ 9

Хавронья *(одна)*. На один-ат день станет нас! А тебе, графское сиятельство, нашей хлеба-соли можно не постыдно покушать, даром это, что хоромы наши не цветны: не красна изба углами, а красна пирогами.

ЯВЛЕНИЕ 10

Хавронья и Ниса.

Ниса. Дворецкой приказывает сорок ради стола вашего блюд заготовить, а Флориза, отменив то, только двенадцать блюд изготовити приказала: я-де лучше знаю это учредить, а вам

известно, что она выросла и воспитана в Петербурге; так не прикажите ли быть по ее нашему пиру, чтобы не обесчеститься? А она на людях выросла.

Х а в р о н ь я. Как этова лучше!..

. . . .

ЯВЛЕНИЕ 13

В и к у л, Х а в р о н ь я, Ф л о р и з а и Н и с а.

Х а в р о н ь я. Фу, батька! как ты бога не боишься? Какие тебе на старости пришли мысли, как это сказати людям, так они нахохочутся! Кстати ли ты это вздумал.

В и к у л. Как того не опасаться, что с другими бывает людьми.

Х а в р о н ь я. Я уже баба немолодая, так чего тебе опасаться.

В и к у л. Да есть пословица, что гром-ат гремит не всегда из небесной тучи, да иногда и из навозной кучи.

Х а в р о н ь я. Типун бы тебе на язык, какая навозная у тебя я куча?

Ф л о р и з а. Что это, сударыня, такое?

В и к у л. Жена, держи это про себя.

Х а в р о н ь я. Чаво про сабя? это стыд да сором?

В и к у л. Не болтай же, мое сокровище, алмазной мой камушек.

Х а в р о н ь я. Да это нехорошо, вишневая моя ягодка.

В и к у л. Жена, перестань же.

Х а в р о н ь я. Поцелуй же меня, сильный, могучий богатырь.

В и к у л. Поцелуемся, подсолнечная моя звездочка.

Х а в р о н ь я. Будь же повеселяе и так светел, как новый месяц, да не ревнуй же.

В и к у л. Жена, кто говорит о ревности?

Х а в р о н ь я. Что это меня прорвало! Да полно, конь о четырех ногах, да и тот спотыкается, а я баба безграмотная, так как не промолвиться.

В и к у л. Да ты не в слове, да в деле промолвилася.

Х а в р о н ь я. Я, батька, деревенская и не знаю, что слово, что дело.

В и к у л. Дело больше, а слово меньше.

Х а в р о н ь я. А я думала, что слово больше, а дело меньше, мне это подьячий сказывал, бывший лет пятьдесят во сыскном приказе.

В и к у л. Не то ты поешь и только бредишь.

Х а в р о н ь я. Я впредь о твоей к сабе ревности ко графу Касандру не скажу ни полуслова.

В и к у л. Дурища, с ума ты сошла: кто тебе о графе Касандре говорит?

Х а в р о н ь я. Ты баешь... ахти! вить я и вправду заболталась.

В и к у л. Теперь уже что хочешь, то ври.

Ф л о р и з а. Под лета ли уже, сударь, ей любиться с другими, а вам ревновати к ней.

В и к у л. Любовь лет не исчисляет.

ЯВЛЕНИЕ 14

Те же и д в о р е ц к о й.

Д в о р е ц к о й. Его высокорейсграфское сиятельство, высокопочтеннейший и высокопревосходительнейший граф ехать изволит.

Х а в р о н ь я. Выйдем мы к воротам.

В и к у л *(особливо)*. Довольно и с крыльца сойти: эдаков ей граф-ат.

. . . .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

В и к у л, Х а в р о н ь я, г р а ф и д в о р е ц к о й.

Х а в р о н ь я. А я выпила эа здоровье вашего высокосиятельства чашечку кофию, да что-то на животе ворчит, да полно, это ото вчерашнего вечера: я поела жареной платвы и подлещиков, да ботвиньи обожралася, а пуще всего от гороху это, а горох был самой легкой, и на тарелочке тертой мне подали, да и масло к нему было ореховое, а не какое другое.

Г р а ф. Это масло в некоторых домах и с салатом кушают, хотя к салату обыкновенно деревянное масло употребляется.

Х а в р о н ь я. Ахти! Да это, кажется, и не спасенье.

Д в о р е ц к о й. Смесишася со языцы и навыкоша делом их.

Х а в р о н ь я. Не изволите ли, графское сиятельство, в карточки позабавиться?

Г р а ф. Нет, сударыня.

Х а в р о н ь я. Да вить мы ни в деньги играть станем.

Г р а ф. Благодарствую, сударыня.

Х а в р о н ь я. Хотя в банки или в посыльные короли.

Г р а ф. Королем мне, сударыня, не бывать, а быть битым не хочу.

Х а в р о н ь я. Будто мы и осмелимся вашему сиятельству такую сделать неучливость, нас только бей, сиятельнейший граф.

Г р а ф. Я вас бить не хочу, да и не за что.

Х а в р о н ь я. Да как же нас, дураков, не учить? Мы пред вашим сиятельством и без вины виновати.

В и к у л. Не изволите ли отдохнуть, высокосиятельнейший?

Г р а ф. Я не устал, сударь... да вы не хотите ль попочивать?

В и к у л. Я привык к этому, милостивый государь, да не будет ли вам противно?

Граф. Нимало, сударь.

Викул. Жена, пойдем же да отдохнем... а вы, милосердый государь, чем-нибудь позабавьтеся здесь... Дворецкой, будь же ты неотлучно при его сиятельстве, а мы, чтобы вашему высокорейсграфскому сиятельству не скучно было, пришлем Флоризу, а она в разговорах учена, да и по-французски разговаривает.

Граф. Очень хорошо.

ЯВЛЕНИЕ 2

Граф и дворецкой.

Граф. Ты здесь дворецкой, а приказчик кто у вас?

Дворецкой. Я, милостивой государь, и приказчик, я стряпчий и псаломщик, да я ж и цырюльник его благородия.

Граф. Заживны ли крестьяне ваши?

Дворецкой. Почти все по миру ходят, не здесь то и не вам то сказано.

Граф. Отчего это?

Дворецкой. Боярыня наша праздности не жалует и ежечасно крестьян ко труду понуждать изволит; щегольство и картежная игра умножились, и ежели крестьяне меньше работать будут, так чем нашим помещикам и пробавляться, а мои господа, хотя ни щегольства, ни картежной игры и не жалуют, однако, собирая деньги, белую денежку на черной день берегут.

Граф. Хорошо, братец.

Дворецкой. Не прогневайся, сиятельной! Боярыня в это время изволит свиней кормить, так и мне там присутствовать надлежит...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Все.

Граф. Ужели вы оставите свое подозрение, когда я вам ясно покажу, что я вашей сожительнице и помышлением не коснулся?

Викул. Сиятельнейший граф, чем вы меня уверить можете?

Граф. Руку целовал я у нее за то, что она мне Нису уступила.

Викул. Я бы тебе, государь, десять Нис и даром челом бил, а Хавронья-то мне самому надобна.

Хавронья. Так поцелуй меня, мой красавец, когда я тебе надобна. Каков граф-ат ни преузорочен, да ты мне и его прекраснее.

Викул. Нет, Хавронья, не поцелуй теперь на уме моем.

Граф. Вот моя любовница: она моя невеста, и в сей же день она мне и жена будет, кончилось ли ваше подозрение?

Викул. Всепресиятельнейший и превсемилосерднейший граф, подлинно ли это так?

Флориза. Подлинно так, сударь: ваша сожительница вам верна, а граф севодни со мною обвенчается.

Викул. Хавронья, так ли это?

Хавронья. Что я тебе, красное мое солнышко, верна, это правда, а что граф берет ее за себя, это я и сама теперь только слышу. Дай бог ей счастия! А она этого достойна.

Дворецкой. Достойно и праведно.

Хавронья. Не забудь и нас, сиятельнейшая графиня!

Флориза. Я еще не графиня; а вашей дружбы никогда не забуду.

Викул. Высокосиятельнейшая графиня! Не оставь нас, ежели какая нужда...

Флориза. Я еще не графиня, а думаю, что граф вашим недостаткам...

Граф. Как в свой дом ко мне присылать извольте, всякое изобилие имейте от моего дома, как от дома вашего. Я все мои радости имею.

Викул. Поцелуй меня, Хавроньюшка, а кто старое помянет — тому глаз вон *(целуются).*

Конец комедии.

ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

Прилетела на берег синица
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна.
Спрашивали гостейку приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
Все там превратно на свете.
За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы видаем,
Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят.
Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцев не просят;
За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны.
За морем писать они умеют;
За морем в подрядах не крадут;
Откупы за морем не в моде,
Чтобы не стонало государство.
Завтрем там истца не питают.
За морем почетные люди

Шеи назад не загибают,
Люди от них не погибают.
В землю денег за морем не прячут.
Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.
За морем старухи не брюзгливы,
Четок они хотя не носят,
Добрых людей не злословят.
За морем противно указу
Росту заказного́ не емлют.
За морем пошлины не крадут.
В церкви за морем кокетки
Бредить, колобродить не ездят.
За морем бездельник не входит
В домы, где добры люди.
За морем людей не смучают,
Сору из избы не выносят.
За морем ума не пропивают;
Сильные бессильных там не давят;
Пред больших бояр лампад не ставят.
Все дворянски дети там во школах:
Их отцы и сами учились;
Учатся за морем и девки;
За морем того не болтают:
Девушке-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяна да белилы.
Там язык отцовский не в презреньи,
Только в презреньи те невежи,
Кои свой язык уничтожают,
Кои, долго странствуя по свету,
Чужестранным воздухом некстати
Головы пустые набивая,
Пузыри надутые вывозят.
Вздору там ораторы не мелют,
Стихотворцы вирши не кропают;
Мысли у писателей там ясны,
Речи у слагателей согласны;
За морем невежа не пишет,
Критика злобой не дышит.
Ябеды за морем не знают,
Лучше там достоинство — наука,
Лучше приказного крюка.
Хитрости свободны там почтенный,
Нежели дьячьи закрепы,
Нежели выписки и справки,
Нежели невнятные экстракты.

Там купец — купец, а не обманщик.
Гордости за морем не терпят,
Лести за морем не слышно,
Подлости за морем не видно.
Ложь там велико беззаконье.
За морем нет тунеядцов,
Все люди за морем трудятся,
Все там отечеству служат;
Лучше работящий там крестьянин,
Нежель господин-тунеядец;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежели парик на болване.
За морем почтеннее свиньи,
Нежели бесстыдны сребролюбцы.
За морем не любятся за деньги:
Там воеводская метресса
Равна своею степенью
С жирною гадкою крысой.
Пьяные по улицам не ходят,
И людей на улицах не режут.

1763

О БЛАГОРОДСТВЕ

Сию сатиру вам, дворяня, приношу.
Ко членам перьвым я отечества пишу.
Дворяня без меня свой долг довольно знают;
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденных и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот земли одушевленный ком.
А естьли не ясняй ум барской мужикова,
Так я и различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господской так же сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? может бык людей быку продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:
Единой шествуя, в дали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом, пера тяжеле камень,
И льда не всспламенит и жесточайший пламень:

По счету ведаю, что десять — пять да пять;
Но это не верста; едина только пядь:
Шагнуть и без наук искусно мы умеем,
А всей премудрости цель дальную имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти;
Но можем на пути сокровище найти.
Перикл, Алькивияд наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украшались:
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчанный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать:
И трудно без нее нам правду разбирать.
Мне мнится, на слепца такой судья походит,
Младенец коего, куда похочет, водит.
На то ль кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подьячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им на век своей дневныя пищи.
Подьячий согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят.
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле, в действии быть должен дворянином,
И не простителен большой дворянской грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титло нам из крови в кровь лиется,
Но скажем, для чего дворянство нам дается.
Коль пользой общества мой дед на свете жил,
Себе он плату, мне задаток заслужил,
А я задаток сей, заслугой взяв чужою,
Не должен класть его достоинства межою.
И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать
И сей империей премудро обладать,
А нам осталося во дни ее державы
Ко пользе общества в трудах искати славы.
Похвален человек, не ищущий труда,
В котором он успеть не может никогда.
К чему способен он, он точно разбирает:
Пиитом не рожден, бумаги не марает.
А естьли у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова:
От низких более людей не отличайся
И предков титлами уже не величайся.

Сей Павла воспитал [1], достойного корон!
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридовым [2] валы Орловы [3] пребегают
И купно на водах с ним пламень возжигают;
Голицын гонит рать, Румянцев наш Тюрен,
А Панин [4] — Мальборуг у неприступных стен;
Подобно Еропкин [5] в час бдения не дремлет
И силу дерзкия Мегеры он отъемлет.
А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя ты княжеской, хотя господской сын,
Как будто женщина дурная, не жеманься,
И что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!
От Августа пускай влечен твой знатный род;
Когда прекрасна мать, а дочь ее урод,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее в алмазы?
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,
И не собой еще ты сверьх того гордишься,
Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?
Без крылья хочешь ты лететь к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам.
А естьли ни к какой я должности негоден,
Мой предок дворянин, а я не благороден.

1771—1772

ПРИТЧИ

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку —
Был идол, попросту — болван.
И зачали болвану все молиться,
Слезами пред болваном литься
И в перси бить,
Кричат: «потщися нам, потщися пособить!»
Всяк помощи великой чает.

[1] Имеется в виду Н. И. Панин, воспитатель Павла.
[2] Спиридов — адмирал, участник Чесменского боя.
[3] Орловы. — А. Г. Орлов командовал флотом в Чесменском бою, брат его Ф. Г. Орлов — участник Чесменского сражения.
[4] А. М. Голицын, П. А. Румянцев, П. И. Панин — русские генералы, командиры русских войск во время войны с Турцией в 1768—1774 гг.
[5] П. Д. Еропкин — генерал, жестоко расправившийся с народным восстанием в Москве во время чумы 1771 г.

Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает,
Не слушает болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
Перед его пришедших олтари
И деньги грабят,
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и сребра
И не видав себе молебщики добра,
Престали кланяться уроду
И бросили болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла,
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока, ни шерсти».

1760

КИСЕЛЬНИК

Гороховой кисель мужик носил
И конопляно масло.
Кисель носить его желание погасло,
Так это ремесло кисельник подкосил;
Маленек от него доход; ему потребно
Другое, и другим он начал торговать,
А именно: он начал воровать —
Такое ремесло гораздо хлебно.
Замаранная маслом тварь
Зашла в олтарь.
Не повинуяся ни богу ни закону,
Украл из олтаря кисельник мой икону
И другу своему он это говорил,
А тот его журил:
«Кафтана твоего не может быти гаже,
Ты весь от масла будто в саже;
Пристойно ль в олтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть,
И платьице почище я имею,
Да я из олтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты творца,
Отъемля у меня на вышнего надежду.
Не смотрит бог на чистую одежду,
Взирает он на чистые сердца».

1761

ГОЛОВА И ЧЛЕНЫ

Член члену в обществе помога,
А общий труд ко счастию дорога.
Послушай, какой был некогда совет!
Сказала Голова Желудку: «Ты, мой свет,
Изрядно работаешь:
Мы мучимся, а ты глотаешь.
Что мы ни накопим, стремишься ты прибрать
И наши добычи стараешься сожрать.
Какой боярин ты, чтоб мы тебе служили?»
Все члены, весь совет Желудку извещал:
«Мы твердо положили,
Чтоб так, как ты живешь, и мы покойно жили».
Но что последует? Желудок истощал
И в гроб пошел, а при его особе,
Увянув купно с ним, подобно как трава,
Все члены, и сама безмозгла голова,
Покоятся во гробе.

1762

ОВЦА

Был дождь; овечушка обмокла, как лягушка:
Дрожит у ней тельцо и душка,
И шуба вся на ней дрожит;
Сушиться надлежит;
Овца к огню бежит.
Ах! лучше б ты, овца, день целый продрожала
И от воды к огню, безумка, не бежала.
Спросила ль ты, куда дорога та лежала?
Какую прибыль ты нашла?
В поварню ты зашла.
То подлинно, что ты немного осушилась,
Да шубы ты лишилась.
К чему, читатель, сей рассказ?
Я целю вить не в бровь, а целю в самый глаз:
Зайди с челобитьем когда в приказ.

1762

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.
У Льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.

А львы живут не скудно,
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили,
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики.
Пришла вонь Волку к носу:
Волк это объявил беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут:
И смеют ли в такие толки
Входить о львовом доме волки?»
А чтобы бредить Волк напредки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут:
Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напредки не сплетай ты лести:
А за такие вести
И за приязнь
Прими и ты достойну казнь».
Преставился волчишка,
Преставилась мартышка.
«Скажи, Лисица, ты», — хозяин вопрошал, —
Какой бы запах нам дышал;
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег севодни нос».

Напечатано в 1762 г.

ОТСТРЕЛЕННАЯ НОГА

Слыхали ль вы пословицу когда:
Сокол горит любовью к соколихе,
Осетр ко осетрихе,
Осел к ослихе,
А уж к ужихе?
Когда вы скажете мне «да»,
Так я скажу тогда:
Крестьянке мил мужик, а князь княгине.

И в старину и ныне
Так было то всегда, —
Послушайте о чем моя рассказка.
Читали ль надпись вы у черного орла? [1]
Рассказ мой к этому прибаска.
Война была.
У полководца в ней ядро отшибло ногу,
Летело в ту оно дорогу;
Другой щелчок дала,
В другую полетев дорогу,
Солдату в ногу
И ногу отняла.
Солдат, имея злу судьбину,
Кричит: ой-ой!
Бранит он бой.
Другие говорят: «Пожалуй, брат, не вой:
Пускай твоя нога пропала,
Получше здесь твоей нога отпала,
А ты солдат простой».
Солдат ответствует: «Фельдмаршала я ниже;
Но, ах! моя нога была ко мне поближе».

ЖАЛОБА

Во Франции сперва писал стихи мошейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник:
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил;
А я мошейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнасс Российский украшаю
И тщетно в жалобе к фортуне возглашаю,
Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

ЭПИГРАММЫ

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор:
Когда подьячему в казну исправно с году

[1] Прусский орден Черного орла с надписью: «Всякому своё»

Сто тысячей рублев сбирается доходу,
Честной ли человек подьячий тот иль вор?

На что стояти мне, как будто пред богами,
Пред человеками, хотя они велят?
Полезно ль обществу, что ноги заболят?
Да я же головой тружусь, а не ногами.

Танцовщик, ты богат, профессор, ты убог,
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

1759—1760

ПЕСНИ

Сокрылись те часы, как ты меня искала,
И вся моя тобой утеха отнята:
Я вижу, что ты мне неверна ныне стала,
Против меня совсем ты стала уж не та.
Мой стон и грусти люты
Вообрази себе
И вспомни те минуты,
Как был я мил тебе.
Взгляни на те места, где ты со мной видалась,
Все нежности они на память приведут.
Где радости мои! где страсть твоя девалась!
Прошли и ввек ко мне обратно не придут.
Настала жизнь другая;
Но ждал ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.
Несчастен стал я тем, что я с тобой спознался;
Началом было то, что муки я терплю,
Несчастняе еще, что я тобой прельщался,
Несчастняе всего, что я тебя люблю.
Сама воспламенила
Мою ты хладну кровь;
За что ж ты пременила
В недружество любовь?
Но в пенях пользы нет, что я, лишась свободы,
И радостей лишен, едину страсть храня.
На что изобличать; бессильны все доводы,
Коль более уже не любишь ты меня.
Уж ты и то забыла,
Мои в плен мысли взяв,
Как ты меня любила
И время тех забав.

1759

Уж прошел мой век драгой,
Миновался мой покой,
И веселье скрылось.
Мне противна жизнь и свет.
Для меня забавы нет,
Все переменилось;
Уж не мной горишь любя,
Я тобой забвенна,
А лишившися тебя,
Я всего лишенна.

В те часы, как рок виню,
Воздыхаю и стеню
И прегорько плачу.
Ты среди своих утех
Все приемлешь только в смех,
Как я жизнь ни трачу.
Сносно ль мне, что ты зовешь
Не меня драгою
И, склонив меня, живешь
Ты в любви с другою!

Славься, что, мой ум пленя,
Обмануть ты мог меня
И любим стал мною.
Я винна в том пред собой;
Только ты меня какой
Обличишь виною?
В час несчастный ты, любовь,
В сердце мне вселилась;
И во злу минуту, кровь,
Ты воспламенилась.

Чувствуй радости свои,
Ты чрез жалобы мои
В жалость не приходишь;
Веселясь моей тоской,
Провожденных дней со мной
В память не приводишь.
Нестерпим мне сей удар;
Как ты дух мой в теле!
О любовь! о вредный жар!
Что сего тяжеле!

Коль привел меня ты в страсть,
Умножай мою напасть
За любовь сердечну.
Счастье ты мое унес
И влечешь потоки слез
За горячность вечну.

Хоть увидь меня во сне
В сей моей неволе;
Но не хочешь обо мне
Ты и слышать боле!

1759

О СТИХОТВОРСТВЕ КАМЧАДАЛОВ

Свобода, праздность и любовь суть источники стихотворства. Они — способы в изображении естества человеческому остроумию и в самой грубой природе. Чувствие человеческое равно, хотя и мысли непросвещенные. Мысли наши, единым чувством провождаемы, лучшими словами изображаются, нежели искусством, хотя искусство природе и весьма потребно. Счастливы те, которых искусство не ослепляет и не отводит от природы, что с слабостию разума человеческого нередко делается. А говоря о стихотворстве, которое чистейшим изображением естества назваться может, оно всего больше ослеплению искусства подвержено, что ясно доказали старающиеся превзойти Гомера, Софокла, Виргилия и Овидия. Останемся лучше в границах природы и разума и в мысли таковой, что человеку человечества превзойти неудобно. Природное чувствия изъяснение изо всех есть лучшее, чему приобщенная при сем камчатская песенка изрядный свидетель.

Потерял жену и душу
И пойду с печали в лес:
Буду с древ сдирать я корку
И питаться буду тем.
Только встану я поутру,
Утку в море погоню,
И поглядывать я стану,
Не найду ли где души.

1759

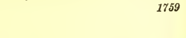
О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

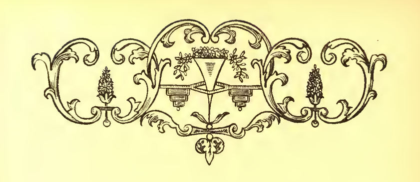
Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся прехвальным именем домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим, похвалы ли они достойны, или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче, какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тщанием хозяина прибытки, дабы тем обогащалося государство. Чьи прибытки? ежели только единого хозяина, так его только ему единому разрешение вина и елея, а крестьянам его сухоядение, а польза государственная или паче общественная — умножение изобилия всем, а не единому. Почему ж называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие или на заточение злата и сребра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи и коих манифактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, про-

тиву права и морального и политического, единственно ради своего излишнего изобилия, раздражая и божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятняе богу и государю: то ли, когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяне его едят сухари и пьют одну воду; или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьяне — то же. Вкус помещика потоне, так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крестьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жити мещанину пышняе поселянина, дворянину — мещанина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможа; ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинной от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят: а чины суть утверждения наших отличных качеств; сожаления достойно, что то не всегда бывает. Но как то ни есть, уступим политическому расположению, когда моральное мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быти должна; не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни прикащику, ни старосты. Тело без головы быти не может; однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы — невежа и во естественной истории и во всех науках тварь безграмотная — не почитающий ни божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той же привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий поститься крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вредняе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? но я с такими домостроителями не схожуся, и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим; но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища — мясо человеческое, а питие — слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает...

1759



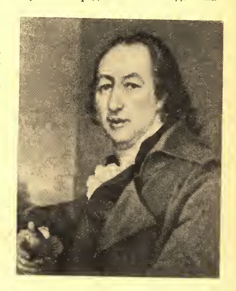


ЛИТЕРАТУРА ОТ НАЧАЛА 60 ГОДОВ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Н. И. НОВИКОВ
(1744—1818)

Новиков был человек великого ума и благородства.
Чернышевский.

Николай Иванович Новиков родился в семье небогатого служилого дворянина; о детстве его сведений не имеется. Некоторое время он учился в гимназии при Московском университете, но в 1760 г. был уволен «за леность и нехождение в классы». Подлинные причины увольнения Новикова неизвестны: вероятно, талантливого, любознательного юношу не удовлетворяла гимназия, и потому он охладел к ней. Несколько лет Новиков состоял на военной службе, причем в 1767—1768 гг. был прикомандирован для несения обязанностей секретаря в Комиссии по составлению проекта нового Уложения (он вел протоколы Комиссии «о среднем роде людей»). После закрытия Комиссии, в 1768 г., Новиков оставляет военную службу, переходит в коллегию иностранных дел, а с середины 70-х годов навсегда покидает государственную службу и полностью посвящает себя деятельности журналиста и книгоиздателя. С середины 80-х годов за просветительскую деятельность Новиков подвергается правительственным репрессиям, в 1792 г. по распоряжению Екатерины II он был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. В 1796 г. по распоряжению Павла I Новиков был освобожден, но дальнейшая жизнь его сложилась очень тяжело: больной, разоренный, он не имел никакой возможности применить свои способности и знания, влачил жалкое существование и умер в нищете. После смерти Николая Ивановича имение его было продано за долги, а семья обречена была на нищенскую, голодную жизнь.



Н. И. Новиков

Начал Новиков свою издательскую деятельность очень рано, когда ему было только 22 года. С 1769 по 1774 г. развивается бурная деятельность Новикова как журналиста-сатирика: в 1769—1770 гг. им издается

журнал «Трутень», в 1770 г. — «Пустомеля», в 1772—1773 гг. — «Живописец», в 1774 г. — «Кошелек».

Параллельно Новиков работает как издатель и автор ученых сочинений: в 1772 г. им был напечатан «Опыт исторического словаря о российских писателях» — «богатый факт собственно литературной критики того времени» (Белинский); в 1773—1775 гг. Новиков выпустил в свет десять томов «Древней российской вивлиофики», представляющей собой публикацию ценных исторических материалов.

С 1777 по 1785 г. Новиков последовательно издает следующие журналы масонского направления: «Утренний свет» (1777—1779), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Покоющийся трудолюбец» (1784—1785). С 1785 по 1789 г. Новиков издавал первый в России журнал для детей «Детское чтение». Новиковым напечатано огромное количество книг разнообразного содержания: Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова, «Юлий Цезарь» Шекспира, «Эмиль» Ж.-Ж. Руссо и т. д.

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.
Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.
Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист первого издания журнала «Трутень»

Новиков был одним из самых выдающихся русских просветителей XVIII в. Враг дворянских аристократических привилегий, смелый обличитель крепостничества, взяточничества, неправосудия, он был подлинным гуманистом, истинным гражданином своей многострадальной родины. «Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве» (Белинский).

Новиков был горячим пропагандистом высоких гражданских добродетелей — любви к родной земле, защиты самобытных начал в области культуры, просвещения, литературы, честного, бескорыстного служения обществу.

Родоначальник передовой русской журналистики, организатор необычайного для того времени по своему размаху книжного издательства, автор острых, смелых сатирических произведений и ценных научных работ, Новиков оставил глубокий след в истории русской культуры.

Новикова долгое время считали лишь издателем журналов. Советское литературоведение установило, что Новиков — один из самых выдающихся писателей-сатириков XVIII в.: он основной автор сатирических произведений в журналах «Трутень» и «Живописец».

Имя Новикова не сходит со страниц критических статей Белинского, начиная с «Литературных мечтаний» и кончая некрологом, посвящённым Н. А. Полевому (1846). Несмотря на то, что Белинский располагал очень ограниченными материалами о жизни и деятельности Новикова, он высказал о нем ряд глубоких, верных суждений. По мнению Белинского, Новиков оказал «сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности» тем, что он своей журнальной и издательской деятельностью содействовал распространению «в обществе страсти к чтению», создавал кадры людей, «способных или охотливых к книжному делу», под-

держивал начинающих писателей: «знающим иностранные языки он заказывает переводы, у стихотворцев печатает стихи, у прозаиков — прозу; всех ободряет и понуждает, бедным дает средства к образованию».

Н. И. Новиков своей деятельностью заслужил благодарную память последующих поколений. Белинский очень сожалел, что в его время было мало сведений «об этом необыкновенном и ... великом человеке».

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА

ТРУТЕНЬ

Лист IV. Мая 19 дня

ВЕДОМОСТИ

Из некоторого приказа

Явилось порожнее место, которое в год две тысячи рублев безгрешного приносит дохода. Надобно знать, что сие место требует человека разумного, ученого и прилежного; ибо от него блаженство и жизнь великого числа людей зависит. Трое домогаются сего места.

Перьвой из них дворянин без разума, без науки, без добродетели и без воспитания; хотя он во младых еще летах записан был в службу, но оной, живучи у матери между нянек и шутих, никогда не исполнял, а доставал чины чрез предстательство, преимущественно пред теми, которые служили. Душ за ним тысячи две, но сам он без души. Короче сказать, все достоинство сего молодца в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам.

Второй искатель места есть дворянин же, но родством ни с каким случайным боярином не связан. Поведения доброго, разума хотя и не пылкого, однако наукою подкрепленного. Служит в полках и хотя отменного ничего не сделал, но по крайней мере исполняет свою должность с прилежностию. Знает человечество, из подвластных себе наказует только винных, крестьян своих не грабит, живет нероскошно и по мере своего дохода, купцов по примеру других дворян не обманывает; словом, дворянин сей человек порядочной, и хотя он к важным должностям не вовсе годится, однако благополучно бы было наше отечество, ежели бы таких дворян гораздо побольше у нас завелося!

Третей проситель места, по наречию некоторых глупых дворян, есть человек подлой, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природной его разум, соединенной с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным. Мало таких наук, которых бы он не знал или о которых бы он не имел понятия; защитник истины, помогатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и отечества; верной друг, благоразумной отец, безмятежной сосед, рассмотрительной и беспристрастной судья. Во всех местах, куда он от правительства был определяем, оставлял примеры разумного своего поведения; бла-

гополучны были те люди, которыми он повелевал; неустрашимы были те солдаты, которыми он предводительствовал, и неприятель всегда разбит, с которым он сражался. Покрытой ранами и содержа себя одним жалованием, никогда не негодовал на свою скудость, но сносил оную без роптания; словом, он показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей. Не просил бы он и упомянутого выше места, ежели бы здоровье его позволяло долее служить в армии или ежели бы он не был в состоянии подвластных сему месту учинить благополучными и восстановить их от разорения, в которое приведены были бывшим судьею.

Читатель! угадай: глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелию паградятся?

ТРУТЕНЬ

Лист V. Мая 26 дня

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны, однакож не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка [1], дав знать на своей стр. 340 в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает; и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне перьвое правило упомянутой госпожи, то есть, чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоанн и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем, ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да и я не знаю, что, по мнению сей госпожи, значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть в чужую жену или дочь; а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Кои построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по

[1] То есть «Всякая всячина».

справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость, почему слабому человеку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно, а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похваляет тех писателей, кои только угождать всем стараются, а вы сему правилу, не повинуясь криводушным приказным и некстати умствующему прокурору, невеликое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже вас хвалить; зверок по когтям видея. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такою пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке, но она меланхолических писем читать не любит, а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов.

9 мая, 1769 году.

ТРУТЕНЬ

Лист VI. Июня 2 дня

ВЕДОМОСТИ

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из Литейной

Змеян, человек неосновательной, ездя по городу, надседаяся кричит и увещевает, чтоб всякой помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле *Змеян* поступает с своими рабами как проповедует. О человечество! колико ты страждешь от безумия *Змеянова,* и естьли б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный *Мирен* не следует мнению *Змеянову* и совсем отменно с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, так по крайней мере не боится, чтоб он ими был проклинаем.

* * *

Молодого Российского поросенка, которой ездил по чужим землям для просвещения своего разума и которой, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

ПРОДАЖА

За вексельной иск, описанное и оцененное в 14 р. 57 к. $^3/_4$ оставшее после покойного судьи *Правдолюбова* стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здравом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу, ибо наследников ко оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать, могут явиться у аукциониста, которой продавать будет.

* * *

Недавно пожалованной воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем городе.

ТРУТЕНЬ

Лист VIII. Июня 16 дня

Издатель Трутня, во утешение Всякой Всячине, своей современнице, не хотел напечатать сего письма, но по справедливости не мог он в том отказать г. Правдулюбову, тем паче, что он от Всякия Всячины отдан на суд публике; итак, благоразумные и беспристрастные читатели сей суд по форме или и без формы, как им угодно, окончать могут. Оправдание г. Правдулюбова здесь следует.

Господин издатель!

Госпожа Всякая Всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52-м ею означенных, русской человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа Всякая Всячина его критиковала криво.

В пятом листе Трутня ничего не писано, как думает госпожа Всякая Всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким

изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая Всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитается за преступление, естьли кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верьхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, итак их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце потому, что, по ее мнению, исключаю моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; итак думаю, что сие мое изъяснение знающему Российский язык и правду, не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист Трутня ответствовать не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравоучений. На то отвечаю, что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая Всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов.

6 июня, 1769 году.

[ТРУТЕНЬ

Лист XXIII. Сентября 29 дня

РЕЦЕПТЫ]

Для его превосходительства г. Недоума

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут, а которые сделалися дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его

трясти лихорадка, естьли кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостаивает ниже имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал; не ездит он ни в церковь, ни по улицам, опасаяся смертельного обморока, которой непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможа, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился. Затворник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен, о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были похваляемы; а многими были опорочены для того, что изобретатель, для произведения в действо своей выдумки, требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества, почитает оные бесчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякой шляхтич может все знать, ничему не учася; философия, математика, физика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовники и патенты, едва-едва от пыли и моля спасшиеся, суть одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы, на которых имена его предков росписаны в кружках, суть одни картины, коими весь дом его украшен; короче сказать, деревья, через которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако *г. Недоум* о себе думает противное, и по крайней мере в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные домы, экипажи и ливрею, несмотря что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало. Для излечения *г. Недоума* от горячки

РЕЦЕПТ

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям, ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальняе бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее.

[ТРУТЕНЬ

Лист XXIV. Октября 6 дня

РЕЦЕПТЫ]

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только потому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостаивает их наклонением своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: *Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора*.

В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица своего снеси хлеб твой*. Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*. Всевышний благословляет их труды и награждает, а *Безрассуд* их обирает. Безрассудной! Разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собой во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком? Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдыхновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденными за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того, что они в своем звании благополучны: то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки-господа, господа-отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращающего нужное подчинение в несносное иго рабства. Но *Безрассуд* всегда твердит: *я господин, они — мои рабы; я человек, они — крестьяне*. От сей вредной болезни

РЕЦЕПТ

Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

[ТРУТЕНЬ

Лист XXVI. Октября 20 дня]

копия с отписки

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господской мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ сто двадцать три рубли, двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ шестьдесят один рубль семнадцать алтын; а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублев четыре гривны, на деревенских тринадцать рублев сорок девять копеек, да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась, а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как územ поволишь? денег не плотит, говорит, что взять негде; он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость, а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клети за три рубли за десять алтын, корова за полтора рубли, а лошади у него все пали; другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем; миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки: без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладенной у нас *Нахрапцовым* земле, прикажи ходить за делом: он нас здесь разоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело по указу твоему господскому собрано тридцать рублев, и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по делу. *Нахрапцов* на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору; и я, государь, в город ездил,

просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублев, воз хлеба да пять возов сена. *Нахрапцов* попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму; секретарь ему родня, и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору: он боярин доброй, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось либо он за нас вступится и секретаря уймет, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступись, государь, за нас, своих сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят, и *Нахрапцов* всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег, нам уже стало невмоготу; после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы таки твоей милости тянулись, а ныне стало уже не в мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все в конец разоримся; неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресенье и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни изволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублев с полтиною да на две избы, по пяти рублев за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег с Ипатки за то, что он в челобитье своем тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и затем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублев. С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублев. И он на сходе высечен. Он сказал: *я де это сказал с глупости*, и напредки он тебя, государь, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

[ТРУТЕНЬ

Лист XXX. Ноября 17 дня]

КОПИЯ С ДРУГОЙ ОТПИСКИ

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я сирота твой на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных, только мне взять негде, остался с четверыми робятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем; над робятишками и

надо мною сжалился мир, видя нашу бедность; им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги, а то бы пришло последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал: нечем подняться. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первой клал в оброк. Нынече пришло на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет, и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин; а как подрастут робятишки, так я и доброй буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым имянем. Помилуй, государь наш, Григорей Сидорович! кому же нам плакаться, как не тебе. Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой ради служить. Да как пришло невмочь, так ты над нами смилуйся; наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя. У нас в крестьянстве есть пословица: *до бога высоко, а до царя далеко,* так мы таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься. Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться невозможно; ты сам, родимой, человек умной и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братии крестьян, так мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротками. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

КОПИЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в *** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1.

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2.

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку, и после из старост его сменить; а сверьх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3.

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложном своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начать следствием порученное тебе дело.

4.

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложной донос, обоих их домы опечатать и определить караул, а их самих отдать под караул в другой дом.

5.

Естьли ж в чем-либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6.

И как нет сумнения, что староста донос учинил ложной, то за оное перевесть его к нам на житье в село ***, буде же он за дальным расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него за оное еще пятьдесят рублей.

7.

Сколько пожитков всякого звания осталося после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него, Данилова, взыскать и взять в господской двор, учиня всему тому опись.

8.

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять по твоему благорассуждению, но при том, однакож, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оной платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9.

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись, и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет на взятье выписи.

10.

В начавшийся рекрутской набор с наших деревень рекрута не ставить, ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказанья, а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11.

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублев и его перевести к нам в село *** на житье; а когда он проспть будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, опричь штрафных, двести рублев.

12.

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги, а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок бездоимочно.

13.

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14.

За грибы, ягоды и протч. взять с крестьян деньгами.

15.

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привесть с собою для обучения разным мастерствам.

16.

По исправлении всего вышеописанного ехать тебе обратно, а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

ТРУТЕНЬ

Лист XXXIV. Декабря 15 дня

Г. Трутень!

Вчерась я по обыкновению моему пришел в трактир обедать. За столом сидели мы только четверо, я с моим приятелем и двое англичан, и все разговаривали, о чем кто хотел. Англичане о политических делах, а я с приятелем говорил о городских новостях, а между тем ели. В половину обеда вошли в нашу комнату два человека: один одет так, как обыкновенно городские купцы оде-

ваются, а другой чисто, но однакож приметить было можно, что сей человек из приказного рода.

Купец подошел к трактирщику и спрашивал у него, что он возьмет за обед, чтобы накормить хорошенько восемь человек. Трактирщик спросил у него, кто будет обедать. Приказной служитель, не дав выговорить купцу, сказал: «У его милости завтре здесь обедать будет *Правосудие*. Он вознамерился его потрактовать, понеже дело его имеет быть в скорости предложено к слушанию: того ради и подлежит помянутое *Правосудие* трактовать весьма богато, а я, г. трактирщик, вас его милости рекомендовал». Трактирщик сказал, что с других бы он взял и больше, но когда будет у него кушать только *Правосудие*, то возьмет по два рубли с человека, опричь напитков. Купец пришел во изумление и спрашивал, сколько же надобно напитков, чтобы *Правосудие* совершенно употчивать. Трактирщик отвечал, что он наперед этого сказать не может, но что по окончании стола подаст ему самой верной счет. Купец спрашивал после цену вин и больше двух часов торговался; наконец, хотя и воздыхаючи, однакож отдал двадцать рублей в задаток и приказал приготовить хорошей обед. Мы приметили, что купец отдавал деньги с великим сожалением, и из того заключили, что он сие делает по нужде. По выходе их, трактирщик и мы на счет их посмеялись довольно. Приятель мой и я весьма любопытны были видеть заказанной для *Правосудия* обед; и мы уговорились прийти туда на другой день. Сегодня в 12 часов пошли мы в тот трактир; мы хотели обедать в одной комнате, но трактирщик нам униженно доносил, что сего ему никак сделать невозможно, но он во удовольствие наше назначил нам побочную комнату, из которой мы все видеть и разговоры гостей званых слышать могли. Купец бедной суетился и бегал, чтобы поскоряе все было приготовлено и как возможно получше, но, однакож, как возможно и подешевле. Как скоро стол был накрыт, то купец вышел на крыльцо и почти целые два часа стоял на часах, ожидая прибытия своих гостей. Мы также ожидали их с нетерпеливостью, ибо мне хотелось узнать, в каком виде придет *Правосудие* на купецкой обед. Наконец, купец почти без памяти вбежал в назначенную для приему его гостей комнату и спрашивал, все ли готово, гости изволят ехать, и опрометью побежал встречать. Мы оба с приятелем устремили свой взор туда, откуда должно идти *Правосудие*. Наконец, оно показалось нам, но в каком же виде? в виде нескольких секретарей и прочих приказных служителей. У сего *Правосудия* глаза не были завязаны; они ими смотрели на стол, для них приготовленной, по нескольких обнадеживаниях, что купецкое дело решено будет скоро. Сели за стол, и я увидел, что *Правосудие* кушало изрядно. Один из них из поставленной перед него бутылки налил рюмку и только что хотел пить, как почувствовал, что *Правосудие* тем оскорбляется, когда трактирщик вместо бургонского поставил ординарное вино. Купец, услыша сие, с крайним огорчением переменил ординарное на бур-

гонское и тем удовлетворил *Правосудие*. После начали пить здоровье всех гостей шампанским, венгерским и протчими хорошими и дорогими винами; не позабыли тут и скотов *Правосудия*, их здоровье также пили аглинским пивом. Купец, подавая каждую бутылку, испускал вздох. Наконец, вздумалось им выпить по бокалу, благополучного окончания купеческого дела, и встали из-за стола. Тут начали играть на бильярде а ла-гер. *Правосудие* положило было с каждой персоны по нескольку империялов своих денег; но случившийся тут приказной крючок тотчас стал тому противоречить и сказал: «*Понеже* почтенной сей купец звал обедать на свой кошт, того ради и ета игра должна по *Правосудию* быть на его кошт». Между тем купцу шепнул на ухо, что это самое удобное время. Купец на сие согласился; они начали играть, а между тем почасту пили. Мы, увидя, что *Правосудие* так хорошо играет, что проиграть никогда не может, и как я страстной охотник до бильярда, то боялся, чтобы и нас не обыграло, и для того из трактира вышел. При выходе нашем приметил я, что *Правосудие* начинает уже шататься.

Слуга ваш *Г. П. Р. Т.*

ТРУТЕНЬ

Лист XVII и последний. Апреля 27 дня (1770)

РАССТАВАНИЕ ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельствы мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение, тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я во удовольствие ваше, а может быть, и ко умножению скуки, ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний: в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенесть сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастия все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом, словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук... Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь; бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает, но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено. Я бросил его опять, беру другое и хочу изъявить состояние души моей, но печаль затмевает рассудок, с какою скорбию возможно сравнить печаль мою? не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею; не столько бесился подьячий, как читал указ о *лихоимстве*, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться; не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит, в пользу своей души, лишить наследников своего име-

ния, пустить их по миру, а имение, беззаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его; но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение; не столько страдал *Кащей*, когда неправедно захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало; не столько бесится завистливый *Злорад*, когда при нем другие похваляются или когда он кого ругает и ему не верят; не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются; не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостью ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатерингоф на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет! печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь, и опять вычерниваю; буквы, мною написанные, кажутся малы, и следовательно, не могут изъяснить великость оныя. Я черню и перечерниваю, засыпаю песком; но ах! вместо песошницы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище [1] сие ослабляет мои чувства... Я лишаюся оных... падаю в обморок... упал на стол, замарал лице и так лежу... Чернильной запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшися с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей; но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнуете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? Так-то вас печали других трогают? теперь неудивительно мне, что при представлении трагедии, в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопите слезами; но увы! ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез: жестокие! вместо пролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова? окамененных ваших сердец ничем невозможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

---

[1] Зрелище.

[ЖИВОПИСЕЦ

Лист 5]

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В *** И *** Т ***

Глава XIV

. . . .

По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. *Бедность* и *рабство* повсюду встречалися со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие, покрытые соломою, хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие *адоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь к ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лутче сказать, бедные развалившиеся хижины, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним времянем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека. День тогда был жаркой; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько обеспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что ето был лутчий во всей деревне, и что хозяин оного зажиточнее был всех протчих, потому что имел он корову. Мы стучалися у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик

вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя взвезена была на грязной двор, намощенной соломою, ежели оною намостить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякой нечистоты, чрезвычайной жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни, ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти; скоро и етот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лице его и тело и немилосердно мучили сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и етому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но однакож сухими пеленками, которые в избе тогда развешены были, поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил; замолчал и етот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: «жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги; приносит ли он о том жалобы? — Нет, он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третей вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, — сказал я, проливая слезы, — произносите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее, призри на сих несчастных!»

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкой запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед к своей коляске, упал я без чувства во оную. Приключившейся мне обморок был непродолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды, извозчик мой ее принес из колодезя, но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой, но в ответ услышал, что во всей деревне лутче етой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. «Помещики, — сказал я, — вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!»

Я спрашивал, где хозяева того дома, извозчик ответствовал, что все крестьяне и крестьянки в поле, прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время за задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он

там одного спрятавшегося мальчика, которой ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они, что ето едет их барин, и для того от страха разбежались. «Они скоро придут, — сказал извозчик, — я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин доброй, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им на лапти». Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застращены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: «*не бойтесь, он вас не убьет: он боярин доброй; он пожалует вам на лапти*». Робятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: «*ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте нас!*» Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: «*да! чево испужались... ты нас обманул... на етом барине красной кафтан... ето никак наш барин... он нас засечет*». Вот плоды жестокости и страха; о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей! «Не бойся, друг мой, — сказал я испуженному красным кафтаном мальчику, — я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег». Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклонился в ноги, и, оборотясь, кричал другим: «*ступайте сюда, робята, ето не наш барин; етот барин доброй, он дает деньги и не дерется!*» Робятишки тотчас все ко мне прибежали; я дал каждому по нескольку денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: «*у меня деньги! у меня пирог!*»

(Продолжение будет впредь.)

[ЖИВОПИСЕЦ

Лист 14]

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ В *** И *** Т ***

Глава XIV

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневный жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем богачи, любимцы *Плутовы*, препроводя весь день в веселии и пированиях, к новым приготовлялися увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностью времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худый судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препро-

водя весь день в нарядах, скакали на берег [1] для свидания. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроя лице свое различными хитростьми, торжествовали восхождение престарелыя луны, своея благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами, и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены, и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: «Не прогневайся, господин доброй, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесной дал нам ведро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожжи не захватили. По сиось день господень всио-таки у нас, родимой, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились; авось-таки милосливой Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашева бояринa такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперьва всегда ево боярской убираем, а с своим-то-де, *изволит баять*, вы и после убериотесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, вить мы себе не лиходеи, мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-ат наш и пропадает. Дай ему бог здоровье! Мы, кормилец, на бога надеемся, бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорей Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю». «Подите, друзья мои, — сказал я им, — отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше». — «И! родимой! — сказал крестьянин, — как не роботать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за роботу приниматься; кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и роботать было. Вить мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять; полно тово, что и они в праздничные дни попустому шатаются». После чего крестьяне пошли, а я остался во

---

[1] Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде. *(Прим. Новикова.)*

своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополуночи.

На другой день, поговоря с хозяином [1], я отправился во свой путь, горя нетерпеливостию увидеть жителей *Благополучныя деревни;* хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

[ЖИВОПИСЕЦ

Лист 15]

ПИСЬМО УЕЗДНОГО ДВОРЯНИНА К ЕГО СЫНУ

Сыну нашему Фалалею Трифоновичу от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки низкой поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про свое здоровье: таки так ли ты поживаешь, ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцов, которыми я тебя благословил? Береги их; вить ето не шутка: меня ими благословил покойник дедушка, а его отец духовной, Ильинской батька. Он был болен черною немочью и по обещанью ездил в Киев; его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли; и он оттуда привез етот канонник [2] и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свиными да стягом говяжьим [3]. Не тем-то покойник-свет будь помянут! он ничего своего даром не давал, дедушкины-та свет грехи дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и тут процедили. Вить и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза, прости, господи, мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина да дать ему шесть денег, так он и доволен. Чего ж ему больше, прости господи, вить не рожна? Да полно, нынче и винцо-та в сапогах ходит: екое времечко; вот до чего дожили и своего вина нельзя привезть в город; пей-де вино государево с кружала, да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что всио хорошо делают; поетому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да што уж и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность: да

---

[1] Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам; благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно бы, заслужил любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему. *(Прим. Новикова.)*

[2] Канонник — святцы.

[3] Стяг говяжий — коровья туша.

чорт ли ето слыхал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать: нельзя у соседа и земли отнять; в старину-то побольше было нам вольности; бывало, отхватишь у соседа земли целое поле, так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли воевода приятель, так кури смело в ево голову: то-то была воля-та! Нынче и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, што можно выйтить из службы да поехать за море; а не слыхать, што там делать: хлеб-ат мы и русской едим, да таково ж живем. А из службы тогда хоть и не вольно было вытить, так были на ето лекари; отнесешь ему барашка в бумажке, да судье другово, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так ето наверстаешь; был бы только ум, да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье; ты, Фалалеюшка, не запомнишь етово. Сестра твоя Варя посажена за грамоту; батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об етом подумать; вить уж скоро и женихи станут сваталься, а без грамоты замуж ее выдать не годится, и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается: сказывают, што великие затеи. Колокольню строят и хотят сделать выше Ивана Великого; статошное ли ето дело? то делалось по благословению патриаршему, а им как ето сделать? Вера-та тогда была покрепче, во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынече она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все это проклятая некресть делает: от немцов житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть во аде. Пожаласта, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства; провались они, проклятые! Нынече и за море ездить не запрещают, а в *Кормчей книге* положено за ето проклятие. Нынече все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за ето также положено проклятие; нельзя только взятки брать да проценты выше указных, ето им пуще пересола, а об етом в *Кормчей книге* ничего и не написано; на моей душе проклятия не будет: я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть: вить не всякому бог даст клад, а с мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да што ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают: секу их нещадно, и всио прибыли нет; год от году всио больше мужики нищают: господь на нас прогневался; право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед *Брюжжалов* и привез с собою какие-та печатные листочки и будучи у меня читал их. Что ето у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все

дворяне? Чего они смотрят? Да я бы ему проклятому и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился! какой-нибудь немец, а православной етого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами, а того, проклятой, и не знает, что в старину тираны бывали некрещеные и мучили святых; посмотри сам в Чети-Минеи; а наши мужики вить не святые; как же нам быть тиранами? Нынече же ето и ремесло не в моде; скорее в воеводы добьешься, нежели во... Да полно, ето не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны: едакая беда; неужто хочет он, чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да етово и господь не приказал: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину; вить не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: *работайте господеви со страхом и радуйтеся ему с трепетом. Приимите наказание, да не когда прогневается господь; егда возгорится вскоре ярость его* — да на што они и крестьяне: его такое и дело, што работой без отдыху. Дай-ка им волю, так они и не весть что затеют. Вот те на, до чего дожили: только я на ето смотреть не буду; ври себе он, што хочет, а я знаю, что с мужиками делать [1].

. . . .

О, коли бы он здесь был! То-то бы потешил свой живот: все бы кости у него сделал как в мешке. Што и говорить, дали волю: тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Едакие люди, за себя не вступятся! Вить и бояра с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все-таки так же по-русски, и их крестьяне не богатее наших. Да што уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова [2]; так знаешь ли, почему он с них берет? Стыдно и сказать, по полтора рубли с души, а угодьев-та сколько! И мужики какие богатые; живут себе да и гадки не мают, богатее инова дворянина; ну, а ты рассуди сам, какая ему от етова прибыль, што мужики богати; кабы перетаскал в свой карман, так бы ето получше было; едакой ум! То-то, Фалалеюшка, не к рукам едакое добро досталось. Кабы ета деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только што мужиков балуют. Ех! перевелись-ста старые наши большие бояра: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское, и купецкое — все было их; у всех, кроме бога, отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынешние господа што за люди, и себе добра не хотят. Што уж и говорить: все пошло на немецкой манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди в отставку: полно,

[1] Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество. *(Прим. Новикова.)*

[2] Григорий Орлов — временщик в начале царствования Екатерины II.

друг мой, вить ты уже послужил, лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и Налетка; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за ето людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила; то-то проказница; я за то ее и люблю, што уж коли примется сечь, так отделает, перемен двенадцать подадут; попросит небось воды со льдом; да ето нет ничего, лутче смотрят. За сим писавый кланяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

[ЖИВОПИСЕЦ

Лист 23]

СЫНУ МОЕМУ ФАЛАЛЕЮ

Так-то ты почитаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? Тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты ето писмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку: пришло с ума сойти! Слыханное ли ето дело, чтобы дети над отцами своими так ругались! Да знаешь ли ты ето, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты ето позабыл! Кажется я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за ето положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! Не сыграй над собою шутки: вить недалеко великой пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал тебе знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц прохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить: пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, ето бы свое дело; а то вить ты знаешь, что нынече время военное; неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так ето здоровее будет. Поди в отставку, да приезжай домой: ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакова не будет. Чего тебе лутче етого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не

будет Егорья[1], да будешь ты зато поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышут: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова; так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? И невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синей порох даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой, тебе будет чем жить опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; вить ето, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна; то-то любо! и курицы некуда будет выпустить. Со всем будем ездить в город; то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты вить уже не малой робенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай чуть тако не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об етом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где бывало ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье в застенке секут: таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу! ума у тебя довольно: можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас нездорово: мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьева не взвидела, так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла ето дело разыскивать и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целой жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! на ладон дышит: я тово и жду, как сошлет бог по душу. Знать что, Фалалеюшко, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава богу, живы; авось-таки которой-нибудь удастся по матери; а мне уж едакой жены не нажить. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался,

[1] Пусть у тебя не будет Егорья — то есть георгиевского ордена.

что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшко, с женою расставаться: я было ужо к ней привык, тридцать лет жили вместе: как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну да как без етого, живучи столько вместе и горшок с горшком столкнется, как без того! Я крут больно, а она неуступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою; мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. За сим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

[ЖИВОПИСЕЦ

Лист 24]

Свет мой Фалалей Трифонович!

Что ты ето, друг мой сердечной, накудесил? пропала бы твоя головушка: вить ты уже не таперь знаешь Панкратьевича; как ты себя не бережешь; ну кабы ты, беднинькой, попался ему в руки, так вить бы он тебя изуродовал пуще божьева милосердия. Нечево, Фалалеюшка, норовок-ат у него, прости господи, чертовской; уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуралесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что ето сделал, отдай писмо его напечатать; вить ему все соседи смеются: экойде у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно вить, Фалалеюшка, всех речей не переслушаешь; мало ли что лихие люди говорят, бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо, наши лутче всех; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще, с ним и чорт тогда уж не совладеет. Отпиши к нему поласковее, да хоть солги что-нибудь, вить это не какой грех, не чужова будешь обманывать, своево роднова; и все дети не праведники: как перед отцом не солгать. Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечной, здоровье, а я лежу на смертной постеле; не умори ты меня безвременно: приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит, нечево, очень худо. Обрадуй, свет мой, меня; ты вить у меня один одинехонек, как синей порох в глазе, как мне тебя не любить; кабы у меня было детей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоим ангелом, да отдам тебе все мои денжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила: вить для тебя же, мой свет; отец-ат тебя несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться; твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться; мы и сами смолоду таковы же бывали. Весе-

лись, мой батюшка, веселись: придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалеюшка, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничево не пиши; я ето сделала украдкою, кабы он сведал про ето, так бы меня, свет мой, забранил. Отцыто всегда таковы: только, что брюжжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович; дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на ково я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку! етот старой хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь; что с едаким чортом, прости господи, сделаешь. Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно приезжай: дай мне на тебя насмотреться; сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшка, прости, свет мой; благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой, не позабудь меня.

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклон и великое челобитье; и при сем желаю тебе многолетнаго здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дне.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуск сего писма все, слава богу, живы и здоровы; тако ж и отец твой Трифон Панкратьевич здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: што подымешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай, уж и не говорит; и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом, да Фарсульской богородицей, а меня Неопалимой. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тароватея стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! У меня образов-то и своих есть сотня места, да не едаких, как жар вызолочены; а ета, брат, Неопалима, подлинно что не опалит, и окладишко весь почернел; бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась; хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшка, кабы не я, так бы разве глухою исповедью исповедывать. Уж я ей говорил: «эй, Сидоровна, исповедайся, вить уже ты в гроб глядишь»; так нет-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай, давай попа, да уж за то в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многопько грешков-то скопилось. Приводили и ворожей; нечево, спасибо твоему отцу, не поскупился; да ничево не помогли. А после исповеди привели было еще одново, да уж и Сидоровна сама не

захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно жив, а кому умереть, тому и ворожеи не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее, то приезжай погребсти грешное тело ее. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшка! вить матушка твоя скончалась, поминай как звали. Я только теперь получил об етом известие; отец твой, сказывают, воет, как корова. У нас всегда бывает так: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой, Фалалеюшка, приезжай бога ради поскорее, хоть не надолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургскова. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее, наприклад, в економические казначеи или в управители дворцовых волостей, или куда-нибудь к подрядным либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных полатах живет, а которые ни одной души за собой не имели, те уже нажили сотни и по две—три. Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах, да уже всех дочек выдал замуж. За одной, я слышел, чистыми денежками десять тысяч дал, да деревню тысяч в пять. А не совсем-таки разорился, бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да ево не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в ету пору определились. Не житье им, масляница. Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в едакие управители. Перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни, всио те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще всио стариньким живу! Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведиотся, то и нас не миниотся. Лишь только поделись, Фалалеюшка, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто пападется, тот тем и спасиотся. Грех да беда на ково не живиот? Я и сам попался было однажды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всиом поговорили лутче на словах; а писать-то страховато, неровно кому попадется в руки, так напляшессся досыта. При сем, во ожидании тебя, остаюсь дядя твой

Ермолай ***.

О «Копиях с отписок» крепостных крестьян своему барину и «Копии с помещичьего указа», напечатанных Новиковым в «Трутне», Добролюбов писал: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается, не подлинные ли это». Помещаем подлинное письмо крестьянина своему помещику и подлинный приказ помещика бурмистру, подтверждающие то, что «Копии», написанные Новиковым, с большой точностью отражали быт крепостных.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА К СВОЕМУ ПОМЕЩИКУ

Милостивому государю нашему Николаю Ильичу (Суябулову) Вологодской вашей, государь, вотчины, Задносельской волости нижайший крестьянин ваш деревни Сафоновской Павел Леонтьев, пад перед честяые стопы ног твоих, всеуниженно кланяюсь и милости у тебя, государя моего, прошу слезно.

В присланном от тебя, государь, приказе старосте Мирону написано: взыскать с меня, нижайшего сироты, пятьдесят рублев денег за то, что племянницу отдал на волю. А я, нижайший Павел, хотя и отдал на волю, по прежнему вашему приказу, и выводу взял только десять рублев и намерен был на оные деньги взять за племянника своего со стороны, как ты, государь, приказал, точию загородной вашей вотчины староста Мирон Тимофеев, нынешней зимы в мясоед, приехавши к нам объявил, якобы вы приказали ему сестру свою за племянника моего отдать, а выводные деньги, которые взяты за племянницу мою, от меня ему взять, и я, нижайший, от него отговаривался, опасаясь от вас гневу, точию того сделать, чтоб у него не взять, а денег ему не отдать не посмел: понеже он мне сказал, что ему во всем приказано. А и деньги, которые он у меня взял 10 рублев, вам, моему государю, отдал или нет, про то я неизвестен. Того ради я, нижайший сирота, нарочно своим коштом вознамеривался к вам придти и просить слезно: помилуй, батюшка Николай Ильич! от оного взыскания денег меня свободи, не приведи, государь, меня в крайнее раззорение? истинно, государь, ежели б староста у меня денег не взял, то б я приказу вашего не презрил. Умилостився, государь, до меня, нижайшего крестьянина своего, моги нас за собою в милости содержать, а мы за тобой ради жить и вечно за тебя бога молить, Государь наш, смилуйся.

В КАЗЕЛЬСКУЮ ВОДЧИНУ В СЕЛО УКОЛИЦЫ БУРМИСТРУ ТИМОФЕЮ ТИМОФЕЕВУ

ПРИКАЗ

Большой ты плут и нерадивец, прислал ты при отписке за прошлый год недоимочных дениг за первою половину 506.20, а за вторую 293.80 асигнациями, тогда как было пенки осмотрено и взято под присмотр тебе бурмистру, избранным старикам и десяцкому, каждой выти и вочтено по самой ниской цене достаточно не только на целой оброк за последнию половину прошлого года, но еще оставалась пополнить не доимки прежних лет, на ком оные состояли, а остальное оставалось еще крестьянам и было тебе приказано неоднократно, чтоб ты, собравши оброк, сам с ним явился: ты оброку не собрал, и сам не явился. Естли и за сим оброк не будить вами собран, то велю все твое имущество распродать, тебя и товарищей твоих высеку, и отдам в смирительный дом, а потом уже и воротисся на свою родину, а поселю тебя в другой губернии своей водчине, а еще лутче пашлю на поселение в Сибирь... Естьли оброк не будет собран по надлежащему и обещанное вам наказание немипуемо вам воспоследует, верь сему [1].

---

[1] Сохранены орфография и пунктуация подлинника.

НАРОДНАЯ САТИРА

В 50—60-х годах появилось большое количество рукописных сборников, наполненных различными произведениями поэтов из демократической среды (басни, анекдоты и т. д.); лубочные издания печатаются и распространяются в огромном количестве; появляются произведения, исполненные страстного протеста против феодально-крепостнического гнета («Бык не захотел быть быком», «Плач холопов» и др.).

ПЛАЧ ХОЛОПОВ

О! горе нам, холопем, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить!
А хотя кто и служит — так как острая коса;
Видит милость — и то как утренняя роса.
О! горе нам, холопем, от господ и бедство!
А когда прогневишь их, так отымут и отцовское наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти?
Что мы сами наживем — и в том нам нет власти.
Пройди всю подселенную — нет такова житья мерзкова!
Разве нам просить на помощь Александра Невскова?
Как нам, братцы, не досадно
И коль стыдно и обидно,
Что иной и равный нам никогда быть не довлеет,
И то видим: множество нас в своей власти имеет [1].
Во весь век сколько можем мы, бессчастные, пожить,
И всегда будем мы, бессчастные, тужить.
Знать, прогневалась на нас земля и сверху небо!
Неужель мы не нашли б без господ себе хлеба!
На что сотворены леса, на что и поле,
Когда отнята и та от бедных доля?
Зачем и для чего на свет нас породили?
Виновны в том отцы, что сим нас наградили.
Противны стали ныне закону господа,

[1] Смысл фразы: иной, который не достоин быть с нами равен, имеет множество нас в своей власти. *(Прим. редакции сб. «Почин».)*

Не верят слугам ни в чем и никогда!
Без выбору нас, бедных, ворами называют,
«Напрасно хлеб едим», — всечасно попрекают,
А если украдем господский один грош,
Указом повелят его убить, как вошь.
А барин, украдет хоть тысяч десять,
Никто не присудит, что надобно повесить.
Умножилась неправда в российских воеводах:
Подарок принесет кто, тот прав и без доводов.
На власть создателя перестали уповать
И нами, как скотом, привыкли обладать.
Все земли нас бранят и глупости дивятся,
Что такие глупые у нас в России родятся;
И подлинно, в нас глупость давно вкоренена,
Что всякая здесь честь побродам [1] отдана.
Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьему доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ,
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас.
В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают [2],
Что могут-де холопи там говорить?
Отдали б им волю до смерти нас морить.
Знать, мы все бессчастны на свет рождены,
Что под власть таким тиранам вовек утверждены!
За что нам мучиться и на что век тужить?
Лучше согласиться нам царю служить.
Лучше нам жить в темных лесах,
Нежели быть у сих тиранов в глазах:
Свирепо на нас глазами глядят
И так, как бы ржа железо, едят.
Царю послужить ни один не хочет,
Лишь только у нас последнее точит.
И то и стремятся, чтоб неправдою мзду собирать,
А того не страшатся, что станут злою смертью умирать.
Власть их увеличилась, как в Неве вода;
Куда бы ты ни сунься, везде господа.
Ах! когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собой дружбу,
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить.

---

[1] Побродягам.
[2] Автор «Плача» имеет в виду комиссию, созванную Екатериной II для составления нового Уложения; крепостные крестьяне были лишены права выбирать депутатов в эту комиссию.

Прежде их затем тиранов пущали,
Чтоб они Россию просвещали,
А они уж так нами владеют,
Что и говорить холопи не смеют.
Когда холоп в господские слова вступил,
То так как сам себе побои купил.
Когда в Россию набродов они пущали,
Тогда нам лучшее правление обещали,
А они российских дворян со однодворцами определили,
А нас, бессчастных, по себе разделили.
Пропали наши бедные головы
За господами лихими и голыми!
Все мы в немилосердных руках связаны,
Как будто таким татством обязаны.
О! злые господа к царю нас не пущают
И милости своей к нам не обещают.
Все мы, бессчастные, обедняли:
Лучше бы чужую сторону спознали.
Как холопем на них не сердиться?
Я думаю, скоро с досады станут беситься.
Чистую рожь купцам всю продают,
А нам уж, как свиньям, навейку дают.
Несытые господа и в пост мясо едят,
А холопьям и в мясоед пустые щи варят.
О! горе, братцы, наше:
Всегда нам, бессчастным, аржаная каша.
Господа пьют и веселятся,
А холопам не велят и рассмеяться.
Лягут спать на канопе, ни кричать,
Велят тихо ходить и ничем не стучать.
Если ж кто небрежением застучит,
Тот несносные побои получит.
Не выходит из голов господский страх,
Будто некакой сидит за плечами враг.
Сколько нам, братцы, ни рваться,
Знать по смерть нам их бояться!
А когда холопей в яму покладут,
Тогда и вольный абшит в руки дадут.
Нет холопем никакой надежды,
Защитники их в Деделове [1] хворостом торговали,
Да слух прошел, что и те в провальную яму попали,
И потому не от кого ожидать застои [2];

---

[1] Может быть, это слобода Дедилово, бывш. Тульской губ. Богородицкого уезда, о которой у Щекатова замечено, что на гористой части ее находится яма, наполненная водой, где прежде была рожная земля и стояли дома. Подземная вода, устремляясь кверху, вдруг размыла землю, и в одну ночь вместо земли и стоящих на ней домов явилось тут озеро. *(Прим. ред.)*

[2] Защиты.

Разве нет ли на Саратовской степи ямы пустой?
Только их и веселит с табаком рог
Да в чистом поле зеленый горох.
Хотя бы выпил с горя чарку винца,
Да взять негде и кислого пивца.
Господи наш боже!
Даждь в небесном твоем поле ложе!
Ты бо нам творец:
Сделай бедным один конец!

О ДВОРЯНИНЕ И МУЖИКЕ

Дворянин неки дорогою шел впереди,
А мужик-крестьянин брел позади,
Который вез на лошади дров продавать,
Кричал тому дворянину: господин, берегись,
Видишь, еду с возом, посторонись.
Дворянин же будто того не слыхал,
Мужик же ему в спину оглоблей попал,
В том велику обиду ему показал,
Епанчу ему много разодрал.
Видя, дворянин стал с ним бранитца,
Схватил мужика, говорил: пойдем судитца,
Или заплати мне за епанчу,
То уж и к судье не потащу.
Мужик: полно, господин, кричал, берегись,
Покинь, лучше со мной не судись,
А ты лихо спесив больно стал,
Того ради в спину оглоблей попал.
Дворянин: нет, мужик, бестия,
Хочу, учиню над тобой свое отмщение!
Когда стал теперь со мной бранитца,
Пойдем с тобой оба судитца.
И пришел перед судью, стал объявлять,
Какую обиду мужик мог ему показать,
Говорил: господин судья, с такого виду
Мужик сей показал обиду.
Я шел дорогой пред ним впереди,
А он на лошади ехал позади
И оглоблей епанчу мою повредил,
А я от него требовал, мне не заплатил,
Прошу милость со мной учинить,
В том деле ево спросить.
Мужик только на судью взирает,
Никаких речей ему не объявляет.
Судья неоднократно громко кричал,
Дабы что-нибудь мужик ему отвечал,
Свирепо закричал: слышишь ли, говорит,

Тебя вить, чучелу, випит.
Видя, судья сказал: нечево немого судить,
Когда ничево судье не говорит.
Дворянин судье: истинно, не нем,
Вить сим же часом ехал бодро
И кричал мне во все горло:
Посторонись, господин,
Изволь видеть, еду с возом — не один.
Слыша, судья лишь рассмеялся:
Почто же ты и просишь,
В какой только себя стыд приводишь,
Когда он кричать тебе громко чтился,
Чего ж ты ему не посторонился.
И велел дворянина прогнать в толчки,
Дать ему в спину хорошие тычки.
И тако мужик явился прав,
А дворянин нанес на себя штраф.

БЫК НЕ ЗАХОТЕЛ БЫТЬ БЫКОМ [1]

Бык не захотел быть быком
Да и сделался мясником.
Когда мясник стал бить в лоб,
То не стерпя ево удару, ткнул рогами вбок,
А мясник с ног долой свалился,
То бык выхватить топор у нево потщился.
Отрубимши ему руки, повесил ево вверх ногами
И стал таскать кишки с потрохами...

УКАЗ ПУГАЧЕВА

УКАЗ

Его императорского величества самодержца всероссийского Петра Федоровича и прочая и прочая и прочая.

Всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей, яко то от бога дарованной мне милости, всякого человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послушании по самопроизвольному желанию...

---

[1] «Листовая картинка, гравированная на меди на Ахметьевской фабрике, в половине XVIII века» (Р о в и н с к и й).

...И естьли кто ныне познает сие мое оказанное милосердие, действительно я уже вас всех пожаловал сим награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами [1] и протчими угодьями, также вольностью. Сверх же сего, как от бога дарованной мне властью, обещаюсь, что впреть никакого уже вы отягощения не понесете. А естьли кто не будет на сие мое создаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то есть казнить смертию, а домы и все их имение брать себе в награждение. А на оное их, помещиков, имение и богатство, также яство и питие было крестьянского кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и разорение. А ныне ж я для вас всех един из потерянных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан...

...А кто же сей мой милостивый указ получит в свои руки, тот бы тот же час как из городу в город, из жительства в жительство пересылал и об оном моем чинимом ко всему роду человеческому милосердии объяснял и всемерное житие воспомянул, как оное ныне, также и впреть вышеизъясненное будет всем полезно.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако:

Император и самодержец всероссийский третий Петр.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О ПУГАЧЕВЕ

1

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталось:
Выезжал туто добрый молодец,
Добрый молодец Емельян-казак,
Емельян-казак, сын Иванович.
Под ним добрый конь сив-бур-шахматный,
Сива гривушка до сырой земли.
Он идет, спотыкается...
Вострой сабелькой подпирается,
Горючими слезами заливается:
«Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься?

[1] Борть — естественный улей диких пчел в дуплистом дереве; бобровые гоны — места, где водятся бобры.

Али чаишь над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьице?»
Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

2

Емельян ты наш, родный батюшка!
На кого ты нас покинул!
Красное солнышко закатилось...
Как осталися мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...
. . . .
Как во славном городе Астрахани
Проявился добрый молодец,
Добрый молодец, Емельян Пугач;
Обряженный он в кафтанчик сто рублей,
Шефорочек на нем в пятьдесят рублей,
Шапочку набекрень держит;
Во правой руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается, ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад не идет.
Астраханский губернатор призадумался:
Он увидел из хрустального стекла;
Посылает за ним слуг верных
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,
Допрашивали его словесным допросом:
«Какого ты рода-племени,
Царь ли ты или царский сын?»
А он им на то молвил:
«Я не царь и не царский сынок.
Я родом — Емельян Пугач,
Много я вешал господ и князей,
По России вешал я неправедных людей».

В. И. ЛУКИН
(1737—1794)

Владимир Игнатьевич Лукин родился в бедной служилой дворянской семье. «Я родился, — писал Лукин в 1765 г., — в свет к принятию одолжений от сердец великодушных, и до сего времени по неимуществу моему и тем людям, кои меня беднее, иныя помощи, кроме искреннего об них сожаления и нелицемерного о достоинствах их отзыва, подавать не могу». Долгое время Лукин был мелким чиновником, выдвинулся во время службы у кабинет-министра Елагина в качестве секретаря, пользовался большим доверием своего начальника и дослужился до значительных чинов и должностей.

Литературная деятельность Лукина продолжалась недолго, около десяти лет (1763—1773), и состояла, главным образом, в переводах и переделках произведений французских драматургов (Детуша, Кампистрона, Боасси, Реньяра, Прево).

Лучшее переложение Лукина — комедия «Щепетильник» (1765) — острая сатира на дворянское общество 50—60-х годов. Лукиным написана одна самостоятельная комедия — «Мот, любовью исправленный» (1765).

Лукин в период своей литературной деятельности (60-е — начало 70-х годов) поднимался до защиты угнетенного закрепощенного крестьянства и резкой критики дворян-крепостников: «Сии надменные люди, живучи в роскошах, нередко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости разоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, с шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев». Это высказывание Лукина, относящееся к 1765 г., является одним из наиболее резких антикрепостнических выступлений того времени. Лукин с большим чувством говорит о просвещении народных масс, о поднятии их культурного уровня. Так, например, он придавал большое значение открытию в Петербурге общедоступного театра, видя в нем действенное средство для развития культурных интересов

СОЧИНЕНIИ

и

ПЕРЕВОДЫ

ВЛАДИМЕРА ЛУКИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1765 ГОДА.

Продается въ Милюнной улицѣ близъ стараго Зимняго двора у переплетчика Г. Миллера;

Титульный лист первого издания сочинений В. И. Лукина

в широких народных массах: «Наш низкия степени народ толь великую жадность к нему показал, что, оставя другие свои забавы, из которых иные действием не весьма забавны, ежедневно на оное зрелище сбирался».

Однако нельзя и преувеличивать оппозиционность Лукина. В 70—80-х годах он ничем не проявляет демократической настроенности: ревностно служит, занимает высокий масонский пост.

Лукин не отличался художественным дарованием, был второстепенным писателем XVIII столетия, однако литературная деятельность его сыграла положительную роль в развитии русской литературы.

Дворянский классицизм не удовлетворяет Лукина, он ищет новых путей, ратует за бытовую национальную драму, критикует космополитические тенденции драматургов — представителей дворянского классицизма, настаивает на том, чтобы, пока не появились самостоятельные русские произведения, иностранные «склонять на наши правы».

Лукин в своем творчестве подходил к проблеме реалистического изображения жизни. Создавая образ Добросердова, Лукин стремился «его характер выдержать», показать и положительные и отрицательные черты: «Герой мой Добросердов, как мне кажется, вподлинну имеет доброе сердце и с ним соединенное легковерие». Лукин настойчиво подчеркивает собирательный характер главного героя его комедии: «Я показал в нем большую часть молодых людей» (т. е. молодых людей тогдашнего дворянского общества).

Стремление Лукина к реалистическому принципу отражения жизни в литературе оказало благотворное воздействие на развитие русской литературы.

ЩЕПЕТИЛЬНИК

ПИСЬМО К ГОСПОДИНУ ЕЛЬЧАНИНОВУ

Любезный друг!

Справедливость велит нам неупустительно благодарить тех людей, от коих мы одолжение получаем. Я, будучи одолжен тобой, спешу доказать тебе, не столько по сему правилу, сколько по чувствованию сердечному, новый знак моего дружелюбия, и тем желаю оное утвердить между нами...

Я думаю, что не забыл ты своей просьбы, которою нередко убеждал меня к преложению Boutique de Bijoutier на наши нравы таким образом, чтобы ее как *драматическое* сочинение и на театре представлять можно было, что я всегда от того отрицался, видя, по моему мнению, великие в том трудности. Но сие отрицание единственно в словах заключалось, а сердце мое с твоим сердцем, по согласию чувствований навеки соединенное, всегда к противному меня побуждало и нудило сделать тебе угождение. А как ты не упустил и из Глухова о том ко мне отписать, то я начал самым делом приготовляться к переделанию в комическое сочинение сей аглинской сатиры, не только солью, но и селитрой наполненной. Прочел я ее в один день два раза, и чем больше в нее вникал, тем меньше к удовольствию твоему находил способов. Целый день об ней думал, лег спать и, наполняя ею голову, однако не предприняв точного к преложению намерения, но утомившись мыслями, заспул и к чрезвычайному и притом неожиданному счастию ее во сне увидел. Многим людям, которые мало или вовсе снов не читывали, весьма странно покажется такое сновидение. Но нам, прочетшим славные сны г. Кригера и еще немецкого же

сновидца, изданного без имени авторского, в котором, несмотря на то, что он не в поллиста и не в десяти частях, можно найти очень много доброго нам с тобой и тем, кто столько же, как мы, снов прочли, и следующие из моего сонного приключения обстоятельствы в диковинку не будут. Я чувствительно сожалею, что не могу всего сна точно написать, но что из него вспомню, то и тебе между прочим сказать не упущу.

Вдруг узрел я себя, не знаю каким случаем, в числе зрителей комедии, на всенародном театре представляемой [1]. Но какой же комедии? Самой той, о которой от тебя довольную вытерпел я докуку и которую тебе приписываю.

Очутившись при сем позорище еще до начатия и не зная, что представлено будет, спрашивал я о том стоявших возле меня, и в ответ сии слова от одного соседа услышал: «По правде сказать, благородию вашему, мы материи, о чем комедь гласит, досконально и фундаментально не ведаем; а от ахтеров слышали, что «имеют быть *предварительно* и *стоически* представлены в лицах разные новоманерные галантереи». Разные галантереи? спросил я его... «Да, сударь», — отвечал мне другой по левую руку стоявший, которой при всяком слове в затылке почесывал и которой так скоро говорил, как трещотка, и в речах его не было ни запятых, ни двоеточия, ни точек. «Да, дарагой наш милостивец, я то же слышал, что станут выкидываться на предъявленном киятре ориэнтальные французские штуки, на наши русские манеры обделанные, и сам медиатер [2] мне *предположительно* божился, что очень много проказного увидим».

Я нарочно пишу тебе словами моих соседов, которым я очень не рад был, но уйти от них не имел способу, чтобы ты узнал, кто они таковы; а чтобы тебе об них еще легче угадать было, опишу их одеяние. На одном был кафтан синей и на нем только три пуговицы, камзол зеленый, штаны черные замшаные, а шлифы висели для того, что пряжек шлифных не было, о которых я, по их дружескому между собою разговору, скоро узнал, что они для опохмелепия заложены поутру на первом кружале. Рубаху имел он с холстинными пречорными брызжами. Волосы у него не только

[1] О сем позорище, может быть, ты и не слыхал, живучи в стране, о театре ни мало не пекущейся, и я согрешил бы перед тобой, не уведомив тебя о том, что сведения всякого человека, пользу общественную любящего, достойно. Со второго дня святыя Пасхи открылся сей театр; он сделан на пустыре за Малою Морскою. Наш низкия степени народ толь великую жадность к нему показал, что, оставя другие свои забавы, из которых иные действием не весьма забавны, ежедневно на оное зрелище сбирался. Играют тут охотники, из разных мест собранные, и между оными два-три есть довольно способностей имеющие, а склонность чрезмерную. Сия народная потеха может произвесть у нас не только зрителей, но со-временем и писцов, которые сперва хотя и неудачны будут, но вследствии исправятся. Словом, я искренне тебя уверяю, что сие для народа упражнение весьма полезно и потому великия похвалы достойно. *(Прим. Лукина.)*

[2] Сим именем называется начальник всех таковых комедиантов. *(Прим. Лукина.)*

не завиты, но всклочены и назади пучком связаны были; а шея пречорная, на показ выставлена, без галстука и без платка; а куда оные, по нашему необходимые вещи, скрылись, узнать мне не удалось, но уповаю, что с пряжками имели они одинаковую участь. На другом какой кафтан и камзол были, приметить я не мог, потому что он имел на себе епанчу преветхую под пазухами распоротую и без пуговиц же, не отставая своей братьи; а на волосах кошелек; на шее же вместо галстуха поношенной полуиталианской платок, на распашку завязанной.

Ты, любезный друг, думаю, не удивишься сей неопрятности, ведая, что оные молодцы и в должности столько ж нерадивы, и, перенимая от большой части наставников своих одно криводушие, не только о порядке, но многие из них и о самой истине вовсе не пекутся. Продолжение удалого их разговора долго слушать не имел бы я терпения, потому что слова их мимо меня летали; а вместе с ними и запах винной, показывающей, что они держатся сея пословицы: «Кто празднику рад, тот и до свету пьян; а кто его чтит, тот весь день не просыпается». Но они повидимому и более того могли бы сделать, и на целую неделю пуститься, только сии зрелищи им помешали; а естьли бы оных не было, то бы они в сию седьмицу остались так чисты, как их мать родила. Божусь тебе, что их разговор удушил бы меня, и я, несмотря на тесноту и грязь, всеконечно бы от них удалился, но к счастью моему началась комедия и с нею смех общенародной, чему причиною был парик на Чистосердове надетой, ибо речи его отнюдь ничего смешного в себе не имеют.

Услышав его с племянником разговор, которой мне показался достойным внимания, весьма я удивился, что такая комедия для народа представляется, где лишь одни смех производящие сочинения играть надлежит. Но по первому явлению отнюдь не было следа узнать, что оная комедия из *Бижутиера* переделана, да и я, не взирая на прилежное мое слушание и на то, что часто твердил Чистосердов племяннику своему о галантерейщике, не мог об ней догадаться, ибо действие начавшие лицы суть против английския сатиры прибавленные, так же как и два крестьянина, работники Щепетильниковы. Выход и разговор оных простолюдимов несказанно рассмешил меня, и думаю, что смех мой был столь неумерен, что ежели бы слуга мой спал в одной со мной комнате, то бы он непременно разбудил меня, подумав, что, конечно, домовой шутит надо мной, чего бы он из христианской любви, конечно, не вытерпел; но к удовольствию моему спал он в другой комнате и не помешал сновидению. По выходе галантерейщика и по речам его нашел я в нем точного Bijoutier и, наконец, слушая с пущим прилежанием последующие явления, ясно уже я приметил, что сия сатира довольно хорошо для нашего театра переделана. Соблюдено в ней единство места, и все наклонено на наши нравы; а больше всего то мне показалось, что действие положено в вольном маскараде, которой весьма к тому приличен. Должен-

ствую к стыду моему признаться, что избрание места к действованию мне больше всего труда причиняло, тогда когда я старался тебе угодить, помышляя о преложении сего сочинения, и я не мог попасть на таковое счастливое изобретение, какое в оной комедии, видя ее во сне, приметил. Но мне не об себе говорить должно, а о превращенном *Бижутиере*. Он, претворившись в комическое сочинение, как по содержанию, так и по колкой сатире может назваться довольно хорошим, а по слогу весьма посредственным, ибо видно, что хотя трудившийся и желал показать свойство российского языка, но, не имея довольного знания и дара красноречия, желания своего не исполнил. В нем виден человек с охотой начинающий, и ты, прочетши, думаю, сам то же скажешь потому, что я ни одного не переменил слова, а все его выражениями писал, кроме разговора крестьянского, коих наречия не мог я изобразить толь живо, как во сне слышал. Причиной тому, что я, не имея деревень, с крестьянами живал мало и редко с ними разговаривал. Полно, у нас не все те крестьянской язык разумеют, которые наделены деревнями; немного сыщется помещиков, в состоянии сих бедняков по должности христианской входящих. Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах иначе и не мыслят, как о животных, для их сладострастия созданных. Сии надменные люди, живучи в роскошах, нередко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости разоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, с шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев. А можно сказать, что ведают жизнь крестьянскую только те, которые с природы человеколюбивы, и почитают их равным созданием, и потому и об них пекутся. Но я, забывшись, вовсе было от содержания удалился, что нередко со мною, как и со многими молодыми писцами, случается; однако опять за него принимаюсь.

Не трудно было мне приметить, что *Верьхоглядов* и *Самолюбов* суть лицы, также почти вымышленные; но не мог я угадать, на каких характеров оными целено. И как скоро комедия кончилась, то я, спросив моих соседов, можно ли идти на театр, и услыша, что можно, немедленно пошел туда. Вошедши, спросил я комедианта, игравшего лицо крестьянское, потому что он мне прежде всех на глаза попался, чьего сочинения комедия и как называется. Он мне сказал с довольною гордостью, хотя был в действии не героем, а крестьянином, что о том не знает, а что могу я сведать от их медиатора. Да где же мне его сыскать, осмелился я еще спросить напучтивейшим образом сего надменного Цапату? — В пробирной или в уборной палатах, — ответствовал он, и указав рукою, продолжал: «Вон! туда поди!» и не промолвив более ни слова, начал подбоченившись между театром и уборною похаживать. Не взирая на холодной его прием, которой смутил меня, взял я смелость войти в уборную и только дверь отворил, то увидел между прочими комедиантами одного наборщика академической типографии, из

тех, которые мои переводы набирают. Спросил я его о названии комедии и сочинителе ее, и в ответ, весьма учтиво произнесенный, получил, что он «ни того, ни другого не знает, ибо имеет честь быть при киатре суфлером, а в роли комедиальные и в артемедии не мешается». Однако же по знакомству сделал он мне ласку и подвел меня к г. медиатору, в котором увидел я наборщика ж. Оной был тот самый, которой первые играет лицы и которой больше всех способности имеет. Я не могу приветливостию его довольно нахвалиться. Он, видав меня в типографии, весьма снисходительно со мною обошелся, и я увидел, что не надмен он мнимым своим достоинством, подобно некоторым из чужих краев выезжающим актерам; а притом не было в нем и виду излишнего унижения, подлыми низкопоклонщиками и гнусными такальщиками, для прикрытия их поносных желаний употребляемого. Оной г. наборщик сказал мне, что имя комедии французской *Галантерейщик*, а кто ее делал, он не знает. Я начал было его убеждать просьбою к открытию сея тайны, но не мог ничего выведать. Он поклялся мне, что не ведает, чьей она композиции; а известно ему только то, что «прислана к ним в конверте с партикулярным человеком...»

Я просил ее показать мне, что он и сделал, и с его же позволения списал я имена действующих лиц и число явлений. А как по их словам «начали на киатре балет выкидывать и ломаться, то я, не желая сих забав видеть, с медиаторской же воли прочел игранную комедию и так твердо удержал ее в памяти, что, проснувшись и повторив все виденное и слышанное, взял перо и записал сперва имена и явлении, а потом в два дни и всю положил на бумагу. Но мне не захотелось назвать ее *Галантерейщиком*; это бы значило чужое слово написать нашими буквами, и для того назвал я ее *Щепетильником*, и в защищение оного слова принужден написать предисловие.

Стыжусь тебе, Богдан Егорович, сказать о слабости моей. Я был столько суеверен, что на другой день предприял идти на общенародное позорище и искусненько выведать, какие там играются комедии и нет ли между ими в истину *Бижутиера*. Самым делом подозвав с собою некоторых знакомцов, к письменам прилежащих, пришел я на оное зрелище и, удаляся от них, пробрался на театр и там действительно нашел... но не комедии, а наборщиков, играющих комедии, и тех самых, коих я во сне видел. Сие заставляет меня верить, что сны иногда некоторую часть правды предсказывают, ибо я прежде не бывал там и не знал, кем комедии играются. Спрашивал я господ комедиантов, какие есть у них комедии? И узнал, что они выучили *Скупого, Лекаря поневоле, Генриха и Перниллу, Новоприезжих* и *Чадолюбие*, и что более оных не выучили, а будут еще учить «Привидение с барабаном».

В тот день играли «Скупого» и народу было очень много: почти вся чернь, купцы, подьячие и прочие им подобные. Много

и знатных господ и посредственных чиновных людей из любопытства приезжают. Но дело не до описания туда ходящих и комедий, там представляемых; а дело в принесении тебе благодарности за то, что твоею просьбою получил я случай доставить на русской язык сие сатирическое сочинение. К тому же и письмо мое, которое приписанием назвать долженствовало, и так уже слишком расплодилось и почти уже вышло из своего роду, но пусть читатели называют его, как им заблагорассудится. Я уверен, что ты почтешь его знаком дружбы моей. Ты причиною моего сновидения, и тебе долженствую приписать плод, от него полученный. Прими его, любезный друг, и верь, что я и наяву всего для тебя сделать не отрекуся, что дружба повелевает. Живи благополучно! Я сердечно желаю исполнения всех твоих желаний и без околичностей, которые между людьми в письменах упражняющимися, а кольми паче между друзьями, не должны быть терпимы, просто сказываю тебе, что есмь и вечно буду

Твой верный друг и усердный слуга
Вл. Лук.

ЩЕПЕТИЛЬНИК

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Щепетильник.
Чистосердов, майор при гражданских делах.
Племянник Чистосердова.
Нимфодора, Маремьяна — вертопрашки.
Полидор, пересмешник.
Притворов, бывшей в придворной службе.
Вздоролюбов.
Легкомыслов.
Обиралов.
Верьхоглядов.
Старосветов.
Самохвалов.
Мирон, Василей — работники Щепетильниковы.

Действие в Вольном Маскараде.

Театр представляет большую комнату, украшенную столами, стульями и стенными подсвешниками, в которых свечи, уже по приходе Щепетильниковых работников, зажигаются. На правой стороне близко оркестра сделан прилавочек Щепетильников. В оную комнату вход с трех сторон.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Чистосердов и Племянник.

Чистосердов. Когда уже моему брату непременно захотелось записать тебя в службу и здесь оставить, то я в твою предосторожность, любезный племянник, покажу тебе все сборища, в которые почти ежедневно жители столичных городов съезжаются. Несколько раз видел ты комедии и меня обрадовал, что они тебе, в противность мнения многих людей, которые зрелищи пуще порчею, нежели поправлением нравов почитают, показались в истин-

ном их виде. Ты почел их не увеселением для глаз, но пользою для твоего сердца и разума. Был ты и в маскараде придворном; он тебе весьма понравился. Теперь увидишь ты здесь и вольной маскарад; увидишь в нем множество людей и, не знавши их, испытаешь их нравы и обхождения, что великую принесет тебе пользу.

Племянник. Я вам, дядюшка, за ваше обо мне попечение весьма благодарен и буду...

Чистосердов. Будь всегда таков, каковым я теперь тебя вижу: чужд ласкательства и хитростей и непричастен таким делам, которые вечное бесчестие нам наносят. Ты безвыездно жил в Пензе с своим отцом, которой хотя и воспитал тебя в благонравии, но не мог там показать в лицах всех сетей, в которые молодой человек, как ли он ни одарен разумом, однако часто попадается. Но в здешнем городе, а особливо в этом доме, рассмотришь ты всех родов людей: я нарочно для того тебя и сюда привез; но дивлюсь, что так долго не съезжаются.

Племянник. Может быть севодни и никого не будет.

Чистосердов. Не может статься! Мне уже чрезмерно жаль, что по сию пору нет того глумливого Щепетильника, которой здесь продает и по ярлыкам проигрывает разные безделюшки; ты уже от меня об нем слыхал неоднократно. Постоявши возле него, в два часа больше людей узнаешь, нежели живучи в городе в два года.

Племянник. А в которой же горнице он бывает?

Чистосердов. Вот его прилавочек. Он по 50 рублев на неделю за него платит и вымещает дороговизну над нашими молодчиками: берет с них за безделки тройную цену и их же при всякой вещи дурачит.

Племянник. Но ездят ли сюда придворные и другие господа?

Чистосердов. Всеконечно. Большая часть из них после ужина приезжает. Иные прямо для провождения времени и отдохновения от трудов; а иные собираются только затем, чтобы над нашею братьею малочиновными людьми посмеяться, но часто сами смешнея нас бывают.

Племянник. Но кто осмелится над господами смеяться? Я хотя недавно здесь живу, однако видал, что их нередко и за дурачествы хвалят.

Чистосердов. Это делают льстецы, которых здесь больше, нежели чистосердечных.

Племянник. Разве льстецы всегда возле бояр трутся и разве в них слабостей больше?

Чистосердов. Нет! Слабости и страсти находятся равно в людях всякого состояния, но на знатного господина глаза всего народа обращаются, и в нем пороки виднее, нежели в малочиновном. Правда, что у нас больше таких бояр, которые, обладая прямыми достоинствами, истину любят, но и тех довольно, которые

слепыя похвалы желают. А иногда и самые добродетельные и разумные люди несколько времени от льстецов в ослепление приведены бывают.

Племянник. Для чего же у вас льстецов терпят?

Чистосердов. Для того, что их слова приманчивы человеческому самолюбию, которое пными чрезмерно обладает. К тому же честной человек льстеца не скоро и узнать может. Первой о большей части людей по себе рассуждает; а последней без труда приемлет на себя все виды, по времени и обстоятельствам, и хотя он похвалами всякому погибель готовит, однако притворством обольщает простосердечие.

Племянник. Я от батюшки слыхал, что вы очень откровенны; итак, я чаю, вам жить здесь не весело.

Чистосердов. Несносно! Если бы льстецов не столько много было, то бы и преодолеть, наконец, удалося, но их число несметное. Ими набиты не только передние, но и все комнаты многих знатных господ. Они сводят знакомство с дворецкими, со всеми прислужниками, с няньками и с мамками; а в случае нужды они и последним холопьям в пояс кланяются. Словом, они своею подлостию сыскивают не только свободной пред честным человеком вход, но и замолвленье доброго слова, хотя до того непозволенным образом добиваются.

Племянник. Да как же вы между ими живете?

Чистосердов. Делая тому противное и ежечасно их ругая.

Племянник. За то вас возненавидят.

Чистосердов. Что мне до того нужды!

Племянник. Неужели вы и большому господину о пороках его в глаза сказать осмелитесь?

Чистосердов. Без сумнения! и я прошедшую зиму с некоторыми господчиками здесь и больше этого сделал.

Племянник. А каким образом?

Чистосердов. Однажды куча молодых шалунов, мнимыми достоинствами надутых, приехали сюда над добрыми людьми посмеяться. Многих дурачили, которые, будучи их разумнея, из презрения сносили от них обиды. Наконец напали они на бедную девочку, которая ни малого не подала поводу над собою ругаться. Обступили ее, начали бесстыдно шутить, ходили всюды за нею, делали разные и холопьям неприличные похабствы; и напоследок, оттолкнув ее подруг, с которыми она приехала, хотели свое дурачество усугубить; но по счастию этой бедняжки, я с моим другом тут случился. Мы избавили эту девочку и ругали вертопрахов за гнусной поступок, сколько хотели; а они, снося брань, бесстыдно смеялися и тем безумство свое утверждали. Короче сказать, дело кончилось тем, что о девочке все сожалели, все озорников бранили; поступок их остался для них поношением, а я с моим другом нажил с 20 новых злодеев.

Племянник. Сами виноваты; лучше убегать от неприятелей, нежели им в глаза лезть.

Чистосердов. Ты говоришь правду. Но я иногда почитаю за грех оставить дурака без обличения и хотя я сюда очень редко приезжаю, однако всякой раз увижу множество шалостей, которых пощадить не можно. Но слава богу, что Щепетильник стал сюда жаловать. Он со всякого лукавца снимает личину и всякого повесу осмеивает.

Племянник. На это много ума и учения потребно, и я дивлюсь, что из наших купцов столь умной и обхождение знающей сыскался.

Чистосердов. Он не купец, а отставной офицер, которой давно без награждения отставлен за то, что начальникам своим, слепого повиновения требующим, в глаза говорил правду.

Племянник. У нас и офицеры не все ученые; довольно и таких, которые с нуждою писать умеют.

Чистосердов. Доселева бывало, но ныне начинают выводиться, для того, что уже слуга боярской и купец через месяц в офицеры не выйдут, не так как в старину. Я знал некоторых письмоводцов, из ничего и не за весьма похвальные дела в чины вышедших. Они, втершись в случаи к большим добросердечным господам, их обманывали и на их ответ довольно купцов, подьячих и холопей вывели в офицеры; пускай бы уже достойных, а то таких, которые и в тех званиях гадки были. Но оставим прошедшее время, я желаю, чтобы оно у всех честных людей из памяти истребилось и их не сокрушало.

Племянник. Этого всем желать надлежит.

Чистосердов. Отец Щепетильников был офицер, и хотя жил в бедности, однако сына своего так воспитал, как и дворяне редко воспитываются, и, терпя нужду, обучил его языкам и другим наукам в такое время, когда государевых училищ для не дворян еще не было. Но зато ни он, ни сын его никакого награждения не получили и просить стыдились, не так, как многие из нынешних молодчиков. Они лишь немножко выучатся на государевом иждивении, то уже и хотят чрезмерного награждения тогда, когда еще и учения не заслужили; не только чтобы из благодарности потщились оказать отличные отечеству услуги. Но вот и работники его принесли товары. *(Работникам.)* Скоро ли хозяин ваш будет?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и два работника (одеты по-крестьянски. Приносят корзину на шесте, и, постановя ее, один отвечает на вопросы Чистосердову, а другой отпирает лавку и ставит свечи).

Мирон работник. Тотчас-стани пожалует.

Чистосердов. Для чего же он замешкал?

Мирон работник. Не ведаю, родимой.

Чистосердов. Но верно ли он будет?

Мирон работник. Право, будет-ста, и велел всим чостным бояром сказаци, что у нево новые есть... новые-стани! ... ни

товары, а!.. а!.. голотиреи, привезенные из заморья, из Мемщизны... Имена-та некрещеные, так, кормилец, мудрены, что их скоро и не пробаишь. Как бишь они зовутся... ляд ведает! так хитров, хоть голова проць, так не знаю.

(Чистосердов и Племянник улыбаются.)

Мирон работник. А ла, а ла, а ла тилогрея! да а ла, а ла салфетка!.. што же-ста боярин галишься надо мной. Вить на нас дивит нецево; еще только с неделей дватчать, как мы из Галица сюда прибрели; а у нас етаких мудрых слов ниту, и мы голчим по старинному поверью.

Чистосердов. Я не тому смеюсь и знаю, что вам эти слова выговаривать трудно. *(Племяннику.)* Это последние моды: а ла грек и а ла салюет. Пойдем в залу, я чаю, уже много людей собралось. *(Работникам.)* А вы, как скоро хозяин ваш приедет, нам скажите.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мирон и Василей.

Мирон работник. Спасибо, брат Васюк, что ты отомкнул прилавок-от; а я с бояринам-та позагуторился. Виць это тот, которой не охоць до бусурманских та фиглей и которой и тех бранит, кто их за христианские манеты покупает.

Василей работник. Как ево не знать, он очень знакомит. И когда сюда ни зайдет, то ницаво не купит, а весь вецер пробаит с нашим шалбером. Да нутка, брат Мироха, станем разбирать кузовеньку-та. Вить хозяин до себя из нее велел все выбрать.

Мирон работник. Давай, парень! Вздымем-ка ее на лавку-та. Берись же моцнее! Вить она, братень, грузна, и я из саней ее церез моготу сюда притаранил.

(Оба работника, поставивши корзину на лавку, вынимают вещи и разговаривают).

Мирон работник *(держа в руке зрительную трубку)*. Васюк, смотри-ка. У нас в экия дудки играют; а здесь в них, один глаз прищуря, не веть цаво-то смотрят. Да добро бы, братень, издали, а то, нос с носом столкнувшись, утемятся друг на друга. У них мне-ка стыда-та совсем кажется ниту. Да посмотрець было и мне. Нет, малец, боюсь праховую испорцить.

Василей работник. Кинь ее, Мироха! А как испорцишь, так сороми-та за провальную не оберешься. Но я цаю, в нее и подуцеть можно, и коли б она ни ченна была, так бы я сабе купил, и пришедши домой, скривя шапку, захазил с нею. Меня бы наши деули во все посиденьки стали с собою браци, и я бы, братень, в переднем углу сидя, чуфарился над всеми.

Мирон работник *(вынув груп купидонов, изображающих художествы и науки, смеется)*. Смотрит-ка! что за проказы? Какая их сарынь рабенок. *(Испугавшись.)* Ах, братень, никак

это ангели божии! прости меня, чарь небесный! я, проклятой, глядя на хранителей-та наших, ухмыльнулся. Экие мемцы-та безбожники, как они их в кучу сколько смямкали!

Василей работник *(смотря на купидонов)*. И, дурачина! С вора вырос, а ума не вынес! Какие ангели! Я слышал от нашево хозяина, что это хранчуские болванчики.

Мирон работник. О, так я и не согрешил. Смотри-ка, парень, что у них в руках-то. У инова мазилка, у инова книга, иной с зажженой луцыной; а этот по пестренькому шарику развиликами тыцет.

Василей работник. Покинь их, малец! Вон и хозяин идет. Ставь поскоряе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Щепетильник и работники.

Щепетильник. Не изломали ль чево?

Мирон работник. Ницаво, кормилец!

Щепетильник. Не спрашивал ли кто меня?

Василей работник. Тот цостной боярин, которой не покупает ницаво из мудростей хранчуских, а все с вашей милостью гуторит. Он мне-ка приказал сабе весть подаць, как ты-стани сюда пожалуешь. Да был с ним какой-та боярцук, только с лича парень оцосной.

Щепетильник *(в сторону)*. Это, чаю, маиор *Чистосердов;* но с кем, не знаю, и он, конечно, в зале. *(Мирону.)* Поди скажи ему обо мне и всем гостям. Да смотри же искусненько и не согруби никому.

Мирон работник. Разумею-стани, вить я не дурак.

Щепетильник *(вслед Мирону)*. Э! и дожидайся там, покуда все не разъедутся, и как никого не будет, так мне скажи. *(Василею.)* А ты поди и будь в этой комнате, покуда не кликну.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Щепетильник (один).

Щепетильник *(вошедши в прилавок, разбирает вещи и, вынув бумагу, говорит)*. Мне кажется, что севодни был я очень счастлив, а со мною многие бедные люди. *(Читает.)* Золотые часы с будильником купил у меня сын судьи *Лихоимцева* за 250 рублев, а мне они за 70 достались. Продал я молодым вертопрахам несколько детских игрушек, которых ныне сотни по две к часам привешивают, на 200 рублев, а они мне самому и 50-ти не стоили. Барыш хотя не христианской, однако взят с таких людей, которые сердятся, ежели их шалости сделать не допустишь. Естьли бы я с них столько не взял, то бы чужестранцы пуще моего ограбили и деньги бы из государства вышли. За это нельзя меня назвать бессовестным. Я беру дорого не с бедных людей, которые

трудами деньги получают, а с таких мотов, которые и без меня разориться сыщут случай. Недавно начал я торговать безделюшками и столько уже денег имею, что и каменные могу построить палаты, исключая то, что третью часть бедным разделяю. Безделицы ныне очень дорого покупаются, и весь свет так в них устремился, что почти ни о чем, кроме их, не мыслит. Все почти люди, кроме безделиц, ничего не читают, ни в чем, кроме безделиц, не упражняются и ни о чем, кроме безделицы, не спорят. Бездельного мужчину женщины на подхват любят, а женщина бездельная мужчинами обожается. Но что я за пример нашел? как будто бы не довольно и без того безделок на свете... Самые важные вещи, о которых больше всего стараться надобно, ныне в безделки превращаются. Тратят время, изнуряют здоровье, проматывают имение, бесчестят своих предков, бесславят самих себя, преступают должности, утесняют беспокровных, оправдают виновных и забывают присягу, так как сущие бездельники. Искренность стала безделица, честь безделка, совесть безделюшка, а наконец и вера, как главная вещь, у многих несмысленных дураков почитается из безделиц безделкой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Щепетильник, Чистосердов и Племянник.

Чистосердов. Здравствуй, сударь! Ты так зачитался, что нас и не видишь.

Щепетильник. Виноват! Я, право, вас не приметил. *(В сторону.)* Лицо этого молодого человека меня удивляет, и он на наших щегольков не походит.

Чистосердов. Что ты опять шептать начал?

Щепетильник. Так, сударь. *(Племяннику.)* Не изволите ли чего купить?

Чистосердов. Конечно, он купит, только продавай ему не с таким описанием, как здешним жителям. Еще тому не более двух месяцов, как он из Пе́нзы сюда приехал, и он мой родной племянник.

Щепетильник. А! радуюсь, что вижу в нем человека, на вас похожего. *(Племяннику.)* Да что же вам потребно?

Племянник. Хорошие часы, сударь.

Щепетильник. Вот самые верные и лучшего мастера, они же с будильником. Естьли бы я их продавал безмозглому петиметру, то бы должен был описать их доброту в следующих словах: что они будут его разбужать по полуночи в двенадцатом часу и позже; что будут показывать время, когда должно ему скакать на свидание с любовницею, которых он в день по десяти обманывает, а из них каждая сама по двадцати любовников проводит; когда ехать в церькву, не богу молиться наряду с добрыми людьми, а поспеть к выходу, чтобы провести за руку до кареты какуюнибудь бесстыдницу или вертопрашку. А вам скажу противное:

эти часы станут вас будить к должности в такое время, чтобы вы, приехавши вместе с товарищами, исправили на вас положенное, успели бы отдать почтение вашим благодетелям, побывали бы в церькве, во-время бы отобедали, отужинали и спать ложились. Словом, они будут вам так показывать время, что вы, следуя порядку, наживете имя прилежного, доброго и исправного человека и от знатных степенных людей милость сыщете.

Чистосердов. Ну, племянник! таковы ли тебе наставлении его кажутся, как я сказывал?

Племянник. Они мне очень приятны, и я желаю их чаще слушать.

Щепетильник. *(Чистосердову.)* Никак вы, сударь, против своего обыкновения сегодни развеселились и хотите пошутить надо мною?

Чистосердов. Отнюдь нет! я нарочно привез сюда моего племянника, чтобы он послушал твоих описаний. Они его вразумят к познанию здешних жителей.

Щепетильник. Неужли вы в истину это говорить изволите? И ежели не шутите, так поэтому я умнея, нежели сам о себе думал. Вот каково человеческое самолюбие: оно уже меня словам вашим и верить заставляет, и я вижу, что излишними похвалами каждого человека испортить нетрудно.

Чистосердов. Вы чрезмерно скромны. Всяк, у кого хоть малый есть разум, увидит достоинствы ваши. Но я не знаю, как бы мне с племянником пробыть у вашей лавки во все то время, как вы гостей потчевать станете. Надо мною и так уже многие смеются, что я, приходя в маскарад, проговариваю с вами.

Щепетильник. Над вами смеются те, которые сами правильное осмеяние заслуживают, и потому ругательствы их вам не вредны. Вы можете, надев личины, просидеть здесь целой вечер. А как уже скоро десять часов ударит, то я по ерлыкам севодни проигрывать не стану, хотя бы и много съехалось, а только за деньги продавать буду.

Чистосердов. Как я пошел из зала, так там еще только человек с 30 было. Да, полно, и всегда за деньги мало сюда ездят; а на даровой весь город сбирается. Но вот трое. Они, конечно, к вам подходят. Сядем, племянник, и послушаем. *(Садятся и надевают маски.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и три маски (две в женском и одна в мужском маскарадных платьях, взявшись за руки, идут и идучи кричат).

Нимфодора. Ах, радость! Какая это скука! не поверишь, душа моя, что бы я дома веселея время проводила.

Маремьяна. Уж, конечно, матушка, и я тоже! Мне было и ехать не хотелось, да Полидор меня просьбами замучил.

Полидор. Я виноват, сударыни, и очень виноват, только чорт меня возьми, ежели я не думал больше найти здесь веселья.

Однако, матушки, мы можем несколько минут в лотерею поиграть. Пойдем к этому вралю и возьмем по дюжине билетов.

Щепетильник *(Чистосердову)*. Вот самые умные люди своим именем меня клеплют.

Полидор. Давай нам, господин мудрец, билетов.

Щепетильник. Я не люблю этого имени для того, что и сущих дураков ныне нередко тем же величают.

Полидор *(с усмешкою)*. А ты ведь очень умен. Но что мне до того? давай билетов!

Щепетильник. Ежели купить изволите, так все состоит к вашим услугам, а проигрывать севодни за малолюдством я ничего не стану.

Полидор. За малолюдством! Всеконечно, что ты нас не знаешь. Ежели и где есть такие, как мы, два-три гостя, тогда компания [1] малолюдною не почитается.

Щепетильник *(в сторону)*. Для того, что вы трое за тридцать человек пустого накричите.

Полидор *(Щепетильнику)*. Что же у тебя есть нового?

Щепетильник. Очень много! Все, что я в лавке имею.

Полидор. Не нравится ли вам, сударыни, что-нибудь из этой галантереи?

Щепетильник. Извольте сказать, сударыни, в каких вещах нужду имеете?

Нимфодора. Боже мой! Какой это глупой и обветшалой вопрос! В каких вещах нужду имеете? Я ни в чем нужды не имею, а хочу купить у тебя от скуки несколько безделиц.

Щепетильник. А я по себе думал, сударыня, что покупать должно одни необходимые товары.

Мaремьяна. О! оставь, пожалуй, прескучные свои нравоучении и говори их подьячим, купцам и таким шалунам, каков ты, а мне покажи это зеркало.

Щепетильник. Извольте, сударыня. Зеркало предорогое! стекло самое лучшее в свете! Кокетка тотчас увидит в нем все свои гнусные ужимки; притворница — все лукавство; многие женщины усмотрят в лицах больше коверканья, нежели приятности, больше похабства, нежели благочиния, и приметят в себе больше врожденной остроты, нежели здравого рассудка.

Полидор. Начал дурачиться. Ну, повирай, друг сердешной.

Нимфодора. Пусть его болтает. Проповеди его изрядное от бессонницы лекарство.

Щепетильник. Так не перебивайте же их, сударыни. Многие женщины увидят в это зеркало, что румяны и белила, хотя их горшка по два в день тратят, не могут бесстыдства их загладить и что...

[1] Все иностранные слова говорят такие образцы, которым оные свойственны; а Щепетильник, Чистосердов и Племянник говорят всегда по-русски, разве изредка повторяют слово которого-нибудь пустозвяка. *(Прим. Лукина.)*

П о л и д о р. Для чего же ты одним женщинам делаешь описании, разве нас вовсе забыл?

Щ е п е т и л ь н и к. Тотчас, сударь, и ваша очередь придет. Ежели петиметр в него посмотрится, то в одну минуту с своим нарядом все свои шалости увидит, и увидит, что он достойно от степенных людей скотиною почитается. Многие люди, а особливо некоторые большие господа, не увидят тут ни своих великих заслуг, о которых они кричат ежеминутно, ни милостей, к бедным людям показанных; однако тому не зерькало виною. Многие из мнимо ученых найдут себя невеждами, многие из остроумных — самыми грубиянами; но при всем том, зерькало предорогое и самое редкое в свете.

М а р е м ь я н а. Не о доброте дело, а о цене.

Щ е п е т и л ь н и к. Мне необходимо надлежало это описание сделать, чтобы оно вам дорого не показалось. Последняя цена 12 рублев.

П о л и д о р. Вот деньги!

М а р е м ь я н а. Что это, батюшка! Я бы и сама заплатила.

П о л и д о р. Полно, сударыня, как вам не стыдно! Вы, конечно, меня одурачить хотите.

Ч и с т о с е р д о в *(Племяннику)*. Дурака не надобно дурачить, он сам о себе знать даст.

Н и м ф о д о р а. Что это за табакерочка? Она ужасть как мала, и я не знаю, на что ее употребить можно.

Щ е п е т и л ь н и к. О, сударыня! эта табакерочка, или, лучше сказать, эта маленькая редкость, самая удивительная вещь на свете! Меньше ее нет во всем Париже, и она в числе последних мод вышла и ко мне прислана за диковинку.

Н и м ф о д о р а. Да что с нею делать, ежели я ее куплю, скажи мне, пожалуй?

Щ е п е т и л ь н и к. С охотою, сударыня. Только не скоро вы поверите, услышав почти невероятные об ней дела. В эту табакерочку, как ли она ни мала, некоторые из придворных людей могут вместить всю свою искренность, некоторые из приказных всю честность, все кокетки без изъятия свое благонравие, вертопрахи весь их рассудок, стряпчие всю совесть, а стихотворцы все свое богатство, и она только 20 рублев стоит.

Н и м ф о д о р а. О, так я куплю ее для последних и подарю господина Рифмолюбова. Этот бедняк с лишком десять лет марает бумагу, а ни одного хорошенького стиха и в элегиях, кроме краденых, написать не умел. *(Она, Маремьяна и Полидор смеются.)*

П о л и д о р. Лучше этого, матушка, выдумать неможно. Вот деньги за табакерку, изволите ее взять.

Н и м ф о д о р а. Ты севодни своим женерожством нас пристыжаешь?

П о л и д о р. Никак, сударыня; я делаю должность нашей братьи и жертвую прелестным богиням.

М а р е м ь я н а. Шутишь, радость.

Н и м ф о д о р а. Где ты так пришибать научился?

П о л и д о р *(целуя у ней руку)*. Там, где мое сердце вольности лишилось. Но не изволите ли еще чего купить?

Н и м ф о д о р а. Нет, душа моя.

М а р е м ь я н а. И я ничего.

П о л и д о р. Так я куплю себе какую-нибудь безделку. Пусть он и мне казанье скажет. Подай записную книжку.

Щ е п е т и л ь н и к *(в сторону)*. Будет и тебе хорошая почесть. *(Полидору.)* С описанием или без описания?

П о л и д о р. Изволь молоть, что хочешь.

Щ е п е т и л ь н и к. Вот в золоте оправленная; она стоит 70 рублев. Все люди покупают книжки для записки; но не все в них одинакие дела записывают. Иные вносят сюда все благодеянии, от людей полученные, собственные свои пороки, которые сами в себе находят, все нужные дела для пользы людской, и это на таких листах, где их скорея увидеть можно; а туда, куда они не так часто заглядывают, вписывают слабости людские, не для того, чтобы язвительным образом вывесть их на посмешище народное, но чтобы иногда из христианской должности остеречь ближнего, и то не сделав ему огорчения. Словом, они записывают в них все то, что хорошими делами называется. Но таких людей мало, а тех больше, которые покупают на то, чтобы не забывать все места, куда они задыхаясь бегают, стараясь дураками показаться. Здесь записывают господа пересмешники дела постыдные, например, как обесчестили добродетельную женщину, как обманули заимодавцов, как простосердечного провели человека, как...

П о л и д о р. Пойдемте, сударыня. Он уже слишком заврался. Лучше дурака оставить. *(Уходят и идучи кричат: вздор!)*

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

Щ е п е т и л ь н и к, Ч и с т о с е р д о в и П л е м я н н и к.

Щ е п е т и л ь н и к *(вслед)*. Не врать было много, так бы пошел не с таким носом.

Ч и с т о с е р д о в. Ты их живыми описал красками. Вот, племянник, какие у нас есть люди: хотят всех пересмехать, а сами ничего снести не могут. Они все достойны, чтобы их в комедиях осмеивали.

Щ е п е т и л ь н и к. Это правда. Но вот идет какой-та гость и очень гордо выступать изволит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и П р и т в о р о в.

П р и т в о р о в. Подай мне доминную маску.

Ч и с т о с е р д о в *(Племяннику)*. А! это бывший придворный хитрец, господин Притворов.

Щ е п е т и л ь н и к. Я, сударь, не держу больше этого товару, на него ныне купцов мало.

П р и т в о р о в. А для чего? Мне кажется, что в маскараде этот товар пренужной?

Щ е п е т и л ь н и к. Бывал доселя, но недавно почти все люди личинами запаслися, и от них лишь убытков ожидать должно. Почти все уже в том достигли до такого совершенства, что к притворству лиц не имеют более нужды в личинах. Вы найдете обманщиков, лжецов и клятвопреступников в разных духовных и светских почтения достойных одеждах. Увидите, что самые распутные и бесстыдные люди при всяком почти слове притворно краснеются. Усмотрите, что притеснение, обида и грабеж скрыты под именем правосудия, а льстецы и бездельники под именем людей благоразумных. Иногда вертопрах, обманывая людей постоянных, выступает под маскою ложного степенства. Иногда самой гнусной лицемер не виден при усердных его клятвах, а зловредной наушник почитается другом. Словом, сударь, часто и то бывает, что воровствы и злодействы тогда сокрыты под богатыми одеждами и под знатными чинами, когда истинные достоинствы терпят нужду, голод и холод, или, лучше сказать, ныне почти весь свет в личинах, и по лицу ничьего сердца не познаешь.

П р и т в о р о в *(в сторону, сердяся)*. Как бы от этого дурака отвязаться. *(Указывая на зрительную трубку, которую Щепетильник держит.)* Что она стоит?

Щ е п е т и л ь н и к. Самую безделку, хотя по себе и не безделка, а вещь пренужная в свете, которая и в городе и в деревне равномерно потребна. Вот ее доброта! Но прошу не прогневаться, что скажу вам то, о чем вы и без меня, конечно, известны и на что, без сумнения, покупать ее изволите. Ежели посмотрите с этой стороны, то все вещи увеличатся, к вам приближатся, и вы их ясно рассмотрите. Поверните же и посмотрите в другую сторону: видите ль, как те же вещи малы становятся и от зрения удаляются? С этой стороны смотрим мы, сударь, всегда на собственные наши пороки, на благодеянии, награждении и всякие выгоды, от людей полученные. А когда взор на ближнего устремляем, тогда обращаем другою стороною, и тут самые слабости людские покажутся нам не только пороками, но и злодеяниями. Естьли же случится, что наши благодетели востребуют от нас воздаяния, свойственного благодарности, тогда опять в эту сторону трубки смотреть станем и от докуки их удалимся. Короче молвить, посредством этой вещи можем мы от зависти затмевать добродетель и умалять достоинствы тех, которые нашему счастию мешают, и можем сами собою любоваться, видя толь редкие в нас дарованнии, которых никто из посторонних людей приметить не в силах.

П р и т в о р о в *(с досадою)*. А цена?

Щ е п е т и л ь н и к. Десять рублев.

П р и т в о р о в. Вот деньги; пора домой ехать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Чистосердов, Племянник и Щепетильник.

Чистосердов. Ну, этому досталось за все его пронырства. Я знаю, что он, служа при дворе и в других местах, всегда делал ложные бедным людям обнадеживании, притворные друзьям уверении и неблагодарность против благодетелей.

Племянник. Поэтому он несносной человек.

Щепетильник. Всеконечно, и надобно радоваться, что он ныне не в службе. Эдакой лукавец всякого доброго человека провести без труда может и после, управляя им, вред обществу делать. Но что это еще за маленькой мужичонка?

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ

Те же и Вздоролюбов (в личине).

Вздоролюбов. Я слышал, что ты имеешь целой магазин вещей курьезных. Скажи, есть ли из них достойные любопытства? И ежели есть, так покажи мне, я куплю наверное, денег не пожалея.

Щепетильник. У меня их очень много, и самые редкие со мною. Вот, сударь, посмотрите это медное блюдо. На нем вырезана речь Адамова, которую говорил он праматери нашей Евве, в первом их свидании; тут же и ответ добросердечной Еввы. Но буквы, за несметным прошествием времени, совсем почти вытерлись, и их разобрать не можно; однако это не вредит достоинству моей редкости, но тем удивительнее ее делает. А всего примечания достойнее на ней то, что речь Еввина в три раза мужниной длинняе. Также есть у меня одна из тех труб, которые способствовали к разорению Ерихона, прядь волосов Самсоновых, обернутая в лоскут епанчи лепообразного Иосифа.

Вздоролюбов. Еще что?

Чистосердов. А, это Вздоролюбов. Послушай, племянник, ты удивишься тому, как этот молодчик ничего значущим безделюшкам страстен.

Щепетильник. У меня их еще много, только здесь нет, а дома оставлены. Пузыречек с слезами великого Александра, которые пролил он оттого, что людям более вреда не мог делать. Табакерка из бочки угрюмого Диогена. Сети почти невидимые, в которые поймал Вулкан свою супругу с ее любовником. Но нынешние наши женщины столь непорочны стали, что этот товар на такую потребу уже негоден, потому, что с лишком в двадцать лет ни один муж жены своей не заставал с любовником.

Вздоролюбов. Мне в этих вещах нет нужды; этот муж всегда дураком остается, которой за женой примечать будет. *(В сторону.)* Ежели он и застанет, так прибыли мало.

Щепетильник *(в сторону)*. Не искусился ли он в том?

В з д о р о л ю б о в. Нет ли у тебя каких минералов и металлов?

Щ е п е т и л ь н и к. Есть, сударь! Вот раковины из реки Ефрата, в которые, как ли они ни малы, хищные крокодилы вмещаются, и их все любители редкостей сбирают. Вот еще три камня с острова Нигде Небывалого; камни самые редкие, которых ни у кого, кроме вас, не будет; а называют их алграментибардасы, т. е. сок и фундамент физики, химии и алхимии.

В з д о р о л ю б о в. А что эти камни и раковинки стоят?

Щ е п е т и л ь н и к. Крайняя цена 3000 рублев.

В з д о р о л ю б о в. А блюдо и все редкости, о которых ты теперь же мне сказывал?

Щ е п е т и л ь н и к. Последнее слово 7000 рублев.

В з д о р о л ю б о в. Вот тебе тысяча задатку, а за достальными приезжай завтра с вещами; только дай мне теперь один камушек и раковинку показать охотникам и их взбесить. Я думаю, что мне маски скидать не надобно: ты меня и без того по моей охоте к редкостям узнать можешь. Прости!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕНАДЕСЯТЬ

Ч и с т о с е р д о в, П л е м я н н и к и Щ е п е т и л ь н и к.

Щ е п е т и л ь н и к. По твоим дурачествам узнать тебя не трудно. Это Вздоролюбов.

Ч и с т о с е р д о в. И я его тотчас узнал.

Щ е п е т и л ь н и к. Не странная ли это охота: за пять раковин таких, каких в Яузе много набрать можно, и за три камня, которых по дорогам лежат кучи, заплатил он с жадностью три тысячи рублев.

Ч и с т о с е р д о в. Не видавши, этому поверить трудно.

Щ е п е т и л ь н и к. Для того, что его дурачество редко слыханное. Да, полно, он на этих безделках совсем ума рехнулся. Ему хочется прослыть перьвым знатоком в натуральных вещах, и вы видели, как щедро он за них платит. Недавно продал он с лишком тысячу душ и купил на взятые деньги разных вздоров, которые при его же жизни с молотка за десятую или двадцатую долю проданы будут, а это уже с такими охотниками, каков он, не однажды случалось.

Ч и с т о с е р д о в. Только удивительно, что он весьма неосновательную жизнь ведет, имея изрядной умишко. Мне очень жаль, что сын такого доброго человека, каков его отец был, стал посмешищем не только нашему государству, но и многим чужестранцам.

Щ е п е т и л ь н и к. Это правда; лучше было бы, ежели бы он за своим имением смотрел прилежнея, помогал бы бедным и не давал... Мне жестоко досадно, что этот гость помешал нам поговорить о Вздоролюбове.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕНАДЕСЯТЬ

Те же и Легкомыслов.

Легкомыслов. Мне надобен перстень, точно такой величины. Ежели ты имеешь, так покажи скоряе.

Щепетильник. Он очень мал и, конечно, не для вас, сударь.

Легкомыслов. Нет!

Щепетильник. Знать, для обручения, ежели холосты, или для подарения супруге, ежели женаты.

Легкомыслов. Нет! Нет! И! Как тебе не стыдно! Неужли ты меня дураком почитаешь? Я очень остерегаюсь жениться и навязать себе камень на шею. Обручальные кольцы — самые опасные вещи. Новобрачные должны их почитать несчастливым предзнаменованием, которое, рано или поздно, только много бед наделает. Хотя до свадьбы и несколько дней после свадьбы муж с женою обнимаются и лижутся ежеминутно, но скоро потом так друг другу наскучат, что и удавиться ради будут, лишь бы не быть вместе.

Чистосердов *(Племяннику)*. Вот дурак из самых вредных, и ты пуще всего от этой заразы стерегись.

Щепетильник. Да на что же вам перстень потребен?

Легкомыслов. Скоро, мой друг, услышишь. О боже! как же мы счастливы в робячестве бываем! Мы можем, оставя одну игрушку, забавляться другою и переменою получить ежедневно новые удовольствии; но чем старее, тем глупяе становимся, и нам никакая игрушка, кроме женщин, нравиться не будет. Многие почитают их игрушкою, для нас необходимою, но я их почитаю таким колоколом, которой беспрестанно звонит над ушами и тем пуще нас беспокоит, что с рук сжить его не можем; таким барабаном, которой в доме ежедневно бьет тревогу, и такой трещоткой, которая и во время сна своего не умолкает, и таким...

Щепетильник. Ну, сударь, продолжайте вредное ваше описание, которое вы против совести остроумною шуткою почитаете. Что до меня, я, не взирая на вашу хулу, не престану почитать добродетельную супругу прямым в жизни нашей блаженством и самым драгоценным от создателя награждением. Она услаждает наши горести, усугубляет веселии, бывает участником в благополучии и другом непременным во время бедственное. Сохраняет наше здоровье и в болезни нашей больше об нас печется, нежели мы сами. Подает нам в злополучии полезные советы, а в унынии утешает и, освобождая нас от тяжкого ига домоправления, сберегает иждивение на нашу жизнь и на жизнь детей наших.

Чистосердов *(Племяннику)*. Вот истинное о жене описание.

Легкомыслов *(остепенившись)*. Самое прекрасное! и когда я вижу, что вы за женщин так усердно вступаетесь, так признаюсь вам, что этот перстень надобен мне для обручения. Я

сперва для того потаился и сам шутил над супружеством, чтобы надо мною не начали смеяться за то, что я жениться вздумал.

Щепетильник. Вот нынешние светских, а особливо молодых людей мысли! Они стыдятся сделать доброе дело для того, что не по моде будет, и они в угождение этому чудовищу частенько и совесть забывают.

Легкомыслов. И то правда! Из тысячи молодых людей и таких, как я, редкой осмелится быть добродетельным, опасаясь, чтобы не почли его странным человеком и не стали бы над ним ругаться. До сего времени этой слабости и я был подвержен; но теперь, оставя ее, стану следовать правилам людей степенных.

Щепетильник. Я тому сердечно радуюсь. Вот перстень! Он сто рублев стоит.

Легкомыслов. Вот деньги. Я слуга ваш покорной и всегдашний презиратель вредных мод и шалостей петиметрских.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕНАДЕСЯТЬ

Те же и судья Обиралов.

Щепетильник *(Чистосердову)*. Этот образумился, но на долго ли, не знаю. *(Увидев Обиралова, говорит ему.)* Чего, сударь, изволите?

Чистосердов *(Племяннику)*. Это судья Обиралов *(потом говорит тихо с Племянником, и оба надевают маски и садятся.)*

Обиралов. Мне надобно купить вески, только самые верные.

Щепетильник. Вот самые правильные. Они для истины сделаны! Один волосок тотчас стрелку перетянет.

Обиралов. Такие-та мне и надобны.

Щепетильник. Сказать ли их доброту?

Обиралов. Всеконечно.

Щепетильник *(в сторону)*. Надобно этого взяткобрателя отправить хорошенько.

В старые, сударь, годы покупывали их господа судьи не для делания правды, но для вешания денег, а ныне уже не на то покупают. Но я, не знав чину вашей милости, не могу попасть на точное описание той потребы, на которую вы их покупаете, и для того стану говорить разные примеры. В прежние времена, сударь, истина столь легка была, что тысячной мешок, от виновного челобитчика во взяток даванной, ее перевешивал; а ежели приносим он бывал сам-друг или сам-третей, так уже род, племя и весь причет госпожи истины не мог тягости денежной перевесить. В прежние времена, говорю я, обещании судейские для бедных так маловесны были, что комар и муха их перетягивали...

Обиралов. Да что тебе до судей, оставь их, пожалуй, и скажи, что весы стоят?

Щепетильник. Тотчас, сударь. Я вкратце опишу вам всю их доброту. Однажды положил я павлиное перо на одну

чашку, а на другую тридцать пар новомодних и дорогих одежд господина Верьхоглядова, и с удивлением увидел, что весы ровно стояли

(Обиралов смеется.)

и притом собственным испытанием выведал я, что знание петиметров есть точное равновесие уму тех невежд, которых очень много в наших приказах за красным сукном сиживало; да полно, не сидит ли несколько и ныне. Вслушались ли вы, сударь? Равновесие уму тех невежд, которые не выучась не только приличных к правосудию прав, ниже оснований грамматических, хотят прослыть...

Обиралов. Что им до эдакой безделки? Они не учиться, а судить должны, и они по форме и указам должность свою исполнять могут.

Щепетильник. Послушай, сударь. Есть между ими и помощниками их такие, которые не знают и о том, что азбука российская в правилах грамматических напечатана, и это в ней ясно показано, каким образом можем мы разделять речи и порядочно изъясняться.

Обиралов *(весело)*. Это дело не судейское, а секретарское.

Щепетильник. Что мне до того! Я не знаю, чье оно по-вашему, а по-нашему это дело всех тех, которые писать должны. Но скажи лишь этим невеждам, что они азбуки не знают, так они и драться и в суд идти готовы, забывши, что таковою просьбою им же стыд сделается и что уже они в незнании совершенно обличатся.

Обиралов. Перестань, или я уйду.

Щепетильник. Еще одно слово: я узнал через эти же вески, что гордость и тщеславие всех людей тянут против дурачества, что золотник природного ума весит против пуда, учением приобретенного, что премудрая голова не перетянет сердца добродетельного, что *взяткобратели*...

Обиралов. Перестань, пожалуй, а скажи цену. Мне пора домой ехать и свесить несколько сотен червонных.

Щепетильник *(в сторону)*. Награбленных с бедных просителей. *(Обиралову.)* Три рубли, сударь.

Обиралов. Вот деньги, желаю тебе доброй ночи. *(Отходит.)*

Щепетильник *(вслед Обиралову)*. А я тебе доброго сердца, потому что старое у тебя весьма гнусно, и естьли оно не исправится, так скоро тебя к столбу выведут, чего ты за свои поступки достоин.

Чистосердов. Это правда! И я не думаю, чтобы слезы вдов и сирот пропали. Но что это за шалун?

Щепетильник. А! Это Верьхоглядов; он ныне красавцем у кокетков почитается. Но сколько лицо его хорошо, столько поступки дурны. Смотрите! один идучи кривляется и поет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕНАДЕСЯТЬ

Те же и В е р ь х о г л я д о в.

В е р ь х о г л я д о в. А пар дие! Рад я, что тебя вижу в добром здоровье, господин Щепетильник. О! проклятой твой титул колет и дерет уши. Пожалуй, брось это варварское имя, а называйся галантерейщиком. Это будет тре галан и ты и сам галантомом почитаться станешь.

Щ е п е т и л ь н и к. Я не хочу никогда быть галантомом и не переменю моего названия для того, что оно правильно на нашем языке.

В е р ь х о г л я д о в. О, фидом! на нашем языке! Вот еще какой странной екскюз! Наш язык самой зверской, и коли бы не мы его чужими орнировали словами, то бы на него добрым людям без орёру дискурировать было неможно. Кель диабле! уже нынче не говорят риваль, а говорят солюбовник. Ха! ха! ха! Какое инноранство! Да пусть бы говорили, а то уже и пишут, и я слышал, что комедию Троа Фрер-Риво назвали «Три брата солюбовники». Три брата солюбовники! Ах! эти слова умертвят меня.

Щ е п е т и л ь н и к. Для того не пишут риваль, что это по-французски, а по-русски солюбовника значит.

В е р ь х о г л я д о в. Пусть так, мой друг! Пусть так! но эти дикие слова из гоннет-омов душу вытянут. Соперник! Солюбовник! Как же это срамно! и прононсуасия одна уши инкомодирует.

Щ е п е т и л ь н и к. Ин не говорите по-русски, ежели вам язык свой столько противен, а лучше лепечите, так как теперь, или как один князек, побывавши года с два, к стыду нашему, в Париже и приехав оттуда, сказал некогда русскому сапожнику, которой снимал с него мерку: «Мон ами, ты не должен жужировать по таким малым аппарансам...»

В е р ь х о г л я д о в. Он сделал то, что все наши братья вояжоры должны делать.

Щ е п е т и л ь н и к *(в сторону)*. Кроме тех, которые имеют здравой рассудок.

В е р ь х о г л я д о в. Есть ли у тебя новые табакерки? Рекомендуйся мне! Я о тебе рекомендацию у всего монде галан сделаю.

Щ е п е т и л ь н и к. Есть, сударь. Алагрек, аласалюет и...

В е р ь х о г л я д о в. Нет, мон ами! Мне надобно табакерку разумную. Ты меня, я думаю, разумеешь?

Щ е п е т и л ь н и к *(в сторону)*. В голове нет разума, так ищет в табакерке. *(Верьхоглядову.)* Вот предорогая табакерка фарфоровая в золоте. Вот вся золотая. Вот еще с брилиантами, алабюшерон.

В е р ь х о г л я д о в. Что мне до твоих алабюшеронов! Это все старинные уже вздоры! Не офрируй мне их, а дай такую, при которой бы проворство моего эспри монтрировать можно было.

Я хочу с двойным куверклем, на котором бы изображались хорошие миниатурные пентюры, чтобы нечто... там... ты уже дивинируешь; нечто такое, чтобы могло дать случай продюировать приятные бон мо, непринужденные экивоки и инженуезное и благопристойное похабство.

Щепетильник. Где это слыхано, чтобы было благопристойное похабство?

Верьхоглядов. Мы одни его эдаким сделать умеем! Мы одни, мой дружища! Атташируйся к нам, так и сам савант-ом будешь. Маленькое похабство, авек эспри выговоренное, анимирует компанию; это марк де бон сан, трез естиме в дамских серкелях, при игре карточной, а лучше всего на балах. Это такой фасон, через которой мы, пригожие люди, себя презинтировать можем. Турнюр хорошего экивока кокетку рассмешает, притворщицу принуждает глаза аббесировать, а стыдливую закраснеться; но всем им офонд эмабле бывает.

Щепетильник. Вот в каком вы заблуждении. Напротив того, я смело вас уверяю, что всякой разумной мужчина и всякая добродетельная женщина таких дурачеств отнюдь терпеть не станут. Эти шалости свойственны петиметрам, у которых нет в голове ни зерна здравого рассудка и которые прямыя учтивости совсем не знают.

Верьхоглядов. Здравого нет рассудка! О, мон ами, как же худо ты об нас жужируешь! Чорт меня возьми! Ты сформировал дезавантажные об нас идеи. Послушай меня, я докажу тебе, что мы лучше всех людей на свете здравой рассудок поседируем. Он есть приятное, справедливое, жантиль забавное... истинное... лежер удивительное... коммод и... и... Уф, чуть я не задохся! Однако сказать тебе тукур, мон шер... мне стыдно быть педантом и дефинировать это слово. Но ты видел, что ежели бы я хотел, то бы всеконечно доказать мог! Я во всем тебе контрадировать капабель, и капабель еще и не то сделать. Во мне эксепте селя много есть меритов. Я пью ала санте де бо секс, говоря самые острые экивоки; могу над степенными людьми и священным чином мокироваться, пренебрегать всяким законом и сделать дураком и скотиною ту-ле-серие моралист, которые на тебя походят, и вот это-та здравым рассудком антер ну называется.

Щепетильник. А я не разгорячаясь могу слушать враки безмозглых вертопрахов и смотреть на них с презрением, и это здравым рассудком называю.

Верьхоглядов. Ты опять начал мораль прешировать. Послушай меня, дружища! оставь ее, и так уже все люди говорят, что в твоем бутике все галантереи хуже, грубое твое лицо и мордамант язык. Прощай и суспандируй нас вперед от таких гардиесов или за импертинанство будешь батирован чрез наших лакеев. *(Уходит.)*

Щепетильник. Коли они есть. Вот сущей попугай и достойной, чтобы его из всех мест, сказать было его языком, чтобы его из всех мест прогонировали.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕНАДЕСЯТЬ

Чистосердов, Племянник и Щепетильник.

Чистосердов. Это правда, но я думаю, что большая часть таковых повес, угождая друг другу, язык свой ненавидят.

Племянник. Для них на это смотреть несносно.

Щепетильник. Нет, сударь, не все из шалости; есть между ними и такие, которые с злостию природного своего языка не терпят. Я слыхал сам в комедиях от стоявших возле меня молодчиков, которые никакого языка на свете не знавши, в каждое русское зрелище, естьли оно хорошо и актер играет с успехом, с досады бледнеют и грызут пальцы. А естьли приметят, что чужестранцам, которые совершенно нашего языка не знают, представление нравится, то станут их уверять, что или переведено, или написано дурно, или актер действует несогласно с речами.

Чистосердов. О, эдаких терпеть не должно, и мне кажется, что у нас повес разного роду больше, нежели в целом свете.

Щепетильник. Я с вами согласен; но большая часть из них не дураки, а доведенные до шалостей, из которых бы и к делу со временем многие годилися, ежели бы строжее над ними смотрели.

Чистосердов. Самая истина! Из повес иногда полезные бывают люди, а из дураков никогда; только не надобно ни одного молодого человека допускать до этого порока.

Племянник. Вон еще гость жалует, и насилу идет, о костыль опираясь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕНАДЕСЯТЬ

Те же и Старосветов.

Племянник. Этому старику либо очки, либо трость потребна.

Чистосердов. Это советник Старосветов. Я чаю, он пришел сюда посмотреть на молодых людей или, может быть, сыну своему товарищество сделал.

Щепетильник. Нет, он сам часто сюда таскается.

Старосветов. Есть ли у тебя хорошие фарфоровые табакерки, на которых бы была миниатюра? Портреты красавиц, сердца, стрелами пронзенные, или кольцы с любовными стишками, или что-нибудь такое, на чем бы страстная любовь изображалась? *(Утирает пот.)*

Щепетильник. Есть, сударь, разные, но не изволите ли наперед купить этих очков; они для пожилых людей новое дают зрение.

Старосветов. Для прозрения мне в них нет нужды, но я куплю их для близиру или подарю моему меньшому брату;

он худо видит, а я благодаря бога в них нужды не имею и еще долго иметь не буду, и неприлично смотреть в очки в моих летах. Что же они стоят?

Щепетильник. Надобно описать их доброту, чтобы дороги не показались. В них можно ясно увидеть все шалости, что мы в молодых летах делали, и все те пороки, которые большому числу молодчиков невидимы. Глядя в них, не будешь иметь излишнего почтения к распудренным волосам на безмозглой голове против нечесанных волос умного человека. Бархатные кафтаны и кружевные на дураке маншеты покажутся столько же гнусны, как одежда его холопов. В них все отличить можно. Никто не почтет дресву золотом, а рогожу ковром, а естьли и почтет, так на короткое время; а рассмотрев, первое бросит в грязь, а последнее к порогу положит; а ковер всегда на столе останется.

Старосветов *(смеется)*. Уподоблении не очень кстати. Однако, ежели все сказанное правда, то это вещь предорогая, и я дивлюсь, что в щепетильной лавке такой редкой товар сыскался.

Щепетильник. В них же увидите, что чрезмерная многих людей учтивость есть покрывало сущего коварства и подлости, что скорая дружба не что иное, как торг, для прибытку сделанной. Словом, многие старики...

Старосветов. Оставь доброту, а скажи, сколько за них денег, и покажи мне вещи, которых я купить хочу.

Щепетильник. Очки стоят 5 рублев, а вот и вещи.

Старосветов. А что это такое? *(Смотрит на крышку табакерочную.)*

Щепетильник. Ежели не видите, изволите очки надеть.

Старосветов. Нет, я вижу, а хочу, чтобы ты изъяснил мне эту живопись.

Щепетильник. С охотою! Изволите смотреть: на крышке изображено, что шестидесятилетней старик дурачится, любовника представляя, и бегает вслед за шалунами и вертопрахами, надеясь пленять сердца молодых красавиц.

Старосветов *(рассердяся)*. Не на меня ли ты, государь мой, целишь и не вздумал ли ты шутить надо мною?

Щепетильник. Сохрани меня, боже! Я этого и в мыслях не имел.

Старосветов. Мне кажется, что неприлично над честным человеком смеяться, и я от такого дурака, как ты, не снесу ни малой обиды.

Щепетильник. А! когда же вы и вподлинну гневаться изволите, так послушайте, сударь, самую истину. Вы невольно принуждаете смеяться над собою, потому что, имев седые волосы, младенчествуете. Ежели бы мне по человечеству не жаль вас было, то бы я допустил купить этих безделюшек, за которыми вы сюда, запыхавшись, прибежали. Не изволите ли деревянных куколок, коньков, гремушек и прочего? Я безденежно услужу вам целым возом...

Старосветов. Молчи, грубиян! Я не за безделюшками бежавши запыхался, а протанцовал несколько менуэтов и контротансов в угождение влюбленным в меня красавицам. Прости! Я клянуся 20 моими любовницами, что отмщу тебе. Помни меня! *(Идучи с театра, бранится.)* Ты дурак, невежа, скотина, неуч!..

Чистосердов. Вот он-та в правду ума рехнулся и он-та прямой младенец. Но что это за урод идет сюда? Надепем, племянник, поскорея маски.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕНАДЕСЯТЬ

Те же и Самохвалов (идет на театр тихо).

Щепетильник. А! это неуклюд Самохвалов. Знать, он недавно сюда приехал.

Самохвалов. Скажи мне, пожалуй, что это за старой дурак бежал отсюда? Он было меня с ног сбил. Никак его здесь рассердили? Он, идучи, жестоко бранился.

Щепетильник. Этот пожилой шалун прогневался на меня за самую безделку. Он хотел к стыду своему купить безделюшек; а я посоветовал очки купить и сказывал, на какую потребу они годятся и что в них увидеть можно.

Самохвалов. Ты мне кстати об очках вспомнил, я их купить должен.

Щепетильник. А на какую, сударь, потребу?

Самохвалов. Смешной вопрос! Смотреть на людей и читать разные книги.

Щепетильник. А я думал, что писать.

Самохвалов. Писать не для кого! Здесь достоинства трудов моих никто не разумеет.

Щепетильник *(в сторону)*. Для того, что ты, кроме ни к чему годных безделюшек, еще ничего не написал и не перевел. *(Самохвалову.)* Да какие же книги вы читаете, на своем языке или?..

Самохвалов. На нашем языке! Видно, что ты в литературе незнающ. А что бы такое на нашем-та языке прочесть было можно?

Щепетильник. Такие сочинении, которые довольную похвалу заслужили.

Самохвалов. Я таких не знаю!

Щепетильник. Итак, вы чужестранные только читаете?

Самохвалов. Да, но и это не для научения. Учиться мне не у кого, следственно, и подражать некому, а могу я счесть равными с собою некоторых чужестранных писцов; а не пишу ныне для того, что не хочу больше показать своего искусства.

Чистосердов *(Племяннику)*. Вот пречудное животное.

Племянник. Весьма самолюбивое.

Щепетильник ищет очков.

Самохвалов. Долго ли ж искать? Я чаю, в твоей лавке очков много.

Щепетильник. Есть довольно, но я ищу таких, которые очками знаменитых авторов называются. Они нарочно выдуманы для слушанья чужих сочинений.

Самохвалов. На то-та и мне они потребны. Ныне проявилось к стыду нашего отечества множество писателей, а особливо комических, которые и грамоте не умеют и которых сочинении иногда я буду принужден слышать.

Щепетильник. А вы их еще и не видали и не читали?

Самохвалов. Нет!

Щепетильник. Да почему ж хулите?

Самохвалов. Потому, что написать хорошего некому, и я уже наперед знаю, что здесь все очень гадко и сочиняют и переводят.

Щепетильник. Так не слушайте и не смотрите дурного.

Самохвалов. Мне не хочется прослыть ненавистником; я буду ходить в комедии и, надев очки, смотреть на театр, отнюдь не слушая того, что актеры болтать станут, ведая, что доброго ничего не услышишь.

Щепетильник. А! так эти очки будто бы нарочно для вас сделаны. Они на уши надеваются, и ежели вы не захотите слушать, то не отворяя этой пружины их оставьте, и так, не согреша против своей совести, т. е. не слыша, дурно или хорошо написано, можете бранить сочинителя. А ежели слушать захотите, то подавите пружину, так эти дырочки отворятся, и все к слуху вашему доходить станет.

Самохвалов. Очень хорошо! О, как много умел ты меня одолжить! В твоей голове ума больше, нежели во всех наших новых писателях. Ты меня избавляешь от муки, и я выхвалю тебя пред молодыми нашими писцами, написавши сравнение между ими и тобою.

Щепетильник *(в сторону)*. Сравнении не всем удаются; у многих и стихи неровные в них бывают.

Самохвалов. Что ты задумался? Радуйся, друг мой! Скоро об тебе моим старанием свет узнает: я расхвалю тебя.

Щепетильник *(Чистосердову)*. Боюсь, чтобы не сказали: кто его хвалит? протухлая ветчина!

Самохвалов. Скажи же, что очки стоят?

Щепетильник. 20 рублев.

Самохвалов. Вот деньги. Завтре же начну я писать тебе похвальной эпитр, а па молодых вралей комедию, и подлинно сделаю смеху...

Щепетильник *(в сторону)*. Над собою. Не заведи опять муз в избу; это не их, а твое жилище.

Самохвалов. Прости! я покажусь скоро во всей моей славе.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕНАДЕСЯТЬ

Щепетильник, Чистосердов и Племянник.

Щепетильник. Скоро все об тебе узнают, что ты ни в чем сведения и вкуса не имеешь, и быть тебе в комедии осмеяну прежде тех людей, которых ты неумолкно ругаешь. Они тебя скоряе на позорище выведут.

Чистосердов. Не гадко ли смотреть, что этот человек столь много заражен самолюбием! Он, ничего не сделавши, хочет, чтобы его хвалили, а тех презирали, которые трудятся.

Щепетильник. Мне кажется, что он сам будет презираем и над ним исполнится эта пословица: «как кликнешь, так и откликнется». Он ругает, станут ему платить тем же; а ежели бы он жил, других не беспокоя, и сам бы, научиться постаравшись, написал что-нибудь полезное, то бы и его так же, как и протчих, любили.

Чистосердов. Но он не один столь гордых о себе мыслей. Эдаких самолюбцов у нас много, которые, ничего сделать не умевши, всех пересмехают. Я знаю одного, которой, увидя чье-нибудь сочинение, тотчас опорочит, хотя и без доказательств, не взирая на то, что другие хвалят; и он обещается сделать на всякого гвоздь с молотком, а всегда выходит рассохшаяся бочка.

Племянник. Итак, здесь во всяком состоянии есть странные люди?

Щепетильник. Очень много; но эдакие осуждатели, по правде, больше осмеяния достойны. Они так ослеплены собою, что ежели не постараются перемениться, то скоро будут совершенным посмешищем всему народу.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и работник.

Щепетильник *(работнику)*. Что ты?

Работник. Я пришел-стани сказаци, что бояра-та вси по домам разъехались, и никово больше ни в харях, ни без харь не осталось.

Щепетильник. Хорошо! запирай же лавку. Время и нам домой ехать.

Чистосердов. И нам также. Этот вечер много просветил моего племянника.

Племянник *(Щепетильнику)*. Это правда, и я рад чаще слушать ваши рассуждении. Они мне чрезмерно приятны, и я за счастие почту, ежели удостоюсь войти в число искренних ваших слуг и буду получать от вас полезные советы.

Щепетильник. Ежели они вам полезными кажутся, то всегда к услугам вашим готовы.

Чистосердов. Прости, государь мой, до свидания, и я, желая тебе доброго здоровья, желаю и того, чтобы многие из

наших богатых откупщиков и разного звания людей, которые, богу известно, как нажилися, хотя бы сотую долю, следуя вашему примеру, бедным разделяли, и чтобы все, кто чрезмерно порокам подвержен, от поучений ваших исправлялись.

Щепетильник. Ежели бы это бог сделал! Но я думаю, что моими поучениями мало дураков исправлю. Севодни осмеял я с двадцать образцовых молодцов, и только один исправился, а все рассердились, и я чуть ли не с двести нажил злодеев. Сатирически говорить весело, в этих разговорах время невидимо протекает, и они бывают всем приятны до тех пор, покудова находят чужие пороки; а ежели приметят сходствие с своими, то в миг прогневаются и тогда уже мстить готовы бывают.

Чистосердов. Самую истину говорите; однако этим устрашаться не должно.

Щепетильник. Я знаю, государь мой, что от того часто великие случаются огорчении; а иногда и то, как Боало сказал, исполниться может, что часто те же самые слова, которые читателей рассмешают, у писателя извлекают слезы; я думаю, что чуть ли он не испытал их над собою. Полно, слава богу, что у нас не все этого сатирика знают, а то бы и шутки его в худо употребили.

Чистосердов. Легко бы могло статься.

Щепетильник. Но полно, такие мстительные и у нас уже выводятся, и уже все, слушающие мои шутки, над осмеянными образцами тешиться изволят и тем доказывают, что, конечно, себя тут не находят, для того, что над собою никто смеяться не любит, а над ближним все готовы, от чего я их до тех пор отучать буду, покуда сил моих станет.

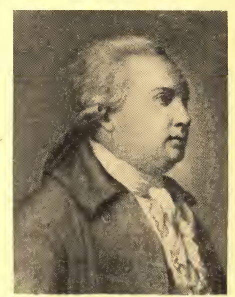
Конец комедии

Д. И. ФОНВИЗИН
(1745—1792)

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин — друг свободы.

Пушкин.

Фонвизин родился в 1745 г. в семье рядового служилого дворянина Ивана Андреевича Фонвизина. Отец Фонвизина, «не в состоянии будучи нанимать учителей для иностранных языков», поспешил отдать своего десятилетнего сына в только что открывшуюся гимназию при Московском университете; по окончании гимназии Фонвизин поступил в университет на философский факультет. Денис Иванович учился прекрасно, но вышел из университета до окончания курса ввиду назначения его в октябре 1762 г. на службу в Коллегию иностранных дел в качестве переводчика. С 1763 по 1769 г. он служит по дворцовому ведомству, а с 1769 по 1783 г. — секретарем в Коллегии иностранных дел, руководимой Н. И. Паниным. После смерти Панина Фонвизин вышел в отставку, в 1792 г. он скончался.



Д. И. Фонвизин.

Литературная деятельность Фонвизина началась еще на студенческой скамье: он печатает переводы с немецкого и французского в журнале «Полезное увеселение» и в «Собрании лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия». В дальнейшем переводческая деятельность Фонвизина развивается очень широко: в 60-х годах он переводит одно из лучших драматических произведений Вольтера, трагедию «Альзира», политико-дидактический роман Террасона «Геройская добродетель или жизнь Сифа, царя египетского», «Торгующее дворянство» Куайе и др.

Оригинальная писательская деятельность Фонвизина началась тоже очень рано, еще в ученические и студенческие годы. Самыми ранними произведениями Фонвизина были эпиграммы, шутки, притчи. «Острые слова мои носились по Москве», — говорил впоследствии Фонвизин. В начале 60-х годов Фонвизиным написаны смелая в политическом отношении басня «Лисица-казнодей» и «злая» сатира в стихах «Послание к слугам моим», которая, по словам Белинского, «переживет все толстые поэмы того времени». В 1764 г. Фонвизин выступает как драматург — переделывает комедию «Сидней» Грессе, причем стремится «склонить» ее на русские нравы. Далее Фонвизин написал «две превосходные комедии» (Ч е р н ы ш е в с к и й): «Бригадир» в 1766—1769 гг., в 1782 г. закончил, а в 1783 г. напечатал комедию «Недоросль».

В 1783 г. Фонвизин в журнале «Собеседник любителей российского слова» поместил несколько сатирических произведений («Опыт российского сословника», «Вопросы к сочинителю «Былей и небылиц», «Челобитная российской Минерве от российских писателей», «Поучение, говоренное в Духов день»).

В 1783 г., по поручению умирающего Н. И. Панина, Фонвизин написал его завещание будущему императору Павлу под таким заглавием: «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления». Это «Рассуждение» стало известно Екатерине II, причем ей, несомненно, известна была и роль Фонвизина в составлении документа.

Враг невежества, обскурантизма, самодержавной тирании и помещичьего произвола, борец за русскую национальную культуру, Фонвизин был одним из лучших представителей передовых слоев дворянской интеллигенции второй половины XVIII в.

Будучи одним из зачинателей критического реализма в русской литературе, Фонвизин своими художественными произведениями и в особенности комедиями, которые «навсегда останутся в истории русской литературы как одно из примечательнейших явлений» (Б е л и н с к и й), воспитывал многие поколения передовых людей русского общества и навсегда занял почетное место в истории русской литературы, в истории развития русского национального самосознания.

НЕДОРОСЛЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Сентября 24 дня 1782.

Продается у Клостермана, противъ адмиралтейства, въ домѣ мещанскаго клоба. No 106.

Въ Санктпетербургѣ.

Печатана въ вольной типографіи у Шнора.

1783

Титульный лист первого издания комедии «Недоросль».

«Недоросль», «Рассуждение», «Вопросы к сочинителю», «Всеобщая придворная грамматика» навлекли на Фонвизина жестокую опалу со стороны Екатерины II. В 1788 г. он задумал издавать журнал «Друг честных людей или Стародум», подготовил материал для первого номера, но журнал в свет не вышел вследствие запрещения правительством; в 1790 г. Фонвизин решил заняться переводом «Истории» Тацита, но Екатерина II отнеслась отрицательно к переводу и печатанию Тацита.

Замечательны письма Фонвизина родным, близким, знакомым, особенно «Письма из Франции». «Читая их, — писал Белинский, — вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованного нашим путешественником». «Для меня Кантемир и Фонвизин, особенно последний, — писал Белинский, — самые интересные писатели первых периодов нашей литературы: они говорят мне не о заоблачных превыспренностях по случаю плошечных иллюминаций, а о живой действительности, исторически существовавшей».

БРИГАДИР

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бригадир.
Иванушка, сын его.
Бригадирша.
Советник.
Советница, жена его.
Софья, дочь советничья.
Добролюбов, любовник Софьи.
Слуга советничей.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сертуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит Советница в дезабилье и карнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре.

Советник *(смотря в календарь)*. Так ежели бог благословит, то 26-е число быть свадьбе.

Сын. Hélas [1]!

Бригадир. Очень изрядно, доброй сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женой и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже со всеми вами обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах! Мать моя! Да какая церемония меж нами, когда *(указывая на советника)* хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с божьим благословением? А чтоб лучше на него, господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах! сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, которой был в Париже. Ах! радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, которой в Париже не был.

Сын *(вслушавшись, приподнимает шишку колпака)*. Madame! я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О! Иванушка! Бог милостив. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздраз-

[1] Увы!

нили. Мой Игнатей Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Б р и г а д и р. Жена, не все ври, что знаешь.

С о в е т н и к. Полно, соседушка, не греши, ради бога. Не гневи господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Б р и г а д и р. Премудра! Вот-на, соседушка. Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость ее очень на глупость походит. Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу в глаза и за глаза, что ума у нее целая палата. Я мужчина и бригадир, однако, ей-ей, рад бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

С ы н. Dieu! Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умов, голова головы лучше.

С о в е т н и к. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

С ы н. К каким делам? Что читать?

Б р и г а д и р. Читать? Артикул и устав военной; не худо прочесть также инструкцию межевую молодому человеку.

С о в е т н и к. Паче всего изволь читать Уложение и указы. Кто их, будучи судьею, толковать умеет, тот, друг мой зятюшка, нищим быть не может.

Б р и г а д и р ш а. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

С о в е т н и ц а. Боже тебя сохрани от того, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дурою.

С ы н. Madame, вы говорите правду. О! Vous avez raison. Я сам, кроме романов, ничего не читывал, и для того-та я таков, как вы меня видите.

С о ф ь я *(в сторону)*. Для того-та ты и дурак.

С ы н. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

С о ф ь я. То, что я о вас думаю.

С ы н. А что бы это было? Je vous pris, не льстите мне.

С о в е т н и к. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чем-та, с ума сходит.

Б р и г а д и р. О! это пройдет. У меня жена перед свадьбой недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтоб она когда-нибудь была умнее.

Б р и г а д и р ш а. Дай бог тебе, батюшка, здоровье. Продли бог долгие твои веки; а я, с тобой живучи, ума не потеряла.

С о в е т н и к. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

С о в е т н и ц а *(вздыхает)*. Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

С о в е т н и к. Она правду говорит. Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе еще до бригадирства распроломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил бог достаточком, которой нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до карнетов, маншет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

С о в е т н и ц а. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить станешь.

С о в е т н и к. Без власти создателя и святейшего синода развестись нам невозможно. Вот мое мнение. Бог сочетает, человек не разлучает.

С ы н. Разве в России бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение — любить, изменять, жениться и разводиться.

С о в е т н и к. Да то во Франции, а не у нас, правоверных; нет, дорогой зять! Как мы, так и жены наши, все в руце создателя. У него все власы главы нашея изочтены суть.

Б р и г а д и р ш а. Вить вот, Игнатей Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы его, мы и деньги считать ленимся, деньги, которые так редки, что целой парик изочтенных волосов насилу алтын за тридцать достать можно.

Б р и г а д и р. Враки. Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему?

Б р и г а д и р ш а. Не греши, мой батюшка, ради бога. У него генералитет, штаб и обер-офицеры в одном ранге.

Б р и г а д и р. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты бога-та узнала побольше, так бы такой пустоши и не болтала. Как можно подумать, что богу, которой все знает, не известен будто наш табель о рангах? Стыдное дело.

С о в е т н и ц а. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискюрировать [1]? Выбрали такую сурьезную материю, которую я не понимаю.

Б р и г а д и р. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталей, и ничего такого, что бы...

---

[1] Разговаривать.

Советник. Что бы, по крайней мере, хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мне самой скучны те речи, от которых нет никакого барыша. *(К советнице.)* Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади или купленной?

Сын. C'est plus interessant [1].

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

Советник *(к жене)*. Не стыди меня! Матушка Акулина Тимофеевна! Люди наши едят застольное. Не прогневайся на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю.

Бригадирша. Так-то у меня мой Игнатей Андреич: ему ни до чего дела нет. Я одна хожу в анбары.

Советник *(в сторону)*. Сокровище, а не женщина! Какие у нее медоточивые уста! Послушать ее только, так раб греха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадир. Что ты это говоришь, сват? *(В сторону.)* Здешняя хозяйка не моей бабе чета.

Советник. Хвалю разумное попечение твоей супруги о домашней экономии.

Бригадир. Благодарен я за ее экономию. Она для нее больше думает о домашнем скоте, нежели обо мне.

Бригадирша. Да как же, мой батюшка? Вить скот о себе думать не может. Так не надобно ли мне о нем подумать? Ты, кажется, и поумнее его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадир. Слушай, жена, мне все равно, сдуру ли ты врешь или из ума, только я тебе при всей честной компании сказываю, чтоб ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будет худо.

Сын. Mon père! Не горячитесь.

Бригадир. Что! Не горячитесь?

Сын. Mon père! Я говорю, не горячитесь.

Бригадир. Да первого-та слова, чорт те знает, я не разумаю.

Сын. Ха, ха, ха, ха, теперь я стал виноват в том, что вы пофранцузски не знаете.

Бригадир. Эк он горло-та распустил. Да ты, смысля порусски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

Советница. Полно, сударь. Разве ваш сын должен говорить с вами только тем языком, которой вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатей Андреевич, пусть Ивашка говорит, как хочет. По мне все равно. Иное говорит он, кажется, и по-русски; а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и говорить? Ученье свет, неученье тьма.

[1] Это более интересно.

С о в е т н и к. Конечно, матушка! Кому бог открыл грамоту, так над тем и сияет благодать его. Ныне, слава богу, не прежни времена. Сколько грамотей у нас развелось: и то-то, вить кому господь откроет. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику; а ныне никто ее не знает, а все пишут. Сколько у нас исправных секретарей, которые экстракты сочиняют без грамматики, любо-дорого смотреть! У меня на примете есть один, которой что когда напишет, так иной ученой и с грамматикою вовеки того разуметь не может.

Б р и г а д и р. На что, сват, грамматика? Я без нее дожил почти до 60 лет, да и детей взвел. Вот уже Иванушке гораздо за двадцать; а он — в доброй час молвить, в худой помолчать — и не слыхивал о грамматике.

Б р и г а д и р ш а. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, так вить ее купить еще надобно. Заплатишь за нее гривен восемь, а выучишь ли, нет ли — бог знает.

С о в е т н и ц а. Чорт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе, по крайней мере, изорвала я одну на папильиоты.

С ы н. J'en suis d'accord [1], на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду [2], и мне кажется, что, свет мой, душа моя, adieu, ma reine можно сказать, не заглядывая в грамматику.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и с л у г а.

С л у г а. Господин Добролюбов приехать изволил.

С о ф ь я *(в сторону)*. Боже мой! Он приехал; а я невеста другому.

С о в е т н и к. Пойдем же навстречу сына друга моего и погуляем с ним по саду.

Б р и г а д и р *(к советнице)*. Не изволите ли и вы проходиться?

С о в е т н и ц а. Нет, сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш сделает компанию.

С ы н. De tout mon coeur, я с вами наедине быть рад.

С о в е т н и к *(к бригадирше)*. Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Б р и г а д и р ш а. Изволь, изволь, мой батюшка.

С о в е т н и ц а *(Софье)*. А ты, по крайней мере, сделай компанию своей свекрови.

ЯВЛЕНИЕ 3

Советница, Сын.

С ы н *(садится очень близко советницы)*. Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

---

[1] Я с вами согласен.

[2] Любовные записки (billets doux).

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Сын. Он, я вижу, походит на моего батюшку, которой во своей век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твое чистосердечие. Ты не щадишь отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Сын. Чорт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать [1].

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.

Сын. Ваш резонеман справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

Сын. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферан во всем том, что надлежит до моего отца и матери.

Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?

Сын. Dieu! Какой вы знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно об этом говорить без всякой диссимюляции [2]. *(Вздохнув.)* Итак, вы знаете, что я пренесчастливой человек. Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами; а я, чорт меня возьми, я живу с животными.

Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего урода. Муж мой — прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседи наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам, обнявшись с женами. А жены их — ха, ха, ха, ха! — жены их не знают еще и до сих пор, что это — дезабилье, и думают, что будто можно прожить на сем свете в полшлафроке. Они, душа моя, ни о чем больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи...

Сын. Pardieu! [3] Поэтому мать моя годится в число ваших соседок; а давно ли вы живете с такою тварью?

Советница. Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего, и для того повез меня мучить в деревню.

Сын. Которую, конечно, нажил до указа.

Советница. При всем том он скуп, как кремень.

Сын. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.

---

[1] Считаться с ним.
[2] Без всякого притворства.
[3] Чорт возьми!

Советница. Мой урод при всем том ужасная ханжа: не пропускает ни обедни, ни завтрени и думает, радость моя, что будто бог столько комплезан[1], что он за всенощною простит ему то, что днем наворовано.

Сын. Напротив того, мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и чорт есть; однако, женяся на моей матушке, скоро поверил, что нечистой дух экзистирует[2].

Советница. Переменим речь, je vous en pris; мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят.

Сын. Madame! Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И естьли бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чорт ли видит то, что скрыто? а наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов[3]; я вижу, что у тебя на голове пудро, а есть ли что в голове, того, чорт меня возьми, приметить не могу.

Сын. Pardieu! Конечно, этого и никто приметить не может.

Советница. После туалета лучшее мое препровождение в том, что я загадываю в карты.

Сын. Вы знаете загадывать, grand dieu! Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам мое искусство?

Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сын *(придвинув столик с картами)*. Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.

Советница. С радостью. Извольте загадывать короля и даму.

Сын *(подумав)*. Загадал.

Советница *(раскладывает карты)*. Ах, что я вижу! Свадьба! *(Вздыхает.)* Король женится.

Сын. Боже мой! Он женится! Что мне этого несноснее!

Советница. А дама его не любит...

Сын. Чорт меня возьми, ежели и я люблю. Нет, нет сил более терпеть. Я загадал о себе. Ah, madame! Или вы не видите того, что я жениться не хочу?

---

[1] Снисходителен.
[2] Существует.
[3] Одних чувств.

Советница *(вздыхая и жеманясь)*. Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сын. Она постоянна!.. О, верх моего несчастия! Она еще и постоянна! Клянусь вам, что ежели и я это в ней, женяся, примечу, то ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели б вы были жена моя, я бы век не развелся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.

Сын. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.

Советница. Очень хорошо. Король трефовой и кёровая дама.

Сын *(разложив карты)*. Король смертно влюблен в даму.

Советница. Ах, что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.

Сын *(посмотрев на нее с нежностью)*. И дама к нему не без склонности.

Советница. Ах душа моя! не без склонности. Скажи лучше, влюблена до безумия.

Сын. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта кёровая дама. Вы краснеете, вы бледнеете. Конечно, это...

Советница. Ах! как несносно признаваться в своей пассии!

Сын *(с торопливостью)*. Так это вы...

Советница *(притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоит)*. Я, я сама.

Сын *(вздохнув)*. А кто этот преблагополучной трефовой король, которой возмог пронзить сердце кёровой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я все вдруг тебе сказала?

Сын *(встав)*. Так, madame, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучной трефовой король, так пламень мой к вам худо награжден.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Сын *(кинувшись на колени)*. Ты кёровая дама!

Советница *(поднимая его)*. Ты трефовой король!

Сын *(в восхищении)*. О счастье! О bonheur!

Советница. Может быть, ты, душа моя, и не ведаешь того, что невеста твоя влюблена в Добролюбова и что он сам в нее влюблен смертно.

Сын. St... St... Они идут. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux! [1] Нам надобно непременно оставить их в покое, чтоб они со временем в покое нас оставили.

---

[1] О как мы счастливы!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Добролюбов и Софья.

Софья. Вы изволили здесь остаться одни, матушка; я нарочно пришла к вам для того, чтобы вам одним не было скучно.

Добролюбов. А я, сударыня, взял смелость проводить ее к вам.

Советница. Нам очень здесь нескучно. Мы загадывали в карты.

Сын. Мне кажется, mademoiselle, что вы как нарочно сюда, сведать о вашей свадьбе.

Софья. Что это значит?

Советница. Мы загадывали о тебе, и естьли верить картам, которые, впрочем, никогда солгать не могут, то брак твой не очень удачен.

Софья. Я это знаю и без карт, матушка.

Сын. Вы это знаете, на что ж вы рискуете?

Софья. Тут никакого риску нет; а есть очевидная моя погибель, в которую ведут меня батюшка и матушка.

Советница. По́жалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я от роду того не хотела, чего отец твой хочет.

Сын. На что такие изъяснения? *(К советнице.)* Madame, мы друг друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтиться с компаниею?

Советница. Для меня нет ничего комоднее [1] свободы. Я знаю, что все равно, иметь ли мужа, или быть связанной.

Сын *(дает ей знаки, чтоб она Софью и Добролюбова оставила)*. Да разве вы никогда отсюда выйти не намерены...

Советница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНИЕ 5

Добролюбов и Софья.

Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит?

Софья. Это значит то, что мой жених ко мне нимало не ревнует.

Добролюбов. А мне кажется, что и мачехе твоей не противно б было, естьли б твоя свадьба чем-нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо приметно. Мне кажется, что мы очень некстати к ним взошли.

Добролюбов. Тем лучше, ежели этот дурак в нее влюбился, да и ей простительно им плениться.

Софья. В рассуждении ее кокетства очень простительно, и она лучшего себе любовника найти, конечно, не может; однако я жалею о батюшке.

---

[1] Удобнее.

Д о б р о л ю б о в. О, пожалуй, о нем не тужите. Батюшка ваш, кажется мне, с отменною нежностию глядит на бригадиршу.

С о ф ь я. Нет. Этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачехе моей не изменит, чтоб не прогневить бога.

Д о б р о л ю б о в. Однако он ведает и то, что бог долготерпелив.

С о ф ь я. Ежели ж это правда, то, кроме бригадирши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого.

Д о б р о л ю б о в. Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие. Наша же любовь основана на честном намерении и достойна того, чтоб всякой пожелал нашего счастия. Ты знаешь, что ежели б мой малой достаток не отвратил отца твоего иметь меня своим, то бы я давно уже был тобою благополучен.

С о ф ь я. Я тебя уверяла и теперь уверяю, что любовь моя к тебе кончится с жизнию моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоей женою. Малой твой достаток меня не устрашает. Я все на свете для тебя снести рада.

Д о б р о л ю б о в. Может быть, и достаток мой скоро умножится. Дело мое приходит к концу. Оно давно б уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают. Вот для чего до сих пор бедное мое состояние не переменяется.

С о ф ь я. Мы долго заговорились. Нам надобно идти к ним для избежания подозрения.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

С о в е т н и к и С о ф ь я.

С о в е т н и к. Поди сюда, Софьюшка. Мне о многом с тобою поговорить надобно.

С о ф ь я. О чем изволите, батюшка?

С о в е т н и к. Во-первых, о чем ты печалишься?

С о ф ь я. О том, батюшка, что ваша воля с моим желанием несогласна.

С о в е т н и к. Да разве дети могут желать того, чего не хотят родители? Ведаешь ли ты, что отец и дети должны думать одинаково? Я не говорю о нынешних временах: ныне все пошло новое, а в мое время, когда отец виноват бывал, тогда дерут сына; а когда сын виноват, тогда отец за него отвечает; вот как встарину бывало.

С о ф ь я. Слава богу, что в наши времена этого нет.

Советник. Тем хуже. Ныне кто виноват, тот и отвечай, а с иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноват только один виноватой. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего ж быть виноватым?

Советник. Для того, что все грешны человецы. Я сам бывал судьею: виноватой, бывало, платит за вину свою, а правой за свою правду; и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик.

Софья. Позвольте мне, батюшка, усумниться; я думаю, что правой, конечно, оставался тогда виноватым, когда он обвинен был.

Советник. Пустое. Когда правой по приговору судейскому обвинен, тогда он уже стал не правой, а виноватой: так ему нечего тут умничать. У нас указы потверже, нежели у челобитчиков. Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может.

Софья. Что ж, наконец, батюшка, вы от меня желаете?

Советник. Того, чтобы ты мой указ, идти замуж, толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебе велю.

Софья. Я вам должна повиноваться; только представьте себе мое несчастие: я женою буду такого дурака, которой набит одними французскими глупостьми, которой не имеет ко мне не только любви, ни малейшего почтения.

Советник. Да какого ты почтения от него изволишь? Мне кажется, ты его почитать должна, а не он тебя. Он будет главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, девочка молодая и не читывала священного писания.

Софья. По крайней мере, батюшка, будьте вы в том уверены, что он и вас почитать не будет.

Советник. Знаю, все знаю; однако твой жених имеет хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Советник. Деревеньки у него изрядные. А естьли зять мой не станет рачить о своей экономии, то я примусь за правление деревень его.

Софья. Я не думаю, чтоб будущей мой свекор захотел вас трудить присмотром за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочем, я ни чрез то, ни чрез другое не выигрываю. Я привыкла быть свидетельницею доброй экономии.

Советник. Тем лучше. Ты своего не растеряешь; а это разве малое тебе счастье, что ты иметь будешь такую свекровь, которая, мне кажется, превосходит всяку тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастию моему, их в ней приметить еще не могла.

Советник. Это все-таки оттого же, что ты девочка молодая и не знаешь, в чем состоят прямые добродетели. Ты не ведаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути к своему спасению.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участие свекровь может иметь в пути моего спасения.

Советник. А вот какое: вышед замуж, почитай свекровь свою; она будет тебе и мать, и друг, и наставница; а ты ее первую по бозе; угождай во всем быстропроницательным очам ее и перенимай у нее все доброе. О таковом вашем согласии и люди на земле возвеселятся, и ангели на небесах возрадуются.

Софья. Как, батюшка, неужели ангелам на небесах так много дела до моей свекрови, что они тогда радоваться будут, ежели я ей угождать стану?

Советник. Конечно, так. Или думаешь ты, что у господа в книге животных Акулина Тимофеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не ведаю, есть ли в ней она.

Советник. А я верую, что есть. Поди ж ты, друг мой, к гостям и как будто от себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я, я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мне вам доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, естьли я угождать ей буду без всякого высказывания?

Советник. Я велю тебе ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вот тебе мой ответ. Пошла!

ЯВЛЕНИЕ 2

Советник *(один)*. Она не дура, однако со всем ее умом догадаться не может, что я привязан к ее свекрови, привязан очами, помышлениями и всеми моими чувствы. Не знаю, как объявить ей о моем окаянстве. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грехов моих тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моление, что сотворит со мною Игнатей Андреевич, которой столько же хранит свою супругу, сколько я свою, хотя, впрочем, и не проходило у нас сряду двух часов бессорно: вот до чего доводит к чужой жене любовь! Выдаю дочь мою против желания за ее сына, для того только, чтоб чаще возмог я по родству видеться с возлюбленною сватьею. В ней нахожу я нечто отменно разумное, которое другие приметить в ней не могут. Я не говорю о ее муже. Он хотя и всегда слыл мужиком разумным, однако военной человек, а притом и кавалерист, не столько иногда любит жену свою, сколько свою лошадь... А! да вот она и идет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Советник и Бригадирша.

Советник. Ох!

Бригадирша. О чем ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Советник. О своем окаянстве.

Бригадирша. Ты уже и так, мой батюшка, с поста и молитвы скоро на усопшего походить будешь, и долго ли тебе изнурять свое тело?

Советник. Ох, моя матушка! Тело мое еще не изнурено. Дал бы бог, чтоб я довел его грешным моим молением и пощением до того, чтоб избавилося оно от дьявольского искушения: не грешил бы я тогда ни на небо, ни пред тобою.

Бригадирша. Предо мною? А чем ты, батюшка, грешишь предо мною?

Советник. Оком и помышлением.

Бригадирша. Да как это грешат оком?

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обем. Неужели это грешно?

Советник. Так то грешно для меня, что естьли хочу я избавиться вечныя муки на том свете, то должен я на здешнем походить с одним глазом до последнего издыхания. Око мое меня соблазняет, и мне исткнуть его необходимо должно для душевного спасения.

Бригадирша. Так ты и вправду, мой батюшка, глазок себе выколоть хочешь?

Советник. Когда все грешное мое тело заповедям супротивляется, так, конечно, и руки мои не столь праведны, чтоб они одни взялися исполнять писание; да я страшусь теплыя веры твоего сожителя, страшусь, чтоб он, узрев грех мой, не совершил на мне заповеди божией.

Бригадирша. Да какой грех?

Советник. Грех, ему же вси смертны поработилися. Каждой человек имеет дух и тело. Дух хотя бодр, да плоть немощна. К тому же несть греха, иже не может быти очищен покаянием... *(С нежностию.)* Согрешим и покаемся.

Бригадирша. Как не согрешить, батюшка! Един бог без греха.

Советник. Так, моя матушка. И ты сама теперь исповедуешь, что ты причастна греху сему.

Бригадирша. Я исповедаюся, батюшка, всегда в великой пост на первой. Да скажи мне, пожалуй, что тебе до грехов моих нужды?

Советник. До грехов твоих мне такая же нужда, как и до спасения. Я хочу, чтоб твои грехи и мои были одни и те же и чтоб ничто не могло разрушити совокупления душ и телес наших.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупление? Я церковного-та языка столько же мало смышлю, как и французского. Вить кого как господь миловать захочет. Иному откроет он и французскую, и немецкую, и всякую грамоту; а я, грешная, и порусски-та худо смышлю. Вот с тобою не теперь уже говорю, а больше половины речей твоих не разумею. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумею. Коли чью я речь больше

всех разберу, так это своего Игнатея Андреевича. Все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай... Да видал ли ты, мой батюшка, попугаев?

Советник. Не о птицах предлежит нам дело, дело идет о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотения?

Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Советник. Могу ли я просить...

Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Естьли только, мой батюшка, не денег, то я всем ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы ныне деньги: ими никто даром не ссужает, а для них ни в чем не отказывают.

Здесь входит Сын, а они его не видят.

Советник. Не о деньгах речь идет: я сам для денег на все могу согласиться. *(Становится на колени.)* Я люблю тебя, моя матушка...

В самое то время, увидев Советник Сына, вскочил, а Сын хохочет и аплодирует.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Сын.

Сын. Bravissimo! Bravissimo!

Бригадирша. Что ты, Иванушка, так прыгаешь! Мы говорили о деле. Ты помешал Артамону Власьичу: он не знаю чего-та у меня просить хотел.

Сын. Да он, матушка, делает тебе déclaration en forme [1].

Советник. Не осуждай, не осужден будеши. *(Оторопев, выходит.)*

Бригадирша. Иванушка! Вытолкуй ты мне лучше, что ты теперь сказал.

Сын. Матушка, он с тобою амурится! Разумеешь ли ты хотя это?

Бригадирша. Он амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на уме!

Сын. Чорт меня возьми, ежели это неправда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись; вить чортом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сын. Матушка! я вижу, ты этому не веришь. Да на что он становился на колени?

Бригадирша. Я почем знаю, Иванушка. Неужели это для амуру? Ах, он проклятый сын! Да что он это вздумал?

---

[1] Формальное предложение.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Советница.

Сын. Madame! я теперь был свидетелем пресмешныя сцены. J'ai pensé crever de rire [1]. Твой муж объявил любовь свою моей матушке! Ха, ха, ха, ха!

Советница. Не вправду ли? *(Во время речи бригадиршиной отводит сына и нечто шепчет ему.)*

Бригадирша *(всердцах)*. Ах он, собака! Да что он и вправду затеял? Разве у меня бог язык отнял? Я теперь же все расскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ко он ему лоб раскроит посвойски. Что он это вздумал? Вить я бригадирша! Нет, он плут! Не думай того, чтоб он нашел на дуру! Мне, слава богу, ума не занимать! Я тотчас пойду...

Сын и Советница ухватили ее за полы.

Сын. Матушка, постой, постой...

Советница. Постой, сударыня.

Сын. Да разве ты, матушка, не приметила, что я шутил?

Бригадирша. Какая шутка! Вить я слышала, как ты божился.

Советница. Он, сударыня, конечно, шутил.

Сын. Чорт меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. Как, ты и теперь так же, батюшка! Что за дьявольщина! Да чему же верить?

Советница. Как, сударыня! Вы не можете шутки отделить от сурьезного.

Бригадирша. Да нельзя, мать моя: вить он так божится, что мой язык этого и выговорить не поворотится.

Советница. Да он, конечно, в шутку и побожился.

Сын. Конечно, в шутку. Я знавал в Париже, да и здесь превеликое множество разумных людей, et même fort honnêtes gens [2], которые божбу ни во что ставят.

Бригадирша. Так ты и заправду, Иванушка, шутил?

Сын. Хотите ли вы, чтоб я еще вам побожился?

Бригадирша. Да ты, может быть, опять шутить станешь! То-то ради бога, не введи ты меня в дуры.

Советница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели б это была правда, я сама капабельна взбеситься.

Бригадирша. Ну слава богу, что это шутка. Теперь душа моя на месте. *(Отходит.)*

---

[1] Я думал, что лопну со смеху.

[2] И даже очень порядочных людей.

ЯВЛЕНИЕ 6

Сын и Советница.

Советница. Ты было все дело испортил. Ну, ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вить бы он взбесился и ту минуту увез отсюда и тебя с нею.

Сын. Madame! Ты меня в этом простить можешь. Признаюсь, что мне этурдери [1] свойственно, а инако худо подражал бы я французам.

Советница. Мы должны, душа моя, о том молчать, и нескромность твою я ничем бы не могла экскюзовать [2], естьли б осторожность не смешна была в молодом человеке, а особливо в том, которой был в Париже.

Сын. O, vous avez raison! Осторожность, постоянство, терпеливость похвальны были тогда, когда люди не знали, как должно жить в свете; а мы, которые знаем, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы, конечно, были бы с постоянством очень смешны в глазах всех таких же разумных людей, как мы.

Советница. Вот прямые правила жизни, душа моя. Я не была в Париже, однако чувствует сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человеческое есть всегда сердце, и в Париже, и в России: оно обмануть не может.

Сын. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме. Mon dieu! Как судьбина милосердна! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы друг для друга.

Советница. Без сумнения, мы рождены под одною кометою.

Сын. Все несчастие мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сын. Это такой défaut [3], которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что ж мне делать?

Сын. Дай мне в себе волю. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable [4] увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, les restes des nos jours [5], будем иметь утешение проводить с французами; тамо увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь société.

Советница. Верно, душа моя! Только, я думаю, отец твой не согласится отпустить тебя в другой раз во Францию.

Сын. А я думаю, что и его увезу туда с собою. Просвещаться никогда не поздно; а я за то порукою, что он, съездя в Париж,

[1] Легкомыслие.
[2] Извинить.
[3] Недостаток.
[4] Благоприятный случай.
[5] Остаток наших дней.

по крайней мере, хотя сколько-нибудь на человека походить будет.

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтет и раю, и Парижу. Словом, он мне делает свой кур.

Сын. Как? Он мой риваль? [1]

Советница. Я примечаю, что он смертно влюблен в меня.

Сын. Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?

Советница. Как, душа моя, ты и с отцом подраться хочешь?

Сын. Et pourquoi non? Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... le nom m'est échappé [2], да... в книге les sottises du temps [3], что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилося в Париже?

Советница. Твой отец очень смешон... такие дураки... ах! как он легок на помине-то... вот он и идет.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Бригадир.

Бригадир. Я уж начал здесь хозяйничать. Пришел вас звать к столу. Да что ты, матушка, разговорилась с моим повесою? А ты что здесь делаешь? Ты должен быть с своею невестою.

Сын. Батюшка, я здесь быть хочу.

Бригадир. Да я не хочу.

Советница. Да вам, сударь, какое до того дело?

Бригадир. Мне не хочется, матушка, чтоб он тебе болтаньем своим наскучил. Я лучше бы хотел сам с тобою поговорить о деле.

Советница. Говорите, что вам угодно.

Бригадир. Мне угодно, чтоб сын мой был от вас подале: он вам наскучит.

Советница. Нет, сударь, мы очень весело без вас время проводили.

Бригадир. Да я без тебя скучаю. *(Взглянув на сына.)* Поди ты вон, повеса.

Советница *(к сыну)*. Когда время идти к столу, так пойдем. *(Подает ему руку, он ведет ее жеманяся, а бригадир, идучи за ним, говорит.)*

Бригадир. Добро, Иван! будет то время, что ты и не так кобениться станешь.

Конец второго действия

---

[1] Соперник.
[2] Название я позабыл.
[3] Ошибки времени.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Бригадир и Сын.

Бригадир. Слушай, Иван. Я редко смолоду краснелся, однако теперь от тебя, при старости, сгорел было.

Сын. Mon cher père! или сносно мне слышать, что хотят женить меня на русской?

Бригадир. Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился.

Сын. Тело мое родилося в России, это правда, однако дух мой принадлежал короне французской.

Бригадир. Однако ты все-таки России больше обязан, нежели Франции. Вить в теле твоем гораздо больше связи, нежели в уме.

Сын. Вот, батюшка, теперь вы уже льстить мне начинаете, когда увидели, что строгость вам не удалася.

Бригадир. Ну, не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком, а ты думаешь, что я льщу тебе: эдакой осел!

Сын. Эдакой осел! *(В сторону.)* Il ne me flatte pas...[1] Я вам еще сказываю, батюшка, je vous le répète[2], что мои уши к таким терминам не привыкли. Я вас прошу, je vous en pris, не обходиться со мною так, как вы с вашим ефрейтором обходились. Я такой же дворянин, как и вы, monsieur.

Бригадир. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, так все врешь, что лошадь. Ну кстати ли отцу с сыном считаться в дворянстве? Да хотя бы ты мне и чужой был, так тебе забывать того, по крайней мере, не надобно, что я от армии бригадир.

Сын. Je m'en moque[3].

Бригадир. Что это за манмок?

Сын. То, что мне до вашего бригадирства дела нет. Я его забываю; а вы забудьте то, что сын ваш знает свет, что он был в Париже...

Бригадир. О, ежели б это забыть можно было! Да нет, друг мой! ты сам об этом напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, из которых за самое малое надлежит, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеном.

Сын. Батюшка! вам все кажется, будто вы стоите пред фрунтом и командуете. К чему так шуметь?

Бригадир. Твоя правда, не к чему; а вперед, как ты что-нибудь соврешь, то влеплю тебе в спину сотни две русских палок. Понимаешь ли?

Сын. Понимаю, а вы сами поймете ли меня? Всякой галантом, а особливо кто был во Франции, не может парировать, чтоб

---

[1] Он не льстит мне.
[2] Я вам повторяю.
[3] Мне все равно, наплевать.

он в жизнь свою не имел никогда дела с таким человеком, как вы, следовательно, не может парировать и о том, что он никогда бит не был. А вы, ежели вы зайдете в лес и удастся вам наскочить на медведя, то он с вами так же поступит, как вы меня трактовать хотите.

Б р и г а д и р. Эдакой урод! Отца применил к медведю. Разве я на него похож?

С ы н. Тут нет разве. Я сказал вам то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имеете вы надо мною властвовать?

Б р и г а д и р. Дуралей! я твой отец.

С ы н. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, les animaux, одинаковы?

Б р и г а д и р. Это к чему? Конечно, все. От человека до скота. Да что за вздор ты мне молоть хочешь?

С ы н. Послушайте, ежели все животные одинаковы, то вить и я могу тут же включить себя?

Б р и г а д и р. Для чего нет. Я сказал тебе: от человека до скота; так для чего тебе не поместить себя тут же?

С ы н. Очень хорошо; а когда щенок не обязан респектовать того пса, кто был его отец, то должен ли я вам хотя малейшим респектом?

Б р и г а д и р. Что ты щенок, так в том никто не сомневается; однако я тебе, Иван, как присяжной человек, клянусь, что ежели ты меня еще применишь к собаке, то скоро сам с рожи на человека походить не будешь. Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, эдакой скосырь выехал!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Б р и г а д и р ш а.

Б р и г а д и р ш а. Что за шум? Что ты, мой батюшка, так гневаться изволишь? Не сделал ли ты, Иванушка, какого нам убытку? Не потерял ли ты чего-нибудь?

Б р и г а д и р. И очень много. Пропажа немала.

Б р и г а д и р ш а *(запыхалася)*. Что за беда! Что такое?

Б р и г а д и р. Он потерял ум, ежели он у него был.

Б р и г а д и р ш а *(отдыхая)*. Тьфу, какая пропасть! Слава богу. Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что-нибудь.

Б р и г а д и р. А разве ум-от ничто?

Б р и г а д и р ш а. Как ничто! Кто тебе это сказывал, батюшка? Без ума жить худо, что ты наживешь без него?

Б р и г а д и р. Без него! А без него нажила ты вот этого урода; не говаривал ли я тебе: жена! не балуй робенка; запишем его в полк; пусть он, служа в полку, ума набирается, как то и я делывал; а ты всегда изволила болтать: ах! батюшка! нет, мой батюшка! что ты с младенцом делать хочешь? не умори его, свет

мой! — Вот, мать моя! вот он здравствует. Вот за минуту применил меня к кобелю, не изволишь ли и ты послушать?

Сын *(зевает)*. Quelles espèces [1].

Бригадир. Вот, говори ты с ним, пожалуй, а он лишь только рот дерет. Иван, не беси меня. Ты знаешь, что я разом ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каков я.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Советница.

Советница. Что ты, сударь, затеял? Возможно ль, чтоб я стерпела здесь такой barbarie?

Бригадир. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Советница. Как! Вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадир. Да вить, матушка, у него не только что два ребра; ежели я их и выломаю, так с него еще останется. А для меня все равно, будут ли у него те два ребра или не будут.

Бригадирша. Вот, матушка, как он о рождении своем говорить изволит.

Сын *(к советнице)*. C'est l'homme le plus bourru, que je connais [2].

Советница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша к сыну вашему меня беспокоит?

Бригадир. А я, матушка, думал, что грубость его ко мне вас беспокоит.

Советница. Нимало. Я не могу терпеть пристрастия. Мериты [3] должны быть всегда респектованы: конечно, вы не видите достоинств в вашем сыне.

Бригадир. Не вижу, да скажите же вы мне, какие достоинствы вы в нем видите?

Советница. Да разве вы не знаете, что он был в Париже?

Бригадирша. Только ль, матушка, что в Париже! Он был еще во Франции. Шутка ль это!

Бригадир. Жена, не полно ль тебе врать?

Бригадирша. Вот, батюшка, правды не говори тебе.

Бригадир. Говори, да не ври.

Советница *(к бригадиру)*. Вы, конечно, не слыхивали, как он был в Париже принят.

Бригадир. Он этого сказать мне до сих пор еще не смел, матушка.

---

[1] Что за уроды!
[2] Это самый ворчливый человек, какого я знаю.
[3] Достоинства.

Советница. Скажи лучше, что не хотел; а ежели я вас, monsieur, попрошу теперь, чтоб вы о своем вояже что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать? [1]

Сын. De tout mon coeur, madame; только в присутствии батюшки мне неспособно исполнить вашу волю. Он зашумит, помешает, остановит...

Советница. Он для меня этого, конечно, не сделает.

Бригадир. Для вас, а не для кого больше на свете, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будет. Говори, Иван.

Сын. С чего ж начать? Par où commencer? [2]

Советница. Начните с того, чем вам Париж понравился и чем вы, monsieur, понравились Парижу.

Сын. Париж понравился мне, во-первых, тем, что всякой отличается в нем своими достоинствами.

Бригадир. Постой, постой, Иван! Ежели это правда, то как же ты понравился Парижу?

Советница. Вы обещали, сударь, не мешать ему. По крайней мере, вы должны учтивостию дамам, которые хотят слушать его, а не вас.

Бригадир. Я виноват, матушка, и для вас, а не для кого более молчать буду.

Советница *(к сыну)*. Продолжайте, monsieur, continuez [3].

Сын. В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде или я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлася на лицах, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, что они обо мне думают.

Советница *(бригадиру)*. Не должны ли вы прийти в восхищение? Я, ничем не будучи обязана, я от слов его в восторге.

Бригадирша *(плача)*. Я без ума от радости. Бог привел на старости видеть Иванушку с таким разумом.

Советница *(бригадиру)*. Что ж вы ничего не говорите?

Бригадир. Я, матушка, боюся вас прогневать, а без того бы я, конечно, или засмеялся, или заплакал.

Советница. Continuez, душа моя.

Сын. Во Франции люди совсем не таковы, как вы, то есть не русские.

Советница. Смотри, радость моя, я там не была; однако я о Франции получила уже от тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франции живут по большей части французы?

Сын *(с восторгом)*. Vous avez le don de déviner [4].

Бригадирша. Как же, Иванушка! Неужели там люди-то не такие, как мы все русские?

---

[1] Удовольствовать.
[2] С чего начать?
[3] Сударь, продолжайте.
[4] У вас дар отгадывать.

Сын. Не такие, как вы, а не как я.

Бригадирша. Для чего ж! Вить и ты мое рождение.

Сын. N'importe![1] всякой, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в число тех, затем что он уже стал больше француз, нежели русской.

Советница. Скажи мне, жизнь моя: можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?

Сын. Totalement[2] нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion.

Бригадир *(к советнице)*. Матушка, позволь мне одно словцо на все ему сказать.

Сын *(к советнице)*. Cela m'excède, je me retire[3]. *(Выходит.)*

Бригадирша *(к советнице)*. Что он, матушка, это выговорил? Не занемог ли Иванушка, что он так опрометью отсюда кинулся? Пойти посмотреть было.

ЯВЛЕНИЕ 4

Бригадир, Советница.

Советница. Вот что вы сделали. Вы лишили меня удовольствия слышать историю вашего сына и целого Парижа.

Бригадир. А я бы думал, что я избавил тебя от неудовольствия слушать дурачества. Разве, матушка, тебе угодно шутить над моим сыном?

Советница. Разве вам, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадир. Над тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали, в которую помышлю я о тебе худо.

Советница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму[4].

Бригадир. Не за что, матушка.

Советница. Ваш сын, я вижу, страждет от ваших грубостей.

Бригадир. Теперь для вас ему спускаю, однако рано или поздно я из него французской дух вышибу; я вижу, что он и вам уже скучен.

Советница. Вы ошиблись, перестаньте грубить вашему сыну. Ведаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадир. Какими?

Советница. Разве вы глухи? Разве вы бесчувственны были, когда он рассказывал о себе и о Париже?

---

[1] Все равно!
[2] Совсем.
[3] Это выводит меня из себя, я удаляюсь.
[4] Почтительность.

Бригадир. Я бы хотел так быть на этот раз, матушка, я вижу, что вы теперь шутить изволите, рассказы его — пустошь. Он хотя и мой сын, однако таить нечего: где он был? в каких походах? на которой акции? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь приятное, то прикажи мне, я тебе в один миг расскажу, как мы турков наповал положили, я не жалел басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не так опасно, как теперь.

Советница. Как теперь? Что это такое?

Бригадир. Это то, о чем я, матушка, с тобой давно уже поговорить хотел, да проклятой сын мой с безделками своими мешал мне всякой раз, и ежели тебе угодно, то я его завтре же за это без живота сделаю.

Советница. За что, сударь, хотите вы его так изувечить?

Бригадир. За то, что, может быть, без него я давно бы тебе сказал мой секрет и взял бы от тебя ответ?

Советница. Какой секрет? Какой ответ?

Бригадир. Я чинов не люблю, я хочу одного из двух: да или нет.

Советница. Да чего вы хотите? Что вы так переменились?

Бригадир. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мне тревога, когда смотрю я на твои бодрые очи.

Советница. Что это за тревога?

Бригадир. Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи против целой неприятельской армии. Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей. Один перьвой их выстрел прострелил уже навылет мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопают, сдаюся я твоим военнопленным.

Советница. Я, сударь, дискуру [1] твоего вовсе не понимаю и для того, с позволения вашего, я вас оставляю.

Бригадир. Постой, матушка. Я тебе вытолкую все гораздо яснее; представь себе фортецию, которую хочет взять храброй генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я. Я как храброй полководец, а ты моя фортеция, которая как ни крепка, однако все брешу в нее сделать можно.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Советник, Добролюбов.

Советник *(к Добролюбову)*. Так дело твое уже решено?

Добролюбов. Решено, сударь.

Бригадир. О! Чорт их побери! Которой раз принимаюсь, да не дадут кончить!

Советница. Что ж вы, сударь?

Бригадир. Матушка! Это не такое дело, о котором бы я говорил при вашем сожителе. *(Выходя.)* Я с досады тресну.

---

[1] Разговор.

ЯВЛЕНИЕ 6

Советник, Добролюбов, Советница.

Советник. Да ты как рано о деле своем сведал?

Добролюбов. Сейчас.

Советница. Как? Вы ваш процесс выиграли?

Добролюбов. Так, сударыня, состояние мое гораздо поправилось. Я имею 2000 душ.

Советник. Две тысячи душ! О создатель мой, господи! И при твоих достоинствах! Ах! как же ты теперь почтения достоин.

Советница. Да не были ли вы притом и в Париже?

Добролюбов. Нет, сударыня.

Советница. Жаль: это одно все мериты[1] помрачить может.

Советник. Однако, ежели у кого есть 2000 душ, то мне кажется, они все пороки наградить могут. 2000 душ и без помещичьих достоинств всегда 2000 душ, а достоинствы без них — какие к чорту достоинствы; однако, про нас слово, чудно мне, что ты мог так скоро выходить свое дело, и, погнавшись за ним, не растерял и достальное.

Добролюбов. Ваша правда. Корыстолюбие наших лихоимцев перешло все пределы. Кажется, что нет таких запрещений, которые их унять бы могли.

Советник. А я так всегда говорил, что взятки и запрещать невозможно. Как решить дело даром за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человеческой... Как же ты дошел до того, что, наконец, дело твое решено стало?

Добролюбов. Мы счастливы тем, что всякой, кто не находит в учрежденных местах своего права, может идти, наконец, прямо к вышнему правосудию; я принял смелость к оному прибегнуть, и судьи мои принуждены были строгим повелением решить мое дело.

Советник. Хорошо, что твое дело право, так ты и мог идти далее; ну, а ежели бы оно было не таково, как бы ты далее-то с ним пошел?

Добролюбов. Я бы не только не пошел тогда далее, да и не стал бы трудить судебное место.

Советник. Так хорошее ли это дело? А в мое время всякой и с правым и неправым делом шел в приказ и мог, подружась с судьею, получить милостивую резолюцию. В мое время далее не совались. У нас была пословица: до бога высоко, до царя далеко.

Советница *(к Добролюбову)*. Мне кажется, что вам время уже себя этаблировать[2], время жениться.

Добролюбов. Я ни на ком жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

---

[1] Достоинства.

[2] Устроиться.

Советник. Друг мой сердечной, ты был недостаточен, да к тому же и мои обстоятельствы не таковы.

Советница. Я с моей стороны никогда в вашем сватовстве не препятствовала.

Добролюбов. Однако я уже льститься могу...

Советник. Теперь мне ни того, ни другого сказать нельзя. Пойдем-ка лучше да выпьем по чашке чаю. После обеда о делах говорить неловко. Я всегда интересные дела решил по утрам.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Добролюбов, Софья.

Добролюбов. Я великую надежду имею к совершению нашего желания.

Софья. А я не смею еще ласкаться ею. С тобою я могу говорить откровенно. Естьли это правда, что батюшка мой изменяет моей мачехе, то и перемена состояния твоего не может переменить его намерения.

Добролюбов. Однако я видел, с каким чувствием услышал он весть о решении дела моего в пользу мою. Я также мыслей своих от тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отец твой любит богатство, а корыстолюбие делает из человека такие же чудеса, как и любовь.

Софья. Со всем тем корыстолюбие редко любовь побеждает. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтоб судьба твоя с моей соединилась; я, однако, и тем одним уже утешаюсь, что твое состояние поправилось.

Добролюбов. Мое состояние до тех пор несчастно будет, пока не исполнится мое главнейшее желание. Ты знаешь, в чем состоит оно. Тебе известно мое сердце...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Бригадирша.

Добролюбов *(видя, что бригадирша слезы отирает).* О чем вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первой раз на веку плачу. Один господь видит, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу идти замуж.

Софья. Как, сударыня? Можете ли вы говорить это в самое то время, когда хотите вы того, чтоб я женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебе, матушка, для чего за него нейти? Я сказала так про себя.

Д о б р о л ю б о в. Нет, вы про всех теперь сказать изволили.

Б р и г а д и р ш а. И ведомо.

С о ф ь я. Как же это; то про себя, то про всех? Скажите, матушка, что-нибудь одно.

Б р и г а д и р ш а. Ты изволь говорить, а мне что?

Д о б р о л ю б о в. Что же вам угодно?

Б р и г а д и р ш а. Ничего. Я пришла сюда так, поплакать в свою волю.

С о ф ь я. Да о чем же?

Б р и г а д и р ш а *(плача)*. О том, что мне грустно. Теперь Игнатей Андреевич напади на меня ни зашто, ни прошто. Ругал, ругал, а господь ведает за что. Уж я у него стала и свинья, и дура, а вы сами видите, дура ли я?

Д о б р о л ю б о в. Конечно, видим, сударыня.

С о ф ь я. Да за что он так на вас теперь напал?

Б р и г а д и р ш а. Так, слово за слово. Он же такого крутого нраву, что упаси господи; того и смотрю, что резнет меня чем ни попало; рассуди же, моя матушка, вить долго ль до беды: раскроит череп разом. После и спохватится, да нештó сделаешь.

Д о б р о л ю б о в. Поэтому ваша жизнь всякую минуту в опасности?

Б р и г а д и р ш а. До лихого часу долго ли?

С о ф ь я. Неужели он с вами столько варварски поступал, что вы от него уже и терпели на это похожее?

Б р и г а д и р ш а. То нет, моя матушка. Этого еще не бывало, чтоб он убил меня до смерти. Нет, нет еще.

Д о б р о л ю б о в. Об этом, сударыня, вас никто и не спрашивает.

С о ф ь я. Довольно, ежели он имел варварство пользоваться правом сильного.

Б р и г а д и р ш а. То он силен, матушка. Однажды, и то без сердцов, знаешь, в шутку, потолкнул он меня в грудь, так веришь ли, мать моя, господу богу, что я насилу вздохнула: так глазки под лоб и закатились, не взвидела свету божьего.

С о ф ь я. И это было в шутку!

Б р и г а д и р ш а. Насилу отдохнула, а он, мой батюшка, хохочет да тешится.

Д о б р о л ю б о в. Изрядной смех.

Б р и г а д и р ш а. Недель через пять, шесть и я тому смеялась, а тогда, мать моя, чуть-было-чуть богу души не отдала без покаяния.

Д о б р о л ю б о в. Да и как же вы с ним жить можете, когда он в шутку чуть было вас на тот свет не отправил?

Б р и г а д и р ш а. Так и жить. Ведь я, мать моя, не одна замужем. Мое житье-то худо-худо, а все не так, как, бывало, наших офицершей. Я всего нагляделась. У нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванью Гвоздилов; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает

за что-нибудь, а больше хмельной, так, веришь ли богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы, наше сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество.

Бригадирша. Вот, матушка, ты и послушать об этом не хочешь, каково же было терпеть капитанше?

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Сын и Советница.

Советница *(сыну)*. Не угодно ли сыграть партию в карты?

Сын. С великой охотой, avec plaisir!

Советница. Так велеть подать карты. Лакей, стол и карты! *(К Добролюбову.)* Не изволите ли вы здесь партию в кадриль?

Добролюбов. Ежели вам угодно.

Между тем ставят стол и подают карты.

Сын *(разбирает карты и подает каждому по карте для мест)*. *(К советнице.)* Madame! (*К бригадирше.*) Madame!

Бригадирша. Это на что, Иванушка? Да коли играть, так все раздай. Разве, мой батюшка, ныне по одной карточке играют?

Сын. Это для мест.

Бригадирша. И! Мне и так, по милости хозяйской, место будет.

Сын. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мне, батюшка, в одной карточке?

Советница. Играете ли вы в кадриль, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя, я и слухом не слыхала, что это.

Советница *(к Софье)*. Так возьмите вы.

Сын. Mademoiselle! *(Подает, и все садятся, между тем как сын сдает карты.)*

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на вас, как вы забавляетесь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Бригадир и Советник.

Бригадир. Ба! здесь и картеж завели!

Советник. А ты не изволишь ли со мною игорку в шахматы, в большую?

Бригадир. Давай, бери. *(Садятся в другом конце.)*

Между тем как Советник с Бригадиром выступают и один другому говорит: Я так. *А тот ему.* А я так.

Советница. В кёрах волю.

Сын. Passe!

И все пасуют.

Советница. Они и они.

Бригадирша. Что за околесница? Они и они... Кто это они?

Советник *(услышав ее вопрос)*. Ныне, матушка, всех игор и не разберешь, в которые люди тешиться изволят.

Бригадирша. Так, мой батюшка, уж чего ныне не выдумают. Они и они! Куды мудрен народ! *(Заглянув к сыну в карты.)* Ах, Иванушка, как на руках-та у тебя жлудей, жлудей!

Сын. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre [1].

Советница. И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на уме... Рекиз.

Бригадир *(вслушавшись в речь советницы)*. На уме? Было бы на чем!.. Шах!

Советник. Плохо, плохо мне приходит.

Бригадир. Не шути, сватушка.

Сын *(показав карты)*. Санпрандер шесть матедоров.

Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты сказал, мададуры? Вот нынче стали играть и в дуры, а, бывало, так все в дураки игрывали.

Советник. Так, матушка моя, мало ли чего бывало и чего нет, чего не бывало и что есть.

Бригадирша. Так, мой батюшка. Бывала и я в людях; а ныне — что уж и говорить — старость пришла, уж и памяти нет.

Бригадир. А ума не бывало.

Сын *(поет французскую песню; советница пристает к нему)*. *(К советнице)* Madame! мы оба беты [2]. Матушка, пропойте-ка вы нам какую-нибудь эр.

Бригадирша. Что пропеть? И, мой батюшка, голосу нет. Дух занимает... Да что это у вас за игра идет? Я не разберу, хоть ты меня зарежь. Бывало, как мы заведем игру, так или в марьяж, или в дураки, а всего веселей, бывало, в хрюшки. Раздадут по три карточки, у кого пигус, тот и вышел, а кто останется, так дранье такое подымут, что животики надорвешь.

Советник *(смеется с нежностию)*. Ха, ха, ха! Я сам игрывал, бывало, и, помнится мне, при всякой карте разные забавы.

Добролюбов. Медиатор.

Бригадирша. Так, мой батюшка! *(Схватила одни карты и подбежала к советнику.)* Вот, бывало, коли кто виноват, так и скажут: с этой стороны не проси вот этого, а с этой этого, а потом

---

[1] Я брошу их наземь.

[2] Глупыши.

(держа в одной руке карты, одним пальцом шмыгает, между тем советник остановляет игру в шахматы и смотрит на нее с нежностию) тот и выглядывает карточку; а там до этой карты и пойдет за всякую дранье; там розно: краля по щеке, холоп за ухо волок.

Бригадир. Жена, давай-ка со мною в хрюшки! *(Встает.)* Воля твоя, мы этак век не кончим.

Сын. Pardieu! Матушка, куда ты карты девала?

Бригадирша. Здесь, Иванушка.

Сын *(вскоча)*. Il est impossible de jouer [1].

Все встают.

Бригадирша. Да я вам что, мой батюшка, помешала? Вить у вас есть карты, да еще и с тройками.

Бригадир. Слушай, жена! ты куда ни придешь, везде напроказишь.

Бригадирша. Да тебе, мой батюшка, чем я помешала? Ты бы знал выступал своей игрой. Вить я к нему подошла *(указывая на советника)*, а не к тебе.

Бригадир. У кого нет ума, тот, подошедши к одному, всем помешать может.

Бригадирша. Вот так; я же виновата стала.

Сын. Матушка, да разве я виноват? *(Указывая на Добролюбова.)* Où ce monsieur? *(указывая на женщин)* Ou ces dames?

Советник. Полно, зятюшка: тебе бы и грешно было упрекать рождшую.

Советница. А вам стыдно, сударь, не в ваши дела вступаться.

Бригадир. Я, сват, тебя люблю; а с женою моей, пожалуй, ты не мири меня. Разве ты, сват, не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Сын. Так, батюшка, все пословицы справедливы, а особливо французские. Не правда *(к Добролюбову)*, monsieur?

Добролюбов. Я знаю много и русских очень справедливых; не правда ли, сударыня *(к Софье)*?

Софья. Правда.

Сын *(к Софье)*. А какие же?

Софья. Например, сударь: ври дурак, что хочешь, со вранья пошлин не берут.

Бригадир. Так, матушка, ай люблю! Вот тебе пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иван, чтоб я отгадал ее, так дурак-от выйдешь ты.

Сын. Par quelle raison?

Советница. По какому резону?

Бригадир. По такому, матушка, что он врет беспошлинно.

---

[1] Невозможно играть.

Бригадирша. Слава богу, милость божия, что на враньета пошлин нет. Вить куда бы какое всем нам было разорение!

Бригадир. Ништо тебе: ты бы часов в пять-шесть пошла помиру.

Советник. Не гневайся, матушка, на своего супруга, на него северодни худой стих нашел.

Бригадирша. И, мой батюшка, мне ль сердиться, когда он гневается; мое дело убираться теперь дале. *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Бригадир, Советник, Советница, Добролюбов, Софья, Сын.

Бригадир. Дело и сделала.

Советница *(к Софье)*. Поди ж, сударыня, к своей свекрови. Ведь ей не одной сидеть тамо.

Софья. Иду, сударыня. *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Бригадир, Советник, Советница, Добролюбов, Сын.

Советник. Воля твоя, братец. Ты весьма худо поступаешь с своею супругою.

Бригадир. А она весьма худо со мной.

Советница. Чем же, сударь?

Бригадир. Тем, матушка, что не к месту печальна, не к добру весела, зажилась, греха много, не к стате.

Советник. Как не к стате? Что ж ты и заправду, сватушка? Дай бог ей многолетнее здоровье и долгие веки. С умом ли ты? Кому ты желаешь смерти?

Сын. Желать смерти никому не надобно, mon cher père, ниже собаке, не только моей матушке.

Бригадир. Иван, не учи ты меня. Я хотя это и молвил, однако, все больше ей хочу добра, нежели ты нам обоим.

Сын. Я вас не учу, а говорю правду.

Бригадир. Говори ее тогда, когда спрашивают.

Советница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда он вас не спрашивает?

Бригадир. Для того, матушка, что он мой сын; каково же мне будет, когда люди станут говорить, что у этакого-то бригадира, человека заслуженного, есть сын негодница?

Сын. Батюшка! Я негодница? Je vous demande pardon [1]; я такой сын, по которому свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве! Вы, monsieur *(к Добролюбову)*, конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиной воспитание.

---

[1] Я прошу прощенья.

Б р и г а д и р. Так, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что он сделался повесою, и тем хуже, что сделался он повесою французскою. Худы русские, а французские еще гаже.

С о в е т н и к. Э! Господа бога не боишься ты, сватушка; за что ругаешь ты так свою супругу, которая может назваться вместилищем человеческих добродетелей?

Б р и г а д и р. Каких?

С о в е т н и к. Она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица *(вздыхая)*, и верна, яко горлица.

Б р и г а д и р. Разве умна, как корова, прекрасна, как бы и то... как сова.

С о в е т н и к. Как дерзаешь ты применить свою супругу к ночной птице?

Б р и г а д и р. Денную дуру к нощной птице применить, кажется, можно.

С о в е т н и к *(вздыхая)*. Однако она все тебе верна пребывает.

С о в е т н и ц а. В самом деле, много в ней добродетели, естьли она вас любит.

Б р и г а д и р. Да кого же ей любить-то, ежели не меня? Мне дурно самому хвастать, а, право, я, кажется, благодаря бога, заслужил мой чин верой и правдой, то есть она по мне стала бригадиршей, а не я по жене бригадир; это в нынешнем свете приметить надобно; так как же ей другого-та как и полюбить можно? А кабы я не таков был, тогда посмотрел бы ее добродетель; а особливо когда бы поискал в ней кто-нибудь также из нашей братьи первых пяти классов.

С о в е т н и к. Нет, братец, не говори того: супруга твоя воистину не такова. Да не похвалится всяка плоть пред богом; а хотя бы достойной и предостойной человек поискал в ней, право бы, ничего не нашел. Вить это, мой друг, не город, — штурмом не возьмешь.

Б р и г а д и р. Ты говоришь это, а я знаю, каков я.

С ы н. Что ж вы, батюшка? Ха, ха, ха, ха! Неужели вы думаете сердце взять штурмом?

Б р и г а д и р. Иван! Мне кажется, нет ли теперь штурмы в твоей головушке? Не можно ли потише?

С о в е т н и ц а. Вы сами шуметь больше всех любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтоб сын ваш не говорил того, что он думает? Вы ужесь как бизарны! [1] *(К сыну и Добролюбову.)* Messieurs! я хочу оставить их продолжать важные их дискуры и вас прошу сделать то же.

С ы н. Я иду за вами... Adieu, messieurs!

Д о б р о л ю б о в. Я воле вашей повинуюсь.

---

[1] Странны.

ЯВЛЕНИЕ 7

Бригадир и Советник.

Советник. И жена моя уже приметила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадир. Нет, а я приметил, что она слишком горячо вступается за моего сына.

Советник. Я того не примечаю.

Бригадир. Тем хуже.

Советник. А что же?

Бригадир. Ничего, сват, однако я моей жене не советовал бы за чужого детину так при мне вступаться.

Советник. Ты думаешь, братец, что и я спустил бы жене моей, ежели б усмотрел я что-нибудь у нее благое на уме... Слава богу, у меня глаза-то есть; я не из тех мужей, которые смотрят, да не видят.

Бригадир. Я, с моей стороны, спокоен; жена моя другого не полюбит.

Советник. Целомудрие ее известно тому, кто, по несчастию, ослеплен ее прелестьми.

Бригадир. Однако такого дурака нет на свете, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Кого? Нет, братец. Я говорю, что этакого скота не родилось, которой бы вздумал искать в моей жене.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою.

Советник. Будто ты не бранишься? *(С сердцем.)* Почему же тот дурак, которой бы пленился Акулиной Тимофеевной?

Бригадир. Потому что она дура.

Советник. А она так разумна, что все ее слова напечатать можно.

Бригадир. Для чего не напечатать! Я слыхал, сват, что в нонешних печатных книгах врут не умнее жены моей.

Советник. Возможно ли тому статься, чтоб в книгах врали? Да ведаешь ли ты, братец, что печатному-то надлежит верить всем нам православным? Видно вера-то у нас пошатнулась. Еретиков стало больше.

Бригадир. А мне кажется, что много печатного вздору у нас не от того, что больше стало еретиков, а разве от того, что больше стало дураков. Вить я, говоря о жене моей, не говорю того, чтоб она была всех глупее.

Советник. А я говорю о твоей супруге и всегда скажу, что нет ее разумнее.

Бригадир. Хотя бы мне с досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Советник. Всякому, братец, в чужой руке ломоть больше кажется. Я в твоей жене много вижу, чего ты не видишь.

Бригадир. Положим, что это правда; однако и то не ложь, что и в супруге твоей также много теперь вижу, чего ты не видишь.

Советник. А что бы такое?

Бригадир. То, что ты, может быть, увидишь, да поздно.

Советник. Я знаю, братец, к чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моею женою; однако для счастия мужей, дай, господи боже, чтобы все жены таковы целомудренны были, как моя.

Бригадир. Женщины обыкновенно бывают целомудренны с людьми заслуженными, а с повесами редко.

Советник. Мудрено, братец Игнатей Андреевич, меня обмануть.

Бригадир. А всего мудренее, ежели я в этом обманываюсь.

Советник. Мы оба, кажется, не таковы, чтоб наши жены могли от нас полюбить чужого мужика. Я с первою женою жил лет с пятнадцать и могу, благодаря бога, сказать, что она так же жила, как и эта. Я в женах не бесчастен.

Бригадир. Разумею.

Советник. Жена какая бы ни была, да только ежели у доброго мужа, то ей и на ум не вспадет полюбить другого.

Бригадир. Не говори, братец. Со мною служил в одном полку секунд-майором — до имени нужды нет — мужик не дурак и на взгляд детина добр. Ростом чуть не вдвое меня выше...

Советник. Этому статься нельзя, братец...

Бригадир. Однако я не лгу. В мое время, когда я еще был помоложе, народ был гораздо крупнее.

Советник. Только все не так крупен, как ты сказываешь. Правда, что и в нашей коллегии был канцелярист один, чуть не впятеро меня толще...

Бригадир. Этому статься нельзя, братец...

Советник. Конечно, так. Когда я был в коллегии, тогда, от президента до сторожа, все были люди дородные.

Бригадир. Ты, братец, перебил только речь мою. Да о чем бишь я тебе хотел сказывать?

Советник. Право, не знаю.

Бригадир. И я не ведаю... о чем бишь... да, о секунд-майоре. Он был мужик предорогой; целой полк знали, что жена его любила нашего полковника, подполковника, премиер-майора, или, лучше сказать, все ведали, что из наших штаб и обер-офицеров не любила она одного его; а он, собачей сын, и мыслить не хотел, чтоб она кроме его кого-нибудь полюбить могла.

Советник. Что ж мы так долго одни заговорились?

Бригадир. О деле я говорить нескучлив; однако пойдем туда, где все. *(Выходя.)* Впрямь, ежели не переставая сказывать о том, как люди ошибаются, то мы не сойдем с места и до скончания нашей жизни.

Советник. Пойдем же, пойдем.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Бригадирша и Сын.

Бригадирша. Не упрямься, Иванушка. Для чего тебе не жениться?

Сын. Матушка! довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную аверсию [1] к женитьбе.

Бригадирша. А что ж бы такое, мой друг? разве мы спустя рукава живем? То правда, что деньжонок у нас немного: однако ж они не переводятся.

Сын. Мало иль ничего, c'est la même chose [2], для меня все равно.

Бригадирша. Как все равно, батюшка! Случится иногда и в десяти копейках нужда, так и тех из земли не выроешь. Уж куда, право, ноне вы прихотливы стали! У вас вот и десять копеек за помет, а того и не помнишь, что гривною в день можно быть сыту.

Сын. Матушка! Я хочу быть лучше голоден, нежели сыт за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! Не покорми-ка тебя севодни, не покорми-тко завтре, так ты, небось, и нашим сухарям рад будешь.

Сын. В случае голода, осмеливаюсь думать, что и природной француз унизил бы себя кушать наши сухари... Матушка, когда вы говорите о чем-нибудь русском, тогда желал бы я от вас быть на сто миль французских, а особливо когда дело идет до моей женитьбы.

Бригадирша. Как же, Иванушка? Вить мы уж на слове положили.

Сын. Да я нет.

Бригадирша. Да что нам до этого? Наше дело сыскать тебе невесту, а твое дело жениться. Ты уж не в свое дело и не вступайся.

Сын. Как! ma mère, я женюсь, и мне нужды нет до выбору невесты?

---

[1] Отвращение.

[2] Это одно и то же.

Бригадирша. И ведомо. А как отец твой женился? А как я за него вышла? Мы друг о друге и слухом не слыхали. Я с ним до свадьбы отроду слова не говорила, и начала уже мало-помалу кое-как заговаривать с ним недели две спустя после свадьбы.

Сын. Зато после слишком вы друг с другом говорили.

Бригадирша. Дай-то, господи, чтоб и тебе так же удалось жить, как нам.

Сын. Dieu m'en préserve! [1]

Бригадирша. Буди с вами милость божия и мое благословение.

Сын. Très obligé! [2].

Бригадирша. Или я глуха стала, или ты нем.

Сын. Ni l'un, ni l'autre [3].

Бригадирша. Чтой-то мне с тобою будет, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сын. Виноват. Я забыл, что мне надобно говорить с вами по-русски.

Бригадирша. Иванушка, друг мой, или ты выучи меня по-французски, или сам разучись. Я вижу, что мне никак нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить. *(Отходит).*

Сын. Как изволишь.

ЯВЛЕНИЕ 2

Сын и Советница.

Советница. Знаешь ли что, душа моя? Мне кажется, будто твой отец очень ревнует, нам как возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сын. Madame, возможно ли скрыть пожар? и такой сильный, car je brûle moi [4].

Советница. Я боюсь того, чтоб, сведав о нашем пламени, твой отец и дурак муж мой не пришли его тушить.

Сын. Так, vous avez raison [5]: это такие люди, которые не в свои дела вступаться любят.

Советница. А особливо муж мой. Ему ничего нет приятнее, как быть замешану mal à propos [6] в такое дело, которое до него не принадлежит, и чем меньше ему нужды до нашего пламени, тем больше он в том интересоваться будет.

Сын. Vous avez raison. И какая бы ему тут была нужда?

Советница. Вот какая: он говорит, жизнь моя, что будто муж и жена составляют одного человека.

Сын. Тем лучше: par consequent [7], ежели тебе приятно любить меня, так и ему то должно быть приятно, что ты меня любишь.

---

[1] Боже меня сохрани!
[2] Премного обязан!
[3] Ни то, ни другое.
[4] Ведь я пылаю.
[5] Вы правы.
[6] Некстати.
[7] Следовательно.

Советница. Конечно, он сам себе контрадирует[1].

Сын. Madame, ты не была в Париже, а знаешь все французские слова. *(Садятся оба.)* Avouez[2] *(с веселым видом)*, не имела ли ты коннесансу[3] с каким французом?

Советница *(застыдясь)*. Нет, душа моя. Мне нельзя было ни с кем, живучи в Москве, познакомиться.

Сын. Et pourquoi? Там разве мало французов?

Советница. Я никого не знала *(с презрением)*, кроме учителей.

Сын. Да знаешь ли ты, каковы наши французские учители? Даром, что большая из них половина грамоте не знают, однако для воспитания они предорогие люди: ведаешь ли ты, что я, — я, которого ты видишь, — я до отъезду моего в Париж был здесь на пансионе у французского кучера.

Советница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon[4]. С сего часа буду я в сердце моем сохранять истинное почтение к французским кучерам.

Сын. Я советую. Я одному из них должен за любовь мою к французам и за холодность мою к русским. Молодой человек подобен воску. Ежели б malheureusement[5] и я попался к русскому, которой бы любил свою нацию, я, может быть, и не был бы таков.

Советница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты попался к французскому кучеру.

Сын. Однако оставим кучера и поговорим об отце моем и о твоем муже.

Советница. Возможно ли, душа моя, с такой высокой материи перейти вдруг на такую низкую?

Сын. Для разумных людей нет невозможного.

Советница. Говори же.

Сын. Нам надобно взять свои меры; prendre nos mesures[6].

Входят с одного конца Бригадир, с другого Советник, а они, не видя их, продолжают.

Советница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сын. На все! *(Кидается на колени.)* Idole de mon âme![7]

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Бригадир и Советник.

Бригадир. Ба! Это что? На яву или во сне?

Советник. С нами бог! Уж не обморочен ли я?

Сын *(вскоча и оторопев)*. Serviteur très humble[8].

---

[1] Противоречит.
[2] Признайтесь.
[3] Знакомство.
[4] Прошу прощенья.
[5] По несчастью.
[6] Принять меры.
[7] Кумир души моей!
[8] Ваш покорнейший слуга.

Бригадир. Теперь я с тобой, Иван, по-русски поговорить хочу.

Советница *(к советнику)*. Ты, мой батюшка, вне себя. Что тебе сделалось?

Советник *(с яростью)*. Что мне сделалось, проклятая! А разве не ты, говоря с этой повесою, на все соглашалась?

Сын. Да вы за что меня браните! Пусть изволит меня бранить батюшка.

Бригадир. Нет, друг мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Советница. Как! вы его за то бить хотите, что он из политесу [1] стал передо мною на колени?

Бригадир. Так, моя матушка. Видел я, видел. Поздравляю тебя, братец, переменив зятя на свояка.

Советник. О создатель мой, господи! Приходило ль на мое помышление видеть такое богомерзкое дело!

Бригадир. Я, братец, тебе, помнишь, говорил: береги жену, не давай ей воли, — вот что и вышло. Мы с тобою породнились, да не с той стороны. Ты обижен, дочь твоя тоже *(в сторону)*, да и я не меньше.

Сын *(к советнику)*. Не все ли равно, monsieur: вы хотите иметь меня своим свойственником — я охотно...

Советник. О злодейка! ты лишила меня чести — моего последнего сокровища.

Бригадир *(осердясь)*. Ежели у тебя, сват, только сокровища и оставалось, то не слишком же ты богат: не за чем и гнаться.

Советник. Рассуди ж ты сам, разумной человек, и это малое сокровище вверил я вот в какие руки *(указывая на жену свою)*.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Бригадирша, Софья, Добролюбов.

Бригадирша. Сокровище! Что за сокровище? Никак вы клад нашли! Дай-та, господи.

Бригадир. Клад не клад, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадир *(указывая на советника)*. Вот он в прибылях.

Советник *(к бригадирше)*. Проклятая жена моя, не убояся бога, не устыдясь добрых людей, полюбила сына твоего, а моего нареченного зятя!

Бригадирша. Ха, ха, ха! Какая околесница, мой батюшка. У Иванушки есть невеста, так как ему полюбить ее! Это не водится.

Сын. Конечно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую безделицу, pour une bagatelle [2], честным людям сердиться невозможно. Между людьми, знающими свет, этому смеются.

---

[1] Вежливость.
[2] За пустяк.

Б р и г а д и р. Кабы кто-нибудь за моей старухой имел дурачество поволочиться, я бы не стал от него ждать дальных разговоров: отсочил бы я ему бока, где ни встретился.

С о в е т н и к. Нет, государь мой; я знаю, что с сыном вашим делать. Он меня обесчестил; а сколько мне бесчестья положено по указам, об этом я ведаю.

Б р и г а д и р ш а. Как! Нам платить бесчестье! Напомни бога, за что?

С о в е т н и к. За то, моя матушка, что мне всего дороже честь... Я все денежки, определенные мне по чину, возьму с него и не уступлю ни полушки.

Б р и г а д и р. Слушай, брат: коли впрямь пойдет дело до платежа, то сыну моему должно будет платить одну половину, а другую пусть заплатит тебе жена твоя. Вить они обесчестили тебя заодно.

Б р и г а д и р ш а. И ведомо, грех пополам.

С о в е т н и ц а *(к мужу)*. Разве вы не хотите иметь его своим зятем?

С о в е т н и к. Загради уста свои, проклятая!

С о ф ь я. Батюшка! после такого поступка, которой сделал мой жених, позвольте мне уверить вас, что я в жизнь мою за него не выйду.

С о в е т н и к. Я на это согласен.

Д о б р о л ю б о в *(Софье)*. Надежда мне льстит от часу более.

Б р и г а д и р. И я не хочу того, чтоб сын мой имел такую целомудренную тещу; а с тобой, Иван, я разделаюсь вот чем *(указывает палкою)*.

С о в е т н и к. Так, государь мой, ты палкой, а я монетою.

С ы н. Батюшка, вы не слушайте его: он недостоин иметь ее женою.

С о в е т н и ц а. Изменник! варвар! тиран!

С о в е т н и к *(оторопев)*. Что, что такое?

С ы н *(к советнику)*. Разве не я видел, как вы становились на колени перед матушкою?

Б р и г а д и р. Кто на колени? Ба! Перед кем?

С ы н. Он перед моей матушкой.

Б р и г а д и р. Слышишь ли, друг мой? А! Что это?

С о в е т н и к. Не смею воззрети на небо.

Б р и г а д и р *(к бригадирше)*. Он за тобою волочился, а ты мне этого, дурища, и не сказала!

Б р и г а д и р ш а. Батюшка мой, Игнатей Андреевич, как перед богом сказать, я сама об этом не ведала, мне после сказали добрые люди.

Б р и г а д и р. Брат, с Иваном-то я разделаюсь, а тебе, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходит, только не в бесчестье, да в увечье.

С о в е т н и к *(иструсясь)*. Ваше высокородие! И господь кающегося приемлет. Прости меня, согрешил пред тобою.

Сын. Mon père! Из благопристойности...

Бригадир. Не учи ты меня, Иван, не забудь того, что я тебя бить сбираюсь.

Советница. Что ж ты и вправду затеял? *(Приступая к нему.)* Разве не ты объявлял мне здесь на этом месте любовь свою?

Советник. Как? Что такое, государь мой...

Бригадир *(тише)*. Чего изволишь?

Советник. О ком она сказывает?

Бригадир. Обо мне.

Советник. Так ты, государь мой, приехал в дом мой за тем разве, чтоб искушать жену мою?

Бригадир. Коли так, то я и назад поеду.

Советник. Не мешкав ни часа.

Бригадир. Ни минуты. Видно, что я к честным и заслуженным людям в руки попался. Иван, вели скорей подать коляску. Жена! Сей минуты выедем вон из такого дому, где я, и честной человек, чуть было не сделался бездельником.

Бригадирша. Батюшка мой, дай мне хоть прибрать коечто.

Бригадир. В чем стоишь, в том со двора долой!

Советник. А что останется, то мое.

Сын *(к советнице кинувшись)*. Прости, la moitié de mon âme! [1]

Советница *(кинувшись к сыну)*. Adieu, полдуши моей!

Бригадир и Советник кидаются разнимать их.

Бригадир. Куды, собака!

Советник. Куды, проклятая! О господи!

Бригадир *(передражнивая его)*. О господи! Нет, брат, я вижу по этому, что у кого чаще всех господь на языке, у того чорт на сердце... Вон все мои!

Советник *(вслед за бригадиршей, всплеснув руками)*. Прости, Акулина Тимофеевна!

ЯВЛЕНИЕ 5

Советник, Советница, Софья, Добролюбов.

Советник. О господи! Наказуешь нас по делам нашим. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбов. Естьли ваша воля согласится с желанием нашим, то я, став женихом ее, почту себя за преблагополучного человека.

Советник. Как? Ты, получив уже две тысячи душ, не переменяешь своего намерения?

Добролюбов. Меня ничто на свете не привлечет переменить его.

Советник. И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

[1] Половина души моей!

Софья. Естьли ваше и матушкино желание не препятствуют тому, то я с радостию хочу быть его женою.

Советница. Я вашему счастью никогда не препятствовала.

Советник. Ежели так, то будьте вы жених и невеста.

Добролюбов *(к Софье)*. Желание наше совершается; сколь много я благополучен!

Софья. Я одним тобою могу на свете быть счастлива.

Советник. Будьте вы благополучны, а я, за все мои грехи, довольно господом наказан: вот моя геенна.

Советница. Я желаю вам счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вот мой тартар.

Советник *(к партеру)*. Говорят, что с совестью жить худо: а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже.

Конец комедии.

1766—1769

ЛИСИЦА-КАЗНОДЕЙ [1]

Басня

В Ливийской стороне правдивой слух промчался,
Что Лев, звериной царь, в большом лесу скончался,
Стекалися туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-казнодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт
Пучину благости, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала,
И правда на суде бесстрашно председала;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель...»
«О лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот —
Я Льва коротко знал: он был пресущий скот,
И зол... и бестолков, и силой вышней власти

[1] Казнодей — проповедник.

Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И, словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И пифик слабоум, списатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех лисиц,
Которой, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию, прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целой рост и двадцать поясных,
Да сверьх того еще, по новому манеру,
Альфреско [1] расписал монаршую пещеру,
За то, что в жизнь свою трудился, сколько мог,
С тоски и голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда ж и то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастию бредет презренными путьми:
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезной дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам, скажи, Шумилов, мне?
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою,

[1] Альфреско *(итал.)* — стенная живопись водяными красками по сырой штукатурке.

«Не знаю, — говоришь, — не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем, и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами;
Что должен я смотреть за всей твоей казной
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».
К тебе я обращу теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница [1],
И стало, наконец, угодно небесам,
Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
На светску суету вседневно ты взираешь.
И, стоя назади, Петрополь [2] обтекаешь;
Готовься на вопрос премудрой дать ответ,
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?
Как тучки ясной день внезапно помрачают,
Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
Сомнение его тревожить началó;
Наморщилась его и харя, и чело.
Вещает с гневом мне: «На все твои затеи
Не могут отвечать и сами грамотеи.
И мне ль о том судить, когда мои глаза
Не могут различить от ижицы аза?
С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда каждой час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают.
Но естьли на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет:
Москва и Петербург довольно мне знакомы;
Я знаю в них почти все улицы и домы.
Шатаясь по свету и вдоль и поперег,
Что мог увидеть я, того не простерег.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасной с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.

[1] Ваньке поручено было смотренье над каретой и лошадьми. *(Прим. Фонвизина.)*

[2] Сие послание писано в Петербурге. *(Прим. Фонвизина.)*

Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверьх того еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги дворецкого, дворецкие господ,
Друг друга господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякой, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают,
За деньги чистые прощают всякой грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но естьли говорить на свете правду можно,
То мнение мое, скажу я вам, не ложно:
За деньги са́мого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!
Что дурен здешней свет, то всякой понимает.
Да для чего он есть, того никто не знает.
Довольно я молол, пора и помолчать:
Петрушка, может быть, вам станет отвечать».
«Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка. —
Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!
На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
Жить весело и здесь, лишь ближними играй,
Играй, хоть от игры и плакать ближней будет;
Щечи[1] его казну, — твоя казна прибудет,
А чтоб приятнее еще казался свет,
Бери, лови, хватай все, что ни попадет.
Всяк должен своему последовать рассудку:
Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку;
Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,

[1] Щечи — бери.

*

Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами.
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет; а для чего он так,
Не ведает того ни умной, ни дурак.
Однако ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите нам ее...» Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону;
И трое все они, возвыся громкой глас,
Вещали: «Не скрывай ты таинства от нас:
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, ответ:
И сам не знаю я, на что сей создан свет!

1762—1763

ВОПРОСЫ ФОНВИЗИНА И ОТВЕТЫ СОЧИНИТЕЛЯ «БЫЛЕЙ и НЕБЫЛИЦ» (ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II)[1]

Вопросы.	Ответы.
1. Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сумнения?	На 1. У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно.
2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?	На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.

[1] Помещены в «Собеседнике Любителей Российского Слова» при следующем письме к издателям: «Собеседник Любителей Российского Слова, под надзиранием почтенныя наук покровительницы, есть и должен быть хранилищем тех произведений разума, кои приносить могут столько увеселения, сколько и действительной пользы. Издатели оного не боятся отверзать двери истине; почему и беру вольность представить им для напечатания несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание. Буде оные напечатаются, то продолжение последует впредь и немедленно. Публика заключит тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвечать чистосердечно. Ответы и решения наполнять будут Собеседника и составлять неиссыхаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, толь возлюбленную монархине нашей».

3. Отчего все в долгах?

На 3. Оттого в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют.

4. Естьли дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?

На 4. Одни, быв богатее других, имеют случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получают отличие.

5. Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжеб своих и решений правительства?

На 5. Для того, что вольных типографий до 1782 года не было.

6. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелися общества между благородными?

На 6. От размножившихся клобов.

7. Отчего главное старание большой части дворян состоит не в том, чтоб поскорей сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их, не служа, гвардии унтер-офицерами?

На 7. Одно легче другого.

8. Отчего в наших беседах слушать нечего?

На 8. Оттого, что говорят небылицу.

9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?

На 9. Оттого, что на суде не изобличены.

10. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

На 10. Оттого, что сие не есть дело всякого.

11. Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?

На 11. Оттого, что всякий любит и почитает лишь себе подобного, а не общественные и особенные добродетели.

12. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

На 12. Сие неясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего.

13. Чем можно возвысить упадшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титло дворянина было несомненным дока-

На 13. Сравнение прежних времен с нынешним покажет несумненно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказывает.

зательством душевного благородства?

14. Имея монархиню честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом: удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и коварством?

На 14. Для того, что везде, во всякой земле и во всякое время, род человеческий совершенным не родится.

14. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют и весьма большие?

На 14. Предки наши не все грамоте умели. N. B. Сей вопрос родился от *свободоязычия*, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то начли бы на нынешнего одного десять прежде бывших.

15. Отчего многие приезжие из чужих краев, почитавшиеся тамо умными людьми, у нас почитаются дураками; и наоборот: отчего здешние умницы в чужих краях часто дураки?

На 15. Оттого, что вкусы разные, и что всякой народ имеет свой смысл.

16. Гордость большей части бояр где обитает: в душе или в голове?

На 16. Тамо же, где нерешимость.

17. Отчего в Европе весьма ограниченный человек в состоянии написать письмо вразумительное, и отчего у нас часто преострые люди пишут так бестолково?

На 17. Оттого, что тамо, учась слогу, одинако пишут, у нас же всяк мысли свои, не учась, на бумагу кладет.

18. Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостию, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?

На 18. По той же причине, по которой человек стареется.

19. Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; вторый, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

На 19. Временем и знанием.

20. В чем состоит наш национальный характер?

На 20. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных.

1783

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора: она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: *вскоре после всеобщего потопа.*

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Вопр. Что есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр. Что значит хитро льстить?

Отв. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр. На сколько родов разделяются подлые души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какие подлые души первого рода?

Отв. Те, кои сделали несчастную привычку, без малейшей нужды, в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр. Какие подлые души второго рода?

Отв. Те, кои, с благоговением предстоя большому барину, смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр. Какие суть подлые души третьего рода?

Отв. Те, которые пред лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отпереться.

Вопр. А какие подлые души рода четвертого?

Отв. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какие суть подлые души пятого рода?

Отв. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр. Какие же суть подлые души рода шестого?

Отв. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне дворца кажутся *Катонами*; вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их

отзывам кажется, что они одни своею твердостью стерегут целость отечества и несчастных избавляют от погибели; но, переступя чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестию; коего ругал за полчаса, пред тем — безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных, для малейшей своей выгоды, рад погубить невинного.

Вопр. Какое разделение слов у двора примечается?

Отв. Обыкновенные слова бывают: *односложные*, *двусложные*, *троесложные и многосложные*. Односложные: *так*, *князь*, *раб*; двусложные: *силен*, *случай*, *упал*; троесложные: *милостив*, *жаловать*, *угождать*, и наконец многосложные: *Высокопревосходительство*.

Вопр. Какие люди обыкновенно составляют двор?

Отв. Гласные и безгласные.

Глава вторая

О ГЛАСНЫХ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Вопр. Что разумеешь ты чрез гласных?

Отв. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь, скажет: о! — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: а! — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Вопр. Сколько у двора бывает гласных?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные или полубояре.

Вопр. Что есть полубоярин?

Отв. Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные; или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но пред безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Отв. Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть, сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Вопр. Что при словах примечать должно?

Отв. Род, число и падеж.

Вопр. Что есть придворный род?

О т в. Есть различие между душою мужскою и женскою. Сие различие от пола не зависит; ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

В о п р. Что есть число?

О т в. Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда, сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

В о п р. Что есть придворный падеж?

О т в. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*.

В о п р. Сколько у двора глаголов?

О т в. Три: *действительный*, *страдательный*, а чаще всего *отложительный*.

В о п р. Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

О т в. Повелительное и неопределенное.

В о п р. У людей заслуженных, но беспомощных, какое время употребляется по большей части в разговорах с большими господами?

О т в. Прошедшее, например: *я изранен*, *я служил* и тому подобное.

В о п р. В каком времени бывает их ответ?

О т в. В будущем, например: *посмотрю*, *доложу* и так далее.

Глава третья

О ГЛАГОЛАХ

В о п р. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

О т в. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным*. (Для примера прилагается здесь спряжение *настоящего времени*, чаще всех употребительнейшего.)

Настоящее:

Я должен.	Мы должны.
Ты должен.	Вы должны.
Он должен.	Они должны.

В о п р. Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

О т в. Весьма редко: ибо никто долгов своих не платит.

В о п р. А в будущем?

О т в. В будущем спряжение сего глагола употребительно; ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу *будет*, если еще не есть.

Около 1783

РАССУЖДЕНИЕ О ИСТРЕБИВШЕЙСЯ В РОССИИ СОВСЕМ ВСЯКОЙ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ И ОТ ТОГО О ЗЫБЛЕМОМ СОСТОЯНИИ КАК ИМПЕРИИ, ТАК И САМИХ ГОСУДАРЕЙ

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвященный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. И действительно, все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем: но, вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были б превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деянии, кто может подумать, чтоб сею подчиненностию беспредельная власть его ограничивалась? Нет. Она есть одного свойства со властию существа вышнего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть богом, сам преступить не может. Государь, подобие бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные па благе общем, и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

Без сих правил, или точнее объясниться, без непременных государственных законов не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той подпоры, на которой бы их общая сила утвердилась. Все в намерениях полезнейшие установления никакого основания иметь не будут. Кто оградит их прочность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования установляемо было? Кто поручится, чтоб сам законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими пред ним истину, не разорил того сегодня, что созидал вчера? Где же произвол одного есть закон

верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества: есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения; ибо не прав государя приноравливается к законам, но законы к его нраву. Какая же доверенность, какое почтение может быть к законам, не имеющим своего естественного свойства, то есть соображения с общею пользой? Кто может дела свои располагать тамо, где без всякой справедливой причины завтре вменится в преступление то, что сегодня не запрещается? Тут каждый, подвержен будучи прихотям и неправосудию сильнейших, не считает себя в обязательстве наблюдать того с другими, чего другие с ним не наблюдают.

Тут, с одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительные дерзкое невежество требует доказательств и без указа им не повинуется, когда, с другой стороны, безумное веление сильного с рабским подобострастием непрекословно исполняется. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет; ибо править долженствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпят. Тут подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному *любимцу*. Я назвал его недостойным потому, что название *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему Отечеству истинные заслуги, а принадлежит обыкновенно человеку, достигшему высоких степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престает всякое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцовым. От произвола сего последнего все зависит. Собственность и безопасность каждого колеблется. Души унывают, сердца развращаются, образ мыслей становится низок и презрителен. Пороки любимца не только входят в обычай, но бывают почти единым средством к возвышению. Если любит он пьянство, то сей гнусный порок всех вельможей заражает. Если дух его объят буйством и дурное воспитание приучило его к подлому образу поведения, то во время его знати поведение благородное бывает уже довольно заградить путь к счастью; но если провидение в лютейшем своем гневе к человеческому роду пропускает душою государя овладеть чудовищу, которое все свое любочестие полагает в том, чтоб Государство неминуемо было жертвою насильств и игралищем прихотей его; если все уродливые движения души влекут его первенствовать только богатством, титлами и силою вредить; если взор его, осанка, речь ничего другого не знаменуют, как: «боготворите меня, я могу вас погубить»; если беспредельная его власть над душою государя препровождается в его душе бесчисленными пороками; если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбец, бесстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщею, все сии пороки разливаются и заражают двор, город и наконец — Государство.

Вся молодость становится надменна и принимает тон буйственного презрения ко всему тому, что должно быть почтенно. Все узы благочиния расторгаются к крайнему соблазну, ни век, изнуренный в служении отечества, ни сан, приобретенный истинною службой, не ограждает почтенного человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших и одним случаем поднимаемых негодниц. Коварство и ухищрение приемлется главным правилом поведения. Никто нейдет стезею себе свойственною. Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать. В сие благоспешное недостойным людям время, какого воздания могут ожидать истинные заслуги, или паче есть ли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место государственное не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? Посвятя жизнь свою военной службе, лестно ли дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал, неизвестно кто и не ведомо за что становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером? — Лестно ль быть судьею, когда правосудным быть не позволяется? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может — грабит; кто не может — крадет, и когда государь без непреложных Государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные Государству откупы, тогда не знает он того, что в Государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откупу, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права взять чужое, тогда всякой спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим. И что может остановить стремление порока, когда идол самого государя пред очами целого света, в самых царских чертогах водрузил знамя беззакония и нечестия; когда, пасыщая бесстыдно свое сластолюбие, ругается он явно священными узами родства, правилами чести, долгом человечества и пред лицем законодателя божеские и человеческие законы попирать дерзает? Не вхожу я в подробности гибельного состояния дел, исторгнутых им под особенное его начальство; но вообще видим, что если, с одной стороны, заразивший его дух любоначалия кружит все головы, то с другой, дух праздности, поселивший в него весь ад скуки и нетерпения, распространяется далеко, и привычка к лености укореняется тем сильнее, что рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством, смеха достойным.

После всего мною сказанного и живым примером утверждаемого не ясно ли видим, что не тот государь самовластнейший, который на недостатке Государственных законов чает утвердить

свое самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди? Подобен будучи прозрачному телу, чрез которое насквозь видны действующие им пружины, тщетно пишет он новые законы, возвещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления: новые законы его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство уничтожено, и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское. Нация тем не менее страждет, что не сам государь принялся ее терзать, а отдал на расхищение извергам себе возлюбленным. Таковое положение долго и устоять не может. При крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть Государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадает и сам собою разрушается. Деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять не возвращается.

Для отвращения таковыя гибели государь должен знать во всей точности все права своего величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении, и второе, чтобы самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властию, а именно, властию здравого рассудка. До первого достигает государь правотою, до второго кротостию.

Правота и кротость суть лучи божественного света, возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от бога и что достойна она благоговейного их повиновения: следственно всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от бога, но от людей, коих несчастии времян попустили, уступая силе, унизить человеческое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обстоятельствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные; ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какою властию она его облекает. Возможно ль же, чтобы нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государя делать неправосудие безотчетно.

Не стократно ли для нее лучше не иметь никаких законов, нежели иметь такой, который дает право государю делать всякие насильства? А потому и должен он быть всегда наполнен сею великою истиною, что он установлен для Государства и что собственное его благо от счастия его подданных долженствует быть неразлучно.

Рассматривая отношения государя к подданным, первый вопрос представляется разуму, что же есть государь? Душа правимого им общества. Слаба душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, или вовсе вверяется, или ни в чем не доверяет. Положась на них, беспечно принимает кучу за гору, планету за точку: но буде презирает она их служение, буде возмечтает о себе столько, что захочет сама зажмурясь видеть и, заткнув уши, слышать, какой правильной разрешимости тогда ожидать от нее можно и в какие напасти она сама себя не завлекает!

Государь, душа политического тела равной судьбине подвергается. Отверзает ли он слух свой на всякое внушение, отвращает ли оный от всяких представлений, уже истина его не просвещает; но если он сам и не признает верховной ее власти над собою, тогда все отношения его к Государству в источниках своих развращаются: пойдут различии между его благом и Государственным, тотчас поселяется к нему ненависть, скоро сам он начинает бояться тех, которые его боятся, словом: вся власть его становится беззаконная, ибо не может быть законна власть, которая ставит себя выше всех законов естественного правосудия.

Просвещенный ум в государе представляет ему сие заключение без сомнения во всей ясности, но просвещенный государь есть тем не больше человек. Он как человек родится, как человек умирает и в течение своей жизни как человек погрешает: а потому и должно рассмотреть, какое есть свойство человеческого просвещения. Между первобытным его состоянием в естественной его дикости и между истинного просвещения расстояние толь велико, как от неизмеримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхождения на гору потребно человеку пространство целой жизни; но взошед на нее, если позволит он себе шагнуть через черту, разделяющую гору от пропасти, уже ничто не останавливает его падения, и он погружается опять в первобытное свое невежество. На самом пороге сея страшныя пропасти стоит просвещенный государь. Стражи, не допускающие его падения, суть правота и кротость. В тот час, как он из рук их себя исторгает, погибель его совершается, меркнет свет душевных очей его, и, летя стремглав в бездну, вопиет он вне ума: «все мое, я все, все ничто».

Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется никогда в истинном своем величестве; ибо свойство

правоты таково, что самое ее никакие предубеждении, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий — все на одной чреде стоят; добрый государь добр для всех, и все уважении его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе его не жалобным лицом обманывающего его корыстолюбца, но истинною бедностию несчастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможе, должен он весь свой народ иметь пред глазами. Он должен знать, что Государственным награждается одна заслуга Государству, что не повинно оно платить за угождения его собственным страстям, и что всякий налог, взыскуемый не ради пользы Государства, есть грабеж в существе своем и форме. Он должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что следственно их преступлении, им терпимые, становятся его преступлениями. Тщетно государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред Отечеством невинен и что тем весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность его есть платеж долгу, коим он сам себе должен: но Государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которого он не сделал. Всякое попущение — его вина, всякая жестокость — его вина, ибо он должен знать, что послабление пороку есть одобрение злодеяниям и что, с другой стороны, наистрожайшее правосудие над слабостьми людскими есть наивеличайшая человечеству обида. К несчастию подданных, приходит иногда на государя такая полоса, что он ни о чем больше не думает, как о том, что он государь; иногда ни о чем больше, как о том, что он человек. В первом случае обыкновенно походит он в делах своих на худого человека, во втором бывает неминуемо худым государем. Чтобы избегнуть сих обеих крайностей, государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ничто за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает общую безопасность, предается всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит самого себя, наказывается его презрением. Кто не рачит о должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям.

Правота делает государя почтенным, но кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым. Она напоминает ему непрестанно, что он человек и правит людьми. Она не допускает поселиться в его голову несчастной и нелепой мысли, будто бог создал миллионы людей для ста человек. Между кротким и горделивым государем та ощутительная разница, что один заста-

вляет себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждает себя боготворить, тот внутри души своей видно чувствует, что он человек. Напротив того, кроткий государь не возвышается никогда унижением человечества. Сердце его чисто, душа права, ум ясен. Все сии совершенства представляют ему живо все его должности. Они твердят ему всечасно, что государь есть первый служитель Государства; что преимущества его распространены нациею только для того, чтоб он в состоянии был делать больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет; что для его же собственного блага должен он уклоняться от власти делать зло, и что следственно желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властию. Невозможность делать зло может ли быть досадна государю? А если может, так разве для того, что дурному человеку всегда досадно не смочь делать дурно. Право деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присвояет. И кто не видит, что изречение *право·сильного* выдумано в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда бо́льшая сила сгоняет ее с места. Войдем еще подробнее в существо сего мнимого права. Потому, что я не в силах кому-нибудь сопротивляться, следует ли из того, чтоб я морально обязан был признавать его волю правилом моего поведения? Истинное право есть то, которое за благо признано рассудком и которое следственно производит некое внутреннее чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. В противном случае повиновение не будет уже обязательство, а принуждение. Где же нет обязательства, там нет и права. Сам бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить нас может, которое захотело бы сделать нас несчастными или, по крайней мере, не захотело бы никак пещись о нашем благе, когда чувствовали бы мы в душе обязанность повиноваться сей вышней воле, клонящейся к нашему бедствию или нас пренебрегающей? Мы уступили бы по нужде ее всемогуществу, и между богом и нами было бы не что иное, как одно физическое отношение. Все право на наше благоговейное повиновение имеет бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам сообразжаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ли существу рассудком одаренному? Нет, оно не достойно ни разумного повелителя, ни разумных испол-

нителей. Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действования. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железа, топоры. Совсем излишне входить в толки о разностях форм правления и разыскивать, где государь самовластнее, и где ограниченнее. Тиран, где бы он ни был, есть тиран, и право народа спасать свое бытие пребывает вечно и везде непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находятся в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая *политическая вольность* нации. Тогда всякий волен будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принуждать делать того, чего хотеть не должно; а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроену, чтобы гражданин не мог страшиться злоупотребления власти, чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей, чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю, чтоб в лишении имения, чести и жизни одного дан был отчет всем и чтоб следственно всякий беспрепятственно пользоваться мог своим имением и преимуществами своего состояния.

Когда же свободный человек есть тот, который не зависит ни от чьей прихоти; напротив же того, раб деспота тот, который ни собою, ни своим имением располагать не может, и который на все то, чем владеет, не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоволения, то по сему истолкованию политической вольности видна неразрывная связь ее с правом *собственности*. Оно есть не что иное, как право пользоваться: но без вольности пользоваться что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права, ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, что нельзя никак нарушать вольности, не разрушая права собственности, и нельзя никак разрушать права собственности, не нарушая вольности.

При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательств, найдем необходимо два главнейшие пункта, а именно те, о коих теперь рассуждаемо было: *вольность и собственность*. Оба сии преимущества, равно как и форма, каковою публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением Государства и моральным свойством Нации. Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных. Ясность их должна быть такова, чтоб ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права. От сих точно законов зависит общая их безопасность, следственно они и должны быть непременными.

Теперь представим себе Государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет, и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее; Государство, раздробленное слишком на тридцать больших областей и состоящее, можно сказать, из двух только городов, из коих в одном живут люди большею частию по нужде, в другом большею частию по прихоти; Государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное, и которого положение таково, что потерянием одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться; Государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся, никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; Государство, дающее чужим землям царей, и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царския особы; Государство, где есть все политические людей состояния, но где ни которое не имеет никаких преимуществ, и одно от другого пустым только именем различается; Государство, движимое вседневными и часто друг другу противоречущими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения; Государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьею над человеком другого состояния, где каждый следственно может быть завсегда или тиран, или жертва; Государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять Отечество, купно с государем и корпусом представлять Нацию, руководствуемое одною честию, *дворянство* уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему Отечество; где знатность, сия единственная цель благородныя души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых Отечеству, затмевается фавором, поглотившим всю пищу истинного любочестия; Государство не деспотическое: ибо Нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаяся во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпускать двух уважений: первое, что государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия; второе, что

государство его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя Нацию, дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы. При таковом соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание [1].

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать его на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердце, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истиннаго величества есть то, чтобы наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или к пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движении ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие. Если же надеется он на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелию, сам сильно обманывается. Чтоб казаться добрым государем, необходимо надобно быть таким; ибо как люди порочны ни были б, но умы их никогда столько не испорчены, сколько их сердца, и мы видим, что те самые, кои меньше всего привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях. Быть узнану есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не устрашается. Первое его титло есть титло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека. Он, став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее. Почтение его к заслугам и летам бывает наистрожайшим запрещением всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие, и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в государе мудрого человека? а любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, вопросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим.

---

[1] Сего начертания не допустила Панина сочинить скоропостижная ему кончина. (Приписка на полях рукою П. И. Панина.)

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ П. И. ПАНИНУ.

Ахен, от 18/29 сентября 1778 года

...Дворянство французское по большой части в крайней бедности, и невежество его ни с чем несравненно. Ни звание дворянина, ни орден Св. Лудовика не мешает во Франции ходить по миру. Исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин, при всей своей глупой гордости, почтет за великое себе счастие быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина. Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в России; но как исполнение их просьб было бы убийство для невинных, доставшихся в их руки, то уклонился я от сего злодеяния и почитаю долгом совести не способствовать тому злу, которое в отечестве нашем уже довольно вкореняется.

Причина бедности дворянства есть та же самая, которая столько утвердила богатство и силу их духовенства, а именно: право большого сына наследовать в родительском имении. Для меньших братьев два пути отверсты: военная служба и чин духовный. В первом предстоят труды, оканчивающиеся почти всегда бедностью, а в последнем священная праздность и изобилие. Обыкновенно фамилия из сроднической горячности преклоняет меньших братьев к последнему, но часто французская живость велит им сопротивляться сему благому совету и, приняв военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всем тем, нет ни одной дворянской фамилии, где б не было из меньших братьев человека благоразумного, предпочтившего состояние пастыря состоянию овцы. Все архиепископы и епископы суть братья знатнейших особ, подкрепляемые у двора своею роднею и подкрепляющие себя в народе содержанием его в крайнем суеверии. Ваше сиятельство из сего усмотреть извольте, сколь тверда во Франции сила духовенства, когда в сохранении его сам двор видит свою пользу. Суеверие народное простирается там до невероятности. Я опишу Вам, Милостивый Государь, один из духовных обрядов, который сию истину неоспоримо докажет. Город Э (Aix) есть главный в Провансе. Парламент и все лучшие люди сей провинции имеют в нем свое пребывание: следственно должно быть в нем и просвещения больше, нежели в других городах низшего класса. Не взирая на сие, вот каким образом ежегодно отправляется в Э праздник, называемый Fête Dieu. Торжество состоит в процессии, в которой святыя тайны носимы бывают по городу в препровождении всего народа. Знатнейшие особы наряжены все в маскарадное платье. Один представляет Пилата, другой Каиафу и так далее. Дамы и девицы благородные наряжены мироносицами и прочими святыми, а прекраснейшая представляет Богородицу. Мещанство все наряжено чертями: почетнейший — Вельзевулом, а прочие по степеням своих достоинств. Все сии черти идут пред телом христовым с превеликим ревом и пятятся назад, будто бы сила святых таин от себя их отгоняет. За несколько дней пред церемониею

разделение ролей производит многие тяжбы, особливо между мещанством. Часто приходит пред суд тот, у кого ролю отнимают, и доказывает свою претензию тем, что отец его был дьявол, дед дьявол и что он безвинно теряет звание своих предков. Во всех прочих французских городах, не исключая самого Парижа, есть множество подобных сему дурачеств, служащих несомненным доказательством, что народ их пресмыкается во мраке глубочайшего невежества.

В рассуждении злоупотребления духовной власти, я уверен, что Франция несравненно несчастнее всех прочих государств. Правда, что невежество попов делает часто поношение всей нации; но из сих двух крайностей я лучше видеть хочу попов невежд, нежели тиранов. Сила духовенства во Франции такова, что знатнейшие не боятся потерять ее никаким соблазном. Прелаты публично имеют на содержании девок, и нет позорнее той жизни, какую ведут французские аббаты.

Рассматривая состояние французской нации, научился я различать вольность по праву от действительной вольности. Наш народ не имеет первой, но последнею во многом наслаждается. Напротив того, французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве. Король, будучи ограничен законами, имеет в руках всю силу попирать законы. Les lettres de cachet суть именные указы, которыми король посылает в ссылки и сажает в тюрьму, которым никто не смеет спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманом, что доказывают тысячи примеров. Каждый министр есть деспот в своем департаменте. Фавориты его делят с ним самовластие и своим фаворитам уделяют. Что видел я в других местах, видел и во Франции. Кажется, будто все люди на то сотворены, чтоб каждый был или тиран или жертва. Неправосудие во Франции тем жестче, что происходит оно непосредственно от самого правительства и на всех простирается. Налоги, частые и тяжкие, служат к одному обогащению ненасытимых начальников; никто, не подвергаясь беде, не смеет слова молвить против сих утеснений. Надобно тотчас выбрать одно из двух: или платить или быть брошену в тюрьму. C'est l'affaire du goût [1]. Всякий делает, что хочет.

Народ в провинциях еще несчастнее, нежели в столице. Судьба его зависит главнейше от интенданта; но что есть интендант? — Вор, имеющий полномочие грабить провинцию безотчетно. Чем дороже стала ему у двора сия привилегия, тем для народа тягостнее. Каждый из них начинает ремесло свое тем, что захватывает откуп хлеба, нужнейшего для жизни произрастения, и принуждает чрез то жителей покупать у него жизнь за ту цену, которую определить заблагорассуждает.

Франция вся на откупу. Невозможно выехать на несколько шагов из Парижа, чтоб, воротясь, не быть остановлену таможнею.

---

[1] Это дело вкуса.

Почти за все ввозимое в город платится столько пошлины, сколько сама вещь стоит. Из уважения к особе государя узаконено не сбирать пошлины в том одном месте, где его присутствие; следственно в тот день, в который король приехал бы в Париж, пошлина не должна сбираться с народа. Сие причиною, что король, будучи нередко у решетки Парижа, в него не въезжает; он уже несколько лет не был в Париже для того, что по контракту отдал его грабить государственным ворам. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть место, куда французского короля посылают откупщики в вечную ссылку.

Другой источник казенных доходов во Франции есть продажа чинов и должностей — зло безмерное, вымышленное в несчастные времена, когда не было откуда взять денег на нужнейшие государственные расходы. Сие изобретение, доставив на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекало; чины благополучно продавались; иной не мог, другой не хотел, третий не смел предупредить того зла, которое со временем необходимо долженствовало родиться от торговли сего рода. Мало-помалу доходы от продажи чинов стали присвояться не к своим назначениям. Надлежало вымышлять всеедневно на продажу новые чины, новые должности, но и того недоставало. Надлежало усугубить налоги, и нация нашлась в положении бедственнейшем прежнего. Множество подлых людей душою и происхождением покупали себе права и способы быть орудиями народных утеснений. Доверенность к начальникам уступила место душевному к ним презрению; ибо к приобретению начальства одни деньги потребны стали. Ныне все зловредные следствия продажи чинов терзают государство, и нет средства к избавлению. Король не в состоянии возвратить денег, взятых за продажу, а не возвратя денег, нельзя отнять проданного. При последнем заседании Парламента сделан был план уничтожению сей торговли; но тот план, изобретенный впрочем коварством и злобою, не мог быть произведен в действо без потрясения всего государства, и опыт доказал, что продажа чинов во Франции есть зло нужное и ничем неотвратимое.

РУССКАЯ КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

Комическая опера — небольшая пьеса с музыкой и пением.

Русская комическая опера, заключавшая в себе комическое и жалостное, отступавшая от правил «высокой» поэзии, была вполне пригодным жанром для изображения «несложной» жизни народных низов. Массы народные приходили в движение, начинали осознавать социальную несправедливость, протестовать. Выразителями этих настроений народных низов были в известной степени демократически настроенные писатели того времени: для показа жизни, быта угнетенных масс они воспользовались жанром комической оперы (Попов, Матинский, Крылов). По своему художественному методу прогрессивные комические оперы характеризуются наличием элементов критического реализма, широким использованием народной поэзии в целях показа подлинной жизни народа. Дворянские писатели (Херасков, В. Майков и др.), напуганные крестьянским восстанием под руководством Пугачева, стремились использовать жанр комической оперы в целях примирения интересов помещиков и крепостных, рисуя крепостника-помещика в виде доброго барина-отца, а жизнь закрепощенного крестьянства — в виде счастливой идиллии.

Лучшими комическими операми являются: «Анюта» Попова, «Мельник» Аблесимова, «Несчастье от кареты» Княжнина, «Гостиный двор» Матинского, «Кофейница» Крылова.

М. И. ПОПОВ

Биография Михаила Ивановича Попова мало известна. Родился он в 1742 г. в купеческой семье.

С труппой Ф. Г. Волкова Попов приехал в Петербург, затем учился в Московском университете, был некоторое время придворным актером, потом секретарем комиссии по составлению нового Уложения, в дальнейшем служил чиновником.

Попов принадлежал к числу передовых людей своего времени. Он был в близких дружественных отношениях с Н. И. Новиковым. «Дружба ваша и приязнь, — писал Попов Новикову в 1766 г., — всегда для меня были драгоценны, и я их навсегда потщуся сберечь, они одни сильны были произвесть в моем сердце вечную к вам дружбу и почтение». Попов дал обещание «сообщать» Новикову все свои «сочинения, как собственные, так и преложенные с

других языков». И это обещание Попов исполнял: Новиков в рукописях знал «Анюту» и другие произведения своего друга, давал ему советы, был справедливым судьею его литературных трудов (см. «Опыт исторического словаря о российских писателях», а также критический разбор «Досугов» в «Санктпетербургских Ученых Ведомостях» за 1777 г.).

Попов всю свою жизнь увлекался русской народной поэзией: участвовал в составлении Чулковым известного сборника «Собрание разных песен» (1770—1774), составил песенник «Российская Эрата, или выбор наилучших новейших российских песен» (напечатан в 1792 г., после смерти Попова). Результатом интереса Попова к изучению народной жизни является его «Краткое описание древнего словенского языческого баснословия» (первое издание в 1768 г., второе в 1772 г. — в «Досугах»), собранное, как говорит сам Попов, «из разных книг, содержащих Российскую историю, какие у себя я имею, или какие мог сыскать для прочтения, также из простонародных сказок, песен, игр и оставшихся некоторых обыкновений». В 1770—1771 гг. Попов выпускает другой, более полный сборник, названный им романом, — «Славенские древности или приключения славенских князей» (второе издание в 1778 г. под названием «Старинные диковинки или удивительные приключения славенских князей», третье издание под тем же заглавием вышло в 1794 г.).

Попов принимал деятельное участие в журнале «Трутень», сотрудничал также в журнале Чулкова «И то и сио» и в некоторых других. Попову принадлежит много басен, песен, эпиграмм и переводных произведений в различных жанрах (повести, комедии и т. д.).

В своих переводах Попов следует указаниям Лукина, стремится иностранные произведения «склонять на наши нравы». «При переводе комедий «Немого» и «Притворного комедианта», — заявляет Попов, — не держался я невольнически слов и наименований, но соображался с нравами и обыкновениями нашими, переделывал многие места поколику находил за потребно». «Что же касается до комедии Бурлина, — продолжает Попов, — то могу признаться, что старался я более подражать, чем переводить».

Однако, несмотря на свои многочисленные и разнообразные произведения, Попов стал известен, главным образом, как автор комической оперы «Анюта», впервые поставленной на сцене в 1772 г. «Анюта» — первое русское драматическое произведение, в котором сюжет взят из крестьянской жизни. Несмотря на то, что в концовке пьесы крестьянские образы снижены, «Анюта» заслужила у современников «великую похвалу» (Новиков) и в целом для своего времени была острой, смелой.

Попов тяготеет к простой русской речи, пользуется простонародными словами, проявляет большое чутье к красоте народной речи (см. песни Попова, в особенности такие, как: «Ты бессчастной доброй молодец» и «Не голубушка в чистом поле воркует»).

Попов боролся за чистоту русского литературного языка, стремился заменять иностранные слова русскими (химера — нелепость, аллегория — иносказание и т. п.).

АНЮТА

Комическая опера в одном действии[1]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анюта, мнимая Миронова дочь.
Виктор, дворянин, любовник ее.
Мирон, крестьянин.
Филат, батрак его.

Действие на поле, подле Викторовой деревни.

---

[1] Представлена в первый раз в Сарском селе придворными певчими августа 26 дня, 1772 года. (*Прим. автора.*)

ЯВЛЕНИЕ 1

Феатр представляет поле и деревню, окруженную лесом.

Мирон *(один, рубит дрова и голосом следует за ударами).* Га!.. га!.. га!

(Бросает топор и несколько отдыхает.)

Ух! как я устал,
А дров ощо не склал.
Охти, охти, хресьяне!
Зачем вы не дворяне?
Вы сахар бы зобали
Так, словно бы как лёд,
И пили бы вы мёд
Да деньги огрёбали
Из рода в род и род.
Лёжали б на печи
Да ели колачи:
Про вас бы работали,
А вы бы лишь мотали.
А нашой так бёды не подымаёт грудь!
Запеть жо мне теперь от грусти што-нибудь.
Боярская зобота:
Пить, есь, гулять и спать;
И вся их в том робота,
Штоб деньги обирать.
Мужик сушис, крушиса,
Потей и роботай,
И после хош взбесиса,
А денешки давай.
Вот наша жизь какая,
Проклятая! благая!
Да быть жо ин уж так,
Как нам пометил дьяк.
Не в петлю жо веть лести,
Што нечево пам ести;
А лучче погадать,
Как век докоротать.
Топерь один с жопою
Живу я сотоною:
Нет мочи ни орать,
Ни хлеба собирать.
Одна подмога Аша,
И та не паша:
Служанка к нам её робёнком принёсла,
А где её взяла,
Про то нам не сказала;
И брося сто рублей, сама от нас пропала.
Я деньги иссорил;
Робёнка воспоил
И воскормил;
И дав ей имё Ашой,
Я назвал дочерью нашой.
Она топерь и чаёт,
Што я родил ёну;
И матушкою величаёт
Мою жону.
А нам и на руку: Филатко наш батрак
Охотитца на ней жепитца.

И сделам так.
А он веть не дурак,
Так мне скоре с ним льзя розжитца;
А у хрестьянина чем более детей,
Тем более людей:
А с ними жнива
И нива,
И сена, и овец, и дров, и лошадей.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мирон, Филат.

Филат *(выходя, поет)*.

Белолица, круглолица,
Красная девица!
Иссушила, сокрушила,
Сердце надсадила...

Мирон. Филатко?
Филат. Асё, сте.
Мирон. Где, милой, побродил?
Филат. На сходе, сте, сидел.
Мирон. А для чево сход был?
Филат. А вон, сте, староста сбиратца ехать в город,
Так, баял, чтобы всем складчину положить:
Алтын хош по пятку; да мир стал говорить,
Што ныня де у нас, Пафнутьич, знашь веть, голод,
Так будёт де с души копеёк и по шти,
Так станёт и тово довольно псам на шти.
Мирон. Да на што жо ёму и екая складчина?
Филат. Слыш, у подьячова жона родила сына.
Мирон. Неужто и робя приносы уж берёт!
Полно, не староста ль в корман себе дерёт?
Филат. Нет, пра, сте на поклон: подьячому на кстины,
А жонке на родины.
Мирон. Да што жо много так?
Филат. Ёму веть пять рублей;
А досталь на харчи да на других судей.
Ефрем боло судил и гроша не давати,
За што де за ето нам деньги им совати,
Што множитца в Руси их злой крапивной род?
Какой, дескат, от них нам добрым людям плод?
Веть только-де они бумагу лиш морают
Да взятки и с живых и с мёртвых обирают.
Мирон. Нешто веть, побери их прах!
Они охальники,
Еретики
И бусорманы,
Так словно, как цыганы,
Сжирают весь наш хлеб, вгоняя бедных в страх.

Хрестьянское житьё и плохо и убого;
А пуще всех моё:
Мне хлеба наде много,
А некому пахать; есь дочь, да одноё,
Не станёт веть на всё; она жо молода.
Худа,
Друг, ета клячка!

Филат. А я то што, сте, дячка?
Кабы да милость лиш была твоя со мной,
Так я бы и на век работник был, сте, твой.

Мирон. Пожалуй, я не прочь:
Топерь хош по рукам, да и ступай к Миколе,
Коли тебе люба моя лиш только дочь.
Я слова, друг, тебе не изменю уж боле.

Мы не так, как горожане,
Кои на дары богаты,
На посулы тароваты,
На приветы кудреваты,
Да на дачу туповаты.
Инак мы живём хресьяне:
Хоша баём непригожо,
Да сулим друзьям што схожо;
На словах у нас што гожо,
И на деле будёт то жо.

Филат.

Сам я тожо баю, дядя:
Горожанин, руки гладя,
На чужую мошну глядя,
Скалит зубы, речи ладя:
Ум в приветы опущаёт,
Вечну дружбу возвещаёт,
Вечну службу обещаёт,
Как копопку вылещаёт;
А как мошну лишь достанет
Он толды и не вспомянет,
В мире ль ты или в гробу.
Я ж в приветы не мешаюсь,
А работать обещаюсь,
Сколько станет сил в горбу.

ЯВЛЕНИЕ 3

Мирон, Филат, Анюта.

Анюта *(выходя, поет)*.

Кабы да на цветы не морозы,
И зимой бы в полях цвели розы;
Кабы да на меня не печали,
Во слезах бы меня не встречали.

Мирон. Не плачь и не грусти, мой друг!
Не бося, завтра жо и горё минёт вдруг;

Што прибыли, што ты как маков цвет извянёшь,
Уж не тужи, не бось! смеятца скоро станёшь.
Анюта. А! батюшко, тебя и не видала я...
А ето все, ей, ей, задумчивость моя!
Мне матушка тебя к себе велела звать.
Мирон. Зачем?
Анюта. Не ведаю.
Мирон. Так я ин ето знаю. *(Филату.)* Я чаю,
О свадьбе, знать, твоей со мной потолковать.
Филат. Хе! хорошо, сте.
Мирон. Ну, а вы покамесь здесь
С дровами убирайтёсь,
А уж меня день етот весь
К себе не дожидайтёсь.

Роботайте, робята,
Секирой и сохой:
Здесь жизь хош трудновата,
Да лучче городской;
Там всякому поклоны
Кому ни попадись!
Толчки без обороны
Примай там, не ленись;
Там всем над нами воля,
И все с нас тянут сбор;
А здесь нам вся неволя
Боярской только двор.

(Отходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Анюта, Филат.

Филат *(начав складывать дрова)*.
Што ж пригорюнилась ты так, мой друг, Анюша?
Анюта. Тебе что дела?
Филат. Мне? тебя жо жаль, горюша!
Сама ты знаш, што я тебя люблю уж год,
А может быть твоим и мужом скоро буду.
Анюта. Ты! мужем! едакой страмец, дурак, урод?
Филат. А ты красавица, я чаю; да откуду?
Анюта. Пошол же прочь, скотина!
Ин я веть батюшку скажу.
Филат. Вот на! сама ты животина!
На грозы я твои, голубка, не гляжу;
И батько твой
Со мной
Так борзо не хлопочот;
А выдать за меня тебя он верно хочот.
Анюта. Неволей никово не можно выдавать...
Добро! Я знаю, что перед попом сказать.

Ф и л а т *(ласково)*. Да чем жо я тебе, родима, не кажуса;
Веть я и сам не худ, колды как наряжуса?
А н ю т а. Ох! ужесть как пригож!
Да только лишь всегда на лешова похож.
Уж и такой страмец пригожством стал хвалиться!
Я чаю, и свинья тобою не польстится.
Ф и л а т. Ну! так и быть. Добро! теперь я замолчу,
А завтра можот быть и сам я заворчу,
И как хочу
Поворочу;
А можот и дубиной
По рёбрам прихвачу:
Толды не станёшь звать меня уж ты скотиной!
А н ю т а. Ах, ты мерзавец! плут! ты и грозить уж стал?
Знать ты еще толчков за это не хватал?
Какая харя! двух сочесть не разумеет,
А уж гордиться смеет
И хочет властвовать другими...
Ф и л а т. Ну, добро!
Не выломлёно знать ищо у те рёбро?
Ей, деушка, не лайса!
А с нами знайса;
А то веть без хлопот
На завтре не пройдёт.

Не гордиса, сте, спесиха,
Нет от спеси барыша;
Хош гляжу я из подтиха,
Да и я тяну гроша.
Хош пригожа ты собою,
Хош баска и щепетка,
Только быть тебе за мною,
Как топерь ты ни прытка.

А н ю т а.

Я пригожством не горжусь,
А глупцам всегда смеюсь. *(Хохочет.)*
Такова моя извадка.
Тут не надобна догадка,
Что твоя дурная рожа
В женихи ко мне не гожа.

Ф и л а т *(отходя)*. Добро! и сами мы такие знам загвозки;
Да отольютца веть мышачьи кошке слёзки.
А н ю т а *(отходящему)*. Пошол, пошол, дурак!
Грози богатым так.
Ин, может быть, они дадут тебе копейку,
А мне так нечево, а разве по зашейку.

ЯВЛЕНИЕ 5

А н ю т а *(одна)*. Вот за какова пня хотят меня отдать!
Какой мне от нево себе утехи ждать?
На что польститься в нем? Ни роста, ни дородства,

Ни разума в нем нет, ни склада, ни пригожства.
Возможно ль на глазах кому ево терпеть?
Возможно ль, быв за ним, с тоски не умереть!
Ах, Виктор! если б я с тобою не спозналась,
Не так бы я терзалась:
Не проводила бы в слезах я темну ночь;
Крестьянска бывши дочь,
За мужа б вышла я подобнова мне рода
И только б думала, что вышла за урода,
И век свой с ним должна в печалях зреть себя
И плакать; а теперь, увидевши тебя,
Я стала не своя. Мне все перед тобою
Крестьяна кажутся невежливой толпою.
Ты статен, ты умен, богат и дворянин:
Возможет ли с тобой равняться селянин?
Ты мне и во твоем прелестнее всех роде:
Мне мнится, нет тебя милей во всем народе!
Возможно ль, полюбя тебя, влюбиться вновь?
И как мне позабыть к себе твою любовь!

Я жива скорей не буду,
Все мученья претерплю,
Нежели тебя забуду
И другова полюблю.
Пусть и ты меня забудешь,
Не забуду друга я:
Хоть и ты моим не будешь,
Я останусь твоя.

ЯВЛЕНИЕ 6

Анюта, Виктор.

Анюта *(увидя его, бросается к нему)*. Ах, Виктор!..
Ах!.. *(прерывает речь плачем)*.
Виктор. Что ты, что сделалось с тобой?
Скажи мне, светик мой!
Ты мне не отвечаешь,
Молчишь и слезы проливаешь.
Не мучь меня: скажи, что сделалось тебе?
Ты знаешь, как душа моя тобою страстна.
Анюта. Ах! этим-то, мой свет, и стала я несчастна.
Виктор. Несчастна ты моей любовию к себе?
Слова твои меня приводят в удивленье:
Я никогда не мнил, чтоб эта нежна страсть
Могла тебе нанесть малейше огорченье,
Не токмо чтоб напасть.
Открой мне, что тебя крушит, душа моя!
Анюта. Ты.
Виктор. Я!..
Анюта. Да.

Виктор. Я тебя крушу, печалю я?
Умилосердися, не мучь меня ты боле:
Скажи мне поясней и...
Анюта *(плача)*. Выдать поневоле...
Виктор. Что!..
Анюта. Замуж отдают...
Виктор. Ково?
Анюта. Меня.
Виктор. Да кто?
Анюта. Отец мой.
Виктор. За ково?
Анюта *(зарыдав)*. За... за Филатка...
Виктор. Что!
За этова страмца, за этова скотину?
Сие мне жизнь прервет...
Анюта. И я свою покину.
Виктор. Покинешь жизнь? Нет! он скорее сам умрет.
Анюта. Ах, нет!.. не тронь ево: пускай ево живет;
Я не хочу нанесть ему такой напасти;
А только от ево избавь меня ты власти.
Виктор. Сейчас. Хотя я здесь владею не один,
Но всей деревни сей считаюсь господин.
Сей части мужики даны мне под смотренье,
А прочие в моем находятся владенье.
Итак, одни мои, другие наравне
С моими мне должны во всем повиноваться:
Так нечево нам их с тобой и опасаться.
Пойдем теперь ко мне,
Потом...
Анюта. Потом ославлюсь я:
Что скажет обо мне деревня вся сия?
Виктор. Что ты разумно учинила.
Анюта. Да чем же бы себя я в этом извинила?
Виктор. Супружеством со мной.
Коль хочешь ты сего, я завтра же с тобой
Поеду в ближнее село отсюду
И мужем возвращусь уже твоим оттуду.
Анюта. Ах, нет! и этому не можно также быть;
Ты знаешь, не в моей, в отцовской это воле.
Виктор. Так, видно, ты меня уже не любишь боле
И хочешь навсегда покинуть и забыть?
Анюта. Покинуть и забыть тебя хочу навеки!
Такие можешь ли ты делать мне упреки?
Жестокой! прежде я и душу и себя
Покину, нежели оставлю я тебя.

Жизнь моя с тобой мне радость:
Без тебя мне будет в тягость;
Жизнь и смерть моя в тебе.

В и к т о р.

Став в твоей приятной воле,
Покоряюсь всякой доле,
Всякой яростной судьбе.

О б а.

Страхом сердца не терзаю,
Для тебя на все дерзаю,
Стану тщетно век гореть,
Соглашусь и умереть.

В и к т о р *(целуя её руку)*.
Не отвращай, мой свет, от просьб моих ты слуха;
Пойдем скорее в дом ко мне...

В продолжение сих двух стихов входит на явление Ф и л а т и усматривает Виктора, целующа руку у Анюты.

ЯВЛЕНИЕ 7

А н ю т а, В и к т о р, Ф и л а т.

Ф и л а т *(Анюте)*. А! а! воструха!
Для этова-то знать смазливова трыка
И замуж ты не хош идти за батрака.
А н ю т а. Ахти! пропали мы!
В и к т о р. Пожалуй, не пужайся:
Не бойся ничево;
Я голову сшибу с нево.
Ф и л а т. Што! голову сшибёшь? Побереги своей
Для милости твоей.
Веть ты не барин мне; не очюнь заёдайса.
В и к т о р. Бездельник! смеешь ли ты эдак мне грозить?
Ф и л а т. Вот па! грозить?
За ето можно и тузить,
Колды чужих невест замать не перестанёшь.
В и к т о р. А ты за то, плутец, ушей своих отстанешь,
Когда еще мне что осмелишься сказать.
Тебе ль такую спесь пристойно мне казать?

Такой, как ты, скотина
Знай соху с боропой.

Ф и л а т.

Такой, как ты, детина
Гнался б на вороной
За зайцом по поляне,
Как делают дворяне.

А не за девками хрестьянскими гонялся
И по задворьями слонялся.
А н ю т а *(Виктору)*.
Ах! отстань, мой свет, отстань.
(Филату.)
Ей! скотина, перестань.

Ф и л а т *(Анюте).*

Уж и ты забормотала!
Кабы ты девичьё знала:
Пряла,
Ткала
Да молчала,
Да сороки б ожидала,
А не хахолей смёкала.

В и к т о р.

Такая грубость станет
Тебе ударов в двести.

Ф и л а т.

На сколько то потянёт,
Твоей к дубинам чести.

А н ю т а *(Виктору).*

Ах! отстань, мой свет, отстань.

(Филату.)

Скотина, перестань.

В и к т о р.

Платить приготовляйся
Ты дерзость головой.

Ф и л а т.

Смотри, поберёгайса
Тово жо и с собой.

Да веть и помни то, што также и хресьяне
Умеют за себя стоять, как и дворяне.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

А н ю т а, В и к т о р.

А н ю т а. Ах! свет мой, я боюсь...
В и к т о р. Чево?
А н ю т а. Всево.
Он верно моему отцу теперь расскажет,
Что я тебя люблю;
А тот меня за то, конечно, уж накажет,
И выдаст за тово, ково я не терплю.
Вот что меня, мой свет, теперь страшит и мучит.

В и к т о р *(целуя у нее руку).* Ах, нет! никто тебя со мною не разлучит.

В сердце, мой свет, я тебя заключаю:
Счастьем ставлю я жить для тебя,
Душу свою я в тебе почитаю,
Света лишуся, тебя погубя.

А н ю т а.

Я сама ево лишуся,
Коль с тобою разлучуся;
Ты милей мне в нем всево.

Виктор.

Нет дороже ничево,
Как тобой вовек гореть
И с тобою умереть.

Оба.

Мной ты будешь век владеть,
Льзя ль к тебе мне охладеть:
Мной твои владеют очи
Все минуты дня и ночи.

Виктор. О свет мой! страсть моя к тебе неизъясненна:
Ничем моя любовь не может быть стесненна;
И силы все мои на то употреблю,
Чтоб доказать тебе, как я тебя люблю.
О страсть нежнейшая! невинная утеха!
Прелестна спутница забав, игры и смеха!
Открой и покажи смятенному уму,
Как я могу помочь несчастью моему!

(Несколько подумав)

А!.. ну, мой свет! любовь моя нашла мне средство,
Каким нам способом окончить наше бедство.
Анюта. Каким?
Виктор. Таким:
Отец твой не богат, иль, лучше молвить, скуден
И потому безлюден,
И замуж выдает тебя он для тово,
Чтоб мужа твоево,
Включа в число семейства своево,
Достать себе чрез то житье не столько скудно;
Так мне не будет трудно
От мыслей сих ево в минуту отлучить,
Дав денег столько,
На сколько
Полсотни батраков он может получить.
Сия корысть ево, конечно, обольстит
И прежнюю тебе свободу возвратит.
Вот как я думаю скончать мое страданье.
Ну! я иду: прости!

(Отходит.)

Анюта. Прости, мой свет, прости!
Дай, боже! чтоб ево исполнилось желанье.

ЯВЛЕНИЕ 9

Анюта *(одна)*. Какие будет мне печали понести,
Когда ему ево желанье не удастся!
Каким он грустям сам в то время не отдастся!
Ах, Виктор! ах, мой свет!

Ни в чем мне без тебя забавы больше нет;
С тобой мила и скука,
А без тебя и жизнь и все утехи — мука.

Одново тебя любя,
Все противно без тебя,
Ты один в глазах летаешь:
Мысли все тебя твердят,
Вздохи все к тебе летят,
Ты один мной обладаешь.

ЯВЛЕНИЕ 10

Анюта, Мирон, Филат.

Мирон. А! а! ты здеся охальница!
Бесстыдная страмница!
Вот ек ту ты куришь,
Злодейка, да дуришь,
И ерак ту меня ты слушаш, злохоманна!
И ерак почиташ, безумна! окоянна!
За то, што я тебя вспоил,
Вскормил,
Взлелеял
И лишню для тебя все годы четверть сеял,
Штобы при старости меня жо опозорить
(указывая на Филата)
И с добрыми людьми да с честными поссорить?
Смотри тко, што топерь соседи те басят:
Веть, окоянна, все слыш, как в трубу гласят,
Што стала ты нам всем бесчесьём да зазором;
А мне веть одному позор-от весь да сором.
Анюта. Да что я сделала?
Мирон. Што сделала, злодейка!
Што сделала, чу, я!
Проклятая змея!
Што ты смытарилась с детиной, лиходейка!
С проклятым барчугом. Веть уж я всё спознал.
Меня уж ты топерь, голубка, не обманёшь.
Анюта. Да кто ето тебе нахвастал да наврал?..
Филат. Я баял это: я!.. да знать и не солгал.
Што? разве я тебя вон там-то не застал,
Как ты чеченилась?.. Не запиратца ль станёшь?
Анюта. Окстися: с кем это?
Филат *(с насмешкою)*. А ты, знать, позабыла?..
Кабы да ты жоной мне едак согрубила,
Иной бы у меня погудкой затрубила...
Бесстыдница ты!.. С кем?.. С Викошкой! с барчугом!
Мирон. О! ох! ты, озорница!
Головушку с меня ты срезала, страмница!

И опозорила ты дом мой весь кругом...
Топерь жо под венец; а коли ты не так...
А н ю т а. Что хочешь, батюшка, то делай ты со мною,
А только мне не быть вовек ево женою.
М и р о н. Да, да, нешто веть!
А н ю т а. Так.
М и р о н. Нет, будёшь ты...
А н ю т а. Никак.
М и р о н. А вот как я возьму хорошую дубину
Да отломаю те и рёбра все и спину,
Так всё и неканьё отложишь ты в суму,
И за нёво пойдёшь...
А н ю т а. Я лучше смерть приму!
М и р о н. Не бося, не умрёшь; замужьё не измучит,
А домом жить научит.
А ты веть се сёво и в ум не забирай;
Да из двоих одно любоё выбирай
Иль мужа иль побои.
Ф и л а т. Што, Аша? веть толчков пригоршни влепит двои,
Аль можот быть и трои;
Так спину ту тебе как семё истолочит.

(Мирону)

Да полно, льзя ли, сте, её здоровьё бить;
Веть барина себе она в мужья те прочит?
М и р о н. Да, али беш тебе за ним бесчосно быть:
Веть он хресьянин де, а хахол ёт барчуг;
Однако ж из тебя я выбью етот дух.

Сколько хочош им гордиса...

Ф и л а т *(Анюте)*.

Сколько хочошь ты сердиса...

А н ю т а *(Филату)*.

Да и ты хотя вздуриса...

В самое сие время входит на явление В и к т о р.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

А н ю т а, В и к т о р, М и р о н, Ф и л а т.

В и к т о р *(Анюте)*.

Ах! послушай, оглянися.

М и р о н.

А пришло с ним расставатца.

Ф и л а т *(Анюте)*.

А со хахалём прощатца.

А н ю т а *(Филату).*

Мной тебе не величаться.

В и к т о р *(Анюте).*

Не о чем уж с ним считаться.

М и р о н.

И сороку надёвать.

Ф и л а т.

И красавца покидать.

А н ю т а.

За тобой мне не бывать.

В и к т о р.

Перестань, о чем кричать.

М и р о н.

Или палки ожидать.

Ф и л а т.

Да Филата обнимать.

А н ю т а.

Лучше света мне отстать!

В и к т о р.

Да пора ль вам перестать.

Пожалуй, не крушись и не тревожься боле:
Наплюй на них; уже не в их теперь ты воле.
Переменилася совсем судьба твоя:
Ты больше не крестьянка,
Но дочь полковника Цветкова и дворянка.
А н ю т а. Что слышу я!
М и р о н. Охти! не в правду ли?
В и к т о р. Неложно: мне поверь.
Ф и л а т. Ну, вот те баушка и Юрьёв день топерь!
А н ю т а. Скажи ж мне, как я вдруг счастлива столько стала;
Я счастья ввек сево себе не ожидала.
В и к т о р. От сильных был врагов родитель твой гоним
И ненавистью их по всем местам тесним;
Их злоба верх над ним толико получила,
Что наконец его от дома отлучила.
Но сильная любовь, которую питал
К супруге он своей, в нем страхи побеждала
И посещать ее почасту побуждала;
И случай сей тебе виной рожденья стал.
Желая ж скрыть твое на свет происхожденье
И твоего отца к супруге посещенье,
Что повод к следствиям худым могло подать,
Когда б его враги о том могли спознать,
Служанке верной им они тебя вручили
И к мужичку сему подкинуть научили.
А ныне паки твой родитель счастлив стал:
Уже врагов его беды теперь постигли,
Разнообразно все они везде погибли;

А он обратно все свое себе достал.
Вчера лишь он в свою деревню возвратился,
Котора у него в соседстве в нашей есть,
И только о твоем жилище известился,
То и писал ко мне тебя к себе привесть,
А самово его болезнь остановила
Приехать к нам сюда. Тебе ж, мой друг, Мирон,
Вот что прислал в возблагодарность он.

(Подает ему кошелек с деньгами, который с жадностью выхватив)

Мирон. Помилуй те, небеспа сила,
Мой милосливой осударь,
И дай тебе, небесной царь,
На ней женитца,
Да детушок нажить и с ними веселитца.
Да веть не присылай ты к нам их никогда;
А то веть иногда
У нас, у мужйков, и детушки дворянски,
Да будут как хресьянски.
Анюта. А я, став ровною во счастии тебе,
Не пышностью моей породы утешаюсь,
Но сею сладкою надеждою прельщаюсь,
Что я умножу тем любовь твою к себе.
Виктор. Коль в сем моей любви ты умноженье ставишь,
Так сим мою к тебе горячность ты бесславишь.
Нет! страсть моя к тебе усилилась уж так,
Что больше ей нельзя умножиться никак:
Никак нельзя сильней вспаленну сердцу таять!
Филат. А мне так бедняку,
Горюхе-батраку,
Уж не осталоса чово топерь и баять,
Как только горёвать да охать как попесту.
Виктор *(дает ему денег)*.
Не плачь, не плачь, мой друг: на, на, вот и тебе.
За то, что я себе
Похитил у тебя твою невесту.
Филат *(бросаясь от радости на колени)*.
Ах! милосливой мой и чесной господин,
Прямой ты дворянин!
Вы тако досади ты нашому так брату,
Хош куму, хоша свату,
Как давечо твоей я чести досаждал,
Так пе коли штобы он ерак денёг дал,
Да и бока б ещё дубиной отломал.
Виктор. Ну, все теперь своей довольны мы судьбою:
А паче всех, мой свет, довольны мы с тобою!
И не осталось нам уж больше ничево,
Как только батюшку увидеть твоево.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хор.

Чем не создан ты владеть,
Не старайся то иметь;
Там бывает тьма забот,
Где надеемся быть счастью;
Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью!

Виктор.

Всех лишился бы сует
И доволен был судьбою,
Ежели б вовек, мой свет,
Я один владел тобою.

Хор.

Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью!

Анюта.

Не богатством я себя
И не знатностью ласкала:
Я в тебе любя тебя,
Одново тебя искала.

Хор.

Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью!

Мирон.

Мне жо менее хлопот,
Коль отцом быть неудача:
Меньше кончо там забот,
Где одна жона да кляча.

Хор.

Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью!

Филат.

Не о чом и мне тужить,
Коли нет жоны дворянки,
За тритцеть рублей купить
Можно две жоны хресьянки.

Хор.

Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью!

От автора.

Зрителям угодным быть
Было автора staranье:
Если ж смог им угодить,
Он свершил свое желанье.

Хор.

Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью!

Конец оперы.

А. А. АБЛЕСИМОВ

(1742—1783)

Александр Анисимович Аблесимов был сыном мелкопоместного служилого дворянина, образование получил он домашнее и притом очень скудное. Еще мальчиком начал Аблесимов служить копиистом, несколько лет был офицером, а затем мелким чиновником. Жизнь писателя прошла в тяжелой материальной нужде. В юности Аблесимов был переписчиком у Сумарокова, под его воздействием пристрастился к литературе. В 1759 г. в журнале «Трудолюбивая пчела» появились первые произведения Аблесимова, в 1769 г. он сотрудничает в журнале Новикова «Трутень», в том же 1769 г. Аблесимов выпускает сборник «Сказки в стихах»; в 1781 г. издает сатирический журнал «Раскащик забавных басен», печатавшийся на счет Н. И. Новикова. Довольно многочисленные произведения Аблесимова не отличаются ни художественностью, ни оригинальностью содержания. Славу выдающегося писателя Аблесимову доставила комическая опера «Мельник — колдун, обманщик и сват», впервые поставленная на сцене в 1779 г. (напечатана в 1782 г.). «Мельник» пользовался большим успехом, он не сходил со сцены в течение всего XVIII и начала XIX в. «Мельник» это, — по словам Белинского, — прекрасный народный водевиль». «Анюта» Попова и «Мельник» Аблесимова вызвали целый ряд подражаний, положили основание для развития русской комической оперы.

А. А. Аблесимов

МЕЛЬНИК — КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ

Комическая опера в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анкудин, крестьянин.
Фетинья, жена его.
Анюта, дочь их.
Филимон, жених Анюты.
Фаддей, мельник — колдун, обманщик и сват.
Несколько подруг Анюты.

Действие в деревне.

Представлена в первый раз на Московском театре генваря 20 дня 1779 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет с одной стороны — лес, вдали по холмам малые деревеньки, а с другой стороны — мельницу и при ней телеги с мешками. Напереди ж всего дерево.

ЯВЛЕНИЕ 1

Мельник один.

Мельник *(стругая доску, поет, только тон песни без речей и музыки, потом говорит).* Какая, бишь, это песня?.. Да: «Как вечор у нас со полуночи»... так... *(Зачинает петь на этот тон песню, продолжая сам свою работу.)*

Как вечор у нас со полуночи,
Со полуночи до бела света...

Какой проливной бола — пошел дозжик, да перестал скоро. *(Так же поет и продолжает работу.)*

На заре-то было да на утренней,
На закате ведь светлого месяца...

Ну! уж был ветер! то-то, слышь ты, дул сильно, что чуть боло и мельницу-то мою совсем не спрорушил; в пень бы я стал, да спасибо хоть исковеркал, да немного, а хоть и немного, да наделал дела. *(Приноравливает доску.)* Ну, будет ладно, пойдет опять заново. *(Подошед к оркестру.)* Смешно, право, как я вздумаю: говорят, будто мельница без колдуна стоять не может, и уж-де мельник всякой не прост: они де знаются с домовыми, и домовые-то у них на мельницах как черти ворочают... ха! ха! ха!.. какой сумбур мелют? а я, кажется, сам коренной мельник: родился, вырос и состарился на мельнице, а ни одного домового сроду в глаза не видывал. А коли молвить матку-правду, то кто смышлен и горазд обманывать, так вот все и колдовство тут... Да пускай што хотят они, то и бредят, а мы наживем этим ремеслом себе хлебец.

Кто умеет жить обманом,
Все зовут того цыганом;

А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдун, угадкой.
И колдовки-колотовки
Те же делают уловки.
Много всякого есть сброду:
Наговаривают воду,
Решетом вертят мирянам
И живут таким обманом.

Как и аз грешный!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Филимон и прежний.

Мельник *(его увидя)*. А!.. это ко мне гость. На сей день будет поживка. *(К Филимону.)* Путь-дорога доброму молодцу!

Филимон. Челом бью, старинушка.

Мельник. Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?..

Филимон. Не пуще дальное дело.

Мельник. Да волею или неволею?

Филимон. Коней ищу: савраско да гнедко вдвоем куда-то запропастились, а кони-та, кони-та какие добрые были. *(Особливо.)* Это он-та, ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. *(К мельнику.)* Што, старинушка? хочу спросить тебя...

Мельник. О чем поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимон. Доброе дело.. и мы вам плательщики... Итак, поворожи мне: найдутся ли мои кони?

Мельник. Найдутся ли кони?..

Филимон. Так, старинушка, мне об них очень хочется сведать.

Мельник. А вот этак, например, как будет ли от тебя што? *(Подставляет руку.)*

Филимон. Наперед угадай, дедушка, а там мы посмотрим.

Мельник *(отворачивается, сердится и зачинает петь)*.

Угадать,
Не устать;
Да как дело плоховато,
Так и платят торовато.

Филимон. Да я тебе, старинушка, плательщик буду...

Мельник.

На посуле,
Как на стуле,
Посидя да не поешь,
Так живот не будет свеж.

Филимон. Ни из чего не солгу, поверь, пожалуй...

Мельник.

В тот черед,
Наперед
Эти басни не под нужу,

Вынь-ка мошну-то наружу
И пустова пе болтай,
Да нам денежки считай.

(Подставляет руку, смотря ему в глаза.)

Филимон. Ну, коли так, изволь, пожалуй: мы вам и наперед дадим посильно место копеек.

Мельник. Это только-та?

Филимон. Будет покамест... чего больше?

Мельник *(особо)*. Ладно, ты без полтинки-та от меня пе отъедешь.

Филимон. Што ж ты мне скажешь?

Мельник. А как теперь на дворе — рано?

Филимон. Не больно еще поздно, и сонце за лес не село.

Мельник. Перевернись жа три раза по сонцу.

Филимон. Што бы так!..

Мельник. Што бы так!.. в ворожбе это нада... Ну, делай, што велят!

Филимон. Во твою угоду мы и повернемся. *(Вертится один раз.)*

Мельник. Ешо против сонца.

Филимон *(вертясь)*. Ещо таки и против сонца.

Мельник. Теперь стань вот к этому дереву *(Филимон хочет идти, а мельник говорит)*. Нет, нет, постой, есть ли у тебя плат?

Филимон *(вынимает платок)*. Есть, вот.

Мельник. Зажми жа глаза плотно... завяжи платом крепче... ешо крепче... ну! ладно... теперь слушай жа: стой да нишкни, с места не двигайся и никому не аукайся, а я пойду к старшому...

Филимон *(исполняя все, што мельник ему ни приказывал)*. А буде кто без тебя ко мне придет и станет меня спрашивать: зачем-де ты стоишь так, доброй молодец, ясные твои очи завязаны?..

Мельник. Ни с кем ни словечка, а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимон. А песню спеть в потребу ли будет?

Мельник. Всполошишь всех, не нада.

Филимон *(про себя)*. Эдакая причина!

Мельник. Стой жа плотно.

Филимон. Ин, добро быть так.

Мельник, отходя от Филимона, примечает его движения, а он покушается глаза немного открыть. Мельник, воротясь, подходит крадучись и говорит с сердцем.

Мельник. Тють!.. тють!.. Што ты это чудесишь?.. этакой рахманной, вить испужаешься... *(Взяв его за руку.)* Поди за мною... стой, ухватись вот за это дерево. *(Потом очерчивает его мелом.)* Ну стой жа, слышь ли ты, плотно, не трожься и за черту ни ногою, а то быть худу... *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Ф и л и м о н один.

Ф и л и м о н *(приклоняя голову в ту сторону, куда мельник ушел, слушает).* Слышится, колдун ушел... так, ушел теперь. Што-та он мне скажет?.. Ну, да што ни будет, то будет!.. *(Открывает немного глаза.)* Да... нет... уж меня, ничего не видя, от страху как будто мороз по коже подирает... Што ж мне делать? ничего иного, как орать што есть мочи... Нет! стану курныкать помаленьку, только штоб не так страшно-то мне было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся;
Спою песню, да какую ж я спою?..
А! любиму свою...

Музыка зачинает, а в это время, как Ф и л и м о н готовится петь.

ЯВЛЕНИЕ 4

М е л ь н и к и прежний.
М е л ь н и к выносит жорнова, ставит их у мельницы.

Ф и л и м о н *(продолжает петь на голос «Как ходил, гулял молодчик»).*

Вот спою какую песню:
Ходил молодец на Пресню,
Под вечерок,
Путь недалек;
Ходил молодец на Пресню
Из Сесвяцкова села,
Под вечерок,
Путь недалек.
Из Сесвяцкова села,
Красна девка там жила,
Девка душа
Там хороша.
Красна девка там жила,
Молодца с ума свела.

М е л ь н и к вертит жорновом и сим делает шум; а Ф и л и м о н, продолжая петь, пугается.

Девка... ду... ша
Там... хо... ро... ша.

(Оканчивает диким голосом.)

М е л ь н и к. Расступись, вода!.. растворись, мельница!.. явись ко мне, седой демон!.. *(Вертит опять жорновом сильнее и производит шум.)*

Ф и л и м о н *(дрожит).* Чур меня!.. чур меня!.. с нами невидимая сила...

М е л ь н и к *(подбегая к Филимону).* Ухватись, ухватись за дерево плотняе. *(Филимон хватаясь за дерево, и сам дрожит.)*

Мельник *(обходя его кругом)*. Будут кони?.. будут кони?.. Таки будут?.. *(Сиповатым голосом.)* Нет, не будут. *(Обходит другой раз.)* Придут кони?.. Таки придут ли кони?.. *(Также сиповато.)* Нет, не придут. Што за дьявольщина! *(Обходит третий раз.)* Найдутся ли кони?.. да найдутся ли кони? *(Притворным голосом с сердцем.)* Хоть найдутся, да не скоро... *(Своим голосом.)* Исчезни ж, окаянной! *(Сам подбегает опять к жорнову и вертит оное, потом, подошед к Филимону.)* Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимон *(развязав глаза)*. У!.. *(Дрожа, поет.)*

О! ты, дедушка Фаддей!
И ты сильной ворожища!
Ты могучий чародей.

Мельник.

Кабы ковш теперь пивища,
Я в него бы поглядел;
То наделал бы уж дел.

Филимон.

Ты нам, дедушка, помога,
У кого кручины много.

Мельник *(особо)*.

Я тем, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон.	Ты нам, дедушка, помога.	*Вместе.*
Мельник.	Я вам, детушки, помога.	
Филимон.	У кого кручины много.	*Вместе.*
Мельник.	У кого есть денег много.	

Филимон. Итак, дедушка, пропали мои кони?..

Мельник *(поет)*.

Я вам, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Што ж ты мне скажешь?

Мельник *(еще поет)*.

Я вам, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Да вот! пожалуй, я и ещо дам тебе денег, только отгадай мне. *(Дает ему денег.)*

Мельник *(заикаясь)*. А!.. а кармливал ты их овсом?

Филимон. О! Нет, они сроду зерна не видали.

Мельник. Ну! так век не найдутся...

Филимон. Этакое мое горе!

Мельник. Постой ешо; подай-ка мне свою руку! *(Филимон кажет руку, а мельник водит по ладоне пальцем.)* Так, в твоей руке их нету, только корысть будет, лихих людей переможешь, а на сердце кручина пала...

Филимон *(особливо)*. Как сказали об нем, так и подлинно, што он все подноготное узнавает!

Мельник. Погляди-тка сюда пряменько!.. Што-та есть у тебя на мысли?..

Филимон. Ох! старинушка, есть... да боюсь молвить.

Мельник. Не бось, не бось, поведай мне свою крепкую думу, авось-либо в чем и пособить можно.

Филимон. Нет, дедушка, кажется, несбыточное дело, и статца-та этому не можно.

Мельник. Не болтай пустова.

Филимон *(поет на голос: «Западала путь-дороженька моя»)*.

Я поведаю тоску, печаль ему,
Отчего так больно сердцу моему;
Вить он сильной ворожища
И мне стался быть дружища,
Так я думушку свою
Перед ним не потаю...

Мельник. Не утай, не утай ничево; а мы посмотрим, как пособить будет можно.

Филимон. Ну, ин, быть так, правду молвить: я прибрел бола к тебе кручину свою размыкать; придумай, пригадай мне, я задумал, доброй молодец, жениться, и пришла мне одна красная девица по обычаю; да вот беда моя! отец и мать ее друг с другом несогласны: старухе как-то исстари случилось быть дворянского отродья, а выдана в крестьянство по неволе; старик-ат вить и хочет дочку выдать за детину-хлебопашца, а старуха-хлопотунья за дворянского сыночка... и за то-та муж с женою и хлопочут.

Мельник. О! о! это плёвое дело, я смекнул, как быть этому; девка будет наша! что за работу?

Филимон. Четверть доброй ржи старинушке челом бью.

Мельник. Ну-тка по рукам... ладно!

(Поет на голос: «Вы реченьки, реченьки»).

Не кручинься, молодец,
Горю сделаем конец,
Назову тебя я братом
И пойду к невесте сватом,
Ты об этом не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимон.

О том, дедушка, ни слова,
Будет рожь тебе готова;
О дарах ты не тужи.
Делом сам лишь не держи.

Мельник.

Я тебе жену добуду,
Иль я мельник ввек не буду!..

Филимон.

Чудеса ты все творишь:
Как рублем меня даришь.

Мельник.

Мы пойдем приготовляться,
Как с невестой повидаться...

Филимон.

Пойдем к делу, поспешать.

Мельник.

Пойдем свадьбу затевать.

Оба.

А штоб быть нам посмелея
И приттить повеселея,
Так зайдем мы в кабачок:
Тяпнем там винца крючок.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет поле, с одной стороны вдали мельницу, реку и лес, а с другой напереди двор крестьянской; потом сумерки и восходящий месяц.

ЯВЛЕНИЕ 1

Анюта и Филимон.
Анюта выходит из двора, а после Филимон из лесу.

Анюта. У! Да уж на дворе-та и смеркается! когда это день прошел? Смотри, пожалуй, а я работаючи-та и не видала. *(Поет начало: «Земляничка ягодка».)*

Во своей я младости
Вить не вижу радости,
Вот мой
Талан какой. *(2 раза.)*
Нету мне весела дня;
Все сушит,
Все крушит
Всякой час меня.

Филимон *(ходя между тем задумавшись и, по голосу увидя ее, останавливается)*. Это она... она точнехонько!..

Анюта *(увидя Филимона)*. Это он?.. Точно он!..

Филимон. Подойду к ней, што ни будет, то будет *(подходит)*.

Анюта. Он ко мне идет?.. Так, ко мне; нет, я уйду от него, а то неровно как старики мои меня с ним увидят, то пойдет дым коромыслом! *(Хочет уйтить и после останавливается.)*

Филимон *(также остановясь)*. Беги, пожалуй, што нужды? видишь какая, коли так упряма, ты чаешь краше тебя и нету, ан лих есть много, не тебе чета, и я, право, гоняться-та за тобою не буду.

А н ю т а *(про себя)*. Кажется, он вздурился, што я уйтить-та хотела; эдакая напасть моя, што станешь делать? Не уйтить горя, а уйтить и вдвоя... да не кая пропасть, мне и самой хочется повести с ним поговорку.

Ф и л и м о н *(увидя, што она остановилась)*. А! а... это ей не по сердцу, што я сказал: гоняться-та за ней не буду... эдак-та лучше с ними водиться; у нас вить по-сельски: как любушке своей тулунбаса два-три в спину влепишь, и она стерпит, так и наша.

А н ю т а. Не знаю сама, што бы это такое со мною сталось?.. Што я ево лишь увижу, так сердце мое все затрепещет, руки опустятся, ноги подогнутся, и с места не сдвинешься!.. Што ж будешь делать? Хоть побои принять, а с ним перемолвлю. *(Воротясь, подходит к нему тихо.)*

Ф и л и м о н *(также к ней приближаясь, про себя)*. Ты ко мне, и я к тебе. *(Анюте.)* Девица красная, по-добру ль живешь, по-здорову?

А н ю т а. Не пуще так, штобы тебе сказать, радошно.

Ф и л и м о н. Да тебя давно уж и в посиденках не видно.

А н ю т а. Матушка меня не пущает, говорит: ты, дискать, уж девушка-невеста, так женихи осудят, и я от этова иногда и плачу.

Ф и л и м о н. Не тужи, красная девица, авось-либо дождемся и мы своей воли.

А н ю т а. Кажется, мне не нажить этих дней *(особо)*. Он, видно, хочет на мне жениться.

Ф и л и м о н *(особо ж)*. Женился бы не шутем, кабы было можно.

А н ю т а *(поет начало на голос: «Кабы знала, кабы ведала, мой свет»)*.

Кабы я млада уверена была,
Что дружку свому хоть чуть-чуть я мила,
Я бы всякий день немножко
С ним видалась хоть в окошко
И не в скуке бы жила.

Ф и л и м о н *(особо говорит)*. Побожусь ей, что я нивесть как ее люблю.

А н ю т а *(продолжает петь на тот же тон начало)*.

Только милый мой не ведает того,
Как безвременно крушусь я для него:
Он во сне мне часто снится,
Будто вздумал он жениться
На иной, а не на мне.

Ф и л и м о н. Нет! нет! што пустое затевать! этого и в уме не бывало.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мельник и прежние.

Мельник. Ого! сокол, ты уж и здеся! Скоренька ты залетел... а я нечево-таки, тяпнул винца мерочку, так и веселяя стало. Здорова-ка, Анюта.

Анюта. Здравствуй, соседушка.

Мельник. Што-та как эдак вы делаете?

Анюта. Пели песни.

Филимон *(мельнику)*. Слышал ли ты, как она жалобно пела?

Мельник. Слышал, слышал, да это не надолго; скоро запоет иным голосом, уж не так заунывно.

Анюта *(досадуя)*. Зачем его чорт принес?..

Филимон. Небось, нет ничево.

Анюта. Да, видишь какой, только помешал нам!..

Филимон *(поет)*.

Полно, светик мой, стыдиться,
Станем мы при нем дружиться,
Дай мне рученьку свою,
Дай голубушку мою.

Анюта.

Ничуть это не годится,
Штоб так при людях резвиться,
Отвяжись и не шути,
Вить нисколько в том пути.

Филимон.

Его нечего таиться,
Старик этот пригодится.
Распознай сама его,
Он пригоден для всего.

Анюта *(обертываясь назад)*. Ай!.. ай!.. уйдите, уйдите! старуха моя сюда идет.

Мельник. Уйдем, уйдем, вить старуха-та великая хлопотунья.

Мельник и Филимон уходят на зад театра и прячутся за крестьянской двор.

ЯВЛЕНИЕ 3

Фетинья и Анюта.

Фетинья. Ты, рыскуша, все на улице, и рано и поздно: а што делаешь? вить только зеваешь, а ты бы, девушка, лучше кроспа ткать смышляла.

Анюта. Да я и так лишь теперь из-за дела: тебе шила подзатыльник, а себе низала поднизь; целой день работаючи, кажется, рук не покладывала, когда ж погулять-та?..

Фетинья. Девушки теперь не гуляют, уж смеркается... поди, поди за дело.

Анюта *(особо)*. Вот какая, право, все делай да делай, и погулять некогда; видать ли уж как бы замуж выйти, тогда не сказала бы она мне: лучше бы, девушка, кросна ткать смышляла...

Фетинья. Што ж ты стала?..

Анюта. Да теперь уж тёмна дело делать.

Фетинья. Так ин ложись да спи, завтра рано вставать.

Анюта. Мне и спать-та еще не хочется.

Фетинья. Поди ж! поди!.. эдакая упрямица!..

Анюта *(отходя)*. Куда, право, какая!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Фетинья одна.

Фетинья. Пора девку замуж, нечево мешкать, у нее уж теперь не дело на уме, а она женихов смышляет... да што мне делать? придумать не могу; давно бы я ее с рук сбыла, как бы не старой хрыч мне перечил, охо! хо! хо! тавово́-та быть не за ровней! не то смышляй, што хочется, а то делай, што муж велит. *(На голос: «Ах! на што ж бола, ах к чему ж бола»)*.

Ах! на што ж бола, ах! к чему ж бола
Мне на свете быть,
Во кручине жить?
Я родилася, я родилася
Не крестьянкою,
А дворянкою.
Меня отдали, меня отдали
За крестьянина,
Не за барина.
Навязался мне, навязался мне
Некошной старик,
Все с ним шум да крик.
Иссушил меня, иссушил меня,
Как лучиночку,
Как былиночку.
Горя мыкаю, горя мыкаю
Я от младости
И до старости.

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние и Мельник.

Мельник. Помогай бог, Антипьевна!

Фетинья *(кланяясь)*. Соседушка Гаврилыч! Што бы так позденько?

Мельник. Укрой от темной ночи.

Фетинья. Добро пожаловать... а моего старика видел?

Мельник. Нет, кормилица, и в глаза не попадался.

Фетинья. Он к тебе на мельницу поехал.

Мельник. Ко мне?..

Фетинья. Да.

Мельник. Куда ж бы это он запропастился?

Фетинья. То-то я и горюю! клячонка-та окаянная не очень надежна, на коей он поехал.

Мельник. Ну, так и впрямь не скоро и дотащится... да нет, ты не о том горюешь... я смышлю, што у тебя на мысли.

Фетинья. А што бы такое?

Мельник. Девка-та у вас на возрасте, пора бы ее веселым пирком да за свадебку.

Фетинья. Суженова-та нет.

Мельник. Будет, будет, я уж тебе в том...

Фетинья. Поворожи-тка, будет ли ей удача?

Мельник. Поворожи-тка!.. вить даром не ворожат. *(Подставливает ей руку.)* Клади-ка сперва гривенку денег, да попотчевай бражкой, так и пойдет дело.

Фетинья. А без этого не можно?

Мельник. Никак нельзя, а особливо без сивухи: без нее и язык не поворотится.

Фетинья. Ну, коли так, то пойдем в горницу, там я тебя и попотчеваю.

Мельник. Зачем дело стало; пойтить, так пойтить. *(Отходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Филимон один.

Филимон *(выходя)*. Ушли!.. ну, что-та будет, авось-либо пойдет дело на лад, старик и туда и сюда, да провальная старуха все поперег ломит... полно, сват-ат у меня вить колдун, так и кручины нет. Что ж мне на досуге делать? От скуки хоть песню скурныкаю. *(На голос, начало: «При долинушке гуляла».)*

Стану свата дожидаться,
    Нечево бояться,
Сват мне любушку достанет,
Ничуть не обманет:
    Он колдун,
    Не болтун,
Водится все с домовыми,
И сам нáбольшой над ними,
И пьет и ест с ними!
Стану свата дожидаться,
    Нечево бояться,
Сват мне любушку достанет,
    Ничуть не обманет!
    Он чертей,
    Как детей,
Когда надобно, скликает,
Куды хочет, помыкает,
    После вон толкает.

ЯВЛЕНИЕ 7

Фетинья, Анюта и Мельник. А Филимон, увидя их, опять прячется.

Мельник. В пору вышли, не опоздали, месяц лишь только всходить начал... подите ж сюда.

Фетинья. Нет, Гаврилыч! право, кажется, ты ума рехнулся, ну, святки ныне, што ли, так загадывать?

Мельник. Это только вашим сестрам, бабам, черед загадывать о святках, а нам, ворожеям, и летом и зимою, осенью и весною, и днем и ночью, когда ни захотим, всегда святки: чорт-ат вить в наших вожжах, и мы, когда хотим, тогда его погоняем... ну, теперь понимаешь ли?..

Фетинья. Разумею.

Мельник. Вели ж сперва чего-нибудь поднесть мне выпить.

Фетинья. Разве еще мало?.. Мне кажется, ты и так уже нáвеселе и хлебнул довольно.

Мельник. Это-та нашему брату и надобно. Вить сказать правду: с чортом-та не с своим братом ладить, надобно быть смелу, и смелость ту делает сивуха.

Фетинья. Эдакая дьявольщина! ну, добро, изволь. Анюта, вынеси соседу давешнюю с вином сулейку.

Анюта уходит.

Фетинья *(между тем говорит мельнику)*. Я тебя, сватушка, подарю, посмотри каким подарком.

Анюта выносит дорожную фляжку на ремне и подает матери, а она, отдавая Мельнику, говорит.

Фетинья. Вот, изволь владать и попивать из нее на здоровье.

Мельник *(взяв и любуясь)*. О! о!.. то спасиба... прямо удружили... *(Надев фляжку через плечо и потом пьет из нее.)*

Ну!.. гожа!.. хоть бы куды сивуха. Вот добрая хозяйка!.. Што ж теперь станем делать?

Анюта и Фетинья. Загадывать, разве забыл ты?

Мельник. Да так... а я, право, думал, што вы об этом забыли.

Обе. Как забыть то, што нужно?

Мельник. Ну! ну, ладно, ладно. *(К Фетинье.)* Побудь же ты покамест там за дверьми... поди ж, поди, тебе говорят!..

Фетинья. Посмотрю, что будет. *(Становится в дверях и выглядывает.)*

Мельник *(к Анюте)*. А ты стань вот здесь, к месяцу спиною, руки подними эдак, гляди в зеркало... наведи его на месяц, загадай: суженой, ряженой, за кем мне быть замужем?

Анюта. Суженой, ряженой, за кем мне быть замужем?..

Мельник дает знать Филимону, чтоб он вышел, а тот показывает, что боится выйтить. Мельник досадует.

М е л ь н и к *(к Анюте)*. Видишь ли што?

А н ю т а. Вижу: на небе звезды.

М е л ь н и к. А еще?

А н ю т а. Ничего больше.

М е л ь н и к. Што ж бы такое мешало?.. А!.. облачко нашло. Да оно пройдет скоро. *(К Филимону тихо.)* Выдь сюда, покажись ей.

Ф и л и м о н. Штоб ее не всполошить! *(Выходит.)*

А н ю т а. Дедушка! мне што-та чудится.

М е л ь н и к. Ладно! смотри, што еще будет. *(Еще Филимону.)* Подь поближе.

Ф и л и м о н подходит.

А н ю т а. Ай!.. кто это? он... так, он!..

М е л ь н и к *(дает знать Филимону, чтоб он ушел. К Анюте)*. Ударь, ударь по зеркалу, штоб не схватил тебя.

А н ю т а *(опустя зеркало)*. Ну!.. што это почудилось!.. кажется, самой он. О, кабы да это сбылося!

М е л ь н и к. По обычаю ль жа тебе?

А н ю т а. Вот ища што знать хочет? што бы я была за дура, штоб тебе сказала! люблю ли, нет ли, до того дела нет, это ведь девушке-невесте сказывать, кажется, стыдно.

ЯВЛЕНИЕ 8

С т а р у х а и прежние.

Ф е т и н ь я *(выходя говорит про себя)*. Боюсь, чтоб девка не испугалась, вить ища она у меня робенок. *(К дочери.)* Почудилось ли тебе што, Анюта?

А н ю т а. Вот он скажет.

М е л ь н и к. Ничего, ничего... *(К Анюте.)* Поди ты теперь в свое место.

ЯВЛЕНИЕ 9

М е л ь н и к и Ф е т и н ь я.

Ф е т и н ь я. Ну, теперь поворожи-тка и мне.

М е л ь н и к. Тебе?.. изволь... постой жа, нада сперва выпить.

Ф е т и н ь я. Да долго ли этого будет?..

М е л ь н и к. Ещо по одной выпьем... *(Выпив.)* Ну!.. что ж тебе надобно? загадай, да и мне скажи.

Ф е т и н ь я. Мне хочется узнать: какой у меня зять будет.

М е л ь н и к. А вот это дело, как сказала, так и угадать можно. Ведь тебе дворянин надобен?

Ф е т и н ь я. Я-таки за иного и выдать ее не думаю.

М е л ь н и к. Ладно, ладно, пройди ж вон по этой тропинке.

Ф е т и н ь я. Куда так?

М е л ь н и к. Туда, туда недалечка, да и вернись назад.

Фетинья. Ну, да какого шатуна я там увижу?

Мельник. Не шатуна, суженого своей дочери; какой первой тебе пырь встречу, такой и зять у тебя будет.

Фетинья. А как их встретится целая гурьба?..

Мельник. Нет, нет! поди лишь, я знаю, што одного только встретишь.

Фетинья. Ин добро быть так. *(Отходит назад театра; Филимон с нею встречается; Фетинья подходит к нему ближе, рассматривает и пугается.)* Ай!.. ай!.. *(Бежит к мельнику.)* Зачурай, зачурай меня!..

Мельник. Небось, небось, обернись назад, он уже провалился.

Фетинья. Ох!.. не могу отдохнуть... Ну, Гаврилыч, не солгал ты, теперь я поверю, што в тебе много дьявольщины.

Мельник. А затеев и ещё больше.

Фетинья. Да, правду молвить: почудился мне детинушка изряден, и он был бы Анюте очень настать, кабы да только он дворянин был.

Мельник. Дворянин, дворянин, што и думать, я все ведаю.

Фетинья. А кто ж он таков?..

Мельник. Он... тот... кой живет не пуще далече отсюда и всего гоны с трои, из села Хлебородова, деревни Доброй-Пожни; есть также у него посильно место мужичков, работников и домашних челядинцев.

Фетинья. А зовут его как?

Мельник. Не скажу теперь... будет с тебя и этого... Поди ж покуль и ты к своему месту.

Фетинья. А ты?

Мельник. Мне есть свое дело, кое... все ль бабам ведать? поди, поди, не мешай мне. А я ещё покамест выпью. *(Между тем пьет и, на фляжку любуясь, говорит.)* Какая это добрая фляга!

Фетинья *(отходя)*. Ин час тебе доброй.

ЯВЛЕНИЕ 10

Филимон и Мельник.

Филимон *(отходя к мельнику, он пугается)*. Ах, дедушка! я ни весть как рад: ты приставляешь мне голову к плечам.

Мельник. И вперед нас, стариков, держися... А! да вон и старик домой едет. Пойдем сюда покамест. *(Отходит к стороне.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Анкудин и прежние.

Анкудин *(погоняет лошадь, а она стала)*. Ну, ну! сивушка... эк она... стала... што делать? *(Помогает ей.)* Ну! ну! дотяни еще немного... нет, провальная, не везет... ин добро быть так, отдохни, сивка, и я с тобою в пень стал. *(Подходит к орке-*

стру.) Што, барям-та рай жить, хоть раз бы пожил так, как они; да полно, што некошная живет и их доля, бывает и им хлопот полон рот, а нашему брату, чего не видя, заботы меньше: пропадай оно, не хочу быть в барях!

Мельник и Филимон подходят к нему.

Мельник. Помогай бог, соседушка!

Анкудин. Ба! Сват Гаврилыч, откуда взялся?

Мельник. Шли путем-дорогой, да завернули и к тебе побывать.

Анкудин. Добро пожаловать, что добренькова?..

Мельник. А вот што: мы к тебе прибрели не пир пировать, не ржи торговать, а думу крепкую думать: есть у тебя суженая, есть у вас ряженая, благослови-тка ее за соседа моего.

Анкудин. А ево милость откудова?..

Филимон. Из села Хлебородова, деревня Доброй Пажни, челом бьем.

Анкудин. Доброе дело, я бывал там.

Мельник. Хе!.. Как сказать тебе про его житье-бытье и богатство, так ты с ним не расстанешься: детина он собою, ты видишь, уж на все ухват; борону ли сладить, тын ли огородить, уж ничего из рук не вывалится; а дом-ат у него, кабы ты ведал, как полной закром; чего нету? скота-та што ли, хлеба-та ли, или другово протчего необъятная сила, а ни отца ни матери, ни роду ни племени, весь тут, как видишь...

Анкудин. Такова доброва молодца давай нам... да скажу тебе, вот беда: старуха провальная со мной не ладит: я хочу так, а она поперег ломит!.. я штобы к доброму, а она по-своему мудрует, да и чорт ее не перековеркает.

Мельник. Где чорту возиться! а разве я ее поверну по-своему, она будет наша.

Анкудин. Правду тебе молвить, и не чаю.

Мельник. Дай покамест ты свое слово.

Анкудин. Я?.. Я готов, с моей руки час доброй.

Мельник. Только нам было и нада, мы теперь побредем ко двору, и уж ты нас с поезжанами к себе дожидайся. Челом бьем... *(хотят идти, но мельник останавливает Филимона.)* Постой, постой ещо, по последней выпьем, будьте здоровы... *(пьет, а выпив)* челом бьем *(отходят)*.

Анкудин. Не помешкайте ж, Гаврилыч.

Мельник *(отходя)*. Будем, будем скоро.

ЯВЛЕНИЕ 12

Анкудин один.

Анкудин *(подходя к воротам, их отворяет и потом к лошади)*. Ну-тка, сивушка, ужли отдохнула?.. ну! ну! пошла, ну, на двор прямо...

ЯВЛЕНИЕ 13

Фетинья и прежний.

Фетинья. Насилу ты приехал, а я тебя уж отчаяла.

Анкудин. Только так-так што дотащился.

Фетинья. А я без тебя дочь просватала.

Анкудин. А за кого бы эдак?..

Фетинья. За кого, я знаю.

Анкудин. Так и я також просватал.

Фетинья. Ты, да как это?..

Анкудин. А так жа, не скажу, так и думаешь.

Фетинья. О! мне и дела нет, я знаю, што на своем поставлю. *(Поет.)*

Как ни стану,
А достану
Дворянина-жениха.

Анкудин.

Как ни стану,
А достану
Хлебонашца-жениха.

Оба.

Отдам в нынешнем дочь лете,
Молодец есть на примете,
Дочь мою кой может взять.

Фетинья.

Сколько хочет, пусть он вздорит,
А меня не переспорит:
Дворянин мне будет зять.

Анкудин.

Пой, пожалуй, што я вздорю,
А тебя я переспорю:
Мне крестьянин будет зять.

Фетинья. Я отдам за дворянина.

Анкудин. Я отдам за мужика...

(Говорит.) За нашего брата, за крестьянина.

Фетинья. За такова ж дурака, как сам.

Анкудин. Ан лих нет, дворянин-ат вишь хорошей дочь-ту нашу не возьмет, а буде какой бы и сыскался на ней жениться, так уже разве такой, вот што называется-та, самая мелкая сошка. А наш брат, крестьянин, чему-та пить не быть... *(Поет.)*

Не дурак наш брат детина,
И работник он прямой.

Фетинья.

Да, лих, зять не будет мой.

Анкудин.

А вот будет.

Фетинья.

Вот не будет.

Анкудин.

Да вить я большой в дому.

Фетинья.

Да не быть по-твоему.

Анкудин.

Почему?

Фетинья.

Потому:
Ты мужик, а я дворянка.

Анкудин.

Нет, крестьянка.

Фетинья.

Дочь вить тож по мне дворянка.

Анкудин.

Нет, крестьянка.

Фетинья.

Ан дворянка.

Анкудин *(с сердцем).*

Нет, крестьянка!.. Слышь, крестьянка.

Фетинья. Опомнись, старой пес! вить ты знаешь, што я рождена от благородной крови.

Анкудин. Вспомни-ка, старая негодяйка, и ты, што уже двадцать лет, как ты жена моя.

Фетинья *(поет).*

Да хоть я твоя жена,
А тебя, лих, мало тешу.

Анкудин.

Так вот раз тебе отвешу,
То и будешь ты смирна.

Фетинья.

Плюю я на эти враки.

Анкудин.

Ну уж вот дойдет до драки.

Фетинья.

Враки!.. враки!..

Анкудин *(особливо).*

Хоть боюся я греха,
А скрою ей треуха!

Фетинья.

На твои-та я угрозы,
Знай, хотела наплевать.

Анкудин.

Ну, смотри ж, жена, штоб слезы
Ты не стала утирать.

(Говорит.)

Я с тобою, лебедь моя, справлюсь, дака мне только приобостроживться, а то нет, ты востра очень, и што, ты думаешь, дворянскова-та отродья, так тебе и чорт не брат!

(Поет особо.)

Мне на спорщицу-женищу
Купить добрую плетищу,
Настрехтать ее спинищу.
Будем жить, как я хочу.

Фетинья.

А я старому хрычу
Сама втроя отплачу.
А ты с дочкой-та простися!

Анкудин.

Эй! жена, слышь ты, уймися!

Фетинья.

Сам уймись.

Анкудин.

Ну, жена, поберегись.

Фетинья.

Я тебя, лих, не боюся,
С женихом уговорюся,
За кого хочу отдать.

Анкудин.

О! тому-та не бывать!..

Фетинья.

По-твому-та не бывать...

Анкудин.

По-твому-та не бывать.

Оба.

По-твому-та не бывать.
Не бывать!.. не бывать!..

(Уходят.)

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет тот же крестьянской дом и при нем на скамьях сидящих девок.

ЯВЛЕНИЕ 1

Фетинья и несколько девок, из коих иная прядет, иная шьет; только всякая с делом и поют свадебные песни.

Хор.

Што без бури, без вихоря
Ворота отпиралися,
В терем двери отворялися.

Фетинья. Нет, девки, другую спойте, позаунывнея.

Хор.

Тошненько мне, младой, в девках быть,
Тошней того мне замуж иттить.

Фетинья. О! нет, эта уж очень жалобна, спойте ещо иную.

Хор.

Вечор-та мне косоньку матушка плела, матушка плела
И жемчугом косоньку всю унизала, всю унизала.

ЯВЛЕНИЕ 2

Анюта и прежние.

Фетинья. Поди-ка сюда, Анюта, а мы тебе свадебные песни пели.

Анюта. Матушка!.. Да за кого ты меня выдать-та хочешь?

Фетинья. Небось, небось, я выдам тебя за такова молодца, какой нашим девкам и во сне не пригрезится...

Анюта. Почему это ведать?

Фетинья. Глупенькая, захочет ли мать, штоб дочь ее была за другим мужем, а я еще и больше хочу, штоб муж у тебя был детинушка завидной и также барыша и дворянскова бы отродья.

Анюта *(поет)*.

Вот моя, вот напасть:
Злодейка любовна страсть
Взяла надо мною власть;
Свет не мил,
Свет постыл,
Всякой час крушуся я,
Противна мне жизнь моя!

ЯВЛЕНИЕ 3

Анкудин и прежние.

Анкудин. Ге!.. старуха... штой-та... На тебя эту ночь сна нет!.. *(Увидя девок.)* Ба! да ты и впрямь свадьбу затеяла?

Фетинья. Таки не шутя.

Анкудин. Сунбурщица! Да ты послушай меня.

Фетинья. Нет, нет, ты хоть тресни, а я свои буду петь песни на зло тебе: дочь просватала в село Хлебородово...

Анкудин. Э!.. как! в село Хлебородово ты хочешь выдать?

Фетинья. Так-таки.

Анкудин. А... а за ково бы там?

Фетинья. За помещика деревни Доброй Пожни.

Анкудин. Вот на! Да там и помещиков-та нету.

Фетинья. Ан, лих, есть; мне кажется, Фаддей-мельник сватает, и уж мы, я и она *(указывая на дочь)* его и видели.

Анкудин. Когда видели?

Фетинья. Давеча, как смерклось.

Анкудин. Так Фаддей-мельник вам сватает?

Фетинья. Да так-таки, и он клянется и божится за него, как за дворянина.

Анкудин. Ха! ха! ха!.. он вас морочит, а вить и ко мне он жа, и из той жа и деревни приходил сватать, только крестьянина.

Фетинья. Неужто?

Анкудин. Стану ль я тебя обманывать... да вот он и сам катит к нам.

ЯВЛЕНИЕ 4

Мельник и прежние.

Фетинья. Поди-тка, поди, соседушка, разбери нас: вить ты сватаешь за дочь-ту мою дворянина?

Мельник. Ты ево видела?..

Фетинья. Видела.

Мельник. И спрашивать нечево.

Анкудин. Как жа, а ко мне ты приходил с детиной и называл ево крестьянином?

Мельник. Я и теперь в том стою, и коли милости вашей в потребу, так мы его и налицо выставим.

Анкудин и Фетинья *(оба)*. Подай-ка сюда, мы посмотрим.

Мельник. За нами дело не станет *(ухватя их обоих, поет)*.

И теперь я то пою;
В своем слове я стою:
Этой ночи,
Что есть мочи,
Я чудес вам натворю:
Тебя с нею помирю!
Подождите,
Не ходите,
Жениха вам покажу
И все дело развяжу.

(Уходит, и они все, смотря ему вслед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, кроме Мельника.

Анкудин. Старуха!.. Как ты смышляешь? сват-ат наш не дьявольщину ль какую городит и уж не оборотня ли нам сватает?

Фетинья. Чево доброва и быть так.

Анкудин *(поет)*.

Вижу я, колдун морочит:
Обмануть нас всех трех хочет;
Только как колдун ни дюж,
Да вить я и сам уклюж:
Как обман его я смечу,
То, как чорта, изувечу,
Провожу с двора дубьем... *(2 раза.)*

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мельник (пьяной и с балалайкой), Филимон и прежние.

Мельник. Ну-те-тка *(к старику)*, этова ли я к тебе приводил?

Анкудин. Этова, этова, не спорное дело, только, брат...

Мельник *(к старухе)*. А ты с ним ли на дороге-та столкнулась?

Ф е т и н ь я. С ним, точнехонько.

М е л ь н и к. А у невесты уж и спрашивать нечево.

А н ю т а *(подходя к ним, рассматривает Филимона; он ей кланяется, и она ему)*. Он!.. Точнехонько он!.. Как же я рада!

Ф е т и н ь я. Да вить он дворянин, ты сказывал?

М е л ь н и к. Да ещё и природной.

А н к у д и н. Почему жа мне называл его крестьянином?

М е л ь н и к. А потому жа, што это правда.

А н к у д и н. Што ж за чертовщина такая? Дворянин и крестьянин, нет, нет, видно, брат-сват, ты нас морочишь.

А н ю т а. Батюшка и матушка, што до того нужды? пускай он хоть пастух будет, да мне полюбился; не думайте, отдавайте скорее.

М е л ь н и к *(берет старика и старуху за руки; сперва к старику)*. Ты за нево отдать думаешь?

А н к у д и н. С охотой бы.

М е л ь н и к *(к старухе)*. А ты, сватьюшка?

Ф е т и н ь я. И я бы не упрямилась, коли дворянин он.

М е л ь н и к. Ладно, слушайте ж, что я вам петь буду.

(Настраивает сперва балалайку, потом поет.)

Уж как шли старик с старухой из лесочка,
Из лесочка,
С ними дочка,
Пригожайка... *(2 раза.)*
Навстречу им попался сосед-мельник.
Сосед-мельник,
Не бездельник,
Ворожайка... *(2 раза.)*
Сосед-мельник загадает им загадку,
Им загадку,
Правду-матку,
Загадает... *(2 раза.)*
Еще што да таково,
На Руси у нас давно:
Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орет
И с крестьян оброк берет.
Отгадайте!
Толк в том дайте,
Не болтайте,
Отгадайте... *(2 раза.)*

А н к у д и н. Чорт разве это отгадает, а не мы, грешные!

М е л ь н и к *(продолжая петь)*.

Старики мои догадки не имеют,
Не имеют,
Не умеют
Отгадати... *(2 раза.)*
Так ин мне пришло загадку разгадати,
Разгадати,
Не солгати,
Объявити... *(2 раза.)*

Ища вот да што оно
На Руси у нас давно:
Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орет
И с крестьян оброк берет.
Это знайте,
Это знайте,
Не вступайте
Больше в спорец.
Ево знают,
Называют
О д н о д в о р е ц!..

Слышали ль?.. он о д н о д в о р е ц, а однодворец — и дворянин и крестьянин — все один.

А н к у д и н. Вот на! а я хоть бы те треснуть, не домыслился б этово.

М е л ь н и к. Ну! теперь спору больше нет?

А н к у д и н. Нисколько.

Ф е т и н ь я. И я ни словечка *(особливо)*. Вить все уж дочь-та моя будет не за простым мужиком-охреяном, а таки хотя за половиною да дворянином.

А н к у д и н. Пускай, пускай по-твоему.

М е л ь н и к. Нечево ж и смышлять больше, ну-тка в доброй час, веселым пирком да за свадебку.

Ф е т и н ь я. Во святой час! по рукам да и замуж.

А н к у д и н. Спасиба, брат соседушка, правду молвить, удружил всем нам. *(Зачинает петь.)*

Теперь у нас, старуха, нету спора:
Приходит наше дело до сговора.

Х о р.

М е л ь н и к.

Так... я к вам, мои други,
Я не даром приходил,
Я вам свадьбу снарядил,
Всем вам, всем вам угодил.

В с е.

Вот... друг наш, сват
Гаврилыч,
Сват не даром приходил,
Он нам свадьбу снарядил,
Всем нам, всем нам угодил.

Ф е т и н ь я.

Крушить не буду молодость девичью,
Сыскала жениха ей по обычью.

Х о р

М е л ь н и к.

Так... я к вам, мои
други... *и пр.*

В с е.

Вот... друг наш, сват
Гаврилыч.... *и пр.*

Филимон.

Теперь мое сердечушко на месте:
По нраву я пришел моей невесте

Хор.

Мельник.

Так... я к вам, мои
други... *и пр.*

Все.

Вот... друг наш, сват
Гаврилыч... *и пр.*

Анюта.

Не грезилось младеньке и не снилось,
Замужество чтоб такое мне случилось.

Хор.

Мельник.

Так... я к вам, мои
други... *и пр.*

Все.

Вот... друг наш, сват
Гаврилыч... *и пр.*

Мельник.

Как женится на девочке детинка,
То придет мне в карман от них полтинка.

Хор.

Мельник.

Так... я к вам, мои други,
Я не даром приходил,
Я вам свадьбу снарядил,
Всем вам, всем вам угодил.

Все.

Вот... друг наш, сват Гаврилыч,
Сват не даром приходил,
Он нам свадьбу снарядил,
Всем нам, всем нам угодил.

Все.

Зачинать пора пирушку нам смекать,
И в веселости затеем куликать.

Мельник *(поет к Анкудину).*

Поведи-ка ты к себе нас, доброй тесть:
У тебя вина и пива много есть.

Все.

Поведи-ка ты к себе нас, доброй тесть:
У тебя вина и пива много есть. *(Все отходят.)*

Сим оканчивается третье действие и опера.

М. МАТИНСКИЙ

Михаил Матинский родился в 1750 г., он был крепостным помещика Ягужинского, обучался вместе с детьми Ягужинского, получил вольную; впоследствии был преподавателем математики в Смольном институте.

Матинский — выдающийся педагог, автор учебников по математике, писатель и в то же время талантливый композитор. Матинский написал комическую оперу «Санктпетербургский гостиный двор», по своей реалистичности являющуюся в некоторой степени предшественницей драматических произведений А. Н. Островского из купеческой жизни.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР

Комическая опера в трех действиях

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Скважыгин Ферапонт Пафнутьевич, богатой купец.
Саламанида Мироновна, жена его.
Хавронья, дочь их.
Крючкодей Аксен Филимонович, отставной регистратор, жених Хавроньи.
Прямиков, офицер.
Щепеткова, барыня, должница Сквалыгина.
Крепышкина, заимодавица Сквалыгина.
Проторгуев Федул Вахромеев, Перебоев Феклист Парамонов, Разживин, Смекалов — купцы, должники Сквалыгина.
Улита Софроновна, жена Проторгуева.
Афросинья Евстигнеевна, жена Перебоева.
Дружка.
Сваха.
Секретарь.
Хвалимов, купец, племянник Сквалыгина.
Вдова, должница Сквалыгина.
Сын вдовы 9 лет.
Дочь 8 лет.
Мужик, крестьянин.
Приказные служители, официанты.
Девушки-песенницы, театральные танцовщицы.

Действие 1-е в Гостином дворе, 2-е и 3-е — в доме Сквалыгина в Санктпетербурге.

ЯВЛЕНИЕ 2

Разживин *(поет).*

Барыни, сударыни! что угодно вам?

Проторгуев.

Барыни, сударыни! Пожалуйте-сте к нам.

Перебоев.

Барыни, сударыни! что надо для вас?

Смекалов.

Барыни, сударыни! товар у нас хорош.

Щепеткова.

Есть ли атлас?
Есть ли гас?
Есть ли шелковы чулки
И ост-индские платки?

Крепышкина.

Есть ли ленты,
Аграменты?
Есть ли чепчики, цветы
И французские тафты?

Разживин.

Здесь атласы,
Канифасы,
Здесь есть гасы
И каркасы.

Проторгуев.

Здесь есть шелковы чулки
И ост-индские платки.

Перебоев.

Здесь есть ленты,
Позументы,
Аграменты
И флоренты.

Смекалов.

Здесь есть чепчики, цветы
И французские тафты.

Щепеткова *(Разживину).* Покажи мне атлас.

Разживин. Извольте, матушка, сударыня! эдакой заздравной атлас! луб лубом. Такой доброты, ей-ей, нигде не сыщите-сте.

Щепеткова *(бросает).* Какой это скверной атласишка! видишь ли? он мшист, мягок. *(Бросает.)* Покажи лучше.

Разживин. Да не мните ж-сте, барани! вить всякой товар тововона-тка лицом продать... Вот вам и другой, сударыня.

Крепышкина *(Смекалову)*. Покажи мне кофейную тафту, батька мой, и чепчики.

Смекалов. Вот вам тафты хозовой кончик, ее уж намале у меня осталось; занележе берут-ста наподхват, а чепчики славная мадам Фирюлю делала, и они вельми в моде.

Крепышкина рассматривает.

Щепеткова. Этот очень тонок и много клею. *(Бросает.)* Чорт ли в нем? Эти грубияны никогда с первого разу хорошего не покажут.

Разживин. Да на что-сте бросать-то, барани? Да я тововона-тка десять рублей плачу за аршин, ежели где лутче этова атласу найдете.

Щепеткова. Покажи гас.

Разживин. Вот вам и тововона-тка и гас, барани!

Щепеткова. Узок и гадок! *(Бросает.)*

Разживин. Вот-сте и другой.

Щепеткова. Широк и скверен! *(Бросает.)*

Разживин. Господи боже мой! што это за фигли такие? Это притоманно што-нибудь напущоное. Да я тововона-тка лавкой буду прост, ежели вы где лутче моих товаров сыщете.

Щепеткова *(отходя)*. Наплевать на тебя и на твою лавку!

Крепышкина. А почему, мой свет, тафта и чепчики?

Смекалов. Без торгу, барани! тафта одиннадцать гривен, а чепчик четыре монеты с половиною, сударыня!

Крепышкина. Тафта гривен семь бы, а чепчик-ат рублика полтора, сокол мой!..

Смекалов. Оборони пречистая! Скупенько-сте жаловать изволите. Эдакой цены и слыхом не слыхано.

Крепышкина рассматривает.

Щепеткова *(к Проторгуеву)*. Покажи шелковые чулки!

Проторгуев *(показывает)*. Эдаких чулок поискать, поискать, барани!

Щепеткова *(бросает)*. Взбесился! Эдакую дрянь кажешь! Это русские.

Проторгуев. Вот вам и туринские.

Щепеткова. Какая адская разница! Эти в тысячу раз хуже.

Проторгуев. Это, это, бишь, русские, а те туринские.

Щепеткова. Так эти скверны, а те лутче. *(Бросает.)* Покажи платки.

Проторгуев. Извольте, извольте.

Щепеткова рассматривает.

Крепышкина. Так за тафту-та по семидесят по две копейки, а за чепчик-ат полтора рубли с пятью копейками. Уступи, белянчик. *(Отходит.)* Посмотреть у другово.

Смекалов. Барани, барани! торгуйте-сте настояще. Истинно за свою цену отдаю. Другой, ей-ей, дешевле моего не отдаст.

Крепышкина *(ворочается назад)*. Ну ин еще по копеечке на то и другое прибавлю. *(Отходит.)*

Смекалов. Статное ли пить-сте дело?

Крепышкина (к *Перебоеву*). Покажи мне, голубчик, пьюсовых лент и аграментов.

Перебоев *(показывает)*. Здесь самые хорошие французские ленты и преславные аграменты.

Щепеткова. Ах! какое мерзкое тряпье! Это дерюга, а не платки. *(Кидает.)* Нет ничего у тебя хорошего, а кличешь, шалун! *(Расхаживает мимо лавок.)*

Проторгуев *(про себя)*. Затейлива, право-сте, ты! Перероет, перемнет, обругает с ног до головы, да-да-да и да и поди здорово.

Крепышкина. Почему аршин, голубчик?

Перебоев. Эти ленты и аграменты самолутчие, и, следовательно, за первые нельзя ниже шестидесят, а за другие пяти копеек взять за аршин.

Крепышкина. Уступи, батька, ленты по осьмнадцати копеек, а аграменты-та по две копеечки.

Перебоев. Статешно ли пить-сте дело! Дешевенько жалуете. Это живой наклад, и, следовательно, вам не купить.

Крепышкина *(отходит и прохаживается)*. Так быть, подождать, пока цена сбудет.

Перебоев *(про себя)*. Эдакая покупщица пожаловала, что почти даром просит.

Щепеткова *(к Разживину)*. Покажи-ка опять атлас и гас!

Разживин. Нету-ти тововона-тка, барани; продал-сте.

Щепеткова. Эдакой грубиян! *(К Проторгуеву.)* Покажи мне чулки и платки.

Проторгуев. Нет, нет! Я! Я положил все под гнет. *(Про себя.)* Еще было пожаловала мять да бросать... Пусть прогуляется.

Щепеткова *(поет)*.

Отсмею же я купцам эту игрушку,
Не куплю у них я впредь ни на полушку,
То-то сильной будет им удар,
Как сама я выпишу товар!

Крепышкина *(поет)*.

Ничего купить нельзя: купцы вздурились,
И ценой они безмерной вздорожились,
А чтоб их за это наказать,
Стану с акциону покупать.

Обе.

Их товары залежатся,
Станут сами набиваться:
Только лишь возьми.

Щепеткова и Крепышкина уходят.
В сии сцены и в последующие до девятой входят разные покупатели и покупают товары.

ЯВЛЕНИЕ 3

Купцы, Скваыгин и Прямиков.

Прямиков. Здравствуй, брат, старой мой должник! я уверен, что сегодни, конечно, от тебя деньги свои получу, а особливо для того, что я поверил тебе их без расписки; я ж теперь отсюда еду, потому что пожалован я городничим, так намерен жениться и прожить век свой в покое.

Скваыгин. Счастливой-сте путь желаю вашему благородию, только я теперь пришел в такое изнеможение, что ей-ей, по чести, насущного хлеба не имею.

Прямиков. Ба! как так? Да ты в нынешнем году множество товаров за море отправил?

Скваыгин. Это хоть и правда, милостивец, однако ж все те корабли, на коих мой товаришка находился, занесло из Зунда в Хвалынское море и все потопило.

Прямиков. Ну, брат, загуляли ж? Это под Астрахань! Туда на корабле-то не проедешь.

Скваыгин. Нет бишь, милостивец, не в Хвалынское, а в Каспийское. Я об этом верное известие имею.

Прямиков. Ну, ну, ну! переври сызнова! Да это все равно.

Скваыгин. Ошибся-сте! как бишь? Дай бог память. Эдакая ромода! *(Приставливает палец ко лбу.)* Право, запамятовал. Да мне помнится, что диво-то-ка не заплатил ли я вам должок-ат?

Прямиков. Мошенник, мошенник, мошенник! Мне давно сказывали, что ты плут; все не хотел верить. Ты, я думаю, рад теперь и присягнуть, что ты заплатил?

Скваыгин. Вестимо, что заплатил-сте; они и в книге похерены.

Прямиков. Бесчестной человек! Как тебя своя братья терпит? Ты им собою только стыд делаешь! *(Отходя.)* Эти деньги будешь ты помнить! *(Уходит.)*

Скваыгин. Где гнев, тут и милость, сударь! *(Про себя.)* Ха! Ха! Ха! Ха! Э! брат, взял, пошел, как не солоно хлебал. Веть брань на вороту не виснет, а стыд не дым, глаза не выест. *(Увидя Крепышкину и Щепеткову.)* Вот еще этих чорт несет: надобно и их как-нибудь отбоярить.

ЯВЛЕНИЕ 4

Щепеткова, Крепышкина и прежние, кроме Прямикова.

Щепеткова. А! здравствуй, батюшка, Ферапонт Пафнутьевич!

Крепышкина. Здравствуй, мой батька!

Сквалыгин. Покорной-сте слуга чести вашей.

Щепеткова. Я хочу выкупить у тебя мой вексель и взять остальной в поручительстве заклад.

Сквалыгин. Мне помнится, что я заклад ваш по нужде другому заложил.

Щепеткова. Нельзя тому статься, это пустое.

Крепышкина. А я неотменно хочу назад получить от тебя мои деньги, кои в процентах у тебя ходят, и выдать тебе вексель.

Сквалыгин. Во власти вашей. Я не в силах заплатить, потому что в превеликой пришел упадок.

Крепышкина. Ах! батька, как ты лжешь! Да я знаю, что у тебя превеликое множество лавок, фабрик и заводов.

Щепеткова. Также и своих денег много в процентах.

Сквалыгин. Душа бы-сте вон изо пса, ежели есть полушка за душой. *(Поет.)*

Вот каков стал ныне свет;
Баламутит так речами,
Нищих ставит богачами,
Бредит то, чего и нет!
Ныне так мал барышишка,
Не добудешь в день грошишка,
Хоть из лавки вон бежать;
Разве стареньки тряпички
Или сереные спички,
Ходя в рыпке, продавать.

Крепышкина. Так изволь-знать, что я вексель твой отдала стряпчему для взыскания, потому что добровольно с тебя получить не могла.

Щепеткова. И я также принуждена буду просить на тебя.

Сквалыгин *(вслед)*. Видал я эти угрозы! Мне уж не первой дождь на голову.

Крепышкина и Щепеткова отдаляются от лавки вперед театра и встречаются с Прямиковым.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Прямиков.

Щепеткова. Умилосердись, мой батька! Где ты был?

Крепышкина. Мы тебя нигде найти не могли.

Прямиков. А я все вас искал. Да что такое?

Щепеткова. Знаешь ли что, батюшка? Сквалыгин не отдает мой заклад.

К р е п ы ш к и н а. А мне не хочет платить по векселю денег.

П р я м и к о в. Прошу не погневаться, мы все трое не спросясь броду, да сунулись в воду. Вперед наука, не имей дела с плутом. Он и в моем долгу заперся.

Щ е п е т к о в а. Как же мне заклад свой получить от него?

П р я м и к о в. Надобно требовать тот вексель, на котором вы заклад в поручительстве подписали. *(К Крепышкиной.)* А ваш вексель где?

К р е п ы ш к и н а. Я отдала для взыскания денег регистратору Крючкодею.

П р я м и к о в. Крючкодею? Этому плуту? Веть за этого Крючкодея этот плут Сквалыгин выдает свою дочь! Да он и в доме у него же живет. Ну, ну, так сами вы судите, можете ль вы получить деньги, когда плут плута погоняет?

К р е п ы ш к и н а и Щ е п е т к о в а *(обе)*. Что ж нам делать?

П р я м и к о в. Надобно сыскать этого крючкотворца и вырвать у него вексель. Теперь здесь делать нечего, а ужо поедем к этим плутам на дом и постараемся дело привести в порядок.

Уходят П р я м и к о в, Щ е п е т к о в а и К р е п ы ш к и н а.

ЯВЛЕНИЕ 6

С к в а л ы г и н, Р а з ж и в и н, П е р е б о е в, С м е к а л о в и С а л а м а н и д а входят.

С а л а м а н и д а *(мужу)*. Бог на помочь, Пафнутьич!

С к в а л ы г и н. Здравствуй, милочка жонушка! Что ж ты одна? Веть ты хотела быть вместе с нареченным нашим зятем, регистратором Крючкодеем?

С а л а м а н и д а. Я его послала наперед, а сама зашла к ворожее. Знаешь ли, какая сделалась причина? Веть бочонок-та с вином, которой ты взял с должника за пожданье, совсем рассохся, и вино-то вытекло.

С к в а л ы г и н. Как так? Статимое ли пить это дело? Веть он был полон?

С а л а м а н и д а. Эдакой ты, батька, неверной! Да, может быть, сперва вино-то усыхало по капельке, после того по рюмочке, а там и по стаканчику. Посмотри поди, веть и обручи посвалились.

С к в а л ы г и н. Эти обручи надобно наколотить на тебя, чтоб ты с вина не треснула. Это твое дело, ты его высушила, пьяница!

С а л а м а н и д а. Тьфу, батька, с умом ли ты? Стала ль бы я без ведома твоего делать? Ворожея Федотовна мне сказала, что де бочонок-ат мыши прогрызли, и как ни разведет бобами, ан все точь-в-точь так выходит.

С к в а л ы г и н. Дай-ко мне прийти домой! Вот я поворожу над тобой бобами! Добро, это винцо выдет из тебя соком.

Саламанида *(поет).*

Муженек мой дорогой,
Власть твоя, сударь, со мной;
Ты не столь меня побьешь,
Сколь себя ты надорвешь.
Брилиянтовые глазки!
Возврати мне прежни ласки,
Стану впредь над домом лучше надзирать.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Крючкодей (тащит мужика на театр).

Крючкодей. Я с тобою, плут, сделаюсь! Ступай на съезжу. Ты мне должен заплатить бесчестие и увечье.

Сквалыгин. А! зятюшка нареченной! что с тобою, друг мой, сделалось?

Саламанида. Уж не мужик ли этот тебя обидел?

Мужик. Пожалуй, баценька барин! К цому ты придираёшься?

Крючкодей. Как придираюсь? Разве ты на меня не наехал и оглоблею меня не толкнул?

Мужик. Вольно тебе меня вскёпаць. Вот, послушайтё, цосные осьпода, как это дзело было. *(Поет.)*

Ехал я уличей вместе с обозом,
Правил я истинно лошадью с возом;
Милость твоя церез улицу шел,
Быстро ты, быстро в глаза мне глядел.
Вдруг ты, как пьяной, тогда закацался,
Дзелал мыслете, вот эдак шатался;
Я раз десяток «подзи» прокрицал,
Только ты с умыслу под воз попал.

Крючкодей. Ты, каналья, бороноволок! имел бы сказать мне со всепокорною покорностию, чтобы я посторонился, ибо понеже я имею регистраторской ранг.

Мужик. Ваше высокородьё! колды бы я табе не баил, толды бы ты и турбацыл мёня, а то, суди милостиво, я ажно охрип табе крицавши.

Крючкодей. Поставь свидетелей, или есть ли у тебя доказательные доказательства, что ты кричал?

Сквалыгин. Дельно, Аксён Филимонович! он докажи.

Мужик. Да какие табе, барин, свидетели? Кто на уличе за меня вступитча и пойдзет за мною докасцыком?

Саламанида. Ну, так ты и виноват.

Мужик *(вынимая мошну).* Помилуй, ваше происходительство! Ин, вот-ста табе. *(Дает денег.)* Только ослободи, пожалуй, мне, право, неколи.

Крючкодей. И то дело! Как! только гривну-та? Ты меня новым бесчестьем обесчестил и поставил меня, якобы я хуже холопа. Да я жалованья получал в прошлых годех по осмидесяти

рублей; того ради подлежательно доправить с тебя по самой справедливой справедливости бесчестья восемьдесят рублей, а увечья вдвоя.

Мужик. Воля твоя, отецкой сын, у меня только и деньжонок в мошне сорок алтын. *(Подает ему.)* Вот, ин, все табе. Отпусти, родзимушка.

Сквалыгин. Ну, зятюшка, коли нечего взять, так уж пропадай он вставши.

Саламанида. И впрям так, батька, будь и тем доволен, авось-либо с другого и побольше бог пошлет.

Крючкодей *(толкает мужика)*. Сгинь твоя голова, шмерц каналья!

Мужик *(в сторону)*. Што ты дзелаешь? Вот ещё какая собака патялась, што середи бела дни ограбил! Вижу, что самой коновной плут, а побарахтатчи не смею. О! хо! хо! хо! *(Уходит.)*

[Во втором действии дана картина свадебного сговора, происходившего в доме Сквалыгина. На сцене жених Крючкодей, невеста Хавронья, Сквалыгин с женой, гости-купцы; сваха ведет свадебную игру, девушки поют свадебные песни.

Третье действие. Плутни, подлоги Сквалыгина и Крючкодея продолжаются. Прямикову удается, наконец, выявить беззакония Сквалыгина и Крючкодея. Крючкодей арестован, секретарь является в дом Сквалыгина и предъявляет ему целый ряд обвинений. Сквалыгин и Крючкодей каются в своих преступлениях.]

Н. П. НИКОЛЕВ

(1758—1815)

Николай Петрович Николев, сын дворянина, с шестилетнего возраста воспитывался в доме своей родственницы, княгини Е. Р. Дашковой; несколько лет служил в гвардии, 20 лет от роду он ослеп, вышел в отставку, отдался литературной работе.

Николев был очень плодовитым писателем, начал писать с тринадцатилетнего возраста, ему принадлежит большое количество од — духовных, торжественных, дидактических, — басен, сатир, посланий, любовных песен.

Со второй половины 70-х годов Николев выступает как драматург. Им написаны: в 1776 г. — «драма с голосами» «Розана и Любим», в 1777 г. — «Прикащик» — «драматическая пустельга с голосами», в 1780 г. — комическая опера «Точильщик» (напечатана в 1788 г. в «Российском феатре»), в 1782 г. — шутливая опера «Опекун-профессор или любовь хитрее красноречия», в 1784 г. — трагедия «Сорена и Замир» и др.

С 1790 г. Николев начал печататься в журналах. Его произведения появлялись в «Новых ежемесячных сочинениях», «Московском журнале», «Санктпетербургском Меркурии», в «Аонидах». В 1795—1798 гг. в пяти томах были напечатаны «Творения Николая Петровича Николева» (драматические произведения Николева в это издание не вошли).

Николев принадлежал к либеральной группе русских аристократов — Паниных, Воронцовых и др. В молодости он проявлял свою оппозиционность в довольно резкой форме. Комическая опера «Розана и Любим», написанная Николевым в 1776 г., вскоре после крестьянского восстания под предводительством Пугачева, и поставленная им на московской сцене, была очень смелым выступлением. Еще более смелым выступлением Николева была его тираноборческая трагедия «Сорена и Замир», написанная в 1784, поставленная на сцене Московского театра в 1785 и напечатанная в 1787 г.

В одной из своих сатир Николев говорит о себе:

Я человеком быть хочу,
Я обращаюся как с братом
И с генералом и с солдатом.

Николев дерзнул противопоставить царя и народ:

При жизни статую народ царю поставил, —
А царь народу что оставил?..
Веселье, под нее тирана положить
И без тирана жить.

Друзьям своим, убеждавшим его быть осторожней в высказываниях, он обыкновенно говорил: «Никакая темница не увеличит мрака очей моих».

Несмотря на радикализм отдельных своих выступлений, Николев оставался в рамках дворянской идеологии, он видел разрешение назревших острых социальных проблем в воспитании дворянства на началах гуманности, рисовал образы расканвшихся злонравных крепостников-помещиков и тиранов-царей.

После Французской революции 1789 г. Николев значительно «поправел», и потому лучшие свои произведения («Розана и Любим» и «Сорена и Замир») не включил в собрание своих сочинений.

Николев в начале своей деятельности был верным последователем Сумарокова, но в дальнейшем он находился под сильным воздействием Княжнина, а в 90-х годах в творчестве Николева сказывается воздействие державинской школы, особенно заметное в области языка.

СОРЕНА И ЗАМИР

Трагедия
Николая Николева
Сочинена в 1784 году

В первый раз представлена на Московском Театре в 1785 году, февраля 12 дня.

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мстислав, царь Российский.
Замир, князь Половецкий.
Сорена, его супруга.
Премысл, наперсник Мстиславов.
Зенида, наперсница Соренина.
Воины Мстиславовы.
Воины Замировы.

Действие в Полоцке в царских чертогах.

Театр представляет царские чертоги. Вдали виден храм божий, отделенный от места представления большими сеньми.

Содержание действия первого и второго:

[Мстислав разбил войско половцев, точнее полочан, овладел городом Полоцком; князь половецкий Замир скрылся, жена его Сорена захвачена в плен. Мстислав пылает горячей любовной страстью к Сорене и, уверяя ее в том, что Замир погиб, предлагает вступить с ним в супружество. В сердце Сорены живет уверенность в том, что горячо любимый ею Замир жив, она решительно отказывает Мстиславу в его домогательствах, ненавидит тирана — завоевателя ее родины, что выражает в таком монологе:

Вот злейшие часы для сердца моего!
Иль все я возвращу, иль вдруг лишусь всего?
Душа моя теперь колеблемое море!
В любви, отчаяньи, в надежде, страхе, горе!
На чем остановлю, несчастную, себя?
Гнушаюсь жизнию и жизнь мою любя.
От неизвестности Замировой судьбины
Во всем я нахожу к тоске моей причины!
О вы! которых я неложно в сердце чту

И коих гордый враг, считая за мечту,
Желает истребить, желает христианство
Нам в души поселить чрез наглое тиранство,
Доколь вы будете презрение терпеть
И подданных своих в постыдном рабстве зреть?
Потерпите ли вы толикие досады?
В темницы ваши днесь преобращенны грады,
В них стонет ваш народ, в них кровь течет граждан,
Везде насилие, грабительство, обман;
В пренебрежении и алтари, и храмы,
И лишь Мстиславу в честь курятся фимиамы;
Не вы днесь боги, он: он жизнь дает и казнь,
Его за бога чтет народная боязнь,
Злодеям торжество, а нам порабощенье,
Иль ждете, чтоб Замир соделал им отмщенье
И от лютейших зол народ избавил свой?
Спеши!..

Замир, действительно, был жив, он собрал вокруг себя полочан и под именем Остана сделал попытку освободить своих соратников, заключенных Мстиславом в тюрьму, — попытка не удалась, и сам Остан-Замир был схвачен и посажен в тюрьму. Чтобы узнать о судьбе своего мужа, Сорена добивается у Мстислава разрешения увидеться с пленниками. Мстислав дает разрешение, стража приводит пленников и среди них Остана-Замира; происходит встреча Замира с Сореной.

Поведение Остана и Сорены во время этой встречи выдало их, наперсник Мстислава Премысл и сам Мстислав поняли, что под именем Остана скрывается Замир.]

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 2

Мстислав *(один)*. Умрет злодей, умрет!.. в нем жертва мне драга;
Остан или Замир, в том нужды нет Мстиславу.
Тот должен умереть, кто мне дает отраву,
Кто смеет ту любить, котору я люблю.
Вселенну за нее, вселенну истреблю!
Когда Соренина меня лишают взгляда,
Пойду против небес... пойду противу ада,
Любовию моей пресилю естество.
Сорена для меня едино божество!
Увы! к чему меня лютейша страсть приводит,
И отчего мой ум в сомнение приходит?
О чем стеню и злюсь?.. но вздохи... слезы их!
Ах, все... все их винит теперь в глазах моих:
Обман, любовь моя и их любовь к друг другу!
Отмстя, я должности соделаю услугу.
Казню совместника! Сорену погублю!
И страсть до искры я из сердца истреблю!

Надежда мне вредна, отчаянье полезно:
Погибни то навек, что мне к бедам любезно.
О небо!.. кая злость мне в душу пролита?
Слова наперсника... и может быть мечта
Должны ль причиной быть такого исступленья?
Сорену умертвить есть свыше преступленья!
Пускай лишь враг один...

ЯВЛЕНИЕ 3

Мстислав, Премысл.

Премысл. Все пленники пришли.

(Премысл вводит пленных.)

Мстислав. Представь. Вотще креплюсь!.. все страсти возросли!

ЯВЛЕНИЕ 4

Мстислав, Замир, Премысл, пленные и стражи.

Мстислав *(в сторону)*. Что зрю!.. Сей вид!.. Сей взор!..
Замир *(в сторону)*. Как скрыть свою досаду!
Мстислав. Пришед с оружием к подвластному мне граду,
Какое ты имел намеренье?
Замир. Отмстить
И вольность прежнюю гражданам возвратить.
Мстислав. Намеренье твое хоть было дерзновенно,
Но ты в моем плену, так мной оно забвенно.
Замир. Но незабвенны мной обида и урон,
И кровь граждан моих и горестной их стон,
Что все соделано тобой для тщетной славы.
Мстислав. Какие вспоминать о том имеешь правы?
И кто их дал тебе?
Замир. К отечеству любовь.
Проливши кровь граждан, мою ты пролил кровь.
Могу ли позабыть... то время я плачевно,
В котором к нам тебя послало небо гневно;
Как стены разоря, ты вшел с оружьем в град
И в ярости своей лил всюду смертный яд,
Где храбрость половцев числом была объята,
Где муж лишен жены, где брат лишался брата,
Где старец на одре, младенец у грудей
Для пищи варварства и лютости твоей
Без сожаления на члены раздирались;
Где домы, улицы во гробы претворялись,

Где злоба адская, с корыстью съединясь,
Несчастнейших граждан сокровищем пленясь,
Мешала с воплем их мечей тиранских звуки:
Одним питался слух, другим питались руки...
Какое зрелище!.. И льзя ль его забыть?
О ужас! Льзя ль сие из мысли истребить!
Там груда мертвых тел — там кровь течет рекою,
Там умирающий с стенанием, тоскою
Ждет смерти, мучася от ядовитых ран!
Куда ни обратись, — иль жертва, иль тиран!
Все зверству твоему и аду покорялось,
Все адом и тобой в минуту пожиралось:
Забыто было все: природа, божество,
Зря тварь в тебе свою, стыдилось естество.

Мстислав. Довольно я терпел от пленника несчастна,
Или забыл, что мне судьба твоя подвластна,
Что ты монарха зришь, я зрю в тебе раба?

Замир. Подвластна лишь одним богам моя судьба!
Сей пленник на тебя без ужаса взирает;
Сей пленник... сей твой раб Мстислава презирает!

Мстислав. Вступите!..

Замир. Умерщвляй!.. Замир перед тобой!

Мстислав. О небо!.. предузнал!..

Замир. Замир!.. совместник твой!
Узнай его! узнав, исчисли оскорбленья,
Досады смертные!.. Исчисли преступленья,
Которые пред ним тобой учинены,
И ежели тебя для бедства сей страны,
Для истребления, для лютых мук и злобы
Послали фурии из адския утробы,
То совершай скорей определенья их!
Искореня уже граждан... друзей моих,
Не чрез оружие, чрез подлые измены,
И, мысля, наконец, лишить меня Сорены,
Дерзая льстить себе, что будешь той любим,
Которая давно мне с сердцем уж своим
В награду нежности свою вручила руку,
Ты должен осудить меня на смертну муку
Или, отдав мне меч и обнаживши свой,
Низвергнуться во ад Замировой рукой!
Умри!.. иль умерщвляй! мне жить теперь поносно.
Тиран в моих странах, а рабство мне несносно:
Свободы не лишусь, хоть весь восстанет мир,
С свободою рожден, и с ней умрет Замир.

Мстислав *(в сторону)*. От твердости его мой дух изнемогает!
Чем можно устрашить, коль смерть пренебрегает?
Но он совместник мой!.. он должен умереть.
Под стражу!..

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж, Сорена.

Сорена *(вбежав)*. Ах, тиран!..
Замир. Сорена!..
Мстислав. Мне ль терпеть?
В темницу!..
Замир. В ад пойду, злодея презирая!..
Сорена. Смягчись!..
Мстислав. Веди!..
Сорена. Замир!..
Замир. Прости!..
Сорена. Судьбина злая!

ЯВЛЕНИЕ 6

Мстислав, Сорена, Премысл.

Сорена *(став на колени)*. Бесчувственный Мстислав, источник бед моих!
Смотри... несчастная... лежит у ног твоих
В отчаяньи, слезах, стеняща, полумертва.
Смягчись!.. или рази!.. перед тобою жертва!
Но без Замира жить минуты не хочу,
Вослед за ним и в ад с весельем полечу!
И льзя ли без него мне в сем остаться мире,
Когда душа моя заключена в Замире?
Коль смерть ему нарек, Сорене нареки
И, медля казнь мою, не множь моей тоски!
Вынь меч!.. и обагри в крови невинной руки!
Вынь меч!.. и пресеки мои несносны муки!
Вот грудь, в которой я храню драгому вздох;
Вот сердце, где Замир!.. в нем!.. в нем Соренин бог:
Пронзай его!.. ты двум дашь смерть одним ударом.
Отмщай! прославь себя души тиранской даром.
Мстислав. О небо! кая смесь досады и любви!
То душу рвет любовь, то гнев кипит в крови!
Отвсюды и во всем едины вижу бедства!
Люблю!.. жалею!.. рвусь!.. И нет к покою средства.

(Упадает в креслы.)

Сорена. Коль в сердце не совсем Мстислав окаменел,
Коль власти несколько мой взгляд над ним имел!
Мстислав *(взглянув на нее с великим чувством)*. Сорена!..
Сорена. Ах! прости, коль я тебя тревожу,
Коль словом искренним твою досаду множу!
Замиром я клянусь, что нет коварства в нем,
Мое жаление лишь в чувствии твоем
Хоть малое родить к щедроте наклоненье!..

Мстислав. К щедроте?.. Смертное мне сделав оскорбленье,
Мучительную казнь? удар любви такой?
Наполня сердце мне грызущею тоской
И не оставя мне малейшия отрады,
Ты смеешь требовать... о рок! тиранские досады!
Чтоб я, жестокая!.. к щедроте дух склоня,
Злодея моего с тобой соединя,
Умножил мук своих и мучился всечасно?
Щедрота вредная!.. возмездие ужасно!..
Нет, нет! не льсти себя надеждою такой!
Не внемлю более щедроте никакой!
Нет жалости к тебе и впредь ее не будет!
Любовь моя своей уж пользы не забудет.
От нисхождения мой жребий стал жесток:
Теперь уже ни вздох, ни слезный твой поток,
Ни жалоба, ничто меня не восстревожит.
Рыдай!.. рыдание мою лишь страсть умножит,
Довольно я сносил презренья от тебя,
Довольно от любви позабывал себя
И был твоим рабом, и был тебе покорен;
Нет больше милости!.. Мой будет дух упорен.
Когда упорна ты к горячности моей,
Жестокостью воздам жестокости твоей.
Умрет совместник мой!..

Сорена. О боги! о тиранство!

Мстислав. Мстиславовой душе наскучило подданство.
Уж время чувствовать Мстиславу притекло,
Что он не раб, а царь. Забвенье то прошло,
Которое меня толико унижало
И бедствия мои и муки соружало.
Я счастлив быть хочу, я быть хочу любим,
Или по крайности желаниям своим
Не буду я иметь уж более препоны.
Мой бог теперь — любовь: мне власть моя — законы.

Сорена. Жестокой... ах!.. постой!..

Мстислав. Не внемлю ничему.

ЯВЛЕНИЕ 7

Сорена *(одна)*. Что мыслить?.. что начать?.. прибегнути к кому?
Кто помощь мне подаст?.. Гонима... притесненна,
Оставлена судьбой... Замира я лишенна!
Мучитель! ах! почто меня не умертвил?
Суля Замиру казнь, ты мне ее сулил!
О боги!.. Но уж вы престали быть богами,
Бессильны вы теперь, бессильны пред врагами!
Все страждет!.. гибнет все, все злейшей ждет чреды:

Угрозы, ужас, казнь, гонение, беды, —
Вот жребий половцев... вот наши оскорбленья,
И вот Мстиславовы пред вами преступленья!
А вы... вы медлите злодею отомстить!
И вас, и вас тиран умел преобратить
В ненужны существа для своего злодейства!
Какие боги вы, коль боги вы без действа?
Увы! что изрекла в отчаяньи моем?
Рассудок ли то рек? нет, нет, во мне он нем!
На смертном мы одре рассудка не имеем,
А я на смертный одр осуждена злодеем!
Иду, мое иду разрушить бытие *(Уходит, но Зенида ее останавливает.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Сорена, Зенида.

Зенида. О небо! ах! к чему отчаянье сие?
Сорена. К тому, чтоб смерть ко мне приближилась скорее.
Судьбины моея не может быть лютее:
Всего лишенна я!.. погибла я навек!
Любезну моему мучитель смерть нарек!
Нарек!.. а я дышу!.. а я не умираю!
И только в жалобах вотще слова теряю!
Изменница!.. в тебе нет чувства!.. нет любви!
Погас уж пламень твой!.. остался хлад в крови.
Замир... тобой забыт... забыт без сожаленья!
Он мертв... а ты жива!.. се свыше преступленья
И всех превыше зол... твой долг не жить, умереть,
Твой долг во гробе днесь свое блаженство зреть!
Он мертв!.. о боги!.. кто мне в ум сие влагает?
Он жив еще!.. но дух... томится!.. содрогает!
Предчувствие!.. мой страх... сбылись мои мечты!
Навек уже Замир... что... что вещаешь ты?
Зенида. Безмолвствую.
Сорена. Чего ж страшиться?.. Ты бледнеешь!
Какую страшну весть сказати мне робеешь?
Почто меня терзать, надеждою маня?
И ты уже, и ты восстала на меня!
И ты несчастнейшей Сорене изменила!
Судьбина на меня все злобы съединила!
Преступница!.. мой друг! ах! сжалься надо мной,
Скажи мне истину! реши ты жребий мой!
Коль мертв уже Замир... влеки из тела душу!
С весельем жизнь мою от рук твоих разрушу.
Вскрой грудь мою... я то наградою почту...
Зенида. Опомнись, прогони ужасную мечту!
Сорена. Замир!.. Замир!.. уж я навек тебя лишилась.

З е н и д а. Не думай, чтоб его судьбина совершилась:
Минуты нет тому, как зрела ты его;
Спокой смятение рассудка твоего!
С о р е н а *(помолчав)*. Спокою; но на то... на то себя спокою,
Чтоб грудь тиранскую пронзить своей рукою,
Чтобы отмстить врагу за кровь дражайшу мне,
Чтоб вольность возвратить отеческой стране
И после умереть и с тем соединиться,
К кому стремилася и буду ввек стремиться,
За кем мое вослед блаженство потекло
И без кого мне жизнь — беда, мученье, зло!

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

М с т и с л а в *(один)*. Чем дух смятенный мой себя ни ободряет,
Любовь в минуту все во слабость претворяет!
Ум с страстью борется, но побеждает страсть.
Ищу отрады я, — встречаю лишь напасть.
Жду сладостных утех, а ощущаю горе.
Все чувствия во мне между собою в споре!
Злы фурии себе, для мук моих и зол,
Во сердце днесь моем воздвигнули престол!
Злы страсти!.. фуриям тогда они подобны,
Когда не к радости, к терзанью лишь удобны.
Увы! все мужество любовью погубя,
В самом, в самом себе не нахожу себя!
Мстислав уже не тот! в Мстиславе нет Мстислава:
Он женствует! ему не льстит гремяща слава:
Ее страшится он и бегает ее!
Он в неге, в праздности блаженство зрит свое!
Увянул лавр его!.. Он гонит добродетель
И хочет смерти быть невинного содетель.
Злодейски повелел уже готовить яд!
Для счастья временна я прочу душу в ад,
На муки вечные себя приготовляю
И мерзостной пример потомству оставляю!
О строгий судия деяния людей!
Бог равнодушия! Раб пламенных страстей!
Рассудок! коль тебе в нас сердце не подвластно,
Почто против него бунтуешь ты всечасно?
Бунтуй!.. Не допускай злодейство к торжеству!
Дай силы новые душе и веществу.
Все тщетно!.. от тебя я помощи не вижу!..
Злодейка!.. скоро я тебя возненавижу.

Уж скоро страсть мою во ярость претворю.
Все... ложно... ложно все, что я ни говорю!
От капли слез ее вмиг ярость усмирится,
От вздоха одного ей сердце покорится.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мстислав, Премысл.

Премысл. Исполнил, государь, желание твое,
И яд уже готов...
Мстислав. Желание мое!..
Вот злейший плод любви; но, средств иных не видя,
Пойдем злодейству вслед, злодейство ненавидя;
Поди... постой... Увы!.. к чему стремится дух!
Сореной он любим!.. но он ее супруг!..
Чего же требовать?.. Какое преступленье!..
Премысл. Когда в душе твоей бунтует сожаленье,
Мужайся, государь! долг честью подкрепи!
И власть ему в себе над страстью уступи.
Мы рабствуем, когда надеждой страсть питаем,
Но тотчас силу мы рассудка обретаем,
Когда ее в себе надеждой не маним.
Отчайся в ней! Любовь отчаяньем одним
Из сердца, государь, нередко истреблялась.
Мстислав. Нередко от любви вселенна погублялась.
Погибель и моя в ней... в ней заключена!
Она погибель мне, и счастье мне она.
Я побеждать себя уж более не властен,
Сореной я и был, и есть, и буду страстен.
Терзаться и любить мне небом суждено.
Премысл. Но буде сердце то другому отдано,
Которое иметь толико ты желаешь;
Виновно ли оно, что ты к нему пылаешь?
Мстислав. Невинно для тебя, виновно для меня.
И больше не хочу жить в страсти я стеня.
Приятно ль будет мне величество и слава,
Сокровища, престол, Российская держава
И все, что на земле душам великим льстит,
Когда Сорена мне Замира предпочтит,
А мне за всю любовь оставит в награжденье
Уныние, печаль, стон, хладно рассужденье
И мнимое мое над страстью торжество?
Я душу вознесу... но бедно вещество
Получит ли покой душевным возвышеньем?
Как скорбь делить души с вещественным мученьем?
Премысл. Прибегнув к разуму, он способ даст тебе
Любви бесплодной власть преодолеть в себе.

В нас сердце для страстей, в нас разум для спокойства,
Последовать ему есть действия геройства.
М с т и с л а в. Могу ли в том успеть?.. Никая в свете власть
Не может победить мою к Сорене страсть.
Хоть каждый взгляд ее, движение и слово
Душе моей сулят всегда мученье ново,
Хоть яд с любовию мне в сердце пролила,
Хоть злюсь, терзаюсь, рвусь, — мне все она мила.
Я лучше соглашусь сносить мученья люты,
Чем потерять навек те сладостны минуты,
Которы чувствую, взирая на нее!
Приятно с нею мне мучение мое!
И ей несчастлив я и счастлив ей одною:
Она в моих глазах... и все забыто мною!
Ах! естьли хочешь ты, чтоб я престал любить,
Соделай, чтоб она мила престала быть,
Лишилась бы приятств и сих красот небесных,
Которы вижу я в очах ее прелестных,
Чтоб не была она подобна божеству
И украшением надменну естеству,
Созданьем в ней одной толико совершенства,
Чтоб не была виной отрад, утех, блаженства
Того, к кому хоть раз с приятностью возрит.
Когда сие Премысл мне чудо сотворит,
Когда вселенна с ней всех прелестей лишится,
Тогда его, тогда желание свершится.
Но видя зрак ее... сей взор... сии уста,
На коих трон себе воздвигла красота,
Которы чрез одно свое прикосновенье
Сулят душе восторг и райско наслажденье,
Могу ли к ней, увы! мой пламень истребить?
Могу ль минуту я Сорену не любить?
Старание о том все было б бесполезно.
Нет, нет: хоть сердце ты вложи в меня железно,
И в кровь мою, и в кровь пошли ужасный хлад,
Едва Соренин я узрю приятный взгляд,
Железно сердце вмиг в нежнейше пременится,
Погибнет хлад в крови, и кровь воспламенится.
П р е м ы с л. Но быть убийцею... Мстиславу... для любви!..
М с т и с л а в. Престань и должностью души моей... не рви.
Не поминай о том... не поминай мне боле,
Последовать чему не есть в моей уж воле.
Умрет совместник мой... умрет... о люта часть!
О злодеяние! о пагубная страсть!
Сулимая тобой ужасна мне отрада!
Ты рай суля душе, ведешь во бездну ада!
Вот счастие людей, предавшихся любви!
Рассудок, должность, честь... Замир! тиран!.. живи!

Я мщенье... но увы!.. что станется со мною...
Умри!.. но сам своей будь смерти ты виною.
Отсрочу казнь его, отсрочу, но лишь с тем,
Чтоб веры истинной родить познанье в нем:
Коль хочет жить еще, да примет християнство.
Премысл. Намеренье сие являет лишь тиранство.
Прости, о государь! прости сию мне речь,
Которую могло усердие извлечь!
Люблю Мстислава я, но не забуду чести.
Погибни навсегда вещатель гнусной лести!
Погибни подлое творение сие,
Которого царю зловредно бытие,
Которое на то монарха усыпляет
И слабости его пороки похваляет,
Чтобы сокровища разграбивши его
И в несыщение тщеславья своего
В несчастной бедности отечество оставить,
Себя обогатить, монарха обесславить!
Нет! естьли, государь! тебе угодна лесть,
Уволь меня... дай смерть или оставь мне честь.
На титлы истины вовек не променяю,
Любовь мою к царю я с ней соединяю,
Она в моих устах с монархом говорит;
Он славу тем свою в бесславье претворит
И привлечет к себе всего презренье мира,
Коль для ради любви лишит он дней Замира.
Проникнул в умысел твоей любови я,
Не рвеньем ко Христу объята мысль твоя;
Желанье обратить Замира в християнство
Показывает мне к любви твое подданство.
Мстислав. О небо! чувствую всю истину сих слов.
Но что?.. где умирать есть право за врагов?
Имев в своих руках все средства к наслажденью,
Мне ими жертвовать врагу?
Премысл. И рассужденью,
И чести твоея, и должности царя.
Отдай Мстислава нам, страсть долгу покоря.
Все веры суть равны, коль бога чтут за бога,
К блаженству истинна для всех одна дорога.
Хранящему ее в бесчестье ль истукан?
Блажен язычник с ней: тиран все есть тиран.
Намеренье твое не есть необходимость,
Мстислав, монарх, герой, чтить должен он терпимость.
Мстислав. Нравоучения тогда противны мне,
Когда они сулят лишь муки мне одне.
Не внемлю им... представь и пленных и Замира,
Спасется их живот, и княжеска порфира
Врагу отдастся мной, коль веру пременят.

П р е м ы с л. Исполню: но тебя лишь страсти тем манят!
Напрасно пленных ты на помощь призываешь,
Ты в умысле своем без оных успеваешь,
Без них останется Замир в законе тверд
И будет столь велик, сколь ты немилосерд.
М с т и с л а в. Безмолвствуй и иди, куда повелеваю.

(Премысл уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

М с т и с л а в *(один)*. Вотще любовь мою я верой затмеваю:
Против желания во мне обнажена.
К чему моя душа, к чему приведена!
К злодейству... мерзости... отрады нет несчастну!
Сорена!.. ты вина намеренью ужасну:
Ты кровь мою зажгла, ты ум смутила мой,
Ты сделала, что я не властвую собой,
Что я преступник стал, враг чести, враг закона,
Что воздух от меня наполнен горька стона.
Ты все... ах! нет! не ты! я сам тому виной!
Я в бездну сам иду, имея путь иной!
Почто иду в нее?.. иль вольно погибаю!
Творец! Открой мне то, чего не постигаю,
В сомненьи бедственном нам помощь лишь в тебе.
Две силы равные я чувствую в себе:
Одна влечет к любви, любовь другая гонит,
К единой чувствия, к другой рассудок клонит.
То сладость в яде мне, то в сладости мне яд:
В чем сердце видит рай, в том разум видит ад.
Отколе сей раздор и чувствий смесь ужасна,
Которой наша жизнь счастлива и несчастна!
Ты царь, вознесшийся над нашею судьбой,
Ты все для нас: живем и правимся тобой!
Все действа наши суть твое соизволенье!
Ты праведен: почто ж мы знаем преступленье?
Ждем казней от тебя? Зло в свете есть почто?

(Став на колени.)

Открой, всеведущий, открой, творец, мне то;
Ты создал все; всему довлеет быть причина.

(Востав.)

Куда я мысль простер... о таинства пучина,
В которую смертному проникнути нельзя,
К которой вечно нам неведома стезя!
Тебя лишь знает тот, кто правит небесами:
А естьли б знали мы, мы боги были б сами.

ЯВЛЕНИЕ 4

Мстислав, Премысл.

Премысл. Замир и пленные...
Мстислав. К чему судьба вела!
Едва изрек Замир... и ревность кровь зажгла!
Сорена!.. Варварка!.. нет! нет! сего довольно.
Моя тиранка ты — я твой тиран невольно.
Представь!.. помедли!.. мне ль?.. что совесть утишит?
Коль так... введи... пускай Сорена то решит.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Премысл *(один)*. Несчастнейший монарх! Россия
пренесчастна!
Вот следствия, когда в царе душа пристрастна!
И вот каков тогда закон венчанных глав!
Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле!
Льзя ль ждать блаженства там, где гордость на престоле,
Где властью одного все скованы сердца?
В монархе не всегда находим мы отца!

(Отворя дверь пленникам.)

Вступите. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Замир, пленные *(в оковах)* и стражи *(вдали)*.

Замир. Нет ее!.. Сорены нет... увы!..
За что оставили меня, о боги, вы!
Без трона я, в плену, и к бедству совершенну
Я зрети осужден Сорену притесненну
Порочной страстию злодея моего,
И силы не иметь исторгнуть дух его!..
Вы ль, боги, терпите такое злодеянье?
Ужель угодно вам души моей страданье?
Но в чем преступок мой? за что наказан я,
И предана за что врагу страна сия?
За то ль, что половцы, когда меня имели,
Подобному себе зла делать не умели?
В довольстве, вольности, гордясь хранить закон,
Познав, что общества едина крепость он,
Щадили правого, искореняли злого:
Что бедствие свое зря в бедствии другого,
Привыкнув жизнь свою для чести лишь любить,

Страшились истину и в малом оскорбить?
На троне был их друг, и были все счастливы!
За то ли мстите мне, о боги справедливы!
За то ли рабство, казнь и муки лишь одне
Рассеяны теперь в подвластной вам стране?
Иль дерзкой властию попранная свобода,
Сие сокровище и счастие народа *(увидя Сорену)*
Не возбуждает в вас... Сорена!..

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Сорена.

Сорена. Ах, Замир!
Замир. Блаженство дней моих! дар свыше всех порфир!
Так боги не совсем ко мне ожесточенны,
Я зрю тебя еще!..
Сорена. Беды неизреченны!..
Потребна твердость вся теперь душе твоей!..
Замир. Что сталося еще?..
Сорена. Мстислав!..
Замир. Вещай!..
Сорена. Злодей!..
Сей варвар требует... о лютое тиранство!
Чтоб ты забыл богов... и принял христианство,
Коль хочешь избежать определенных мук!..
Замир. Мне изменить богам? мне из злодейских рук,
Из уст чудовища приять другую веру?
Поработить себя тирану, лицемеру?
Расстаться с истиной? вещать едину лесть?
Продать за жизнь мою закон, свободу, честь,
И чтоб на несколько продлить теченье века,
Бездельством осрамить названье человека?
И он... и он слывет героем меж людей!
Тиран! не повредишь ничем души моей!
Умрем!.. *(Воинам своим.)*
Друзья мои! защитники природы!
Лишася мы богов, отечества, свободы,
Лишась надежды всей тирану отомстить,
И идолам в венце не приобыкши льстить,
И поклоняться им, чтя рабство преступленьем,
А на рабов их зря с презрительным жаленьем,
Ужель захочем мы ждать милостей иль мук?
Умрем, но не от них, умрем от наших рук,
Коль гонят вольность, честь, а мужество без действа.
В самоубийстве нет тогда уже злодейства:
Оно есть долг тогда, а жизнь беречь позор.
Умрем и пресечем несносный к нам презор,
Бесчестье упредим и бедствия народны:

Нам руки скованы, но души в нас свободны.
Великости души что может нас лишить?
И властен ли тиран глас сердца заглушить,
Когда рассудок нам дает его законом?
Он раб тогда, друзья! он раб и с пышным троном
Не страшен нам тиран.

Пленник. Готовы все презреть.

Все пленники. Готовы мы с тобой за вольность умереть.

Сорена. Увы! к чему тебя отчаянье приводит!

Замир *(в исступлении)*. К желанью упредить позорну казнь мою,
И в том надеюся на помощь я твою.
Ты можешь днесь одна друзьям, себе, супругу,
При крае бездны их, соделати услугу.

Сорена. Услугу... жизнь отдам... но что я зрю! твой взгляд!..
Замир!..

Замир. Замиру днесь блаженство меч иль яд.

Сорена. О боги!..

Замир. Естьли глас тебе природы внятен,
Дай способ мне умреть: жить мерзко, свет развратен.
Исчез взаимства долг, нет к ближнему любви
И человечество потоплено в крови.
Уставы естества тиранами презренны:
Здесь тигры царствуют, а люди униженны.
Умрем... но ах! почто тебе свой век губить?
Живи, дражайшая, ты жизнь должна любить.
Родяся быть для всех прекрасна и любезна,
Народу своему ты можешь быть полезна.
Отечество с тобой не будет бедства зреть:
Живи... твой жребий жить... мой жребий умереть.

Сорена. О небо! ах, Замир! Замир ли то вещает?
За что несчастнейший супруге отомщает?
За что к страданию ей жизнь беречь велит?
Иль душу днесь свою с ее душой делит?
Мне жить, коль ты умрешь! и в жизни быть счастливой?
Бесчувственный Замир! супруг несправедливой!
Какое сделала в свой век я зло тебе,
Что хочешь лютой сей предать меня судьбе?

Замир. Ты плачешь!.. ах! престань хоть для ради любови!
Мне капля слез твоих моей дороже крови!

Сорена. Почто ж терзаешь дух советом мне таким?

Замир. Воображению и чувствиям моим
Ужасна смерть твоя, ужасно то представить,
Что свет, сей хочешь свет и ты навек оставить.

Сорена. Об участи моей нимало не крушись.
Не смерти моея, бесчестия страшись.
Мой робостию дух себя не обесславит;
Не робость, месть теперь моей душою правит.

Когда б лишенна средств спасти тебя была,
С весельем бы тогда с тобою умерла.
Но средство есть. Отмщу, хоть мщенья ненавижу.
Близ пропасти Замир, и в мщеньи зла не вижу.
Уж время избавлять себя от лютых бед!
Мне боги, мне любовь к тому покажут след.

З а м и р. Ах! можно ль, чтобы мы могли отмстить злодею,
Всего лишенны мы?

С о р е н а. Надежду я имею.

З а м и р. Надежду! в чем она?..

С о р е н а. В Сорениной руке.

З а м и р. Ты хочешь?..

С о р е н а. В бешенстве, в отчаянной тоске
И зря вокруг себя едины злость и муки,
В крови мучителя мои омывши руки,
Любезного, себя и страждущих граждан
От лютых зол...

З а м и р. Престань! идут...

С о р е н а и З а м и р *(увидя Мстислава)*. Се наш тиран!

С о р е н а. Настал жестокий час моей с тобой разлуки.

З а м и р. Будь ты тверда душой, а я готов на муки.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же, М с т и с л а в, П р е м ы с л и в о и н ы.

М с т и с л а в. Открыла ли ему намеренья мои?

С о р е н а. Увы!..

М с т и с л а в *(Замиру)*. Коль хочешь ты продлити дни свои,
Так должен бога чтить Российского народа.

З а м и р. Мой бог — вселенной бог; закон — моя свобода.
Иных законов я не буду знать вовек:
Торгует вольностью лишь подлой человек.

М с т и с л а в. Необходимость все на свете пременяет.

З а м и р. Великая душа сей крайности не знает.
Она всегда равна как в счастьи, так в бедах.
Не власть тиранская ее приводит в страх;
В себе имея все, она не знает плена,
Приводит в страх ее свободе лишь измена.

М с т и с л а в. Не ослепит меня высока речь сия.
Ты честолюбия такой же раб, как я.
Я власти над людьми достиг мечом и кровью:
Я страхом их сковал, ты — ложной к ним любовью.

З а м и р. Прибавь, что я их друг, а ты мучитель их,
Что ты забыл людей в мечтаниях своих.
Я вольность их хранил, ты их привел в подданство
Чрез преступления, чрез лютое тиранство.
Ты ближних, и богов, и честь, и долг презря,

Для титла громкого, для имени царя
На злодеяние дерзал и днесь дерзаешь:
Невинного казнишь, преступника лобзаешь,
Льсти внемлешь, гонишь честь и, позабыв себя,
Страшишься истины, тиранство возлюбя,
Тиранством славишься, народным стоном дышишь
И кровию людей свои злодейства пишешь.
Твои достоинства — меч, казни и обман.
Кто ж больше: друг людей или в венце тиран?

Мстислав. Коль так, ты сам себя на казни осуждаешь:
Ты сам Мстислава, сам к тиранству принуждаешь.
Влеките, воины, преступника от глаз!
В темнице смерть его...

Сорена. Злодей... о лютый час!..

Замир. Пей кровь мою, насыть свою тиранску жажду!
Темница мне — олтарь, коль в ней за честь пострáжду.
Умру, но не рабом живот окончу мой:
С свободой, гордостью, гнушаяся тобой...

Мстислав. Исчезни от меня, создание несчастно. *(Воины окружают его и уводят.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, кроме Замира и пленных.

Сорена *(Мстиславу)*. Замир!.. Лютейший тигр... чудовище ужасно!
Ты фурий превзошел в терзании людей!
Замир!.. о небеса!.. о боги!.. о злодей!..
(Упадает в креслы.)

Мстислав. Я гордости твоей преположу границу,
Не буду зреть в тебе любовницу, царицу,
Но варварку мою, тиранку и рабу,
Достойную сносить нижайшую судьбу.

Сорена. Рабу!.. Мстислав рабой Сорену зреть желает?

Мстислав. Не страстью уж Мстислав, но яростью пылает.

Сорена. Тиран! не льсти себя; готова все презреть,
Угрозы, муки, казнь, умею умереть.
Когда отмстить врагу я силы не имею,
Рази... я покажу лютейшему злодею,
Как должно умирать за вольность наших чувств.
Без страха смерть вкусить дар свыше всех искусств;
Не ведом он тому, в ком царствуют пороки.
Он чужд тебе: твой дар — кровавы лить потоки,
Твое веселие — рождать в народе страх:
Род человеческий без чувств в твоих глазах.
Тиран, заграбя власть в позор его же века,
Не человек, а тигр противу человека.

Казни! умру, к тебе презреньем дыша:
Мой жребий стал иной, но та ж во мне душа.
Не убоюся ввек чудовища вселенной.
Казни!.. или страшись любови раздраженной.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Мстислав, Премысл.

Мстислав. Что слышал я!.. и мне ль дерзнула угрожать?
Мстислав!.. Мстислав презрен!.. и медлит поражать.
Злодейка... нет уже во мне к тебе любови!..
Досаду я мою в твоей омыю крови!
Премысл, мой друг, поди... и сей кинжал вонзи...
Вонзи в злодейску грудь... злу гидру порази...
И тем меня избавь от слабости и муки.
Постой... ах! в чьей крови велю омыти руки!
Исполни... предприял... тиранку погубя...
Умру... умру и сам... постой... я вне себя!..
Мятуся в страсти!.. рвусь!.. я разума лишаюсь!..
Премысл!.. о небо!.. я... я... сам себя гнушаюсь!

(Падает в кресла.)

Премысл. Се многих князь держав!.. се наш монарх, отец!
Се тот, кому во власть полсвета дал творец!
Трепещет свет его, а он от страсти стонет!
Мстислав. Укоры, польза, долг, ничто меня не тронет,
Решился! мне любовь иной дает совет!
Сорена мне мила! Вот свету мой ответ!
Пренебрегаю все, — победы, славу, царство.
Коль власть не действует, употребим коварство:
Едва наступит ночь, представь Замира в храм;
Мстиславова судьба должна решиться там.
Когда душевного в Замире постоянства
Не мог поколебать я силою тиранства,
Так страхом божества потщимся в том успеть;
Обманом... страстен я... и все могу презреть.
Да веру в ужасе олтарь представит храма,
Свет томный, тишину, куренья фимиама,
Гробницу, вид Христа, кровавые черты,
Глагол из уст его... Премысл... трепещешь ты!
Премысл. Страшусь тебе внимать! Страшусь и убегаю!
Мстислав. Постой, злодей!.. тебя не меньше содрогаю!
Премысл. В какие пропасти тебя низводит страсть!
Или забыл, что есть твоей превыше власть?
Оставь, о государь, намеренье ужасно!

Мстислав. Оставлю... буду жить на то, чтоб жить несчастно,
Чтоб сладостных утех мне в жизни не иметь,
Чтоб страстью мучиться и вечно в ней кипеть,
С Сореной разлучась, разлукою терзаться...
С Сореной!.. что изрек? с Сореной мне расстаться!
Не зреть ее очей! не зреть ее зараз!..
Нет нет, исполни мой... исполни мой приказ.

Конец четвертого действия

Содержание пятого действия.

[По распоряжению Мстислава Замира вводят ночью в храм, Мстислав тоже находился в храме, туда же приходит и Сорена с целью убить тирана. В темноте она вместо Мстислава поражает Замира. Умирающего Замира воины выводят на сцену, Сорена поняла весь ужас происшедшего.]

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мстислав, Сорена, Замир, Премысл, Зенида.

Сорена *(трепеща)*. Замир!.. он мертв!..и мной!..
О злодеяние!..
(Упав без чувств.)
Замир. Он жив!.. еще он дышит...
Он счастлив... глас еще... своей любезной слышит...
Довольно сил на то... оставлено ему...
Чтобы простить... увы!.. убийце своему,
Чтобы в последний раз... в сию минуту слезну
Облобызать свою преступницу любезну.
Мстислав *(бросаясь к ногам)*. Объятый жалостью,
раскаяньем, стыдом,
Быв добродетели гонителем, врагом,
Паду к ногам твоим, гнушаясь сам собою.
Замир. Дав слово съединить супругу ты со мною,
Загладил все вины... не на меня взирай,
Сорену зри без чувств... и помощь ей подай.
Мстислав. Бегите!..
Сорена *(приходя в чувство)*. Все твое... напрасно...
попеченье...
Замир!.. возлюбленный! *(бросаясь к Замировым ногам)*.
Замир. Не множь мое мученье.
Спокойся... и живи... отечество любя.
Сорена *(востав)*. Мне быть спокойною!.. мне жить, пронзя
тебя!
О варварство!.. но я укоры сей достойна,
Советуй... мсти мне... да... да... я теперь спокойна.
Без страха, радостно иду я в вечну ночь.
Замир. Мстислав... предупреди!..

Мстислав. Что хочешь ты?
Сорена. Прочь, прочь!
Уж смерть в моих руках... все силы презираю,
Замир!.. смотри... тебя я прежде умираю.

(Закалывается.)

Мстислав *(бросаясь к ногам ее)*. Сорена, я пресек твои цветущи дни...
Замир. О небо! вынь мой дух и с ней соедини.
Будь половцам отец, я их тебе вручаю,
Будь им другой Замир... прости... я жизнь кончаю.
Мстислав. Мой друг! и ты уж мертв!.. Что, боже, медлишь ты?
Карай меня, губи, грянь с горней высоты...
О чем молю?.. уж ад я в сердце ощущаю!
Ад — совесть мне... себе я ею отомщаю.
Зри плод злодейства!.. ты в невинных меч вонзил.
Сорена!.. тень твоя!.. тиран!.. лишаюсь сил!

(Упав в руки воинов.)

Конец трагедии.

РОЗАНА И ЛЮБИМ

Драма с голосами в четырех действиях

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Щедров, богатый дворянин.
Излет, отставной солдат.
Розана, Милена — его дочери.
Любим, Розанин любовник.
Семен, лесник.

Рыбаки, Псари, Певчие, Женщины, Служители — Щедрову принадлежащие.

Действие близ Москвы.

Содержание:

[У крепостного крестьянина, бывшего солдата, две дочери — Розана и Милена. Розана и молодой крестьянин Любим любят друг друга. Однажды помещик Щедров увидел Розану, она ему понравилась, и он решил ею овладеть. Сластолюбивый помещик приказывает арестовать Любима, а Розану насильно увозит в усадьбу, старается соблазнить ее роскошными нарядами, но она отвергает все его домогательства. Отец Розаны Излет спешит в усадьбу, туда же прибегает Любим, вырвавшийся из рук задержавших его помещичьих псарей. Мольбы Излета, Любима тронули сердце помещика, он раскаивается, разрешает Любиму и Розане вступить в брак и отпускает их с щедрым подарком.]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 3

Розана *(одна)*. Боже мой! Когда будет наша свадьба? когда пройдет этот пост? о! вышедши за Любима замуж, ни на пяди не отойду от него... только хотела бы я знать, для чего меня в мясоед не выдали замуж? Это все кутит приходской наш батюшка; я уж давно заметила, что он метит меня за своего племянника — подлинно парень! что худо-то, что дурно-то, что неуклюже-то... ну, вот ни дать, ни взять мерзлой баран... О! я лучше век просижу в девках *(вздохнувши)*, чего мне очень, очень не хочется, нежели пойду за эдакого шалопая. Велика вещь, что он пономарь, да я и сама солдатская дочь. *(Поет.)*

Словно невидаль какой?
Да для милого и барин
Мною будет отбоярен,
Не токма что ровня мой.
Мне не в диву барской род,
Я видала вить господ,
Да Любима дорогого
Не видала я другого,
Госпожа я в шалаше,
Естьли я в его душе.

Нет, я Любима не променяю ни на какие золотые горы; он теперь-то в рыбаках, а то он живал и в господском доме; он у меня и одевается-то словно как боярин... Пойду нарву цветочков, наберу ягодок, всего, всего ему заготовлю. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

[Явления 1 и 2. Лесник пьет вино и поет песни, приходит сестра Розаны Милена, она в тревоге, ищет сестру, просит лесника помочь ей отыскать Розану, лесник отшучивается].

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Излет.

Излет *(с мосту)*. Милена, Милена!..

Милена *(подбежав к нему навстречу)*. Батюшка!..

Лесник. Эвоси и старой хрыч притащился.

Излет. Я тебя послал за сестрицею, а ты и сама пропала.

Милена. Да что же мне делать, батюшка? Я не нашла ни сестрицы, ни Любима, спрашивала, спрашивала у Семена, не добилась от него толку: вот он пьянехонек, спроси у него сам.

Лесник. Добро, переносчица!

Излет. Скажи, брат, не видал ли ты дочери?

Лесник. Дочери? хватился малах, как уж смерть в головах. Негде уж-те искать своей дочери: поклонись ей в след-то пониже.

И з л е т. Что за околесную ты несешь?

Л е с н и к. Не околесную, а дело; твоя теперь дочь, как ворона, залетела в высокие хоромы.

И з л е т. Да не говори же мне пустова-то.

Л е с н и к. Слышь ты, бают не пустое. Розаны нет да и не будет.

И з л е т. Да где ж она?

Л е с н и к. Там, где сидит, али лёжит, али ходит.

И з л е т. Ты из терпения меня выводишь.

М и л е н а. Вот так-то и я с ним билась.

Л е с н и к. Да вить мне калякать-то с вами некогды: мне ощо работать тововано...

И з л е т *(останавливая)*. Да, пожалуй, скажи мне толком, куда она девалася?

Л е с н и к. Виноват ли я, что ты бестолков? Вот-те на отрез. Розану подтетерили, да и полно.

И з л е т. Как!

Л е с н и к. Ощо как? Так, как водится: взвалили на плёча, да и след простыл.

И з л е т. Что я слышу!

М и л е н а. Ах, сестрица!

И з л е т. А Любим?

Л е с н и к. А Любим твой совался, совался, как угорелая кошка, да и сам провалился к чорту.

И з л е т. Боже мой! кто этот беззаконник?

Л е с н и к. Кто? Дворянин.

И з л е т. Дворянин!..

Л е с н и к. Боярин, что твой орел милосердой такой, что разве дувань небось... О! дочь твоя...

И з л е т. Милосердой!.. *(Со скоростию.)* Да кто он таков?

Л е с н и к. А чорт вспомнит хвамилью-то! Я знаю только, што он помещик села Цыволдаева.

И з л е т. Щедров!

Л е с н и к. Ти, ти, ти! ну вот как тут был.

И з л е т. Етот честной и хвальной сосед во всем околодке? Так вот добродетели-то знатных бояр; коли не разоряют соседей, так увозят девок, не ставят за грех обесчестить бедного человека с тем, чтоб бросить ему деньги!.. Не христианин! Не знает он, что честь так же дорога и нам! Ах, будто легко это отцу! *(Плачет)*.

М и л е н а. Ты плачешь, батюшка!

Л е с н и к. Ну полно же хныкать-то, вить она ощо не околела?

И з л е т. Ах! мне бы легче было видеть ее во гробе, нежели в позоре. *(Милене.)* Поди домой; а я... я пойду... *(Бросаясь на кочку.)* Боже мой! какое беззаконие!..

Когда И з л е т падает в отчаяньи на кочку, тогда Л е с н и к собранные им дрова во время разговоров его с И з л е т о м и М и л е н о ю уносит на другую сторону реки, а М и л е н а перед отцом своим поет.

Милена.

Ах, батюшка, возьми меня с собою!
Как мне одной
Идти домой,
Не видевшись с сестрою?
Без нее и без тебя
Умру с печали я,
Умру с печали я.

Излет *(вставши, говорит с сердцем)*. Поди, поди домой, делай, что велят.

Милена уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Излет, лесник.

Излет. Да... я пойду к нему... пойду...

Лесник *(встречая его, останавливает)*. Постой, постой ты, право, брат, тововано с ума спятился: ну куды ты хочешь идти? вить там так-те приколошматят, что и до могилы не забудешь. Нам ли, свиньям, с боярами возиться, а Щедров дворянин вить не на шутку!

Излет. Дворянин? да что ж, что он дворянин? Я видал и государей; я проливал за них кровь мою; я сам служил при лице их; я знаю, каковы им наши слезы; так я и на дворянина суд найду... Небось, затрясется и дворянин, с таким делом стать перед судом земного бога.

Лесник. Право-ста, Излет, по пустякам хорохоришься, вить у него там тысяща душ, а псарей, псарей-та и ниведь числа.

Излет *(поет)*.

Правым силы не ужасны,
Правде царской мы подвластны.
В ней защиту я найду.
Пред царицею паду,
Перед ней открою раны,
Грудь открывши я свою,
Донесу ей, как тираны
Дочь похитили мою.
Мне она по царску праву
С дворянином даст расправу
И велит мне дочь отдать.
Нам царица та же мать.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Лесник *(один)*. Да вить до бога-то высоко, а до царя далеко; а когды-те хочется, так поди-се пожалуй, знать ты ощо у бар-то в переделе не бывал, вить это брат не под турком; тут так-те отдубасят, что разве инда-на поди! *(Поет.)*

Как велят в дубье принять,
Позабудешь пустошь врать.
Не солдату бар унять,
Чтоб крестьянок не таскать.
Бары нашу братью так
Принимают, как собак,
Нет поклонов, нет речей,
Как боярин гаркнет — бей
В зад и в макушку и в лоб.
Для него крестьянин — клоп.

ЯВЛЕНИЕ 6

Лесник, Милена.

Милена. Семен... голубчик мой!

Лесник. Ба! Опять прикотила.

Милена. Сделай милость! проводи меня туда, где сестрица.

Лесник. Проводить: разве я рехнулся? Мне ощо бока-то не надоели.

Милена. Ах, не оставь меня!.. Я умру, ежели ты меня не проводишь.

Лесник. Что за беда? пожалуй-се умирай.

Милена. Не погуби меня!..

Лесник. Убирайся же.

Милена *(став на колени и плакав)*. Ради самого бога... Я не отойду от ног твоих! умились надо мною!..

Лесник. Как ты с ней изволишь: весь не свой, когды ее проклятые глаза на меня смотрят: да выколи, пожалуй, свои буркольы-то, чтоб они меня не соблазняли.

Милена. Душа моя!

Лесник. Ага! лисица! теперь душа моя, а давича так и приступу нет. То-то, не плюй в поганой колодец, случится водицы испить... Ан вот нет; я хорохориться-то и сам горазд.

(поют)

Милена.

Не будь ты злодей!
Ради бога поспеши!
Голубчик мой!
Проводи,
Проводи,
Ради бога поспеши!
Чево тебе бояться?
Ах, долго ль дожидаться?
Какой несешь ты вздор!
Какой несешь ты вздор!
Право, поздно, не дойдем.

Лесник.

Что изволишь делать с ней?
Так и вьется у души,
Я весь не свой.

Погоди,
Погоди,
Нет ни сердца, ни души.
Дай с мочью мне собраться!
Вить надо тамо драться.
Дай взять мяе хоть топор!
Дай взять мне хоть топор!
Быть уж так; пойдем, пойдем.

Лесник *(отошед несколько шагов, ворочается и поет).*

Ну, что ж, хоть и побьют!
Хоть до смерти убьют!..
Веселья жить не многа,
Туды мне и дорога;
Умру я не один,
Мяе смерть алтын.
Готов с тобой на пож...
Ух, ух, пронимает дрожь.

(Отошед несколько, опять возвращается.)

Милена. Долго ли тебе мучить меня?
Лесник. Тьфу! пропасть! не дурак ли я! чево я боялся!

(Поет, а Милена сердится и тянет его за полу.)

Как словно вел старуху?
Да ету как воструху
Мне к барину отвесть,
И денег у себя
И в век не перечесть.

(Милене, которая тянет его за руку.)

Иду с охотой я.
Пойдем, душа моя.

(К портерам.)

Не девка ли она?
Ведро дадут вина!

Конец третьего действия.

ПЕСНЯ

Вечерком румяну зорю
Шла я с грусти посмотреть,
А пришла все к прежню горю,
Что велит мне умереть.

*

Горе к речке заманило,
Села я на бережок,
Сердце пуще приуныло,
Мутен чистой стал поток.

*

Я вздохнувши тут сказала:
Лейся, речка, как слеза!
А сказавши показала
Полны слез мои глаза.

*

Струйки чисты зашумели,
Будто сжалясь надо мной,
Но утешить не умели,
И осталась я с тоской!

*

О души моей веселье,
Для кого мне жизнь мила!
Я последне ожерелье
За тебя бы отдала.

*

А когда б была богатой
И большою госпожой,
Все алмазы были б платой
За свидание с тобой.

*

Как сокровище я света,
Берегу к тебе любовь,
Ею лишь во мне нагрета,
Будто пламенем, вся кровь.

*

Горячее солнца знойна
Сердце к милому горит,
А душа лишь тем покойна,
Что в себе его хранит.

*

Вас, струйки мои любезны,
Вас прошу в тоске моей!
Донесите капли слезны
Вы до милого скорей.

*

Донесите... пусть узнает,
Сколько рвуся я по нем...

Сколько сердце унывает
О сокровище своем!..

*

Так скажите... но с тоскою
Хоть и много видишь слез,
А не все, не все с собою
До тебя поток донес.

*

Их еще осталось море
Без тебя ей проливать;
А в отраду... в лютом горе
Дорогого призывать.

*

Но напрасно в вас, потоки,
Погружаю голос мой,
Вам пути хотя широки,
Стон останется со мной!

*

Сколько чистых струй ни вьете
Быстрым бегом в берегах,
Слез моих не унесете,
Все они в моих очах!

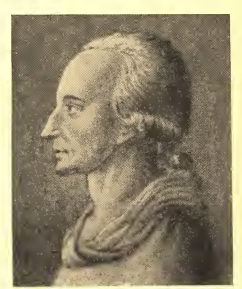
Я. Б. КНЯЖНИН
(1742—1791)

Яков Борисович Княжнин был сыном чиновного дворянина — губернатора. Образование и воспитание получил он дома и в пансионе, прекрасно владел иностранными языками. В молодости, во время службы офицером, Княжнин увлекся кутежами и карточной игрой, растратил казенные деньги, в 1773 г. был судим, разжалован в солдаты; будучи в 1777 г. помилован и восстановлен в офицерском звании, Княжнин вышел в отставку и занялся исключительно литературной работой.

Княжнин известен в литературе, главным образом, как драматург, перу его принадлежит большое количество трагедий и комедий. Наибольшим успехом у современников пользовались трагедии «Дидона» (1769), «Владимир и Ярополк» (1772), «Титово милосердие», «Росслав» (1784); комедии — «Хвастун» (1786), «Чудаки» (1790); комические оперы — «Несчастие от кареты» (1779), «Сбитенщик» (1783) и др. Вершиной творчества Княжнина является трагедия «Вадим Новгородский», написанная в 1789 г. (напечатана в 1793 г.).

Княжнин на протяжении всей своей жизни стоял на передовых позициях, а под конец жизни, в конце 80-х годов, оказался под воздействием роста оппозиционных настроений в русском обществе и революционного движения во Франции. Княжнин пишет резкое, не дошедшее до нас публицистическое произведение «Горе моему отечеству» и трагедию «Вадим Новгородский», в которой изобразил борьбу республиканца Вадима против самодержца князя Рурика.

Княжнин — один из виднейших представителей дворянского классицизма последней трети XVIII в. На Княжнина в литературоведении распространялся взгляд как на писателя умного, образованного, но неоригинального, несамостоятельного, «переимчивого», по словам Пушкина.



Я. Б. Княжнин

Необходимо внести поправки. Характеристику, данную Княжнину Пушкиным, обыкновенно суживают, сводят только к заимствованиям, между тем как у Пушкина речь идет о восприимчивости Княжнина. Нужно помнить, что Пушкин никак не имел в виду снизить значение творчества Княжнина, ведь Пушкин говорит о том, что «переимчивый Княжнин» «блистал». И действительно: Княжнин, пользуясь сюжетами западноевропейских, преимущественно французских драматургов, с большим искусством «склонял их на русские нравы».

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ
ТРАГЕДІЯ
въ
стихахъ,
въ
ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.
Сочинена
ЯК. КНЯЖНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1793 года.

Титульный лист первого издания трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский».

И Белинский, в свою очередь, не взирая на известную ему «переимчивость» Княжнина, высоко оценивал роль его творчества в русской литературе, видел в творчестве Княжнина большой шаг вперед по сравнению с Сумароковым, считая, что «трагедии и комедии Княжнина имели для своего времени неотъемлемое достоинство» и что «труды Княжнина заслуживают уважения», что Княжнин оказал пользу и современному театру, и современной литературе.

Кроме того, мы должны иметь в виду, что ни Пушкин, ни Белинский, ни другие критики о самом ценном произведении Княжнина, «Вадиме Новгородском», не могли даже упоминать.

Как писатель-драматург Княжнин — последователь Сумарокова, но он далеко не всегда укладывался в рамки дворянского классицизма.

Своеобразие его классицизма явственно проявляется в трагедии «Росслав» и в особенности в «Вадиме». Они носят боевой идейно-политический характер, проникнуты пафосом обостренной гражданственности: от холодного рационализма трагедии дворянского классицизма, от длинных рассуждений в монологах Княжнин шел к показу на сцене героев, волнующих зрителей своей горячей, страстной любовью к родной земле, родному народу и непримиримой ненавистью к тиранам-поработителям.

Мы полагаем, что русский классицизм конца XVIII в. (Николев, Княжнин) можно назвать гражданским классицизмом.

ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ

Трагедия

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рурик, князь Новгородский.
Вадим, посадник и полководец.
Рамида, дочь его.
Пренест } посадники.
Вигор }
Извед, наперсник Руриков.
Селена, наперсница Рамидина.
Воины.
Народ.

Действие в Новегороде на площади.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

НОЧЬ

Пренест и Вигор.

Вигор. Уже Вадим, свершив со славою войну,
Приходит, наконец, в отческу страну;
Но свой возврат почто от всех граждан скрывает
И только лишь двоих зреть нас удостояет?
Почто назначил он свиданья с нами час,
Доколь не осветит луч солнца наших глаз,
На самой площади, нам прежде толь священной,
Новградской где народ, свободой возвышенной,
Подвластен только быв законам и богам,
Уставы подавал полнощным всем странам.
Пренест. Самодержавна власть все ныне пожирает,
И Рурик многих здесь веков плоды сбирает.
Вот, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Где, уклоняяся пред смертным на престоле,
Увидит он себя в одной с рабами доле.
Се он! и вслед за ним тех ратников толпы,
Которых славы в путь вели его стопы.

ЯВЛЕНИЕ 2

Вадим (за ним несколько военачальников, бывших с ним на войне), Пренест и Вигор.

Вадим. Я вас ли зрю, Вигор, Пренест великодушны?
Пренест. Мы повелениям твоим всегда послушны,
Для нас священный твой исполнили приказ.
Вадим. Друзья, в отечестве ль моем я вижу вас?
Уже заря верьхи тех башен освещает,
Которые Новград до облак возвышает;
Се зрим Перунов храм, где гром его молчит, —
В недействии Перун, злодейства видя, спит!
И се те славные, священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но равны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали.
О Новград! Что ты был и что ты стал теперь?

(Обращаяся ко всем.)

Героев сонм! Его величье ты измерь;
А я от горести, его в оковах видя,

Бессилен то свершить, я жизни ненавидя...
Вы содрогаетесь?.. И как не трепетать,
Когда из рабства бездн осмелимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Севера, пред оным бесполезна,
Его могущество, не знающе врагов,
Равняла в ужасе с могуществом богов.
А днесь сей пышной град, сей Севера владыка —
Могли ли ожидать позора мы толика! —
Сей гордый Исполин, владыки сам у ног
Повержен, то забыл, что прежде он возмог!
Забыл?.. Но как забыть? Что взор ни поражает,
Все славу падшую его изображает.
Воззрим ли на поля, — еще звучит там гром,
Которым готф сражен, дерзнув нам быть врагом;
Иль очи обратим на внутренности града,
Реками, где текла с свободою отрада,
Повсюду те стези, где гордые цари
Покорство нам несли, по тщетной с нами при.
Вот место самое, тех почестей свидетель,
Когда здесь наш народ, владыкам благодетель,
Гонимого царя варяг приняв под кров,
Заставил в трепете молчать его врагов.
Граждане! Вспомните то славой полно время;
Но вспомните — дабы низвергнуть гнусно бремя!..
О стыд! Сей царь, тогда покорен, удручен,
С молением представ в средине наших стен,
Свое чело на прах пред нами уклоняет;
А днесь — о грозной рок! — он нами обладает...
Сей Рурик!.. Не могу я боле продолжать;
Но ваше чувство вам то может докончать,
Чего в отчаяньи свершить мой глас не может.
Вигор. И наше сердце грусть твоей подобно гложет.
Отечество мы зря низверженно в напасть,
В отчаяньи его оплакиваем часть.
Вадим. Оплакиваете?.. О страшные премены!
Оплакиваете?.. Но кто же вы?.. Иль жены?
Иль Рурик столько мог ваш дух преобразить,
Что вы лишь плачете, когда ваш долг — разить?
Пренест. Мы алчем вслед тебе навек себя прославить,
Разрушить гордый трон, отечество восславить;
Но хоть усердие в сердцах у нас горит,
Однако способов еще к тому не зрит.
Пренебрегая дни, и гнусны и суровы,
Коль должно умереть, мы умереть готовы,
Но чтобы наша смерть, не тщетная от зла,
Спасти отечество любезное могла.
И, чтобы узы рвать стремяся мы в неволе,

Не отягчили бы сих уз еще и боле.
Познаешь сам, Вадим, сколь трудно рушить трон,
Который Рурик здесь воздвигнул без препон,
Прошеньем призванный от целого народа;
Уведаешь, как им отъятая свобода
Прелестной властию его заменена;
Узнаешь, как его держава почтена,
И истинных сынов отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилися б того, что в свете смертный есть,
В руках которого их вольность, жизнь и честь.
Коварством Рурика граждански слабы силы;
А воинством варяг наполнен град унылый.
Нам должно помощи бессмертных ожидать,
И боги случай нам удобный могут дать.

Вадим. Так должно на богов нам только полагаться
И в стаде человек без славы пресмыкаться?
Но боги дали нам свободу возвратить:
И сердце — чтоб дерзать, и руку — чтоб разить!
Их помощь в нас самих! Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, их грома тщетно ждите;
А я, один за вас во гневе здесь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
О рок! Отечества три лета отлученный,
За славою его победой увлеченный,
Оставя вольность я, блаженство в сих стенах,
На нас воздвигшихся свергаю гордость в прах;
Я подвигов моих плоды несу народу;
Что ж вижу здесь? Вельмож, утративших свободу,
Во подлой робости согбенных пред царем
И лобызающих под скиптром свой ярем.
Скажите, как вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить —
Как можно свет терпеть и как желать вам жить?

Вигор. Как прежде, мы горим к отечеству любовью...

Вадим. Не словом доказать то должно б — вашей кровью!
Священно слово толь из ваших бросьте слов.
Или Отечество быть может у рабов?

Вигор. Имея праведно дух грустью огорченный,
Напрасно против нас ты, гневом омраченный,
Тягчишь невиннейших толь лютою виной.
Едва пред войском ты расстался с сей страной,
Вельможи многие, к злодейству видя средство
И только сильные отечества на бедство,
Гордыню, зависть, злость, мятеж ввели во град.
Жилище тишины преобратилось в ад;
Святая истина отселе удалилась;

Свобода, встрепетав, к паденью наклонилась:
Междоусобие со дерзостным челом
На трупах сограждан воздвигло смерти дом.
Стремяся весь народ быть пищей алчных вранов,
Сражался в бешенстве за выборы тиранов.
Весь Волхов, кровию дымящийся, кипел.
Плачевный Новград! Ты спасения не зрел!
Почтенный Гостомысл, украшен сединами,
Лишася всех сынов под здешними стенами
И плача не о них — о бедстве сограждан,
Един в отраде нам бессмертными был дан.
Он Рурика сего на помощь приглашает,
Его мечом он нам блаженство возвращает.
В то время, летами и бедством изнурен,
Дни кончил Гостомысл, отрадой озарен,
Что мог отечества восстановить спокойство;
Но отходя к богам, чтя Рурика геройство,
Народу завещал, да сохранит он власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народ наш, тронутый заслугой толь великой,
Поставил над собой спасителя владыкой.

Вадим. Владыкой! Рурика! Кого народ сей спас?
Пришед на помощь нам, что делал он для нас?
Он долг платил!.. Но коль его благодеянья
Казалися вам быть достойны воздаянья —
Иль должно было вам свободою платить
И рабство ваше в дар заслуги положить?
О души низкие! Падущие под роком
И увлекаемы случайности потоком,
Ах! если б вы себя умели почитать!
Блажен бы Рурик был, когда б возмог он стать,
В порфире облачен, гражданам нашим равен:
Великим титлом сим между царей ввек славен,
Сей честью был бы он с избытком награжден.
Гласите: Гостомысл, геройством убежден,
Вам узы завещал, чтоб кончить ваше бедство.
Иль вольность сограждан была его наследство?
Иль мог он вас, равно как тех животных, дать,
Которых для себя всяк может обуздать?
Закрытый в гордости отечества любовью
И кровь соединя свою со царской кровью,
Под видом прекратить всеобщую напасть,
Он сыну, дочери своей здесь отдал власть,
А я тому дам дочь мою единородну,
Имея душу кто не рабску, благородну,
Стремясь отечества к спасенью мне вослед
И жизни не щадя, всех смертных превзойдет.
Рамида та цена, котору предлагаю.

Тиранов враг — мой сын!.. К ней страсть я вашу знаю,
Вы знаете, ее прельщенны красотой,
Алкали чести быть цари в родстве со мной;
Но я пренебрегал приять тирана в сына
И, гражданин, хотел Новградска гражданина.
Явите, имени сего достойны ль вы?
Иль, идола рабов воздвигнув на главы,
Меня и честь, и все ему предайте в жертву, —
Увидьте и мою вы дщерь сраженну, мертву.

Вигор. Чтобы достойным быть дражайшей толь руки,
Готов один презреть несметные полки,
Которыми престол свой Рурик окружает.

Пренест. Колико счастия сего мой дух алкает
И сколько я мое отечество люблю, —
С оружием в руках я то тебе явлю.

Вигор. Клянусь Перуновым я именем священным,
Клянуся сердцем я, Рамидою прельщенным,
На все дерзать...

Пренест. Прими ты клятву и мою.

Вадим. О жар героев! Вас я ныне познаю!
Надежда вы граждан, отечества отрада!

(К военачальникам, с ним пришедшим.)

Поборники мои! Оставим стены града
И, пользуясь еще остатком слабой тьмы,
В те дебри мрачные отсель отыдем мы,
Где ратники мои, победою венчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору в них возжег отечества урон,
Решились умереть или низвергнуть трон.
Вигор к героям сим последует за нами,
Пренест останется здесь правити сердцами.
Ступайте!

Военачальники и Вигор уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

Вадим и Пренест.

Вадим. Я тебе вверяю нашу часть:
Потщись воспламенить к отечеству ту страсть,
Которая граждан героями творила,
Которую в сердцах держава затворила,
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то им.
Сравняй себя, Пренест, с почтением моим.
Хоть в равной путь Вигор с тобою и стремится,
Но твой успех моим желаньем становится.
Блажен, когда тебя обязан награждать,
К Рамиде возмогу твой пламень увенчать.

Пренест. И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
И лестным мне твоим почтеньем восхищенный,
Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
Что жар к отечеству делит моя любовь!
И может быть твое почтенье уменьшает —
Награда, чем Вадим мне сердце утешает.
Верь мне, хотя всего превыше чту сей дар,
Но должности моей — любви не вреден жар,
В котором все мое я счастье обретаю;
И если к горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мне пребудет навсегда,
Несчастен быть могу, бесчестен — никогда!
Увидишь ты меня, надежды всей лишенна,
За общество в твой след геройский устремленна,
Как и с надеждою равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, в кровавый славы путь.
Вадим. Сего надеюсь я, Пренеста сердце зная,
Но дочь Вадимову так мало почитая,
Почто ты думаешь ее несклонну зреть
И общества в тебе спасителя презреть?
В ней кровь моя: она не будет малодушна
И — только должности своей всегда послушна —
Те сердца слабости умеет обуздать,
Которы нега в нас удобна возрождать.
Воспитанныя мной, ты будешь в том свидетель,
Ей власть моя — закон, а счастье — добродетель.
Прости, уж солнца луч, распространяя свет,
В дремучие леса меня отсель зовет.
Увы! когда уже здесь все порабощенно,
Здесь нет отечества — оно все там вмещенно,
Герои наши где, взносяся над судьбой,
Готовы умереть иль скиптр попрать ногой!
Пренест. Но дочь, не знающу Вадима возвращенья,
Почто узреть тебя лишаешь утешенья?
Вадим. Прибытие мое брегись открыть и ей:
Хоть горько для души родительской моей,
Что час свидания я с нею отдаляю;
Но я отечество себе предпочитаю.
Спешу устроить все, чтобы в грядущу ночь,
Свободу здесь узрев, мою увидеть дочь.

[Действие второе. Рамида и Рурик полюбили друг друга. Рамида с тревогой ожидает приезда отца. Рурик успокаивает ее, надеется быть в дружбе с Вадимом.

Вадим тайно приходит в свой дом. Он возмущен любовью дочери к Рурику, требует от нее разрыва с ним и указывает на верного ему посадника Пренеста как на будущего ее мужа. Рамида покоряется ему.

Действие третье. Рамида в глубоком волнении. Смятение ее увеличивается, когда является Рурик и говорит о своих чувствах. Новое в поведении Рамиды вызывает со стороны Рурика упреки в измене. Рамида жестоко страдает.]

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Рурик, Извед.

Извед. Злодейски умыслы уж все теперь открыты
И видны вкруг тебя все пропасти изрыты.
Хоть гордый сей Пренест из градских стен исчез
И таинство с собой злодействия унес,
Но мной уловлены здесь воины Вадима.
Толпа злодеев сих под стражею хранима.
Призналася во всем, открыла лютый нож,
Который ненависть готовила вельмож
На грудь спасителя сего мятежна града.
Исполненных к тебе свирепейшего яда
Я знаю имена...
Рурик. Я знать их не хощу!
Не зря изменников, измену отвращу.
Что нужды ведать мне, кто гнусен предо мною:
Которою их спас — спасусь я той рукою;
Как начал, шествуя всегда путем прямым,
Народу покажу — кто я и кто Вадим!
Знать всех предателей — то робости признаки.
Да скроют подлость их забвенья вечны мраки;
Презренны мной, во мгле преступка своего,
Неудостоенны и гнева моего,
Незримы в гордости, котору восприяли,
Да упадут во прах, отколь главу подъяли!
Коль боги поразят Вадима сей рукой,
Исчезнут все, сих стран смущающи покой!..
Поди и уготовь моих варягов к брани;
Пойдем, под сению богов бессмертной длани,
Не трон мой — истину святую защищать...
О вы, могущие всечасно проницать
Сквозь завесу притворств сердец в изгибы темны;
О вы, которыми и пропасти подземны
Толь ясно видимы, как светлы небеса;
На дух мой обратя вы ваши очеса,
Узрите, боги, как я сердце разрываю,
Что кровь Граждан пролить по долгу приступаю.

(К Изведу.)

Свободу воинам Вадима возврати;
Моей щедротою за злобу заплати;
Чтобы, представ пред ним, явили то Герою,
Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
Но, не страшась его, стремлюся отразить
Удар, которым мне дерзает он грозить.

Извед. Щедрота ко врагам их гордость воздымает,
Великодушие нам бедственно бывает...
И стоит ли Вадим почтенья твоего?
Рурик. Когда не стоит он, достоин я того.
Новградцам, в гордости своей жестокосердым,
Сим вредной вольности защитникам толь твердым,
Могу я показать примером чувств моих,
Что добродетель есть стократ превыше их.
Поди и кротости моей исполни волю.
Я прав — и небесам мою вручаю долю!

ЯВЛЕНИЕ 2

Рурик *(один)*. Над пропастями здесь мой трон постановлен;
За благости мои я злобой окружен,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владык, свой долг хранящих свято:
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоют смертные, чтоб ими обладать;
Благотворителям содетели мученья —
Не стоют никогда они благотворенья!..
Стыдися мысли сей, возвышенный на трон!
Когда властители в сиянии корон,
Величия богов подобие неложно,
Сравняться должно им и духом непреложно.
Хоть слабы смертные погружены в порок,
Хоть сами тяготя в безумии свой рок
Неблагодарностью гром неба привлекают,
Но боги солнечным лучем на них блистают;
В дарах природы всей вселенной ставя пир,
На злобу несмотря, лиют щедроты в мир.

ЯВЛЕНИЕ 3

Рурик, Рамида.

Рамида. Встревожен город весь — я паче всех смущенна!
Хладеет кровь во мне, вся к сердцу обращенна.
Теснится грудь моя и меркнет солнца свет.
Восставшу бурю зрю, пристанища мне нет;
Уж к сердцу твоему не смею обратиться,
Рамида бедная уж тем не может льститься;
Уже трепещуща пред взором я твоим,
Я, как преступница, пред судией моим...
Но боги зрят...
Рурик. Почто такое дерзновенье!
Страшись бессмертных звать на клятвопреступленье!
Или ты искренность стремяся мне явить,
В прерванну сеть меня ты хочешь уловить?

Не мысли, чтобы я, подобно как и прежде,
Унижен, ослеплен, в постыдной мне надежде,
Притворства все твои во сердце воспримал,
Которыми твой дух так люто мной играл;
И продолжая млеть пред взорами твоими,
Злодею моему был жертвовая я ими.
Открылось все теперь — и те прошли часы,
В которые твои неверные красы
Плененный дух тобой всечасно наполняли
И мне в тебе одной все счастие являли.
Не льстися боле тем и в гордости твоей
Не ожидай, чтобы горчайших слез ручей
У ног твоих лия, страны сея властитель
Был милостей любви презреннейший проситель;
Или чтоб ревностью я в ярость приведен,
То сердце б отнимал, которым я презрен.
Укоры, жалобы и нежны исступленья,
Восторги ревности, сердечны изъясненья,
Те стоны горести, порывы гнева те,
Которы лестны так надменной красоте,
Суть сердца моего чувствительного ниже.
Верь, что бы ни терпел, но я стократно ближе
Умреть, как слабостям моим свободу дать,
Презревшую меня сим средством привлекать.
Чего б ни стоило, но сердце уж решилось
Неверную забыть — и все теперь свершилось;
Свершилось все; уже твоей избавлен лести,
Превыше мук любви, превыше низкой мести,
Себя умею я толико почитать,
Чтоб, сердце одолев, его иной отдать.
Иная моея любви познает цену,
Иная за твою заплатит мне измену,
Иные прелести твои красы затмят
И тщетный жар к тебе из сердца истребят.
Будь счастлива ты тем, кем пламенно пылаешь,
Иною счастлив я... Ты слезы проливаешь,
Рамида!

Рамида. Ты, судьба, лишив меня всего,
К усугублению свирепства твоего
Мою невинность тьмой порока помрачила
И утешения последнего лишила:
Когда для Рурика воспрещено мне жить,
Во гробе Руриком оплаканною быть!

Рурик. Ты плачешь и умреть, Рамида, ты желаешь,
А сердце ты твое так люто отторгаешь
От сердца моего, живущего тобой.
Коль слезы искренность лиет передо мной —
Оставь, Рамида, я не должен сомневаться,

Не можешь лестию ты гнусной унижаться —
Оставь мне, если тем тебя я оскорблял,
Что хладность горькую мой дух тебе являл.
Оставь! я, сам себя в досаде ослепляя,
Быть чаял исцелен, смерть в сердце заключая.
Не верь, не верь словам отчаянной любви
И токи из очей лиющися прерви.
Кто? я? чтоб я престал тебя любить, Рамида!
Лишиться твоего возлюбленного вида
Иль света солнечна не зреть мне — то равно;
Мне сердце для тебя единой лишь дано.
Мой пламень никогда ничем не истребится.
Коль любишь ты меня, пусть твой отец стремится
Взнесенный на меня низринуть свой удар;
Ко дщери я его храня во сердце жар,
Несправедливости его опровергая,
Умру иль побежду, Рамиду обожая.

Рамида. О клятвы страшные, которых я раба!
О долг, о лютый долг! о грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и отрады:
Неодолимые меж нами суть преграды!

Рурик. Преграды?..

Рамида. Если мой отец падет тобой
(Великих чувство душ ты ведаешь, Герой!),
Дочь сверженна врага, могу ли быть твоею?
И если, слабостью оплаканный моею,
Изгнанный ты из сих печалью полных стен,
Пребудешь от меня навеки удален,
Могу ли быть твоей? Назначена ценою
Иному?

Рурик. Ежели неправедной судьбою
Определенно мне на поле брани пасть,
Паду — но мертв, и вся моя свершится часть.
Когда ж победу мне дадут бессмертны боги,
Иль чувствия отца, несправедливо строги,
Во сердце восприяв и дух преобразя,
За всю мою любовь мне томну грудь разя,
Возможешь слепо ты ему повиноваться?

Рамида. О том ты можешь ли хоть мало сомневаться?
Привыкнув власть отца священной почитать,
Мой долг, исполнив все, в молчании страдать
И, пренося мое без ропота мученье,
В несчастии ему соделать утешенье.
Расстаться мне с тобой, пусть жизни стоит то,
Но — дар отца — пред ним мне жизнь моя ничто!
Глубоко заключа мою я в сердце муку,
Иному я отдам трепещущую руку
И совершу отцом желанный, лютый брак.

Р у р и к. И се любви твоей ко мне неложный знак!
Не чувствовала ты любви ко мне ни мало,
Притворства твоего то было покрывало,
Чем нежну страсть мою мрачила ты в сей час.
Те стоны, слезы те твоих коварных глаз,
Завеса лишь одна твоей к иному страсти,
К Пренесту гордому, моей злодею власти.
Р а м и д а. Могла б я, низкие сомнения презрев,
И сей — которого превыше я — твой гнев,
В молчаньи удалясь, без ропота, спокойно,
Пренебрежением ответствовать достойно;
Но время дорого: познай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима лесть
И дружбы узлом с ним тебе соединиться:
Мы счастливы, когда ты можешь согласиться.
Р у р и к. Коль должно, я всю кровь мою пролить готов.
Р а м и д а. Герой, спаситель наш — не выше ль ты венцов,
Чем украшаются цари обыкновенны
И кои истинным Героям суть презренны?..
Гражданка, приучась я равенство любить,
Обманываюся сим чувством, может быть,
Что властолюбие величию бесчестно
И что с мучительством одним оно совместно,
Не верю, чтоб твой дух быть мог властолюбив,
Остави ту мечту, чем, гордость оскорбив,
Ты злобу на себя отвсюда привлекаешь
И чем себя навек с Рамидой разлучаешь.
Зря цену всю себе во сердце лишь твоем,
Не в бренных пышностях, довольствуйся ты тем,
Что ты достоин быть на небесах с богами;
Всем равный Гражданин, попри венец ногами
И, бурей окружен, разруши сей престол,
Жилище горестей и бездну страшных зол.
Р у р и к. То позно!.. Знаешь ты, как трон уважен мною?
Ты помнишь, как сей град, прельщенный тишиною
По грозных бурях, я которы укротил,
За счастие свое престолом мне платил;
Отверг я власть тогда — и мог отвергнуть с славой:
Велико пренебречь величие с державой!
Но после, как народ с стенаньем, с током слез
Моления свои к ногам моим принес,
Страшась опять нести мной сверженную тягость,
Принудил в долг мою преобратиться благость.
Как счастья общего залогом мой венец,
И стала власть моя отрадою сердец,
Сколь гнусно, зря мечи против меня мятежны,
Низвергнуть все опять в напасти неизбежны.
Коль прежде честь снискал, отрекшись власти я,

Унизился б теперь, я право отдая,
В сердцах твоих Граждан начертано любовью;
Я должен защитить его моею кровью!
Владея, как отец, я должен жизнь презреть;
Достойней я иных на троне умереть.
Не привлекай меня ты к низостям толиким!
Чтобы мне другом быть с отцом твоим великим.
Не подлость — средство! нет! — Рамида, ты сама,
Когда б исчезла тем напастей наших тьма,
Пред светом бы меня увидя постыженна,
Любя достойного, презрела б униженна.
На лаврах взросшая, Героя славна дщерь,
Меж чести и любви будь судия теперь!

Рамида. Я чувствую твой долг, как горько ни стонаю!
Я, плача, не тебя, но рок мой обвиняю!
Могу ль порочить то, что, честь твою храня,
Ты славе жертвуешь несчастную меня.
Виновна в том моей судьбины непреложность!
Почувствуй же и ты мою священну должность
И, чести следуя, не воспрещай мне в том!
Любя меня, отцу ты должен быть врагом,
И я, тебя любя, как в горести ни млею,
Чтя честь равно тебе, не буду я твоею.
Жар нежный во вражду стараясь пременить,
Хотя не возмогу я сердца покорить,
Но должности моей могу повиноваться,
Тебя лишась, всяк час с душою расставаться.

Рурик. О грозная судьба!

Рамида. О часть, смертельна часть!

Рурик. В сей день предвидел ли толь лютую напасть,
От сердца твоего я счастья ожидая?..

Рамида. На сердце я твоем надежду утверждая,
Заслугой к обществу твоей себя маня,
Могла ль я предузнать, что лютый рок меня
Близ края счастия низвергнет смерти в бездны!

Рурик. Погибло все для нас!

Рамида. О стоны бесполезны!

ЯВЛЕНИЕ 4

Рурик, Рамида, Извед.

Извед. Спеши, о государь! уж с воинством Вадим,
Быть чая в гордости своей непобедим,
Поля у здешних стен в сей час обременяет.

Рурик. Иду, куда меня долг лютый призывает!

(К Рамиде.)

Иду, лишась тебя, тебя достойным быть;
То помня, что монарх, любовника забыть

И, обществу моей пожертвовав отрадой,
Мученье вечное иль смерть принять наградой!
Коль чести на пути сужден я мертв упасть,
Воспомнив бы мою к тебе толь нежну страсть,
В награду мне за то, узрев меня во гробе,
Соделавши конец отца жестокой злобе,
Слезами ты мой гроб драгими удостой
И стоном тень мою печальну успокой.

Рамида. Свершив к отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебе пролью, но крови токи!

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Рамида *(одна)*. Уж люта брань кипит и кровь течет рекой!
И Рурик, и Вадим убийственной рукой
Друг в друге жизнь мою в сей час отнять стремятся.
На то ль Герои вы, чтоб только истребляться?..
О как несчастна я! любовник и отец —
Дражайши имена для счастливых сердец,
А мне, а мне и вы источники страданий!..
В пучине горестей, смятений, колебаний,
Мой дух трепещущий, обоих вас любя,
В сей час желал бы сам убегнуть от себя...
Я в горести от всех оставлена, забыта,
И ты, Селена, ты от глаз моих сокрыта,
Не придешь смертну грусть со мною разделить
И дружеством тоску смертельну утолить!..
Увы! в сей страшный час сама себе я в тягость...
Могу ли умолить, бессмертны, вашу благость,
Могу ли к жалости вас, боги, преклонить,
Чтоб, жизнь мою прервав, то время упредить,
Когда, поражена я брани окончаньем,
Или отца моим прогневаю стенаньем
Иль в лаврах Рурика со ужасом узрю!
Когда противным вам я пламенем горю,
Разите, боги, грудь несчастием порочну,
Исторгните с душой сию любовь беспрочну...
Но звук пронзает слух!.. Свершилось все!.. О страх!
Колеблется земля, и меркнет свет в глазах!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Вадим (обезоруженный, с толпою пленников, в провожании стражи из Руриковых воинов), Рамида.

Рамида. Тебя ли вижу я, возлюбленный родитель?
Вадим. Увял мой лавр, увы, и Рурик победитель!
О стыд! низвержен я в оковы наконец...

*

Невольник Руриков — Рамиде не отец!
Поди, не умножай моей тоски ужасной!..
О солнце! помрачи твой луч, иным прекрасной,
А ненавистный мне и злейший вечной тьмы!
Свершилось все теперь, рабами стали мы!..
Рабами?.. Нет! Вадим превыше сей напасти!
Вселенну, боги, вы вратя по вашей власти,
Возможете весь мир тиранам предавать
И счастью и себя слепому подвергать:
Злодеям счастливым пусть все порабощенно,
Но сердце из того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громом вооружась, властителя мне дать...
Чего ж я жду?.. О дщерь, несчастна и любезна!
Когда Отечеству жизнь наша бесполезна,
Став праздными его свидетельми оков,
Нам ползать ли в толпе тирановых рабов?..
Ты плачешь, горестью моею пораженна?
Не плачь! утеха есть несчастным откровенна!
Она для робких душ ужасна и горька,
Великодушию приятна и сладка:
Не быть, престать сей свет — тиранов жертву — видеть;
Смерть благо, ежели жизнь должно ненавидеть!
Умрем, уклонимся от подлостей и злоб,
В одно несчастливым убежище — во гроб!
Умрем!.. Но что? О рок!.. Я жизни ненавижу,
А средства и умреть несчастный я не вижу.
С мечом последней сей надежды я лишен!

(К Рамиде.)

О ты, в которой дух мой должен быть внушен,
О дочь Отечества, упавшего со мною!
Когда почтен равно в несчастьи я тобою,
Коль в узах я тебе, как в лаврах был, — отец!
Соделай бедствиям ты нашим всем конец,
Желанной смерти мне орудие достави
И от позора жить себя со мной избави!
Лети на крылиях и ускори принесть,
Чем должно в сей же час избавить нашу честь
От зренья лютого врага победоносна!..
Трепещешь!.. Жизнь твоя тебе без чести сносна?
Я чувствую, что дочь отъемлет у меня!
Злодействуешь отцу, еще твой жар храня!..
Се робости твоей прегнусная причина!
Се лютой участи Вадимовой вершина!..
О вы! за Общество навек закрывши взор,
Сколь счастливей меня вы днесь, Пренест, Вигор!
Неувядаемым покрыты лавром оба,

Вы славы на полях сошли во мраки гроба!
Еще Отечество дышало в оный час,
Надежда сладкая сопровождала вас,
А я — игралище меня гоняща Рока
И жертва низкая Рамидина порока,
Я должен горести несметные вкусить...

Рамида. Не может более несчастна дочь сносить
Сих молний из твоих мне столько грозных взоров,
Сих смертных для меня неправедных укоров!
Коль должно свергнуть мне сей жизни тяготы,
Спокойся, государь, доволен будешь ты!
Мне жизнь моя ничто, когда ее лишенье
Тебе, родитель мой, быть может утешенье.
Клянусь у ног твоих, клянусь в сей лютый час,
Что я тебя уже в последний вижу раз
И что в последние, мои являя муки,
Слезами горькими твои кроплю я руки.
Блаженна, коль мою пролив несчастну кровь,
На гроб мой возвращу родительску любовь
И стоны привлеку жаления сердечна!
Но ты не ожидай, чтоб, дочь бесчеловечна,
С отчаяньем твоим согласна я была
И к смерти бы отцу я средство подала;
Чтоб, став участницей отцеубийству люту,
Кляла сама себя в последню я минуту.
Прости, родитель мой, в последний раз прости!
(Хочет идти.)

Вадим. Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести!
Минута каждая, миг каждый мне — позоры!
Куда ни обращу мои смятенны взоры,
К мученью моему все мой являет стыд.
Мне кажется, все здесь, прияв унылый вид,
Свободы требует, утраченныя мною!
Вздох каждый мой моей быть кажется виною!
Сей воздух — чем дышу, земля — где я стою,
И стены вопиют, кляня днесь жизнь мою:
Уж нет Отечества, а ты на свет взираешь;
Не мог его спасти, а ты не умираешь!..
О мысль смертельная, грызуща сердце мне,
Подобна яростной в час бурных гроз волне,
Опровергающа мой дух, толь прежде твердый:
Се скоро придет к нам сей Рурик милосердый,
И, в благость лютую преобратя свой гром,
Мне сердце разорвет прощения стыдом!
О крайность страшная! о бездна посрамленья!
Не дай дожить мне толь несносного виденья...
Все позно!.. Се мой враг!.. Разверзися, земля!
И в пропастях закрой несчастного меня!

ЯВЛЕНИЕ 3

Рурик (за ним вельможи, воины, народ), Вадим, Рамида, Извед.

Рурик *(Вадиму)*. Хоть был я принужден с тобой, Вадим, сражаться,
Победой не могу моею наслаждаться,
Когда она в тебе питает ту вражду,
Которой от твоих я чувств себе не жду.
Вадим. Что право подает тебе надеждой льститься,
Когда ты победил, со мною примириться?
Не сей ли на главе блистающий венец?
Сие гнушение свободных всех сердец!
Хоть иго днесь твое победой оправданно,
Презренно право мной, одною силой данно.
Победа может ли венца закрасить зло?
Желал бы я, когда б событься то могло,
Чтоб счастием в числе бессмертных помещенный,
Хотел мне другом быть ты, громом воруженный,
Я б с радостью тебя возмог на небе зреть,
Чтоб с силою твоей тебя и там презреть!
Рурик. Сей тщетной гордости бесплодное паренье
Достойней, может быть, привлечь к себе презренье,
Но чту в несчастии Рамидина отца,
В сей день Отечеству кровавых бед творца.
Вадим *(к народу)*. Для возвращенья вам потерянной свободы,
Почто не мог пролить всю кровь мою, народы!
Рурик. Вельможи, воины, граждане, весь народ!
Свободы вашея какой был прежде плод?
Смятение, грабеж, убийство и насилье,
Лишение всех благ и в бедствах изобилье!
И каждый здесь, когда лишь только силен он,
Одно законом чтил, чтобы свергать закон;
Мечом и пламенем раздора воруженный,
Ко власти тек, в крови Гражданей погруженный.
Священны узлы все ваш рушил смутный град:
Сыны против отцов, отцы противу чад,
Тиранам чтоб служить, простерши люты длани,
Отцеубийствию искали гнусной дани.
Граждане видели друг в друге лишь врагов,
Забыли честность все, забыли и богов.
Прибыток здесь один был всех сердец владетель;
Сребро — единый бог, а алчность — добродетель...
Вадим. На место вольности небесной красоты
Ты, своеволия являя нам черты...
Рурик. Дай кончить мне все то, что я сказать желаю.
Меж нами судией народ я поставляю.
Хотя победа днесь подвергла мне тебя...

В а д и м. Подвергла?.. Можешь ли, рассудок погубя,
  Воображать себе, о ты, рабов властитель!
  Что ты Вадимова и духа победитель?
Р у р и к. Я, правы счастия умея позабыть,
  Принужу истиной тебя мне другом быть.
В а д и м. Мне другом? Ты? В венце? Престани тем пленяться!
  Скорее небеса со адом съединятся!..
Р у р и к. Желал ли я венца, ты ведаешь то сам.
  Я нес не для себя спасенье сим странам:
  Народом призванный, закрыв его я безну,
  Доволен тем, что часть окончил вашу слезну,
  Благотворение хотел ли я продать
  И цену дел моих мздой трона унижать?
  Искал ли власти я, от коей отрицался?
  И может ли то быть, чтоб скиптром я прельщался?
  Иль славы придал мне трон пышностью своей?
  Кто спас народ от бед — превыше тот царей,
  В утехах дремлющих под сению короны.
  Но сограждан твоих тогда плачевны стоны
  Мой дух принудили — их счастья не лишить.
  Начав благотворить, был должен довершить.
  Отверженную мной я принял здесь корону,
  Чтоб вашему для вас покорствовать закону.
  Я чем мрачу мой трон? Где первый судия?
  Вы вольны, счастливы; стонаю только я!
  Который Гражданин, хранящий добродетель,
  Возможет укорить, что был я зла содетель?
  Единой правды чтя священнейший устав,
  Я отнял ли хотя черту от ваших прав?
  И если иногда от строгости закона
  Из уст несчастливых я слышал жалость стона,
  Чего я правдою стонающих лишал,
  За то — щедротою моею утешал.
    Скажите: истину ль, Граждане, я вещаю?
    В свидетели и вас я, боги, призываю!
    Вы знаете, что я, имея вашу власть,
    Страшился слабостей под бременем упасть;
  И прихоть гордости я долгом удручая,
  Нес иго скипетра, себя не примечая.
  Я помнил завсегда, что есть на небесах
  Судьи, гремящие земных владык в сердцах,
  Которые, царя колебля на престоле,
  Всечасно вопиют его всевластной воле:
  «Нам каждая слеза текущая видна,
  Котора пышностью твоей допущена;
  Мы слышим каждый стон, не внемлемый тобою,
  Из слабого влеком насильственной рукою;
  Мы каплю каждую пролитой крови зрим —

Вострепещи со всем сиянием твоим!
Не оправдай себя, велик обремененьем,
Необходимостью — тиранов извиненьем».
Вещай, народ, моей державою храним,
Гневил ли я богов правлением моим?

(К Вадиму.)

Но ты не помышляй, что власти вышней жаден,
На то являю я мой скипетр толь отраден,
Чтобы склонить народ, мной счастлив в сей стране,
Из милости венец еще оставить мне;
И чтобы гордости, не славе я покорен,
Противу воли всех один владеть упорен,
Хотел я удержать правления бразды,
Ища насилием моей заслуге мзды.
Когда ж против тебя подвигся я ко брани,
Не властолюбию платил, но чести дани:
Я должен был мою и славу поддержать,
И Общества ко мне почтенье оправдать;
Я должен был, мою желая власть оставить,
И тенью робости себя не обесславить.
И с трона нисходя — иль прямо в гроб вступить,
Иль жало клевете победой притупить.

(К народу, снимая венец.)

Теперь я ваш залог обратно вам вручаю;
Как принял я его, столь чист и возвращаю.
Вы можете венец в ничто преобратить
Иль оный на главу Вадима возложить.
Вадим. Вадима на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
Толико я его орудием гнушаюсь!
Извед *(Рурику, указывая народ, ставший перед Руриком на колена для упрошения его владеть над ним).*
Увиди, государь, у ног твоих весь град!
Отец народа! Зри твоих моленье чад;
Оставь намеренья, их счастию претящи!
Вадим. О гнусные рабы, своих оков просящи!
О стыд! Весь дух Граждан отселе истреблен!
Вадим! Се общество, которого ты член!
Рурик. Коль власть монаршу чтишь достойной наказанья,
В сердцах граждан мои увиди оправданья;
И что возможешь ты против сего сказать?
Вадим. Вели отдать мне меч, и буду отвечать!

Рурик подает знак, чтоб Вадиму отдали меч.

Рамида *(в сторону).* Се мой последний час, и все теперь свершится!

В а д и м *(к принесшему меч).* Подай!..

(К Рурику.)

Теперь Вадим с тобою примирится.
Се способ лишь один, чтоб другом быть твоим.

Р у р и к. Будь боле — и отцом соделайся моим.
В великой ты душе почувствуй глас природы.
Иль тот, кого твои толико чтут народы,
Кто их отец, твоим не стоит сыном быть?
Чтоб гнев неправедный твой вовсе истребить —
Коль мало счастия Отечества любезна,
Которого моей рукой закрыта безна;
Коль мало и самих мне щедрых толь небес,
Стенящей дочери воззри на токи слез,
Которы горестна моей душе отрава:
В ее ты сердце зри мои священны пра́ва,
Чтоб ею ты себя со мной соединил.

В а д и м. Все кончилось теперь, коль меч ты возвратил.
О небо! Боле сей не требую награды!

(К Рурику.)

Меж нами рушатся все страшные преграды:
Доволен будешь ты, народ, и дочь, и я!

Р у р и к. О небо! Чем воздам щедроте твоея?
О час, блаженный час! Нечаянна премена!

(К Вадиму.)

Позволь и дочери, и мне объять колена
Героя и отца. *(К Рамиде.)*
Ты слез лиешь поток,
Когда престал быть к нам родитель твой жесток!
О, ты награда мне одна за добродетель,
В которой мне любовь Граждан твоих свидетель,
Душа души моей! Какой ужасный мрак
Дражайших прелестей затмил прекрасный зрак?

В а д и м *(в сторону).* Я боле не могу сносить толь гнусна вида!..
Внемли ты, Рурик, мне, народ и ты, Рамида.

(К Рурику.)

Я вижу, власть твоя угодна небесам.
Иное чувство ты Гражданей дал сердцам.
Все пало пред тобой; мир любит пресмыкаться,
Но миром таковым могу ли я прельщаться?

(К народу.)

Ты хочешь рабствовать, под скипетром попран!
Нет боле у меня Отечества, Граждан!

(К Рамиде.)

Ты предана любви и сердцем, и душею —
Итак, и дочери я боле не имею...

Р а м и д а. Постой, родитель мой! Не довершай сих слов...
Постой! мой дух тебя изобличить готов,
Что дочь несчастную напрасно презираешь...

Я знаю то, что ты в сей час предпринимаешь;
И твой великий дух, пред мною весь открыт,
Что должно делать мне, мне ясно говорит.
Исполню я твою ужаснейшую волю
И в нежной младости мою разрушу долю,
Котора для меня сплеталась из цветов.
Когда соделалась порочной та любовь,
Для коей жизнию прельщалась я моею,
Смотри — достойна ль я быть дочерью твоею?

(Заколается.)

Рурик. О исступление, погибельное мне!
Вадим. О радость! Все, что я, исчезнет в сей стране!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска!

(К Рурику.)

В средине твоего победоносна войска,
В венце, могущий все у ног твоих ты зреть,
Что ты против того, кто смеет умереть?

(Заколается.)

Рурик. О рок, о грозный рок! О праведные боги!
За что хотели вы ко мне быть столько строги,
Чтоб смертию меня Рамиды поразить?
Умели в сердце вы меч вечный мне вонзить,
Лиша меня всего и счастья, и отрады!..
За добродетель мне уж в свете нет награды!..
В величии моем лишь только тягость мне!
Страдая, жертвой я быть должен сей стране
И должности моей стонающий блюститель,
Чтоб быть невольником, быть должен я властитель!..
Я буду, и себя с пути не совращу,
Где, вам подобен став, вам, боги, отомщу!

Конец трагедии.

НЕСЧАСТЬЕ ОТ КАРЕТЫ

Комическая опера в двух действиях

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Господин Фирюлин.
Госпожа Фирюлина.
Анюта, дочь Трофимова.
Лукьян, ее любовник.
Трофим, отец Анюты.
Афанасий, шут.
Клементий, приказчик.
Толпа крестьян.

Действие происходит в деревне господина Фирюлина, находящейся недалеко от Санктпетербурга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет долину, окруженную горами; на одной стороне видны вдали крестьянские избы.

Лукьян один.

Лукьян *(имея в руках связку)*. Уф! как я устал, бежал из города. Я только вчера отсюда, а кажется, будто год моей Анюты не видал... отдохнуть не могу... но напрасно я так торопился. Солнце еще высоко. Вот день, в который я счастлив буду. Чрез час... да! чрез час... повсюду будешь ты со мной... чрез час будешь ты моя жена, Анютушка будет моя!.. какая это радость! Анюта, вот дары тебе, которые я в городе купил.

(Ария.)

Вот розовой тебе платок.
Когда, меня цалуя, ты краснеешь,
Тогда ты цвет такой в лице имеешь.
Вот бисер, бел, как снег: но он далек
От белизны Анюты дорогия.
О, пышные вы жители градские,
Которых видел я в сей час,
Стократно я счастливей вас.

Пойду, пойду к любимой Анюте... а! да вот и она.

ЯВЛЕНИЕ 2

Лукьян, Анюта.

Анюта. Насилу я тебя дождалася.

Лукьян. Здравствуй, Анютушка, голубушка!

Анюта. Можно ли так долго замедлиться в городе!

Лукьян. Я бы виноват был, когда бы не ты сама была тому причина. Я все искупил, что для тебя и для меня надобно.

Анюта. Итак, сегодни совершенно буду я твоя?

Лукьян. Сегодни! Я так тебя люблю, что едва счастью моему верю.

Анюта. О чем сомневаться? Батюшка мой видел, как ты бежал в деревню. Он пошел уже к попу и, я думаю, скоро к нам будет сказать, что поп в церкви; а после не только приказчик, и барин сам не сможет нас разлучить.

Лукьян. Как я счастлив!

Анюта. Скажи, что ты видел в городе?

Лукьян. Шум, великолепие. Золото реками льется, а счастия ни капли. Словом: все то же видел, что видали мы с тобой, когда там жили у старого барина, который нас воспитал, как детей своих, и после смерти которого мы брошены. Но я тебя люблю и тобою любим: мне не надобно целого света. Так ли и ты меня, Анютушка, любишь, как я тебя люблю?

Анюта. Люблю ли я тебя? Не стыдно ли тебе? Я сегодни за тебя замуж выхожу, а ты сомневаешься! Ты тем меня огорчаешь. И я бы на тебя рассердилась, если бы [не] такое время было.

(Ария.)

Ты сомненьем огорчаешь
Нежность сердца моего
И блаженство помрачаешь
Дня счастливого сего.
Если, как ты уверяешь,
Страстно так меня любя,
Счастье все во мне включаешь,
Нет счастливее тебя.

Лукьян. Не сердись, Анютушка! я виноват... но чем же я виноват? — моя чрезвычайная любовь тебе досадила. Мне кажется, никому нельзя так много любить, как я тебя люблю.

(Дуэт.)

Лукьян.

Люби ты так меня,
Как я люблю тебя,
Как я люблю сердечно.

Анюта.

На то хочу я жить,
Чтобы тебя любить,
Чтобы любити вечно.

Вместе.

Лукьян.

Боюсь увидеть и во сне,
Чтобы лишиться мне тебя.

Анюта.

Любить тебя, вот счастье мне.
Мне все противно без тебя.

Вместе.

Лукьян. Вот и батюшка твой! Что он так печален?

. . . .

ЯВЛЕНИЕ 4

Трофим, Лукьян, Анюта и приказчик Климентий с крестьянами.

Приказчик. Возьмите его.
Трофим. Господин приказчик!
Приказчик. Чего?
Трофим. Помилуй, я милости твоей челом бью овцой.
Приказчик. Изрядно. Возьмите же его.
Трофим. Помилуй, и бараном.
Приказчик. Очень хорошо. Что вы стали? Да! Лукьяна возьмите.
Трофим. А я, право, думал, что меня; кабы немного, всю бы скотину отдал.
Лукьян. А за что бы взять меня?

Приказчик. Я знаю за что.

Лукьян. Ты знаешь, да я не знаю.

Трофим. Не спорь, Лукьянушка, ведь он приказчик. Уж он знает, что делает.

Лукьян. Он приказчик, однако у нас и барин есть.

Приказчик. Да по чьему же, когда не по барскому приказу, я это делаю? Он мне прислал указ, и вот я его вам прочитаю. *(Приказчик читает.)* «О, ты! которого глупым и варварским именем Клементия доныне бесчестили, из особливой моей к тебе милости за то, что ты большую часть крестьян одел по-французски, жалую тебя Клеманом».

(Приказчик при этом слове смотрит на всех, и мужики кланяются.)

Трофим и мужики. Дай бог счастия в новом чину!

Приказчик *(продолжает читать)*. «И впредь повелеваю всем не оф...ан...си...ро...вать». *(Перестает читать.)* Не офансировать — это, кажется, не чин, однако я не разумею. *(Читает.)* «Не офансировать тебя словом Клементия, а называть Клеманом!» *(Спесиво смотря на всех.)* А называть Клеманом! слышите ли?

Трофим и мужики. Слышим-ста; слава богу, мы все ради!

Приказчик *(продолжает читать)*. «Между тем знай, что мне прекрайняя нужда в деньгах. К празднику надобна мне необходимо новая карета. Хотя у меня и много их, но эта вывезена из Парижа. Вообрази себе, господин Клеман, какое бесчестие, не только мне, да и вам всем, что ваш барин не будет ездить в этой прекрасной карете; а барыня ваша не купит себе тех прекрасных головных уборов, которые также прямо из Парижа привезены. От такого стыда честной человек должен удавиться. Ты мне писал, что хлеб не родился, это дело не мое, и я не виноват, что и земля у нас хуже французской. Я тебе приказываю и прошу, не погуби меня, найди, где хочешь, денег. Теперь уже ты Клеман и носишь, по моей синьерской милости, платье французского бальи. Итак, должно быть тебе умнее и проворнее. Мало ли есть способов достать денег. Например, нет ли у вас на продажу годных людей в рекруты. Итак, нахватай их и продай. *Фирюлин*».

. . . .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 5

Фирюлин, Фирюлина, приказчик, шут; а в отдалении Трофим, Анюта, Лукьян.

Фирюлин. Варварской народ! Дикая сторона! Какое невежество! Какие грубые имена! Как ими деликатес моего слуха повреждается! Видно, что мне самому приняться за экономию

и переменить все названия, которые портят уши; это первое мое дело будет.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя! Наша деревня так близко от столицы, а никто здесь по-французски не умеет; а во Франции от столицы верст за сто все по-французски говорят.

Шут. Есть чему дивиться! Вы, я думаю, с мужем скоро и тому станете удивляться, что собаки лают, а не говорят.

Фирюлин. Ха, ха, ха! как это хорошо сказано! По чести, здесь говорят, как лают. Какие врали! Не правда ли!

Шут. То так, когда посмотришь на вас.

Фирюлин. Когда посмотришь на нас, великую разницу увидишь, не правда ли? А и мы еще, и мы, ах! — ничего перед французами.

Шут. Стоило ездить за тем, чтоб вывезти одно презрение не только к землякам, да и к самим себе.

Фирюлин. Довольно бы, правду сказать, было и этого; но мы с женою вывезли еще много диковинок для просвещения грубого народа: красные каблуки я, а она чепчики...

Фирюлина. Которые почти все разошлися, и теперь надобно самой покупать, а денег...

Фирюлин *(к приказчику)*. Клеман, дорогой Клеман нам поможет.

Приказчик. Извольте быть надежны, деньги будут.

Фирюлин. А девочка будет твоя, о которой ты просил.

Шут. Вывезли много вы диковинок, а жалости к слугам своим ничего не привезли; знать, там этого нет.

Фирюлин. Жалости к русским? Ты рехнулся, Буфон. Жалость моя вся осталась во Франции, и теперь от слез не могу воздержаться, вспомнив... О!..

Шут. Это хорошо! плакать о том, что вы не там, а слуг своих без жалости мучить — и за что? чтоб французскую карету купить.

Фирюлин. Перестань и не говори об этом! Нам, несчастным, возвратившимся из Франции в эту дикую сторону, одно только утешение и осталось, что на русскую дрянь, сделав честной оборот, можно достать что-нибудь французское; да и того удовольствия хотят нас лишить.

Шут. Теперь живите, как хотите; я вам сказываю, что от вас уйду. И можно ли при вас жить? Того и бойся, что променяют на красной французской каблук.

Фирюлин. Нет, нет, тебя я не отдам.

Шут. Да разве хуже меня продаете? *(Указывая на Лукьяна.)* Посмотрите, какого молодца, которой еще и по-французски знает.

Фирюлин. И по-французски? mon dieu! что я слышу!

Фирюлина. Ах! mon coeur! он по-французски знает, а скован! это никак нейдет.

Фирюлин. Это ужасно, horrible! Снимите с него цепи. Mon ami! я перед тобой виноват.

Приказчик. А карета французская...

Шут. Молчи, плут.

Фирюлин. А это что за девочка? она недурна.

Лукьян. Ах, сударь! это та, которую я люблю больше себя, которая меня любит и которую вы отдаете за приказчика.

Фирюлин. Что делать, я слово дал.

Анюта. Отец твой нас любил, а сын его терзает;
Жестокой, жизнь мою в Лукьяне отнимает.

Лукьян. Вели ты умертвить меня в сию минуту,
А после уж отдай иному ты Анюту.

Анюта и Лукьян *(вместе)*.

На слезы посмотри
Тебе подвластных,
Страданье прекрати
Тобой несчастных!

Фирюлин. Parbleu! [1] я этому б не поверил, чтобы и русские люди могли так нежно любить. Я вне себя от удивления! Да не во Франции ль я? Что он чувствует любовь, тому не так дивлюсь, — он говорит по-французски. А ты, девчоночка, а ты?

Шут. И она разумеет.

Фирюлин. И она? Теперь меньше дивлюсь.

Лукьян *(на коленях)*. Monseigneur! Сжальтесь над нами!

Анюта *(на коленях)*. Madame! вступитесь за нас.

Фирюлин. Monseigneur! Madame! встаньте, вы меня этими словами в такую жалость привели, что я от слез удержаться не могу.

Шут. Оставленную жалость во Франции вытащили оттуда два французские слова. Видите ли вы, какого сокровища лишал вас плут-приказчик?

Фирюлин *(грозя приказчику)*. Monsieur Клеман, ты бездельник.

Фирюлина. Mon cher! соединим их, они достойны друг друга и достойны жить при нас.

Приказчик. Разве вы изволили отдумать карету покупать?

Фирюлин. Нет, но у меня еще много людей и без него, а мне такой лакей надобен, которой знал бы по-французски, чтоб ездить за мной...

---

[1] Parbleu — чорт возьми.

ХВАСТУН

Комедия
в пяти действиях, в стихах
(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Верхолет, хвастун.
Полист, слуга его.
Простодум, дядя Верхолетов, сельский дворянин, недавно из деревни приехавший.
Чванкина, богатая новоприезжая из деревни дворянка.
Милена, дочь ее.
Марина, служанка Чванкина.
Честон, советник из наместничества.
Замир, сын его, влюблен в Милену.
Портной.
Приказчик.
Благочинный.
Лакеи, гайдуки.
Скороходы Верхолетовы.

Действие в Петербурге, в наемном доме, где Верхолет и Чванкина живут.

Краткое содержание комедии:

[Промотавшийся молодой дворянин Верхолет решил поправить свои дела женитьбой на богатой невесте. Назвавшись графом, Верхолет вкрался в доверие к богатой помещице Чванкиной, мечтающей выдать свою дочь Милену за знатного, богатого человека. Несмотря на то, что Милена любит бедного, но честного, умного дворянина Замира, Чванкина решила выдать Милену за Верхолета. Крайне нуждаясь в деньгах для предсвадебных расходов, Верхолет обирает своего дядю Простодума, поверившего тому, что племянник его сделался графом. Помощником Верхолета в его плутнях был ловкий слуга Полист. Плутни Верхолета были вскрыты перед самой свадьбой, его арестовывают; Милена выходит замуж за любимого ею Замира.]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 3

Простодум, Полист, Портной.

Портной. Скажи же барину, Полист, чтоб в сей же день...
Полист *(толкая вон портного)*. Все будет, слышишь ли, негодный, грубый пень!
Вон!

ЯВЛЕНИЕ 4

Простодум, Полист.

Простодум. Этот человек ремесленник, как видно.
Чего он требовал так нагло и бесстыдно?
Полист. Ему есть надобность, она у нас в руках.
Простодум. Какая?
Полист. Люди все рехнулись на чинах.
Портные, столяры, все одинакой веры;
Купцы, сапожники, все метят в офицеры.
И кто без чина свой проводит темный век,
Тот кажется у нас совсем не человек.
Портной, что был теперь, старанием Полиста
Желает чин достать себе протоколиста.

Простодум. Так может и Полист уже давать чины!
Полист. Да, мелкие одни во власть мне отданы,
А крупные себе племянник ваш оставил.
Простодум. Скажи, как он себе такую знать доставил?
Какой заслугой стал великой господин?
Каков богатством он? какой имеет чин?
Полист *(увидя входящего Верхолета)*. А вот он сам вам все расскажет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Верхолет, Простодум, Полист.

Верхолет *(вдали, с смятением увидя Простодума)*. Это дядя! Он.
Простодум *(сам к себе)*.
Сердце прыгает, на знать такую глядя.
Как светлый месяц он, весь в злате, в серебре,
Кого поищет бог...
Полист *(Верхолету)*. Сегодня при дворе
Необычайно как вы очень долго были.
Верхолет *(важно и надменно)*. Меня делами там сегодня задушили...
А! кстати, я было сказать и позабыл...
Оно безделица, я, право, не просил...
Иной бы вздором мог себя таким забавить...
Но я... поздравь меня.
Полист. Имею честь поздравить!
Да только, сударь, с чем?
Верхолет. Так... ничего... я — граф.
Полист. Я рад.
Простодум *(сам к себе)*. Как счастлив я, роднею графу став.

(К Верхолету.)

Я, ваше графское сиятельство, желаю
Благополучия и с тем же поздравляю.
Верхолет. Чем вам могу служить?.. Полист, кто он такой?
Полист. Бывал он дядя ваш, теперь пусть будет мой.
Когда племянником его быть не хотите,
Из милости к нему мне в дяди уступите.

(К Простодуму.)

Полисту быть родней, ей-ей, не малый чин:
За счастье то сочтет и знатный дворянин.
Простодум. Я рад всем быть, чем граф сиятельный прикажет,
И сделав дядею твоим, меня обяжет.
Верхолет. Со временем опять в мои произведу.
Простодум. То-есть, когда в чинок поболе попаду
По вашей милости, чтоб дядей быть достойным...

В е р х о л е т. Я обещаю вам дотоль не быть спокойным,
Доколе вашего желанья не свершу.
П р о с т о д у м. Я очень многого уже и не прошу;
Хотя бы штабского чинишка мне добиться.
В е р х о л е т *(с сердцем)*. Стыдитесь, дядя мой!.. Как можно не сердиться!
Тот самый, кто моим в свет дядею рожден,
Быть может столько подл и духом унижен,
Чтоб дале не хотел, как быть лишь асессором.
Нет, я произвести хочу вас сенатором.
П р о с т о д у м *(струся, с радостию)*. Да как...
П о л и с т. Пожалуйста, не приводите в гнев:
Он втюрит в канцлеры, на вас освирепев.
П р о с т о д у м. Ахти! беда моя... боюсь.
В е р х о л е т *(грозно)*. Ни слова боле,
Иль с глаз моих долой.
П р о с т о д у м. Ин быть по вашей воле.
В е р х о л е т. Меж тем вы можете мне сами услужить.
П р о с т о д у м. Готов! но чем могу полезен графу быть?
Я рабски услужу.
В е р х о л е т. Мой прежний управитель
Доходов был моих весьма дурной хранитель,
Я сбил его с двора.
П о л и с т. Он на руку не чист.

(В сторону.)

Чтоб пыль в глаза пускать, как барин мой речист.
В е р х о л е т. Без управителя я мог бы обойтися
Дней несколько, но мне задумалось жениться;
И свадьба может быть сегодня ввечеру...
Уж город знает то, известно и двору...
А управителя...
П р о с т о д у м. Я буду, коль угодно.
В е р х о л е т. Вам можно показать на месте сем свободно
Природой данные способности к делам...

(Он треплет Простодума по плечу.)

И выйти в свет, а там... увидим мы... а там...
Ни слова наперёд.
П о л и с т. А там и в сенаторы.
Но только вы, прибрав доходов наших сборы,
Не делайте того, как было прежде вас,
Чтоб голодом морить в иное время нас.
П р о с т о д у м. О боже упаси!.. А сколько в год дохода?
В е р х о л е т. Да было... сколько, бишь, прошедшего мне года?
Пятнадцать тысяч?
П о л и с т. Нет, сударь, до тридцати.
В е р х о л е т. Он знает то... Полист, пожалуй, ты сочти.

П о л и с т *(в сторону)*. Короток будет счет.
В е р х о л е т. Но прежний управитель
Негодный человек!
П о л и с т. Проклятый разоритель!
Доходов много он и будущих пожрал.
В е р х о л е т. Полист, на сколько, бишь, меня он обокрал?
П о л и с т. Я думаю, сударь, что на пятнадцать тысяч.
П р о с т о д у м. Какой же плут!.. А вы не приказали высечь,
Или бездельника на каторгу сослать.
В е р х о л е т. Ну кстати ль мне, сударь, так низко помышлять
И за безделицу так много рассердиться...
То правда, что когда мне надобно жениться,
Он сделал то со мной, что в самый свадьбы день
Я от бездельств сего мошенника стал в пень;
И, право, как мне быть, того не разумею.
Но много денег я еще в долгах имею.
Полист, ты ездил ли?
П о л и с т. Куда, сударь?
В е р х о л е т. К купцу,
Который должен мне; ведь надобно к венцу...
П о л и с т. Я был.
В е р х о л е т. Что ж деньги?
П о л и с т. Он сегодня не исправен.
В е р х о л е т. А я в сей день женюсь... Куда как он забавен;
Взбеситься надобно, купец богатый толь...
П р о с т о д у м. Возьмите у меня, сиятельный, изволь!
Три тысячи скопил я дома лет с десяток,
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток.
Но кстати в рекруты торгуючи людьми,
Сиятельнейший граф, пожалуй, все возьми,
Я после получу.
В е р х о л е т. Мне, право, это стыдно.
П р о с т о д у м. Когда откажете, мне будет то обидно.
П о л и с т *(Верхолету на ухо)*. Рехнулись, что ли, вы?
Берите, что дают:
Занять уж негде нам, и рок наш очень крут.
В е р х о л е т *(Простодуму)*. Я соглашаюся от вас принять услугу
И должен вам, сударь, открыться так, как другу,
Что мне не хочется женитьбы пропустить.
П р о с т о д у м. А кто особа та, коль смею я спросить,
Избранна вашего сиятельства невеста?
В е р х о л е т. Вдовы богатыя из отдаленна места,
Дворянки Чванкиной молоденькая дочь;
Они, гонясь за мной, не отступают прочь
И даже в этот дом ко мне переселились.
П р о с т о д у м. Эх, лакомы!
П о л и с т. Они в нас по уши влюбились.
В е р х о л е т. Подумай, от меня девчонка без ума.

Простодум *(любуясь Верхолетом)*. Я это думаю.
Полист. И также мать сама.
Верхолет. Из жалости одной я должен согласиться.
Полист. На ней из милости изволит он жениться.
Простодум. А для чего ж? Когда приданое при том.
Полист. Как чаша полная, дворянки этой дом;
И душ две тысячи, и денег страшна бездна.
Простодум. Так эта девушка, ей-ей! весьма любезна.
Изволъте же со мной, чтоб деньги получить.

ЯВЛЕНИЕ 6

Полист *(один)*. Благодаря судьбе, о чем теперь тужить?
Есть денежки у нас и также управитель.
Не дядя это — клад, он наш от бед спаситель.
Нам очень кстати то, что этот глуп старик.
Уж наша было знать заехала в тупик.
За недостатком бы блистательного света
Узнали б все, что мы фальшивая монета;
И Чванкина, что нам так алчет быть родней,
Сошедшая с ума на знатности одной,
Дочь барину отдать, конечно б, отказала.
Но глупость дядина нам крылья подвязала
И превратила нас из черепах в орлов.
Что б делать хвастунам, коль не было б скотов?

ЯВЛЕНИЕ 7

Верхолет, Полист.

Верхолет. Вот деньги, дядя мой...
Полист. Ошиблись, управитель,
Признайтеся, что он ваш ныне воскреситель,
Что им...
Верхолет. Но я ему за то и отслужу,
И сколь я силен, над ним то покажу.
Чему ж смеешься ты?
Полист. Снимите ваши маски
При том, кто различать умеет всяки краски.
Верхолет. Я еду гайдуков, лакеев нанимать,
Чтобы себя во всем сияньи показать,
И чтоб за мной всегда блестящи скороходы
Давали знать, что я презнатныя породы.
Полист. Опомнитесь, сударь, и тех, кому должны,
Спокойте мало хоть из дядиной казны.
Верхолет. По свадьбе нам о том подумать будет можно;
Дотоле поступай лишь только осторожно,
Увидишь ты, что я умею награждать.

ЯВЛЕНИЕ 8

П р о с т о д у м, П о л и с т.

П р о с т о д у м. Его сиятельство изволил поскакать?
П о л и с т. Поехал ко двору, а после к нам заедет.
П р о с т о д у м. А у меня весь ум о сенаторстве бредит.
Когда у нас о том услышат в деревнях,
Всплеснув руками, все дворяне скажут: ах!
Которые себе в богатстве мер не ставят,
Которые меня своею спесью давят,
Увидя пыхи там вельможески мои,
Опустят крылышки, как мокры воробьи.
Как это мне смешно!
П о л и с т. Еще смешнее будет.
Меж тем, я думаю, сенатор не забудет,
Что управителем он прежде должен быть.
П р о с т о д у м. Чем только управлять, а то как мне забыть.
Не вижу гайдуков, лакеев, скороходов,
О коих ты кричал, не ведаю доходов.
П о л и с т. Сам граф вам это сдаст.
П р о с т о д у м. Сиятельство его,
На мне не полюбя кафтана моего,
Из денег мне моих пожаловал на пару;
Не лишне ль это?
П о л и с т. Нет, наружный блеск товару
В глазах людей цены безмерно придает.
Иной бы, кто себя, как куколка, ведет,
Кафтаном лишь одним умен и благороден;
Сними с него убор, куда б он был пригоден?
Наряд достоинствам замена и умам;
Итак, вы видите, как это нужно вам.
Марину вижу я, вот Чванкиной служанка,
Вот сердца моего любезная приманка.

(Громко.)

Смотрите ж дядюшка, и управляя дом,
Вы не ударьтеся бесчинно в грязь лицом...

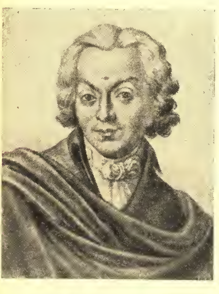
В. В. КАПНИСТ

(1757—1823)

Василий Васильевич Капнист происходил из богатой дворянской семьи, короткое время служил офицером, по выходе в отставку жил, главным образом, в родовом своем имении Обуховке.

В молодости, в 80—90-х годах, Капнист находился под влиянием передовых гражданских идеалов служения обществу, борьбы с социальным злом— неправосудием, крепостничеством, но затем он примиряется с окружающей действительностью. Однако под конец жизни под влиянием нарастающего движения декабристов (один из сыновей В. В. Капниста был декабристом) у него снова оживают гражданские просветительские идеалы.

В начале своей поэтической деятельности Капнист выступает с произведениями в обличительно-сатирическом роде: в 1777 г. им написана «Сатира первая» (напечатана в 1780 г.), в которой в резкой форме высмеивались одописцы-льстецы; в 1783 г. сочинена антикрепостническая «Ода на рабство» (напечатана в 1806 г.) — смелый ответ на указ Екатерины о закрепощении украинских крестьян. Со второй половины 80-х годов Капнист отходит от сатирической линии, пишет торжественные, хвалебные и духовные оды: «На истребление в России звания раба Екатериною второю» (1786 г.), «На объявление войны Портою России» (1787 г.) и др. Однако вскоре Капнист снова возвращается к сатире: в 1793—1794 гг. им закончена комедия «Ябеда» (напечатана и поставлена на сцене в 1798 г.) — острая сатира на царское неправосудие. Шумный успех «Ябеды» обратил на нее внимание Павла I, и пьеса была «высочайше» запрещена. «Ябеда» принадлежит «к исторически важным явлениям русской литературы как смелое и решительное нападение сатиры на крючкотворство, ябеду и лихоимство, так страшно терзавшие общество прежнего времени» (Б е л и н с к и й).



В. В. Капнист

Чернышевский высоко ценил «Ябеду». О «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина он писал Некрасову: «замечательны содержанием, вроде Капнистовой «Ябеды».

В 90-х годах XVIII в.— в начале XIX в. Капнист испытывает влияние Карамзина и карамзинистов, пишет унылые элегии, оплакивает свою ушедшую молодость («Старик, ожидающий весны», «Закат солнца»), причем он «часто злоупотреблял своею грустью и слезами, ибо грустил и плакал в одной и той же оде на нескольких страницах» (Белинский).

В 10-х годах XIX в. под влиянием нарастающего декабристского движения в произведениях Капниста снова появляются гражданские мотивы («Ода на пиитическую лесть», «Встречные мысли», «Случайные мысли»).

Лучшими своими произведениями и в особенности «Ябедой» Капнист оказал известное влияние на развитие русской литературы. «В детских и юношеских опытах Пушкина заметно», по словам Белинского, влияние Капниста; «Ябеда» предваряла в некоторой степени «Ревизора» Гоголя; Островский в «Доходном месте» вспоминает «Ябеду».

Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» писал: «Возможно ли упрекать Гоголя в том, что он употребляет слишком черные краски? В «Ябеде» Капниста злоупотребления изображаются гораздо беспощаднейшим языком».

ЯБЕДА

Комедия в пяти действиях

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Праволов, отставной асессор.
Кривосудов, председатель Гражданской палаты.
Фекла, жена его.
София, дочь его.
Прямиков, подполковник служащий.
Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин — члены Гражданской палаты.
Хватайко, прокурор.
Кохтин, секретарь Гражданской палаты.
Добров, повытчик.
Анна, служанка.
Наумыч, поверенный Праволова.
Архип, слуга Праволова.

Действие происходит в доме Кривосудова.
В углу комнаты стоит стол, красным сукном покрытый. В комнате три двери.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Прямиков и Добров.

Прямиков. Я рад, мой друг, что мы с тобою здесь
столкнулись.
Добров. Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?
Неужли за грехи какая вас напасть
Иль тяжба, бог храни, втащила в эту пасть?
Прямиков. Так именно: процесс на шею навязался,
Я от него уйти хоть всячески старался,

Мирился, уступал, но потерял весь труд.
И так, Уездный уж и Верхний Земский суд
Прошед, где моему не льстили супостату,
Вступило дело к вам в Гражданскую палату.
Д о б р о в. Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.
Да с кем же вы, суда́рь, имеете процесс?
П р я м и к о в. Сосед мой Праволов не ведь с чего вцепился...
Д о б р о в. Кто? Праволов?
П р я м и к о в. Да, он. Чему ж ты удивился?
Д о б р о в. Дивлюся, право, я, как, с умной головой,
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?
П р я м и к о в. Сутяга хитрый он, однакож не опасён.
Д о б р о в. Кто? Он?
П р я м и к о в. Уж в двух судах был труд его напрасен.
Д о б р о в. Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого в свете нет такого удальца.
Напрасен в двух судах! Да там лишь разбирают,
А ведь в Гражданской вдруг решат и исполняют.
Что за беда ему, что в тех его винят,
Лишь только для него в Палате был бы лад,
То он получит вдруг и право, и именье.
Вам с Праволовым в суд? Какое дерзновенье!
П р я м и к о в. Да чем же страшен так он мне? Прошу
сказать.
Я, в армии служа, не мог соседей знать.
По замирении я в отпуск отпросился.
Лишь в дом, — он на меня с процессом и взвалился;
И тут-то я узнал уж не от одного,
Что он злой ябедник; да только и всего.
Д о б р о в. Да только и всего! Так этого и мало?
Вы доброй человек; мне жаль, суда́рь, вас стало.
Покойный ваш отец мне благодетель был,
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть вас мне, право, очень больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.
П р я м и к о в. Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я должен искренно теперь тебе признаться,
Что я не знаю, как за дело мне приняться.
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?
Д о б р о в. Господи! Что за вопрос такой!
Он ябедник; вот все уж этим вам сказали.
Но чтоб его, суда́рь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу.
В делах, суда́рь, ему сам чорт не по плечу.
В Гражданской уж давно веду я протоколы,
Так видны все его тут шашни и крамолы,

Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверх того еще, глас божий — глас народа:
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежевана вдруг выросла земля;
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там двести десятин два борова изрыли;
Здесь выморочных сел наследничек воскрес;
Там, на гумне, его дремучий срублен лес;
На брата иск за брань и за бесчестье взносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди, пойманы его на воровстве,
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно:
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом, как знает он всех стряпчих наповал!
Как регламéнт нагнуть, как вывернуть указы!
Как все подьячески он ведает пролазы!
Как забежать к судье, с которого крыльца;
Кому бумажек пук, кому пуд сребреца;
Шестерку проиграть, четверку где иль тройку;
Как залучить кого в пирушку, на попойку;
И словом: дивное он знает ремесло,
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?
П р я м и к о в. И подлинно, его мне должно опасаться.
Но дело ведь мое так право, ясно так!..
Д о б р о в. Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.
П р я м и к о в. Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяин здешней?
Д о б р о в *(осматриваясь кругом)*.
Ах! Боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышит нас никто.
Извольте ж про себя, судáрь, вы ведать то,
Что дому господин гражданский председатель,
Есть сущий истины Иуда и предатель.
Что и ошибкой он дел прямо не вершил,
Что с кривды пошлиной карманы начинил,
Что он законами лишь беззаконье удит

(показывая, будто считает деньги)

И без наличного довóда дел не судит.
Однако, хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питейцо — пред нею нет чужаго,
И только что твердит: даянье всяко благо.

П р я м и к о в. Вот на! Возможно ль быть? А члены?
Д о б р о в. Все одно:
У яих все на один салтык заведено.
Один член вечно пьян, и протрезвленья нету;
Так тут какому быть уж путному совету?
Товарищ же его до травли русаков
Охотник страстной: с ним со сворой добрых псов
И сшедшую с небес доехать правду можно.
П р я м и к о в. А заседатели?
Д о б р о в. Когда, сказать не ложно,
В одном из них души хотя немножко знать,
Так что ж? Лих та беда, что не горазд читать,
Писать и поготовь, а на словах заика;
И так, хотя б и рад, помеха лих велика.
Другой себя к игре так страстно пристрастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по чермному с ним фараон гуляет,
И у журналов он углы лишь загибает!
П р я м и к о в. А прокурор? Ужли и он...
Д о б р о в. О! прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать, существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, там метит он далеко.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет:
За праведный донос, за ложный он берет,
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздной в суд приход, за пропущённый срок
И даже он дерет с колодников оброк.
П р я м и к о в. А о секретаре?..
Д о б р о в. Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь, как ладонь, он что-нибудь да схватит.
Указы знает все, как пальцов пять своих.
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ — его все это дело;
И с Праволовым он — запазушны друзья.
Он вам накаверзит, весьма уверен я.
И дельцо, знать, к себе он при́брал по секрету;
По крайности, его в моем повытье нету.
П р я м и к о в. Изрядно эту мне ты шайку описал!
Какая сволочь!
Д о б р о в. Я вам истину сказал;
Но, бога ради!..
П р я м и к о в. Будь, пожалуй, будь спокоен.
Но чем же мне начать? Я, право, так расстроен.
Д о б р о в. Из слов, сударь, моих могли вы то понять,
Что нечем тут начать, как тем, что дать да дать.

Прямиков *(дает ему кошелек)*. Изволь, тебе, мой друг!
Так, как знакомцу древню...
Добров *(не принимая)*.
Никак, благодарю. Давно бы я деревню
Купил, когда б так брал, как многие берут,
Впредь, до решенья дел, за предлежащий труд.
Таких неправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А естьли правое чье дело верх берет
И правой мне за труд в признательность дает,
То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет:
Я принимаю дар; бездельник вынуждает.
И не из прибыли я вам служить хотел;
Я уж сказал, суда́рь, я вашу хлеб-соль ел.
Прямиков. Ну, как же ты, мой друг, совет мне
предлагаешь,
Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедный человек, имеешь малой чин,
Породы ты простой, не князь, не дворянин,
Ты дому моему уже служил довольно;
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить,
Кого ж? Мне равного! Как может зто быть!
И как мне сметь его унизить, уничтожить!
Добров. Не должно зто вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов какая нужда тут?
Давайте тем, суда́рь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте прибавлять.
Прямиков. Не сроден я, мой друг, на здакие штуки.
Пускай подарками мой враг марает руки.
Я мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.
Добров. Вы слишком песенку поете нам высоку;
А на Руси твердят: не всяко лыко в строку.
Прямиков. Но я все правдою привык, мой друг, строчить.
Имений могут всех они меня лишить,
Но не принудят ввек на подлость и пронырства.
Добров. Что ж вам от зтого прибудет богатырства?
Прямиков Честь.
Добров. Честь, суда́рь, не в честь, как нечего
с ней есть!
Но надобно же вам подумать, как ни есть...
Прямиков. Я думаю, я прав.
Добров. И неужель стоите
Упрямо в том?..

Прямиков. Стою.
Добров. И им вы не дадите?
Прямиков. Ни шеляга не дам.
Добров. Однако истец ваш,
Я думаю, прислал тяжелой свой багаж
И под фортецию суда подкоп уж роет.
Прямиков. Пусть.
Добров. Ну, а как он залп из кошелька откроет,
То праву вашему *(свищет)* на воздухе гулять.
Прямиков. Ну что ж? Хоть здесь они изволят сплутовать,
То я наместнику на них подам прошенье.
Добров *(закрывая рукою рот)*.
О боже! Положи устам моим храненье!
Но хоть подумайте — и это, ей, не вздор, —
Что исполняется палатской приговор
И что ощиплют вас, как коршуны синицу;
А с апелляцией уж голой *(свищет)* дуй в столицу.
Прямиков. Нет, права моего ничто не помрачит.
Я не боюсь: закон подпора мне и щит.
Добров. Ах! доброй господин, ей, ей! законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.
Закон желает нам прямого всем добра,
Но мы хотя и все из одного ребра,
Но неравно мы все к добру расположенны.
В Зерцало взглянь судов: Петра черты священны
Безмездно там велят по истине судить;
Божествен суд таков! Да где судей найтить?
Закон старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко бескорыстию желание вперить
И с правдою судей сколь можно примирить;
Наградою их льстит и казнью угрожает.
Но против ябеды ничто не помогает.
Ее-то бойтесь вы, суда́рь, а то роса,
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза;
И чтоб насущного вам хлеба не лишиться,
То должно с ябедой как ни на есть сойтиться.
Прямиков. Все так, мой друг, но я из правил уж моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
И я решился раз: что скажешь, все пустое.
Добров. Но...
Прямиков. Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейской красной стол, мой друг, я вижу здесь!
Добров. Не знаю, как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найтить,
Где выгодно суды могли бы поместить,

То председатель наш в свой дом вместил Палату,
С казны за то себе приобретая плату.

(Показывая, будто деньги считает.)

Прямиков. Так мы нечаянно в святыню забрели?
Добров. Но святость, знать, в ней спит; а день уж на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйска именинна
И для сговóра...
Прямиков. Чей сговóр?
Добров. У них едина
Лишь дочь. Я слышал вскользь; таят.
Прямиков. Да за кого?
Добров. Не знаю истинно. Да вам что до того?
Прямиков. Как что? но на тебя могу ль я положиться?
Добров. Я предан вам, сударь, нет нужды и божиться,
Уж после всех тех тайн, что вам...
Прямиков. Так знай, мой друг!
Что страстью нежною пылает к ней мой дух.
Но кто соперник мой?
Добров. Таят, сударь, к чему-та.
Да вот, ее идет служанка к нам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Прямиков, Добров и Анна.

Прямиков. Анюта!
Ах! как я рад тебе!..
Анна. И я вам; да отколь
Принес вас бог?
Прямиков. Постой... и прежде мне позволь
Спросить, правдив ли слух по городу несется,
Что барышня твоя уж замуж отдается?
Анна. Что отдается, в том наверное вам лгут;
Но то не солгано, судáрь, что отдают.
Прямиков. Скажи мне искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня в печали оставляешь?
Хоть словом успокой, Анютушка, меня.
Анна. Да что мне вам сказать?
Прямиков. Скажи, любим ли я?
Анна. Хотя и не совсем, судáрь, вы правы сами,
Но правды потаить я не хочу пред вами.
Вас любят, но беда, что принуждают нас
Женою быть того, кто не похож на вас.
Прямиков. Ах боже мой! поди ж скажи ты ей, Анюта!
Анна. Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ 3

София, Прямиков, Анна и Добров.

Прямиков *(целует у Софии руку).*
Счастливая минута!
С какою радостью я вижу вас опять!
София. Ах! да откуда вы?
Прямиков. Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы к вам любви сердечной...
София. Вы позабыли нас!
Прямиков. Ах, нет! я помнил вечно,
И вечно образ ваш в душе моей...
Анна *(к Софии).* Но вот
Сюда ваш батюшка, сударыня, идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Кривосудов.

Прямиков *(к Кривосудову).*
Позвольте вам, суда́рь, отдать мое почтенье.
Я Прямиков. Процесс мой к вам на рассмотренье
Вступил. Я в правости на ваш надеюсь суд.
Кривосудов. А! знаю... *(К Софии.)* А ты что, чего
зеваешь тут?.
Поди в уборную, ты видишь: челобитчик.

София и Анна уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Прямиков и Добров.

Прямиков. Осмелюсь вам сказать...
Кривосудов. А! господин повытчик!
Добров. С днем ангела, сударь, я поздравляю вас.
Желаю новых благ на всякий день и час.
Кривосудов. Благодарю, дружок!
Прямиков. Я смелость принимаю...
О деле вам моем...
Кривосудов. Да я сказал, что знаю.
Надолго ль в город к нам?
Прямиков. То должно вам решить.
Кривосудов. Мы рады гостю.
Прямиков. И... без тяжбы здесь
прожить
Я несколько хотел. Позвольте мне о деле...
Кривосудов. Рассмотрим мы его на этой же неделе.
Прямиков. Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить...

К р и в о с у д о в. Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно,
И предуведомлять хотите вы напрасно.
П р я м и к о в. Однако я прошу...
К р и в о с у д о в. Вам не о чем просить:
Мы по законам все должны дела вершить.
Без просьбы оправдим, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дело плоховато...
П р я м и к о в. Не о потачке я упрашивать хотел;
Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.
Но дело в сторону: я к вам имею нужду,
Процесса всякого и всякой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья.
Я льщусь, суда́рь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам, как отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою
Пленен смертельно я, что счастливой судьбою
Почту я сыном вам, а ей супругом быть.
К р и в о с у д о в. Дочь! Как! Где вы ее успели полюбить?
П р я м и к о в. В столице, как она у тетушки бывала,
Имел я счастие...
К р и в о с у д о в. А тетка это знала?
П р я м и к о в. Я страсти перед ней не думал и скрывать.
К р и в о с у д о в. Она с ума сошла! Да как же так спущать?
П р я м и к о в. Мне странно: неужель я этим вас обижу?
К р и в о с у д о в. Никак. Но в первой раз я вас севодни вижу.
Она же молода, у ней же есть и мать.
Прошу за честь сию спасибо вас принять,
Однакоже нельзя так скоро нам решиться.
П р я м и к о в. Я только лишь хотел об этом изъясниться,
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?
К р и в о с у д о в. На сей седмице вас потщимся мы решить.
П р я м и к о в. Так вы даете мне надежду, что я буду?..
К р и в о с у д о в. Надейтесь, вашего я дела не забуду.
П р я м и к о в. Я с восхищеньем вас, суда́рь, благодарю.
К р и в о с у д о в. Добро. Явитеся лишь вы к секретарю.
П р я м и к о в. Зачем к секретарю?
К р и в о с у д о в. Он силу в деле знает.
Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает.
Мне резолюцию на них потребно дать.

(Берет бумаги.)

П р я м и к о в. Позволите ль мне честь к вам и вперед бывать?
К р и в о с у д о в. Добро пожаловать. Я ваш слуга покорной.

П р я м и к о в уходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов и Добров.

Кривосудов. Вот на! какой востряк! о! да какой проворной!
Лишь только на порог — и к дочке уж успел!
Да как сестра моя?.. Кто ей на шею сел?
Знать, что воло́чутся, и не сказать ни слова!
Добров. Да может быть, суда́рь, что женишка такова
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-та душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж:
Чин подполковничий, через четыре года
Полк тысячный, а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ!.. Позвольте мне сказать,
Преданнейшу слуге, чем он и вам не зять?
Кривосудов. Вот эти молодцы все ветер лишь гоняют,
И родовых наследств беречь они не знают;
А что и говорить о благонажитых!
Кто перьвый захотел, тот и ощиплет их.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
С своими ж русскими на площади, везде,
Лепечут; а язык прильпе их на суде.
Ты знаешь, нажил я ведь лишь трудом да по́том,
Ну! так не жаль ли, брат, как в прах пойдет все мотом?
Такого зятя я хочу себе найтить,
Который бы умел к нажитому нажить.
Да у меня и есть уж некто на примете.

(Кладет бумаги на стол.)

Добров *(берет бумаги и подносит ему)*.
Три дела тут, сударь, которы по помете
Уж более трех лет не решены лежат.
Пора бы кончить их...
Кривосудов. Да кто же виноват?
Лежат! Вот на! — затем, что николи не ходят
Просители ко мне.
Добров. Да чай они и бродят
Под окнами, сударь, но чтоб сюда прийтить,
Так не с чем им.
Кривосудов. Так что ж? За ними мне ходить
Прикажешь?
Добров. Нет, сударь, но я за них таскаюсь.
Их прав иск: я нашел...
Кривосудов. Так я и не мешаюсь,
Когда ты что нашел, находка пред тобой.
Добров. Что вот у этого последнею землей
Грабительски его соседи завладели
И дом зимой сожгли.

Кривосудов. Хозяина, знать, грели.
Добров. А бедных сих дворян в подушной всех оклад
Помещик записал.
Кривосудов. Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не взносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.
Добров. А этот, наконец, за поземельный спор,
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит, домой чуть дотащился
И в три дни отдал дух.
Кривосудов. Знать, дурно он лечился.
Добров *(в сторону)*. Ну! вот и приговор!

(Вслух.)

Да что ж хоть перьвым двум?..
Кривосудов. Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват, мне это видеть должно.
Добров. Из дела...
Кривосудов. Ничего увидеть невозможно.
Добров. Но внятно говорит тут письменный дово́д.
Кривосудов. Потребен, слышишь ли? изустной перевод.
Добров. Но дело на письме гласит довольно ясно.
Кривосудов *(вырывает бумаги, бьет об стол и бросает)*.
Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать;
Поди: к обедне мне пора уж поспешать.
Добров *(поднявши бумаги)*. Хоть взгляньте...
Кривосудов. Ох! поди, не говори мне боле.
Добров. При белом их, сударь, принес я протоколе.
Лишь подписать.
Кривосудов. Поди.
Добров. Для ангела!
Кривосудов. Поди.
Добров. Для праздника!
Кривосудов. Поди, поди и пропади.

(Выталкивает вон.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов *(один)*.

Кривосудов. Тьфу! бешеной какой! чуть к горлу не придрался,
И с челобитчиком скорея б развязался!

(Передразнивает.)

Лишь только подписать, готов и протокол;
Нет, друг мой! да и я ведь также не осел.
Когда все наголо подписывать я буду,

То скоро работа́ть *(делая, будто жует)* и челюстьми забуду.
Перо — и то в себя чернилы ведь берет:
Так мне ли одному сидеть разиня рот
И, видя под носом летящих куропаток,
Из сотни не схватить одну или десяток?
Прост был бы я и впрям!

ЯВЛЕНИЕ 8

Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками в корзинах.

Фекла. Вот, милой муженек!
К нам Праволов прислал Наумыча.
Кривосудов *(надевая перстни, шпагу и проч.)*
Дружок!
Здорово. Господин каков твой?
Наумыч. Вас проздравить
Велел с днем ангела, и сим...

(Показывая подарки.)

Фекла *(Архипу)*. Изволь поставить.
Наумыч. Поклон вам отдает.
Кривосудов. Благодари его;
Но много так на что?
Наумыч. И, сударь, ничего.
Кривосудов. Но, право, совестно.
Наумыч. Домашне все ведь это.
Фекла. А нам бы все платить наличною монетой.
Наумыч. Неуж, сударыня?
Кривосудов. Но будет ли он к нам
На дружеский обед?
Наумыч. Когда угодно вам.
Кривосудов. Пожалуй, попроси.
Фекла. Мы будем дорогова
Ждать гостя.
Наумыч. Я скажу. *(Кривосудову.)* О деле я два слова
Хотел промолвить вам. Соперник прибыл наш...
Кривосудов. Он был уж у меня.
Наумыч *(Фекле, рассматривающей и раскладывающей подарки)*.
В бутылках эрмитаж.
Кривосудов. Но я его оттер. О деле небылицы
Занес было; но я замял речь.
Наумыч *(Фекле)*. Фунт горчицы.
Кривосудов. И с рук сжил.
Наумыч. Сколько ж вам мой господин, суда́рь,
Обязан! *(Фекле.)* На роброн атлас.

Ф е к л а. Какой хабар!
К р и в о с у д о в. Но как он намекнул, то дело плоховато!
Н а у м ы ч. Все ложно. *(Фекле.)* На кафтан тут бархатец косматой.

(Кривосудову.)

И вы словам, суда́рь, не верьте.
К р и в о с у д о в. Ну, добро,
Посмотрим.
Н а у м ы ч *(Фекле)*. Флер цветной невесте на фуро.

(Кривосудову, указывая на подарки.)

На деле мы, суда́рь, доказываем ясно.
К р и в о с у д о в. Добро, добро.
Н а у м ы ч *(Фекле)*. За нас словцо. Шампанско красно.
К р и в о с у д о в. Ужо посмотрим.
Ф е к л а. Да, мой милой! посмотри:
Одной провизии не съесть недели в три.
К р и в о с у д о в *(смотря на подарки)*.
Ба, ба! что вижу впрям! Да это двор гостиной!
Н а у м ы ч. Изволите шутить.
Ф е к л а *(Наумычу)*. Обернуто холстиной!
Н а у м ы ч *(Фекле)*. Швейцарский сыр.
(Кривосудову.) Так мы надеемся на вас?
К р и в о с у д о в. Ну! кланяйся, добро.
Ф е к л а. Обед наш ровно в час.
Н а у м ы ч. Наверно будет.
Ф е к л а. Ну! спасиба.
К р и в о с у д о в. Ну! спасиба.
Ф е к л а *(провожая Наумыча)*. Спасиба.
Н а у м ы ч *(возвратясь, Фекле)*. Там, в сенях, в кулькe провесна рыба.

(Уходит с Архипом.)

С л у г а выносит подарки.

ЯВЛЕНИЕ 9

К р и в о с у д о в и Ф е к л а.

Ф е к л а. Какой же умница Наумыч!
К р и в о с у д о в. Не дурак!
Ф е к л а. И Праволов какой досужей!
К р и в о с у д о в. Не простяк!
Ф е к л а. Как любит он наш дом и как не оставляет!
К р и в о с у д о в. Зато и делать уж чего не заставляет!
Ф е к л а. Вот друг, каких теперь в диковинку сыскать!
Все знает наперед, что думаешь сказать;

Все памятует дни: крестины, именины,
Родины...!
Кривосудов. Плохо лишь он помнит день кончины!
Фекла. Им живы; кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И словом: им живем без нужды, без хлопот.
Кривосудов. Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться.
Уж стал он несколько тяжел мне становиться.
Я слышу, на него отвсюда вопиют.
Лишь удушим одно, другое дело в суд;
И сделал для него уж я таких премного,
Из коих и одно б могло, судить коль строго,
Во Уголовной суд меня препроводить.
Чтоб лакомством его оскомы не набить!
Фекла. Пустое: ты вершишь ведь все дела чистенько.
Кривосудов. Что черно, как ни чисть, а будет все
черненько.
Фекла. Пустое: мы ль одни! Всех не переведут.
Кривосудов. А как по жеребью придет отведать, тут?..
Фекла. Пустое: знать, с утра ты левой встал ногою,
Что голову набил такою чепухою.
Ты только посмотри, как оборотлив он:
В столице у него, ты знаешь, есть патрон,
И сверьх того еще, приятелей имеет.
Куда ни кинется, везде уж он поспеет.
Так ты, пожалуйста, пустого не страшись
И на него в делах его ты положись.
Кривосудов. Что делать!
Фекла. Ах! на ум теперь пришло мне
кстате:
На Прямикова иск в Гражданской ведь палате.
Кривосудов. Так точно.
Фекла. Он о нем давно мне говорил.
Кривосудов. А мне не так давно.
Фекла. Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.
Кривосудов. А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.
Фекла. Однакож, милой мой! ты должен пособить.
Ведь вспомни, как он нам...
Кривосудов. Да, помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно.
Тут надобен указ, иль право, иль закон.
Фекла. Законов столько!
Кривосудов. Так!
Фекла. Указов миллион!
Кривосудов. И это истинно.
Фекла. Прав целая громада!
Кривосудов. Все неоспоримо.

Ф е к л а. Ну, так чево жа нада?

К р и в о с у д о в. Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Ф е к л а. Да ведь закон прибрать секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,
Что секретарь прибрал закон уж для него:
Из пропасти такой не выбрать одного!

К р и в о с у д о в. Да я же не один: ведь у меня есть члены.

Ф е к л а. Вот на еще! Да им и море по колены:
Так много ль надобно их уломать труда!

К р и в о с у д о в. Ин быть так; естьли он спроворит до суда
Всех членов наклонить, то вот-те слово свято,
Что уж и я пущусь... хоть дело плоховато!

Ф е к л а. Притом для дочери он не жених, а клад.
А свой ведь своему и поневоле брат.

К р и в о с у д о в. Ба! я и позабыл сказать тебе, что снова
Господь нам женишка дарует и другова.
Как на голову снег севодни...

Ф е к л а. Кто таков?

К р и в о с у д о в. Он подполковник; дай мне вспомнить...
Прямиков.

Ф е к л а. Что с Праволовым?..

К р и в о с у д о в. Да, тот самый.

Ф е к л а. И на эту
Веть не дал ты ему ответа прямо?

К р и в о с у д о в. Нету.

Ф е к л а *(с жаром)*. Как? хочешь нам его на шею навязать?

К р и в о с у д о в. Никак: я лишь хотел тебе сперва сказать.

Ф е к л а. Я слышать не хочу; чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

К р и в о с у д о в. Он нашу дочь-воструху
В Москве уж знал.

Ф е к л а. Как знал?

К р и в о с у д о в. Знал у сестры в дому.

Ф е к л а. Возможно ль быть?.. Да я... Да я ей!.. я ему!..

К р и в о с у д о в. Спокойся же, мой друг! ведь отказать нам
можно.

Ф е к л а. Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой. Он хочет забежать
И сватовством тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему помочь не отказался.
Но не на олухов молодчик расскакался.
Нам Праволов давно знаком, а старый друг
И по пословице ведь лучше новых двух.
Не правда ль, миленькой? ась?

К р и в о с у д о в. Правда присносушна.
Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна.
Ей что-то Праволов не по нутру.

Ф е к л а. Так что ж?
Так на нее смотреть? Что стар он, не пригож,
Не финтоват, не враль, так дуре и не нравен;
Но ум его уж зрел и кошелек исправен,
Полюбятся они, как лет пять поживут.
Не так ли?
К р и в о с у д о в. Точно так. Что за сомненье тут?
Ф е к л а. Ну! так оставивши пустые, вздорны бредни,
Пойдем, чтоб эдак нам не проболтать обедни.

Уходят.

[Праволов затеял отнять у Прямикова имение. Он предъявляет в Гражданскую палату ложный иск, искусно составленный его поверенным, отъявленным крючкодеем Наумычем. Председатель Гражданской палаты, члены, прокурор — подкуплены Праволовым.

Ярко нарисована пирушка, устроенная Праволовым в помещении Гражданской палаты, находившейся в квартире Кривосудова.]

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 6

Во все это время Анна подносит пунш и вино гостям, по частым знакам Феклы, а гости постепенно пьянеют.

А т у е в. А, а! доехали.
П р а в о л о в. Что?
П а р о л ь к и н *(показывая на Наумыча)*.
У него спросися.
Н а у м ы ч. Да что, беда, сударь! и я уже капот.
П р а в о л о в. Смелей: лови секурс. *(Бросает кошелек.)*
Б у л ь б у л ь к и н. Вот это все Федот.
П р а в о л о в. Да вам Федот лишь смех, а мне уж с сим Федотом...
К р и в о с у д о в. Но что ж? коли и вправь каким-нибудь комплотом
Богдан Федотово имение заел,
Так есть на это ведь закон.
К о х т и н. Уж я велел
Прибрать и вынесть все.
К р и в о с у д о в. Я чаю в уложеньи...
К о х т и н. Есть множество, сударь!
П а р о л ь к и н. И также в учрежденьи?..
К о х т и н. Имеется.
Б у л ь б у л ь к и н. Нельзя, чтоб не гласил указ...
К о х т и н. Гласят и многие.
Х в а т а й к о. Ясней всего наказ
Об этом говорит в статье той, где... об этом...

А т у е в. Вот темна пароли.
П а р о л ь к и н. Туз наряду с валетом.
К р и в о с у д о в. Ведь тоже к этому закон идет и тот,
Где за поступок лжив...
К о х т и н. Идет, суда́рь, идет.
Б у л ь б у л ь к и н. И естьли регламент да согласить
с наказом...
К о х т и н. То сходно будет все с помянутым указом.
Х в а т а й к о. Ну! так чего ж? и вам весьма короткой суд.
К р и в о с у д о в. Федота в сторону; Богдан, конечно, плут;
И должно, отобрав Федотово именье,
Отдать кому есть след. Мое такое мненье.
Б у л ь б у л ь к и н. И я то ж мню.
А т у е в. И я.
П а р о л ь к и н. И я.
Р а д б ы н. И-и-и я.
Х в а т а й к о. С столь общей мыслию согласна мысль моя.
П р а в о л о в. Благодарю вас всех.
К р и в о с у д о в. Законы все отчасти
Клеятся.
А н н а *(вполголоса, собирая на полу карты).*
Станем же и мы клеить масть к масти.
К р и в о с у д о в. Что ж пуншу?
Ф е к л а. Анна! что ж? проворней подноси,
И чаще и кругом; да милости проси.
Б у л ь б у л ь к и н. Мы скоро у нее уж милости попросим.
К р и в о с у д о в. Когда б кто песенку!
П а р о л ь к и н. Да лучше карты бросим:
Не стала дама везть.
А т у е в. Ты тяжело кладешь.
К р и в о с у д о в *(Хватайку).* Любезной прокурор! — Ты
хорошо поешь:
Запой нам.
Х в а т а й к о. Рад душой; да голоса-та нету.
К р и в о с у д о в. Ну, как-нибудь.
Б у л ь б у л ь к и н. Мы все пристанем для комплекту.
Х в а т а й к о *(поет).*

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

В с е *(повторяют.)* Брать, брать, брать.

С о ф и я, заткнув уши, уходит.

К р и в о с у д о в. Ей, браво! хорошо!
Х в а т а й к о. Ведь сам сложил словца.
Б у л ь б у л ь к и н. Да по работе как уж не узнать творца?

Хватайко *(поет).*

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

(размахивая руками.)

Все *(повторяют).* Брать, брать, брать.
Наумыч. ...и драть.
Хватайко. Ведь без указа нам не стать
Пословицу ломать,
Котора говорит: что взято,
То свято!
Все *(повторяют).* То свято!
Кривосудов *(поет).*

Но нада, чтоб уйти прижимки
И чтоб не оплошать,
Перчатки-невидимки
На миг не скидавать.

Хватайко *(поет, и все аккомпанируют).*

Бери, большой тут нет науки...
и *прочая.*

Кохтин. Но под шумок-ат я без бета, как без шляпы.
Паролькин *(Наумычу).* Да слышь, укороти вот эти
хищны лапы.
Ты доберешься так и до последних крох:
Уж в проигрыше я почти что сот до трех.
Наумыч. Да наши деньги ведь из вашего кармана...
Бульбулькин. Вы вспомните лишь им Федота иль
Богдана,
То счастие тотчас возьмет к вам оборот.
Паролькин. Поди с Федотом прочь: ему, слышь, не везет;
И хлап уж проиграл. Так к даме я пригнуся
Еще хоть раз.
Атуев. Постой; а я так уцеплюся
За хлапа.
Наумыч *(по знаку Праволова делает талию фос).*
Хлапа я что хлопну, то убью.
Паролькин. Фальшива талия. Ну! заплати ж мою...
Атуев. Мои две пароли.
Хватайко. Мне за туза с транспортом.
Радбын. И ба-ба-банк чи-чист.
Паролькин. Насилу с этим чортом
Мы сладили.

П р а в о л о в. А что, схватили?
П а р о л ь к и н. Наконец.

Встают и попивают. Наумыч им подносит...

[Преступления Праволова и Гражданской палаты, наконец, стали известны Сенату, указом которого предписывалось Праволова арестовать, а Гражданскую палату всю отдать под суд.]

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Д о б р о в.

Д о б р о в *(несет два пакета и отдает их Кривосудову).*
С почтамта лишь сейчас они принесены.
К р и в о с у д о в. Посмотрим, нет ли-то какой в них новизны?
(Распечатывает и отдает Хватайку один пакет.)

Судебно око ты: пожалуй, потрудися.
Х в а т а й к о *(развернув бумагу).*
От приказали ведь? *(Читает.)* «А как в Сенат стеклися
Из разных главных мест, Правлений и Судов,
Репóрты, коими асессор Праволов
В поносных ябедах, злодейственных беспутствах,
В разбоях, грабежах и даже душегубствах
Довольно приличéн...» *(К Праволову.)* Кой чорт!
Смотри-ко, брат!

(Читает.)

«Довольно приличен, то для того Сенат
Присутственным местам всем сим повелевает
Строжайший обыск...»
П р а в о л о в. Ох! Кровь в жилах замерзает.
Х в а т а й к о *(читает).* «О Праволове сем повсюду предписать;
И где найдется он, сковав, под стражу взять
И крепко содержать до нового указу».
П р а в о л о в. Погиб я!
Х в а т а й к о *(к Праволову).*
Вот те на! Какую же проказу?..
П р а в о л о в *(падая на колена и подняв вверх обе руки, между коих записная книжка видна).*
Да что уж говорить, не погуби, спаси!
Х в а т а й к о. Да ты возможного, голубчик, лишь проси.
Ведь тож и у меня спина-та щекотлива.
П р а в о л о в. Пропал навеки я! О хищность нечестива!

(Бежит вон.)

Х в а т а й к о *(бежит за ним).*
Куда? Постой, вернись! Чтоб он куда не сгиб.

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров.

Атуев. Я вне себя!
Паролькин. Кой чорт!
Кривосудов. Меня как гром ушиб.
Бульбулькин. Мне кажется, я пьян.
Радбын. Ек-ек-ек-еко диво!
Кривосудов. Да как с ним эдак вдруг незапно, несчастливо!
Я не сберусь с умом. Но дай-ко нам прочесть

(Берет другой пакет.)

И эту вещь. Очки! Тут что-нибудь да есть.
О чем Сенату к нам писать и столько много?

(Читает вслух.)

Вот на! «Гражданскую палату всю... и строго...»
Ахти! Пропали мы!

(Роняет из рук бумагу и падает в креслы.)

Бульбулькин. За что? Перекрестись!
Атуев. Неужли впрям?
Паролькин. Господь, господь с тобой, очнись.
Радбын. Ек-еко-диво!
Кохтин. Ну! пришло и нам, знать, круто!

Подымают бумагу и все, сбежавшись, читают.

Добров *(в сторону)*. Крутили ведь и вы!
Кривосудов. О скорбь! О горе люто!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же, Фекла, София и Анна.

Фекла. Что за беда у вас? О чем так сильной крик?
Кривосудов. Пропали мы!
Фекла *(к Кривосудову)*. Да как? Ну ж! поверни язык.
Кривосудов. Погибли, говорю, ну! Сгибли да пропали!
Фекла *(к Бульбулькину)*. Да как?
Бульбулькин. Погибли так, как ввек не погибали.
Фекла *(к Паролькину)*. За что?
Паролькин. За то, что нам пришел прямой уж мат!
Фекла *(к Атуеву.)* Взбешусь! Скажите мне...
Атуев. Уж все сказал Сенат.
Фекла *(к Радбыну)*. Сенат! ахти! и впрям; да что же вам оттуда?
Радбын. Ввек ек-ек-екого не ждал я чу-чу-чуда!

Ф е к л а *(к Кохтину).* Хоть ты мне растолкуй.
К о х т и н. Да толк тут недалек:
За бабушкин, знать, грех всех нас попутал бог.
Ф е к л а *(к Доброву).* Хоть ты...
Д о б р о в. О том вся скорбь, что вздумалось Сенату
Нас в Уголовну всех препроводить палату.
Ф е к л а. Ахти мне! Да за что?
К р и в о с у д о в. Да то-то и беда,
Что осудили нас без всякого суда.
Ну! льзя ли, по одним доносам лишь злословным,
Велеть нас всех судить порядком уголовным?
За взятки якобы, за толк кривой в делах
Законов будто...
Ф е к л а. Как? как? На пустых словах
Сенат уверился? Сенат нас обвиняет?
Да кто ж нам взятки дал? Кто нас изобличает?
Без права, без суда честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорить, страмить нас, убивать!
Да что? зачем ему мешаться в эти вздоры?
В одном лишь разве здесь суде засели воры?
И к нам не дьявол ли занес стол красный в дом?
Прочь с ним отсель! Я все поставлю кверху дном.

(Опрокидывает стол, все члены и Кохтин разбегаются, под столом увидя бутылки, Ф е к л а *к Кривосудову с радостью.)*

А кто принес?
К р и в о с у д о в. Никто. Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНИЕ 9

К р и в о с у д о в, Ф е к л а, С о ф и я, А н н а и Д о б р о в.

Ф е к л а *(свернув руки, стоит).* Ахти! беда! беда!
К р и в о с у д о в. Твои вот это шашни.
Через тебя и я, и весь мой дом погиб.
Ф е к л а. Через меня? Да ты сидел в суде как гриб,
Как истукан, как пень, как олух, как осел,
Как рохля; в жизнь твою ты двух концов не свел.
К р и в о с у д о в. Сведи же ты теперь.
Ф е к л а. Сведи! еще бормочет,
И он же голову еще вскружить мне хочет.
Слышь, не дразни; а то... *(Бросается к нему.)*
С о ф и я. Ах! матушка! Я вас
Прошу...
Ф е к л а *(Софии).* И ты туда ж? поди с моих ты глаз.
К р и в о с у д о в. Да не гони ее: она беды не знает,
Что уж ее жених в остроге заседает.
Ф е к л а. Кто?

Кривосудов. Праволов.
Фекла. Ахти! За что?
Кривосудов. Сенат велел
Сковать; и скован уж: так, стало, не без дел.
Фекла. Ахти! пришла беда! ахти мне! умираю.
(Падает в обморок.
София и Анна бросаются ей помогать.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Прямиков.

Прямиков. Простите мне, судáрь, что смелость принимаю
Прийти к вам; ваше я несчастие узнал;
Жалея искренно, за первый долг считал
Спешить утешить вас и разделить печали.
(К Фекле, пришедшей в себя.)
Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня! но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступок мой,
Усердья моего почувствуете цену.
Кривосудов. Вы счастья нашего узнали перемену?
Прямиков. Но чувствований я моих не пременил
И вам готов помочь, колико будет сил.
Счастлив, когда б мои услуги предуспели
Склонить вас, чтобы вы с приятностью глядели
На нежну страсть мою.
Фекла. Вы много чести нам...
Я, право, вас стыжусь. Когда угодно вам...
С моей я стороны согласна всей душою.
Кривосудов. И я то ж; да и вы, я чай, согласны с нею.
София. Ах! признаюсь, что мне он не противен был.
Кривосудов *(соединяя их руки)*.
Ну! дай же бог! чтоб он тебе был вечно мил!
Прямиков *(целуя руки Софии)*. Какое счастие!
София. Какая перемена!
Кривосудов. Теперь моя печаль немного облегчена.
Анна. Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка.
Добров. Вприям: моет, говорят ведь, руку-де рука;
А с Уголовною Гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живет за панибрата;
Не то, при торжестве уже каком ни есть,
Под милостивый вас поддвинут манифест.
Кривосудов. Ну! что ни говори, а дело плоховато!
Анна. Жить ябедой и тем: что взято, то и свято.

Конец

ОДА НА РАБСТВО

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней,
Простерши руку отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою
И, согласясь с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье восною.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою не лестну речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм, древами осененный,
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный все являет вид:
Ручей там с ревом гору роет,
Уныво ветр меж сосен воет,
Летя с древ, томно лист шумит.

Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи,
Веселых песней глас утих,
Златые нивы сиротеют,
Поля, леса, луга пустеют,
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,

Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло, из общих благ, творить?
На толь даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полну чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зляе смерти жизнь влекут.

Насилия властей страшатся,
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства унывают,
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренной, свободной

Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица! Се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя;
А ты его обременяешь!
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя.

Но ты, которыя щедроты
Подвластные боготворят,
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят,
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых:
Так что же? — благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит.
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мятется трепетна земля:
Но солнце страх сей отгоняет,
И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь
И, к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моея драгой.
Тогда, о лестно упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий,
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы,
Твое я имя воспою.

1783

П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВ
(1760—1812)

Петр Алексеевич Плавильщиков происходил из московской прогрессивно настроенной купеческой семьи; учился он в гимназии при Московском университете, затем окончил курс в университете. Еще студентом Плавильщиков увлекся театром и поэтому по окончании университета чиновничьей карьере предпочел скромную деятельность актера.

В области сценического искусства Плавильщиков был последователем и учеником Дмитревского. Плавильщиков стяжал себе у современников славу первоклассного актера, выступая в роли Правдина.

Однако в дальнейшем Плавильщиков переходит к комическим ролям, к мещанской драме, его влечет к простоте и естественности при игре на сцене, к простой разговорной речи. Плавильщиков является очень энергичным и разносторонним деятелем в театральной области: он играл в театрах Петербурга и Москвы, был инспектором Санктпетербургского театра, выступал по вопросам театра с публицистическими статьями.

П. А. Плавильщиков

По своим общественно-политическим взглядам Плавильщиков принадлежал к умеренно прогрессивным людям своего времени: был противником дворянских привилегий, дворянского космополитизма, выступал с защитой интересов «маленького» человека, однако не поднимался до решения социальных проблем на демократических радикальных началах, оставался защитником монархии и царского престола (статья «На мир с Турцией»).

Плавильщиков был не только талантливым актером, но и видным драматургом, публицистом. В 1782 г. Плавильщиков издавал журнал «Утро», в 1792 г. в товариществе с И. А. Крыловым, Клушиным и Дмитревским участвовал в издании журнала «Зритель». С 1783 г. Плавильщиков

выступил как драматург — им написаны три трагедии, две драмы, шесть комедий. В журнале «Зритель» Плавильщиков поместил несколько ярких публицистических статей («Нечто о врожденном свойстве душ российских», «Театр», «Комедия»), которыми он стремился утвердить развитие национальных самобытных начал в русской литературе. Своими драматическими произведениями, такими, как «Бобыль» (1790), «Сиделец» (1803), правдиво рисующими мещанскую купеческую среду, Плавильщиков прокладывал пути к развитию реалистических начал в русской литературе и являлся одним из предшественников А. Н. Островского.

НЕЧТО
О ВРОЖДЕННОМ СВОЙСТВЕ ДУШ РОССИЙСКИХ

(В сокращении.)

Естьли бы Российский народ отличался от всех племен замнородных единым только подражанием и никакой другой способности не имел, то чем бы он мог удивить вселенную, которая смотрит на него завистными глазами? Вся Европа, столица учености и вкуса, противу воли своей во многом отдает справедливость России, — восхищается добродетелями ее, которых вне России нет. Естьли учиться значит только подражать, то давно бы науки упали, поелику подражание всегда бывает слабее своего подлинника: где нет творческого духа, там нет и произведения; но мы видим совсем тому противное: науки час от часу приходят в совершенство; ученик бывает несравненно знающее своего учителя; из чего видно, что когда Россияне заняли некоторые познания от иностранцев, сие не доказывает, что они только подражают.

Я хочу спросить у всего света: кому подражал Петр Великий в неустрашимости, в твердости великих своих предприятий, в неимоверной быстроте, объемлющей все единым взором очес, в созидании на незыблемом основании блаженства подданных своих, в предприятиях почти человечество превышающих?..

Пусть докажут мне, кому подражают Россияне, когда ополчаются на врагов государя и следовательно отечества! Кто устоял противу мужества Россиян? Перед ними все бежало; едина слава на следах у них. Кто ужаснее Россиянина в сражении и кто милосерднее его к побежденному?.. А сему разве можно научиться?.. Нет; с этим свойством должно родиться смертному...

Много бы я мог предложить здесь примеров... кои образуют свойство душ Российских, естьли бы захотел углубиться в историю нашу; но пусть любящие отечество сами почерпают душевное услаждение, читая оную. Я скажу только, что нельзя увидеть ясно врожденного свойства Россиян в модном нынешнем воспитании, которое, однакож, сколько ни силится обезобразить его, но совсем исполнить того не может. Спросят у меня, что это за чудовище такое модное воспитание? Я об нем скажу, и скажу самую истину...

Не знаю, в природе ли человеческой или в привычке искать должно причины той непреоборимой склонности к месту своего

рождения или вообще к той земле, на которой человек увидел свет, к тому воздуху, которым начал питаться в первые мгновения жизни? Те нравы, те обычаи, родство, вера, образ правления — все совокупно влечет человека к своему отечеству. Напрасно мудрец проповедует, что он гражданин целого света; может быть сердце его никогда не согласовалось с его словами: ни один мудрец не предпочитал своему отечеству земли чужой, где бы он ни жил. Читая нравственные сочинения великих писателей, мы хотя и видим, что их правила всему вообще роду человеческому полезны, однакож они писаны языком природным мудреца, и первые воспользуются его изданием конечно его соотечественники; язык прославлен, отечество кроме первой пользы наставления хвалится честию рождения мудреца в своих пределах. За сию честь рождения Омира многие народы древней Греции воевали...

Воспитатель должен знать совершенно свое отечество исторически, географически и философически; должен знать, в какое состояние готовится его воспитанник; и на сих правилах благоразумия, имея в виду единую пользу отечества, устроивает юное сердце, насаждает науки и созидает благие нравы... труд безмерный! но достойный всех наград...

Когда же люди модного воспитания не разумеют по-русски, то не могут они и судить ни о чем Русском. Воспитатели их, представляя им добро иностранное, утверждают, что Россия о подобном и не воображала до них, и что ни есть в ней, то все худо... всякому свое мило. Ни о чем понятия не имеющий птенец упитывается подобными толками и нечувствительно привыкает ненавидеть Русское и пленяться иностранным... вот отчего Русские модно-воспитанники кажутся обезьянами... кого воспитывал француз, тот подражает французам; воспитанник англичанина поставляет за первый предмет казаться англичанином и так далее. Многократные опыты, случающиеся ежечасно в глазах наших, утверждают истину моих доводов... и кажется, что воспитатели разных земель, не видав друг друга никогда в глаза и не слыхавши об имени, единодушно согласились вливать в Россиян ненависть и презрение к России...

Я не отрицаю, чтоб не нужно было занять чего у иностранцев; но что и как занимать? В том вся важность. Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих... Научили нас чужестранцы рядом ходить, разом палить, одеваться короче и ловчее; но твердость и неустрашимость — наша. Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и от того превзошел всех своих учителей.

Итак, напрасно отрицают, что будто в Россиянах нет творческого духа... напрасно отрицают у нас свойство, которого ни один народ не имеет: оно состоит в непостижимой удобности все понимать. Не знающие отличить глагола *понимать* от *перенимать*,

дерзают приписывать Россиянам действие последнее; но какая разность между ими!

Перенимать значит то же самое делать, что видишь в том, кому следуешь: в сем действии мысль не объемлет самого существа дела, а схватывает одну только поверхность, и тогда человек бывает слепой только подражатель.

Понимать же значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя.

И вот в чем большая часть иностранных учителей при воспитании Российских птенцов упражняется! все их стремление к тому клонится, чтоб юноша никак далее перенимания и подражания не простирался в своем просвещении; да часто и учителя сами не далее сего круга в науках своих обращаются: чего же сами не знают, о том сообщить другим не могут. Но следует рассмотреть, которое из сих двух действий душевных более нам свойственно, и, сколько силы понятия моего дозволят, утвердить самыми опытами.

Естьли бы свойство перенимать все одно было из главных в душе Россиянина, то бы он далеко отстоял от возможности предпринимать что-нибудь решительное и всегда бы обращал внимание свое на образец, которому он следовать принужден каким-то непостижимым стремлением и которому причины он вовеки бы не постигнул, и был бы не что иное, как пресмыкающееся некое творение по стопам своего вожатая; не смел бы возникнуть из мрака невежества и всегда бы ожидал приговора своего учителя, куда устремлять ему взор, мысли, и, наконец, должен бы был ожидать, что прикажут ему чувствовать. Платье, уборка волосов, кареты и тому подобные наружности, может быть, не более подражания занимают соотечественников моих, но образ мыслей далеко превзошел перенимание.

Один только Россиянин доказал свету, что для него нет ничего невозможного, и это свойство существует в душе его: он объемлет мыслию все, до чего только понятие его коснуться может; возьмем сперва способность выговора... Ни один народ не доходил до совершенного выговора языка чужестранного; а Россияне достигают до произношения совершенного во всех языках так, что тот народ, чей язык употреблен, не различит по выговору Россиянина от самого себя. Все художества и науки у всех племен земнородных весьма медлительно восходили на известный степень своего совершенства; а в России они сделали такой скорый шаг, который привел весь свет в удивление... долго бы надобно было работать подражанию, чтобы хотя одну тень того, что мы имеем, произвести. Обвиняют Ломоносова, что он подражал иногда Гинтеру; но Ломоносовы оды таковы, что Гинтер кажется подражателем Ломоносову, и вот разность между словами «понять» и «перенять»!.. А сверьх того сей бессмертный отец нашего стихо-

творства доказал, что понятие его изобрело такия красоты, которых никто еще не имел; он первый доказал свету, что можно Россиянину только превзойти в картинах стихотворческих и самого Виргилия; где он ни встречался с ним, везде его превосходил: описание бури у Ломоносова несравненно живее.

Беспристрастный и знающий языки читатель может сличить встречу... и также рассмотрит, где ни с кем не встретился созидающий ум стихотворства; восхитится вместе со мною и отдаст справедливость дарованиям великого мужа... Язык Российский от его пера явился языком сильнейшим всех европейских: Ломоносов им изображал все, до чего только может достигнуть пламенное воображение витии...

В тех землях, где науки давно и повсеместно существуют, не могут быть столь приметны умы естественные, как в России, ибо способность понимать может и одним воображением наполненная созидать себе предметы, а в них упражняться, от чего рождаются новые и совсем еще до того неслыханные открытия как в науках, так и в художествах, а часто такого рода понятие проникает в такие вещи, кои существуют уже у просвещенных; но они открылись понятию Россиянина без учителя: таковы у нас все, кои учатся всему самоучкою и часто удивляют и самых премудрых; у нас крестьянин сделал такую тинктуру, какой вся Ипократова и Галенова ученость не выдумывали. Костоправ в Алексеевском селе есть камень претыкания всей хирургии... Кулибин и тверской механик Собакин суть два чуда в механике... Естьли бы я стал вычислять все подобные умы, то бы я написал здесь целый словарь...

Русский все удобен понимать. Крестьяне, например, взятые в рекруты, не все становятся в ряды под ружье: надобны в службе музыканты, мастеровые и самые художники. Крестьяне, не знающие ничего, кроме пашни, разочтены по десяткам, смотря по необходимости, без всякого рассмотрения о их склонностях и способностях, кроме того, что статные и стройные отбираются в строевое служение... велят одним быть музыкантами... — не прошло трех месяцев, эти крестьяне точно таковы; естьли же притом попадутся к искусным учителям, то бывают из них и виртуозы, то есть отменные в своем роде... Пусть похвалится какой-нибудь народ подобным свойством...

Неустрашимость Россиян есть отменное их свойство... Были народы храбрые, жаждушие воевать и побеждать, как-то Римляне. Они били весь свет по склонности и охоте к войне; но Россияне не для того бьют врагов, что они охотники драться, а для того, чтоб их самих не били. Необходимость сражаться выводит в поле Россиян всегда с сердечным сокрушением, и для того всегда они возвращаются с торжеством. Римлян, сих воинов света, победили; храбрость их навеки исчезла, и слава с именем их погибла. Россияне никогда побеждены не будут... Сказал один король, знающий войну и по своему собственному опыту, что Русских можно

побить иногда, но победить никогда. Итак, Россияне не есть народ воинствующий, но народ побеждающий. Храбрость и отвага их основательны, а неустрашимость преславна...

ТЕАТР

(В сокращении.)

...С самой отдаленной древности до нынешних времен все просвещенные народы полагали зрелища на театре между первыми забавами, произведенными разумом: величайшие умы алкали снискать славу свою сочинениями театральными и гордились тем, чтобы взойти ими в храм бессмертия. Они доказали всему свету, что забава, исправляющая нравы, есть славное изобретение одного просвещения. Ничто столь не возбуждает чувствительности нашей, как та живая картина, где добродетель, сияющими красками изображенная, пленяет чувства, а порок, выставленный во всей своей гнусности, поражает всех и производит душевное к себе отвращение. Итак, зрелище есть общественная забава, исправляющая нравы человеческие...

Отечественность в театральном сочинении, кажется, должна быть первым предметом: что нужды Россиянину, что какой-нибудь Чингис-Хан татарский был завоевателем Китая и он там много наделал добрых дел? Гораздо чувствительнее детям видеть, что их отец велик, нежели другой кто; добрые дела везде любезны и привлекательны; но посторонние добрые дела постороннее имеют и действие над сердцами, а притом не все то добро в России, что добром почитается в других землях. Какая нам нужда видеть какую-то Дидону, тающую в любви к Энею и беснующагося Ярба от ревности? Что нам нужды до непримиримой вражды, какова изображена в Веронских гробницах? Надобно наперед узнать, что происходило в нашем отечестве. Кузьма Минин купец есть лицо, достойнейшее прославления на театре: его твердость, его любовь к отечеству, для коего жертвовал он всем, что имел, непреодолимое мужество князя Пожарского... все сие послужило бы совершенным училищем, как должно любить отечество...

...мы не можем подражать слепо ни французам, ни англичанам; мы имеем свои нравы, свое свойство, и следовательно должен быть свой вкус...

Я не знаю, какое-то предубеждение затмевает некоторых большого света особ, что будто все русское далеко отстоит от чужестранного, а ежели судят о сочинениях российских, то судят о них по близости к чужестранным творениям. А многие уверили себя, что российские зрелища не иначе и существовать должны, как только по образцу французских. Сие предубеждение распространилось вместе с язвою модного воспитания. Не спорю, что много французских театральных сочинений бесподобных, но много также в них бесподобных и отступлений от природы. Славные писатели французские, выводя азиятских героев, иногда по одежде только

их являли на театр азиятцами, а образ мыслей и разговора давали им французский. Но как бы то ни было — я спрашиваю, для чего в России не создать на театре вкуса, приличного нашему свойству? И для чего не быть ему в своем роде совершенным?

Мы имеем свою собственную музыку; а музыка и словесность суть две сестры родные; то почему ж одна ходит в своем наряде, а другая должна быть в чужом? Неужели мы не умеем выдумать для себя забавы и увеселения? И неужели мы должны спрашиваться у других, что нам должно быть приятно и что противно? Неужели для всех народов на свете природа мать, а для нас одних мачеха, которая не дала нам никакой собственности? — Нет, сие предубеждение происходит от собственной нашей неосмотрительности и от какого-то вредного влияния ненавидеть свое собственное...

Естьли рассеявшиеся по многим домам иностранные воспитатели стремятся всеми силами отнять у нас собственные нравы и свойства, то сие происходит оттого, что они об них ни малейшего понятия не имеют; но то удивительно, как русские, родясь в России, питаясь воздухом российским, могут к стыду своему и в угождение пришлецам пренебрегать самих себя, гнушаясь ощущениями внутренними природою? Как можно до того унизиться, чтоб, будучи господами своей собственности, видеть спокойно ее расхищаемую и попираемую ногами иноплеменников, которые ругаются в глаза самим призвавшим их господам?..

Несмотря однакож на сие, нашлись люди, которые возымели благородную отважность бороться с предубеждением и которые вооружились твердой непоколебимостию победить его, и, хвала судьбе! нашлись также и ободрители в сем препохвальном подвиге, и успех подтвердил предприятие. Уже являются на театре свойства наши и возбуждают внимание, хотя довольно большая часть большого света естьли не гнушается российским зрелищем, то, по крайней мере, по великодушию своему его презирает — да инако и быть сие не может: воспитанные по моде чада российские по-русски ни говорить, ни разуметь не умеют, а гувернеры и мадамы о том и думать им не велят, то как им постигать красоты того языка, о котором они слыхали понаслышке только и то от слуг своих; ибо родители берегут своих детей от российского языка, как от моровой язвы...

Ныне в моду вошло до того пренебрегать своим языком, что естьли бы нужда случилась писать по-русски, выдумывают или пишут по-французски, а потом переводят, и после говорят, что нельзя многого по-русски выразить! Удивительно притом, как употребляют перья русских гусей; но благодаря модному просвещению нашлось средство в модных магазинах облагородить русское перо французским чинением, и таковые чиненные перья дороже продаются многих российских печатных сочинений. Появились уже и выписные перья голландские: хоть что-нибудь, только бы не русское...

Некогда видимы были на театрах представления в одно время на двух или трех местах, или вмещающие в действии своем многие годы. Содержания таковых зрелищ требовали, чтоб по вскрытии завесы явилась взору площадь, преддверие храма, в стороне чертоги, а вдали поле и тому подобное, и везде в одно и то же мгновение происходили действия; отчего глаза зрителя, бегая во все места и смотря вдруг на многое, не видали ничего. Правилодатели театру против сего вооружились и утвердили единство места, отчего театр потерял смутное великолепие для глаз, но выиграл чувство души и сердца. Сие единство распространилось даже до того, что уже требуют, чтобы все представление было в одном месте, и целое действие перенести из комнаты на двор или в сад не позволяют; отчего сочинители принуждены бывают иногда прибегать к рассказам, которые, сколь бы прекрасны ни были, никогда столько тронуть не могут, сколько самое действие...

Не меньше того рассуждаемо было и о времени, сколько представление занимать долженствует, и не знаю, для каких причин решено, чтобы зрелище включало в своем действии не более суток или 24 часов: великое преступление сделает тот сочинитель, коего драме меньше 26 часов кончиться нельзя. Как же можно уверить тут зрителя о истине действия, когда по окончании каждого действия он взглядывает на часы? Естьли бы на русские, так бы можно было подумать, что они неверны, а то на английские или на французские, у которых, сказывают, само солнце в ходу своем наведывается о верности времени.

Когда же драмы, вмещающие в себе многие годы, месяцы или недели, не удобны обмануть зрителя, сидящего в зрелище несколько часов только, то почему же удобны 24 часа сжаться в два часа? А ежели искусный сочинитель подобно месту может украсть у зрителя время и заставить его и в том и другом обмануться, то для чего ему втискивать обширное содержание в одни сутки ко вреду сочинения? Правда: чтобы ничто не развлекало зрителя, для чего не привесть представления к тому, чтобы все его действия были на одном месте, и не более бы включали времени, сколько продолжается представление, естьли только содержание к тому будет удобно? Но естьли дело идет о пожертвовании единству места и времени истинными красотами, то тогда сочинитель погрешит сам против себя и противу зрителей, представив им скуку по правилам. Есть сочинения во всех правилах, но страждут недугом сухости; есть сочинения, перешагнувшие правила, но полнотою своею привлекательны и действием своим производят действие в сердцах и душе.

Не знаю, какая была тому причина, что как бы непреложным законом определено зрелищу быть от одного до пяти действий, и как везде сему следуют, то сие неопровергаемо. Пусть только кто подумает сочинить драму в шести действиях, тот сделает ужасное преступление и судим будет на Парнассе как зло-

дей. Благодарить должно Аполлона, что его чада не узаконили, сколько быть явлений в каждом действии! но как бы то ни было, сему последовать должно под опасением всеобщего осмеяния.

КОМЕДИЯ

(В сокращении.)

...Свойство комедии срывать маску с порока так, чтобы тот, кто и увидит себя в сем забавном зеркале нравоучения, во время представления смеялся бы сам над собою и возвратился бы домой со впечатлением, возбуждающим в нем некоторый внутренний суд, за коим следует по стопам исправление...

Удивительно мне показалось в напечатанной в прошедшем месяце критике, что сочинитель оной не нашел говорить ничего на театре слугам, а про поселян наших сказал только, что они в дыму закоптели... Я о слугах буду говорить в своем месте; а теперь мимоходом замечу то, что многие петербургские жители в прогулках своих по набережной ежедневно летом видеть могут, когда сии простодушные поселяне обедают или ужинают на барках. Они, сидя кружком около своей чаши, сперва отдают оброк своему желудку, и как голод, подобно сердитому их старосте, ворчать на них перестанет, тогда они вместо десерта начинают разговаривать весело. Как бы я желал, чтобы мой критик послушал их разговоров: он бы нашел в сих разговорах столько остроты в своем роде, которая бы его удивила, а что более, сия острота всегда наполнена здравым смыслом; я много раз восхищался сим приятным зрелищем и с удовольствием слушал, как они старались один другого сказать острее, и часто слыхал насмешки, когда кто-нибудь из них, думая замысловато, да молвит невпопад. Теперь я спрошу, кто образовал сию в них способность? Не спорю, что их шутки грубы и замысловатость проста; но где же она и не такова в поселянах... Дело вкуса обработать и украсить сию природу, но отнюдь не выходить из ее круга.

Всякое состояние тогда только восхищается собою в комедии, когда оно понимает, что это действие его собственное, но так украшено и такой имеет прелестный вид, которым бы представляемое состояние с удовольствием само себя украсить захотело, или, по крайней мере, увидело того возможность... Говорят, надобно Ивану русскому строить шалаш из миртов, которых совсем в России нет. Иван не осмелится и войти в подобный шалаш, а естьли он увидит шалашик из березок или липочек, украшенный васильками, смело и весело там сядет. Я видел по дороге из Могилева к Смоленску торжественные ворота, сделанные из сена и соломы и украшенные нашими цветами, которые поражали взор всякого своим видом, а особливо в некотором отдалении... Вот что может сделать вкус из русских припасов!..

СИДЕЛЕЦ

Комедия в четырех действиях

(В сокращении.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Харитон Авдулович, купец.
Мавра Трифоновна, его жена.
Параша, дочь их.
Викул Софронович, Сампитерский купец.
Андрей, сиделец Харитона.
Тарасьевна, работница Харитонова.
Праводелов, голова купеческий.
Бездушников, Плюгавцев, Неправдин — купцы, рядские люди.

Действие в Харитоновском доме.

Содержание:

[Харитон Авдулович и его жена Мавра решили выдать замуж свою дочь Парашу; намечен и жених — Викул Софронович, Сампитерский купец.

Параша любит Андрея, она решительно отказывается выйти замуж за Викула. Харитон и жена его не обращают внимания на отказ дочери, а Андрея решено устранить, обобравши его. Харитон обвинил сидельца своего Андрея в том, что он роздал без оправдательных документов большие суммы денег из лавки. Купцы Бездушников, Плюгавцев и Неправдин готовы помогать Харитону в его плутнях. Параша сохранила оправдательные документы Андрея. В дело вмешивается честный купеческий староста Правдоделов. Харитон раскаивается и дает согласие на брак Параши и Андрея.]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет горницу

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Параша.

Мавра. Параша, ты все-таки делаешь по-своему, я тебе давиче говорила, чтоб ты воскресную душегрейку надела да побелилась бы хорошенько:

Параша. Матушка! да на что белилами лицо портить?

Мавра. На то, что ты глупа и ничего не смыслишь: то ли дело, как набелишься да прирумянишься; я постарее тебя, да без того ни шагу со двора.

Параша. Да у вас все лицо в веснушках, а у меня их нет.

Мавра. А как бы ты смела, негодница, етак говорить про мать свою?

Параша. За что ж сердиться-та? ведь я говорю правду.

Мавра. А вот етой правдой я тебе голову разобью, так ты забудешь у меня болтать ее. Коли я тебе велю, так слушайся меня. Не могу прибить ету дуру, чтоб зубы чернила! А ты бы, негодница, набелясь хорошенько, да карандашиком жилки провела.

Выросла как тетьеха, а ничего не знает: еще по сию пору за тебя ни один жених не сватается, стыдное дело.

П а р а ш а. А я так етому рада, что никто не сватается.

М а в р а. Еще песни пой, кому хочешь, а меня не обманешь, я в твои лета сама была. Помню я, как мне замуж хотелось. Я была сговорена с месяц: насилу дождалась того дня, как ехать под венец; уж и веры-та мне не нялось; и кабы матушка покойница не приказала мне плакать, я бы и под венцом-та стоя прыгала от радости: так уж тут не тебе мяе учить. Дурочка: радуйся, сегодняшний гость недаром к нам будет; он отцу твоему так, вскользь проговаривал; да ведь и мы не дураки, даром, что он богат, а мы будто не разумеем. Смотри ж, естьли ты ему не приглянешься! а ето от того, что не белишься, так я тебя со свету белого сгоню.

П а р а ш а. Как, матушка, неужто он затем сюда будет?

М а в р а. Что ж ты вдруг заквакала, дочка? Викул Софронович купец хоть куда, да еще и Сампитерской. Не думаешь ли ты, что мы на тебя посмотрим? Лишь бы только он захотел: не в твою ласоту за этакого жениха с радостью пойдут, а ты что за выскочка? У твоего отца лавчонки две, три, да и только, а у него по его сказкам в Питере затворов десять.

П а р а ш а. Пускай же он и ищет себе невесты хоть с двадцатью затворами, только бы мне за ним не быть.

М а в р а. Тебе за ним не быть! Да как у тебя язык поворотил ето мне сказать. Андрюшка! сбегай в сад поскорее, да нарежь прутьев: вот ты у меня ни пикнешь. Ну, что же ты стал?

А н д р е й. За етим я шага не ступлю; работа слишком тяжела.

М а в р а. Ах, ты сквернавец! ты меня не слушаешься?

А н д р е й. Я слушаться рад, когда мне велят дело делать: а ето хуже всякого безделья. Прасковья Харитоновна сказала вам то, что у ней на сердце. Перед кем же ей открывать свои чувства, когда мать родная за искренность ее бить хочет: неужто ей лгать перед вами, первым своим другом.

М а в р а. Я первый друг дочери? Я мать ее. Я разорву ее надвое, естьли она в чем-нибудь только меня не послушает.

А н д р е й. Когда мать хочет от дочери безответного послушания, то наперед должна иметь к ней родительскую нежность.

М а в р а. Я таки то и сделаю; как наколочусь до света, так после пускай ее нежится на мягкой постеле, пока боль пройдет. Да ты что тут вступился? Кто тебя спрашивал разводить меня с дочерью? Знаешь ли ты, что я возьму палку и за ето до рук об тебя обломаю.

П а р а ш а. Матушка! не бейте его, он вам ничего не сделал.

М а в р а. И ты рот разинула за него: так вы, видяо, уговорились стоять дружка за дружку... Да теперь уже не та пора. *(Андрею.)* Ты, видно, и теперь думаешь, что твой отец жив; при нем держали мы тебя, как сына своего, так и теперь хочешь так же вольничать? Да ведь вступиться за тебя некому. Ты знай-ка

сверчок свой шесток; ты не сын мой, а сиделец, так не все говори, что думаешь: образину-та не выставляй, а гляди в землю, во твое дело! *(Дочери.)* А ты у меня, дочка, нишкни, хоть бы я его в прах разбила.

Параша. За что на меня за ето сердишься? Сама же поминутно мне маленькой твердила, что его отец батюшку моего в люди вывел, что батюшка им только и жил, а теперь...

Мавра. А теперь ты стала большая; так что говорено маленькой, больше о том помнить не смей.

Параша. Да как же ето? ведь батюшка мой от его отца много добра видел, так разве мне за ето не благодарить его сына?

ЯВЛЕНИЕ 5

Харитон, Мавра, Параша и Викул.

Харитон *(отворив дверь)*. Войдите, Викул Софронович! просим пожаловать... Пожалуйте к нам в горницу погулять.

Викул. Оно вот что, Харитон Авдулович! Крайне благодарю за вашу милость.

Мавра *(тихо дочери)*. Моли богу, что отец скоро пришел; я бы тебе дала себя знать.

Викул *(кланяясь Мавре)*. Кланяемся Мавре Трифоновне униженно.

Мавра. Благодарна, батюшка! очень благодарствую... пожалуй-ка, изволь присесть, вот здесь, у стола-то... пожалуй, государь мой, не откинь нашей хлеба-соли.

Викул *(садясь)*. Хлеб-соль дело велико; для чего нам не сесть, дело приятельское, оно вот что!

Харитон *(садясь)*. А кабы не по приязни стало: так бы мы вашей милости, Викул Софронович!.. Параша! подай-ка нам на стол закусить чего-нибудь... Жена, что у нас есть?..

Мавра. И, батюшка! чем бог послал, прошу не осудить, гость дорогой! Ватрушки пекла.

Викул. Благое дело, благое дело... мы в чужом доме не указ; оно вот что!

Харитон. Параша! проворнее же! а ты, хозяйка! налей-ка нам по чарке!

Мавра пошла к поставцу наливать, а Прасковья ушла за ватрушками.

Викул. Благолепный домик! Супруга и дочь во всяком у тебя послушании... ей! ей! вчуже сердце радуется, когда увидишь семейку православную... Москва город старинной, не как Питер, где и наша братья купечество все на дворянску стать, все в стеклышко наливают да подносят, а серебреца редко увидишь, оно вот что.

Мавра приносит водку.

Х а р и т о н. Да так ли совесть-та у них чиста, как стекло... Ведь сквозь стекло-та все видно; а мы, грешные, живем по старине, со всячинкой, пьем из серебряных чарок: даром, что сквозь их не видно, да они всегда своей цены стоят. Как карманы-то серебристы, так и хорош и пригож и умен; а будь-ка чист, как стеклышко, так вмиг разобьешься вдребезги; а битой-то хрусталь и мало в продажу куда идет... Пожалуй-ка, Викул Софронович, прошу выкушать.

В и к у л. Харитону Авдуловичу.

Х а р и т о н. Не пригоже-ста мне начинать.

В и к у л. Хозяин глава дому, покажите нам, какою манерою, а без вас, право, не приму, оно вот что.

М а в р а. Пожалуй, окажи нам милость... мы, право, душой вам рады... примите... а Авдулович в свою очередь.

Х а р и т о н. Не уступим-ста, не уступим, будьте в том благонадежны.

Берут вместе и чарками чокаются.

В и к у л. А, Мавра Трифоновна! Прошу нижайше себя не обходить.

П а р а ш а приносит ватрушки.

М а в р а. И, отец мой! право, ведь я пью, да изредка; меня прошу не неволить. Пожалуйте, выкушайте.

В и к у л. Не стану без вас никоим побытом.

М а в р а. Пожалуйте, не невольте меня, ей! ей! не могу, хмельное-то мне не по нутру.

В и к у л. Харитон Авдулович! Прикажи Мавре-то Трифоновне; а то без нее в горло не польется: оно вот что!

Х а р и т о н. Хозяйка! выпей для гостей-та, добро, так уже и быть. Видишь, право, Викул Софронович нас жалует, любит.

В и к у л. Еже ей! ей! правда.

М а в р а. Благодарствуем. *(Налив себе и кланяясь.)* Здоровье ваше!

В и к у л *(кланяясь)*. Ваше здоровье!

Х а р и т о н *(кланяясь)*. Ваше здоровье!

В и к у л хочет ставить чарку.

Е! Викул Софронович! мы обо всей просим. Хозяйка! не бери.

М а в р а *(ставя поднос ребром)*. Мы об одной просим, пожалуйте.

В и к у л. Не по душе пришло.

Х а р и т о н. Пожалуйте; будто не мог отговориться; вот так. *(Выпив, обернул чарку на поднос.)*

В и к у л. Не что, пришло допить. *(Выпив, кланяется и, обернув чарку, ставит на поднос.)*

Х а р и т о н. Прошу закушать; ведь ватрушки-та у меня дочь пекла.

Викул. Оно вот что! как не отведать из этаких рук! Ах! кабы да бог благословил век из них принимать пищу и питие; я бы благодетелю моему челом ударил.

Харитон. Что изволите шутить; все в его святой воле. Хозяйка! поди-ка, шевелите столом; а мы с приятелем-та кое о чем здесь перемолвим.

ЯВЛЕНИЕ 6

Харитон и Викул.

Викул. Вот изволишь видеть; статимое ли дело нам шутить! Мы бы за велики примеры почли, кабы бог привел, и тебе благодетелю в мысль вошло... право бы, гораздо подумали о дочке-та вашей... Господь нас благословил копейкою, хотя не само великой; а право, по чужим дворам не шатаемся, и сами живем воротами на улицу; прокормили бы ста посильно дело, как водится в добрых людях. А чтоб достаточек возыметь, право, много всячины со мною перебывало. Теперь бы к покою; молодые лета проходят, и гораздо теперь за тридцать; а человек я одинок... желательно бы было кому и за домиком взглянуть: оно вот что!

Харитон. Мысли ваши самые дельные. На что ж и жить человеку, когда не мыслить о житейском. Мы вашими поведеньциями гораздо довольны, видим вашу состоянцию, слово промолвить есть с кем: дела, повидимому, из рук у вас не выпали, все честно, сохранно, благородно; дал бы вам бог союз да любовь: мы вашу взысканцию согласны. В нашем купецком быту то и человек, у кого капитал есть; тому мы и кланяемся. А как в кармането пусто, а в другом ничего, то как ни умен, ни взрачен, все будешь шатун шатуном.

Викул. Да, сударь! со мною самим такие образцы сбылись. Пока я жил у хозяина, так никто на меня и взглянуть не хотел; и я прослыл у всех мухортиком. Я служил хозяину рабски, во всем ему добрил: хозяин-та мой, твоим пожалованием, изволишь видеть, стал вступать в дела да в кредиты с большими боярами, да и стал от того банкрутом, и как он стал колыхаться, я делом-та и смекнул... и етим-та побытом хлеб насущной и нажил; оно вот что!

Харитон. Разумной человек нигде своего прибытка не упустит: я и сам грешной человек, кое-как не все с правдою: инде и греха укусишь... О! государь мой, достаточек нажить, еже ей! ей! не бездельницей пахнет. Ко всему надо рукою приложить, а то положись на честность-та, вмиг болтун будешь.

Викул. Не о честности слово. Харитон Авдулович! просим о нашем деле потолковать, да потом и к делу-то приступить было бы вельми пригоже.

Харитон. Рад душевно, Викул Софронович! только надобе подумать, с чем бы и самому остаться; ведь я один душою с хо-

зяйкою. Ведаю, что Параша будет не в худых руках, ведаю, что и приданое в потребу: я и сам при женитьбе имел о приданом первый пункт; не отягчи только меня етою манерою, а впрочем, будь воля божия: станем кое-как по-старому век доживать, некуда деваться-сте.

В и к у л. Для чего не сделать понаровку; оно все возможное. Не богатства ищем, человека: а с человеком и оно не в художество; ты сам статейной и купец столповый; тебя не учить стать, оно вот что!

Х а р и т о н. Правда ваша, правда; я намерен был милости твоей преподить: имеется у меня домик, тысяч десятка другого и побольше стоит; я бы ста милости твоей за дочерью-то и отдал; а там хоть себя оборвать, сгоношил бы и платьецо кое-какое и жемчужку с товарищи: а их денег... сам изволишь знать, торги ныне самые худые; новомодные гамазеи все у нас отшибли... ей! ей! не в состоянии.

В и к у л. Мы и тем крайне довольны, что жаловать изволит ваша милость. Домик в двадцать тысяч... мы и в Москве жить можем, оно вот что!

Х а р и т о н. Правду молвить: в доме-та есть малу толику небольшая зацепочка; да мы сделаем крепким манером, как быть, как водится.

В и к у л. Да скажи-ка на милость, какая же ето зацепочка?

Х а р и т о н. Так, самая безделя. Я уж поставлю его за собой. Дом етот отца моего сидельца. Покойник-та был благодетель мой; а по кончине и сына-та препоручил мне; да парень-то ротозей такой: посадил я его в лавку... ну так как бы толку не знать... у нас и отцу родному без векселя грешно поверить... роздал, каналья, все в долги; да такой некорыстной щенок, и говорит, будто по моему приказу. Рад я, что книги-то у него отобрал, где моею рукою кое-что было записано; а без того вряд ли бы мне и сладить с ним; да спасибо у меня Параша проворна едаки дела: она из его рук вышевкала все, что мне было нада.

В и к у л *(в восхищении)*. Сокровище, а не суженая! По сему в коммерции и она смышление имеет?

Х а р и т о н. Так вот домик-та и приберем к нашим рукам: расписки его в приеме товаров у меня налицо: да притом же и рядские люди все тянут на мою руку; я нароком и лавку-та считал в воскресной день, и в свидетели-та позвал своих благоприятелей: дело то пущено на хорошую дорогу. Уж сделано так, что в лавке товару нет.

В и к у л. Так дом налицо: как тут не разделаться честным порядком? етим порядком скорей расторгуешься; оно вот что!

Х а р и т о н. Право, для дочери вступаю в такое дело, а то боже сохрани, стал бы я душою кривить: правда мне всего дороже.

В и к у л. За истинную, речь ваша вельми справедлива: на что миновать того, что само в руки валится. Ин бы к домику-то и приступить прямым делом: вся в мире житейская, оно вот что!

Х а р и т о н. Малое раздумье меня брало: голова наш купецкий часто вступается за сирот, и коли захочет, так со дна моря правду достанет: да, кажется, все обдумано. Дело-то мое, с которой стороны ни поверни, так я все с домиком, хоть по бумагам, хоть по свидетелям. А что у меня в голове, о том кроме совести моей кому знать: а ведь я сам себя не выдам...

В. И. МАЙКОВ

(1728—1778)

Василий Иванович Майков был сыном ярославского помещика. Детство его протекло в патриархальной обстановке в помещичьей усадьбе. Образование он получил самое скромное.

Короткое время Майков учился в Академической гимназии, а с 1747 по 1775 г. состоял (с перерывами) на военной, а затем на гражданской службе, причем в 1767—1768 гг. работал в комиссии по составлению нового Уложения.

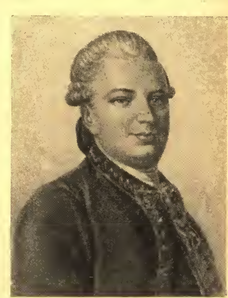
В период своей московской жизни (1761—1768) Майков активно выступает на литературном поприще: переводит, пишет оригинальные произведения — оды, басни, поэму «Игрок ломбера», сотрудничает в журналах «Полезное увеселение», «Свободные часы». С 1768 по 1775 г. Майков усиленно работает: он печатает торжественные оды, послания, эпиграммы, трагедии — «Агриопа», «Фемист и Иеронима», поэму «Елисей или раздраженный Вакх».

В последние годы жизни В. Майков написал несколько од, кантат, драм с музыкой — «Пигмалион или сила любви», «Деревенский праздник или увенчанная добродетель» и др.

Майков был одним из наиболее видных дворянских просветителей 60—70-х годов XVIII в. Враг тирании, деспотизма, сторонник гуманности, он был поборником просвещенного абсолютизма: просвещенному монарху падлежит «о пользе общей всех радеть», он должен быть справедливым и милостивым, — утверждал Майков.

Майков возвысился до признания принципа равенства людей. С восторгом говорит он о тех «древних» временах, когда все люди на земле

В свободе, братстве и равенстве
Счастливу жизнь свою вели.



В. И. Майков

В. И. Майков находился в дружественных отношениях с наиболее передовыми людьми своего времени — Ф. Козловским, Фонвизиным, Новиковым. В 1775 г. в связи с возвышением Потемкина и уходом в отставку высших представителей администрации более или менее прогрессивной ориентации (З. Чернышев и др.) вышел в отставку и В. Майков.

Нужно в то же время учитывать, что В. Майков в своей прогрессивности не отличался стойкостью и последовательностью. Напуганный крестьянским восстанием (1773—1775 гг.), В. Майков быстро смиряется, отходит от прогрессивных взглядов и, повидимому, вступает в контакт с правящей верхушкой, так как незадолго перед смертью он получил из Петербурга предложение занять высокий пост.

В литературной деятельности Майков находился под воздействием Ломоносова, с одной стороны, и Сумарокова — с другой. В торжественных одах Майков идет за Ломоносовым: он пишет оды, насыщенные пропагандой науки, просвещения, тесно связанные с современностью (см., например, «Оду на случай избрания депутатов для сочинения проекта нового Уложения 1767 года»).

В основном, однако, В. Майков в своей литературной практике оставался в рамках дворянского классицизма: в трагедиях, баснях, эклогах и в других жанрах следовал за Сумароковым. Незадолго до своей смерти, в 1776 г., В. Майков в «Оде о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» писал:

Тебе во след всегда лечу,
Тобой настроенную лиру
Я худо строить не хочу.

Вместе с тем нужно учитывать, что своеобразие русского классицизма в творчестве В. Майкова, особенно в последнее десятилетие его жизни, проявляется с большой определенностью. Основное произведение В. Майкова «Елисей» — «правильная» ирои-комическая поэма, но отступления от правил в ней налицо: насыщенность фольклорными элементами, бытовые зарисовки, простонародная речь.

Сохранились глухие сведения о том, что Майков «в искусстве своем имел некоторые собственные мнения, которые защищал он с живостию». Вероятно, Майков защищал свои нарушения канонов классицизма, когда он подходил к реалистическим зарисовкам жизни, быта и когда впадал «в подлость», смело привлекая простонародную речь и пользуясь народными сказками, анекдотами.

ЕЛИСЕЙ ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ

Поэма в 5 песнях

(В сокращении.)

Содержание поэмы

Песнь первая

Вакх, раздражен будучи гордостию откупщиков, гневается на них, что по причине дороговизны вина, пива и меду стало число пьяных менее; приезжает в питейный дом, где, увидя ямщика, именем Елисея, радуется, что он нашел такого человека, который по виду, кажется ему, что может служить орудием ко отмщению его. Между тем Елисей просит у чумака вина в пивную чашу и выпивает ее одним духом, чрез то Вакх и более в надежде своей утверждается. А Елисей, выпив вино, ударил чумака в лоб чашею и сделал в кабаке драку, которую услышав, объездной капрал зашел и, Елисея взяв под караул, повел в полицию, а Вакх поехал к Зевсу просить, чтоб он освободил Елисея из-под караула. Зевс ему сказывает, что на самого его дошла к нему просьба от Цереры, будто бы оттого, что все крестьяне спилися, земле-

делие упадает, и повелевает Ермию собрать всех богов на Олимп для разобрания ссоры между Вакхом и Церерою и после идти в полицию и оттоль свободить Елисея из-под караула.

Песнь вторая

Ермий приходит в полицейскую тюрьму и, там Елисея перерядя в женское платье, переносит в Калинкинский дом, где тогда сидели под караулом распутные женщины. Елисей пробуждается, дивится, как он там очутился, и думает, что он в монастыре. Между тем начальница того дома, вставши, будит всех женщин и раздает им дело; но, увидя Елисея, скоро его узнала, что он не женщина, ведет его в особый покой, где он ей о себе открывает, что он есть ямщик; а потом рассказывает ей о побоище, бывшем у Зимогорцев с Валдайцами за сенокос.

Песнь третья

Окончание повествования Елисеева. Любовь начальницы с Елисеем. Собрание богов на Олимп по повелению Зевесову. Суд у Вакха с Церерою и решение Зевесово. Между тем, когда Елисей готовился с начальницею ночевать, начальник стражи пошел дозором, увидел у начальницы Елисея в женском платье и, думая, что он есть девка, но пришлая, спрашивает, откуда она и для чего ее у него нет в реестре. Хотя начальница и оправдается, но сей строгий начальник, не приемля оправдания, велит взять мнимую девку под караул, откуда его паки освобождает Ермий и дает ему шапку-невидимку, в которой Елисей опять забрался к начальнице и пробыл несколько месяцев. Но, наскуча ее любовию, уходит вон из дома. Начальница тоскует о его уходе. Командир в самое то время входит и видит оставшие после Елисея вещи, гневается на нее, хочет ее сечь, но скоро, проворством ея быв улещен, с нею помирился.

Песнь четвертая

Елисей, вышедши из Калинкинского дома, пошел в город и, утомясь, лег в лесу спать. Но вдруг проснулся от крика одной женщины, которую два вора хотели ограбить. Он ее от них избавляет и находит в ней жену свою. Она ему рассказывает свое похождение после того, как с ним рассталась. Он ее отпускает в город, а сам остается в лесу, где, ему явясь, Силен ведет его в дом одного богатого откупщика, чтоб он тут пил сколько хочет, а сам отходит на небо к Вакху. Елисей, искав погреба, зашел нечаянно в баню, где тогда откупщик с женою своею парился. Он их оттуда выгоняет, а сам, выпарясь, оделся в откупщиково платье, приходит в своей шапке-невидимке в палаты откупщиковы и, забившись под его кровать, лежал до тех пор, как откупщик, бывши встревожен случившеюся тогда грозою, встал с постели, а он, вышед из-под оныя, лег с его женою спать. По окончании грозы откупщик, приметя странное движение жены своей, думает, что ее давит домовой, хочет на утро посылать по ворожею, которая бы выгнала вон из его покоя сего домового чорта. Ямщик, услыша то, убоялся прихода ворожеи, выходит вон из палат и ищет погреба, где думает утолить вином свою жажду.

Песнь пятая

Елисей, забравшись в откупщиков погреб, обретает в нем много напитков и радуется. Тут к нему явился Вакх с своею свитою и, сделав погребу разгром, уходят, и Вакх и Елисей, пустошить погреба у других откупщиков. Поутру же, когда откупщик проснулся, послал по ворожею. Она приходит, а в самое то время прибегает его ключник, сказывает о опустошении погреба. Откупщик с печали обмирает, просит ворожею, чтобы она чертей из дома его выгнала. Та обещается сие сделать: но, по многим разговорам, откупщик с нею поссорился и выгнал сам ворожею от себя вон. Между тем Зевес видит, что Елисей многих откупщиков разоряет, призывает паки богов и делает над ним суд. Наконец определяет ему быть отдану в солдаты, что с ним и последовало.

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который, во хмелю беды ужасны строя,
В угодность Вакхову, средь многих кабаков,
Бивал и опивал ярыг и чумаков,
Ломал котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки;
Терпели ту же часть кабацкие окошки;
От крепости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и все откупщики,
Которы и тогда сих бед не ощущали,
Когда всех грабили, себя обогащали.
О муза, ты сего отнюдь не умолчи,
Повеждь или хотя с похмелья проворчи,
Коль попросту тебе сказати невозможно!
Повеждь, ты ведаешь вину сего неложно,
За что пиянства бог, на всех откупщиков
Устроя таковый прехитростнейший ков,
Наслал богатыря сего не очень кстати
Любимую свою столицу разоряти.
А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон,
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить,
Бурлаками моих героев нарядить;
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий шальной детина,
Нептун как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.
Против Семеновских слобод последней роты
Стоял водвигнут дом с широкими вороты,
До коего с Тычка[1] не близкая езда;
То был питейный дом, названием Звезда,
В котором Вакхов ковш хранился с колесницей;
Сей дом был Вакховой назначен быть столицей;
Под особливым он его покровом цвел,
В нем старый сам Силен раскиснувши сидел;
Но злых откупщиков противно Вакху племя
Смутило к пьянству им назначенное время,
Когда они на хмель лишь цену наднесли;
Ужасны из того беды произросли:
Вино со водкою соделались дороже,
И с пивом пенистым случилось само то же;
Дороже продавать и сладкий стали мед;
Тогда откупщики, взгордясь числом побед,

[1] Кабак на Петербургской стороне. *(Прим. Майкова.)*

На Вакха в гордости с презрением смотрели
И мнят, что должен он плясать по их свирели.
Но Вакх против того иное размышлял:
«Иль мне оставить то? — с похмелья закричал, —
Какие из сего вперед я вижу следства?
Лишусь я моего дражайшего наследства;
На водку, на вино цена уж прибыла,
Для пьяниц за алтын чарчоночка мала;
А естьли бы в таком случáе несчастливом
Хотел бы пьяница какой напиться пивом,
К несчастию его, дороже и оно;
Не станет действовать ни пиво, ни вино.
Не бóльшая ль теперь случилась мне обида,
Как нежели была Юноне от Парида [1],
Или я не могу повергнуть сих затей?..»
Уже он закричал: «Рабята, дай плетей!»
Но вздумал, что сие бессмертным непристойно,
Хоть дело по его плетей сие достойно,
Но сан ему его дурить не дозволял;
Он и́нако отмстить обиду помышлял.
И рек: «Когда я мог ругавшуюся мною
Достойно наказать прегорду Алкиною;
Презревши некогда мой праздник, сам Пентей
Отведал и дубья, не только что плетей;
Не едакие я безделки прежде строил
Над теми, кто меня в пиянстве беспокоил».
При сих речах его смутился пьяной зрак,
Он сел на роспуски, поехал на кабак;
Неукротиму месть имея в мыслях рьяных,
О стеночке лепясь, приходит в шайку пьяных.
Тогда был праздный день от всех мирских сует.
По улицам народ бродил — лишь чуть был свет;
Вертелися мозги во лбах у пьяных с хмеля,
А именно была то сырная неделя.
Как мыши на крупу ползут из темных нор,
Так чернь валила вся в кабак с высоких гор,
Которы строило искусство, не природа,
Для утешения рабочего народа.
Там шли сапожники, портные и ткачи,
И зараженные собою рифмачи,
Которые, стихи писавши, в нос свой дуют
И сочиненьями, как лаптями, торгуют;
Там много зрелося расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвертой исчислял, не все ль пропали зубы

[1] Парид — Парис.

От поражения сторонних кулаков;
Там множество сошлось различных дураков.
Меж прочими вошел в кабак детина взрачный,
Картежник, пьяница, буян, боец кулачный,
И словом, был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ямщик, названьем Елисей;
Был смур на нем кафтан и шапка на бекрене,
Волжаной кнут его болтался на колене, —
Который пьяный дом лишь только посетил,
Как море, пьяных шум мгновенно укротил,
Под воздухом простер свой ход веселый чистым,
Поехал, как Нептун, по вод верхам пенистым.
Прости, о Муза, мне, что так я захотел
И два сии стиха неистово воспел;
Тебе я признаюсь, хотя в них смысла мало,
Да естество себя в них хитро изломало;
Чрез них-то, может быть, хвалу я получу,
Отныне так я петь стихи мои хочу;
Мне кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напеву подражаю.
Но естьли их пером ты действуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости с ума?
Ах, нет, я пред тобой грешу, любезна Муза,
С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между нас;
Единого из них вмещает днесь Парнасс,
Другие и теперь на свете обитают,
Которых жительми парнасскими считают [1].
И так полезнее, мне мнится, самому
Последовати их рассудку и уму.
Уже напрягнув я мои малейши силы
И следую певцам, которые мне милы;
Достигну ли конца, иль пусть хотя споткнусь,
Я оным буду прав, что я люблю их вкус.
Кто ж будет хулить то, и тем я отпущаю
И к повести своей я мысли обращаю.
Уж Вакх пяного увидел ямщика,
В нем радость разлилась по сердцу, как река;
Уж мысленно себе успех свой предвещает,
К Силену обратясь, и так ему вещает:
«Не се ли вышния судьбы теперь предел,
Что я уж то нашел, чего искать хотел?
Детина оный дюж мне кажется по взору,
На нем созижду я надежды всей подпору;
Он, кажется, на то как будто и рожден,
Что будет всякой им ярыга побежден.

[1] Каков г. Сумароков и ему подобные. *(Прим. Майкова.)*

И он меня в моей печали не покинет:
Он все то выпьет, что лишь глазом ни окинет.
Я весь оставлю страх, чем был я возмущен;
Уже я радуюсь, как будто отомщен.
Не ясно ли моя мне видится победа,
Когда возлюбленник мой пьян и до обеда?
И ежели тебя еще смущает страх,
Воззри, то у него все видно на очах;
Ланиты то его являют мне зарделы,
Что естьли попущу, превзо́йдет он пределы
И выпьет более вина, чем выпьешь ты».
Силен было сие почел за пустоты,
Но сей пияница Силена в том уверил,
Что он его провор своим аршином мерил;
Он, за ворот схватя за стойкой чумака,
Вскричал: «Подай вина, иль дам я тумака!
Подай, иль я тебе нос до крови расквашу!» —
При сем он указал рукой пивную чашу. —
«В нее налей ты мне анисной за алтын,
Или я подопру тобой кабацкой тын».
Чумак затрепетал при смерти очевидной,
А Вакх вскричал: «О мой питомец непостыдной,
Тобой я все мои напасти прекращу,
Тобой откупщикам я грозно отомщу,
Противу прать меня весь род их перестанет,
Как купно воевать со мной кулак твой станет,
Польются не ручьи здесь пива, но моря!»
Вещает тако Вакх, отмщением горя.
    Меж тем ямщик свою уж чашу наливает,
Единым духом всю досуха выпивает
И, выпив, ею в лоб ударил чумака [1].
Удар сей раздался в пространстве кабака;
Попадали с полиц ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей все брызнули в окошки.
Меж стойкой и окном разрушился предел,
Как дождь и град, смесясь, из тучи полетел,
Так плошечны тогда с стеклянными обломки
Летели возвестить его победы громки;
А бедненькой чумак за стойку прикорнул,
Ошалоумленной, кричит там: «Караул!
Ах, братцы, грабят, бьют!» Сам вверх лежит спиною.
Сие досадою казалося герою;
Он руку в ярости за стойку запустил
И ею чумака за порты ухватил,
Которых, естьли бы худой гайтан [2] не лопнул,

[1] Чумак — слуга в кабаке.
[2] Гайтан — шнурок, пояс.

Поднявши бы его, герой мой о пол тропнул;
Но счастием его иль действием чудес,
Сей тягости гайтан тогда не перенес
И, перервавшися к геройской неугоде,
Оставил чумака за стойкой на свободе,
Которого уж он не мог отголь поднять.
Он тако стал его отечески щунять:
«Коль мой кулак не мог вдохнуть в тебя боязни,
Грядущия вперед ты жди, мошенник, казни».
Когда сии слова герой сей говорил,
Капрал кабацку дверь внезапу отворил;
Над полицейским сей начальник был объездом.
Услыша в кабаке он шум тот мимоездом,
Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, ни кум,
Вступился за него, спросил: «Какой здесь шум?
Не сделалось ли здесь меж кем какия драки?»
Тут все попятились задами вон, как раки,
Никто ответствовать на то ему не смел;
Но он, к несчастию, знать, острый взор имел,
Увидел ямщика стояща очень смело.
«Я вижу, брат, — сказал, — твое, конечно, дело.
Конечно, ты, сокол, кабак развоевал?»
Тогда чумак уж рот смеляе разевал,
Встает и без порток приходит ко капралу.
«Отмсти, — кричит, — отмсти, честной капрал, нахалу,
Которой здесь меня безвинного прибил!»
Капрал сей был угрюм и шуток не любил.
«Кто бил тебя, скажи?» — нахмурясь, вопрошает.
Чумак ему на то с слезами отвечает:
«Сей пьяница мои все ребра отломал». —
При сем на ямщика он пальцем указал. —
«Наделал и казне, и мне притом убытку,
И коль запрется он, готов терпеть я пытку.
Пивною чашею он лоб мне расколол
И изорвал на мне все по́рты и камзол».
Тогда явился вдруг капрал сам-друг с драгуном
И резнул ямщика он плетью, как перуном;
Хотя на ней столбец не очень толстой был,
Однако из руки капральской ярко бил.
Ямщик остолбенел, но с ног не повалился,
За то служивой сей и более озлился,
Что он не видывал такого мужика,
Которого б его не сшибла с ног рука;
Велел немедленно связать сего героя,
Который принужден отдаться был без боя.
Не храбрости ямщик иль силы не имел,
Но знать с полицией он ссориться не смел,
И, бывшим вервием рукам его скрепленным,

Ведется абие в тюрьму военнопленным.
Тогда у Вакха весь надежды луч погас,
И во отчаяньи, как в море, он погряз;
Выходит из сего пияного жилища,
Подобно так как зверь, быв поднят с логовища.
И более он тут, не медля ни часа,
Поехал с дядькою своим на небеса;
Летит попрытче он царицы амазонской,
Что вихри быстротой предупреждает конской;
Летит на тиграх он крылатых, так как ветр,
Восходит пыль столпом из-под звериных бедр;
Хоть пыль не из-под бедр восходит, всем известно,
Но было оное не просто, но чудесно.
Он ехал в небеса и тигров погонял;
Власы кудрявые ветр тонкий возвевал,
Колени тучные на руже были видны,
И у́злом связаны воскрилия хламидны,
Багрян сафьян до икр, черкесски чеботы
Превосходили все убранства красоты;
Персидской был кушак, а шапочка соболья.
Из песни взят убор, котору у приволья
Бурлаки волгские напившися поют,
А песенку сию Камышенкой зовут:
Река, что устьецом в мать-Волгу протекает.
Искусство красоты отвсюду извлекает.
Уже приехал Вакх к местам тем, наконец,
В которых пьянствует всегда его отец,
И быв внесен туда зверей своих услугой,
Увидел своего родителя с супругой;
Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на петухе;
Сей голову свою, меж ног его уставя,
Кричал: «Какореку!» Юнону тем забавя.
Владетель горних мест меж облачных зыбей
Заснул и подпустил Юноне голубей,
От коих мать богов свой нос отворотила
И речью таковой над мужем подшутила,
Возведши на него сперва умильный взгляд:
«Или и боги так, как смертные, шалят?
Знать, слишком, батька мой, нектарца ты искушал».
Зевес ее речей с приятностию слушал
И божеский ответ изрек ей на вопрос:
«Знать не пришибен твой еще, Юнона, нос?»
При сих словах ее рукою он погладил;
Тут Мом, пристав к речам и к шутке их подладил,
С насмешкою сказал: «О сильный наш Зевес,
Я вижу, что и ты такой же Геркулес,
Которой у своей Амфалии, с неделю,

Оставя важные дела, и прял куделю.
Но что я говорю? Таков весь ныне свет:
Уже у модных жен мужей как будто нет;
Я вижу всякой день глазами то моими:
Мужья все простаки, владеют жены ими».
Юноне речь сия казалася груба;
Сказала: «Слушай, Мом, мне шутка нелюба,
Ты ею множество честны́х людей обидишь.
Как будто ты мужей разумных уж не видишь?
Послушай, бедной Мом, ты слова моего:
Мужья женам своим послушны для того,
То правда иногда и жены пред мужьями...
Но что!.. Не сыплется сей бисер пред свиньями.
На что мне с дураком терять мои слова?
Не может их понять пустая голова».
Тут Мом хотел было насмешкой защищаться,
И видно, чтобы им без ссоры не расстаться
И быть бы согнанным им с неба обои́м,
Но воспрепятствовал приездом Вакх своим.
Имея очеса слезами окропленны,
Вещает так: «О ты, правитель всей вселенны,
Воззри ты на мои потоки горьких слез,
Воззри и сжалься ты на скорбь мою, Зевес!
Ты мощию своей всем светом управляешь
И ты в напастях нас всегда не оставляешь.
Какою мерзостью тебя я прогневил,
Что ты откупщиков на хмель восстановил
И отдал в руки ты вино таким тиранам?
Ты не был столько строг во гневе и Троянам,
Колико лют теперь являешися мне,
Не согрешившему ни в пьянстве, ни во сне.
Я — кровь твоя, тобой я жизнь мою имею;
Воспомни ты свою любезну Семелею,
И ежели она еще тебе мила,
Склонись и не входи ты в пьяные дела.
На что тебе в дела сторонние мешаться?
Твой долг есть, отче мой, пить, есть и утешаться,
Но ты теперь пути к піянству заградил.
По обещанию ль меня ты наградил?
Ты клялся некогда, что в будущие лета
Сопьются жители всего пространна света,
И что продлится то до позднейших времен.
И как твой стал обет, мой отче, пременен!»
Тогда отец богов сыновни речи внемлет
И отягченные вином глаза подъемлет.
Такой с усмешкою на Вакха взор возвед,
Какой имел, как шел с Юноной на подклет;
Облобызал его и так ему вещает:

«Я вижу, что тебя печаль твоя смущает,
Но ты останься здесь и больше не тужи
И просьбу такову до утра отложи,
А утро вечера всегда помудренее;
Ты ж видишь, что я сам тебя еще пьянее;
Ты видишь подлинно, что я сие не вру:
Я завтра всех богов в присутствие сберу;
О важных я делах один не рассуждаю
И пьяной никого ни в чем не осуждаю;
Коль надобен тебе, мой сын, правдивый суд,
Бессмертные твое все дело разберут.
Я слышал некогда: Церера здесь просила
И вот прошения ее какая сила, —
Что весь почти спился на свете смертных род,
И хлебу от того великой перевод;
Купцы, подьячие, художники, крестьяне
Спилися скругу все и нас забыли в пьяне,
А сверх того еще от сидки винной дым
Восходит даже к сим селениям моим
И выкурил собой глаза мои до крошки,
Которы были, сам ты помнишь, будто плошки,
А ныне, видишь ты, уж стали как сморчки,
И для того-то я ношу теперь очки.
Церера ж во своем прошеньи пишет ясно,
Что быть свободному вину небезопасно:
Коль так оставить, то сопьется целой свет,
А земледелие навеки пропадет».
Тогда Зевесу Вакх печально отвещает:
«Коль земледелию пиянство, рек, мешает,
Я более теперь о том не говорю.
Пусть боги разберут меж нас с Церерой прю,
Я ето потерпеть до завтрее умею,
А ныне просьбу я поважнее имею:
Ямщик на кабаке теперь лишь в драке взят,
А он — возлюбленный наперсник мой и брат,
Его уже теперь в полицию хмельнова
Ведут или свели, где цепь ему готова.
Ты можешь, отче мой, сие предупредить
И друга моего от кошек свободить.
Я знаю, на него там все вознегодуют
И кошками ему всю репицу отдуют.
Полиция уже мне стала дорога,
И в ней-то точного имею я врага;
Она всех забияк и пьяниц ненавидит
И более меня, чем ты, еще обидит:
От ней-то к пьянству все пресечены пути.
Помилуй, отче мой, вступись и защити!»
Тогда Зевес к себе Ермия призывает,

Призвав, и тако он ему повелевает:
«Послушайся меня, возлюбленный мой сын!
Ты знаешь сам, что мной рожден не ты один;
Сераль побольше я султанского имею,
И ежели теперь похвастаться я смею,
От непрестанныя забавы в прежни дни
Побольше всех богов имею я родни.
Итак, не должен ли о детях я печися?
Сему-то у меня, Ермиюшка, учися.
Не чудно, что я вам столь многим есмь отец,
Хитро, что мой поднесь не баливал крестец».
Се так разоврался отец бессмертных оный,
И на́врал бы еще он слов сих миллионы,
Когда бы тут его супруга не была;
Сия из-под бровей взор косо возвела
И тем перервала его пустые речи,
Каких бы он наклал Ермию полны плечи,
Отяготя сего разумного посла,
И сделал бы его похожим на осла.
Но вдруг, что заврался, он сам то ощущает
И, пустословие оставя, так вещает:
«Послушен будь, Ермий, приказу моему,
Возможно все сие проворству твоему.
Услуги мне твои давно уже известны;
Оставь ты сей же час селения небесны
И слову моему со тщанием внемли.
Ступай и на пути нимало не дремли,
Неси скорее всем бессмертным повеленье,
Скажи, что есть на то мое благоволенье:
Едва покажется заря на небеса
И станет озлащать и горы и леса,
Доколе Феб с одра Фетидина не вспрянет, —
Да на Олимп ко мне бессмертных сонм предстанет,
А естьли кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами,
Не со́рвется вовек, кто б ни был как удал;
Но я еще не весь приказ тебе мой дал:
Коль будет все сие исполнено тобою,
Подщися ты потом помочь тому герою,
О коем Вакх меня с покорностью просил;
Ступай и покажи своих ты опыт сил;
А сей герой ямщик, которой за буянство
Сведен в полицию и посажен за пьянство,
И если ты его оттоль не свободишь,
Так сам ты у меня в остроге посидишь».
Тогда Ермий приказ Зевесов строгий внемлет,

Он, крылья привязав, посольский жезл приемлет,
Спускается на низ с превыспренних кругов,
Летит и ищет всех, как гончий пес, богов,
Находит их с трудом в странах вселенной разных,
И всех находит он богов тогда непраздных:
Плутон по мертвеце с жрецами пировал,
Вулкан на Устюжне пивной котел ковал,
И знать, что помышлял он к празднику о браге;
Жена его была у жен честных в ватаге,
Которые собой прельщают всех людей;
Купидо на часах стоял у лебедей,
Марс с нею был тогда, а Геркулес от скуки
Играл с ребятами клюкою длинной в суки;
Цибела старая во многих там избах
Загадывала всем о счастье на бобах;
Минерва — может быть, то было для игрушки —
Точила девушкам на кружево коклюшки;
Нептун с предлинною своею бородой
Трезубцем иль, сказать яснее, острогой,
Хотя несвойственно угрюмому толь мужу,
Мутил от солнышка растаявшую лужу
И преужасные в ней волны воздымал
До тех пор, что свой весь трезубец изломал,
Чему все малые ребята хохотали,
Снежками в старика без милости метали;
Сей бог ребяческих игрушек не стерпел,
Озлобился на них и гневом закипел,
Хотел из них тотчас повытаскать все души,
Но их отцы, вступясь, ему нагрели уши,
И взашей, и в бока толкали вод царя,
При всяком так ему ударе говоря:
«Не прогневись, что так ты принят неучтиво,
Ты встарь бывал в чести, а ныне ты не в диво:
Мы благодатию господней крещены
И больше пращуров своих просвещены,
Не станем бога чтить в таком, как ты, болване».
Так православные кричали все крестьяне.
Ермий, приметя то, скорее прочь пошел,
Немного погодя других богов нашел:
Гоняла кубари на льду бичом Беллона,
Не в самой праздности нашел и Аполлона,
Во упражнении и сей пречудном был,
Он у крестьянина дрова тогда рубил,
И высунув язык, как пес, уставши, рея,
Удары повторял в подобие хорея,
А иногда и ямб и дактиль выходил;
Кругом его собор писачек разных был;
Сии не знаю, что между собой ворчали,

Так, знать, они его удары примечали
И, выслушавши все удары топора,
Пошли в-свояси все, как будто мастера;
По возвращении ж своем они оттоле,
Гордились, будто бы учились в Спасской школе.
Не зная, каковой в каких стихах размер,
Иной из них возмнил, что русской он Гомер,
Другой тогда себя с Виргилием равняет,
Когда еще почти он грамоте не знает,
А третий прославлял толико всем свой дар
И почитал себя не меньше, как Пиндар;
Но то немудрено, что так они болтали,
Лишь только мудрено, что их стихи читали,
Стихи, которые не стоят ничего
У знающих, кроме презренья одного,
Которые сердцам опаснее отравы.
Теперь я возглашу: о времена, о нравы!
О воспитание, пороков всех отец,
Когда яви́тся твой, когда у нас конец,
И скоро ли уже такие дни настанут,
Когда торжествовать невежды перестанут?
Нет, знать, скорей судьба мой краткий век промчит,
Чем просвещение те нравы излечит,
Которые вранья с добром не различают.
Иль воскресения уж мертвых быть не чают
И не страшатся быть истязаны за то,
Что Ломоносова считают ни за что?
Пострадждут, как бы в том себя ни извиняли,
Коль славного певца с плюгавцом соравняли;
Но мщенья, кажется, довольно им сего,
Что бредни в свете их не стоят ничего.
У славного певца тем славы не умалит,
Когда его какой невежда не похвалит;
Преобратится вся хула ему же в смех;
Но и твердить о сих страмцах, мне мнится, грех,
А сла́внейших певцов стихи пребудут громки,
Коль будут их читать разумные потомки.
  Постой, о Муза, ты уж сшиблася с пути,
И бредни таковы скорее прекрати.
В нравоучены ты некстати залетела,
Довольно про тебя еще осталось дела.
Скажи мне, что потом посланник учинил.
Боюсь я, чтобы он чего не проронил,
И не подвержен был он гневу от Зевеса;
Болтлива ты весьма, а он прямой повеса.
  Тут более Ермий промедлить не хотел,
Он встрепенувшися к Церере полетел,
Всю влагу воздуха крылами рассекает

И наконец Ермий Цереру обретает.
Не в праздности сия богиня дни вела,
Но изряднёхонько и домиком жила;
Она тогда, восстав со дневным вдруг светилом,
Трудилась на гумне с сосновым молотилом,
Под коим охали пшеничные снопы.
Посол, узрев ее, направил к ней стопы
И дело своего посольства отправляет;
Отвеся ей поклон, то место оставляет
И прямо от нее к полиции летел,
Во врана превратясь, на кровлю тамо сел,
Не зная, как ему во оную забраться:
Десятских множество, и естьли с ними драться,
Они его дубьем, конечно, победят
И, как озорника, туда же засадят.
Подобно как орел, когда от глада тает,
Над жареной вокруг говядиной летает,
Котора у мордвы на угольях лежит, —
Летая так, Ермий с задору весь дрожит
И мнит, коль ямщика он в добыч не получит,
Тогда его Зевес, как дьявола, размучит.
Он рек: «Готов я сам в полицию попасть,
Чем от Зевесовых мне рук терпеть напасть,
И прямо говорю, каков уж я ни стану,
Тебя я, душечка моя ямщик, достану».
Пустые он слова недолго продолжал,
Подобно как ядро из пушки завизжал,
Спустился он наниз и трижды встрепенулся,
Уже попрежнему в свой вид перевернулся:
Он крылья под носом, как черной ус; кладет,
Одежду превратил в капральской он колет,
А жезл в подобие его предлинной шпаги,
И тако наш Ермий, исполнен быв отваги,
Приходит с смелостью на полицейский двор,
Быв подлинно тогда посол, капрал и вор.

Конец первой песни

1771

БАСНИ

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ О ЦАРЕ

Лягушки некогда Юпитера просили,
Чтоб дал он им царя;
А просьбу вот они какую приносили
Правителю небес, со плачем говоря:
«Живем мы своевольно;
Неправд у нас довольно:

У нас
На всякой час
Друг дружку ненавидят;
Бессильных сильные обидят;
А сильной сильного считает за врага,
И кто кого смогá,
Так тот того в рога;
И словом, все у нас наполнилось сим ядом;
Мы стали фурии, болото стало адом».
Зевес
Услышал просьбу их с небес
И ко просящему народу
Отрубок древа бросил в воду,
Сказав: «Вот, бедна тварь,
Вам дáлся царь».
Чурбан от высоты упал и сделал вóлны;
Лягушки, радости и страха полны,
С почтеньем на владыку зрят
И тако говорят:
«Теперь дадутся нам полезные законы,
Восстановятся здесь правдивые суды,
И не останутся вдовы́ без обороны;
Все, словом, кончатся у нас теперь беды».
И, в ожидании сего повсеминутном,
Лягушки много дней сидели в блате мутном,
Не выходя на свет.
Но все у них равно: царя как будто нет.
Потом лягушек миллионы
Восстали и царю все делали поклоны.
Перед царем тварь бедная дрожит,
А царь лежит,
Поклонов их не примечает
И ни словечушка на речь не отвечает,
Которую ему лягушки говорят.
Лягушки это зрят
И думают, что их владетель горд безмерно;
Однакож служат все царю нелицемерно;
Притом,
Жалеют лишь о том —
Угодна ли царю лягушечья услуга,
И вопрошают все друг друга,
Ко уху говоря:
«Знать, царь не ведает лягушечья язы́ка;
Повеселим царя,
У нас изрядная вокальная музы́ка».
Запели все; одна кричит,
Другая тут ворчит,
А третия хлехочет,

Четвертая хохочет,
Иная дребезжит.
Но царь лежит,
Музыки их не внемлет.
И головы, как мертвой, не подъемлет.
Лягушки целой день кричали: «Крак, крак, крак!
Конечно, царь наш почивает».
А царь и не дышит, и не зевает.
Сказали наконец: «Владетель наш дурак
И ничего не знает;
К себе нас не зовет и прочь не отгоняет.
Приступим мы к нему —
Учить его уму».
Но что за чудеса! Лишь ближе подошли,
Чурбан, а не царя в царе своем нашли;
В противность всей природе,
Опять друг дружку бьют.
Восстал опять мятеж в лягушечьем народе,
Опять бессильные на небо вопиют:
«Умилосердися, Юпитер, над рабами!
Смягчися нашими мольбами!
Воззри на бедну тварь!
Какой тобою дан нам царь?
Он наших бед не ощущает,
Обидимых не защищает.
Пошли ты нам царя,
Которой бы, на бедства наши зря,
И царство управлял, как кормщик правит судно».
Юпитеру не трудно
Спокоить тварь:
Послал айста к ним, и стал айст их царь.
Приняв престол, айст лягушек всех считает,
Обидчиков хватает
И их глотает.
Айсту царску честь
Дают бессильные лягушки,
Что им истреблены обидчиков всех душки;
А царь их всякой день не может, чтоб не есть.
Так не осталося в болоте ни лягушки.

ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Пойман вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с подьячего склевал
В ту ночь, как вор сего воришка разбивал;
Хотя подьячего так звать неосторожно,
Однакож взятки их почесть разбоем можно:

Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он вора обличал,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал подьячему мошенник:
«Когда меня за то достóит бить кнутом,
Так должно и тебя пытать, подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Которой всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить;
И если должно нас, так обóих повесить».

ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море,
Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре.
В нем едет господин, при коем много слуг;
А этот господин имел великой дух,
Спросил бумаги в горе
И, взяв ее, слугам отпýскную писал,
А написав ее, сказал:
«Рабы мои, прощайте,
Беды не ощущайте,
Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вам я всем отпýскную даю».
Один из них сказал боярину в ответ:
«Велик нам дар такой, да время грозно;
Пожаловал ты нам свободу, только поздно,
С которой в скорости мы все оставим свет».
В награде таковой не много барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом расстается.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

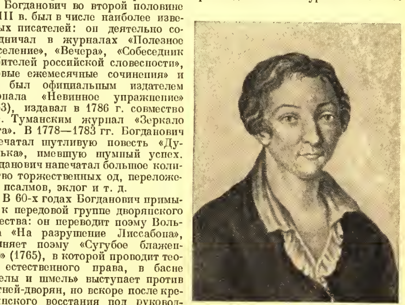
(1743—1803)

> «Руслан и Людмила» для двадцатых годов имела то же самое значение, какое «Душенька» Богдановича для семидесятых годов.
>
> *Белинский.*

Ипполит Федорович Богданович родился в семье бедного мелкопоместного дворянина. Служить начал Богданович с юных лет в юстиц-коллегии в Москве. Одновременно, с разрешения Хераскова, он слушал лекции в университете, затем в 1761 г. перешел на службу в канцелярию университета. С 1763 по 1779 г. Богданович служил в коллегии иностранных дел, с 1780 по 1795 г. состоял чиновником государственного архива, причем с 1788 г. занимал должность председателя архива. Умер Богданович в Курске в 1803 г.

Богданович во второй половине XVIII в. был в числе наиболее известных писателей: он деятельно сотрудничал в журналах «Полезное увеселение», «Вечера», «Собеседник любителей российской словесности», «Новые ежемесячные сочинения» и др., был официальным издателем журнала «Невинное упражнение» (1763), издавал в 1786 г. совместно с Ф. Туманским журнал «Зеркало света». В 1778—1783 гг. Богданович напечатал шутливую повесть «Душенька», имевшую шумный успех. Богданович напечатал большое количество торжественных од, переложений псалмов, эклог и т. д.

В 60-х годах Богданович примыкал к передовой группе дворянского общества: он переводит поэму Вольтера «На разрушение Лиссабона», сочиняет поэму «Сугубое блаженство» (1765), в которой проводит теорию естественного права, в басне «Пчелы и шмель» выступает против трутней-дворян, но вскоре после крестьянского восстания под руководством Пугачева Богданович отходит от своего вольнодумства, идет на



И. Ф. Богданович

услужение дворянской реакции. С 1775 по 1782 г. он редактирует правительственную газету «Санктпетербургские ведомости», составляет по поручению Екатерины II сборник «Русские пословицы» (1785), в котором фальсифицирует русские пословицы, стремясь доказать благочестие, смирение народа, любовь его к царю. В конце концов Богданович доходит до того, что в стихотворении «Письмо поселянина к военачальнику» заставляет крепостного крестьянина рассказывать небылицы о своей будто бы сытой привольной жизни: «Большею частию трудяся для себя, спокоен спать ложась, доволен за обедом».

Богданович — один из представителей дворянского классицизма: он ученик и последователь Сумарокова и Хераскова.

Главное произведение Богдановича — стихотворная повесть «Душенька» — веселая сказка о приключениях греческой царевны, представляющей собою по сути дела великосветскую красавицу екатерининского времени. «Душенька» написана Богдановичем для увеселения Екатерины II и ее двора: по содержанию своему она ничтожна, далека от подлинной реальной жизни. Отсутствие напыщенности, легкий стих, простая разговорная речь — все это составляет черты новаторства, проявленные Богдановичем в «Душеньке».

Белинский, резко критикуя Богдановича за бедность содержания «Душеньки», в то же время не отрицал положительного значения ее в истории русской литературы: «Поэма Богдановича все-таки замечательный факт истории русской литературы: она была шагом вперед и для языка, и для литературы, и для литературного образования нашего общества: кто занимается русскою литературою как предметом изучения, а не одного удовольствия, тому — еще более записному литератору — стыдно не прочесть «Душеньки» Богдановича».

ДУШЕНЬКА

Древняя повесть в вольных стихах

(В сокращении.)

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ

Собственная забава, в праздные часы, была единственным моим побуждением, когда я начал писать *Душеньку:* а потом общее единоземцов благосклонное мнение о вкусе забав моих заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должной благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостаточества при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, Душеньку, назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и Отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тлепности человеческой. Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности.

И. Богданович.

СТИХИ
НА ДОБРОДЕТЕЛЬ ХЛОИ

Красота и Добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.

Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:
Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец,
Сам узнает, наконец,
Сколь любезна Добродетель!

КНИГА ПЕРВАЯ

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где, в шуме вечных ссор, кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук, услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар, и разум мой осмель
Коснуться счастия селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скук веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь, Парнасс
От взора твоего растаявал не раз.
С тобою нежные присутствуют Зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды.
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, Амуры плачут сиры.
О, ты, певец богов,
Гомер, отец стихов
Двойчатых, равных, стройных
И к пению пристойных,
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю.
Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,
И малой меры, и большие,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах
Свободно ставлю на концах.
А естьли оттого устану,
Беструдно и отважно стану.
Забыв чернил и перьев страх.

Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм, иль просто в прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою,
Но чтоб, в часы прохлад, веселья и покоя,
Приятно рассмеялась Хлоя.
Издревле Апулей, потом де-ла-Фонтен,
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами,
Другим языком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности явили:
Пером их, кажется, что Грации водили,
Иль сами Грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих.

В старинной Греции, в Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Как в каждом городке бывал особый царь,
И если пожелал, был бог, имел алтарь.
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,
Умом, лицом, кудрями,
Избытком животов,
И хлеба, и скотов.
Бывали там соседи
И злы и алчны так, как волки иль медведи:
Известен Ликаон,
Которого писал историю Назон;
Известно, где и как на самом деле он,
За хищные дела и за кривые толки,
Из греческих царей разжалован был в волки.
Но тот, о ком хочу рассказывать теперь,
Ни образом своим, ни нравом не был зверь.
Он свету был полезен
И был богам любезен:
Достойно награждал,
Достойно осуждал.
И естьли находил в подсудных зверски души,
Таким ослиные приклеивал он уши,
Иным сурову щеть, с когтями в прибыль ног,
Иным ревучий зев, другим по паре рог.
От едкой древности, котора быль глотает,
Архива многих дел давно истреблена;

Но образ прав его сохранно почитает
И самый поздный свет, по наши времена.
Завистным он велел, как вестно, в том труждаться,
Чтоб счастие других
Скучало взорам их,
И не могли б они покоем наслаждаться:
Скупым определил у золота сидеть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться,
Но им не насыщаться.
Спесивным предписал с людьми не сообщаться,
И их потомкам в казнь давалась та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велел, чтоб мир ни в чем не верил
Тому, кто льстил и лицемерил.
Клеветникам в удел
И доносителям неправды государю
Везде носить велел
Противнейшую харю,
Какая изъявлять клевещущих могла.
Такая видима была
Не в давнем времени, в Москве, на маскараде,
Когда, на Масленой, в торжественном параде,
Народ осмеивал позорные дела.
И словом,
В своем уставе новом
Велел, чтоб обще все злонравны чудаки
С приличной надписью носили колпаки,
По коим их тогда скорее узнавали
И прочь от них бежали.
По доброму суду, устав сей был не строг
И нравился народу,
Который в дело чтить не мог
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали в воду,
Как будто рыбий род,
По нескольку на всякой год.
Овидий, лживых лет потомственный писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий в самой лжи правдивых Муз приятель
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни часты.
Преображенные тогда в быков Церасты,
Цекропов целой род, за злобу и обман,
Во стадо обезьян,
Льстецы, за низость душ, в лягушки,
Непостоянные в вертушки,
Болтливые в сорок.

Жестокосердые во мраморный кусок,
Тантал, Сизиф и Иксиона,
За алчну злобу их,
На вечной ссылке у Плутона,
И множество других
Почли бы все себе за милость и за ласки,
Когда бы только царь,
Дурную в свете тварь
Рядя в дурные маски,
Наказывал стыдом.
Такая нова власть, без дальней людям казни,
Держала всех в боязни;
И добрый царь притом
Друзей из доброй воли
Откушать хлеба-соли
Зывал в свой царский дом.

О, естьли б ты, Гомер, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и есть,
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я, наконец,
Подобиться, стихов отец!
Возможно ль изъявить достойно
Великолепие пиров
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тазать,
Поесть, попить и после спать.
А за такое хлебосольство,
И более за доброй нрав,
От всех соседственных держав
Явилося к нему посольство.

Особо же он был отличен из царей
За то, что трех имел прекрасных дочерей.
Но солнце в красоте своей
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает;
Подобно так была меньшая всех видней
И старших сестр своих достоинства мрачила,
И розы красоту, и белизну лилей,
И словом, ничего в подобном виде ей
Природа никогда на свете не явила.

Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы и было б дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая царска дочь,
От коей многие вздыхали день и ночь,
У греков потому Психея называлась.
В языках же других, при переводе слов,
Звалась она Душа, по толку мудрецов;
А после, в повестях старинных знатоков,
У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душеньке, у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе
Между приятнейших имен,
И утвердила то Любовь в своем законе.
Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.
Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужие права
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Как весь Цитерский мир и вся его округа,
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя особо обожали,
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты печали!
Веселий, смехов, игр собор,
Оставив прелести Венеры,
Бежит толпою из Цитеры.
Богиня, обтекая двор,
Куда ни обращает взор,
Не зрит ни жертв, ни фимиамов;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерских храмов
Травой и лесом поросли.
Сады богини сиротели,
И дом являл опальный вид;
Зефиры изредка свистели:
Казалось ей, свистели в стыд.
Непостоянные Амуры,

Из храма прелетая в храм,
К унылой пустоте Натуры
Не возмогли привыкнуть там.
Откуда все лететь хотели,
И все вспорхнули, возлетели
За Душенькою в новый путь,
Искать себе свободной неги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны беги.
Оставших малое число,
Крегтя под игом колесницы
Скучающей своей царицы,
Везде уныние несло.
Не в долгом времени, по слухам самым верным,
Узнала, наконец, богиня красоты,
Со гневом пребезмерным,
Причину вкруг себя и скук и пустоты.
Хоть Душенька гневить не мыслила Венеру,
К достоинствам богинь имела должну веру,
И в поступи своей всегда хранила меру,
Но вскоре всем хулам подвержена была;
Притом злоречивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее дела;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей и в зло,
Присвоила себе Цитерских слӯг число;
И что, кому угодно,
В то время мог солгать на Душеньку свободно.
Но чтобы делом месть
Над нею произвесть,
Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовых Зефиров заложить, —
И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит то удобно,
Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:
«Амур, Амур! вступись за честь мою и славу,
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку иль мог о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать,
И в областях моих над мной торжествовать.
Могу ли я сносить и видеть равнодушно,

Что Душеньке одной везде и все послушно?
За ней гоняяся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры;
И скоро Душеньке послушны будут миры.
Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
И слышно, что берет себе ее в супруги —
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!
Какой ты будешь бог, и где твой будет трон,
Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отымет лук и стрелы
И нагло покорит подвластны нам пределы!
Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смелы:
По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Душенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселяет страсть,
Какую возжигать один имел ты власть?
Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою вовек,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже,
Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;
Чтоб тем краса ея увяла,
И чтобы я покойна стала».

Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.
Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,
Но должен был привесть в спокойство
Свою прогневанную мать
И ей впоследок обещать
За дерзость Душеньку порядком постращать.
Услышав те слова, Амуры ужаснулись,
Веселья ахнули, и Смехи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тем была,
Что гнев на Душеньку неправдой навлекла:
С улыбкою на всех кидая взор приятно,
Сама рядила путь во остров свой обратно
И для отличности такого торжества

Явила тут себя во славе божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица
С прохладным роздыхом, порожжую назад.
Богиня, учредив старинный свой парад
И в раковину сев, как пишут на картинах,
Пустилась по водам на двух больших дельфинах.
Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.
Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней, весельем полны.
Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод,
Иной вокруг ее ныряет
И дерзки волны усмиряет,
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне
И все сокровища из моря
Тащит повергнуть ей к стопам.
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в стороны велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзностных чудовищ давит.
Иной, с трезубчатым жезлом,
На ките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги,
И чтобы всяк то ведать мог,
В коральной громко трубит рог;
Другой, из краев самых дальных,
Успев приплыть к богине сей,
Несет отломок гор хрустальных
На место зеркала пред ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ея челе.
О, естьли б вид сей, он вещает,
Остался вечно в хрустале! —
Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак, как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,
Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,
От солнца ставит ей защиту

И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены — сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с бывальми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предупреждая всякой труд,
Богиню опахалом машут:
Другие ж, на струях несясь,
Пышат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,
Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни Зефиры лишь в свободе
Венеру смеют лобызать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы,
Зефиры — древни наглецы:
Иной власы ее взвевает,
Меж тем, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись, летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком
Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сердцах вертит ее одежды
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и в очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ея ногам,
И все, в усердии, Венеру
Желают провожать в Цитеру.
Не в долгом времени пришла к богине весть,
Которую Зефир спешил скорей принесть,

Что бедство Душеньки преходит всяку веру,
Что Душенька уже оставлена от всех,
И что вздыхатели, как будто ей в посмех,
От всякой встречи с ней повсюду удалялись,
Или к отцу ее во двор хотя являлись,
Однако в Душеньку уж боле не влюблялись
И к ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопы, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры:
Иной предвидел добрый знак,
Другой сулил напасти скоры;
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк,
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда, в печали,
К Венере вопиять притек:
За что судьбы к народу гневны?
За что вздыхатели бежали от царевны? —
Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судьбину:
Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет прежню честь,
За что против себя воздвигла вышню месть,
И с видом грозным и суровым
Царевым сродникам велела быть готовым
Еще к несчастьям новым,
Предвозвещая им на будущие дни
Беды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведут к ней в руки.
Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщение Венеры?
И все в единый глас
Богине на отказ
Возопияли смело,

Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее алтарь,
Другие стали горько плакать,
Другие ж, не дослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные, Душеньке в утеху, говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь, ее боготворили,
И что Венеры к ней и ненависть и месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова хотя и лестны были,
Но были бы милей,
Когда бы их сказал какой любовник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах,
Но втайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла:

«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?
Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле —
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка
Себе имеет пастуха:
Одна лишь я ни с кем не дружка,
Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но естьли счастье толь упорно,
И так судили Небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пустыне!»
Меж тем как Душенька, тая свою печаль
От всех своих родных, уйти сбиралась вдаль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы видимо противу согласились.
Никто на Душеньке жениться не хотел,
Или никто не смел.

Впоследок сродники, советовав, решились
Спросить оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных стихах,
И к ним жрецы — пророки
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тем ответ сей был не мене бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный Судьбами,
Есть то чудовище, которо всех язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаяся слезами,
И страшных стрел колчан имеет на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
Коль хочет на земли, коль хочет в небесах,
И самый Стикс ему путей не преграждает.
Судьбы и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный знак:
Царевну пусть везут на самую вершину
Неведомой горы, за тридевять земель,
Куда еще никто не хаживал досель,
И там ее одну оставят на судьбину,
На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину».

Такой ответ весь двор в боязнь и скорбь привел,
Во всех сомнение и ужас произвел.
О, праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?
И естьли в том какая стать,
Чтоб Душеньку навек чудовищу отдать,
К которому никто не ведает дороги?
Родные тако все гласили во слезах;
И кои знали всяки сказки,
Представили себе чудовищ злых привязки
И лютой смерти страх,
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно.
От нянек было им давно не безызвестно
О существе таких и змеев и духов,
Которы широко гортани разевают,
И что притом у них видают
И семь голов, и семь рогов,
И семь иль более хвостов.
От страхов таковых родные возмущались,
Потом, без дальных слов,
Завыли множеством различных голосов.
Царевну проводить до места обещались
И с нею навсегда заранее прощались.
Не знали только, где была бы та гора,

К которой Душеньку отправить надлежало:
Оракул не сказал или сказал, да мало,
В которой стороне? далече ль от двора?
В какую там явиться пору,
И как зовут такую гору:
Синай или Ливан, иль Тавр или Кавказ?
И кои в Душеньке высокой разум чтили,
Догадываясь, мнили,
Что должно ехать ей, конечно, на Парнасс.
Они наслышались, что некоторы Музы
Имели с ней союзы:
Что Душенька от них училась песни петь
И таинства красот Парнасских разуметь.
Но те, которые историю читали,
Противу предлагали,
Что Музы исстари проводят в детстве век,
И никакой туда не ходит человек.
Что там нельзя найти ей мужа,
К тому ж от севера бывает часто стужа,
И у Кастальских вод,
Хоть там дороги святы,
Нередко замерзал народ.
Иные, изобрав жарчайшие климаты,
Хотели Душеньку во Африку везти,
Где ведали, что есть чудовищи в чести;
Притом, последуя оракулову гласу,
Хотели именно везти ее к Атласу,
Узнав, что та гора, касаяся небес,
Издревле множеством прославилась чудес;
И мнили, что, по сей примете,
Оракул точно так сказал в своем ответе.
Тогда смелейшие из плачущей родни
Представили, храня ее цветущи дни,
Что Душеньку легко там могут змеи скушать,
Что в том оракула никак не должно слушать;
И громогласно все, без дальнего суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки оракул сам не ведит,
И что оракул бредит.

В совете, наконец,
Родня царевнина, и паче царь-отец,
За лучше ставили, богов противясь власти,
Терпеть гонения и всякие напасти,
Чем Душеньку везти
На жертву без пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама оракулу хотела быть послушна.

Иль, может быть, и так, чтоб мне не обмануть,
Она, прискучив жить с родными без супруга,
Искала, наконец, себе такого друга,
Кто б ни был, где ни будь;
И чтоб родным видна была ее услуга,
В решительных словах сама сказала им:
«Я вас должна спасать несчастием моим.
Пускай свершается со мною вышня воля,
И естьли я умру, — моя такая доля».
Меж тем как Душенька вещала так отцу,
И царь и весь совет пустились плакать снова
И в скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слез у всех ручьились по лицу.
Но самую печаль, в прегорестнейшем плаче,
Впервые зрел, кто зреть тогда царицу мог:
Рвалась и морщилась она пред всеми паче,
И память потеряв, валялась как без ног;
Иль в горести, теряя меру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крепко в руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко пред народом
И всем своим клялася родом,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что оракула слова:
И что ни для какого чуда
Не пустит дочери оттуда.
Хотя ж кричала то во всю гортанну мочь,
Однако вопреки Амур, Судьбы и боги,
Оракул и жрецы, родня, отец и дочь
Велели сухари готовить для дороги.
Во время оных лет
Оракул в Греции столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался
И сам искал себе преднареченных бед,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляет град:
В дорогу сказан был наряд.
Куда? — от всех то было тайно.
Царевна, наконец, умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела своим судом
Она решила обычайно,
Сказала всей родне своей,
Чтоб только в путь ее прилично снарядили
И в колесницу посадили,
Пустя по воле лошадей,

Без кучера и без вожжей.
«Судьба, — сказала, — будет править,
Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить».
По таковым ее словам,
Недолго были сборы там,
Готова колесница,
Готова царска дочь и вместе с ней царица,
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желает провожать.
Тронулись лошади, не ждав себе уряда:
Везут ее без поводов,
Везут с двора, везут из града
И, наконец, везут из крайних городов.

В сей путь, короткий или дальный,
Устроен был царем порядок погребальный.
Шестнадцать человек несли вокруг свечи
При самом свете дня, подобно как в ночи;
Шестнадцать человек, с печальною музыкой,
Унывный пели стих в протяжности великой;
Шестнадцать человек, немного тех позадь,
Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала там сама царица-мать,
Дорожный туалет, гребенки и булавки
И всякие к тому потребные прибавки.
Потом в параде шел жрецов усатых полк,
Стихи оракула неся перед собою.
Тут всяк из них давал стихам различный толк,
И всяк желал притом скорей дойти к покою.
За ними шел сигклит и всяк высокий чин;
Впоследок ехала печальна колесница,
В которой с дочерью сидела мать-царица.
У ног ее стоял серебряный кувшин;
То был плачевный урн, какой старинны греки
Давали в дар, когда прощались с кем извеки.
Отец со ближними у колесницы шел,
Богов прося о всяком благе,
И предая Судьбам расправу царских дел,
Свободно на пути вздыхал при каждом шаге.
Взирая на царя, от всех сторон народ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
С царевной шел в поход.

Иные хлипали, другие громко выли,
Не ведая, куда везут и дочь и мать;
Другие же, по виду, мнили,
Что Душеньку везут живую погребать.
Иные по пути сорили
Пред нею ветви и цветы,
Другие тут же гимны пели,
Прилично славя красоты,
Какие в первый раз узрели;
Другие ж божеством
Царевну называли
И, возвратяся в дом,
За диво возвещали.
Вотще жрецы кричали,
Что та царевне честь
Прогневает Венеру,
И, следуя манеру,
Толчком, и как ни есть,
Хотели прочь отвесть
Народ от сей напасти;
Но все, противу власти,
Забыв Венеры вред
И всю возможность бед,
Толпами шли насильно
За Душенькою вслед
Усердно и умильно.

Уже, чрез несколько недель,
Проехали они за тридевять земель,
Но ни единого пригорка не видали,
И кои более устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли, куда не знали.
Впоследок едучи путем и вдоль и вкруг,
К одной горе они лишь только подступили,
Тут сами лошади остановились вдруг
И далее не шли, сколь много их ни били.
Тут все Судеб тогда признаки находили;
Признаки те жрецы согласно подтвердили,
И все сказали вдруг, что должно точно там,
На высоте горы, оракуловым словом,
Оставить Душеньку у неба под покровом.
Вручают все ее хранителям-богам,
Ведут на высоту по камням и пескам,
Где знака нет дороги,
Едва подъемля вверх свои усталы ноги,
Чрез камни, чрез бугры и чрез глубоки рвы,
Где нет ни лесу, ни травы,

Где алчные рыкают львы.
И хоть жрецы людей к отваге
Увещевали в сих местах,
Но все, при каждом шаге,
Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И к верху крутизны,
И к бездне глубины,
Без вида и без меры.
Иным являлись там Мегеры,
Иным летучи Дромадеры,
Иным Драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слух,
Мутили дух.

Таков был путь, куда царевна торопилась,
Куда вся свита вслед за ней крехтя толпилась.
Осталась позади одна царица-мать,
Не могши далее полугоры шагать,
И с Душенькой навек, поплакав, там простилась.
При трудностях тогда царевнина кровать
В руках несущих сокрушилась.
И многие от страха тут,
Имея многой труд,
Немало шапок пороняли,
Которы на-подхват Драконы пожирали.
Иные по кускам одежды изодрали,
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторонних стыд.
Осталось, наконец, лишь несколько булавок
И несколько стихов оракула для справок.
Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все явились?
Читатель сам себе представит то умом.
Я только лишь скажу, что с нею все простились;
И напоследок царь, согнутый скорбью вкрюк,
Насильно вырван был у дочери из рук.
Тогда и дневное светило,
Смотря на горесть сих разлук,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный в мире круг
И в воды спрятаться спешило.
Тогда и ночь,
Одну увидев царску дочь,
Покрылась черным покрывалом
И томнейшим лучом едва светящих звезд

Открыла в мрачности весь ужас оных мест.
Тогда и царь скорей предпринял свой отъезд,
Не ведая конца за толь слепым началом.

КНИГА ВТОРАЯ

[Невидимый Зефир па «крыльях ветренных» переносит Душеньку в роскошные чертоги. Влюбленный в нее Амур прилетает по ночам, но лицезреть себя не позволяет. Сестры Душеньки, приглашенные ею и поселившиеся в ее чертогах, злые, завистливые, стали нашептывать своей сестре: супруг твой потому «не явен», что он «страшен и злонравен», что он чудовище. Душенька решила открыть тайну своего супруга: «скрывши меч», с лампадою в руках «в чертог супружний входит» и видит, что супруг ее — сам Амур. Душенька

Небрежно над бедром лампаду наклонила,
И масла часть пролив оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила.

Душенька ничего не могла сказать в свое оправданье и «упадши обмерла».]

КНИГА ТРЕТЬЯ

[Душенька была жестоко наказана: Зефиры унесли ее «из горних мест к земли», туда, откуда взяли. Для Душеньки началась жизнь, полная тяжелых испытаний и страданий. Однако Амур не забыл ее, тайно следил за ней, спасал ее.]

Чего ей ждать тогда осталось от небес?
В отчаяньи, пролив потоки горьких слез,
Наполнив воплями окружный дол и лес,
«Прости, Амур, прости!» — царевна вопияла
И в тот же час лихой,
Бездонну рытвину увидев под горой,
С вершины в пропасть рва пуститься предприяла;
Пошла, заплакала, с платочком на глазах,
Вздохнула, ахнула... и бросилась в размах.
Амур оставил ли Зефиров без наказа,
Велел ли Душеньку стеречь на всех горах,
В тот час и в тот момент усердный Скоромах,
Зефир, слуга ее при ветренных путях,
Увидел царску дочь в толь видимых бедах,
Не ждал себе о том особого приказа,
Оставил все дела в высоких небесах,
Тряхнул крылом, порхнул три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низ,
Прикрыв воскрилием своих воздушных риз
От всякой наглости толпы разносторонной,
Как должно подхватил,
Как должно отдалил
От пропасти бездонной
И тихо положил
На мягких муравах долины благовонной.

Он тихим дханием там воздух растворил,
Бореям дерзким дуть над нею запретил
И долго прочь не отходил,
Забыв свою любезну Флору;
Скорбел, что скоро путь свершил,
Что долго Душеньке не мог служить в подпору.
Увидев там она себя на муравах,
Неведомыми ей судьбами,
И куст ясминный в головах
Меж разными вокруг цветами,
Такую истину сперва за сон почла,
И щупала себя, в сомнении и в диве,
И долго верить не могла,
Чтоб, кинувшись, была
Еще на свете вживе;
Забывшися потом,
Заснула крепким сном.
Но видела ль во сне, что было с ней доселе,
Худое ль, доброе ль на деле,
Супруга на горе, иль спящего в постеле,
Иль грозную его разгневанную мать,
Историки о том забыли написать;
А только дали знать,
Что бог Амур над нею
Велел тогда летать
Сводетелю Морфею
И сном продлить ее покой,
Зефира отослав домой.
Известно ныне всем, что сон и вся натура
В то время правилась указами Амура.
Амур, который зрел ее и скорбь и труд,
Амур, содетель чуд,
Легко соделать мог, чтоб Душенька уснула
И сном бы отдохнула;
И может быть она, возненавидев свет,
Была к небытию влекома в сей пустыне,
Как узник иногда, устав от мук и бед,
Чрез сон старается приближиться к кончине.
Но как бы ни было, по нескольких часах,
Влюбленный Купидон, не спя на небесах
И охраняючи несчастную супругу,
Решился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взор...
Но, вспомнив свой позор,
Глаза от света отвращала,
Цветы и травы вновь слезами орошала
И камням, и лесам унывно возвещала,
Что боле жить она на свете не желала.

«Не буду доле жить!
Приди, о, Смерть! ко мне приди!» — она вопила.
Но Смерть, хотя ее царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело, с плешивой головою,
От вида коего трепещет всяка плоть,
Явилось к ней тогда с предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Где Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидев, наконец, что Смерть от ней бежала,
Насильно Душенька скончать свой век искала:
«Зарежуся!» — вскричала;
Но не было у ней кинжала,
Ниже какого острия,
Удобного пресечь несчастну жизнь ея.
Читатель ведает, без всякой дальной справки,
Что Душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повытрясла булавки,
Чудесным действием иль случаем простым.
В сей крайности она, не размышляя боле,
Искала камней в поле
И острый камень как-нибудь
Вонзить себе хотела в грудь.
Казался край тогда ее несчастной доле;
Нашлися остры камни там,
Но Душенька велась не к смерти, к чудесам:
Лишь только возьмет камень в руки,
То камень претворится в хлеб
И вместо смертной муки
Являет ей припас снедаемых потреб.
Когда же Смерть отнюдь ее не хочет слушать,
Хоть свет ей был постыл,
Потребно было ей, ко укрепленью сил,
Ломотик хлебца скушать.
Потом, смотря на лес, на пропасти без дна,
На небо и на травку
И вновь смотря на лес, умыслила она
Другую смерть себе, а именно — удавку.
В старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У турков и поднесь за смерть блаженну ставят,
Когда кого за грех не режут, а удавят.
Нередко визири и главные в полках,
И сами там султаны,
За собственны свои или других обманы
Кончают свой живот в ошейных осилках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку

И смертью таковой казнят одних плутов,
Но ищущий конца на всяку смерть готов;
И Душенькина смерть не шла в позор и в явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядом,
Но вся сия страна,
Где смерть была запрещена,
Казалась райским садом,
Казалася сотворена
Для пользы иль веселья,
И тщетно было б там искать лихого зелья.
Равно же изгнан был оттоле всякой гад,
В каком бывает яд:
И так, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотела удавиться.
А где, и чем, и как? —
По многим повестям остался верный знак:
Вблизи оттоле рос дубняк,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душеньке тогда широкой был платок,
Которой с белых плеч спускался возле бок.
Несчастна Душенька, не в многие минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася в лесу;
Не в многие минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избрав крепчайший сук, последний шаг ступила
И к суку свой платок, как должно, прицепила,
И в петлю Душенька головушку вложила:
О, чудо из чудес! —
Потрясся дол и лес!
Дубовой грубый сук, на чем она повисла,
С почтением к ее прекрасной голове
Погнулся так, как прут, изросший в вешни числа,
И здраву Душеньку поставил на траве;
И все тогда суки, на низ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумели радостно над нею
И, соединяючи концы,
Свивали разны ей венцы.
Один лишь наглый сук за платье зацепился,
И Душенькин покров вверху остановился.
Тогда увидел дол и лес
Другое чудо из чудес!
И горы вскликнули громчае сколь возможно,

Что Душенька была прекрасней всех неложно;
И сам Амур тогда, смотря из облаков
Прилежным взором, то оправдывал без слов.
Меж тем как Душенька в живущих оставалась,
Как бытностью ее натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти род,
Которым чаяла окончить свой живот.
Не могши к дубу прицепиться,
Она решилась утопиться.
На случай сей река
Была недалека.
Царевна с берега крутова,
Где дно реки от глаз скрывалось под водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдруг, противною судьбой,
Поехала она на щуке шехардой;
И ехав поверьху опаснейшей дороги,
Мочила Душенька лишь только хвост и ноги.
К хранению ее прибавлен был конвой:
Другие тут же щуки,
Наукой от богов иль просто без науки,
Собравшися, как должно, в строй,
От всяких случаев царевну ограждали
И в путь с плесканием ее препровождали.
Иные говорят,
Что будто в щуках там приметили Наяд,
И что Наяды, эскадроном,
Явились к Душеньке с поклоном.
Не знаю, правда ль то, лишь нет сомненья в оном,
Что некие тогда из сих Наяд иль рыб,
Которых род с рекой от времени погиб,
Служив дотоль в раю под счастливым законом,
За Душенькою тут спешили вслед догоном,
В старинном их строю
Признать, по должности, владычицу свою,
Забыв, что бог прекрасна рая,
С тех пор, как райску жизнь в ничто преобратил,
Служивших там, как бы карая,
Оттоль на волю распустил.
Несчастна Душенька, сколь много ни старалась
В речном потоке утонуть,
Но щукою неслась благополучно в путь
И с берега она к другому добиралась.
В сих муках тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала.
На зов пловучий сонм вопил единогласно,
Что Душенька, в бедах,
Без пользы и напрасно

Стремится кончить жизнь в водах;
Что боги пусть продлят ее прекрасны годы
И что ее на смерть отнюдь не примут воды.
Остался, наконец, единый смерти род,
Который Душенька еще не испытала;
Она еще себя надеждою питала,
Что, может быть, огнем скончает свой живот.
Вдали в то время дым курился:
Ко смерти новой путь открылся,
И Душенька пошла на дым;
И случаем тогда, видущим иль слепым,
Пришла к речному брегу,
И там на муравах
Нашла огонь в дровах,
К рыбачьему ночлегу.
Хозяин оных дров,
Престарый рыболов,
В ладье своей на лов
Отплыл во оно время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресечь:
Могла себя сожечь
В пустом широком поле,
В просторе и на воле.
Никто б ее извлечь,
Никто б не мог оттоле,
Когда бы небеса
От смертного часа
Ее не отдалили
И новы чудеса
Над ней не сотворили.
Она, сказав ко всем последние слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила.
Мгновенно дым исчез, огонь и жар потух,
Остался только лишь потребный теплый дух,
Затем, чтоб ножки там царевна осушила,
Которые в воде недавно замочила.
Узрев себя она безвредну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах;
Восколебались тихи воды,
Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вкруг
Ладья у рыболова,
И все то сталось вдруг
От Душенькина слова.

Не знаю, волею ль, на сей внезапный крик
В ладье своей старик
Назад стремился к бегу
Иль чудом вверьх воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потом сей древний в мире дед,
Взглянув на близ своей повети,
Забыл преклонность поздных лет,
Пустил из рук рыбачьи сети,
Прыгнул из лодки ко дровам
И пал к царевниным ногам,
Хотя не ведал с нею чуда,
Ни кто она была,
За чем туда пришла,
Каким путем, откуда.
«О праотец земных родов,
Иль сын, конечно, праотцов!»
Царевна к старцу вопияла:
«Ты помнишь бытность всех времен
И всяких в мире перемен;
Скажи, как свет стоит сначала,
Встречалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Топилась и в огонь бросалась,
Но, в горькой участи моей,
Прошед сквозь огнь, прошед сквозь воду,
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,
Против желания живу,
Бессмертие имею в муку
И тщетно смерть к себе зову.
Подай свою мне в помощь руку,
Скончай мой век, мне свет постыл!»
«Но кто ты?» — старец вопросил.
«Я Душенька... Люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура;
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся Натура.
Потом сказал ей тот же дед,
Что смерти ей на свете нет,
Как то себе она ни чает,
И что еще она не знает
Готовых ей в прибавок бед;
Что злоба гневной к ней богини
Проникла в самые пустыни;
Что, каждому в пример и в страх,
Во всех подсолнечных местах

Уже ее вины открыты,
И грамоты о том прибиты
В распутиях и во вратах.
Притом старик роптал в слезах,
Что злобе попускают боги,
И строгую виня Судьбу,
Повел Царевну он к столбу,
Где ближние сошлись дороги.
Царевна там сама прочла
Прибитый лист, в большую меру;
А что она в листе нашла,
Скажу, по точному манеру.
«Понеже Душенька прогневала Венеру,
И Душеньку Амур Венере в стыд хвалил;
Она же Душенька румяны унижает,
Мрачит перед собой достоинство белил
И всяку красоту повсюду обижает;
Она же, Душенька, имея стройный стан,
Прелестные глаза, приятную усмешку,
Богиню красоты не чтит и ставит в пешку;
Она же взорами сердцам творит изъян,
Богиней рядится и носит хвост в три пяди...»

[Напрасно Душенька обращалась с просьбой о защите к богине Юноне, Церере, — никто ей не помог. Тогда она решилась идти к самой Венере. Начались для нее новые испытания. Венера, желая погубить Душеньку, дает ей поручения, грозящие верной смертью: принести через три часа «воды живой и мертвой», достать «златые яблоки», иль просто златовиды, которые стерегли Драконы, отправиться в ад и принести оттуда «некий горшочек». Душенька выполнила все эти поручения, но жестоко пострадала — лишилась красоты: лицо у нее сделалось черным. Амур не обращает на это внимание, попрежнему любит Душеньку, примиряется с ней. Благодаря заступничеству Амура Венера прощает Душеньку.]

Зефиры видели и свету возвестили,
Что Душеньку Амур издалека узнал
И руку у нее, подшедши, целовал;
Но скоро их из глаз обоих упустили.
Проснувшись, Душенька тогда
Взглянула, ахнула, закрылась от стыда,
Уйти в пещеру торопилась,
И тамо, наконец, с Амуром изъяснилась,
Неведомо в каких словах;
А только ведомо всему земному кругу
Взаимное от них прощение друг другу
Во всех досадах и винах.
Амур потом, при всей свободе,
Велел публиковать в народе
Старинну грамоту, котору сам Зевес,

В утеху всех дурных, на землю дал с небес;
И, всюду слово в слово,
Та грамота тогда твердилася за ново:
«Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах преходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет;
Она единая всегда и всех пленяет».
Слова сии Амур, твердя повсюду сам,
Представил грамоту Венере и богам,
А вместе с грамотой и Душеньку представил,
Котору в черноте дурною он не ставил.
Юпитер, покачав
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,
Чтоб век пленялся он душевной красотою,
И Душенька была б всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Из жалости тогда иль некакой тщеты,
Как то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от греха,
Наружну красоту обратно получила:
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна, бела,
Как прежь сего была.
Амур и Душенька друг другу равны стали,
И боги все тогда их вечно сочетали.
От них родилась дочь, прекрасна так, как мать;
Но как ее назвать,
В российском языке писатели не знают.
Иные дочь сию Утехой называют,
Другие Радостью и Жизнью, наконец;
И пусть, как хочет, всяк мудрец
На свой зовет ее особый образец.
Не пременяется названием Натура:
Читатель знает то, и знает весь народ,
Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.

1778—1783

В. П. ПЕТРОВ

(1736—1799)

Василий Петрович Петров — сын бедного священника Петра Поспелова, рано умершего; детство и юность Петрова прошли в тяжелой нужде. Только в 17 лет ему удалось поступить в Славяно-греко-латинскую академию. После окончания академии Петров преподавал пиитику и риторику в той же академии. В 1766 г. он написал оду «На карусель», посвященную придворным торжествам; ода эта понравилась Екатерине II, и с той поры Петров становится придворным поэтом, преуспевает он и в служебном отношении: получает сначала место переводчика при кабинете Екатерины II, а затем должность придворного библиотекаря. Петров тесно связался с придворной средой, сблизился с Потемкиным, получил дворянство, поместья, крепостных; в 1780 г. ушел в отставку, жил в своих деревнях, много писал, «откликаулся» на все выдающиеся события тогдашней жизни. Павел I хвалебные оды Петрова принимал холодно; он не мог ему простить близости к Екатерине и Потемкину.

Петров — характерная фигура 60—90-х годов XVIII столетия, он был типичным придворным поэтом.

Показная либеральная, а по существу реакционная политика Екатерины, а также ее неискренность, вероломство в отношениях с представителями русской культуры и литературы (Ломоносов, Сумароков, Н. И. Новиков) уже с 60-х годов оттолкнули от нее передовых людей того времени. Однако Екатерина не хотела покидать роли «покровительницы» наук и искусств. Громкозвучный Петров и «заполнял» собою брешь, образовавшуюся между двором и литературой. Он быстро забыл о своем былом нищенском существовании и, сделавшись помещиком, строго наказывал, сек своих крестьян. Петров пошел против заветов Ломоносова: он служил не обществу, а своим «милостивцам». Не раз высказывалась некоторыми историками литературы такая точка зрения, что Петров — продолжатель традиций Ломоносова в поэзии. Такое мнение является безусловно ошибочным. Петров оставался в течение всей жизни только придворным поэтом, холодным, расчетливым; он «недостаток истинного чувства заменял напыщенностью и совершенно доконал себя своим варварским языком» (Б е л и н с к и й). Потемкин у Петрова «общий отец народов», он «науки одобрил», он «защитник вдов и сирот», «отец щедрот».

Петров пишет оду «На взятие Измаила», — в ней восхваляется Потемкин, а о Суворове нет ни слова.

Только изредка проявляется у Петрова искреннее чувство. В послании «К сыну» он спускается с высот на землю:

Таков сей свет: герой чуть дышит в лазарете,
А трутень за стеклом кобенится в карете.

А в оде «На взятие Измаила» Петров задумывается над вопросами войны и мира:

Иль всем на свете жить нам тесно
И должно грудью брать простор?

Под конец жизни в отдельных своих произведениях («Смерть моего сына», «К ***») Петров перекликается с Державиным, у него начинают проявляться реалистические тенденции: в описании, например, штурма Измаила Петров дает правдивые детали, в стихотворении «Смерть сына» слышится голос, идущий из глубины души страдающего отца; в сатирическом послании «К***» Петрову удалось довольно верно нарисовать картину быта современного ему высшего, привилегированного общества. Петров был правоверный представитель дворянского классицизма, стремившийся в точности соблюдать все правила пиитические, однако даже и он не удерживается на узаконенной высоте для поэтического парения, снижает высокий тон, уклоняется то в сатиру, то в элегию, а иногда даже впадает в «подлость». Петров в поэтическом мастерстве стремился подражать Ломоносову, но далеко отстал от него. Однако Белинский все же признает, что сочинения Петрова современники читали, а если читали, стало быть произведения его «способствовали распространению в России вкуса к занятию и к наслаждению литературой».

ОДА НА ВОЙНУ С ТУРКАМИ

Султан ярится! Ада дщери,
В нем Фурии раздули гнев.
Дубравные завыли звери,
И волк и пес разинул зев;
И криками нощные враны,
Предвозвещая кровь и раны,
Все полнят ужасом места;
И над сералию комета
Беды на часть полночну света
Трясет со пламенна хвоста!

Война, война висит ужасна,
Россия, над твоей главой;
Секване [1] мочь твоя опасна:
Она рог стерти хочет твой.
Ты в том винна пред ней едином,
Что ты ей зришься Исполином;
Ты кедр, а прочи царства трость.
Так ты должна болеть, сражаться
И в силах ты должна теряться,
Чтоб ей твоею тратой рость.

Так часто гады ядовиты,
Залегши в лесе под кустом,
Кудрявой зеленью закрыты
И палым со древес листом,

[1] Секвана — Сена.

Когда кто мимо понесется
И куст, им тронут, затрясется,
Грозя полудню их открыть,
Да мнимую напасть умалят,
Прохожего от страху жалят,
Чтоб им раздавленным не быть.

Чудовища всеродны ада,
Все злое, кроме лишь себя,
Она бы выставити рада,
Россия, супротив тебя.
Но турк пошлет свои знамена,
А аду казнь ее замена.
То жалящa меж трав змия.
Да скроет зависть от Европы,
Она лишь будет весть подкопы:
Мощь турков, умыслы ея.

Так тать, да путника ограбит,
Воссед на резвого коня,
Бодет его и повод слабит,
Ко бегу силой всей гоня,
И буйный скот, не зная кова,
Орудие греха чужова,
Привыкший по полям ристать,
Узде послушен властелина,
Не зря, что холм или долина,
Течет невинного стоптать.

От юга, запада, востока,
Из Мекки и Каира врат,
Где хвально имя лжепророка,
Где Нил шумит, где Тигр, Евфрат,
Уже противники России
Стекаются ко Византии,
Как кровь из всех ко сердцу жил.
Во бешенстве, в трясеньи яром
Войну решить одним ударом
Султан на сердце положил.

Уже послушны грозной воле,
Сеpальный кою рек герой,
На Марсово со шумом поле
Износятся за роем рой;
Чрез Гем, через верьхи Родопы
Несут стремительные стопы,
Несчетны, горды не вотще.

Теснятся пре́дним над Дунаем,
Но задним воинства их краем
В Стамбуле движутся еще.

Коликие толпы! народы!
Протяглася предлинна цепь!
Как насыпь разорвавши воды,
Шумят и стелются на степь.
Свирепы, как кони взоржавши,
Ярма и удил не познавши,
Ступают борзо по земле.
Уж в мысли все стоптали, стерли,
Свой ход в нутр Севера простерли;
Нога их стала во̂ Кремле.

Их мчат кони, превозят челны,
Путем господствуют сухим;
Покрыты их судами волны,
Текущими в союзный Крим.
Чтоб их была верняй победа,
Оттоль поклонник Магомеда
Шлет нову в Север саранчу.
Секвана ту исчесть бессильна,
Колико жатва тут обильна,
О Россы! вашему мечу!

Лишь в поле выступите ратно,
Трофей вам будет каждый шаг;
Сразитеся коликократно,
Толькрат падет под вами враг.
Как грозны молнии летучи
Густые рассекают тучи,
Сверкая по простертой мгле,
Вы тако, тако потеките
И тако турков рассеките;
Ваш жар вам молнийны крыле.

Да снидет на главы их кара
Во громе, в пламени, в дыму;
Да треск им данного удара
В Стамбуле слышан и в Крыму,
Во целом свете слышан будет...

1769

М. М. ХЕРАСКОВ

(1733—1807)

Михаил Матвеевич Херасков — сын валашского боярина, переселившегося в Россию одновременно с Дмитрием Кантемиром. Десяти лет он был определен в Шляхетный кадетский корпус, где проучился семь лет, и в 1751 г. был выпущен из корпуса в чине поручика. Херасков на военной службе состоял недолго — около трех лет; в 1754 г. он переходит в берг-коллегию, а в 1755 г. поступает на службу в Московский университет, где и прошла почти вся его служебная деятельность.

Херасков начал писать рано, в 20-летнем возрасте: в 1755—1756 гг. он помещает свои стихотворения в журнале «Ежемесячные сочинения». Огромное количество произведений Херасков печатает в издаваемых им журналах «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763), а также в других журналах, в альманахе «Аониды» (1796).

Хераскову принадлежит ряд крупных произведений: трагедия «Венецианская монахиня» (1758), героическая комедия «Безбожник» (1761), политико-философский роман «Нума Помпилий» (1768), поэма «Чесменский бой» (1771), героическая поэма «Россиада» (1779), поэма «Владимир возрожденный» (1785), политико-философские романы — «Кадм и Гармония» (1789), «Полидор» (1794), трагедия «Освобожденная Москва» (1798), сказочная поэма «Бахариана» (1803) и др. Херасков в разное время выпустил ряд сборников: «Новые оды» (1762), «Нравоучительные басни» (1764), «Философские оды или песни» (1769).

М. М. Херасков

В 50-х и 60-х годах Херасков держался прогрессивных взглядов: он выступает против суеверия, реакционных церковников, пропагандирует гуманное обращение властителей с подданными, установление государственных законов на основе естественного права, довольно резко критикует пороки современного ему дворянского общества — невежество,

распущенность, щегольство. Мысли эти Херасков проводил в ряде своих произведений («Венецианская монахиня», «Нума Помпилий», эпиграммы и др.). С приходом к власти «князя тьмы», т. е. Потемкина, Херасков, как и многие другие передовые деятели того времени, уходит в отставку. Но «протест» Хераскова был недолог; вскоре он смирятся, изменяется и идеологическая направленность его произведений: он пишет насыщенную мистикой масонскую поэму «Владимир возрожденный», масонского характера роман «Полидор», в котором бичует французских революционеров — «дерзновенных» вольнодумцев, носителей буйства и безначалия.

Херасков был учеником Сумарокова, одним из наиболее крупных представителей дворянского классицизма: им создана «Россияда» — героическая поэма, «род, считавшийся венцом поэзии» классической. Однако Херасков уже в раннюю пору своей писательской деятельности начинает отходить от своего учителя, нарушать классические правила («Венецианская монахиня»), он проявляет явственные сдвиги в сторону сентиментализма. Отход Хераскова от классицизма шел не по прямой линии, а зигзагообразно: в 1768 г. Херасков печатает роман «Нума», в 1771 г. слезную драму «Друг несчастных», в 1775 г. — слезную драму «Гонимые» и в то же время, с конца 60-х и в 70-х годах, работает над героической поэмой «Россияда»; в 1785 г. выходит в свет его поэма «Владимир возрожденный», а в 1789 г. — роман «Кадм и Гармония». В последние годы жизни у Хераскова проявлялись предромантические мотивы: он пишет «Бахариану», которая, по мнению проф. Благого, отразилась некоторыми своими чертами на «Руслане и Людмиле» Пушкина.

Херасков своей деятельностью оставил след в истории русского просвещения и литературы. «Имена деятелей в области культуры и литературы, подобные Хераскову, навсегда останутся в истории русской литературы и будут достойны уважения и изучения» (Белинский).

РОССИЯДА

Эпическая поэма

Содержание поэмы,
приложенное к изданию «Эпических творений» Хераскова. 1820 г.

Песнь I

Усмиренная великим князем Иоанном Васильевичем Первым Татарская Орда, в царствование внука его, царя Иоанна Васильевича Второго, получила новые силы: казанская царица Сумбека, властвовавшая над Ордою, отдав приказ предавать смерти всех живших около Казани россиян, повелела пограничные их города истребить огнем и мечом. Младый царь Иоанн Васильевич жил между тем в роскошной праздности; подданные его, стоная под тягостию злополучий, коими Россия была удручаема, просили о защищении и спасении своем единого бога. Молитва их услышана. Великий князь Александр Тверской нисходит с небес и покоящемуся сном младому царю Иоанну является, исчисляет убиенных татарами его предков, вопиющих об отмщении, и именем господним повелевает ополчиться противу врагов и защищать закон божий и отечество. Смущенный видением царь, пробудясь от сна, стыдится своей слабости, изгоняет из чертога льстецов и призывает к себе Адашева, которому рассказав видение свое, просит быть ему руководителем к чести и добродетели. Адашев, беседуя с младым царем о должностях его, отправляется с ним в Троицкую лавру испросить благословение от основателя ее, угодника божия Сергия; тамо Адашев, показуя ему изображенные лики славнейших российских великих князей, увещевает его следовать их примеру. Царь возвращается в Москву и повелевает собраться в чертоги своей избранной думе.

Песнь II

Царь, созвав избранную думу, говорит о храбрых делах своих предков; представляет худые следствия, происшедшие от его беспечности, испрашивает совета, ополчаться ли противу Орды или в молчании и страхе платить ей дань. Бояре удивились сему неожидаемому вопросу. Митрополит Даниил, хотя по званию своему и не хотел бы видеть войны, но в сем случае первый дает царю благословение защищать отечество и церковь. Князь Кубинский, столетний старец, любя мир и покой, старается отвратить царя от начатия войны, представляя ему слабость сил его и крепость неприятеля. Князь Глинский, гордый и властолюбивый вельможа, воспользовавшийся малолетством царя и в правлении имевший великую силу, также советует царю воздержаться от брани; умильными словами просит младого царя думать о своей особе и не подвергать жребия своего и всего государства неизвестности. Выслушав слова князя Глинского, благоразумный муж князь Курбский встает с места своего, увещевает царя не слушать слов коваряого вельможи и, получа уже от митрополита благословение, начинать войну и мужеством своим подать подданным пример неустрашимости и величия, украшающих царей; Адашев и князь Хилков дают царю подобные же советы; князь Глинский с гневом оставляет думу и удаляется; младый царь, подтвердив согласием своим слова трех благоразумных мужей, сказал, что он сам, из любви к отечеству, хочет предводительствовать войсками, не страшась опасностей брани. Царь, утвердясь в своем мнении и не внимая молению царицы, супруги своея, повелел воинству предприять путь к Коломне, над конницею которого предводительство дано князю Пронскому, а Палецкому над стрельцами, сам же царь почтил опричников своим предводительством. Митрополит Даниил, окропя выходящее из града воинство святою водою, увещевал оное быть верным царю и отечеству.

Песнь III

Татары, услышав о приближении к их странам российского воинства, приходят в робость и беспокойство, которое притекающие во множестве к Казани остяки и другие, страшившиеся меча российского народа, еще более в них умножают. Царица Сумбека, вдова последнего царя Сафгирея, влюбившись в Османа, таврийского князя, собирает свой народ, приводит на память прежние славные предков его и собственные их дела; представляет, сколь бесчестно бояться народа, недавно Ордою побежденного; в заключение говорит, что из любви к подданным своим намерена она избрать для себя супруга, который бы храбрым татарам был достойным предводителем; в сие самое время является в собрании Сеит, первосвященник, человек коварный и враг Османа... Исполняя волю царицы, ходил он на Камские берега вопрошать духов о жребии Казани, откуда, возвратясь, предвозвещает опасность, грозившую городу, и объявляет притом, что в священном лесу, где погребались цари казанские, видел он некую тень, просившую его возвестить царице Сумбеке, чтоб она старалась преодолеть любовь свою к таврийскому князю и избрала бы себе в супруги, если хощет видеть спокойствие престола, царского и общей пользы друга. Ободряемые сими законоучителя словами, Сагрун, казанский князь, и Асталон, мощный витязь, стараются преклонить к себе в любовь Сумбеку, которая однакож противится их желаниям. Таврийский князь, пылающий к другой пламенем любви и отвергший брак с Сумбекой, от отчаянной царицы, горящей к нему безнадежной любовию, заключается в оковы; она после сама вопрошает духов и, не получив никакого ответа, идет в лес ко гробу умершего своего супруга...

Песнь IV

В дремучем лесу, вблизи Казани, находилось кладбище, где воздвигнуты были великолепные гробницы свирепого Батыя, страшного разорителя российских и других стран, кровожаждущего Сартака, ухищренного Менгу-Темира, Узбека, неверного Нагая, свирепого Занибека и других. Между

гробницами виднее прочих была последнего царя Сафгирея, мужа Сумбекина; к ней приближась, терзаемая любовию и страхом брани, царица повергается на колено, просит тень возлюбленного своего мужа явиться и дать совет; тень царская, в виде некоего густого дыма, вышед из гробницы, повелевает печальной царице, для отвращения грозящей царству ее опасности, избрать себе супругом преждебывшего казанского царя Алея, живущего в Свияжске, верного союзника Россиян; потом, видя в небесах некое явление, предвещающее царство христиан и падение магометанства, поспешает сокрыться в темный гроб и просит царицу предать огню гробы царей и тленные их прахи, что она и исполнила.

Песнь V

Царь Алей, усердствующий Россиянам, приходит к Казани осмотреть ее укрепления, входит в обвороженный дремучий лес, который после сожжения гробниц является райскою страною; в нем находит спящую Сумбеку, к коей всегда горел любовию... Спящая царица между тем пробуждается, изъясняется в любви своей к нему; Алей предлагает ей бежать с ним в Свияжск; но она уговаривает его остаться в Казани и с нею мирно царствовать. Алей, уловленный прелестями царицы, идет в Казань. Народ, который всегда любил Алея, радуется его пришествию и заглушает силу роптания честолюбивых вельможей; любовь и радость являются в терзаемой несогласием Казани. Сумбека вручает Алею трон и предает в его руки неверного таврийского князя Османа, которому Алей дарует вольность. Сагруп, надменнейший и злейший из казанских князей, старается погублением Сумбеки, Алея и Османа удовольствовать свое властолюбие, склоняет Османа являть к царице притворную любовь; потом предстает пред царицу и ухищренными словами в сердце ее снова возжигает любовь к Осману. Между тем как Алей старался о восстановлении спокойствия в Казани, жители Свияжска подозревали его в измене, о чем в Москву и отправлено было известие.

Песнь VI

Когда собравшееся из всех стран в Коломну российское воинство продолжало поход к Казани, то российские вестники привели к царю Иоанну беглеца крымского, именем Сафгира, родившегося в Рязани и после отпадшего от веры своих родителей. Он принес царю известие, что Исканар, царь крымский и нагайских орд, законноучителем казанским Сеитом убежденный идти войною на Россию, вступил уже в российские пределы со множеством своих и казанских воинств и приближается к Туле. Царь Иоанн Васильевич, рассуждая о важности сказанного, отправляет против Исканара третью часть воинства под предводительством князя Курбского, а сам продолжает поход к Казани. Князь Курбский, поспешая к Туле, нечаянно нападает на татар вблизи сего города и на рассвете дня вступает с ними в битву, в которой храбрый Исканар, подававший пример храбрости воинам своим, в ратоборстве от руки Курбского лишается жизни... Убиение царя принудило татарское воинство к бегству. Татарская царица, жена убитого Исканара, услыша весть о смерти своего мужа, лишается чувств; потом приходит в себя, в бешенстве пронзает грудь обольстившему мужа ее Сеиту и отсекает ему голову, но в печали и сама тем же оружием умерщвляет себя. Князь Курбский, оплакав смерть царя и царицы татарской, повелел погребсти их вместе. Таким образом, одержав победу над страшным неприятелем, храбрый российский полководец спешил к главному воинству, с которым соединясь, испросил у царя воинам своим богатые награждения.

Песнь VII

По выступлении из Коломны царское воинство разделяется на две части, из которых одна под предводительством Морозова отправляется водою к Татарским пределам, а другая, предводительствуемая царем, сухим путем поспешно туда же направляет поход свой, в продолжение коего царь, везде видя следы варварства татар и сокрушаясь о несчастии подданных своих,

горит желанием отомстить неверным. Некий, сединами украшенный муж, видя царя, с воинством грядущего к Казани, советует ему на несколько времени отложить поход, для отвращения великих затруднений, с коими прежде неприятеля должен он будет сражаться; но вопль и слезы разоренного татарами народа препятствуют царю принять в уважение слова благоразумного старца, который дает царю щит и повелевает всегда носить его на раме [1], уверяя, что поверхность его тотчас потемнеет, если унизится душа его... Царь, с воинством вошедший в Казанские пределы, терпит великие бедствия от зноя, голода, безводия и адских духов, которые вооружили против него и людей и стихии. Часть воинства его приходит от сего в робость; царь, заметив сие, повелевает робким оставить оружие и возвратиться назад. Слова его, оживленные любовию к отечеству, влияли храбрость в души воинов, которые восклицали: «За веру и за тебя мы умереть готовы».

Песнь VIII

Окруженный тьмою бед и погруженный в глубокую печаль, Иоанн при наступлении ночи, с коленопреклонением умоляя бога о защите, в сем положении засыпает легким сном и видит багровое приблизившееся к нему облако, из коего вышло чудное явление: на челе его был светящийся полумесяц, в деснице, простертой к обороне, меч,а в шуйце свиток;оно сидело на пламенном драконе. Царь боялся даже и взглянуть на грозное привидение; между тем при наклонении главы своей видит щит свой померкшим, ужасается и дрожащею рукою извлекает меч на поражение чудовища. Привидение, поднявшись на воздух, снова является царю в виде страшной змии, дышущей пламенем, и грозит ему ужаснейшими бедствиями. После сего предстает пред царя Алей, которого он почитал изменником, оправдывается пред ним в своем проступке и говорит, что в ближайшем лесу ожидает его пустынник. Вместе с Алеем царь приходит в лес, в пустыннике узнает старца, давшего ему щит, и рассказывает о явлении. Старец, объяснив ему видение, говорит, что это было *злочестие* в виде Магомета... Между тем, хваля его мужество, объявляет, что он Вассиан, сосланный отцом его в заточение... После сего берет его за руку и, ведя полем, испещренным цветами, приводит к горе *добродетели*, с вершины которой показывает на небесах храм божий и чертеж вселенныя; потом вводит его во храм и открывает книгу, в коей царь видит будущее.

Песнь IX

Зной солнечный престает, дождь и прохладные ветры, предвещающие благополучное окончание похода, вливают силу в российских воинов, которые, встревожась отсутствием царя, ищут его по лесам и дебрям. Адашев находит Иоанна в лесу, из коего он, провожаемый Алеем, выходит. Кошайцы, мордва и другие около Казани живущие народы приходят к царю с покорностию и подкрепляют изнеможенное российское воинство. Через несколько дней царь приходит в Свияжск. Он посылает в Казань послов, предлагая избирать или мир или брань. Изменник Сагрун, примиривший Османа с Сумбекою, ложно объясняя царице слова, сказанные мужем ее: «Казань остается невредимою, пока пребудет в ней Алей», советует отрубить голову Алею и для спасения Казани зарыть ее под городскими стенами. Алей, узнав о грозящей ему гибели, спасается бегством. Верный наперсник и друг его Гирей ввергается в оковы за побег Алея и осужден на смерть; но Асталон, пришедший на место лобное, избавляет его от гибели. Сагрун поощряет Османа, как нареченного супруга царицы, идти и вопрошать Асталона о причине его пришествия. Сей с презрением хватает за грудь счастливого соперника, бросает его на городскую стену и убивает; потом, обратясь к народу, повелевает донести царице, чтобы она, если хочет спасти себя и царство, в следующее утро с чиновниками пришла к нему в шатер, который велел он разбить на лугу за стенами Казани. Сумбека оплакивает смерть Османа, страшится угроз Асталоновых и хочет умертвить себя. Сагрун, стараясь похитить

[1] На плече.

царскую власть, сопровождаемый двадцатью казанскими воинами, почью крадется в шатер к спящему Асталону и похищает его меч. Асталон пробуждается и, не находя меча, с поспешностью садится на коня своего, которого Сагрун ранит. Асталон хватает его за волосы и уносит с собой; буйный конь, которого рыцарь не мог сдержать, вбегает в реку Казанку и в ней со всадником и пленником погибает. В сие самое время приезжают в Казань царские послы с мирными предложениями, на которые казанцы согласясь, просят трех дней на размышление и в залог верности царю вручают послам свою царицу.

Песнь X

Спящей Сумбеке является ангел, который, объявив ей, что с нею был он при гробах царей и удержал ее кинжал, когда она хотела умертвить себя, предвозвещает падение Казани и повелевает ей с Гиреем и сыном своим идти в Свияжск, где ожидает ее приятная судьбина. Сумбека, пробудясь, прощается со всеми ей любезными и отправляется с послами российскими к Свияжску, где навстречу ей выходит царь, ласково принимает ее и, уверяя в своем дружестве, соизволяет на бракосочетание ее с Алеем, который во всем прощает Сумбеку. Гирей, Алеев друг, лишенный казанцами зрения и окованный, приходит также в Свияжск, представляется царю и объявляет, что неверные казанцы, избрав царем Едигера, князя Орды, кочующей при берегах Каспийского моря, готовятся к отпору. Российское воинство, предводительствуемое самим царем, шествуя через болота, реки и непроходимые поля, приближается к стенам казанским. Царь при воззрении на оные напоминает воинству оскорбления и обиды, коими Россия от Казани была угнетаема; потом повелевает полкам окружить город и для возвещения осады распустить святую хоругвь. Казанцы дерзостью выходят навстречу российским ратникам и с воплем начинают кровавую сечу. Князья Курбский, Пронский, Троекуров, Палецкий и другие, подавая собою пример храбрости, обращают в бегство казанцов, кои, пользуясь темнотою ночи, бегут к стенам своим. На утрие князья Курбский и Палецкий вступают в сражение с воинством персианки Рамиды, пришедшей на помощь к казанцам с тремя любовниками своими; снова кипит брань кровавая. Курбский сражается с Рамидою, получает легкую рану, от чего приходит в ярость, нападает на нее и, мечом своим разрубив ее шлем, ранит ее в голову. Рамида, захватив рукою рану, в беспамятстве бежит к городу; богатыри казанские поспешают за нею. Палецкий, преследуя бегущих, поражает их, но в ярости вбегает в город и попадается в плен.

Песнь XI

Едигер, имея в руках своих князя Палецкого, заключает его в оковы и ввергает в темницу, в следующий же день повелев привести его в такое место, где на одной стороне лежали разные смертоносные орудия, а на другой стояла прекрасная девица с Алкораном в руке, и предлагает ему избирать смерть или жизнь, говоря: «Если останешься в Казани и преклонишь чело твое пред книгою Магомета, будешь обладать прекрасною девицею и получишь свободу; в противном же случае умрешь поносною смертию». Князь Палецкий, безбоязненно взирая на Едигера, ответствует, что лучше изберет смерть, нежели измену царю, закону и отечеству своему. Едигер, разъяренный сим ответом, повелевает мучить Палецкого; но Гидромир, один из любовников Рамиды, исторгает князя из рук мучителей и с бесстрашием говорит казанскому тирану: «Героев не казнят»; после сего снимает с пленника узы и берет с него клятву сразиться с ним в поле. Снова воспламеняется брань между обоими воинствами. Три российские героя сражаются с тремя последователями Рамиды. Казанцы уходят под стены города. В это время российские суда с артиллериею претерпевают кораблекрушение. Царь ободряет войско и между тем, созвав вельможей, сетует о худом успехе подкопа, по совету князя Хилкова определяет выгнать из засек неприятеля и разорить Арский город, к которому с полками его же посылает. Розмысл, неутомимо трудясь над подземною работой, приводит ее к концу и через то отклоняет от Казани течение реки. Три бывшие во граде богатыря, равным пламенем

любви горевшие к Рамиде, сражаются между собою, и когда Гидромир остался победителем Мирседа и Бразина, Рамида пронзает его кинжалом и сама в отчаянии закалается, видя Мирседа бездыханна. Усмотря несчастную погибель богатырей своих, Едигер и казанцы приходят в отчаяние; но Нигрин, чародей, отец Рамиды, подкрепляя их советами, обновляет решимость к продолжению битвы.

Песнь XII

Нигрин, несомый драконами, отправляется к горе Кавказской и приводит с собою в Казань холодную Зиму. Князь Хилков, разорив город Арский, с великою добычею возвращается к воинству. Осаждающие страдают от стужи и холодных ветров. Царь, по совету духовенства, повелевает поднять хоругвь, в коей находилась часть животворящего древа, и водрузить ее в поле для отвращения чародейственной силы; морозы и ветры перестают свирепствовать. Российское воинство приготовляется к главному приступу. Царь, по совету Адашева и Алея, посылает пленного в город с последним предложением о сдаче города; казанцы не хотят ничего слышать и ответствуют царю пущенною со стены стрелою, на которой прикрепили следующую надпись:

«Как древу сей стрелы вовек не процветать,
Так россам царства ввек Орде не уступать...»

«Уступите!» — сказал царь и повелел воинству идти на приступ. Розмысл подал знак зажжением своего подкопа; стена городская взлетела на воздух; князь Курбский с воинством ринулся в пролом; Алей восходит на раскаты, и россияне после отчаянного сопротивления берут город. Едигер покоряется царю и принимает закон христианский. Российские полководцы, в восторге поздравляя царя, принимают и от него приветствия и объемлют друг друга, проливая радостные слезы. Царь сооружает в Казани олтарь и духовенству повелевает воспеть благодарственное богу молебствие.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою от варваров Россию свобожденну,
Попранну власть татар и гордость побежденну,
Движенье древних войск, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.
От круга сих времян спокойствия начало,
Как светлая заря, в России воссияло.
Отверзи, вечность, мне селений тех врата,
Где вся отвержена земная суета;
Где души праведных награду обретают;
Где пышной гордости льстецы не почитают;
Перед усыпанным звездами олтарем,
Где рядом предстоит последний раб с царем;
Где бедный стон и плач, где сильный власть забудет;
Где каждый человек другому равен будет.
Откройся, вечность, мне, да лирою моей
Вниманье услажду народов и царей.
Завеса поднялась... Предстали пред очами
Ирои, светлыми увенченны лучами;
От сих кровавая казанская Луна
Низвергнута во мрак и славы лишена.
О! вы, ликующи теперь в местах небесных,
Во прежних видах мне явитеся телесных:

Еще восточную России древней часть
Заволжских наглых орд обременяла власть;
На наших пленниках гремели там оковы,
Кипели мятежи, рождались бедства новы;
Простерся бледный страх по селам и градам,
Плачевно зрелище изобразилось там:
Во храмах олтари курений не имели,
Умолкло пение, лишь ветры там шумели;
Без действа в поле плуг под тернами лежал,
И пастырь в темный лес от стада убежал.
Выводит солнце день, иль звезды возблистают,
Окровавленную Россию обретают.
Отторженная дщерь от матери, Казань
Из томных рук ее брала позорну дань;
Сей град, российскими врагами сооруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Подняв главу свою, при двух реках стоит,
Отколе на брега шумящей Волги зрит.
Под тенью лесов, меж пестрыми цветами
Поставлен Батыем ко северу вратами,
Чрез кои в сердце он России прибегал,
Селенья пустошил и грады пожигал.
С вершины видя гор убийства и пожары,
Где жили древние российские болгары,
Разженны верою к закону своему;
Казань, поверженна в махометанску тьму,
В слезах на синий дым, на заревы взирала
И руки чрез поля в Россию простирала;
Просила помощи и света от князей,
Которого враги не допускали к ней:
Подвигнуты к странам природным сожаленьем,
Народа своего и воплем и томленьем,
Хранящие закон, к отечеству любовь,
Их князи за народ во бранях лили кровь.
Но как российские Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
И жалы отростив в глухих местах свои,
Вползали паки в грудь России те змии.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба в нем была не потушенна;
Под пеплом крылся огнь и часто возгорал,
Как в бурны Россам дни, он силы собирал;
Неукротимых орд воскресла власть попранна
Во время юности второго Иоанна,
Сей деда храброго венчанный славой внук
Едва не выпустил Казань из слабых рук;
Смутился дух его несчастливым походом,
Где он начальствовал предследующим годом;

Где сам Борей воздвиг противу Россов брань,
Крилами влажными от них закрыв Казань;
Он мрачной тучею и бурями оделся,
Покрытый прахом весь столпом извитым зрелся;
В глухой степи шумел, в лесу дремучем выл,
Крутился между гор, он рвал, шумел, валил,
И волжские струи погнав на тучны бреги,
Подул из хладных уст дожди, морозы, снеги;
Их пламенная кровь не стала Россов греть,
Дабы в наставший год жарчае воскипеть.
В то время юный царь в столицу уклонился,
Где вместо гласа труб забавами пленился.
О! ты, на небесах живущий в тишине,
Прости, великий царь, мою отважность мне,
Что утро дней твоих во тме дерзну представить,
Пресветлый полдень твой тем громче буду славить;
Велик, что бурю ты вкруг царства укротил;
Но больше, что волнам душевным воспретил.
Увидев, что Москва, отринув меч, уснула,
Трепещуща Луна из облак проглянула;
Держаща ненависть отверзтые глаза,
От Волги поднялась, как новая гроза;
Орда, отвергнув страх, оковы разрывала,
Отмщеньем движима, мутилась, бунтовала
И стала воздымать главу и рамена,
Россию утеснять, как в прежни времена;
Сей страшный исполин в Россию прибегает,
Кровавые следы повсюду полагает,
Рукою меч несет, другой звучащу цепь,
Валятся стены вкруг, вздыхает лес и степь.
Уже велением коварныя Сумбеки
В Казане полились российской крови реки,
И пламенник нося, неукротимо зло
Посады в ярости московские пожгло;
В жилища християн с кинжалом казнь вступила,
И кровь страдальческа на небо возопила;
Там плач, уныние, сиротствующих стон;
Но их отечество сей вопль вменяло в сон.
Алчба прикованна корыстей к колеснице,
В российской сеяла уныние столице;
О благе собственном вельможи где рачат,
Там пользы общия законы умолчат;
Москва, разимая погибелию внешной,
От скорбей внутренних являлась безутешной.
Сокрылась истина на время от царя,
Лукавство, сети скрыв и голос претворя,
В лице усердия его очам явилось,
Вошло и день от дня сильнее становилось.

Там лесть явилася в наружной красоте,
Котора во своей природной наготе
Мрачна, как нощь, робка, покорна, тороплива,
Пред сильными низка, пред низким горделива,
Лежащая у ног владетелей земных,
Дабы служити им ко преткновенью их.
Сия природну желчь преобратив во сладость,
В забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгоде ревнующи своей,
Соединилися к стыду державы с ней;
И лесть надежные подпоры получила,
От царского лица невинность отлучила;
Гонима искренность стрелами клеветы
Что делала тогда? В пещеры скралась ты!
Во смутны времена еще вельможи были,
Которые свое отечество любили;
Блистанье счастия они пренебрегли,
При общей гибели не плакать не могли;
Священным двигнуты и долгом и законом,
Стенать и сетовать дерзали перед троном;
Пороков торжество, попранну правду зря,
От лести ограждать осмелились царя;
Вельможи в сединах монарха окружают,
Рыдая, общую напасть изображают:
Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал;
Но царь, то зная сам, их плачу не внимал.
Уныл престольный град! Москва главу склонила,
Печаль ее лице, как нощь, приосенила:
Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста;
Тоскуют вкруг нее прекрасные места;
И горесть, растрепав власы, по граду ходит,
Потупив очи вниз, отчаянье наводит,
Биет себя во грудь, реками слезы льет,
Гражданам стон ее покоя не дает;
В дубравах темнота, печаль в долинах злачных,
Во граде скопища; не слышно песней брачных;
По стогнам светлого не видно торжества,
Единый слышен вопль во храмах божества.
Грызомая внутри болезнью всеминутной,
Являлася Москва воде подобна мутной,
Которая, лишась движенья и прохлад,
Тускнеет, портится и зарождает яд.
Народ отчаянный, гонимый, утомленный,
Как будто в Этне огнь, от вихрей воспаленный,
Лесистые холмы, густые древеса
С поверхности горы бросает в небеса;
Народ возволновал!.. Тогда при буйстве яром
От искры наглый бунт великим стал пожаром,

По стогнам разлился, на торжищах горит,
И заревы Москва плачевных следствий зрит.
Противу тех вельмож мятежники восстали,
Которы строгости царевы подгнетали,
Которы душу в нем старались возмущать,
Дабы при буре сей Россию расхищать.
Два князя Ленские смятенья жертвой были,
Единого из них мятежники убили,
Другий пронырствами от них спастись умел
И новой бурею от трона восшумел:
И се простерся мрак густый над царским домом,
И раздраженна власть вооружилась громом;
Разила тех мужей, разила те места,
Где правда отверзать осмелилась уста.
Поборники забав награды получали,
А верные сыны, восплакав, замолчали.
  Россия, прежнюю утратив красоту
И видя вкруг себя раздор и пустоту,
Везде уныние, болезнь в груди столицы,
Набегом дерзких орд стесненные границы,
Под сенью роскошей колеблющийся трон,
В чужом владении Двину, Днепр, Волгу, Дон
И приближение встречая вечной ночи,
Бросает к небесам заплаканные очи;
К царю земных царей, всех тварей ко отцу,
Колена преклонив, прибегла ко творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показав Москву окровавлённу,
Другою вкруг нее слиянно море зла,
Взрыдала и рещи ни слова не могла.

1779

Ф. А. ЭМИН

(1735—1770)

Федор Александрович Эмин, вероятно, родился на Украине, затем в течение нескольких лет жил за границей, странствовал по Европе, Азии и Африке, принял магометанство, в конце 50-х годов перешел снова в православие, в 1761 г. приехал в Петербург, где проявил исключительно энергичную деятельность: работал преподавателем, переводчиком, развернул широкую литературную деятельность. Он переводил и издавал авантюрные романы — «Бесчастный Флоридор», «Награжденная постоянность» и др., печатал оригинальные романы: «Непостоянная фортуна или поведение Мирамонда» и др., из которых самым значительным был эпистолярный роман с чертами сентиментального направления — «Письма Ернеста и Доравры» (1766). В 1769 г. Эмин издавал сатирический журнал «Адская почта», примыкавший до известной степени по своему направлению к журналу Новикова «Трутень».

ПИСЬМА ЕРНЕСТА И ДОРАВРЫ

(Отрывки из романа.)

Содержание:

[В романе описывается несчастная любовь Ернеста и Доравры. Их разделяло неравенство в состоянии: герой романа был беден, а героиня богата. У влюбленных друг в друга Ернеста и Доравры зарождается надежда на устранение этой преграды: Ернест получил пост секретаря в посольстве; но неожиданно появляется новое препятствие к супружескому союзу Ернеста и Доравры — приезжает жена Ернеста, считавшаяся умершей. Развязка романа такова: по настоянию отца Доравра выходит замуж. Прошло несколько лет. Муж Доравры умирает, но она разлюбила Ернеста, выходит замуж за другого. Ернест безутешно тоскует.]

ЧАСТЬ I

Письмо 1

От Ернеста к Доравре

Большую часть цветущих моих лет препровед в беспрестанных злоключениях, наконец, прибыл я в сей град, надеясь в оном желанное сыскать спокойствие. Но когда несчастных надежда совершается? Без сродственников, без друзей и без благодетелей бедному человеку везде жить горестно и едва сносно до тех пор, доколе

его способность не отворит ему пути к началу какого-либо благополучия. Признаюсь искренно, что временем я роптал противу лютости моего рока; иногда безрассудно порочил и ту землю, в которой не мог получить того, чего желал; а иногда, извиняя землю, гнушался народом, чужих несчастий не чувствующим. Такое безумие свойственно почти всем изрядно воспитанным, просвещенным и после того несчастливым людям. Они, находя в себе некоторые достоинства и в горчайшем бедствии погруженны, к высочайшей благополучия степени мысли свои воздвигают; а когда их намерения вожделенных не имеют успехов, тогда ропщут противу своей участи, противу земли, в которой пребывают, и противу народа, с которым обращаются. Какие странные и противные разуму и в просвещенном человеке нетерпеливость производит рассуждения! За что виня ненавидеть народ, о нашей честности, достоинствах, намерениях и способности ничего не знающий? Мало ли было таких нечестивых и по всему свету скитающихся обманщиков, кои, чрез дерзость свою получа великие благодеяния, наконец, неблагодарностию, а чаще того бездельством привели в раскаяние благодетелей, им, недостойным, всевозможное вспоможение оказавших? Виноват ли тому народ, ежели и праведным теперь не скоро верить начинает, будучи толикократно лжецами обманут, а особливо в такое время, когда и истина часто ей неприличную на святое свое лицо ухищренного притворства надевает маску?

Такие рассуждения, притом привычка к злополучию, способствовали мне терпеливо сносить бедность, от недостатка происходящую. Тогда я начал позабывать мое рождение, мое воспитание и счастие, к которому мне казалось, что рождение меня назначило; рассуждал беспрестанно, что хотя природа нас почитает за законных своего настоящего благополучия наследников, однако всею природою властвующая судьба часто ее опровергает право, делает то, что ей угодно, препоручая чужое счастие бедному, а чужую бедность счастливому. Все сии рассуждения укрощали лютость бедствия моего, и я по нужде начал философствовать; принял намерение включить себя во общество нижайшей степени, думая, что чем меньшим буду во обществе человеком, тем больше нужного к пропитанию моему сыскать могу и буду жить спокойно. Такое мое намерение весьма было скоропостижное, и весьма скоро я оное исполнил, сделавшись слугою некоторого господина; но еще скорее оно начало меня делать несчастным в той жизни, которую я прежде почел за спокойную. Не трогало меня то, что я отправлял самую грубую работу; но не мог я без внутреннего страстей волнения слушать частой брани, ни природе, ниже тогдашнему моему состоянию приличной потому, что я ни в чем пред моим господином не был виноват, разве в том, что я был слуга, а он господин.

Тогда я узнал, что благородно воспитанный человек не скоро позабудет о том, чем он был прежде, и что никогда меж подлостию,

сколько бы беден не был, спокойно жить не может. Надобно родиться земледельцом, чтоб оную всем философам завидную жизнь препровождать спокойно; но знатного к оной жизни несчастием приведенного человека не увеселят журчащие чрез чистые камни и из прозрачных родников проистекающие воды. Зеленые луга, разными цветами распещренные поля, густые и тихие дубравы, где поселянина ни зной солнечный, ни жестокость ветров беспокоить не может, не могут ему быть уютным местом, блеяние невинных овец слуху его противно, и чистое млеко, нежнейшая всех пастухов и пастушек пища, лишь возмутит желудок его. Куда ни обратится, везде находит уныние. Мысли его к прежнему счастливому состоянию стремятся, и то, что другие называют приятностию сельскою, он почитает за горчайшее в своей жизни злополучие. Причиною тому наше самолюбие, которое когда вкоренилось в нашу природу, то его весьма из оной истребить нелегко. Оставя моего сердитого господина, нанял я угол в слободе за городом, при реке построенной. Купил уду, ловливал рыбу и тем образом кормился несколько дней.

Наступил месяц апрель. От жестокости морозов освобожденные древеса процветать начали; ветви раскинули свои листочки, и мое восцвело благополучие, жестокою судьбою прежде сего замороженное. Я принят в царскую службу с благопристойным чином и с соответственным оному жалованьем; имел случай узнать вашего родителя и увидеть вас. Но как скоро глаза мои с вашими встретились взорами, в ту самую минуту стали видеть прозрачнее; ибо прежде того никого они так ясно, как вас, не видели. Вы, просветя мой зрак, просветили и разум, и он узнал, что нашел в вас такую важность, которая всех его прежних примечаний была достойнее. Разум, согласясь со глазами, сообщил нечто такое и сердцу, которое вдруг встревожилось, встрепетало, заныло, несколько испустило вздохов и в сем горестном и поныне находится состоянии. Не знаете ли, государыня, какая то болезнь, которую взоры ваши мне причинили? Очей ваших собственность вам должна быть известна. И естьли имя вами мне причиненной болезни вам известно, то не знаете ли и средства к излечению оной?

Письмо 2

От Доравры

Вчера осмелилась я спросить, какие причины в наше государство вас принесли. Но приметила в вашем рассказывании такую осторожность, которая истине не всегда привычна бывает. Однако я о точности ваших речей не сомневаюсь и сомневаться не должна, то только вам скажу, что в письме вашем случившиеся вам в здешнем городе обстоятельства описаны яснее, вероятнее и чувствительнее. Описание вашей здешней истории наполнено нравоучительными и разум ваш изъясняющими рассуждениями, почему я ваше

письмо прочла два или три раза. Крайне сожалею, что взор мой вам, не знаю, какую-то причинил болезнь, и естьли вы сами не знаете, чем больны, то как меня о имени вашей немощи спрашивать можете? Лекарь не может лечить больного до тех пор, пока не узнает причины его болезни, будьте ж уверены, что я ни назвать, ни лечить вашей немощи не умею; но скажу вам, каким образом вы поступать должны. Надобно убегать того, что раз сделается нашего зла причиною. Я сама буду всеми силами стараться, чтоб на вас не смотреть, когда взоры мои вам столько опасны.

Письмо 5

К Доравре

Смертию я бы загладил мою дерзость, естьли бы любил другую, а не Доравру. Но кто полюбит сию всеми святыми добродетелями наполненную особу, того сердце подлым никогда сделаться не может, ибо слабому то свойственно духу, чтоб отчаянием прекращать свое мучение; но сердце, отважившееся обожать Доравру, должно иметь в себе больше крепости и постоянства. Внимай, внимай, святилище добродетели, храм вежливости, любезная Доравра, несчастного любовника намерение, которого долговременное ваше молчание и холодное со мной обхождение причиною. Когда вы одним только меня за мою любовь наградили письмом, то сделали для того, чтоб несчастие мое учинить бесконечным. Пойду отселе в отдаленные страны; зароюсь в дикую пещеру, и письмо ваше, которое никогда не отнесу от моих глаз, будет мне книгою всех уставов. В оной будет написана моя судьба. В оной начертано прошедшее, настоящее и будущее мое злополучие, и с нею я, несчастный, войду во врата вечности.

Я ощущаю тягость вашего негодования больше, нежели силы мои оного снести могут. Но поверь, прекрасная Доравра, естество пречистое, что я не ропщу против назначенного мне вами наказания. Свою ошибку узнав, на смерть правосудием осужденный виновник унижается пред определением, у него жизнь отнимающим; с почтением наклоняет свою шею под смертоносный меч и без роптания встречает ту смерть, которая навеки с дражайшею его разлучает жизнию. Толикая освященной справедливости есть сила, что и жизнь от оной теряющие правосудие благоговейно почитают. Подобным образом и я почтенно, униженно и благоговейно твое за мою дерзость почитаю истязание. Иду из сего града, куда мне покажет дорогу лютость моего рока. Пролив обильные слезы, оставлю сии места, в которых жизнь души моей остается. Прости, обладательница моей природы, дерзость мою, в коей я признался и за которую уже строжайше, но справедливо наказан. Не негодуй на меня, беспримерная красота, пример вежливости и добродетели. Забудь вину мою, и знай, что пожирающая меня любовь наказания, но не презрения достойна. На осужденного

на смерть никто не гневается; все о нем сожалеют; и ты, небесная краса, последуя светскому правосудию, сожалей о несчастном, от которого последнее сие получаешь письмо, который тебя больше ничем огорчить не может и который идет на вечное заточение, неся с собою лютейшую о твоих приятностях память, коя бесконечно все его мысли, все чувства и всю природу мучить не престанет. Уже корабль, с которым отселе удаляюсь, к пути приготовляется. Возрадовался кормчий, что путь, от которого он своей корысти надеется, уже перед носом его корабля. Все мореплаватели охотно в своей упражняются работе; один я, на брегу стоя, всеми моими страстьми мятуся; дрожу от страха, чтоб сего дни от сего не удалиться града. Куда ни брошу мысль свою, везде встречает она горесть. Предо мною вечная и ужасная с душою души моей разлука, за мною презрение чистейшей склонности, которая ничего иного мне не обещает, кроме беспрестанного томления. О ты, жестокая судьба! Влеки меня отселе поскорее в неизвестные страны! Ты, неудачливая любовь, товарищ моего несчастия, повсюду за мной следуй и соверши то зло, которое я теперь при отъезде моем ощущать начинаю!

ЧАСТЬ III

Письмо 1

От Ипполита к Ернесту

...Приезжай к нам, любезный Ернест; соверши наше счастие твоим прибытием...

Здесь природа в нежных своих цветах и в зеленых листочках являет свою веселость и живость; здесь розы, зря нас, ими любующихся, как будто стыдясь, краснеют; а приятные лилии, которые не так, как розы, приятный имеют вид, видя их природную стыдливость, как будто в нежном своем цвете приятную являют улыбку. Овощи наших садов лучше нас довольствуют, нежели приятнейшие и искусно заправленные пищи, на великолепных столах употребляемые. Здесь приятный зефир, как будто свое имея жилище, с разными обнимается цветочками и свобождает оные от зноя солнечного. Приятное пение невинных птиц служит нам вместо музыки, которую не каждый иметь может и которая не каждого веселит. Здесь каждый знает, чем веселиться; время трудов и отдохновения здесь каждому известно, здесь согласие, счастливейший в человеческой жизни случай, никакими преткновениями тревожно не бывает. Трудолюбивый земледелец, не часами, биющими па стене, ниже докукою служителей, но сиянием зари пробуждаем, готовится к своим трудам. Жена и дети его ему все нужное приготовляют, и он не знает того беспорядка, которым великолепные домы, множественными наполненные служителями, подвержены бывают. Соха, которая высасывает пот из его чела,

не только его не беспокоит, но только веселит, что оный часто жалуется мысленно на краткость дня, его с оною разлучающего, и к вечеру смотрит на солнце, как будто на оное жалуясь, что прекращает его работу, от которой он своего счастия надеется. Ежели ж в полдень солнце силою своего жару его сбеспокоит, тогда он удаляется в густые кустарники, которых здесь везде очень много, и в оных отдыхает толь спокойно, что солнце, ни своим жаром, ниже своими лучами, по причине великой оных кустарников густоты, его достать не могут. В оной приятной тени он обедает, зеленая трава ему служит вместо скатерти; простая пища, а часто и сухой хлеб больше ему приятны, нежели смаковитые пищи. Из прозрачных источников протекающие чистые воды приятнее ему дорогих напитков. Отобедав, принимается он опять за свою работу, трудится с великим удовольствием, воспевает разные песни в то время, когда в великом граде живущий вельможа, будучи насыщен смаковитыми пищами и дорогими напитками, отдыхает после обеда на мягком пухе и, лежа на оном, мучится своими страстями: иной, что желанной особы видеть не может, другой, что его сверстник благополучнее живет, нежели он; а иной сам не знает, какая причина его беспокойства, и посреди великолепия ищет своей тоски. О, счастливая сельская жизнь, которая подобных беспокойств не знает! Счастливые и те жители, которых небо, к великолепию не назначив, довольствует и веселит оных собственными их трудами. Но не думай, любезный Ернест, чтоб и меж сельскими жителями не было несчастных. Счастливые те, которые под повелениями совестных своих господ находятся и с которыми их владетели живут вместе. Такие жители всеми своими силами стараются угождать с величайшим усердием своим господам, а господа, видя их усердие и труды и от оных рождающуюся свою пользу, любят своих подданных и оных не отягощают. Но сколько несчастливее те бедняки, которые судьбою достались во власть таким людям, которые не только не знают, что есть добрый крестьянин, но и того не разумеют, что есть человек? Иной из них, получа после отца своего великие деревни в наследие и вдавшись в мотовство, разоряет вконец своих мужиков, так, что они ни ему, ни себе полезны быть не могут. Многих я видел бессовестных наших соседов, которые, не веря своему управителю в том, что уже с мужиков ему взять нечего, сами приезжали в свои деревни и мучили бедных своих крестьян беспрестанными побоями для того, чтоб они от оных откупались деньгами. Таких помещиков я почитал за тиранов...

1766

М. Д. ЧУЛКОВ
(1743—1792)

Михаил Дмитриевич Чулков — писатель-разночинец, выходец из демократических низов. Сам Чулков называл себя «мелкотравчатым сочинителем». Точных сведений об его биографии не имеется. Родился он около 1743 г., умер в 1792 г. Учился Чулков в «нижней» гимназии при Московском университете, но окончил ли он гимназию, неизвестно.

С 1761 г. по 1765 г. он состоял актером придворного театра. Видимо, профессия актера не далась Чулкову, так как в 1765 г. он сам заявил, что продолжать службу в театре «охоты не имеет».

В 1765—1766 гг. Чулков — придворный лакей, в 1769—1770 гг. он издатель и журналист, с 1772 г. и до конца жизни Чулков — чиновник сначала коммерц-коллегии, затем сената; медленно поднимается он по служебной лестнице и лишь под конец жизни (в 1789 г.) получает чин надворного советника.

М. Д. Чулков

Чулков — один из плодовитых и трудолюбивых деятелей в области культуры и литературы XVIII в., им напечатаны десятки томов по различным отраслям знания.

В 1766—1768 гг. Чулков печатает в четырех частях сборник «Пересмешник или славенские сказки», в 1767 г. — «Краткий мифологический словарь»; в 1769 г. издает журнал «И то и сио», в 1770 г. — журнал «Парнасский щепетильник», печатает авантюрно-бытовой роман «Пригожая повариха»; в 1774 г. заканчивает печатание «Собрания разных песен»; в 1781—1788 гг. Чулков печатает огромный труд «Историческое описание российской коммерции» (21 том). Не покидает Чулков и работы в области литературы, этнографии: в 1782 г. издает этнографический сборник «Словарь русских суеверий», в 1789 г. переиздает «Пересмешник» с добавлением пятой части, в 1786 г. переиздает с дополнениями и исправлениями «Словарь русских суеверий» под другим названием — «Абевега русских суеве-

рий». Чулкову принадлежит большое количество разных сочинений, не напечатанных при его жизни и лишь частично сохранившихся: «Проект трактата между европейскими государствами для вечного истребления в Европе войны», «Самозванец Гришка Отрепьев» — сатирическая поэма в девяти песнях, комедия «Как хочешь назови» и др.

Чулков — наиболее характерный писатель-разночинец XVIII в.

Чулков прекрасно знал бесправие и бедствия народных низов, он и сам большую часть своей жизни провел в большой нужде; однако у Чулкова нет острых политических выступлений, у него нехватило мужества для того, чтобы примкнуть к Новикову во время его полемики с Екатериной.

В то же время нужно отметить, что через все литературно-художественные произведения Чулкова проходят антидворянские настроения и сочувствие угнетенным низам, маленькому человеку.

С самого начала своей литературной деятельности Чулков резко критически относился к современной ему дворянской классической поэзии.

Чулкова тянуло к изображению жизни, быта обыкновенных, простых людей, а отсюда — реалистические картины, образы, реалистическая направленность в изображении современной ему жизни.

В «Пересмешнике» выведен большой круг действующих лиц — это представители дворян-помещиков, чиновничества, духовенства, купечества,— и все они наделены резко отрицательными чертами. Симпатии Чулкова на стороне «маленьких людей» — бедной старухи-крестьянки, наивной, суеверной, жестоко обманутой проходимцем-монахом, беззащитного бедняка-крестьянина Сысоя Дурносопова. В «Пригожей поварихе» главная героиня произведения — солдатская вдова, мещанка Мартона — жертва тогдашних социальных порядков. «Пересмешник» и «Пригожая повариха» насыщены многочисленными бытовыми сценами, картинами. Чулков изображал быт натуралистически, к типическим обобщениям он подходил редко.

Очень помогало Чулкову при изображении жизни простых людей широкое использование им народной песни, пословиц, поговорок, народной речи. К этому нужно добавить и широкую осведомленность Чулкова в народных обычаях, преданиях, сказаниях.

«Пересмешник», «Пригожая повариха» Чулкова попали «на вкус мещан», дворянское общество относилось к этим произведениям свысока, как к недостойным внимания, но их зато с увлечением читали грамотные люди из мещанства, крестьянства, читали и «зачитывали» их.

Чулков своею деятельностью содействовал росту в массах интереса к чтению, а также прокладывал путь к развитию русской художественной прозы.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА
ИЛИ ПОХОЖДЕНИЕ РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

ЧАСТЬ I

(В сокращении.)

Его Высокопревосходительству действительному камергеру и разных орденов кавалеру

Премногомилосердному моему государю

Здесь имени его не будет по причине той, чтоб не ошибиться. Книги приписываются людям, смотря по содержанию их и по сложению тех людей, кому они приносятся. Я же видал весьма много таких книг, которые приносилися знатным господам, но вместо того, чтобы добродетели их увеличить, вослужили они им сатирою. Так как бы кто желая похвалить своего мецената, но не зная в похвалах толку и умеренности, весьма нелепо его выругал. И так, опасаяся сего, и сверьх тово не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титул же высокопревосходительства

украшает человека, того ради и я поставил его для украшения моей книги, однако не высокопревосходительством желая ее украсить, но теми только буквами, из которых слово сие набрано и напечатано; а следующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродетельному господину генералу, камергеру и кавалеру, которого изрядные качества, снисхождения и милости выхвалять от искреннего моего сердца неусыпно желаю.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!

Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и приписуемая вам сия мною книга сделана из тлена. Все на свете коловратно; итак, книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выдет у всех из памяти. Человек родится на свете обозрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, которой ее хвалил или порочил.

Под видом и под названием книги желание мое препоручить самово себя под покровительство вашего высокопревосходительства: желание общее всех людей, которые не имеют у себя царских портретов. Производятся люди достойные, следовательно разум, добродетели и снисхождения ваши возвели вас на сию высокую степень. Вам сродно оказывать милости неимущим, а я удобен заслуживать оные со всяким усердием. Кто же вы таков, о том узнает общество тогда, когда будет иметь счастие пользоваться вашими благодеяниями.

Вашего Высокопревосходительства
милостивого государя
нижайший слуга,
Сочинитель сея книжки.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Ни звери, ни скоты наук не разумеют,
Ни рыбы, ни гады читати не умеют,
Не спорят о стихах между собою мухи
И все летающие духи.
Ни прозой, ни стихом они не говорят,
Так стало, что они и в книгу не глядят.
По сей причине зримой
Читатель мой любимой,
Конечно, будет человек,
Который весь свой век
В науках и делах трудится
И выше облака понятием мостится,
И будто бы тово он в мыслях не имел,
Что разуму ево и воле есть предел.
Всех тварей оставляю,
К тебе, о человек! я речь мою склоняю,
Ты чтец,
Делец,
Писец,
И, словом, вымолвить ты много разумеешь,
Вверх дном ты книги взять, конечно, не умеешь,
А станешь с головы рассматривать ее
И будешь видеть в ней искусство все мое,
Погрешности мои все в оной находи,
Но только ты, мой друг, не строго их суди,
Ошибки сродны нам, а слабости приличны,
Погрешности творить все смертные обычны.

С начала века мы хотя в науках бродим,
Однако мудреца такова не находим,
Который бы в весь век ошибки не имел,
Хотя бы он к тому и танцовать умел,
А я не поучен ни в дудку, ни плясать,
Так следовательно могу и промах дать.

Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвеся мои дела, пускай наименует меня, какою он изволит.

Известно всем, что получили мы победу под Полтавою, на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалась мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людскова, и не могла приискать себе места, и так сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют.

В самое это время наследила я сию пословицу: «*Шей де, вдова, широки рукава, было бы куда класть небыльные слова*». Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

Все обо мне переговаривали, винили и порочили меня тем, чего я совсем не знала. Таким образом ударилася было я в слезы; но честная старушка, которая известна была всему городу Киеву, ибо в оном я тогда находилась, взяла меня под свое покровительство и столько сожалела о моем несчастии, что на другой день поутру сыскала молодова и статного человека для моего увеселения. Сперва показалася было я упорною, но через два дни охотно предприяла следовать ее советам и позабыла совсем свою печаль, которую чувствовала я невступно две недели по кончине моего супруга. Сей человек был больше молод, нежели хорош, а я пригожа довольно, а «*на красниънкой цветочек и пчелка летит*». Он был дворецкой некоторого господина и тратил деньги без остановки потому, что они были прямо господские, а не ево собственные. Таким образом были они доказательством любви ево ко мне и служили вечным залогом. В скором времени почти весь гостиной двор узнал, что я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибывало имение.

Я твердо знала сию пословицу, что «*богатство рождает честь*». Итак, наняла себе служанку и начала быть госпожою. Умела ли я людьми командовать или нет, о том и сама не знаю, да мне и не было тогда нужды входить в такую мелочь, а довольно тово, что я ни за что сама приняться не хотела и ехала на моей служанке так, как дурак на осле. Господин камердинер и сам желал не

меньше меня господствовать, того ради нанял мальчишку, чтоб оной прислуживал ему, когда беседует он у меня, а у меня бывал он безвыходно, следовательно, господство наше ни на минуту не прерывалось, и мы кричали на слуг так, как на своих собственных, били их и бранили, сколько нам угодно было, по пословице: «*на что этова боля, когда дураку есть воля*». Да мы же поступали так, что «*били дубьем, а платили рублем*».

Чем больше имеет убранства женщина, тем больше бывает в ней охоты прохаживаться по городу, и оттово наши сестры многие портятся и попадают под худые следствия. Я была довольна всем, и всякой ясной день бывала на гульбищах, многие меня узнали и многие хотели завести со мною знакомство.

Некогда близко полуночи стучался у наших ворот человек, который не столько просился, а больше хотел вломиться силою. Мы бы его и не пустили, однако силы нашей недоставало, а господина камердинера у нас тогда не было: таким образом послала я слугу отпирать, старуха моя готовилася ево встретить, а я тогда спряталася и думала, что не Парис ли приехал за Еленою по причине той, что я была завидная женщина в том городе; или, по крайней мере, так о себе думала.

Отперли им ворота, и вошли они в горницу двое, один казался из них слугою, а другой господин, хотя и одет был похуже первого. Не говоря ни слова, сел он за стол и, немного посидя, вынял табакерку, осыпанную алмазами. Старуха моя тотчас ее обозрела, от чево трусость ее переменилася в радость, и перестала она сих людей почитать неприятелями нашего рода. Молодой этот и пригожей человек спрашивал у нее, не здесь ли живет Мартона, а так называлася я, на что отвечала она, — я етова не знаю, а спрошу у моего хозяина. И так, прибежавши ко мне, говорила, чтобы я им показалась, и что золотая табакерка уверила ее о некотором счастии, и притом примолвила сию пословицу: «*аз не без глаз, про себя вижу*». В таких случаях и я была не промах, и, к счастию моему, что я не была еще тогда раздета, таким образом, появилася к новому моему Адониду с торжественным лицом и благородною пошибкою, и правду сказать, что принята им была хотя не за Венеру, однако за посредственную богиню, по приговорке: «*по платью встречают, а по уму провожают*». В самой первой раз показался он мне столько нежен, что в угодность ево охотно бы я бросила камердинера, а как подарил он мне ту табакерку, то уже мне и подло показалось иметь сообщение с холопом. По золотому с алмазами подарку заключила я, что сей человек не простова роду, в чем и не ошиблась. Он был господин, и господин не последней. Первое сие свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт: он торговал мои прелести, а я уступала ему оные за приличную цену, и обязалися мы потом расписками, в которых была посредником любовь, а содержательница моя свидетелем; а как такие контракты не объявляются никогда в полиции, то остался он у нас и без всякого приказного

порядка ненарушимым. Господин положил посещать меня часто, а я обещалася принимать ево во всякое время и так с тем расстались.

По выходе ево, не столько радовалася Венера данному ей яблоку, сколько любовалася я подаренной мне табакеркою. Перевертывала я ее в руках, сколько хотела, казала со сто раз старухе, слуге, служанке, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою и все примеры делала сю. А когда чрезвычайная сия радость позволила успокоить мне взбешенной от подарка разум и утомленные от неумеренного кривляния члены, тогда положила я ее против кровати на столике и уснула; но впрочем и во сне живо она представлялася передо мною по пословице: *«кто нового не видал, тот и поношенному рад»*. Правду сказать, что табакерка была несколько пообита; но для меня казалася она нова, ибо я отроду таких вещей у себя не имела и иметь их никогда не надеялась.

В десятом часу по полуночи пожаловал ко мне прежней мой волокита; признаюсь, что так скоро отбоярить ево совесть меня зазрела, а не желая иметь с ним компании, притворилася я больною; а любезной для меня подарок позабыла снять со столика, и как скоро он его увидел, то, взяв в руку и посмотря несколько, спрашивал меня, где я взяла такую вещь; я ему сказала, что я купила. — Постой, моя государыня, — говорил он мне: я с тобой инаково переделаюся. Табакерка ета моево господина, и он вчерась только ее проиграл в карты, как сам мне о том сказал, так скоро купить тебе ее негде, и она тебе подарена каким-нибудь мотом, то это станется. Я по сих пор думал, что я один только знаком тебе, а теперь вижу, что и весь город посещает тебя по очереди. Я тотчас покажу всем, сколько ты великолепна, теперь же пойду и, приведя лошадей, оберу тебя до нитки, наживай от инова, а мое возврати все до капли. — Выговорив сие, он ушел и оставил меня в ужасном страхе; мы не знали, что тогда делать, бежать нам было некуда, а защитить нас было некому; ибо у таких людей, какова была я тогда, приятелей не бывает, причиною тому неумеренная наша гордость. И так положили ждать непременного несчастия и расставания с нашим господством. На нового любовника еще я столько не надеялась и думала, что когда увидит он меня бедною, то, конечно, бросит. Всякое предвещание тогда для нас было худо, и я бы согласилась тогда лучше умереть, нежели расстаться с моим имением, столько то я ево почитала и любила.

С полчаса времени спустя пришел ко мне новой любовник к пущему моему несчастию; что мне должно было делать? Я была тогда вся в беспорядке, погибель ко мне приближалася, и еще новой человек должен быть свидетелем несчастия моего и ругательства. Увидев меня в слезах, привязался он ко мне и начал меня спрашивать; я ему ничево не отвечала и бросилась в постелю. В самое то время вошел камердинер во двор и, идучи в горницу, кричал: я с тобою переделаюсь! — Но, увидев стоящего у кровати

моей человека, схватил с головы своей шляпу и очень струсил, так что не мог говорить больше ни слова. Новой мой любовник спрашивал его, с кем он поссорился и зачем зашел в такое место. Трусость ево не дозволяла ему хорошенько изъясниться, и так солгал он раза два или три без правил, а как господин закричал ему, чтобы он пошел домой, то тем дело и кончилось.

В одну минуту, как превеликая гора с плеч моих свалила, и мне казалось, что ужасная туча бед моих так скоро пробежала, что не успела закрыть и солнца. Не трудно мне было разобрать, что променяла я слугу на господина, и узнала совершенно, что гнев камердинеров в то время не опасен, когда ево же господин держит мою сторону. Мне надобно было совсем переодеться, то-есть перевернуться из страха в несказанную радость, а как я часто читывала книжку «*Бабьи увертки*» и прилежала, чтоб научиться им, то превращение сие казалось мне не весьма мудреным. Начала я помаленьку охать так, как будто бы еще училась в случае нужды разнемогаться, и сказала Светону, так назывался мой любовник, что сделался мне некоторой припадок. Тут-то узнала я благосклонность ево ко мне и рачение. В одну минуту послал за лекарем, которой хотя и приехал, однако совсем мне был ненадобен, а господин Светон и одним словом удобен был исцелить меня от самой сильной горячки. С этих пор определил он мне двух человек своих собственных к моим услугам, прислал мне в тот же день серебряной сервиз иль попросту посуду; и в самой первой раз, как села я кушать с моею старухою, которая, правду выговорить, не умела сесть к ставцу лицом и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее посмысленнее, то выговорила про себя сию пословицу: «*доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал*». Счастие никому не дает отчету в своих делах, вольно ему пожаловать и осла губернатором, а филина произвести в воеводские товарищи.

Адонид мой был человек светской и знал действительно, как поступается в делах любовных. Поутру прислал ко мне своего камердинера, а моего прежнего полюбовника, — чево он не ведал, — с подарками. Опой привез мне целую ношу женских уборов и кланялся мне так, как госпоже, а не так, как своей любовнице, и когда я просила ево, чтобы он сел, то отвечал он мне весьма учтиво, что этой чести для нево очень много. Чудно мне было очень, что одна ночь сделала меня госпожою и повелительницею над моим прежде бывшим командиром. Приняла я подарки с важным и благородным видом так, как надлежит любовнице знатного господина, и, вынев из кармана полуимпериал, дала ево камердинеру, которой принял у меня и вздохнул весьма от чистого сердца, потом просил, чтобы я выслушала у нево нечто наедине, и когда вышли мы в другую комнату, то стал он передо мною на колени и говорил следующее: Государыня моя! теперь я уже не тот, которой намерен был обобрать у вас все, я вам все уступаю, владейте им по пословице: «*деньги железо, платье тлен; но кожа всево нам до-*

роже». Прошу вас об одной только милости, не сказывайте моему господину, что я был вам знаком, а в благодарность за это я буду держать вашу сторону и помогу вам раззорять ево до конца. Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показалось мне негодным. Впрочем, добродетель мне была и издали незнакома, итак, в двух словах согласилися мы с прежним моим любовником проматывать ево господина; однако не удалося нам произвести намерения нашего в действо, по пословице: «*не всегда де коту масленица, бывает и великий пост*». А что воспрепятствовало, то можно увидеть далее, ежели господин читатель не скучил еще читать мое похождение.

С неделю времени наслаждалася я венериным достоинством и не променяла бы участи моей ни на какое сокровище в свете; но как всем известно, что счастие недолговечно и нет ничево ево непостояннее, то фортуна моя поскользнулась и пошла совсем уже другим порядком. Светон получил письмо от отца, которой писал ему, чтобы он весьма скоро был по причине той, что отец ево чувствовал себя гораздо слабым и отчаянным сей жизни. Письмо сие привело в такую задумчивость моего любовника, что он не знал, что со мною делать; отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мною превосходило оную несказанно. Нежности любовные уступили на время место выдумкам; оные начиналися о мне, о мне и кончалися, я была предметом Светонова беспокойства, и я одна утешала ево в сей печали, и он бы охотно желал лишиться отца, только бы не разлучиться со мною.

«*Доброй конь не без седока, а честной человек не без друга*». Сосед Светонов, видя ево в великой печали, предложил ему такое средство: Светону ехать со мною вместе и, привезя меня, оставить в ево деревне, которая от Светоновых деревень отстоит только шестью верстами; а он отпишет к своему брату о принятии меня и о угощении и назовет меня близкою жениною роднею, и что Светон может посещать меня тамо, когда он изволит, без всякого помешательства. Как предложено, так и сделано, и за такую хорошую выдумку подарил любовник мой соседу своему перстень ценою в пятьсот рублев. В тот же самой день собрались мы и поехали. Питомица моя не хотела за мною следовать, итак, оставила я ее на своем месте и наградила столько щедро, сколько надобно было любовнице знатного господина; а рассталася с нею без слез; ибо я не знала, что то есть на свете благодарность, и о том ни от ково не слыхивала, а думала, что и без нее прожить на свете возможно.

В средине нашего пути объявил мне Светон, что он женат, и женился недавно, и уверил меня, что жены своей не любит, причина тому, что родители часто женят своих детей не на тех, ково захотят дети, но условливаются сами между собою и приневоливают к тому детей, отчево редко бывает согласие между мужем и женою. Светон уверял меня, что так же и с ним поступлено; однако

ведомость сия стоила мне добрых пилюль, и от тово я в два дни так похудела, как будто бы с месяц лежала в горячке. Я не грустила о том, что лишуся моего любовника, но боялася я нéчево, которое гораздо пострашнее было любовной разлуки. Я бы могла или чувствовала себя способною в один день перенести три разлучения с любовником, нежели один такой прием, которым потчивают благородные жены нашу братью за похищение их мужей; а сердце мое прямо предчувствовало такую бурю, и я бы охотно согласилась назад воротиться, нежели следовать за Светоном, но он, любя меня, к несчастью моему, весьма много, не хотел о том и слышать и уговаривал меня, что жена должна ему повиноваться и принимать все то за хорошее, что только ему угодно.

Такая песня была бы мне приятна в городе, но тут чем ближе подъезжала я к деревне, тем больше страх во мне час от часу умножался, по пословице: «*знает де кошка, чье мясо она съела*». Наконец, привезли меня в назначенное мне место, где принята была я с великой радостию, ибо брат тово, которой писал письмо, подумал и в подлинну, что я жены ево родня. Таким образом, поблагодарила я Светона, что он делал мне товарищество в дороге, и осталась тут всем довольною.

На другой день поутру еще не успело рассвенуть, любовник мой пожаловал ко мне для посещения, он меня чрезвычайно обрадовал, сказав, что отец ево совсем выздоровел, и что мы очень скоро опять отправимся в город. — Жена моя хочет со мною ехать, говорил он мне еще, но это так немудрено переделать, как дважды два четыре, и она опять останется здесь. — Таким образом, готовяся опять в дорогу, имели весьма нередкое свидание, и правду сказать, что господин Светон больше находился со мною, нежели был дома, что и сделалося, наконец, причиною моего несчастия.

Супруга не умедлила подозревать своего сожителя и, уведав от людей, хотя и накрепко им было заказано сказывать о моем пребывании, послала она за хозяином тово дома, в котором я находилась, и без дальных околичностей разобрала тотчас мое достоинство и согласилась с хозяином выведать то совершенно для тово, что и тот уже подозревал меня, по пословице: «*шило в мешке не утаится*» или «*виден сокол и по полету*».

В некоторое время, когда сидели мы одни с Светоном и по слабости человеческой впустилися в любовь, в самое то время отворился шкаф, которой на беду мою стоял в той комнате, из оного вышла женщина и сказала нам: час доброй, друзья мои! — Любовник мой спрыгнул, а я вскочила, он ушел из комнаты, а я вытерпела ударов с десяток ладонью по щекам; это было начало; а о конце я не скажу из учтивости к себе. Довольно и тово, что в скором времени появилася я на чистом поле, не имея ничево и без проводника. Горько мне тогда было, и чувствовала я прямо свое несчастие, которое окружало меня со всех сторон, но что ж было делать? «*Неправ медведь, что корову съел, неправа и корова, что в лес забрела*».

Леса и поля мне были незнакомы, они были мне не любовники, не прельщались моей красотою и мне ничево не давали, следовательно, находилася я в крайней бедности. К вечеру набрела я на некоторую деревню, где принуждена была променять шелковое платье на крестьянскую одежду; ибо совесть меня зазирала путешествовать в оном, а в то время еще не прижилася я в оной. Таким образом обмундировалася я терпением и тою одеждою и пустилася в путь. В дороге ничево со мною важного не случилось, выключая тово, что я из важных бедных была важная бедная, но такие описания не всякой читает с охотою. Богатой боится обеднять, а скудному оно уже наскучило. Итак, толкование о пути моем отлагаю в сторону; а буду говорить о том, что может увеселить читателя.

По календарным знакам прибыла я в Москву в среду, а день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием; Меркурий же был бог плутовства, итак, как будто бы ево помощию определилася я в поварихи к секретарю. Иной веселой человек примолвит, что попался де огонь к сену; однако нередко и ошибиться можно. Секретарь был человек набожной; он никогда не вставал и не ложился спать, не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки, не пропуская ни одново воскресенья и бывал всегда у обедни, а в двунадесятые праздники ездил развозить поклоны или принимал оные сам от челобитчиков. Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена ево в то время в передней горнице упражнялася во взятках и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленькой их сын подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес, таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе. В сие время узнала я, что все служители секретарские пользуются взятками так, как и их господин. Когда поедет он в приказ, то сожительница ево начинает пересматривать подарки, многие берет себе, а другими делит служителей. В одну неделю получила я платков с восемь, выключая кренделей и яблоков, которыми мы всякой день довольствовались.

Сперва секретарская жена меня полюбила, по причине той, что *«рыбак рыбака далеко в плесе видит»*. Она была женщина податливая и чаще изменяла мужу, нежели старалася наблюдать к нему верность, чево, правду сказать, не пристально он и требовал для тово, что прибыток наблюдал он больше, нежели свою честность; ибо он думал, что и без чести дом ево может быть изобилен так, как полная чаша. Сверх сего похвального дарования супруга ево придерживалася различных вин, в которых не имела она никогда нужды, следовательно, была она только тогда трезвою, когда вставала поутру с постели. Я же не имела за собой сего порока, и так не могла делать ей компании в этом; но впрочем во всем была ее наперсницею. Счастливое мое состояние вышло было у меня совсем из головы, но напомнил мне оное безграмотной канцелярист, которой жил у секретаря в доме для переписки с черного набело.

Весьма мне было удивительно, что он, не умея грамоте, умел в меня влюбиться, а я прежде думала, что любовь никогда не заходит в подьяческие сердца. Чуден он был в должности канцеляриста, но в должности любовника показался мне еще чуднея. Узнал он любовь, но только не ведал тово, с которого конца за нее ухватиться и как к ней пристать. Во-первых, начал он мне примигивать и кивать головою, я поняла ево намерение и предприяла над ним посмеяться. Желая прежде уведать ево разум, задала я ему три задачи, чтобы он мне оные решил: кто умнее всех в городе, кто ученее и кто добродетельнее всех.

На другой день поутру изъяснялся он мне так: я не нахожу никого умнее нашего секретаря, которой решит все дела без остановки и докладывает об них всегда по порядку; а ученее нет некоторого стряпчего, которой читает почти все указы наизусть и часто заставляет молчать судей; кто ж добродетельнее всех, об этом я не ведаю, да думаю, что и многие из канцелярского племени о том тебе не скажут; ибо редко мы слышим о добродетели. — Выслушав ево, я усмехнулась, а он продолжал говорить. — Что, разве ты думаешь, что стихотворцы умнее всех людей с своими кавыками и точками? Ежели бы попалися они к нам в приказ, то позабыли бы ставить точки, когда бы с оными насиделися без хлеба. А намедни не знаю, как занесли к нам оду какова-то Ломоносова, так мы всем приказом разобрать ее не умели; да что больше говорить, сам секретарь сказал, что это бредни, и не стоит она последней канцелярской записки.

Так толковал любовник мой о ученых людях, а я чаю, первому бы из них не дал он у себя места и в копиистах. Разобрал же он скоро, что разум ево был не на мой вкус, и оным мне он не понравился, таким образом предприял угодить подарками. Чего ради начал прилежать переписывать дела, и правду сказать, то по состоянию ево дарил он меня довольно; ибо за всякую переписку брал он всегда тройную цену и, сказывают, что у них так и ведется: когда приказной под покровительством секретарским, то за все получает втрое. В это время потужила я о Светоне и иногда, сравнивая канцеляриста с ним, плакала горько, а это происходило оттого, что я была глупа, а ныне наши сестры поступают не так, они всегда желают лишиться скорее знатного господина, чтоб отыскать в скорости другово и начать снова разживаться, и для тово-то ни одной нашей сестры, то-есть, такой же пригожей поварихи, как я, в целом государстве не отыщешь верной, чтоб которая не хотела иметь вдруг по три и по четыре любовника.

Попечением и трудами канцеляристовыми имела я на себе платьице уже ночище, и так приезжающие к госпоже секретарше воздыхатели начали поглядывать на меня поумильнее, нежели на хозяйку, что ей очень не поправилось; таким образом, отказала она мне от своей службы.

Вышедши из этого дома, не тужила я много; ибо не с кем было расставаться, следовательно, ничево я и не лишилась. На другой

день пожаловал ко мне сводчик, из лица ево увидела я, что он сыскал мне изрядное место, а для нево это было прибыльно для того, что каково место, такая ему и плата за отыскание оного. Сказал он мне, чтобы я прибралася получше, ибо там, где я буду жить, не услуги мои потребны, но нужно лицо. Могу сказать, что я одеваться умела, лишь только бы было во что; принарядившись довольно изрядно, отправилися мы в путь, и когда пришли к тому двору, то велел он мне постоять у ворот, а сам пошел уведомить хозяина о моем пришествии и спросить его, можно ли мне войти к нему, и потом выбежал очень скоро и велел мне идти за собою. Когда вошла я в горницу, то увидела человека совершенных уже лет, имевшего долгие вьющиеся усы и орлиной нос. Он был отставной подполковник, служащий в гусарских полках. Тогда сидел он в креслах и считал серебряные деньги; увидев меня, привстал несколько, сказал мне: здравствуй, сударыня, — и просил, чтобы я села, потом приказал слуге нагреть воды на чай и начал со мною разговаривать.

— Я, сударыня, человек вдовой, и уже этому будет дней с восемь, как умерла моя жена, мне же лет уже довольно, и доживаю я седьмой десяток, так присматривать за домом великая для меня тягость. Мне непременно потребна женщина таких лет, как вы, чтоб везде могла присмотреть, то-есть в кладовой, в погребе, на кухне и в моей спальне, а мне уже, право, не под леты таскаться всякой день по всем этим местам. На слуг я не полагаюсь, правда, есть у меня и повариха, но ей более уже сорока лет, следовательно, она не столько проворна, как молодая особа, и многое просмотреть может. Что ж касается до платы, то отнюдь рядиться я не намерен, а смотря по услугам, так и я благодарить буду, мне вить не Аредовы веки жить, а как умру, то и все останется, и совсем не знаю кому, ибо я человек чужестранной, и здесь у меня родни никово нету. А когда же надзирательница моя придет мне по сердцу, то я сделаю ее наследницею всево моего имения. Я слышал, сударыня! — примолвил он, — что вы ищете такова места, то естьли вам угодно, пожалуйте, останьтесь в моем доме, я буду вам чрезвычайно рад и не сомневаюсь в том, чтобы вы не знали очень хорошо домашней экономии. — Я не так была глупа, чтоб стала отговариваться от такова предложения. Имение стариково мне понравилось, и я тотчас предприяла угождать ево деньгам. Когда же я согласилася на то, то пожаловал он сводчику пять рублев денег и несколько еще домашнего запасу за то, что приискал он ему надзирательницу по сердцу; оное приметила я из глаз и из щедрости подполковничьей.

Сказала я ему, что мне надобно съездить и перевезти малинькое мое имение, но он не хотел на то согласиться и говорил, что мне ничево не надобно. — Вот вам ключи, сударыня, ото всего жениного платья, оно вам, конечно, будет впору, употребляйте ево, как вы изволите, а ево будет довольно. Таким образом, в один час приняла я власть в доме и все его имение к себе на руки, а часа

с два спустя получила команду и над хозяином, ибо он не умедлил открыться мне, что чрезвычайно в меня влюбился и что естьли я его оставлю, — говорил он мне, — то он, не дожив века, скончается.

Жадность к нарядам немного времени позволяла мне медлеть, пошла я по сундукам, в которых нашла довольно изрядного платья; но более всего жемчугу, которого я еще от роду не видывала и не имела на себе. Обрадовавшись тому слишком и забыв благопристойность, в самой первой день начала ево перенизывать по-своему, а господин гусарский подполковник, надевши очки, помогал мне в моей работе и, выбирая крупные зерна, подавал мне для низанья и целовал мои руки. Когда приспело время к обеду, я с ним обедала, с ним ужинала и после ужина была с ним вместе.

Дни наши текли в великом удовольствии со стороны моево любовника; правду выговорить, и я была не недовольна: богатство меня веселило, по пословице: *«золото хотя не говорит, однако добра много творит»*. Но старость ево несколько меня беспокоила; однако сносила я оное терпеливо так, как великодушная и постоянная женщина. Впрочем, из дому мне никуда не позволялося выйти; разве только в церковь, да и то весьма редко, а в одни двунадесятые праздники. Это мне казалося несколько немило по причине той, что женщине таких лет, в каковых я была тогда, не столько потребна пища, сколько надобно гулянье, да я же была и всем довольна; а в великом удовольствии домашняя неволя пуще крепкой тюрьмы. Жили мы тогда у Николы (что на курьих ножках). Таким образом, во время праздника собралася я к обедни и нарядилась столько великолепно, сколько мне за благо рассудилось; итак, под смотрением древнего моего любовника пришла в церковь и стала тут, где обыкновенно становятся боярыни. А как провожал меня подполковник с великою учтивостию, то всякой не смел потеснить меня или чем-нибудь обеспокоить, понеже платье и почтение моево любовника делали меня великою госпожою. А я, чтоб не уронить мне к себе людскова почтения, смотрела на всех гордо и не говорила ни с кем ни слова.

Подле правого клироса стоял не знаю какой-то молодчик; собою был он очень хорош и одет недурно. Он во всю обедню не спускал с меня глаз и в благопристойное время делал мне иногда такие знаки, которые известны только нам да еще ревнивым мужьям и любовникам. Оное приметил мой старик и, не дожидаяся окончания обедни, подошел ко мне и звал меня весьма учтиво, чтобы я пошла домой. Оное показалося мне весьма неблагопристойно, итак не согласовалась я с ево прошением. Любовник мой, опасаяся прогневить меня, принужден был остаться до окончания; однако не отошел от меня и стал подле. Я примечала, но думаю, что и другие не упустили то же сделать: вид лица любовника моего поминутно переменялся, иногда казался он бледен так, как будто бы готовился к сражению, иногда бросало ево в жар, и делался он краснее кармазину, иногда лицо ево покрывалося холодным по-

том и, словом, был он в таком беспорядке, как будто бы человек сумасшедший. По окончании обедни взял он меня за руку так крепко, что я принуждена была напомнить ему о моей боли. Рука ево столь сильно тряслась, что и я находилась от тово в движении. Итак, в таком неописанном беспорядке пришли мы домой.

Как скоро вошли в горницу, то подполковник говорил мне следующее. — Нет, сударыня, мало я знаю разбирать женскую красоту и прелести; вы больше прекрасна, нежели я об вас думал; в чем извинить вы меня можете. Поистине сказать, вы русская Елена, а что сказывают о Венере, то таким бредням я не верю. Все молокососы сбираются быть Парисами и продают глаза свои на вас. Избавь меня, судьба, чтоб участь несчастного Менелая не воспоследовала со мною. Однако, сколько сил моих будет, стану противиться этим похитителям. Я имею разум, силу и богатство, но что они мне помогут, естьли ты, прекрасная, не будешь чувствовать ко мне такой любви, какую я имею к тебе. При сем слове бросился он передо мною на колени и облился слезами. Таким образом принуждена я была вступить в должность страстной любовницы, подняла ево с коленей и в знак моего уверения цаловала в губы и говорила ему так. — Дражайший мой, возможно ли, чтобы я была тебе неверною и изменила в самом начале горячей моей любви; одна смерть меня с тобою разлучит; но и во гробе буду я вспоминать твое ко мне почтение. В твою угодность отрицаюся я ото всего света мужчин, и ни один прельстить меня не может, успокойся, мой дражайший! верная и нелицемерная твоя любовница Мартона просит о том тебя со слезами.

Выслушав сие, беззубой мой Адонид несколько угомонился; однако, столь много стоили ему взгляды молодова человека на меня, что он, не обедавши, лег спать и в полчаса раз пять пробуждался и кричал иногда: *прости*, изо всей силы, иногда: *постой*, а иногда: *пропал я;* ибо грезилося ему, что меня похитили или я ему изменила.

Спустя несколько дней пришел человек в наш дом и просил подполковника, чтобы он взял ево к себе на службу. Старик отказал ему с первого раза, но человек весьма усиливался и выхвалял сам себя изо всей мочи. Выняв пашпорт, хотел казать ево подполковнику и говорил, что ни один честной человек столько аттестатов не имеет, сколько он. Слова ево показалися мне довольно вразумительны, ибо кто чем вознамерился прокормить свою голову, то непременно прилежать должен, чтобы знать искусство то совершенно. Таким образом взяла я у нево посмотреть аттестаты и, перебирая оные, нашла между ними письмо, подписанное на мое имя, выняла я ево осторожно и положила в карман, аттестаты отдала слуге назад и сказала, чтобы он пришел завтра поутру, и мы подумаем, принять ли ево или нет.

Хотя я была и невеликая охотница изменять своим любовникам, но врожденное в нас непостоянство не давало мне более мед-

леть, ушла в другую комнату, развернула письмо и нашла в нем следующее изъяснение:

«Государыня моя!

Полюбить ково-нибудь состоит это не в нашей власти. Все прекрасное на свете притягивает к себе чувства наши и разум. Вы прекрасна, и для тово полонили мое сердце тогда, когда я в перьвой раз увидел вас в церкви, мне казалося тогда, что прекрасные глаза ваши говорили вместо вашего сердца. Итак, уверясь сим, отважился вам изъясниться, в несомненной будучи надежде, что вы меня хотя и не полюбили, однако, может быть не вовсе ненавидите.

Обожатель красоты вашей *Ахаль*».

Я не знаю, можно ли кому-нибудь похвалиться, чтобы он во всякое время твердо наблюдал добродетель и, угождая ее строгости, отказался от лучшего естественного удовольствия. Я держалася всегда такова мнения, что все на свете непостоянно; когда солнце имеет затмения, небо беспрестанно покрывается облаками, время в один год переменяется четыре раза, море имеет прилив и отлив, поля и горы то зеленеют, то белеют, птицы линяют, и философы переменяют свои системы, — то как уже женщине, которая рождена к переменам, можно любить одново до кончины ее века. Я смеюся некоторым и мужьям, которые хвалятся везде верностию своих жен, а кажется, что лучше молчать о таких делах, которые находятся в полной жениной власти. Я была не стоической секты и совсем не держалася их системы; того ради требующему от меня снисхождения отказать не хотела. Поутру, когда пришел слуга, о проворстве которого по глазам ево я была уверена, для тово отвечала ему так: я на все согласна, что от меня ни потребно, а господин подполковник не хочет тебя принять к себе в дом; но мне кажется до тово тебе нужды нет, ты и без него сыскать дорогу можешь ко твоему благополучию. — Это правда, — промолвил мой любовник. — В Москве людей много, не у меня, так у другова наняться можешь. — Слуга ответом нашим был доволен и пошел от нас с благодарностию.

Жизнь наша основана на заботах; таким образом предприяла и я суетиться, и чем прекраснее казался мне Ахаль, тем больше чувствовала я охоты изменить седому моему Купидону, а о благодарности к нему я тогда и не помышляла, когда новая любовь поселялася в моем сердце, по причине той, что редкая женщина подвержена такой добродетели. А я была из числа тех красавиц, которые думают о себе, что они никому не обязаны на свете и раздают сами благодеяния свои великодушно.

Во-первых, прибегнула я к нашей поварихе и открыла ей тайности моего сердца. Чудно мне казалось, что она без всякого от меня обнадеживания обещалась служить мне со всею охотою, по сему то я и узнала, что богатому человеку все люди служить согласятся, то-есть в добром и в злом его намерении. С сего времени к свиданию моему с Ахалем пошли различные выдумки и, можно

сказать, что выдумка выдумку побивала. Я советовала хорошо, но наперсница моя еще тово лучше. Мы определили, чтобы преобразиться на время Ахалю в женщину и тем со мною познакомиться, чтоб без подозрения имели мы всегда свидание, а другова способа к оному мы не находили, ибо содержали меня после тово столь крепко, что редко позволяли мне подходить и к окошку.

«*Лакома овца к соли, коза к воли, а ветреная женщина к новой любови*». Не хотели мы откладывать выдумки своей ни на сколько, того ради советница моя полетела на другой день искать моего любовника и, хотя не знала ево дому, однако нашла очень скоро, по пословице: «*язык и до Киева доводит*». Ахаль принял ее с великою радостию и одарил прямо по-любовничьи. Она пересказала ему наше намерение, на что он нимало не медля согласился и отпустил ее ко мне с письмом, в котором уверял меня, что в мою угодность пойдет он и на дно окияна.

Это правда, что он в угодность мою тотчас и исполнил мое повеление. В том доме, в котором он жил, сказал хозяину, что отпросился на время в деревню и поедет завтре, а у нево оставит слугу с некоторою частию имения и просил ево о сохранении оного. Когда настало утро, то, взявши с собою что надобно, поехал он со двора долой и, приехав в ямскую, остановился. Потом послал мальчишку своего в город, или сам поехал, — этова я не знаю, — и накупил женского платья для себя и для мальчишки весьма довольно. Таким образом, нарядились они оба и изготовились к новомодной комедии. Послал он слугу своего искать для себя покоев и велел сказывать о себе, что они приехали из другова города увидеться здесь с сестрою. Сыскали, наняли и переехали.

Наша повариха бегала к ним, с ними условилась и, пришед ко мне, сказывала так, что Ахаль назовется моею сестрою и пришлет ко мне своего слугу под именем и под образом девки, сказала мне о их именах и научила меня, как я должна мнимую ту девку встретить. Итак, начала я ожидать с превеликою радостию исполнения моего желания.

День уже клонился к вечеру, как сказал мне слуга, что спрашивает меня какая-то девочка. Подполковник, услышавши сие, приказал привести ее в горницу: ибо наблюдал весьма прилежно мои поступки; а повариха мигнула мне тогда осторожно, почему я тотчас догадалась, что это Меркурий от моево Юпитера, и так, как скоро он вошел, то я закричала благим матом: голубушка моя, каким это образом я вижу тебя здесь, разве матушка сюда приехала? — Никак нет, сударыня, — отвечал он мне: — матушка осталася дома, а приехала сюда большая ваша сестрица. Вы не изволили писать к нам очень долго, итак приехала она с вами повидаться. — Потом, подошедши ко мне, целовал у меня руку и сделал всю церемонию так, как ведется. Я спрашивала у нево, все ли в доме здоровы, и обо всем, а он отвечал мне так хорошо, как будто бы десять лет учился обманывать людей. Спрашивала я у нево, где они остановились и вознамерилися жить, на что он

мне сказал, что от нас очень далеко, а тогда уже было поздно, итак отложила я свидание с сестрицею до другова дни и просила моево содержателя, чтобы он приказал сходить слуге и поздравить ее от меня с приездом и притом просить ее завтрашней день ко мне отужинать. — Хотя это будет и неучтиво, — наказывала я слуге, — мне было самой должно ехать, но как она не совсем еще осмотрелась, то я могу приездом моим ее обеспокоить, да сверх же тово между близкою роднею учтивости совсем не годятся. — Таким образом, первое вступление довольно изрядно было сыграно, и слуги наши пошли к моей сестрице.

Признаюсь, что я никогда столько не радовалась, как в ето время, что могла столько удачливо обмануть моего неусыпного надзирателя; но и мальчишка так был искусен представлять девку, что ежели бы я не знала, то, конечно, бы обмануться могла. В это время образумился мой старик и начал спрашивать меня, какова я роду, чево ему никогда и в голову не приходило; ибо выключая любви, ничево тогда в уме ево не находилось. О роде моем сказала я ему так хорошо, что ни он, ни я не могли действительно растолковать, какова я происхождения; но впрочем не дала ему вдаль распространять такова разговора, которой бы не принес мне много прибыли; а начала выхвалять изрядные качества приезжей моей сестры и сверх тово говорила, что она хороша и гораздо меня прелестнее. — Не влюбися, душа моя, — продолжала я говорить, держа ево под бороду, — я опасна, чтобы ты, прельстившися ею, меня не покинул. — Покинь меня лучше белой свет, — отвечал он мне твердым и уверительным голосом, — я охотник любить до смерти, а не так, как нынешние молодые вертопрахи каждой день переменяют любовниц и ищут случаев, как бы почаще изменять. Какая бы красавица ни была, меня уже прельстить не может, когда ты, моя душа, любишь меня ото всего искреннего твоего сердца. Признаюсь же тебе, что я очень редко нахаживал таких женщин, как ты, ты столько верна, что, я чаю, и не подумаешь об измене, да и правду сказать, оное веть и порочно. — По такому от нево аттестату уверяла я ево, что я постояннее всего света, чему он и верил и почитал столько меня, что готов был хотя по уши в воду, лишь бы только мне оное угодно было.

Ночью, поутру и в день ни о чем я больше не думала, как о назначенном свидании, того ради не пожалела я ничево, что могло красоту мою увеличить. Время уже настало, и сестра моя приехала, свидание наше было хотя и некровное, но, однако, прямо любовное, и когда мы бросилися друг другу в объятия, то насилу нас и растащили.

Приятность за приятностью и поцалуй за поцалуем следовали, сестра моя прижимала меня к сердцу и цаловала весьма часто в груди, а я ей отвечала такою же благодарностью, словом, всех наших поцалуев никакой бы исправной арифметик исчислить не мог без ошибки. Мы были сестры примерные, да и такие, которых, я чаю, и во всем свете не бывало. За ужином мы ничево не ели,

но только довольствовались одним глядением друг на друга, я находила в сестре моей поминутно новые прелести, и она, с своей стороны, может быть, также, и казалось нам, что мы целую бы жизнь могли проводить без пищи, когда бы были друг с другом неразлучны. Старой мой любовник признался перед нами, что он почитает нас некаким чудом, ибо, — говорил он, — не видывал я никогда такой пылающей любви между сестрами. Без всяких обиняков можно вас почесть любовниками, и когда бы одеть одну из вас в мужское платье, тогда бы никто не поверил, что вы сестры родные. Хвалю вашу добродетель и искренние сердца, вот прямо родные, которые достойны всякого почтения.

— Мы уже лет с пять не видалися друг с другом, — говорила сестра моя ему, — а разлучились почитай еще младенцами, и для тово неудивительно, государь мой, что мы не можем друг на друга наглядеться. Нас и всех немного, матушка и мы только две, а остались после отца своего сиротами. — Тем-то еще и похвальнее ваша добродетель, что вы и в бедности друг друга не оставляете и любите столько, что я и изъяснить уже этова не могу, а кажется, вы друг на друга нимало не похожи, да полно, не всегда одново отца дети удаются в один образ. Я имел у себя также брата, которой, однако, на меня ничуть не походил.

Ужин наш, таким образом, кончился, за которым старик пил больше обыкновенного и не старался примечать ничево, чево ему, однако, и в голову не входило, и Ахалю столько пристало женское платье, что никакова подозрения иметь было не можно. Впрочем, сестрица мне столько понравилась, что я не хотела отпустить ее ночевать домой, а просила, чтобы она осталася у меня. Ахаль на то не соглашался с намерением, чтобы принудить просить старика, и когда показалася я недовольною, что она не соглашается на мою просьбу, тогда принялся подполковник и уговорил ее к тому, конечно, а из почтения к гостье уступил нам свою постелю и, пожелав доброй ночи, пошел в другие покои.

Совесть меня не зазирала нимало, ибо я думала, что есть на свете люди гораздо меня отважнее, которые и в одну минуту наделают больше худова, нежели я в три дни. Стоит только отдать себя порокам, то оные завсегда будут казаться приятнее и милее добродетели.

Таким образом, препроводили мы ночь с сестрою моею во всяком удовольствии и поутру расстались на рассвете, чтобы ничуть не приметно было наше проворство. Я пошла к моему любовнику и, извиняя сестру мою, сказала, что ей непременно надобно было так рано уехать для некоторых ее надобностей. В этот день мы у нее ужинали, и когда приехали домой, то любовник мой хвалил ее изо всей мочи и не знал, чем ее одобрить. Таким образом, бывали мы друг у друга каждой день неотменно, и все текло у нас в хорошем порядке. Старик был мною доволен, что я ево весьма искусно обманывала, а я благодарила ево за то, что он позволяет проводить себя без всякой к тому приметы. Ахаль с своей стороны почитал

себя благополучным, что получал от меня без всякого труда то, чего иногда с двулетним старанием получить не можно и что он имеет дело с таким человеком, которого легко дурачить может и которой не думает заприметить тово нимало.

Я знала, что верность любовная в нынешнем веке такой гость, которой, пришедши, говорит: здравствуй, — и в то же время вертится на языке у него: прощай. Любовник бывает верен до тех только пор, когда не видит еще никакой благосклонности от любимой им особы. Тогда он вздыхает, охает, стоя перед нею на коленах, притворно плачет и клянется верностью такою, которая царствует на одних только театрах. Но когда же получит он от нее все, тогда по слабости памяти человеческой в одну минуту позабудет все клятвы и растеряет их из своего понятия. Это я видала над собою, но не один еще раз; однако, дело теперь о любви моей к Ахалю, а до других оно дойдет еще по порядку. В некоторое время представил он мне, что жизнь моя бедственна и скоро может приближиться к великому несчастию, да сверьх же тово она и порочна. Оное я знала все сама, но как не видала и не находила способа оную переменить, то и поневоле оставалася в таком состоянии. — Я, сударыня, — говорил он мне, — посвятил вам жизнь мою до гроба и ласкаю себя надеждою, что благосклонности вашей лишен никогда не буду. Вы отдали мне ваше сердце, я тем доволен, а чтоб показать вам, что я благодарен, то намерен сочетаться с вами браком, ежели только вам оное угодно. Я дворянин, хотя и недостаточной, однако, не почитаю себя бедным. Отца я не имею и матери также, следовательно, живу по своей воле. Сочетаться с вами браком никто мне воспрепятствовать не может. Итак, ежели вы на сие согласны, то дайте мне ваше слово, и будем к тому приготовляться. Вам непременно надобно уйти или уехать из сего города, чтоб избежать с вашей стороны препятствиев. Деревня моя будет вам убежищем, а должность супруга вашего защищением и покровительством. Тогда уже никто не будет иметь права требовать вас от меня. Итак жизнь ваша, конечно, будет благополучна. — Не надобно было просить меня о том и другой раз, по причине той, что я умела разделить худое от хорошего и могла выбрать, что для меня полезно и что вредно: того ради приняла предложение ево с великою охотою, и казалося мне, что он был тому чрезвычайно рад. И хотя я далее видела, нежели обо мне думали, однако притворства ево разобрать не могла и в сем случае узнала я действительно, что как бы женщина ни была остра и замысловата, однако всегда подвержена обманам мужчины, а особливо в то время, когда она им страстна.

Уговор наш последовал весьма скоро, и мы тотчас образовалися и обручались, и с этих пор начала я называть сестру мою мужем, а она меня женою. На другой день предложил мне Ахаль, что за пребывание мое у подполковника должна я получить от нево хорошую плату, а как он на сие не согласится, то советовал мне мой муж обобрать у нево все то, что находилося под моим смотре-

нием, и, прежде нежели приступлю к браку, тем, что я унесу, очистилася бы в совести. Нареченной мой супруг во образе сестры моей, как находился всегда у меня, или присутствовала я у него, то и нетрудно нам было таскать пожитки старого моего любовника, и мы охотилися больше переносить от него жемчуг и деньги, ибо сии вещи других угомоннее, и их можно укласть в сундук и в чемодан без всякого подозрения. Наконец, как рассудилося нам, что натаскано уже довольно, и мы можем прожить тем хотя не во всю нашу жизнь, однако, две трети оной в довольном благополучии, таким образом, начали собираться уехать, а помощию денег все делается скоро. Лошади были готовы, и муж мой отправился в дорогу, условяся со мною, что будет ожидать меня у некоторой заставы.

Во время ночи, когда любовник мой находился в полном сонном удовольствии, встала я потихоньку с постели и ушла со двора благополучно и, прибежавши на тот двор, на котором дожидалися меня лошади, села в коляску и полетела за моим супругом; однако, по несчастию моему и без всякой думы наследила я участь несчастной Филлиды. Демофонт мой меня обманул и уехал, не знаю куда. В сем случае растолковала я, что он имел больше нужды в пожитках моево любовника, нежели во мне, и прельщался не красотою моею, но червонцами и жемчугом.

Спрашивала я на заставе, но отвечали мне, что описанию моему подобной никто не проезжал и они не видали. Таким образом, поплакав немного, принуждена я была возвратиться, но только не знала куда; того ради поместилася в Ямской на постоялом дворе. Прямая Филлида не досадовала на измену Демофонтову, но только о том сожалела, а я столько была зла, что соглашалась разорвать ево пополам, ежели бы он был в моей власти и доставало бы к тому моих сил; но что, сколько я ни рвалась, однако, пособить тому было невозможно. Собственная моя жизнь была мне дороже, нежели ево плутовская, и для тово предприяла я размышлять о себе. Сомнение, страх и отчаяние терзали меня неотступно, и я не знала, что мне тогда должно было предприять. Непомерная любовь ко мне подполковничья уверяла меня, что он, конечно, простит мне мою погрешность, но стыд признать себя неверною, глупою и обманутою запрещал мне совсем к нему показаться, и я бы согласилась тогда претерпевать лучше всякую бедность, нежели признать в том, что я обманута.

Можно ли быть было тогда во мне человеколюбию, об этом, я чаю, задумается господин читатель, но чтоб вывести ево скорее из этова сомнения, то я скажу, что и порочные женщины не совсем лишены рассудка, и естьли бы не побеждали их непостоянство и ветреная роскошь, то, конечно, были бы они добродетельнее ростовщика и скупова. Для успокоения моего старика презрела я досаду и опасность и предприяла идти к нему с повинною, надеяся притом на свое искусство, что в случае ево суровости могла бы я легко и обмануть ево.

Таким образом, поехала я к нему, наполнена будучи страхом и самою малою надеждою к моему благополучию. Как только вошла я на двор, то встретившийся со мною ево управитель наградил меня такою исправною пощечиною, что посыпалися из глаз моих искры. С таким почтением встреча не предвещала мне ничево доброго, и я определила себя на все суровости прогневанной мною судьбины, потому что уйти мне уже было невозможно. Бросилась я весьма поспешно искать подполковника; ибо надеялась я, что найду в нем больше снисхождения, нежели в ево слугах. Нашла ево в спальне, он лежал в постеле и был окружен лекарями. Как только он меня увидел, то закричал столь громко, что испужал всех тут предстоящих. Потом вскочил с постели и, обняв меня, начал рыдать неутешно и, образумившись несколько, говорил так: — Не сон ли льстит меня приятною сею мечтою, не лестная ли надежда обманывает мой разум? Прекрасная Мартона! тебя ли я имею в моих объятиях, твои ли то уста, в которые я теперь цалую, твои ли то красы, которые я вижу, ты ли передо мною, говори, отвечай, прекрасная, или уже лишился я тебя навеки? — Я не зпала, как скоро печаль моя переменилася на радость, обняв ево от чистого сердца, проливала я слезы, которые у меня еще на дворе были заготовлены от управительской размашки; оной, изготовяся ударить меня, не велел мне посторониться, и так текли они у меня ручьем, и которые принял мой любовник раскаянием и искренним признанием моего перед ним проступка; однако я сказала, что ушла от него за тем только, что хотела изведать верность ево ко мне, лишившися меня, будет ли он крушиться или нет. На сие ответствовал мне подполковник, что не только крушиться, но и в гроб сойти уже готовился. Таким образом, наследовала я прежнюю ево любовь и ото всех ево слуг прежнее к себе почтение; что же я у нево унесла и отдала моему обманщику, то о том он и не упоминал, ибо считал меня дороже и самово себя.

С этих пор начал любовник мой готовиться к смерти; ибо по уходе моем бегал он везде и искал меня по всем местам; но как бегал весьма неосторожно и в великом отчаянии, то-есть без памяти и притом без очков, то полетел с крыльца с самой первой ступеньки лестницы весьма неосторожно и переломил себе крестец и от сего-то слабое ево здоровье час от часу начало приходить в упадок. Я столько была огорчена управителем, что всякую минуту старалася отомстить ему, и как только сказала моему любовнику, что поступил он со мною весьма неполитично, то подполковник насилу отдохнул от такова уведомления и, не принимая никакова от него оправдания, наказал его весьма жестоко и приказал согнать со двора, не заплатив за ево службу, чему я была чрезвычайно рада.

Доброе дело никогда без награждения не остается, рано или поздно, конечно, уже будет за него уплачено. Как скоро милой мой подполковник переселился с сего света, то тотчас взяли меня под караул и заключили в крепкую темницу. По смерти моего

любовника отыскалася ево сестра, которую он при жизни своей не пускал к себе на двор и не хотел об имени ее слышать. Управитель к ней подбился и рассказал обо всем, что я строила у брата ее в доме; таким образом, вознамерилася она потребовать от меня отчету судом, которой казался мне страшнее и самой смерти. Бросили меня в каменной погреб, не дав мне ничево, на чем бы я могла отдохнуть во время ночи. Пищу подавали мне каждой день по два раза, а оная состояла из хлеба и воды, итак принуждена я была держать весьма великой пост, о котором прежде никогда мне и в голову не приходило. Воздержная сия жизнь выбила у меня из головы все любовные мысли, не думала я тогда ни об украшении телесном, ни о прельщении любовников и находилась в таком состоянии недели две или более. Всякой день ронила я столько слез, сколько доставало их в моих глазах, и крушилася весьма несказанно...

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ

«Крестьянин», «пахарь», «земледелец» — все сии три названия, по преданию древних писателей, в чем и новейшие согласны, означают главного отечеству питателя во время мирное, а в военное — крепкого защитника, и утверждают, что государство без земледельца обойтися так, как человек без головы жить, не может! Но ложь ли, правда ли, рассуждать нам о том недосуг; да сверх того к сказкам такие глубокие задачи и не принадлежат. Мы скажем, что витязь повести сей, крестьянин Сысой Фофанов, сын Дурносопов, родился в деревне, отдаленной от города, воспитан хлебом и водою, быв повит прежде пеленами, которые тонкостию и мягкостию своею немного уступали цыновке, лежал на локте вместо колыбели в избе, летом жаркой, а зимой дымной, до десятилетнего возраста своего ходил босиком и без кафтана, претерпевал равномерно летом несносный жар, а зимою нестерпимую стужу; слепни, комары, пчелы и осы, вместо городского жиру, во времена жаркие наполняли тело его опухолью. До двадцати пяти лет, в лучшем уже убранстве против прежнего, то есть в лаптях и в сером кафтане, ворочал он на полях землю глыбами и в поте лица своего употреблял первобытную ж свою пищу, то есть хлеб и воду, со удовольствием. Имел намерение жениться, для чего и сватался на многих соседственных девках; но ни одной за его не отдавали, по причине той, что был он крайне незаводен, мало предприимчив, а простее сказать, простофиля.

Зависть и ненависть те ж самые и между крестьянами, какие бывают между гражданами, но как крестьяне чистосердечнее городских жителей, то сии пороки скорее в них приметны бывают, нежели в тонких политиках, обитающих при дворе и в городе. Такие сельские жители называются «съедугами»; имея жребий про-

чих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им взаймы деньги, а потом запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ними богатый: для того, что сев, жатва и сенокос должниками его убираются прежде, а те всегда севом своим опоздать должны. И когда опоздали сеять, то убирать уже будет нечева, а затем и остаются в вечном долгу у «съедуги», который из того не убыток, но приращение имеет, ибо вся деревня к нему на работу, как на барщину, приходит.

Сии «съедуги», за недостатком многова по сельскому быту у Сысоя Дурносопова, удумали отдать его за вотчину в солдаты, привезли в город, где Сысой в первый раз еще увидел прямые улицы, регулярное строение и политичных людей разного покроя и разных цветов во одеянии. Но он рассматривал их недолго, для того что в скором времени представили его к рекрутскому приему. Примеря, сказали: «мал ростом!» а лекарь закричал: «тонки ноги!» И так из приемной выслали, не выбрив, однако, затылка, для особого предуведомления отдатчиков, которые то удобно понимать могли: ибо не в первый уже раз таковое приключение с ними учинилось. Поутру, поранее вчерашнего, представлен был опять Сысой Дурносопов в приемную комнату; на темя его положено было несколько угомонной монеты, а сколько именно, достоверно не знаю; к обеим же ногам привязано было по ассигнации, чем Сысой пришел в указанную меру, и за одну ночь икры потолстели. Выбрили лоб, и Дурносопов признан за исправного рекрута, и сие действие происходило в бывших провинциальных канцеляриях. Приемщик не соглашался принимать при рекруте ничего натурою, а за платье и провиант требовал деньгами, против чего спорить было невозможно, итак учинен во всем расчет и дело кончено.

Армия наша находилась тогда за границею, куда Сысой с прочими препровожден был мирским подаянием, не получая ни одежды, ни провианта от командующего офицера, которого они и в глаза не видали во всю дорогу, а догнал он их не доезжая до армии верст со сто или еще того меньше; из пяти сот человек дошло до армии не с большим пятьдесят, а прочие разбежались и померли. Командующий офицер подал рапорт, что, за малоимением команды, рекруты в разные времена бежали; его отдали под суд, а рекрут причислили к команде лишенных всего им принадлежащего: ибо у командовавшего ими офицера при арестовании его ничего не отыскано, а слух носился, что он припрятал все подале, на случай строгой резолюции в суде.

Сысой, обучившись артикулу, был на трех приступах изрядным солдатом, с похвалою от командующих; но на последнем из тех сражений потерял правую руку, так что действовать оною нисколько не мог; для чего в скором времени получил чистую отставку и уволен на прежнее жилище, куда он скоро и отправился, положа свое движимое имение в котомку и повеся оную за плеча. Думают многие и утверждают справедливо, что сия котомка в пути его

не обременяла: понеже находилась в ней рубашка, галстук и десять копеек денег медною монетою, из которых тратил он на столовые припасы.

Путешествие его из армии на место рождения не столь было славно и достопамятно, как путешествие Бовы Королевича из царства Додона Додоновича во владение Кирбита Верзауловича, родителя Милокрасы Кирбитовны, или славного рыцаря Петра во владение прекрасной королевы Магилены Неополитанской: следовательно, такого прилежного описания и не требует, а довольно сказать и того, что он достиг оного подаянием доброхотных дателей.

При рассветании зимнего дня, в день рождества Христова, во время заутреннего пения, пришел он к своему приходу и наряду с прочими вошел в церкву помолиться, где уповал увидеть отца своего и мать; но как оных не было тогда в церкве, то на вопрос его ответствовали ему родственники его, что они ввечеру обоих видели, а для чего их в такой великий праздник нет у заутрени, того они не ведают.

По окончании пения Сысой и многие из его родственников пошли в дом его отца и, стучавшись под окнами и в ворота, не могли никого вызвать, кто бы им отпер, пошли к старосте; пригласив его и других крестьян почтеннее, разломали ворота и, вошед на двор с зажженною лучиною, увидели следующее по порядку. Перед крыльцом висел баран, до половины освежеванной, подле которого на перилах у спуску крылечного лежал окровавленной нож; посередине двора висел в петле, прицепленной к перекладу, удавленной хозяин; изба была отворена, в которой по полу разбросаны были дрова, немного обгорелые; по средине полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была топором, который и лежал подле нее окровавленный; за занавескою в повешенной колыбели лежала зарезанная по горлу девочка месяцев трех, спеленанная, а подле неё окровавленный нож; в печи нашли мальчика, лет четырех, мертвого, у коего волосы на голове все сотлели и местами от жару истрескалось тело; в переднем углу на лавке лежала хорошая одежда хозяинова, а на столе праздничная хозяйкина, принесенные из клети, как то обыкновенно у крестьян бывает.

Рассмотрев все сие, отставной солдат заплакал, чему последовали и некоторые из его родственниц; да инако и быть невозможно: увидев перед собою отца, мать, брата и сестру вдруг мертвыми, всякой сельской житель придет к сожалению и начнет вопить по деревенскому обряду и названию. Стон, происшедший от вопиющих в избе, немедленно собрал всю деревню. Старые и молодые сожалели, а ребята малые ужасались, — словом все были заняты таковым удивительным приключением.

Случай, не токмо деревенским, но многим и городским жителям непонятный, начали крестьяне и крестьянки толковать различным образом, сельским умом и деревенскими рассуждениями, без правил, свободными науками установленных: один говорил, что

сделали то разбойники, но платья унести не успели; другой основательнее рассуждал, что рассердился домовой и так поступил с ними, как должно неприязненной силе, и прочая; старухи верили больше последнему, творили молитву и спрашивали у стариков, не грех ли к убитым прикасаться? А поразумнее головы, призвав дьячка и сотского, написали рапорт со всеми найденными обстоятельствами и послали в город.

В рассуждении столь великого праздника все судьи и секретари из города были отсутственны и находились по деревням окольных дворян; а дневальные приказные служители от принятия рапорта отозвались. Таким образом через шесть недель принят был сей рапорт в учрежденном на то суде, и дана резолюция ехать одному из членов и осмотреть на месте; но как тела убитых были уже похоронены, то и посланный для осмотру член рапортовал таким образом: «По осмотру его и по обыску оказалось, что крестьянин, напившись в праздник пьян, порубил свою семью и сам, упав с крыльца, ушибся»; а подавая сей рапорт, промолвил: «Крестьяне де государственные, то вдаль следствия быть не может». Почему данною резолюциею и велено: «С прописанием того рапорта отрапортовать верхнему присутственному месту, а дело, исключа из реестра нерешенных дел, числить решенным к отдаче в архив».

Таким манером удивительное сие в природе приключение в присутственном месте вовсе кончано на общем основании о делах затруднительных, требующих судейского ума и проницания; но непросвещение и недосуги судейские без исследования погребают во тьме неведения и важнейшие сего.

Но когда дошел о том слух до людей ученых того времени, то они, уважив таковой непроницаемый случай, решились его исследовать, сколько возможность им дозволить могла, и по довольном изыскании гадательно заключили так. Четырехлетний младенец, находяся в крепком сне и встревожен будучи сонным привидением, встал со своего места, взял нож, с которым нередко у баловниц-матерей и отцов ребята, играя ими, засыпают, и согласно с сонным привидением зарезал младенца, свою сестру в колыбели; а опомнившись и узнав, что сделал он худо, спрятался в печь. Хозяин и хозяйка, проснувшись ранее обыкновенного для праздника, чтобы, заранее убравшись в доме, поспеть им в церкву, заготовили, вопервых, праздничное свое платье, потом хозяин пошел свежевать барана, а хозяйка принялась топичь печь, не осмотрев своих детей, потому что спят они, как она думала и слышала, спокойно; поклав дрова, затопила. Несмысленный мальчик не смел в печи поворохнуться от страху; но как огонь уже усилился, дрова сухие обыкновенно вдруг занялися, и жар несносной до него коснулся, тогда он закричал; хозяйка, бросясь к постеле, его не увидела, то и уразумела, что он в печи; закричала мужу, а сама начала хватать дрова из печи и метать их по полу; мальчик тем временем задохнулся, а крестьянин вбежал в избу с обыкновенным и всегдашним своим оружием, то есть топором, который он заготовил,

может быть, к разнятию барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла в печи сына, будучи в торопливости и страхе, а оттого и в запальчивости, ударил безрассудно и неосторожно жену свою в голову, от чего и лишилась она жизни. Крестьянин, пришед в жалость и оторопев, не зная, что ему делать, видя двух мертвых перед собою, а заглянув в люльку, нашел и третьего. Отчаяние поразило малосмысленного человека, которое бы просвещенного и великодушного не меньше поколебало: сверх сего обуял его страх стыда и совести, а потом жестокость наказания за толикое беззаконие, кое он все неотменно принужден был относить к своей стороне, лишила его рассудка; итак, страх, жалость и отчаяние принудили его удавиться. Таким образом рассудили с сожалением ученые того времени люди, которое их рассуждение многими тогда признано за справедливое; ибо инаково решить удивительного сего в природе приключения все недоумевали. А несчастный воин, похоронив всю свою семью и употребив остатки имения на погребенье их, остался наследником двора своего родителя, без скота и хлеба, которых гораздо не великое количество им было найдено; а что всего еще более и бедному человеку чувствительнее и без правой руки своей, без которой он не токмо целого, но и половины доброго и прилежного крестьянина составить не мог.

ДРАГОЦЕННАЯ ЩУКА

По древнему названию посул, по-нынешнему взятка, а по-иностранному акциденция когда начало свое восприяла, в том все ученые между собою несогласны, да и в гражданской истории эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому и нельзя достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взять должен.

Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою, в них писали обыкновенно: «Надежа-государь, отпусти в город покормиться». А потом и от дел акциденция была дозволена; но как государственные доходы приведены в совершенную известность и меру, а потому учинены штаты и определено всем находящимся у дел жалованье, то взятки, или, учтивее, акциденция, вовсе отменены и строго запрещены.

Великая сия перемена учинилась причиною великих изобретений, и заботливые умы к накоплению имения дробными правилами не давали себе покоя и составили из себя целые академии проектов, каким образом подкопаться под храмину, сооруженную на твердом и глубоком каменном фундаменте. Многим было предприятие сие неудачно, а другие, поосновательнее их в изобретениях, получили довольные успехи. Явно брать взятки не дерзну-

ли, но направили их течение потайным каналом, прикрыв его таким покрывалом, что иногда и самые прозорливые люди увидеть и дойти до того никак не могут. Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит пять частей «Пересмешника», а нам недостает здесь только двадцатой главы; следовательно, описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удоволимся одною только из них хитростию, а именно похождением драгоценной щуки.

Около того времени некто основательный человек, с расчетом эконом, приказен, прозорлив, искателен и заботлив, отставной надворный советник, определен был воеводою в город, стоящий подле реки, из знатных в России, из которого обыватели отправляли торговлю к портам и были нарочито зажиточны, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникам, что вновь определенному воеводе небезызвестно было. Он прибыл в город со всею своею свитою в половине дня и поместился в доме нарочно для него заготовленном, убранном и всею домашнею утварью снабженном. Магистрат, испросив дозволение, пришли к нему на поклон с хлебом и солью. Хлеб лежал на серебряном блюде, и соль в золотой солонке. Воевода, приняв хлеб и высыпав на оный соль, блюдо и солонку отдавал им назад. Купцы, не принимая, кланялись и говорили, что хлеб от посудины не отлучается, и они кланяются всем его высокоблагородию, которой, приняв на себя суровый вид, говорил им гневно, чтобы они и впредь так поступать не отваживались, и когда до него приучены к таким неблагопристойным поступкам, то во время правления его должны отвыкнуть. Купцы, как громом поражены будучи, взяв блюдо и солонку, пошли в магистрат и, уподобясь черной земле, не могли друг другу и сообщить своего отчаяния по причине той, что воевода уже не по них, который не принимает от них таких поклонов, а особливо при первом случае, каковое их сердечное предчувствование вскоре потом и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомерная строгость по городу. Мещане, как были попростее купечества, думали, что правительство вместо воеводы впустило к ним в город неученого лесного медведя, с которым они сладить не могут, а поразумнее обыватели пришли от того в отчаяние и не знали, что начать: собрались в магистрат, сидели, повеся головы, и один другому не говорил ни слова. Старик лет семидесяти, подошед в то время к собранию, говорил:

— Не отчаивайтесь, друзья, не вешайте голов и не печальте хозяина; оглядится зверек — ручнее будет. Я уже доживаю седьмой десяток и воевод здесь много видал, тут есть, может быть, какая-нибудь уловка; сыщите кого-нибудь из его домашних на свою сторону и выспросите, не охотник ли его высокоблагородие до чего-нибудь особо; так дело все и перевернется на другой манер.

Совет стариков принят был за благо, и отряжен в ту комиссию молодой купец, человек проворной, говорун, торгующий виноград-

ными напитками; то с помощию их и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день, к удовольствию всего города, купечества, мещанства, ремесленных и прочих обывателей, объявлено было от него, что он чрез камердинера воеводского проведал, что его высокоблагородие неслыханной охотник до щук. Без всякого промедления найдена была в городе самая большая щука, заплачено за нее без ряда, и поднесена воеводе, который с превеликим восторгом принял своими руками и сказал магистрату:

«Вот подарок, которым вы меня крайне одолжили, и я вам должен чистосердечно признаться, что я такой до них охотник, что все то, что вам ни угодно, делать буду, и вы от меня ни в чем отказу не получите».

Догадка изрядная, опыт с успехом, и купцы были весьма обрадованы, что они такою малостию могут иметь воеводу всегда на своей стороне. На другой день купец, имевший домашнее дело свое в канцелярии еще не решенным, вознамерился утруждать о том новоопределенного воеводу, просьбы же своей никогда они без приносу не употребляют, а известен уже будучи, что судья кроме щук ничего не принимает, пошел он на садки и спрашивал отменной величины щуки, ему показали, была похожая на вчерашнюю, за какую от магистрата заплачено было четыре рубля, то с него просили уже восемьдесят рублей. Знал он верно, что нужда закон переменяет; а притом, может быть, имел уже и сию догадку, что для воеводы малоценная щука невкусна; заплатил требуемую сумму и отнес к градодержателю, которым он и щука приняты были благосклонно, и продолжавшееся дело обещано было кончить. На третий день магистрат, собравшись попросить воеводу о некотором общественном деле, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконец дошло до сведения всего города и уезда, что щуки, подносимые воеводе, не составляют из себя множества, но есть оная одна, которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок и продавалась различными ценами, потому что дела просителей имели разные качества: например, магистрат, прося об общественных делах, всякий раз покупал ее по триста рублей, купцы для собственных своих дел, кои побогатее, по сту, а понедостаточнее по пятидесяти рублей; дворяне также покупали ее разными ценами для подносу воеводе, смотря по состоянию своего дела, а откупщик или коронный поверенный того города и уезда, когда случалась ему по откупу надобность, которая нередко бывала, а особливо для выемок корчемного вина, генерально платил за нее по пятисот рублей, а иногда и более, смотря на надобность собственного своего прибытка.

К сей отменной продаже определен был от воеводы самый исправный приказный служитель, знающий совершенную цену подаваемых челобитен и дел нерешенных, сверх того состояния и капиталы всех в городе и уезде живущих. Он для каждого покупщика назначал цену щуке и посылал записку на садок, где оная хранилась, за содержание и сбережение которой платили за каж-

дый месяц рыбаку по десяти рублей, и сей рыбак был крепостной воеводский, выписанный нарочно из другой губернии, дабы дело содержать в тайне.

Сия тварь орудием взяток избрана была, как кажется, потому: первое, что имеет она острые и многочисленные зубы, в которые если случится какой-нибудь рыбе или иному животному попасться, то уже спасения живота и возврату на сей свет не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съедает и опустошает целые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третье, жизнь продолжает долее всех ей подобных, и мне кажется, можно бы назначить ее изображением ехидной ябеды, а не правосудия.

В пять лет воеводства надворного советника, по собственным его выкладкам и достоверным приказного служителя запискам, щука сия стоила около двадцати тысяч; но превзошла б она и сию цену, ежели б сему добросовестному воеводе не последовала смена, по причине, как сказывают, притеснения неимущих, которым за настоящую цену щуки оной продавать не хотели, а требовали всегда назначенную приказным служителем; но недостатки их лишали той покупки, а оттого, сказывают, многие растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены к селам, сельцам и дворам обширным и знаменитым.

Расставаясь с воеводством, угощал он дворян и знаменитых купцов, где, между прочим, употреблена была в пищу и та драгоценная щука, которой куски, доставшиеся каждому, ценены были в шутку иной в тысячу, иной более и менее, как кому совесть дозволяла; но смененный воевода при сем случае, так как и прежде пришучивать умея, ответствовал каждому без застенчивости, что он служил за то, чем только мог и умел.

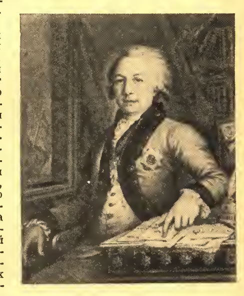
— А может-де, получите, — прибавил он, — какого-нибудь военного безграмотного воеводу, который, не смысля силы законов, ни себе, ни людям добра не сделает; сам будет без хлеба, да и других не накормит, а я оставляю многих здешних обывателей, а особливо приказных служителей до последнего такими, которые неусыпным моим старанием в производстве по большей части трудных и сомнительных дел довольно руки понагрели и запасли не только себе, но и деткам.

Г. Р. ДЕРЖАВИН
(1743—1816)

Я поставил бы долгом и обязанностью всякому юноше не только прочесть, даже изучить Державина, как великий факт в истории русской литературы, языка и эстетического образования общества.

Белинский

Гавриил Романович Державин — «одно из самых могучих проявлений русского духа, чудо-богатырь русской поэзии» (Белинский) — был сыном бедного дворянина, армейского офицера, служившего в глухой, далекой восточной окраине тогдашней России. На долю Державина выпало тяжелое детство: рано лишился он отца, учился на медные гроши у случайных учителей. С 1759 по 1762 г. Державин учился в Казанской гимназии, а затем в течение 10 лет был рядовым Преображенского полка. В 1772 г. Державин получил первый офицерский чин прапорщика; в 1773—1775 гг. принимал участие в подавлении восстания крестьян под предводительством Пугачева, однако наград не получил и даже должен был покинуть военную службу, перейти на штатскую. Только после того, как его ода «К Фелице» в 1783 г. стала известна Екатерине, Державин начал быстро подниматься по служебной лестнице. Однако недружелюбное отношение к нему екатерининских вельмож, видевших в Державине выходца из худородного дворянства, чужака, неровню себе, было причиной мно-



Г. Р. Державин

гократных срывов в его карьере. Не удержался на высоких постах Державин и позже (президент коммерц-коллегии при Павле I и министр юстиции при Александре I). С 1803 г. Державин был в отставке.

Державин начал писать, будучи еще солдатом, но свои ранние поэтические опыты он сжег в 1770 г. Впервые появились в печати произведения Державина в 1776 г., когда им был издан без имени автора и без обозначения года и места печатания небольшой сборник под заглавием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» (1774). Начиная с 1779 г., в «Санктпетербургском вестнике» появляются значительные произведения Державина: «Ключ», «На рождение на севере порфирородного отрока», «На смерть князя Мещерского», «К первому соседу».

Ода «К Фелице», написанная в 1782 г. и напечатанная в «Собеседнике любителей российского слова» в 1783 г., утвердила славу Державина как поэта. В дальнейшем печатаются такие его произведения, как «Осень во время осады Очакова» (1788), «На взятие Измаила» (1790), «Н. А. Львову» (1792). Нужно заметить, что ряд крупных произведений Державина появился в печати значительно позже их написания: «На счастье» (написано в 1789 г., напечатано в 1798 г.), «Водопад» (написано в 1794 г., напечатано в 1798 г.). При жизни поэта вышли из печати его «Сочинения» в одном томе (1798), «Анакреонтические песни» (1804), «Сочинения» в пяти томах (четыре тома в 1808 г., пятый — в 1816 г.).

Державин был сторонником самодержавия, сохранения крепостных отношений, но он резко выделялся среди придворной среды честностью, неподкупностью, своим протестом против жестокости, неправосудия, родовых привилегий.

Характеризуя Державина как поэта, литературоведы XIX в. обычно подчеркивали у него «небольшой запас познаний». Такая характеристика интеллектуального кругозора Державина неправильна. Державин много читал, пополняя свое образование, он знал немецкий язык, немецких авторов мог читать в подлинниках. «Я однажды, — говорит Белинский, — высказал, или лучше сказать, повторил чужую мысль, что Державина спасло его невежество, отрекаюсь торжественно от этой мысли, как совершенно ложной; Державин не был учен, но находился под влиянием современной ему учености», и потому он не мог остаться в полной мере в рамках религиозно-церковной ортодоксии; его тянуло к сенсуализму, у него часто проявлялся стихийный материализм. «Ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности» (Белинский).

Державин рос, формировался в рамках классицизма, он «заплатил слишком большую дань этому направлению, через что много повредил и своей самобытности», однако он настойчиво рвался из тесных рамок классицизма к реалистическому изображению действительности. Вследствие этого Державин занял важное место в истории русской литературы. Он становится посредствующим звеном между Ломоносовым и Пушкиным. Близость, родство Державина с Ломоносовым определялось стремлением их к тесной связи с русской современностью, к изображению русского исторического прошлого, к утверждению прав русского народа на самобытное развитие, к обеспечению в теории и на практике решающего значения простой народной речи в формировании русского литературного языка. Державин и тяготел к Ломоносову и отталкивался от него, поскольку некоторые ломоносовские начала уже отживали.

Державин настойчиво стремился к народности в поэзии, а отсюда и к реалистичности. Народность Державина «состоит в верности изображения картин русской жизни» (Белинский), она сказывалась «в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи».

Державин осуществил на практике тот принцип, что для поэтического изображения может служить всякий предмет: «За исключением Державина, поэтической натуре которого никакой предмет не казался низким, из поэтов прежнего времени никто не решился бы говорить в стихах о пивной кружке» (Белинский).

Большой заслугой Державина было то, что два начала в поэзии — торжественное и сатирическое — в творчестве его «часто сливались»; лирик Державин, «воспевший величие России, был в то же время и сатириком» (Белинский).

Нельзя преувеличивать реалистичность творчества Державина. Произведения Державина обильно насыщены описаниями быта, но к типическим обобщениям Державин приближался редко.

И все же велик подвиг Державина в развитии, в создании русской поэзии. Велик подвиг Державина, когда он «дерзнул забавным русским слогом» говорить в торжественных одах, не менее велик подвиг Державина, когда он в конце XVIII в. начал рисовать по-пушкински русские пейзажи, но еще более велик его подвиг, когда он вслед за Кантемиром и Фонвизиным и перед Пушкиным и Гоголем, «во многих лучших созданиях» своих мощным гением своим вносил в область художества «изображение пошлого». «Нашу статью о Державине, — писал В. Г. Белинский, — мы считаем началом статьи о Пушкине, почему и намерены связать обе эти статьи обзором исторического развития русской поэзии от Державина до Пушкина».

ФЕЛИЦА

Богоподобная царевна
Киргиз-кайсацкия орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает!
Она мой дух и ум пленяет;
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица, наставленье,
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть.
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем

И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд, —
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят, —
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной,
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шу́том, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю,
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то́ наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку на бекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музы́кой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играю в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой,
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю:
Полкана и Бову читаю,
Над библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякой человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел; но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;

Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна, свет из тьмы творить;
Деля хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь;
Как волк овец, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цену их:
Царей они подвластны воле,
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть.
А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава,
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух и́дет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда,
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,

Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткой, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица, правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого —
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;

Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава — слава бога,
Который брани усмирил,
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит,
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит;

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд.
Вещай, премудрая Фелица:
Где отличен от честных плут?
Где старость по-миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде — Смирне — Кашемире?
Послушай: где ты ни живешь, —
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя

За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайших тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

(В сокращении.)

На темноголубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал.
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал, — и со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
«Блажен, — воспел я, — кто доволен
В сем свете жребием своим,

Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира [1]
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны,
Какой бы ни были орды,
Из теремов своих янтарных
И сребророзовых светлиц, [2]
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За росказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь,
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют [3].
Блажен! Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вкруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена...
Сафиросветлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! — Она вещала мне! —
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам

---

[1] Этим именем Державин обыкновенно называл свою жену.

[2] Державин имеет здесь в виду комнаты большого (Екатерининского) дворца в Детском Селе; в одной из них все стены выложены янтарем, а другая была украшена розовой фольгой и серебряной резьбой.

[3] Державин имеет в виду табакерку, полученную им от императрицы.

На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли.
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей...
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
«Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица?» —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица...»
Бесчувствен я, безгласен был.
Но током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
«Возможно ль, кроткая царевна,
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься [1] злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров [2],
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,

[1] Защищаться.
[2] Вельмож и ханжей.

Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою!..

Начато в 1783—1784 гг.
Окончено и напечатано в 1791 г.

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

(В сокращении.)

О, коль монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. *Ломоносова.*

Везувий пламя изрыгает;
Столп огненный во тьме стоит;
Багрово зарево зияет;
Дым черный клубом вверьх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы.

О Росс! — таков твой образ славы,
Что зрел над Измаилом свет!
О Росс! — о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды — тебе забавы;
Твои венцы — вкруг блеск громов:
В полях ли брань, ты тмишь свод звездный;
В морях ли бой, ты пенишь бездны;
Везде ты страх твоих врагов!

На подвиг твой, вождя веленьем,
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедах твой весел зрак:
Где вкруг драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали [1],
Ты там прославился днесь вновь,
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила!..»
И воскипела бранна кровь.

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням Россы так текут.
Ничто им путь не воспящает:
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним,
Идут — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними дым.

Идут в молчании глубоком
Во мрачной, страшной тишине;
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет,
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами;
Они молчат, идут вперед.

Не бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезлом?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними идет со крестом,
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет
За честь, за веру, за царя;
За ним — вождей ряд пред полками,
Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря.

Идут. Искусство зрит заслугу,
И сколь их дух был тут велик,

---

[1] Измаильская крепость была обороняема тремя стами пушек. *(Объясн. Державина.)*

Вещает слух земному кругу;
Но мне их раздается крик;
По лестницам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как угль, их взоры раскаленны;
Как львы, на тигров устремленны,
Бегут, стеснясь, на огнь, на гром.

О, что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на вас:
Зрю камни, ядра, вар и бревны,
Но чем герои устрашенны?
Чем может отражен быть Росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну;
Всяк Курций, Деций, Буароз!

Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О Россы! нет вам, нет примеру,
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны;
Но мнят еще стерть вражий рог:
Иной движеньем ободряет,
А тот с победой восклицает:
«Екатерина! — с нами бог!»

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огнь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами, —
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера!
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

Представь: по светлости лазуря
По наклонению небес,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лес,
Как страшна нощь; надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,

Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверьх корнями
И затрещал Ливан кремнист.
Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огнь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали;
Что мрак лишь молньи освещали;
Что гром потряс всемирну ось;
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно.
Се вид, как вшел в Измаил Росс!..

1790

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей;
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть.
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся,
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;

Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился:
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там; Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны —
И... точит лезвее косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость, с бедностью совместна:
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,

Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет,
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжение минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите, счастьи, прочь, возможны!
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

ВОДОПАД

(В сокращении.)

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверьх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышан млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны,
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны,
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают,
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вкруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падущих рев;
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вкруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье и меч и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его:
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной, —

Сидит и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрип подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут, — и вождь непобедимый,
В сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лицо плащем, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды!

Падут, — и несравненный муж,
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут, — и не мечты прельщали
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но, ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.

Сошла Октябрьска нощь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревущия волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой...

О! слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает:
Но если он водой своей
Удобно всех не напояет,
Коль рвет брега и в быстротах
Его нет выгод смертным: — ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой.

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный,
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды чорны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями;
Обозревает царствы вдруг;
Шумит и, как звезда, блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля; кров — воздух синь;
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз, друг Аполлона,
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?..

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным,
И в поздной памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем:

То тихое твое теченье, —
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И, без примеса чуждых вод
Поишь златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги, —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их.
«Доколе», рек: «доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг — спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков».

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил: вы боги властны,
Никто над вами не судья;
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь Муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает:
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы персские на вас
И не бразильски звезды ясны;
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны:
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться, —

Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов:
Всяк думает, что я Чупятов,
В мароккских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный:
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья.
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,

Токай густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверьх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут,
И в рощах нимфы воспевают,
На то ль, чтобы на все взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных;
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи;
Ты с ней покойно спишь... а там? —

А там израненный герой,
Как лунь, во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ,
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает:
За выгоды твои, за честь,
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный,
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Заимодавцев полк стоит
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, Сибарит! — ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь;
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в историьи веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей... увы!.. и грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей,
В единодушии — блаженство,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ, где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает;
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым, —
Вельможи! славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым,
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?

Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков,
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камилла,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой, желанный муж,
Не роскошью вельможа славный,
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маслиной венчанный,
Я праведну здесь песнь воспел!
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей,
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря!

1794

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошвейных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музыка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;

Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой;
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь.
Она поет — ты страстью таешь;
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы,
Что Парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра,
И дождь златый к тебе лиется.
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен, кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей!
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли;
Но, вихрем пораженны, пали:
Теперь корнями вверьх лежат.

Непостоянство — доля смертных;
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны

Престанут Грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке,
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя,
И ветр благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно:
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780

ЛАСТОЧКА

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль, в небе простряся, плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь,
Мгновенно туда и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы;
Но видишь там всю ты вселенну
Как будто с высот на ковре;
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре,
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленной,
Там мошки толкутся столпом,

Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм.
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна,
Но только лишь придет весна,
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.
Душа моя! Гостья ты мира:
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие мира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира? [1]

Написано и напечатано в 1792 г.
(кроме последних двух строк).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, — и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство

[1] Последние две строчки «Ласточки» были прибавлены Державиным к стихотворению после смерти его жены.

И твердый мой, нельстивый нрав.
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность
На русской мой простой обед
Я звал, одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим,
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор,
Увы! то как не умудриться,
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покорна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но ах! и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться,
И тем, чем можем, утешаться, —
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званных, милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать, —
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа,
Умеренность есть лучший пир.

1795

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный;
Металлов тверже он и выше пирамид:
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой
И, презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1796

ХРАПОВИЦКОМУ

Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я к себе твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;

Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали, —
Чувствуем ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал:
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

1797

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, Певец Тииский,
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка;
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят,
И плечами говорят;

Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груди нежные дышат;
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь;
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью Россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! Что воевать?

1800

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю, — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, Гунны, Скифы, Чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом, — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! хор Муз, не пой! —
Супруга! облекись терпеньем:
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что́ с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор:
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги;

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, — и пар
Повеет с дома мне Манжурской, иль Левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы,
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы, —

В которой поутру, иль в вечеру, порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах, иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах;

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров и кружев и вязани.

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов,
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат — пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами;

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с по́ливкой калач,
А тем лекарствица в подспорье;

Где также иногда по палкам, по костям
Усастый староста иль скопидом брюхатой
Дают отчет казне и хлебу и вещам,
С улыбкой часто плутоватой; —

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине;

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда в игры зело горячи
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я Муз,
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире;

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе, — и драки человеков.

«Все суета сует!», я, воздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна:
«О коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля».

Дворовых, между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне, не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать. Хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол, — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус,
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравой.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сластьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: — бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен:
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут, горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа машину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огнь, толчет и мелит.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Столь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы,

И сельски ратники, как царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя, мы, — говорят, — помрем,
Чем у французов быть в подданстве!»

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верьхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и ароматов полн
Порхает ветр меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым,
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам синетемным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно, в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно, тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно, как вдали сверкает луч с косы,
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем,
Велим талантами родных своих детям
Блистать музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет:
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных:

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваньи.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы, слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? — Сокрылось солнце, — тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсшлау;
Младых вождей расцвел победами там взор,
А скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который, тощих недр и сводов внутрь своих,
Вождя, волхва, гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим
В лесах, трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец, святым твоим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны;

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь вслух страннику, вдали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, Фелицы».

1807

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

1816

И. И. ХЕМНИЦЕР
(1745—1784)

Иван Иванович Хемницер был сыном врача, саксонского уроженца, переселившегося в Россию при Петре I; родился он в г. Астрахани, образование получил домашнее под руководством отца и частных учителей. На тринадцатом году жизни он поступил на военную службу; по выходе в отставку в 1769 г. Хемницер перешел на службу в горное ведомство, в 1782 г. был назначен генеральным консулом в Смирну, где и скончался в 1784 г.

Хемницер известен в истории русской литературы как баснописец.

Литературную деятельность Хемницер начал одой (1770) (посвященной победе русских войск под турецкой крепостью Журжа), в которой он подражал Ломоносову, и сатирами, в которых шел за Сумароковым.

В середине 70-х годов Хемницер вышел на самостоятельный творческий путь: он приступил к работе над баснями. В 1779 г. появилось первое печатное издание басен Хемницера — «Басни и сказки» (27 басен), в 1782 г. вышло второе издание (63 басни). В 1799 г. друзья Хемницера выпустили в свет наиболее полное издание, роскошно иллюстрированное виньетками Оленина.

Хемницер принадлежал к числу передовых людей второй половины XVIII в.: он был противником захватнических войн Екатерины, врагом произвола властей, несправедливости судей, дворянской спеси.

В своей литературной деятельности Хемницер продолжал линию Кантемира: стремился связывать поэзию с жизнью, тяготел к народной речи. Как баснописец Хемницер опередил Сумарокова и В. Майкова, являясь предшественником Крылова. Белинский высоко ценил Хемницера, называл его «талантливым», «первым» русским баснописцем, считал, что «Крылов много обязан Хемницеру», утверждал, что Хемницер «удержится в истории нашей литературы».

И. И. Хемницер

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый конь, увидя клячу в поле
В работе под сохой,
И в неге не такой,
И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый конь у барина имел,
С пренебрежением на клячу посмотрел,
Пред клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился, и тем и сем хвалился.
«Что, — говорит он кляче той: —
Бывал ли на тебе убор когда такой,
Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает:
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает;
Всяк обо мне твердит и всякий похваляет.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна кляче спесь коня;
«Пошел, хвастун! — ему на это отвечает: —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНЬЕ

Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, — сказал: — и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет.
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских примечаю.
Зачем бы и ему не так же поступать?»
Слон, волчье слыша рассужденье,
«Я должен, — говорит, — тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк, а пастухово мненье —
Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных примеры брать,
Не будет, наконец, с кого и шерсть снимать».

ПАУК И МУХИ

«Постой, — паук сказал.
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается все мелочь: дай, раскину
Пошире паутину;
Авось-либо тогда поймаю и больших».
Раскинув, нажидает их:

Все мелочь попадает;
Большая муха налетит, —
Прорвется и сама, и паутину мчит.
А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Не обернись, беда:
Вор, например, большой, хоть в краже попадется,
Выходит прав из-под суда;
А маленький наказан остается!

ЛЕСТНИЦА

Все надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, все будет без пути.
Хозяин некакий стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних месть. Хоть с нижней сор сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были. —
Кто с низу лестницу метет?
На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?»

ДЕЛЕЖ ЛЬВИНЫЙ

Осел с овцой, с коровой и с козой
Когда-то в пайщики вступили
И льва с собою пригласили
На договор такой:
Что если зверь какой
На чьей-нибудь земле в тенета попадется,
И зверя этого удастся изловить,
То б в случае таком добычу разделить
По равной части всем, кому что доведется.
Случись,
Олень к козе в тенета попадись.
Тотчас друг другу повестили
И вместе все оленя задушили.
Дошло до дележа. Лев тотчас говорит:
«Одна тут часть моя, и мне принадлежит,
Затем что договор такой мы положили». —
«Об этом слова нет!» — «Другая часть моя,
Затем что я
Львом называюсь

И первым между вас считаюсь». —
«Пускай и то!» — «И третья часть моя,
По праву: кто кого храбрее;
Еще четверту часть беру себе же я,
По праву: кто кого сильнее;
А за последнюю лишь только кто примись,
То тут же и простись».

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Волк, долго не имев поживы никакой,
Был тощ, худой,
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И волку этому случись
С собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой с собакою схватиться
И ею поживиться,
Да полно, для того не смел,
Что не по нем была собака
И не по нем была и драка.
Итак, со стороны учтивой подошел,
Лисой к ней начал подбиваться,
Ее дородству удивляться
И всячески ее хвалить.
«Не стоит ничего тебе таким же быть, —
Собака говорит, — как скоро согласишься
Идти со мною в город жить,
Ты будешь весь иной и так переродишься,
Что сам себе не надивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи
И с горем пополам поесть чего ищи;
А даром и куском не думай поживиться:
Все с бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Ведь посмотреть, так в чем душа-то, право, в вас?
Не евши целы дни, вы все как испитые,
Поджарые, худые!
Нет, то-то жизнь-то как у нас!
Ешь, не хочу, всего, чего душа желает!
После гостей
Костей, костей,
Остатков от стола, так столько их бывает,
Что некуда девать!

А ласки от господ, уж подлинно сказать!»
Растаял волк, услыша весть такую,
И даже слезы на глазах
От размышления о будущих пирах. —
«А должность отправлять за это мне какую?» —
Спросил собаку волк. «Что? должность? ничего!
Вот только лишь всего:
Чтоб не пускать на двор чужого никого,
К хозяину ласкаться
И около людей домашних увиваться!»
Волк, слыша это все, не шел бы, а летел;
И лес ему так омерзел,
Что про него уж он и думать не хотел,
И всех волков себя счастливее считает.
Вдруг на собаке он дорогой примечает,
Что с шеи шерсть у ней сошла.
«А — это что такое,
Что шея у тебя гола?» —
«Так, это ничего, пустое».
«Однако нет, скажи». — «Так, право, ничего.
Я чаю,
Это от того,
Когда я иногда на привязи бываю».
«На привязи? — тут волк вскричал, —
Так ты не все живешь на воле?» —
«Не все, да полно, что в том нужды?» — пес сказал. —
«А нужды столько в том, что не хочу и боле
Ни за что всех пиров твоих:
Нет, воля мне дороже их;
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!» —
Сказал, и к лесу дай бог ноги.

ИМЕНИЕ И ССОРА

Не весть разбойники, не весть князьки какие,
Да только люди не простые,
И счетом двое их всего,
(То есть: вот этих только двое,
А их число совсем другое),
С своими войсками соседа своего
Сложились выгнать вон из кровного владенья
И разделить потом промеж собой его.
Ну как отступишься бесссорно от именья,
Да от имения родного своего?
Где между частных спор случится о именьи,
Там можно способы через судей найти
Кое-как ссору развести;
Но в этом ссорном положеньи,

Где всяк считался сам большой,
Чем тут решить, как не войной?
Пошла война: людей без счету побивали,
Так что со стороны смотреть и те устали,
Которые войной и грабежом живут.
А должно знать, что тут
Ни мало не на стать поэм происходило,
Где войски за себя богов пускают в бой,
Как скоро только лишь сраженье наступило:
Здесь каждый сам дрался без помощи чужой,
И вот зачем людей так много побивали.
И для того иной желал,
Чтоб уж хоть правый проиграл,
Лишь только б драться перестали.
«Да что? — тут некто рассуждал, —
Хоть ссориться втроем уймутся,
Став двое, из того ж именья подерутся».

ПРИВИЛЕГИЯ[1]

Какой-то вздумал лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?
Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают, знай, указ, да обдирают.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают, не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показалось,
Что позволение такое состоялось:
Зверям указом волю дать
Повольно меж собой друг с друга кожи драть —
Весьма сомнительным лисица находила
И в рассуждении самой и всех скотов.
«Повыведать бы льва»! — лисица говорила
И львиное его величество спросила,
Не так чтоб прямо, нет, как спрашивают львов, —
По-лисьи, на весы кладя значенье слов,
Все хитростью, обинякам,
Все гладкими придворными словами:
«Не будет ли его величеству во вред,

[1] Эта басня была исключена из издания Смирдина 1852 г.

Что звери власть такую получили?»
Но сколько хитрости ее ни тонки были,
Лев ей однакоже на то ни да, ни нет.
Когда ж по львову расчисленью
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.
Тут те, которые жирнее всех казались,
Назад уже не возвращались.
«Вот я чего хотел, — лисице лев сказал, —
Когда о вольности указ такой я дал:
Чем жир мне по клочкам сбирать с зверей трудиться,
Я лучше дам ему скопиться.
Султан ведь тоже позволяет
Пашам с народа часто драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает:
Так я и рассудил пример с султана взять».
Хотела было тут лисица в возраженье
Сказать свое об этом мненье
И изъясниться льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорить со львом...
А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лисьи промолчать.

МЕТАФИЗИК

Отец один слыхал,
Что за море детей учиться посылают
И что вобще того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с знанием таких людей считают;
И смóтря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился:
Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупее возвратился.
Попался на руки он школьным тем вралям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая толк вещам;
И малого не научили,
А нáвек дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;

Дом, город и весь свет враньем его скучал.
В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
Сыскать начало всех начал, —
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, которой с ним случился,
Скорее бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, рассуждал:
«Какая быть могла падения причина?
Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое стремленье
Могло произвести воздушное давленье,
С землей и с ямою семи планет сношенье...»
Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка; ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися», —
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»—
Отец хоть был и не учен,
Да от природы был умен.
Вопрос дурацкий оставляя,
«Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет». —
«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое». —
«Да время надобно, — отец ему на то: —
А это хоть не ново,
Да, благо, уж готово». —
«А время что?» —
«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».
Что, если бы вралей и остальных собрать,
И в яму к этому в товарищи послать?..
Да, яма надобна большая!

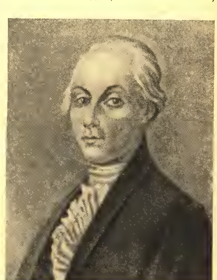
А. Н. РАДИЩЕВ
(1749—1802)

Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадет даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы.

Ленин.

Александр Николаевич Радищев, сын крупного помещика, родился в Москве или в селе Верхнее Аблязово, б. Саратовской губ. Родители Радищева выделялись среди дворян гуманностью по отношению к крепостным. Первыми учителями Радищева были дворовые — дядька Петр Мамонтов, по прозвищу Сума, и няня Прасковья Клементьевна. С юных лет видел будущий поэт крестьянскую нищету, слушал рассказы об ужасах крепостной жизни у соседних помещиков. С 1757 по 1762 г. Радищев жил в Москве, в семье родственника Аргамакова, с детьми которого он и учился под руководством преподавателей гимназии и университета. С 1762 по 1766 г. Радищев учился в Пажеском корпусе, в 1766 г. был отправлен в Германию для обучения юридическим наукам в Лейпцигском университете.

По возвращении из-за границы, в 1771 г., Радищеву пришлось тянуть чиновничью лямку — протоколиста в Сенате, а затем обер-аудитора при штабе петербургского главнокомандующего. С 1777 г. по день ареста Радищев состоял на службе в коммерц-коллегии, причем под конец своей службы занимал высокий пост начальника петербургской таможни. В 1790 г. он выпустил в свет «Путешествие из Петербурга в Москву», за которое был арестован и присужден к смертной казни, замененной после ссылкой в Илимский острог. После смерти Екатерины II Радищев был возвращен из Сибири и направлен в ссылку в село Немцево б. Калужской губернии. Только в 1801 г., с воца-



А. Н. Радищев

реппем Александра I, Радищев был полностью амнистирован и восстановлен в правах.

Будучи в 1801 г. назначен членом комиссии по составлению законов, Радищев серьезно отдался составлению различных проектов, но вскоре понял, что никаких реформ правительство проводить не собирается и что он является предметом игры в руках высокопоставленных чиновников Александра I. Этого Радищев не мог перенести и 11 сентября 1802 г. покончил с собой, приняв яд.

Литературная деятельность Радищева началась переводами. В 1773 г. «иждивением» «Общества, старающегося о напечатании книг» издано переведенное Радищевым с французского сочинение Мабли «Размышления о греческой истории»; в первой половине 70-х годов Радищевым была переведена книга «Офицерские упражнения». Первым оригинальным произведением Радищева нужно считать повесть «Дневник одной недели», написанную около 1773 г.; в 80-х годах Радищев усиленно работает над целым рядом произведений и в особенности над «Путешествием». В 1789 г. Радищев приступил к опубликованию своих произведений; им печатаются: «Беседа о том, что есть сын отечества», «Житие Федора Васильевича Ушакова». Оборудовав собственную типографию, Радищев в 1790 г. напечатал сначала «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», а затем «Путешествие». В Илимске в 1792 г. Радищев приступил к философскому сочинению «О человеке, о его смертности и бессмертии». После возвращения из Илимской ссылки Радищевым написано несколько произведений: поэма «Бова» (1798—1799), поэма «Песни, петые на состязании» (1800—1802), стихотворение «Осмнадцатое столетие» (1801) и др.

«Путешествие из Петербурга в Москву» при царском режиме оставалось под запретом вплоть до 1905 г. Попытки переиздать «Путешествие» окончились неудачно, если не считать полузакрытое издание Суворина 1888 г. (напечатано было 100 экз.) и Бурцева 1889 г. (150 экз.). «Путешествие» печаталось за границей, в 1858 г. (изд. Герцена) и в 1876 г.

Радищев всю жизнь свою отдал народу, выразителем чаяний и ожиданий которого он был.

Революционные потрясения не страшат Радищева, он твердо убежден в том, что после разгрома самодержавия, крепостничества, рабства народ создаст новый строй, новую культуру, победит «все преграды».

Радищев был пропагандистом истинного патриотизма, революционного патриотизма, пафос которого заключался в призыве к борьбе с рабством, деспотизмом, к борьбе за счастье народа.

Социально-политические взгляды Радищева выросли на русской почве. Русский народ испокон веков был вольнолюбив. Все историческое прошлое русского народа формировало социально-политические взгляды Радищева.

В социально-политических взглядах он поднялся выше своих наиболее передовых современников и предшественников как русских (Новиков, Фонвизин, Аничков), так и заграничных (Руссо, Вольтер и др.).

Радищев — прямой предшественник дворянских революционеров-декабристов, а в некоторых отношениях он даже опережал декабристов, становился предшественником революционеров-демократов.

По своим философским взглядам Радищев стоял на самых передовых позициях того времени — он вступил на путь материализма. Прекрасно зная философию греческую, римскую, западноевропейскую, он в то же время опирался на русские философские традиции (русские вольнодумцы XV—XVI вв., «вольное философствование» Ломоносова, философские работы Аничкова, Десницкого и др.).

Радищев — революционер в области социологии, философии, психологии, педагогики, искусств — занимает исключительно важное место и в области поэтического творчества. Он был первым русским революционным писателем. Восприняв лучшие традиции русской литературы и устного народного творчества, он углубил их, поднял на революционную высоту.

Радищев — один из зачинателей критического реализма, предшественник Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, революционеров-демократов.

Товарищ Сталин, говоря о революционном прошлом России, вспоминает Радищева, помещает имя его среди самых выдающихся революционеров: «Кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса» [1].

В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин указал место и роль Радищева в русском революционном движении: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [2].

(О САМОДЕРЖАВСТВЕ)

Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно, но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу: о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества.

1773

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем. Поудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при праге.

— Вступи и виждь! Кому не известно, что имя сына отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею, что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и из-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 25.
[2] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 21, стр. 85.

бирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. Все сие обретает он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, и извлеченным от божественных и естественных гражданским, или общежительным.

— Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына отечества?

— Он не человек, но что? он ниже скота; ибо и скот следует своим законам, и не примечено еще в нем удаления от оных. Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, впрочем, обременены тяжестию своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои ничто иное, как мертвые тела, погребенные одно против другого, работают необходимое для человека из страха; им ничего, кроме смерти, не желательно и коим наималейшее желание заказано и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло государству сие великое число рук?

— Не о сих здесь слово; они не суть члены государства, они не человеки, когда суть ничто иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот!

— Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества! Но где он? где сей, украшенный достойно сын величественным именем?

— Не в объятиях ли неги и любострастия? не объятый ли пламенем гордости, любоначалия, засилия? не зарытый ли в скверно-прибыточестве, зависти, зловожделении, вражде и раздоре со всеми, даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют и к одному и тому же устремляются? или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пиянства? Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он

тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все домы для бессмысленнейшего пустоглаголания, для обольщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика или, лучше сказать, живописною политрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его распутная жизнь, знаменуемая смрадом, из уст и всего тела его происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, — словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольской большого света науки: он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои; переодевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место, кратко — он щеголь.

— Не сей ли есть сын отечества? — или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми одному ему известными средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу. Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! сей ли есть сын отечества?

— Или тот, простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого отечества своего, а ежели бы можно было, и целого света и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостию, ежели открывается ему случай к новому приобретению, пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду, стужи, зноя; пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей; все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего, — он умножает свое имение, а сего и довольно. — Итак, не сему ли принадлежит имя сына отечества?

— Или не тот ли, седящий за исполненным произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстьми своими? Итак, конечно, сей или же который-нибудь из вышесказанных четырех? (ибо пятого сложения толь же отдельно редко

найдем). Смесь сих четырех везде видна, но еще не виден сын отечества, ежели он не в числе сих!

— Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человеков, не согласен наименовать вычисленных людей сынами отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд (не на себя, ибо они себя не находят такими), но на подобных себе и приговорят исключить таковых из числа сынов отечества, поелику нет человека, сколько бы он ни был порочен и ослеплен собою, чтобы сколько-нибудь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел.

— Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя уничижаема, поносима, порабощаема насилием, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием и не обретая нигде утешения своего. Не доказывает ли сие, что он любит честь, без которой он как без души. Не нужно здесь изъяснять, что сия есть истинная честь, ибо ложная вместо избавления покоряет всему вышесказанному и никогда не успокоит сердца человеческого.

— Всякому врождено чувствование истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предубеждений к тихому ее, чести то есть, свету. Нет ни одного из смертных толико отверженного от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению чести. Всяк желает лучше быть уважаем, нежели поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе: как бы ни силился ласкатель Александра Македонского, Аристотель, доказывать сему противное, утверждая, что сама природа расположила уже род смертных так, что одна, и притом гораздо большая часть оных, должна непременно быть в рабском состоянии и, следовательно, не чувствовать, что есть *честь*? а другая в господственном, потому, что не многие имеют благородные и величественные чувствования.

— Не спорно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена во мрачность варварства, зверства и рабства; но сие нимало не доказывает, что человек не рожден с чувствованием, устремляющим его к великому и к совершенствованию себя и, следовательно, к люблению истинной славы и чести. Причиною тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного.

— Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О, ежели б вы проникли цепь всея природы, сколько вы

можете, а можете много! то другие бы мысли вы ощутили в себе; нашли бы, что любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания и при которых истинный друг человечества содрогается.

— Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? Поистине она лишилась бы величайшего способа как к сохранению, так и совершенствованию себя. Везде и со всяким человеком рождается оная пламенная любовь к снисканию чести и похвалы у других. Сие происходит из врожденного человеку чувствования своей ограниченности и зависимости. Сие чувствование толь сильно, что всегда побуждает людей к приобретению для себя тех способностей и преимуществ, посредством которых заслуживается любовь как от людей, так и от высочайшего существа, свидетельствуемая услаждением совести; а заслужив других благосклонность и уважение, человек учиняется благонадежным в средствах сохранения и совершенствования самого себя.

— И если сие так, то кто сомневается, что сильная оная любовь к чести и желание приобрести услаждение совести своей с благосклонностию и похвалою от других есть величайшее и надежнейшее средство, без которого человеческое благосостояние и совершенствование быть не может? Ибо какое тогда останется для человека средство преодолеть те трудности, кои неизбежны на пути, ведущем к достижению блаженного покоя, и опровергнуть то малодушное чувствование, кое наводит трепет при воззрении на недостатки свои? Какое есть средство к избавлению от страха пасть навеки под ужаснейшим бременем оных? ежели отъять, во-первых, исполненное сладкой надежды прибежище к высочайшему существу не яко мстителю, но яко источнику и началу всех благ; а потом к подобным себе, с которыми соединила нас природа ради взаимной помощи и которые внутренно преклоняются к готовности оказывать оную и, при всем заглушении сего внутреннего гласа, чувствуют, что они не должны быть теми святотатцами, кои препятствуют праведному человеческому стремлению к совершенствованию себя.

— Кто посеял в человеке чувствование сие искать прибежища? — Врожденное чувствование зависимости, ясно показывающее нам оное двойственное к спасению и удовольствию нашему средство. И что, наконец, побуждает его ко вступлению на сии пути? что устремляет его к соединению с сими двумя человеческого блаженства средствами и к заботе нравиться им? — Поистине ничто иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства.

— Рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений! И се начало того побуждения к люблению чести, которое посеяно в человеке при начале сотворения его! се причина чувствования того услаждения, которое обыкновенно сопряжено всегда с сердцем человека, как скоро изливается на оное благоволение божие, которое состоит в сладкой тишине и услаждении совести, и как скоро приобретает он любовь подобных себе, которая обыкновенно изображается радостно при воззрении его, похвалами, восклицаниями. Се предмет, к коему стремятся истинные человеки и где обретают истинное свое удовольствие! Доказано уже, что истинный человек и сын отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом *честолюбив*.

— Сим да начинает украшать он величественное наименование сына отечества, монархии. Он для сего должен почитать свою совесть, возлюбити ближних; ибо единою любовию приобретается любовь; должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии почести, превозношении и славе, которая есть сопутница или паче тень, всегда следующая за добродетелию, освещаемою невечерним солнцем правды; ибо те, которые гоняются за славою и похвалою не только не приобретают для себя оных от других, но паче лишаются.

— Истинный человек есть истинный исполнитель всех предуставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным. Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования, слова и деяния его. С благоговением подчиняется он всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют; для него нет низкого состояния в служении отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови государственного тела. Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагонравия и тем отнять у отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою оного; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию своих соотчичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением честности, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу отечеству, то не страшится пожертвовать жизнию; если же она нужна для отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность

оных, яко пагубу блаженства и совершенствования соотечественников своих. Словом, он *благонравен*! Вот другой верный знак сына отечества!

— Третий же и, как кажется, последний отличительный знак сына отечества, когда он *благороден*. Благороден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбивыми качествами и поступками своими; кто сияет в обществе разумом и добродетелию, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинуясь законам и блюстителям оных, предержащим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения соотчичей и государя своего, который есть отец народа, ничего не щадя для блага отечества. То есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени отечества и который не инако чувствует при том воспоминании (которое в нем непрестанно), как бы то говорено было о драгоценнейшей всего на свете его части. Он не жертвует благом отечества предрассудкам, кои мечутся, яко блистательные, в глаза его; всем жертвует для блага оного: верховная его награда состоит в добродетели, то есть в той внутренней стройности всех наклонностей и хотений, которую премудрый творец вливает в непорочное сердце и которой в ее тишине и удовольствии ничего в свете уподобиться не может. Ибо истинное благородство есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честию, которая не инде находится, как в беспрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам естества и народоправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвещенной древности, так и ныне почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына отечества!

— Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякого благомыслящего сердца сии качества сына отечества и хотя всяк сроден иметь оные, но не могут, однако ж, не быть нечисты, смешаны, темны, запутаны, без надлежащего воспитания и просвещения науками и знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления и наводняет целые государства злосчастиями, беспокойствами, раздорами и неустройством. Ибо тогда понятия человеческие бывают темны, сбивчивы и совсем химерические. Почему прежде, нежели пожелает кто иметь помянутые качества истинного человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви отечества, к желанию подражать великим в том примерам, також к любви к наукам и художествам, сколько позволяет отправляемое в общежитии звание; применился бы к упражнению в истории и философии или любомудрии, не школьном, для

словопрения единственно обращенном, но в истинном, научающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса возлюбил бы рассматривание живописи великих художников, музыки, изваяния, архитектуры или зодчества.

— Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такового точно воспитания и на сих правилах основанного введен богомудрыми монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оного, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.

«*Тилемахида*», т. II, кн. XVIII, стих 514.

А. М. К.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце воспроизвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодействии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто сострадает со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. Летом. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяяся душевно от земли, казалося мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, которой оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.

— Бог в помощь, — сказал я, подошед к пахарю, которой, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. — Бог в помощь, — повторил я.

— Спасибо, барин, — говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

— Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

— Нет, барин, я прямым крестом крещусь, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

— Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенье не спускаешь, да еще и в самой жар?

— В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, — крестяся, — чтоб под вечер сегодня дожжик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господа молят.

— У меня, мой друг, мужиков нет, а для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

— Три сына и три дочки. Перьвинькому-то десятой годок.

— Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

— Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

— Так ли ты работаешь на господина своего?

— Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где

барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?

— Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.

— Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. — Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху, и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными, а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

— Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение.

Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, которой, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распростираться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал.

— Ты во гневе твоем, — говорил я сам себе, — устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному — сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетьми, ни батожьем (о умеренной человек!) — и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяной, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу!

— А кто тебе дал власть над ним?

— Закон.

— Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный!.. — Слезы потекли из глаз моих; и в таковом положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтобы возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неустройства в обществе связи не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. Но он мне сказал наотрез:

— Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями. — И, с видом негодования простясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку, как вдруг дождь пошел. — Беда невелика, — размышлял я: — закроюсь ценовкою и буду сух. Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло облака, и дождь лил ведром. С погодою не сладишь; по пословице: тише едешь, дале будешь — вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше, положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была не пуховая, долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шопот. Два голоса различить я мог, которые между собой разговаривали:

— Ну, муж, расскажи-тка, — говорил женской голос.

— Слушай, жена. Жил-был...

— И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить? — сказала жена вполголоса, зевая ото сна; — поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей разбойник.

— Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великой охотник. Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных

в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы есть будет.

— В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями. Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенные денежки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах явился перед его высокопревосходительством.

— Поспешай, мой друг, — вещает ему унизанный орденами, — поспешай, возьми сей пакет, отдай его в Большой Морской.

— Кому прикажете?

— Прочти адрес.

— Его... его...

— Не так читаешь.

— Государю моему гос...

— Врешь... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С.-Петербурге в Большой Морской.

— Знаю, ваше высокопревосходительство.

— Ступай же, мой друг, и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; я тебе скажу спасибо не одно.

— И ну-ну-ну, ну-ну-ну; по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо на двор.

— Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить. Вот устерсы, теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся. — Бочку взвалили в кибитку; поворотя оглобли, курьер уже опять скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи.

— Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульной офицер бежит уже к наместнику (то ли дело, как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шасть курьер в двери.

— Привез, ваше высокопревосходительство.

— Очень кстати (оборотясь к предстоящим); право, человек достойной, исправен и не пьяница. Сколько уже лет по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомнить не могу. Секретарь, пиши представление. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшее оных исправление удостаиваю его к повышению чином.

— В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в С.-П. с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы. Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет. — По представ-

лению господина генерала и проч. приказали: быть сержанту Н. Н. прапорщиком.

— Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица.

— И... полно, Клементьич, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? за то, что ты промен дерешь со всех, а с ним не делишься.

— Потише, Кузминична, потише; неравно кто подслушает. — Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал присяжной с женою, которые до света отправились в Новгород...

...Возмущенные соки мыслию стремилися, мне спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Несчетные картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, седящее во власти на престоле.

Место моего восседания было из чистого злата и хитро искладенными драгими разного цвета каменьями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло с блеском моих одежд. Глава моя украшалася венцом лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из сребра изваянном, на коем изображалися морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого злата и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью *Закон милосердия*, в другой — книга с надписью *Закон совести*. Держава, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудою младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполина, воскраие же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг всего седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество. С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором

отдалении от престола моего толпилося бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалося, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачной покров свой по чертам веселия, улыбка улетела со уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия. Искаженные взгляды и озирание являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящие беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби, и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самыя кончины мучительнее. Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулися ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частию улегчася, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частию, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательной свой покров, улетает на крылех мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствования, — тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталося косого вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать:

— Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки. — Подобно тихому полуденному ветру, помавающему листвия дерев и любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил:

— Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. Другой восклицал: он обогатил государство, расширил внутрен-

нюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие.

Женщины с нежностью вещали:

— Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельныя кончины.

Иной с важным видом возглашал:

— Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание.

Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло:

— Он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавалися в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалася над обыкновенным зрения кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалась степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилося с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я идти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной.

— Государь, — ответствовал он мне, — слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращуся, приносяй дань царей сильных.

Учредителю плавания я рек:

— Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы, флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе.

— Исполню, государь. — И полетел на исполнение, яко ветр, определенный надувать ветрила корабельные.

— Возвести до дальнейших пределов моея области, — рек я хранителю законов, — се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в домы свои, яко заблудшие от истинного пути.

— Милосердие твое, государь, есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадех их, супругам по супругах их.

— Да воздвигнутся, — рек я первому зодчию, — великолепнейшие здания для убежища мусс, да украсятся подражаниями природы разновидными; и да будут они ненарушимы, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются.

— О премудрый, — отвечал он мне, — егда велениям твоего гласа стихии повиновалися и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, превосходящие велико-

лепием славнейшие в древности, колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют.

— Да отверзется ныне, — рек я, — рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику.

— О всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля.

При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облегшаяся твердо о столп, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами.

— Кто сия? — вопрошал я близ стоящего меня.

— Сия есть странница, нам неизвестная, именует себя Прямовзорой и глазным врачом. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренная, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем священныя твоея главы.

— Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении тяжкого бремени правления, примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяние.

Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих; отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам моим шли во сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово:

— Пойдем, столпы моея державы, опоры моея власти, пойдем усладиться по труде. Достойно бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достойно царю вкусити веселия, он же изливает многочисленные всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, — рек я к учредителю веселий.

— Мы тебе последуем.

— Постой, — вещала мне странница от своего места, — постой и подойди ко мне. Я — врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очищу зрение твое. Какие бельма! — сказала она с восклицанием.

Некая невидимая сила нудила меня идти пред нее, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

— На обоих глазах бельма, — сказала странница, — а ты столь решительно судил о всем. — Потом коснулася обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобную роговому раствору. — Ты видишь, — сказала она мне, — что ты был слеп и слеп совершенно. Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость сте-

нанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество, которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзей. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне в твои чертоги воспрещающие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-нощно стоглазно, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрыет твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо, едва на шаг один взоры твои досязать будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лесть отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Вострепещи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главой твоей, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда, осажденная кознями ласкательства, душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоей отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, да возвратившися возможет он паче и паче глаголати нельстиво. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва один в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдительность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший наруши-

тель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледелателя лишаются жизни у тощего без здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таковом, то отыду от тебя, и чертог твой загладится навсегда в памяти моей.

Изрекшия странницы лицо казалося веселым и вещественным, сияющее блеском. Воззрение на него вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касалися. Одежды мои, столь блестящие, казалися замараны кровию и смочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлися того скареднее. Вся внутренность их казалася черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужныя и безвременныя строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника; и на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он издали не видел неприятеля. От таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения моих волений на крылех ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовию в объятьях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготовленном велением его чертеже совершенного в мечтании плавания уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы израждалися из кисти новых сих путешествователей. Уже при блеске ночных светильников начерталося величественное опи-

сание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже златые дски уготовлялися на одежду столь важного сочинения. О Кук! почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? Почто скончал ее плачевным образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав путешествие и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве), толико же бы прославился, ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращаяся не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оного толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалося торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом.

— Удержи свое милосердие, — вещали тысячи гласов, — не возвещай нам его великолепным словом, если не хощешь его исполнити. Не соплощай с обидою насмешку, с тяжестию ее ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон, мы бдеть не желали, ибо не над чем.

В созидании городов видел я одно расточение государственной казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Виды оных принадлежали веку готфов и вандалов. В жилище, для мусс уготованном, не зрел я лиющихся благотворно струев Касталии и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте оного помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои.

Но паче всего уязвило душу мою излияние моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одеяние нагого, на прокормление алчущего или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливалися на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жену, кичащуюся своим бесстыдством. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты застенчивого достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня толь бедственные представления безрассудной моей щедроты.

Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством и подлостию духа, на снискание почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим одобрением, во уверении, что почести мирские есть пепел и дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости и коварства министров моих проистекшую, видя, что нежность моя обращалася на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, — возревел я яростию гнева.

— Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. Прииди, — вещал я старцу, коего созерцал в крае обширныя моея области, кроющегося под заросшею мхом хижиною, — прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму.

Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моея обязанности, познал, откуду проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей!

Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

ЗАЙЦОВО

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнышнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе, но беседы наши, хотя не часты, были, однакоже, откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую. По несчастию его, и в статской службе не избегнул того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он на себя принять сего звания но, помыслив несколько, сказал он мне:

— Мой друг, какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моея души! какое упражнение

для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, которой столь часто тягчит рамена невинности, да опустеют темницы и да не узрит их оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи. О мой друг! исполнением моея должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов, но слезы сии будут слезы обновления во благо, но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Колико мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорее прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая заключения или обвинения прощением или разрешением от уз.

С таковыми мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке.

— Я думал, мой друг, — говорил мне г. Крестьянкин, — что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моея должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел, а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилося, теперь почитают послаблением или непозволительною поноровкою. Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало, видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имения, чести, жизни начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезавшими, яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получили почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жесткость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаяся причин, оные производивших. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти винных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни. Не возмогши облегчить их

жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

— В губернии нашей жил один дворянин, которой за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворныя службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в герольдию, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертие своея пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард, то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лаватеровою проницательностью, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставлю вещать их деяния, кои всегда истинные суть черты душевного образования.

— Г. асессор, произошед из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости месячину. Если которой казался ему ленив, то сек розгами, плетьми, батожьем или кошками, смотря по мере лености; за действительные преступления, как то кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалося, будто хотел в деревне своей возобновить нравы древнего Лакедемона или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявя правительству, что они бежали, говоря, что ему прибыли

не будет, если его крестьянина высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян что-нибудь украл у него, того он сек как за леность или за дерзкой или остроумной ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы мог я тебе рассказать его мудрых распоряжений; но сего довольно для познания моего ироя. Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать. Во дворе людей было один мальчик, купленной им в Москве, парикмахер дочернин да повариха старуха. Кучера у них не было, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетьми или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили.

— Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я приметил из многочисленных примеров, что русской народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сие самое и случилось с асессором. Случай к тому подал неистовой и беспутной или, лучше сказать, зверской поступок одного из его сыновей.

— В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась середнему сыну асессора, которой употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха, по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господской двор и понес повенечные два пуда меду к своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собою обоих своих братьев и, вызвав невесту через постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялася всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скаредное чудовище начинал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор и, увидя одного из господчиков у клети, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел ко клети. Какое зрелище представилося ему. При его приближении затворилась клеть; но совокупные силы двух братьев немощны были удержать стремления разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскоча в клеть, ударил вдоль спины

хищника своея невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клети и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил.

— Сии злодеи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что, увидя, жених ее начал их бить, будучи вспомогаем своим отцом. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец вскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев, — так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим им пред него первой вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказав все происшествие.

— Как ты дерзнул, — говорил старой асессор, — поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоея свадьбы, то ты ему за то должен быть благодарен. Ты на ней не женишься, она у меня останется в доме, а вы будете наказаны.

— По таковом решении жениха велел он сечь кошками немилосердо, отдав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он ее из рук, ее похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они его настигать начали, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, асессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после признавалися.

В самое то время случилось ехать тут исправнику той округи с командою. Он был частию очевидным свидетелем сему происшествию. Взяв виновных под стражу, а виновников была половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признавалися, в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу я обязан был по долгу моего звания

положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оного сам убитой асессор? Если в арифметике из двух данных чисел третие следует непрекословно, то и в сем происшествии следствие было необходимо. Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне, нападает на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, — убийцею ли я почтуся, если я предупрежду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну? Если нынешнего века скосырь, привлекший должное на себя презрение, восхочет оное на мне отмстить и, встретясь со мною в уединенном месте, вынув шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или, по крайней мере, да уязвит меня, — виновен ли я буду, если, извлекши мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствие его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассмотрении сего дела. С обыкновенною откровенностью сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопили против меня единым гласом. Мягкосердие и человеколюбие почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства, называли меня сообщником убийцев. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может ли он видеть веления его исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убийцы невинными признаваемы будут, то повиновение прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком, поселяне, не имея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и разъидутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностью. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию достойну

адския кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорам всех, до кого слух о сем деле доходил.

— Председателю нашему, — вещали они, — сродно защищать убийство крестьян. Спросите, какого он происхождения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы, дабы тем уравнять с нами свое происхождение.

Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не удовольствовались. Говорили, что я принял мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою их в работу, и что сия-то истинная была причина странным и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще оскорбляющим. Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оного меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем совести.

— Мздоимство мое основали они на том, что асессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имения, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и ко мне. На прощение за убиение ее мужа я с ней был согласен; но разнствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет; а я уверял ее, что, оправдывая убийцов ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственно.

— Скоро наместник известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начали колебаться в своих рассуждениях, к чему, однако же, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги асессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претя мщением неповинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мнения. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

— Наместник наш, превратив мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившейся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностию, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественной, когда у него много людей было в собрании, избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеялся, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но и за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответствовал я равнодушием и спокойствием, власти непоколебимостию, доводам доводами и долго говорил хладнокровно. Но наконец содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождения в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице:

— Человек родится в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согла́суется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином. Какия же ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто, беспределен в исполнении своея воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своея пользы, скажет рассудо́к; для своея пользы скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг, против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становяся гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенной крестьянами асессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию, — тогда закон, стерегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, неотъемлемая законом положительным в

обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдает, опираяся на доводах рассудка, и смерть асессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возомнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убийцев в злобе дух испустившего асессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему не судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имеяй довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную.

— Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала ярость бессилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалося журчание негодования. Все отвращали от меня свои очи. Казалося, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалилися они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смешения гордыни с нижайшею подлостию, я удалился из сего собрания льстецов.

— Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем, подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями...

ЕДРОВО

Доехав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги над водою стояло много баб и девок. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ее стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц. Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, загрубевшие хотя от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости, красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечной, а от него виден становился ряд зубов белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждой день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте, с которою из них вы хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит ва-

шего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало... болезни... боюсь сказать какой; хотя не закраснеетесь, но рассердитесь. Разве я говорю неправду? Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомясь сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает, да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилася. А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть, но на лбу твоем я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук не выхаживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому. А за стариком-то жить нехудо, своя воля, только бы быть замужем, дети все его. Ревнив он будет, тем лучше; более удовольствия в украденных утехах; с первой ночи приучить его можно не следовать глупой старой моде с женою спать вместе.

И не приметил, как вы, мои любезные городские сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы, право, того не стоите. У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа. Все равно румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. Правда, есть между ими на вас похожие, но есть такие, каковых в городах слыхом не слыхано и видом не видано... Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вам смешно, что у них ступни в пять вершков, а может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковою твоею ножкою стань с ними рядом и бегите взапуски: кто скорее достигнет высокой березы, по конец луга стоящей? а... а... это не твое дело. А ты, сестрица моя голубушка, с трехчетвертным своим станом в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло. Постой, моя голубушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уже десятой месяц замужем, и уж трехчетвертной твой стан изуродовался. А как то дойдет до родов, запоешь другим голосом. Не дай бог, чтобы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнурования бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повытаскал, но уже поздо. Сросшихся твоих накриво составов тем не спрямит. Плачь, мой любезной зять, плачь. Мать наша, следуя плачевной и смертию разрешающихся от бремени жен ознаменованной моде, уготовила за многие лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилося, то благодари и его, коли хочешь. Но я еще с городскими боярыньками. Вот что привычка

делает, отвязаться от них не хочется. И, право, с вами бы не расстался, если бы мог довести вас до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте.

Покуда я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала. Я намеревался идти за нею вслед, как одна девка, по виду лет двадцати, а, конечно, не более семнадцати, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мною дорогою. Поровнявшись с ней, начал я с нею разговор.

— Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать, не знаю?

— Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела... Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить.

— К чему такая суровость, Аннушка, душа моя? я тебе худого не желаю.

— Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкупов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою.

— Аннушка, я, право, не таков, как я тебе кажуся, и не таков, как те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем; но я хотя бы тебя поцеловал, то, конечно, бы, так, как сестру мою родную.

— Не подъезжай, пожалуй; рассказы таковые я слыхала; а коли ты худого не мыслишь, чего же ты от меня хочешь?

— Душа моя, Аннушка, я хотел знать, есть ли у тебя отец и мать, как ты живешь, богато ли или убого, весело ли, есть ли у тебя жених?

— А на что это тебе, барин? Отроду в первой раз такие слышу речи.

— Из сего судить можешь, Анюта, что я не негодяй, не хочу тебя обругать или обесчестить. Я люблю женщин для того, что они соответственное имеют сложение моей нежности, а более люблю сельских женщин или крестьянок для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворныя любви, а когда любят, то любят от всего сердца и искренно...

Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают, а особливо с несчастными подвластными их велениям. В бывшее пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия не лжива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин доброй и человеколюбивой, но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злоб-

ствовавших. Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодей сей спасен. Блажен, если близкой взор смерти образ мыслей его переменил и дал жизненным его сокам другое течение. Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет.

— Если, барин, ты не шутишь, — сказала мне Анюта, —то вот что я тебе скажу: у меня отца нет, он умер уже года с два, есть матушка да маленькая сестра. Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы. Есть и мелкого скота и птиц довольно, но нет в дому работника. Меня было сватали в богатой дом за парня десятилетнего, но я не захотела. Что мне в таком ребенке, я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состарюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось идти к нему в семью. Я хочу себе ровню. Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том не сомневаюсь. Гулять с молодцами не люблю, а замуж, барин, хочется. Да знаешь ли для чего? — говорила Анюта, потупя глаза.

— Скажи, душа моя Анютушка, не стыдись, все слова в устах невинности непорочны.

— Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда в посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчанья родила ему сына. Всякой вечер она выходит пестовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто и паренек-то матушку свою уж любит. Как она скажет ему: агу, агу, он и засмеется. Мне то до слез всякой день; мне бы уже хотелось самой иметь такого же паренька...— Я не мог тут вытерпеть и, обняв Анюту, поцеловал ее от всего моего сердца.

— Смотри, барин, какой ты обманщик, ты уж играешь со мною. Поди, сударь, прочь от меня, оставь бедную сироту, — сказала Анюта, заплакав. — Кабы батюшка жив был и это видел, то бы, даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею.

— Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка, не оскорбляйся, поцелуй мой не осквернит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй мой есть знак моего к тебе почтения и был исторгнут восхищением глубоко тронутыя души. Не бойся меня, любезная Анюта, не подобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые объятие непорочности ни во что вменяют. Если бы я знал, что поцелуй мой тебя оскорбит, то клянусь тебе богом, чтобы не дерзнул на него.

— Рассуди сам, барин, как не осердиться за поцелуй, когда все они уже посулены другому. Они заранее все уж отданы, и я в них не властна.

— Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умеешь. Ты нашла сердцу своему другое, ему соответствующее. Ты будешь блаженна. Ничто не развратит союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими. Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом, на нарушение его в тебе верности призывающим. Но почто же, моя любезная Анюта, ты лишена удовольствия наслаждаться счастием в объятиях твоего милого друга?

— Ах, барин, для того, что его не отдают к нам в дом. Просят ста рублей. А матушка меня не отдает; я у ней одна работница.

— Да любит ли он тебя?

— Как же не так. Он приходит по вечерам к нашему дому, и мы вместе смотрим на паренька моей подруги... Ему хочется такого же паренька. Грустно мне будет, но быть терпеть. Ванюха мой хочет идти на барках в Питер в работу и не воротится, покуда не выработает ста рублей для своего выкупа.

— Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его, он идет на свою гибель. Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего он и тебя любить перестанет.

— Ах, барин, не стращай меня, — сказала Анюта, почти заплакав.

— А тем скорее, Анюта, если ему случится служить в дворянском доме. Господской пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Пример есть истинная чума, кто что видит, тот то и делает.

— Да как же быть? Так мне и век за ним не бывать замужем. Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдают к нему в дом; то высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя... — Сие говорила она, проливая горькие слезы.

— Нет, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за ним. Поведи меня к своей матери.

— Да вот наш двор, — сказала она, остановясь. — Проходи мимо, матушка меня увидит и худое подумает. А хотя она меня и не бьет, но одно ее слово мне тяжелее всяких побоев.

— Нет, моя Анюта, я пойду с тобою... — и, не дожидаясь ее ответа, вошел в ворота и прямо пошел на лестницу в избу. Анюта мне кричала вслед:

— Постой, барин, постой. — Но я ей не внимал. В избе я нашел Анютину мать, которая квашню месила, подле нее на лавке сидел будущий ее зять. Я без дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле.

— Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь пришед сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба.

— Пускай же посуленное от меня будет Анюте в приданое.

— И на том спасибо. Приданого бояре девкам даром не дают. Если ты над моей Анютой что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспутство, а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают. — Я не мог надивиться, нашед толико благородства в образе мыслей у сельских жителей. Анюта между тем вошла в избу и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дома, но он мне сказал:

— У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу. — Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке.

Едущу мне из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила. Невинная ее откровенность мне нравилась безмерно. Благородной поступок ее матери меня пленил. Я сию почтенную мать с засученными рукавами за квашнею или с подойником подле коровы сравнивал с городскими матерями. Крестьянка не хотела у меня взять непорочных, благоумышленных ста рублей, которые в соразмерности состояний долженствуют быть для полковницы, советницы, майорши, генеральши пять, десять, пятнадцать тысяч или более; если же госпоже полковнице, майорше, советнице или генеральше (в соразмерности моего посула едровской ямщичихе), у которой дочка лицом недурна, или только что непорочна, и того уже довольно, знатной боярин, седмидесятой, или, чего боже сохрани, семьдесят второй пробы, посулит пять, десять, пятнадцать тысяч, или глухо знатное приданое, или сыщет чиновного жениха, или выпросит в почетные девицы, то я вас вопрошаю, городские матушки, не екнет ли у вас сердечко? Не захочется ли видеть дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею, если она ходит пешком, или едущую цугом, вместо двух заморенных кляч, которые ее таскают? Я согласен в том с вами, чтобы вы обряд и благочиние сохранили и не так легко сдалися, как феатральные девки. Нет, мои голубушки, я вам даю сроку на месяц или на два, но не более. А если доле заставите воздыхать первостатейного бесплодно, то он, будучи занят делами государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценнейшего времени, которое он лучше употребить может на пользу общественную. — Тысяча голосов на меня подымаются, ругают меня всякими мерзкими названиями: мошенник, плут, кан... бес... и пр. и пр. Голубушки мои, успокойтесь, я вашей чести не поношу. Ужели все таковы? Поглядитесь в сие зеркало; кто из вас себя в нем узнает, та брани меня без всякого милосердия. Жалобницы и на ту я не подам, суда по форме говорить с ней не стану.

Анюта, Анюта, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первой мой в жизни поцелуй не был тот, которой я на щеке твоей прилепил в душевном восхи-

щении. Отражение твоея жизненности проникнуло бы в глубину моего сердца, и я бы избегнул скаредностей, житие мое исполнивших. Я бы удалился от смрадных наемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, не нарушил бы союза родства моею плотскою несытостию; девственность была бы для меня святая святых, и ее коснутися не дерзнул бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностию. Уверен, что обратишь на путь доброделания начинающего с оного совращатися и укрепишь в нем к совращению наклонного. Не востревожься, если закоренелый в развратности, поседевший в объятиях бесстудства мимо тебя пройдет и тебя презрит, не тщися воспретить его шествию услаждением твоего разговора. Сердце его уже камень, душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинныя добродетели положить на нем глубокие черты. Конец ее скользнет по поверхности гладко затверделого порока. Блюди, да о нее острие твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лепоты прелестями облеченного, улови его в твои сети. Он горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ кажется. Но сердце его уступит твоему впечатлению и отверзется на восприятие твоего благотворного примера. — Анюта, я с тобой не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатой столп от тебя.

Но что такое за обыкновение, о котором мне Анюта сказывала? Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка. Кто мог такой союз дозволить? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искоренение толикого злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство, в гражданском — соглашение или договор. Какой священнослужитель может неравной брак благословить или какой судия может его вписать в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака не может. Сие запрещают правила естественности, яко вещь бесполезную для человека, сие запрещать долженствовал бы закон гражданский, яко вредное для общества. Муж и жена в обществе суть два гражданина, делающие договор, в законе утвержденной, которым обещеваются прежде всего на взаимное чувств услаждение (да не дерзнет здесь никто оспорить первейшего закона сожития и основания брачного союза, начало любви непорочнейшия и твердый камень основания супружнего согласия), обещеваются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своея горячности и, дабы жить мирно, друг друга не уязвлять. При неравенстве лет можно ли сохранить условие сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то бывает часто во крестьянстве, или, если муж пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лет, как то бывает во дворянстве, — может ли быть взаимное чувств услаждение? Скажите вы мне, мужья старички, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь огнь любовной, не в состоянии его утушить.

Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; то может ли положительной закон быть тверд, если

основания не имеет в естественности? Скажем яснее: он и не существует. — Возращать плоды взаимной горячности. — Но может ли тут быть взаимность, где с одной стороны пламя, а с другой нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное древо лишается благодетельного дождя и питающия росы? А если плод когда и будет, но будет он тощ, невзрачен и скорому подвержен тлению.

Не уязвлять друг друга. — Сие правило предвечное, верное; буде счастливою в супругах симпатиею чувства их равномерно услаждаются, то союз брачен будет благополучен; малые домашние волнения скоро утихают при нашествии веселия. И когда мраз старости подернет чувственное веселие непроницаемою корою, тогда напоминовение прежних утех успокоит брюзгливую древность лет. — Одно условие брачного договора может и в неравенстве быть исполняемо: жить вместе. Но будет ли в том взаимность? Один будет начальник самовластный, имея в руках силу, другой будет слабый подданник и раб совершенный, веление господа своего исполнять только могущий. — Вот, Анюта, благие мысли, тобою мне внушенные. Прости, любезная моя Анютушка, поучения твои вечно пребудут в сердце моем впечатленны, и сыны сынов моих наследят в них.

Хотиловский ям был уже в виду, а я еще размышлял о едровской девке и в восторге души моей воскликнул громко: О Анюта! Анюта! — Дорога была негладка, лошади шли шагом, повозчик мой вслушался в мою речь, оглянувшись на меня.

— Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье. Ну... брат Ванька счастлив.

— Иван брат тебе?

— Брат двоюродной. Да ведь и парень! Трое вдруг молодцов стали около Анютки свататься, но Иван всех отбоярил. Они и тем и сем, но не тут-то. А Ванюха тотчас и подцепил... (Мы уже въезжали в околицу...) То-то, барин! Всяк пляшет, да не как скоморох. — И к почтовому двору подъехал.

— Всяк пляшет, да не как скоморох, — твердил я, вылезая из кибитки... — Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняяся и, подняв, развертывая...

ХОТИЛОВ

Проект в будущем

Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оное ныне находится, видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайшия совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется, видя в обла-

стях наших, что разум человеческий, вольно распростирая свое крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений, — под державным его покровом свободно и сердце наше, в молитвах ко всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказати может, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховныя власти яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и безхитростные злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений не дозволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина и его владения от другого, глубока и всеми зрима и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства, треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассии, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцов ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старалися положить предел стоглавому сему злу. Но державные их подвиги утщетилися известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиносостоянием, но

ныне обветшалым и в презрение впавшим дворянством наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданския неволи. Не токмо они не могли исполнити своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиносостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих, со слезами, может быть сердечными, сжимающих узы и отягчающих оковы наиполезнейших в обществе сочленов. Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. Служители божества предвечного, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человека, единомыслием с нами изъясняли вам в поучениях своих во имя всещедрого бога, ими проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовати над ближним своим самопроизвольно. Старалися они доводами, в природе и сердце нашем почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Еще глас их торжественно во храмах живого бога вопиет громко: опомнитесь, заблудшие, смягчитеся, жестокосердные; разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые у них с вами члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково.

Но если служители божества представили взорам вашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред оной в обществе и неправильность оного в отношении гражданина. Излишне, казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любомудрия изыскивать или поновлять доводы о существенном человеков, а потому и граждан равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствиями благородства, а не предрассуждениями доказательства о первенственном равенстве суть движения его сердца обыкновенные. Но се несчастие смертного на земли: заблуждати среди света и не зрети того, что прямо взорам его предстоит.

В училищах, юным вам сущим, преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человеков, мысленно вне общества, приявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следственно равных во всем между собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человеков, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева матери в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон; ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступати в об-

щество и полагати произвольные пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо. Мы в обществе живем, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запамятовали мы начальное оного положение. Но воззрите на все новые народы и на все общества естества, если так сказать можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един злодей или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалилися мы от цели общественной, колико отстоим еще вершины блаженства общественного далеко. Все сказанное нами вам есть обычно, и правила таковые иссосали вы со млеком матерним. Един предрассудок мгновения, единая корысть (да не уязвитеся нашими изречениями), единая корысть отъемлет у нас взор и в темноте беснующим нас уподобляет.

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашея тощеты, насытитель нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Промышляя о прокормлении своем, они делят проросшую злаком землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто ее вспахать возможет, не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому, удел будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветр класов на ней не возвеет. Если она бесполезна делателю ее, то бесполезна и обществу, ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного. Следственно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального общественного положения относительно владения. У нас тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другого. Просвещенным вашим разумам истины сии не могут быть непонятны, но деяния ваши в исполнении сих истин препинаемы, сказали уже мы, предрассуждением и корыстию. Неужели сердца ваши, любовию человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце услаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии.

Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские властителей правила, яко же их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градех гордые воздымаются здания. Блаженно называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнением других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их. Единое веление, единое руки мановение начальника движет весь стан и движет его стройно. Но можем ли назвать воинов блаженными? Превращенные точностию воинского повиновения в куклы, отъемлется у них даже движения воля, толико живым веществам свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хощет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Совокупны возмогут вся, но разделенны и наедине пасутся, яко скоты, амо же пастырь пожелает. Устройство насчет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. Сто невольников, пригвожденных ко скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве, но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину, но и ту им оспаривают. Конец страдания их есть блаженство, а блаженство неволе не сродно, и потому они живы. И так же не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны.

Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. Запустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую. Злак, на тучных лугах выраставший и иссыхавший бесплодно, почувствовал былие свое острием косы подсекаемо. Валятся на горах гордые древеса, издравле вершины их осенявшие. Леса бесплодные и горькие дебри претворяются в нивы плодоносные и покрываются стовидными произращениями, единой Америке свойственными или удачно в оную переселенными. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человеком определяемым. Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индийцов единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учители кротости и человеколюбия, к корени яростного

убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустойства вздирают обильные нивы Америки, трудов ихгнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли терпием и нивы изобилуют произращениями разновидными; назовем блаженною страною, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: «премени имя, повесть о тебе вещает».

Мы дивимся и ныне еще огромности египетских зданий. Неуподобительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего сии столь нелепые кучи камней были уготованы? На погребение надменных фараонов. Кичливые сии властители, жадая бессмертия, и по кончине хотели отличествовати внешностью своею от народа своего. И так огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было я, а не мы, находим остатки великолепных царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое; выбор ваш не будет затруднителен.

Но что обретаем в самой славе завоеваний? Звук, гремление, надутлость и истощение. Я таковую славу применю к шарам, в 18-м столетии изобретенным: из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючим воздухом и возлетают с быстротою звука до выспренних пределов эфира. Но то, что их составляло силу, источается из среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть, горе вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу; и то, что месяцы целые сооружалося со трудом, тщанием и иждивением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей.

Но вопроси, чего жаждет завоеватель, чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного; но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях. «О афиняне! — вещал он, — колико стоит мне быть хвалиму вами». Несмысленной, возри на шествие твое. Крутой вихрь твоего полета, проносяся чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей ее и, влача силу государства в своем стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый вепрь, что, опустошая

землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь, тебя услаждающего. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрыватися будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селитьбы, если другие населения тем сделал пустыми?

Если же приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности твоей возненавидевшие: не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго восприяти готовые, но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет, — не льсти себе, — убийство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомков; казниться будешь, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои и от тебя кончины твоея просят.

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледелателей понятиям, колико вредным его находим мы для общества. Вредно оно в размножении произрастаний и народа, вредно примером своим и опасно в неспокойствии своем. Человек, в начинаниях своих двигаемый корыстию, предприемлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальную, и удаляется того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальновидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледелателей в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод оныя им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво и не радеют о том, не запустеет ли среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем на тощее прокормление делателю. Не жалеет сей о трудах своих, ее ради предпринимаемых. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость времени он одолевает бодрственно; часы, на упокоение определенные, проводит в трудах; во дни, на веселие определенные, оного чуждается. Зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя. И так нива его даст ему плод сугубый; и так все плоды трудов земледелателей мертвеют или паче не возрождаются, они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своея цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, так хотя бы и было кому есть, не будет, умрут от истощения. Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд присовокупили работу

до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях, тогда со ужасом узришь возникшее губительство неволи, которое тем только различествует от побед и завоеваний, что не дает тому родиться, что победа посекает. Но от нее вреда больше. Легко всяк усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно, другая губит долговременно и всегда; одна, когда прейдет полет ее, скончает свое свирепство, другая там только начнется, где сия кончится, и перемениться не может, разве опасным всегда потресением всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой робость. Тут никакой не можно быть связи, разве насилие. И сие, собираяся в малую среду, властнодержавное свое действие простирает всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и острие в руках имеющие, сами ключимые во узах, наияростнейшие оныя бывают проповедники. Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не только не желают окончать своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любити свою пагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение первого человека. — Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища, иссосающего пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы поползнулися, может быть, на действия самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились, но поступок наш державный полезностью своею оправдаться не может. И так ныне молим вас отпущения нашего неумышленного дерзновения.

Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прервав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вслед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не

щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе́ постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитеся.

Но если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство? Ведая сердец наших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в исчислениях корыстолюбивого благоразумия, а менее еще в опасности. Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным; подвигнутые на жалость вашею участию, соболезнуя о подобных нам, дознав ваше равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренне.

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите, возлюбленные мои! Время летит; дни наши преходят в недействии. Да не скончаем жизни нашея, возымев только мысль благую и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего и с презрением о нас да не скажет: они были.

Вот что я прочел в замаранной грязию бумаге, которую поднял я перед почтовою избою, вылезая из кибитки моей.

Вошед в избу, я спрашивал: кто были проезжие незадолго передо мною.

— Последний из проезжающих, — говорил мне почталион, — был человек лет пятидесяти, едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним вслед посылаю. — Я попросил почталиона, чтобы он дал мне сии бумаги посмотреть, и, развернув их, узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то вознаграждение. Рассматривая их, узнал, что они принадлежали искреннему моему другу, а потому не почел я их приобретение кражею. Он их от меня доселе не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая доставшиеся мне бумаги. Множество нашел я подобных той, которую читал. Везде я обретал расположения чело-

веколюбивого сердца, везде видел гражданина будущих времен. Более всего видно было, что друг мой поражен был несоразмерностью гражданских чиносостояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилася к уничтожению рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России. Я здесь покажу шествие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в домы. Буде помещик возьмет земледельца в свой дом для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемый, должны они иметь собственностью, ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его оного да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то-есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то-есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда. — Исчезни варварское обыкновение, разрушься власть тигров! — вещал нам законодатель... За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была некстати нынешним временам и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду; и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном? — нежели заниматься тем, что не существует.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК

Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Первой, которому на мысль пришло уподобиться природе в ее благодеяниях и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываться будут ужи,

змеи и жабы, — любопытный путешественник обращет глаголющие остатки величия в их торговле. Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия. Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без обделки не скоро заровняются.

Немало увеселительным было для меня зрелищем вышневолоцкой канал, наполненной барками, хлебом и другим товаром нагруженными и приуготовляющимися к прохождению сквозь шлюз для дальнейшего плавания до Петербурга. Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледелателя; тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие. Но если при первом взгляде разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование. Ибо воспомянул, что в России многие земледелатели не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей. Удовольствие мое пременилося в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие ее произращения, как-то сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании.

— Вообрази себе, — говорил мне некогда мой друг, — что кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распущенной в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай, жестокосердой, усладить гортань твою. — Вид прощения, сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах или на дружеском пиру или наедине, когда рука ваша вознесет первой кусок хлеба, определенной на ваше насыщение, остановитеся и помыслите. Не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки? Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оной возрос? Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из класов, родившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере на ниве, оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна, лежавшего в житнице дворянской. На нем почили скорбь и отчаяние, на нем знаменовалося проклятие всевышнего, егда во гневе своем рек: проклята земля в делах своих. Блюдитеся, да не отравлены будете вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищего тяжко на ней возлегает. Отрините ее от уст ваших, поститеся, се истинное и полезное может быть пощение.

Повествование о некотором помещике докажет, что человек корысти ради своей забывает человечество в подобных ему и что за примером жестокосердия не имеем нужды ходить в дальные страны, ни чудес искать за тридесять земель; в нашем царстве они в очью совершаются.

Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастия или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудою, устремляющимся на бою грудою, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своея цели он отнял у них малой удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин Некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя, для соблюдения желудка, в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами, онучи получали от господина своего, а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таковом заведении не удивительно, что земледелие в деревне г. Некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам четверт, когда у других был хороший урожай, то у него приходил хлеб сам десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая с сими равно, как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стенящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

Варвар! не достоин ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волом,

определенным тяжкую вздирати борозду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты? чтобы один благословлял правительство, а не тысячи? Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания. И суть люди, которые, взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к таковому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалося его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером.

МЕДНОЕ

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок; пляшут; подойдем поближе, — говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или в воде, или Н. Н. или Б. Б.другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. Публикуется: «Сего... дня пополуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под №..., и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале, где оная производится, стоят неподвижны на продажу осужденные.

Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцом господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе, в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унес на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бро-

сясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером.

Старуха 80 лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своея ничего у господ своих не утратила, ничем не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием.

Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И доднесь чувствует она еще к нему некоторую нежность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были его воспитанницы. Они с ним расстаются, как с сыном.

Молодица 18 лет, дочь ее и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмогши прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни устрашить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец, употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей, и в виде его насладился веселием, которого она делить с тобой гнушалася. Она узнала обман твой. Венчанной с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став твоея утехи, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоея воли, держа руки ее и ноги... но сего не окончаем. На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцово зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного.

Младенец... Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателем слова божия сочетование их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаниями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и растлений совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей, при его свидетелях, недостойных своего сана.

Детина лет в 25, венчанной ее муж, спутник и наперсник своего господина. Зверство и мщение в его глазах. Раскаивается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно... Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь — все будет против тебя. Твой разум

чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонишься и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертию. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию. — Правосудие!— где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться. — Пройдем мимо других несчастных, выведенных па торжище.

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук и четверо несчастных узнали свою участь, — слезы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Натвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! почто бесплодное соболезнование? О квакеры! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложилися и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу. Жив многие лета в объятьях один другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон иль, лучше сказать, обычай варварской, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденной. Закон его освобождает. Постойте, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О счастие! почто ты так обидело меня в твоем разделе? Днесь жажду вкусити прелестного твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству. — Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг.

— Что тебе сделалось? ты плачешь?

— Возвратись, — сказал я ему: — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварской в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, — повторил я, — не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших правах.

— Не могу сему я верить,— сказал мне мой друг: — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение.

— Не дивись, — сказал я ему, — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

ГОРОДНЯ

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутской набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила:

— Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительской? Поля наши порастут травою, мохом — наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери, сырой земле? Кто придет воспомянуть меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той.

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она также вопила:

— Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчатися; хотя бы ты, мой милой друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение.

Парень им говорил:

— Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близь стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

— Услышал господь молитву мою, — вещал он. — Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он ответствовал:

— Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, переплыв на другой брег, опасность

уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим имением, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать такие слова в устах крестьянина; но слышав их, для чего не удивляетесь жестосердию своей собратии, дворян?

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурой кафтан со бритым лбом. Но желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи столь низкого состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

— Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве; сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованием, ни позыва не сделают свистом. Старой мой барин, человек добросердечной, разумной и добродетельной, нередко рыдавший над участью своих рабов, хотел за долговременные заслуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти не было, разве только то, что он на кафтане носил сукно моего потоне. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставлении нам во всем были одинаковы, и без хвастовства скажу, что во многом я лучше успел своего молодого господина.

— Ванюша, — говорил мне старой барин, — счастье твое зависит совсем от тебя. Ты более к учености и нравственности имеешь побуждений, нежели мой сын. Он по мне будет богат и нужды не узнает, а ты с рождения с нею познакомился. Итак, старайся быть достоин моего о тебе попечения.

— На семнадцатом году возраста молодого моего барина отправлен был он и я в чужие краи с надзирателем, коему предписано было меня почитать сопутником, а не слугою. Отправляя меня, старой мой барин сказал мне:

— Надеюся, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возвратясь же в оное, уз, рождением твоим на тебя наложенных, ты не обрящешь.

— Мы отсутственны были пять лет и возвращалися в Россию: молодой мой барин в радости видеть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаяся пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы моего отечества. И поистине предчувствие его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я приведен в отчаяние. Ибо все мои старании приобрести дружбу и доверенность моего молодого барина всегда были тщетны. Он

не только меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной, но ненавидел.

— Приметив мое смятение, известием о смерти его отца произведенное, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне сие сказать, ибо, получив свободу смертию своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают.

— Чрез неделю после нашего в Москву приезда бывшей мой господин влюбился в изрядную лицом девицу, но которая с красотою телесною соединяла скареднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличностию почитала только внешность, знатность, богатство. Чрез два месяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени я не чувствовал перемены в моем состоянии. Жил в доме господина моего как его сотоварищ. Хотя он мне ничего не приказывал, но я предупреждал его иногда желании, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дому, в котором она определялася начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первой вечер по свадьбе и следующий день, в которой я ей представлен был супругом ее как его сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдном собрании пришли все к столу и сели за первой ужин у новобрачных, и я, по обыкновению моему, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оной не сажал. Он, взглянув на меня и движим уже ею, прислал ко мне сказать, чтобы я из-за стола вышел и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, колико чувствительно мне было сие уничижение. Я, скрыв, однакоже, исступающие из глаз моих слезы, удалился. На другой день не смел я показаться. Не наведываяся обо мне, принесли мне обед мой и ужин. То же было и в следующие дни. Через неделю после свадьбы в один день после обеда новая госпожа, осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилище, зашла в мои комнаты. Они для меня уготованы были старым моим барином. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказали ее приказ, что мне отведен угол в нижнем этаже, с холостыми официантами, где моя постеля, сундук с платьем и бельем уже поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

— Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но дабы не занимать вас излишним, может быть повествованием, госпожа моя, вступив в управление дома и не находя во мне способности к услуге,

поверстала меня в лакеи и надела на меня ливрею. Малейшее мнимое упущение сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мне не родиться! Колико крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есмь человек, всем другим равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной мне жизни, если бы не удерживало прещение вышнего над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил не токмо уязвления телесные, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего обета и не отъял у себя томные остатки плачевного жития при случившемся новом души уязвлении.

— Племянник моей барыни, молодец осмнадцати лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков, влюбился в горничную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностию, сделал ее матерью. Сколь он ни решителен был в своих любовных делах, но при сем происшествии несколько смутился. Ибо тетушка его, узнав о сем, запретила вход к себе своей горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновению милосердных господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха замуж. Но как все они были уже женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня из всех служителей не нашла. И о сем госпожа моя в присутствии своего супруга мне возвестила яко отменную мне милость. Не мог я более терпеть поругания.

— Бесчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; говорите вы, что законы дают вам над нами сие право. Я и сему мало верю; но то твердо знаю, что вступать в брак никто принужден быть не может. — Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратясь потом к супругу ее:

— Неблагодарный сын человеколюбивого родителя, забыл ты его завещание, забыл и свое изречение; но не доводи до отчаяния души, твоея благороднейшей, страшись!

— Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи моей отведен был на конюшню и сечен нещадно кошками. На другой день едва я мог встать от побоев с постели; и паки приведен был пред госпожу мою.

— Я тебе прощу, — говорила она, — твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке, она тебя просит, и я, любя ее в самом ее преступлении, хочу это для нее сделать.

— Мой ответ, — сказал я ей, — вы слышали вчера, другого не имею. Присовокуплю только то, что просить на вас буду начальство в принуждении меня к тому, к чему не имеете права.

— Ну, так пора в солдаты, — вскричала яростно моя госпожа... — Потерявший путешественник в страшной пустыне свою стезю меньше обрадуется, сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышав сии слова; «в солдаты», — повторила она, и на другой день то было исполнено.

— Несмысленная! она думала, что так, как и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне было то отрада, и как скоро мне выбрили лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновилися. Разум и дух паки начали действовать. О! Надежда, сладостное несчастному чувствие, пребуди во мне! — Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаяния исступила из очей его.

Я прижал его к сердцу моему. Лицо его новым озарилось веселием.

— Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, — вещал он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно...

От сего несчастного я подошел к толпе, среди которой увидел трех скованных человек крепчайшими железами. Удивления достойно, — сказал я сам себе, взирая на сих узников: — теперь унылы, томны, робки, не токмо не желают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но обыкнув в сем тяжком во исполнении звании, становятся бодры, предприимчивы, гнушаяся даже прежнего своего состояния. Я спросил у одного из близстоящего, которой по одежде своей приказным служителем быть казался:

— Конечно, боязся их побегу, заключили их в толь тяжкие оковы?

— Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, которому понадобились деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам.

Я. — Мой друг, ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могут своей братии.

Он. — Не продажею оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они, будто по желанию, приписываются в государственные крестьяне к той волости, которая за них платила деньги, а волость по общему приговору отдает их в солдаты. Их везут теперь с отпускными для приписания в нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются как скоты! О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге! Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие. — С негодованием отошел я от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, утщетили бы удручительные помыслы своих тиранов... Возвратимся...

— Друзья мои, — сказал я пленникам в отечестве своем: — ведаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может?

— Перестань, барин, шутить над горькими людьми. И без твоей шутки больно было расставаться одному с дряхлым отцом, другому с малолетными сестрами, третьему с молодою женою. Мы знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей.

— Если вы до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут, что вам от барина дана отпускная и что вас покупщики хотят приписать в свою волость будто по вашей воле.

— О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди.

— Прибавьте к тому, что вас продал ваш господин не в указное время и что отдают вас насильным образом [1].

Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрянув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великие хлопоты: отдатчики рекрутские, вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили:

— Барин, не в свое мешаешься дело, отойди, пока сух, — и сопротивляющегося начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностию принужден был удалиться от сея толпы...

ПЕШКИ

Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод — не свой брат — принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мной ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальных походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофию и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка подослала ко мне маленького мальчика попросить кусочек сего боярского кушанья.

— Почему боярское? — сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара; — неужели и ты его употреблять не можешь?

---

[1] Во время рекрутского набора запрещается в продаже крестьян совершать купчие *(Прим. Радищева)*.

— Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы.

— Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать?

— Не все; но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы? — Говоря сие, показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеянной муки. — Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже. Что ж вам, бояре, в том прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть, потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит. — И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обозрел в первой раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутой пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякой день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленной, которой скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотреблении законов и их шероховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны — почти всесилие; с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме...

Жестокосердый помещик! посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? не ты ли родших их в болезни и горести обложил сверьх всех полевых работ оброком? Не ты ли не сотканное еще полотно определяешь себе в пользу? На что тебе смрадное рубище, которое к неге привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужит оно на отирание служащего тебе скота. Ты собираешь и то, что тебе не надобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение будет. Если здесь нет на тебя суда, — но пред судиею, не ведающим лицеприятия, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего развратной твой рассудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездием. Неусыпной сей деяний твоих страж уловит тебя наедине, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебе и подвластным тебе на пользу... О! если бы человек, входя по часту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния. Претворенный в столп неподвижный громоподобным ее гласом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительствы, опустошении... и пр. и пр. и пр.

Напечатано в 1790 г.

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет изшел, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Родился в обществе закон.

4

В средине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейших дня лучей светлее
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Без слуха зрится хладнокровно,
Велико божество судяй;
Белее снега во хламиде
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую;
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя,
Равно на все взирает лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли,
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает, —
Его отчизна тьма, — гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить нам велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
Закон се божий, — царь вещает;
Обман святый, мудрец взывает, —
Народ давить, что ты обрел.

9

Сей был и есть, и будет вечной
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царска веру утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Прияв железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея;
Я властию могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад
Вокруг престола все надменна
Стоят коленопреклоненно;
Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

15

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?

16

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти;
Отцом ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лжи и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой.

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних, чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истины велел;
Расчистил клевете дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающуся чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
Злодею меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгружденные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившися, в Афинах:
Герой! — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул отстрить ты жало.
Единой смерти за то мало:
Умри! умри же ты сто крат!

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с нагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем;
Не спасшему от бед как мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!..

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе не причастен —
Позволь, коль дух мой не подвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал»...

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
[Приидет во изнеможенье].
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл... яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

Напечатано в 1790 г.

* * *

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

1790—1791

ОСМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времян часы изливает каплям подобно:
  Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
  Вечности в море; а там нет ни предел, ни брегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
  Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито во веки своею кровавой струею,
  С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил, наконец, корабль, надежды несущий,
  Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастие и добродетель и вольность пожрал омут ярый,
  Зри, восплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
  Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех.
Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сраженьев;
  Ах, омочено в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
  Екатерина и Петр, вечности чада! и Росс.
Мрачные тени созади, впреди их солнце;
  Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
  Но зри, стоит еще там льдяный хребет, теремясь;
Так и они — се воля господня — исчезнут растая,
  Да человечество в хлябь льдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
  Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек; —
Мудрости смертных столпы, разрушив, ты их паки создало;
  Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
  Смертной что зиждет, все то рушится, будет все прах.
Но ты творец было мысли; они ж суть творения бога;
  И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеяв,
  Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
Из Океана возникли новы народы и земли,
  Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцов;
  Нитью вождения вспять ты призываешь Комет;
    Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
  Новые луны изо тьмы дальной воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
  Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнью небесну сманило во узы железны на землю
  И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,

Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молньей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь,
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысящный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах мычется в бурпой волне.
Зри их сопутников черных! — ужасны!.. идут — ах! идет, зри:
[Яко ночные мечты] лютости, буйства, глад, мор! —
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже? —
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертной, надейся, бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всесильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
Солнца на всходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойной...
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российской,
Свет ты на землю снеси, молньи смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром воздвигнут, чтоб счастлив был Росс.
Петр и ты Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений-хранитель всегда Александр будь у нас...

1801

И. А. КРЫЛОВ

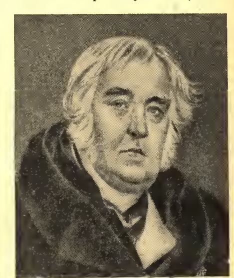
(1769—1844)

Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца: мы видим в нем нечто большее.

Белинский

«Сын бедного чиновника, Крылов не мог получить блестящего воспитания, но благодаря своей счастливой натуре он не остался без образования и, в этом отношении, с малыми средствами умел сделать много» (Белинский). Отец Ивана Андреевича Крылова тринадцать лет был солдатом, дослужился до чина капитана. После его смерти семья Крыловых впала в жестокую нужду. С тринадцатилетнего возраста И. А. Крылов служил мелким канцелярским чиновником — сначала в Калязине, в Твери, а затем в Петербурге.

Литературная деятельность Крылова началась еще в юношеские годы: в 1783—1784 гг. им была написана комическая опера «Кофейница» (напечатана в 1869 г.), в 1785—1786 гг. он пробует свои силы в жанре трагедии («Клеопатра», не дошедшая до нас, и «Филомела», напечатанная в 1793 г.). В 1786 г. Крыловым написана комическая опера «Бешеная семья» (напечатана в 1793 г.) и комедия «Сочинитель в прихожей» (напечатана в 1794 г.). В 1788 г. Крылов написал комедию в прозе «Проказники» (напечатана в 1793 г.).



И. А. Крылов

В пятилетие — с 1788 по 1793 г. — Крылов посвящает себя журнальной деятельности: принимает активное участие в журнале И. Рахманинова «Утренние часы» (1783 г.), издает журнал «Почта духов» (1789 г.); совместно с Клушиным, Дмитревским, Плавильщиковым издает журнал «Зритель» (1792 г.), совместно с Клушиным издает журнал «Санктпетербургский Меркурий» (1793 г.). В 1794 г., вследствие усилившихся правительственных репрессий, Крылов принужден

был прекратить литературную деятельность, покинуть Петербург, удалиться в глухую провинцию. Возобновляется литературная деятельность Крылова лишь через 7 лет шуто-трагедиею «Подщипа» или «Трумф», написанной в 1800 г. (напечатана впервые в Лондоне в 1859 г., в России напечатана в «Русской старине» в 1871 г.). В начале царствования Александра I Крылов возвращается в Петербург; с 1812 по 1841 г. он служил в Публичной библиотеке.

Литературная деятельность Крылова с начала XIX века развернулась широко. В 1802 г. Крылов выпускает второе издание «Почты духов», в том же году он ставит на сцене комедию «Пирог», написанную им несколько раньше (напечатана впервые в 1869 г.), печатает комедию «Модная лавка» (1807 г.), волшебную оперу «Илья Богатырь» (1807 г.), комедию «Урок дочкам» (1807 г.). С 1806 г. Крылов возвращается к жанру басни.

Молодой Крылов принадлежал к числу наиболее передовых людей конца XVIII в.: враг крепостничества, борец за национальную народную культуру, он был разночинцем-демократом, близким по своему мировоззрению к А. Н. Радищеву.

Комедии Крылова — замечательный памятник «нравов и литературы старого времени» — являются ценным материалом, раскрывающим перед нами формирование его мировоззрения, эстетических взглядов, его художественного метода.

Острая сатирическая направленность комедий Крылова, их реалистичность, выразительность и простота языка сделали их народными.

Русская журналистика после закрытия новиковских журналов захирела, измельчала; Крылов поднял ее на большую высоту. Антидворянский характер журналов Крылова, в частности «Почты духов», постановка острых социальных проблем (закабаление низших слоев населения, невежество, жестокость, тунеядство крепостнического дворянства, неправосудие, низкопоклонство перед иностранным) — все это является огромной заслугой Крылова перед русским обществом и русской литературой. Он твердо становился на путь подлинного демократизма, на путь критического реализма.

Кто оставит в стороне Крылова драматурга, журналиста и критика, тот не уяснит себе подлинной идейной направленности Крылова-баснописца.

ПОЧТА ДУХОВ

ПИСЬМО VIII

От Сильфа Световида к волшебнику Маликульмульку

Когда воображаю я, мудрый и ученый Маликульмульк, что человек ничем другим не отличается столько от прочих творений, как великостию своей души, приобретаемыми познаниями и употреблением в пользу тех дарований, коими Небо его одарило; тогда, обратя взор мой на жилище смертных, с сожалением вижу, что поверхность обитаемого ими земного шара удручается множеством таких людей, коих бытие как для них самих, так и для общества совершенно бесполезно, и кои не только не вменяют в бесчестие слыть тунеядцами, но по странному некоему предубеждению почитают праздность, презрение наук и невежество наилучшими доказательствами превосходства человеческого.

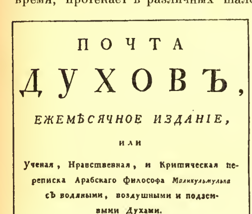
Деревенской дворянин, который провождает всю свою жизнь, гоняя ее целую неделю по полям с собаками, а по воскресным дням напиваясь пьян с приходским своим священником, почел бы обесчещенным благородство древней своей фамилии, естьли б

занялся когда чтением какой правоучительной книги, ибо с великим трудом едва научился он разбирать и календарные знаки. Науки почитает он совсем несвойственным для благородных людей упражнением; главнейшее же их преимущество поставляет в том, чтобы повторять часто с надменностию сии слова: мои деревни, мои крестьяне, мои собаки и прочее сему подобное. Он думает, что исполняет тогда совершенно долг дворянина, когда, целый день гоняясь за зайцами, возвращается к вечеру домой и рассказывает с восторгом о тех неисповедимых чудесах, которые наделали в тот день любимые его собаки, словом, ежедневное его упражнение состоит в том, что он пьет, ест, спит и ездит с собаками.

Дворянин, живущий в городе и следующий по стопам нынешних модных вертопрахов, не лучше рассуждает о науках: хотя и не презирает он их совершенно, однакож почитает за вздорные и совсем за бесполезные познания. «Неужели, говорит он, должен я ломать голову, занимаяся сими глупостями, которые не принесут мне никакой прибыли? К чему полезна философия? Ни к чему более, как только что упражняющихся в оной глупцов претворяет в совершенных дураков. Разбогател ли хотя один ученой от своей учености? Наслаждается ли он лучшим здоровьем, нежели прочие? — Совсем нет! Ученые и философы таскаются иногда по миру; они подвержены многим болезням, по причине чрезмерного их прилежания; зарывшись в книгах, провождают они целые дни безвыходно в своих кабинетах, и, наконец, после тяжких трудов, живучи во всю свою жизнь в бедности, умирают таковыми же. Куда какое завидное состояние! Поистине, надобно сойтить с ума, чтоб им последовать. Пусть господа ученые насыщают желудки свои зелеными лаврами и утоляют жажду струями Иппокрены; что до меня касается, я не привык к их ученой пище. Стол, уставленной множеством блюд с хорошим кушаньем, и несколько бутылок Бургонского вина несравненно для меня приятнее. Встав из-за стола, спешу я, как наискорее заняться другими веселостями: лечу на бал, иногда бегу в театр, после в маскерад; и во всех сих местах пою, танцую, резвлюсь, кричу и всеми силами стараюсь, чтобы, ни о чем не помышляя, упражняться единственно в забавах».

Вот, премудрый *Маликульмульк*, каким образом рассуждает о науках большая часть дворян. Сколь достойны они сожаления! Естьли б сии ослепленные глупым предрассуждением тунеядцы могли когда почувствовать сие сладчайшее удовольствие, сие тайное восхищение, которое люди, упражняющиеся в науках, ощущают, то перестали бы взирать на них, как на несчастных, лишенных в жизни сей всякого утешения. Науки суть светила, просвещающие души: человек, объятый мраком невежества, во сто раз слепее того, который лишен зрения от самого своего рождения. Гомер, хотя и не имел глаз, однакож все видел: завеса, скрывающая от него вселенную, была пред ним открыта; и разум его проницал даже во внутренность самого ада.

Естьли дворяне, праздно живущие в деревнях и следующие модам нынешнего света, будучи предубеждены в пользу своего невежества, мыслят столь низко и столь несвойственно с званием своим о науках, то и служащие в военной службе иногда подвержены бывают равному заблуждению. Жизнь сих людей, в мирное время, протекает в различных шалостях и совершенной праздности: биллиард, карты, пунш и волокитство за пригожими женщинами, — вот лучшее упражнение большей части офицеров. Ученый человек, в глазах их, не что иное, как дурак, поставляющий в том только свое благополучие, чтоб перебирать беспрестанно множество сшитых и склеенных лоскутков бумаги. «Какое удовольствие, — говорят они, — сидеть, запершись одному в кабинете, как медведю в своей берлоге? Зрение наслаждается ли таким же удовольствием при рассматривании библиотеки, как и при воззрении на прелести пригожей женщины? Вкус может ли равно удовольствован быть чтением книг, как шампанским и бургонским вином? Осязание бумаги с такою ли приятностию поражает наши чувства, как прикосновение к нежной руке какой красавицы? Слух равное ли ощущает удовольствие от звука ударяющихся математических инструментов, как от приятного согласия оперного оркестра? Чернила и песок такое же ли испускают благовоние, как душистая наша пудра и помада? Какую скучную жизнь провождают ученые! Возможно ли, чтобы человек для приобретения совсем бесполезных в общежитии знаний, жертвовал для них своим покоем и веселостями».



ПОЧТА

ДУХОВЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ,

или

Ученая, Нравственная, и Критическая переписка Арабскаго философа *Маликульмулька* съ водяными, воздушными и подземными Духами.

ЧАСТЬ I.

Печатано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1789 ГОДА.

Титульный лист журнала И. А. Крылова «Почта духов»

Так рассуждает пустоголовой офицер, превозносящийся своим невежеством. Равным образом и сластолюбивой богач, пользуясь

оставшимся после отца награбленным имением и получая пятнадцать тысяч рублей ежегодного доходу, нимало не помышляет о науках. Роскошь и нега в такое привели его расслабление, что потерял он почти совсем привычку действовать не только разумом, но и своими членами. Препроводя во сне большую часть дня, едва лишь только откроет он глаза, то входят к нему в спальню три или четыре камердинера, кои, вытащив его из пуховиков, составляющих некоторый род гробницы, где ежедневно на двенадцать часов он сам себя погребает, обувают его, одевают и, наконец, сажают в большие кресла, на которых дожидается он спокойно обеденного времени. За столом просиживает он три или четыре часа и наполняет свой желудок тридцатью различными ествами, над приготовлением которых трудились во все утро пять или шесть поваров. После обеда садится он опять на прежнее место, где засыпает или забавляется рассказами нескольких блюдолизов, привлеченных в его дом приятным запахом его кухни. Потом подвозят ему великолепный экипаж: два лакея, подхватя под руки, сажают его в карету с такою же трудностию, как бы несколько сильных извозчиков накладывали на телегу мраморную статую. В сем положении ездит он по городу до самого ужина: свежий воздух возобновляет в нем охоту к пище, и движение кареты способствует его желудку варить пищу, коею он во время обеда чрез меру был отягощен. Возвратясь домой, находит он у себя великолепной стол; и, просидев за оным до полуночи, ложится опять спать. — Вот точное описание повседневных упражнений роскошного сластолюбца. Итак, естьли во всю свою жизнь ничего он более не делал, как только спал или, подобно расслабленному, пребывал в бездействии, то можно ли будет сказать после его смерти, что он когда-нибудь жил на свете?

Бесконечно бы было, мудрый и ученый *Маликульмульк*, естьли б начал я исчислять слабости или, яснее сказать, дурачества некоторой части земных обитателей; а скажу только, что глупое их против наук предубеждение заставляет меня думать, что на земле столь же мало людей, которые бы прямо могли называться людьми, сколь не много сыщется беспристрастных судей и некорыстолюбивых секретарей.

ПИСЬМО X

От Сильфа Световида

До сих пор я всегда удивлялся мнениям тех философов, которые душу человеческую уподобляли жизненным силам скотов, но я не знаю, любезный *Маликульмульк*, случалось ли тебе видать смешные поступки тех господчиков, которых в свете называют *людьми, любви достойными, веселыми и знающими светское обращение;* взирая на них, ты сам мог бы иметь справедливую причину почесть их в равной степени с обезьянами, и я удивляюсь, что те философы, для лучшего убеждения в своих мнениях, не

объяснили, что они говорили то, сравнивая петиметра с обезьяною, ибо надлежит признаться, что, взирая на петиметра и на обезьяну, можно подумать, что или душа обезьяны духовна, или душа петиметра вещественна, потому что, по примечанию моему, обе сии души имеют одинакие между собою свойства, одинакие движения и одинакие страсти, а посему должны иметь и одинакую сущность и быть равно или вещественны, или духовны. Итак, ежели полагать, что душа петиметра есть духовна, то надобно думать, что и душа обезьяны есть такова же. После сего первого предложения остается теперь доказать сходственность мыслей, чувств и склонностей между обезьяною и петиметром; и нет ничего легче, как сделать сие доказательство. Я поставляю себя на одну минуту на место философа, утверждающего сие мнение.

«Не правда ли, — вопрошаю я, — что не должно и не можно иначе судить о естестве души, как по видимым в ней действиям и движениям, ибо существенность ее не может быть видима никакими глазами. Итак, посмотрим, какие суть действия и движения души петиметра? — Она, управляя телом, в котором имеет свое пребывание, иногда заставляет его свистать, иногда понуждает его танцевать, прыгать, скакать, вертеться, и все сие заставляет делать без всякой побудительной причины и столь поспешно, что всякой может приметить, что разум и рассудок нимало не вмешивается в сии прыжки и обороты. Подобно сему я вижу и обезьян скачущих, прыгающих и вертящихся, и когда рассматриваю внимательно все сии их движения, то нахожу точное подобие разных кривляний и прыжков молодого вертопраха, находящегося среди женщин».

Но поступим далее с сим точным и справедливым сравнением. Когда обезьяна смотрится в зеркало, тогда, прельщаясь собою, удваивает она смешные свои коверкания, оказывает всю свою легкость в вертении и прыгании, ворчит сквозь зубы нечто совсем невразумительное, чего бы и подобная ей другая обезьяна никак не могла понять. Петиметр точно так же, взирая на себя в большое стенное зеркало, представляет те ж самые движения и обороты: он всего вокруг себя осматривает, множество раз на все стороны повертывается, поднимает и опускает голову, коверкается, кривляется, ломается, говорит не имеющие смысла некоторые невразумительные слова, которые никому другому не могут быть понятны, как разве такому же петиметру, ибо он говорит *о прическе своих волос, о курчавости своего вертежа, о размере своих буклей, о ленточном бантике* и о прочем подобном сему вздоре. Итак, в ком можно найти столь совершеннейшее сходство?

Обезьяна обыкновенно бывает непостоянна, изменчива и злобна; она кусает и раздирает платья на тех людях, кои, засмотревшись на ее скачки и кривлянья, по неосторожности подходят к ней очень близко. Петиметр делает точно то же: забавные и увеселительные зрелища, которые он смешными своими кривляньями представляет другим людям, покупаются от оных весьма дорогою

ценою, ибо, вышед из дома, в котором оказывал он все свое искусство в модных прыжках и оборотах, повреждает он честь тех людей, коих он видел, и злословит хозяина и хозяйку того дома. — Словом, ничто не может укрыться от его ядовитого языка, который, если не больше, то по крайней мере столько же может быть опасен, сколько и зубы самой злейшей обезьяны.

После столь ясного сравнения в чувствах, в поступках и в склонностях не можно ли по справедливости заключить, что души обезьяны и петиметра суть одинакой сущности? Признаться, мудрый и ученый *Маликульмульк*, что я почти убежден сим мнением. Я знаю, что в оном встречается превеликое затруднение, ибо, следуя оному, надлежит признать душу петиметра вещественною, потому что душу обезьяны никак не можно почесть духовною. Итак, взирая на таковые странные и смешные поступки петиметров, не иначе можно их почитать, как совершенными ветряными мельницами или часами, заведенными глупостию и вертопрашеством. Наконец, нет ничего легче, как доказать самыми истинными опытами, что душа разумного и постоянного человека совсем другого свойства, нежели как душа петиметра, ибо известно тебе, мудрый *Маликульмульк*, что не можно полагать нималого сходства между душою такого философа, каков был Эйлер, и между душою обезьяны, заключенной в теле модного вертопраха.

ПИСЬМО XX

От Сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Весьма часто, мудрый *Маликульмульк*, оплакиваю я злополучие смертных, поработивших себя власти и своенравию таких людей, кои родились для их погибели. Львы и тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры. Скажи, премудрый *Маликульмульк*, бросился ли когда лев, возбужденный величайшим гладом, на подобного себе льва и раздирал ли его на части для утоления своего голода? Напротив того, ежедневно почти видим мы людей, которые для удовлетворения своего тщеславия, гордости или корыстолюбия жертвуют подобными себе людьми без малейшего угрызения совести.

Не под владением одних только тиранов видимы были целые государства, поверженные в бездну злополучия: много было таких государей, коим хотя потомство приписывает великие похвалы, однако ж опи не менее других вреда людям причинили. *Нерон* выжег Рим для удовлетворения своего бесчеловечия; *Юлий Кесарь* наполнил кровью и грабительством всю Римскую империю, дабы чрез то показать свое могущество. Не все ли равно для людей, от какой бы причины они ни погибали? Все то, что их истребляет, не может быть им приятно.

Область, опустошенная тщеславным победителем, не должна ли почитать его чудовищем, рожденным для погибели рода человече-

ского? Кто дал право человеку убивать миллион подобных себе людей для удовлетворения своих пристрастий? В каком установлении естественного закона можно найти, что множество людей должны принесены быть в жертву тщеславию, или лучше сказать бешенству одного человека? Все сии мнимые герои, которым ослепленные смертные придают пышное название *Великих* и *Победителей*, в глазах истинного философа суть не что иное, как *Нероны* и *Калигулы*; разность между ими только та, что сии римские императоры истребляли людей в своих владениях, а те погубляют как своих, так и подданных соседственных государей.

Монарх, предприемлющий войну для защищения своих областей и для поддержания прав и преимуществ своего народа, есть мудрый отец, обремененный великою семьею детей, коих хранит и оберегает он от ненависти их неприятелей; напротив того, государь, пекущийся единственно о удовлетворении своего тщеславия и убегающий мира для пагубного только удовольствия, чтоб вести беспрестанно войну, наносит более вреда людям, нежели язва и голод.

Можно предохранить себя от недостатка в пропитании, выписав хлеб из других земель, от заразительной болезни есть также средство избавиться, удалясь в те места, где оная еще не свирепствует, но тщеславного государя никак избегнуть невозможно. Подобясь ниспадающему с крутизны гор источнику, поглощает он все, что в пути своем ни встречает. *Александр* гнал людей и на конце вселенной; *Карл XII*, подражая его примеру, столько же бы, может быть, причинил вреда людям, сколько и сей македонский государь, естьли б небо, для спасения рода человеческого, ни ниспослало в свет мудрого и человеколюбивого государя, который, преобразя души своих подданных, обуздал чрез то пагубное стремление сего надменного врага человечества.

Кажется, что люди тех только монархов называют *Великими*, которые во время своего царствования истребили из них несколько миллионов; напротив, тем, кои не погубляли рода человеческого, приписывают они только название *Кротких* и *Справедливых*. Бедственное и странное обыкновение!.. Государи истинно *Великие*, следуя их предрассудкам, должны уступать в славе тем, коих мщение правосудных небес употребляет для наказания развращеных человеков, вместо язвы и голода.

Не одно только тщеславие победителей причиняет гибель роду человеческому: корыстолюбие столько же иногда бывает пагубно, как и наикровопролитнейшая война. Гораздо бы было лучше для некоторых государей, чтоб потеряли они половину своих подданных на сражении или при осаде какого города, нежели, собрав их имущество к себе в сундуки, поморить после с голоду. Смерть воина, сраженного во время битвы скоропостижным ударом, не столь мучительна, как смерть бедного земледельца, который истаевает под бременем тяжкой работы, который в поте лица своего снискивает себе пропитание, и который, истощив все свои

силы для удобрения земель, видит поля, обещающие вознаградить его обильною жатвою, расхищаемые корыстолюбивым государем; смерть, говорю я, сего бедного земледельца во сто раз жесточае смерти воина, оканчивающего в одно мгновение жизнь свою на сражении. Тщетно бедные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжания от жадности корыстолюбивого государя: определяемые от него надзиратели, сборщики и поставщики пробегают беспрестанно города и селения, и сии ненасытные пиявицы высасывают кровь у бедного народа даже до последней капли.

Ревность государей к распространению своего закона не менее причиняла вреда людям, как и другие их пристрастия. Сколько во Франции несчастных принесено было в жертву злости и ненависти бесчеловечных пустосвятов? Государи, предуверенные сими лицемерами, думали, что, убивая людей, не только что истребляли в них своих неприятелей, но и угождали тем самому богу.

Защитники нетерпимости других вер в государстве, для извинения своих бесчеловечий, говорят: «*Покоритесь нам; мы, воздвигая на вас временное гонение, устроем чрез то вечное ваше спасение. Вы заблудшие овцы, коих против воли желаем мы возвратить на пажить господню*». Жестокие пастыри! можно бы было им сказать — в тысячу раз свирепейшие, нежели наилютейшие звери. Неужели думаете вы свирепством и бесчеловечием преклонить к себе сердца человеческие? Почто гоните вы несчастных, которые как вам, так и обществу ни малейшего зла не причинили? Безжалостные веропроповедники! Между вами и Нероном нет никакого различия: тот посредством огня и меча хотел, чтобы все люди были язычники, а вы те же самые средства употребляете, чтоб преобратить всех в католиков...

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ

В ПАМЯТЬ МОЕМУ ДЕДУШКЕ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМ В ПРИСУТСТВИИ ЕГО ПРИЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУНШУ

(В сокращении.)

Любезные слушатели!

В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ разумнейшего помещика: год тому назад, в сей точно день с неустрашимостью гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную их привязанность, не хотела, чтоб из них один пережил другого, а мир между тем потерял лучшего дворянина и статнейшую лошадь. О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить? Оба они не уступали друг другу в достоинствах; оба были равно полезны обществу; оба вели равную жизнь и, наконец, умерли одинаковою славною смертью.

Со всем тем дружество мое к покойнику склоняет меня на его сторону и обязывает прославить память его, ибо хотя многие говорят, что сердце его было, так сказать, стойлом его гнедой лошади, но я могу похвалиться, что после нее покойник любил меня более всего на свете. Но хотя бы и не был он мне другом, то одни достоинства его не заслуживают ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, как память дворянина, который служит примером всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставлял его примером в одной охоте; нет, это было одно из последних его дарований, кроме сего, имел он тысячу других приличных и необходимых нашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов выработают в год; он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два-три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью; глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет и корки хлеба, ни чахотной курицы. Но какое приятное удивление! Садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось, тем было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях; искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он содрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего созидал великолепные свои пиры. Но я примечаю, что восторг мой отвлекает меня от порядку, который я себе назначил. Обратимся же к началу жизни нашего героя... Появился наш герой Звениголов; он еще не знал, что он такое, но уже благородная душа его чувствовала выгоды своего рождения, и он на втором году начал царапать глаза и кусать уши своей кормилице. «В этом ребенке будет путь, — сказал некогда, восхищаясь, его отец, — он еще не знает толком приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что он благородной крови». И старик сей часто плакал от радости, когда видел, с какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слуг; не проходило ни одного дня, чтобы маленький наш герой когонибудь не оцарапал. На пятом еще году своего возраста приметил он, что окружен такою толпою, которую может перекусать и перецарапать, когда ему будет угодно...

Чадолюбивой отец, приметя, что дитя его начинает думать, заключил, что время начать его воспитание, и сам посадил его за грамоту. В пять месяцев ученик сделался сильнее учителя и с ним взапуски складывал гражданскую печать. Такие успехи устрашили его родителя. Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам и не вздумал бы сделаться когда-нибудь акаде-

миком, а потому-то последнею страницею букваря кончил его курс словесных наук. «Этой грамоты для тебя полно, — говорил он ему, — стыдись знать более: ты у меня будешь барин знатной, так непристойно тебе читать книги»...

Время, наконец, наступило записывать его в службу, и редкой родитель его, отпуская, дал сыну своему последнее наставление: «Помни, любезный сын, — говорил он ему, — что у тебя две тысячи душ, помни, что ты старинной дворянин и остался один в своем роде. Итак, береги себя, не подражай бедным людям, которые, не имея куска хлеба, принуждены на службу тратить здоровье. Служи так, чтобы не быть разжаловану, а о достальном не пекись. Пусть бедные ищут чинов, а нашу братью, богатых, чины сами должны искать. Будь только порядочного поведения, то есть не выходи из передней знатных, более всего берегись досадить женщине, сколь бы низкого состояния она тебе ни казалась: наружное состояние женщины бывает сходно с молодым деревом, которое сколь ни кажется слабо и презренно, но часто корень его глубоко под землею сплетен с корнем великого дуба, который может задавить тебя своею тяжестию. Короче, вот тебе в двух словах мое завещание: не требую, чтобы ты возвратился заслуженным, но чиновным», — и после сего наградил он его своим родительским благословением и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни после его отъезду кончил свою знаменитую жизнь...

[Звениголов вместо службы предался кутежам, попойкам и карточной игре. Друзья-приятели быстро «очистили все его имение» и оставили полунагим.

Смерть родного дяди нашего героя спасла его от долговой тюрьмы, он получил наследство — пять тысяч душ и сто тысяч денег.]

Может быть, подумаете вы, что это сделало его надменным? Нимало! В тот же день пошел он к знакомому винному погребщику, напился с ним вместе и очень смиренно провел у него ночь на голом кирпичном полу.

Но уже страсти в нем начали угасать, и он, пользуясь прошедшими своими несчастиями, не захотел более ни в которой масти искать счастия, получил чин, пошел в отставку и намерился удалиться в свои деревни, дабы украсить собою наш уезд; имея же к шумным прощаньям отвращение, уехал из города, не уведомя ни одного своего заимодавца. Может быть, по скромности его, нравился ему также французской обычай уходить не простясь, ибо, свидетельствуют достовернейшие маркеры, что, когда только мог, уходил он по-французски из трактиров, сколь ни убедительно они ему за то пеняли.

Наконец удалился он от городского шуму и вступил в новое поприще для испытания своих дарований, и вы, государи мои, сами были свидетели, как сильно умел он ими блистать.

Едва появился он здесь, как объявил открытую войну зайцам и набрал многочисленную армию псов; наблюдая пользу поселян,

хотел он истребить весь заячий род и сдержал свое слово. Правда, многие из строптивых его крестьян кричали, что они бы лучше хотели кормить зайцев, нежели бесчисленное множество псов и тунеядливую шайку охотников; что им милее было в хлебе своем встретить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое более того собак. Но герой наш, умея к стате и к месту пересечь сих рассказчиков, укротил их роптания и продолжал непримиримую ненависть к зайцам, как Аннибал к римлянам, а чтобы вернее их выжить, то вырубил и продал свои леса, а крестьян привел в такое состояние, что им нечем было засевать поля. С каким внутренним удовольствием герой наш выезжал тогда на поля и находил их так чистыми, как скатерть, не тревожась сомнением, чтобы где мог скрыться заяц. В три года обрил он так чисто свои земли, что неустрашимейшие зайцы могли в них искать одной только голодной смерти. «Скажи, — спрашивал у него некто, — не лучше на землях своих видеть тысячу сытых зайцов, нежели пять тысяч голодных крестьян, и не смешон ли тот, кто зажжет свой дом, желая выжить из него тараканов?» — «Молчи только, — отвечал наш герой, — я сам знаю, что моим крестьянам есть нечего, но еще лет пять, и зайцы позабудут мои земли: они будут бегать их, как песчаной степи. А тут-то я и обману весь этот род трусливых грабителей, восстановя прежний порядок и изобилие».

Какой редкой ум, милостивые государи! Имел ли кто когда-нибудь такое великое и смелое предприятие? Нерон зажег великолепной Рим, чтобы истребить небольшую кучку христиан. Юлий побил множество сограждан своих, желая уронить вредную для них власть Помпея. Александр прошел с мечом через многие государства, побил и разорил тысячи народов, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги в проливе океана и после пощеголять этим дома. Но все эти намерении и труды не входят в сравнение с подвигами нашего героя. Те морили людей, дабы приобрести славу, а он морил их для того, чтобы истребить зайцев. Но судьба, завидующая великим делам, не дала совершить ему своего намерения, подобно как множество других героев, которые, захватя себе дел тысячи на две лет, умирали на первом или на втором году своего предприятия.

Вот, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! Любезные мои слушатели заснули со умилением, почтенные головы их лежат, как прекрасные бухарские дыни, вокруг пуншевой чаши. Торжествуй, покойной мой друг! Твои друзья, любя тебя, наследовали твои нравы. Так точно некогда засыпал ты на своих веселых вечеринках с половину окунутым в ендову носом. Увернись, если можешь на одну минуту от Плутона, взгляни из-под пола на твоих друзей, потом расскажи торжественно адским жителям, какое приятное действие произвела похвала твоей памяти, и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думают, что они одни выправили от Аполлона привилегию усыплять здешний свет своими творениями.

КАИБ

Восточная повесть

(В сокращении.)

Каиб был один из восточных государей; имя его наполняло вселенную. «Слава твоя, — говорил ему некто из его стихотворцев, — слава твоя была бы подобна солнцу, естьли бы оно не заходило».

Каибу нравились хорошие сравнения; и за это, пожаловав его в евнухи, сделал смотрителем над своею сералью. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворец его, говорит историк, был обнесен тысячию яшмовых столбов, коих капители были изумрудные, коринфского ордена, а тумбы из чистого литого золота; дворец сей был сделан из черного мрамора, и стены его были столь гладко вылощены, что лучшие щеголихи смотрелись в них, как в зеркало. Окны были пропорции новейшей, италиянской архитектуры, немного более того, как делаются городские ворота, и во всяком окне было только по одному стеклу, но которые были так тверды, что потачливейшие мужья нынешнего времени не в состоянии были бы прошибить их своим лбом. Крышка была из листового серебра, но столь чисто отработанного, что часто в ясные дни целой город сбегался ко дворцу, думая, что он горит, когда всю сию тревогу производило одно ее сияние.

Заметь, любезной читатель, что все это говорит Каибов историк.

Внутреннее великолепие дворца поражало всякого, кто туда ни входил: простолюдимов ослепляло золото, жемчуг и каменья, коих было более, нежели ортографических ошибок в наших новых писателях. Знатоков привлекало искусство, блистающее во всех украшениях дворца: там развевали завесы из непроницаемого штофу, которой был толще всех четырех частей Беседующего Гражданина, переплетенных вместе; там блистала резьба, отделанная с такою чистотою, что никакой бы автор не пожелал видеть лучшей чистоты на переплете своих сочинений; многие комнаты украшены были живописью, обманывающею зрение, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пущал он ученых людей во дворец, но изображения их делали не последнее украшение его стенам. Правда, стихотворцы его были бедны, но безмерная щедрость его награждала великой их недостаток: Каиб велел рисовать их в богатом платье и ставить в лучших комнатах своего дворца их изображения, ибо он искал всячески поощрять науки; и подлинно, не было в Каибовом владении ни одного стихотворца, которой бы не завидовал своему портрету.

В другом месте, продолжает историк, видны были из драгоценных перьев чучелки, сделанные с таким вкусом, что сколько ни старались придворные дамы подражать им в пестроте своих одежд, но часто с досадою видели, что на прекрасных чучелок

любовались более, нежели на них. В иных местах резвились на золотых цепочках забавные обезьяны, которые кривлялись с такою приятностию, что искуснейшие придворные ставили за честь у них перенимать, а нередко, по слабости человеческой, выдумки обезьян выдавали за свои, отчего между тогдашних обезьян и придворных была великая вражда, о коей историю в тридцати шести томах в лист издала тамошняя академия. Там, на великолепных пьедесталах, блистали Каибовых предков бюсты, которые высокостью работы не уступали своим высоким подлинникам.

Внутренние комнаты его убраны коврами столь редкой красоты и цены, что величайшие цари, современники Каибовы, приезжали играть на них шемелой и приказывали историографам записывать это в число величайших своих подвигов. Зеркала его хотя были по двенадцати аршин длиною, из чистой стали, но не столько почитались редкими по своей величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее, нежели они есть. Старик видел себя в них молодым красавцем, изветшалая кокетка — пятнадцатилетнею девушкою, урод — пригожим, а разгильдяй — ловким. Со всем тем Каиб никогда в их не смотрелся, а держал для одних своих придворных, и то для того, чтоб забавляться, видя, как отвратительнейшие лица перед сими зеркалами спорят о своей красоте и заводят ссоры, которыми Каиб любовался. Тысячи попугаев говорили в его клетках скоропостижные вирши; многие из сих попугаев были красноречивее тогдашних академиков, хотя академия Каибова почиталась первою в свете потому, что ни в какой академии не было такого богатого набора плешивых голов, как у него, и все они бегло читали по толкам, а иногда очень четко писали к приятелям письмы. Со всем тем многие уступали в красноречии попугаям, из коих многих Каиб, любя ученость, сделал членами академии только за то, что они умели выговаривать чистенько то, что выдумал другой. Что ж до изобилия, то Каибов двор превосходил оным все восточные дворы, и последний ложкомой Каибов ел вкуснее, нежели у Гомера цари. Календарь Каибова двора был составлен из одних праздников, и будни были там реже, нежели именины Касьянов.

Сераль его был наполнен первыми красавицами в свете, из коих не было ни одной старее семнадцати лет. Сколь фабрики ни стараются ныне доходить до совершенства в составлении румян, но лучшие румяны показались бы дикими в сравнении с природным румянцем последней из его султанш. Девушки его не портили своих прелестей излишними жеманствами; они не падали в обморок от пауков и тараканов, для того чтобы разметаться приятным для глаз образом. Когда находила на них задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилетнему женскому возрасту, то не принимали они чистительного, чтобы иметь лучший цвет лица. Великолепные его конюшни наполнены были редкими лошадьми, которые были статнее наших щегольков и послушнее первых его визирей.

Ледники его трещали под тяжестью вкуснейших вин. Сами боги, говорят, с удовольствием напивались в его погребах допьяна и предпочитали вина его нектару, который опостылел им с тех пор, как стихотворцы начали разливать его своим героям так же небрежно, как бабы льют коровам помои.

Весь свет, взирая на Каиба, почитал его счастливым; типографщики наживались, издавая претолстые книги о его блаженстве. Когда стихотворцы тогдашнего времени хотели описать торжества богов и райские веселия, то не иначе к тому приступали, как доставши через какого-нибудь евнуха случай втереться между музыкантов, чтобы посмотреть придворного великолепия и серальских праздников; однако ж, и на то несмотря, описания их божеских пиров часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свет кричал, что Каиб счастлив, и один только Каиб знал, что это неправда; но он никому этого не говорил, боясь, чтобы не сочли его неблагодарным противу благодеяний судьбы, чего он всегда остерегался. Он часто в своих стихотворцах читал описания своего счастья и смеялся пустому их воображению; или иногда завидовал, для чего не был он так же слеп, как они, чтоб видеть себя только со счастливой стороны. Как бы то ни было, а Каиб не столько был счастлив, сколько о нем кричали; в сердце его оставалась какая-то пустота, которую не могли дополнить окружающие его предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попугаи — ничто его не увеселяло: на все это с высокого своего престола смотрел он позевывая; иногда улыбался на скочки обезьян или на кривлянья придворных, но в сих улыбках видно было более сожаления, нежели удовольствия.

Весь двор примечал, что он был задумчив, но никто не мог выдумать, чем бы его позабавить; и обер-шут его двора, которой был шутоватее всех италиянских опер вместе, с отчаянием видел, что высочайший его владетель уже два месяца не давал ему щелчков по носу; все это заметили и заключили, что он уже не в такой большой силе у двора, как был за два месяца, когда, к досаде своих завистников, всякой день получал он пинков по двадцати в зад, по стольку же щелчков по носу и показывал всем на боках своих знаки Каибовой к себе милости.

Но что была за причина Каибовой скуки? Вот чего никто не знал, а что всего чуднее, то это и самому ему было неизвестно. Он чувствовал, что ему чего-то недостает, но не мог познать, в чем этот недостаток; ему казалось, что он один во всей вселенной, или, что еще ближе, как будто был иностранец между миллионами людей, им одолженных, которые не могли его разуметь, ни помочь его скуке. . .

В одну ночь, удивляясь неодолимой своей скуке, ворочался Каиб на своих пышных пуховиках, и сон, как будто не смея войти в царскую спальню, заставлял храпеть в ближней комнате его служителей. Вдруг увидел он, что его любимец кот гонялся за мышью. Она всячески старалась от него увернуться. Так точно часто

челобитчик желает увернуться от подарка своему судье; но напрасно заговаривает он с ним о дурной погоде и о хорошей, о старых временах и о нынешних, хотя бы заговорил он с ним о Эмпедокловых туфлях, взяткобратель и от них искусно склонит речь на то, что ему надобны деньги. То же происходило и у мыши с котом: стараясь его обманывать, металась она в разные стороны, искала спасения по всем углам... и вдруг вскочила к султану на кровать. Какая бы красавица утерпела при сем прекрасном случае, чтобы не броситься с постели стремглав, не поднять содому, не скликать весь свет, ежели можно, и, наконец, чтобы потом не упасть раза два-три в обморок? Но Каиб был неустрашим: он не боялся мышей, пауков, тараканов и с радостию бедную мышку принял под свое покровительство; притом же начитался, ибо он любил ученость, и «Тысячу одну ночь» всю знал наизусть; он начитался, что в таких случаях делаются великие чудеса, как прекрасная Шехерезада — сей неподражаемой историк его предков — свидетельствует; а Каиб верил сказкам более, нежели Алкорану, для того что они обманывали несравненно приятнее.

Дело и подлинно кончилось чудом: менее, нежели в минуту, гонимая мышь превратилась в прекрасную женщину. Какой вздор! — скажет любезной мой читатель, но прошу не дивиться: в Каибов век была такая мода на чудеса, как ныне на аглинские шляпки, и тот дом, в котором не случалось в неделю по крайней мере два чуда, был так же смешон, как ныне дом, где не играют в карты.

«Каиб, — сказала ему превращенная женщина, — ты спас мне жизнь; должно, чтоб я усладила твою: благодеяние рождает благодарность. Проси от меня, чего ты хочешь, и я в минуту исполню твое желание, хотя бы оно целило на богатства всего света».

«Великодушная фея! — вскричал удивленный Каиб, — не имею я нужды в сокровищах; они столь велики, что сколь визири меня ни обворовывают, но ущерб в них так же мало приметен, как ущерб в Езоповой реке, которую хотели выпить жадные собаки; и я надеюсь, что мои собаки так же перелопаются прежде, нежели вылакают море моих сокровищ; из сего можешь ты заключить, нужно ль мне желать их более? Сколь ни бесценною великой наш муфтий почитает свою бороду, но естьли бы захотел я соблазнить честного этого старца, то бы всю ее мог скупить по волоску, нимало не расстроив своих богатств. У меня нет также недостатка в красавицах; природа меня не обидела, и мой взгляд еще не находил ни одной спорщицы в любви, — столько-то одарен я способностию нравиться! Впрочем, состояние мое столь блестяще, что спустя еще семьдесят лет не будет при моем дворе ни одной Венеры, которая бы не захотела меня иметь своим Адонисом; и хотя природа станет им противоречить, но воображение, конечно, ее победит. Может быть, пожелал бы я славы; но стихотворцы мои, хотя и спят сами на открытом воздухе, а мне настроили столько храмов славы, что естьли бы можно было их составить вместе на земле,

то бы вышел из них город пространнее Пекина и великолепнее древнего Рима. Итак, ты видишь, что мне ни в чем нет недостатка. Со всем тем я зеваю, и по этому-то одному догадываюсь, что мне чего-нибудь недостает, но что это такое, того ученейшие из моих подданных отгадать не могут».

«Каиб, — сказала ему волшебница, — желание твое исполнится, я знаю, что нужно к твоему блаженству. Исполни, что написано на этом перстне (при сем подала она ему перстень). Завтра поутру начни свой труд; но берегись его оставить. Как же скоро успех увенчает его, то не будет человека на земле, которой бы мог с тобою сравняться блаженством. Прости и помни, что я всегда готова к тебе на помощь; как же скоро буду я тебе нужна для какого-нибудь совету, то вот тебе целой том од одного из бесприютных строителей храмов славы: едва прочтешь ты одну строфу, как на тебя найдет беспамятство; в сие-то время буду я тебе являться и давать нужные наставлении. Прости, государь!» — повторила волшебница и вмиг исчезла.

Каиб, отворотясь к стене, захрапел, оставя до утра исследование дела; он даже — подивись, прекрасной и любопытной пол! — он даже не посмотрел, что написано на перстне.

На другой день нашел он на нем вырезанные сии слова: «Ступай не медля и ищи человека, которой бы назывался твоим врагом, не зная, что тебя любит, и которой бы тогда ж назывался твоим другом, не зная, что тебя ненавидит. Тот, в котором увидишь ты сие противоречие, один может излечить тебя от твоей зевоты». «Вот довольно огромная для перстня надпись! — скажет критик... Может ли она уместиться на перстне? Это невероятность!» — очень сожалею, когда свет ныне так испортился, что не верит сказкам; впрочем, вообрази, милостивой государь мой, такой перстень, на котором бы вся эта надпись поместилась, и критика исчезнет. «Но где же взять такую руку, которой бы в пору был этот перстень? — спросят меня опять. О! кто знает Голиафа и Атланта, тот поверит, что на их перстнях можно было уписать более, нежели на надгробных досках людей нынешних веков.

«Милостивый государь! — сказал Каибу шут, увидя сию надпись, — перстень этот есть явное на меня гонение моих неприятелей». — «Почему ты это думаешь?» — спрашивал его Каиб. «Повелитель правоверных! — продолжал шут, — тебе советуют лечиться от скуки и не прописывают меня лекарством: не явное ли это желание унизить мой сан и силу? Как будто бы моя священная должность — смешить ваше величество — ничего не значила!» — «Не опасайся, — отвечал калиф, — изо всех моих визирей никто так хорошо, как ты, сорокою не скачет; итак, мои милости к тебе непоколебимы». «Еще слово, государь, — вскричал шут, целуя его полу; — время, пожирающее все, может и меня лишить моих способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтоб враги мои тогда не восторжествовали, предпринял я заранее оставить двор». — «Пустое,

пустое! — вскричал Каиб, — разве не можешь ты при моем дворе сыскать дела? Выучись к тому времени ползать черепахою». Шут еще раз поцеловал полу его одежды, а Каиб, не сказав истинного происшествия своего перстня, зачал в самом деле заниматься своим предприятием.

На другой день Каиб созвал свой диван, чтобы подумать обстоятельнее о своем важном предприятии. Надобно приметить, что Каиб ничего не начинал без согласия своего дивана; но как он был миролюбив, то, для избежания споров, начинал так свои речи: «Господа! я хочу того-то; кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пятьсот ударов воловьею жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос». Таким удачным предисловием поддерживал он совершенное согласие между собою и советом и придавал своим мнениям такую вероятность, что разумнейшие из дивана удивлялись их премудрости. И для того-то, хотя иногда терпел он визирей с крепкою головою, но не мог терпеть тех, у коих крепки были подошвы. «Такие люди, — говаривал он, — всегда думают, что они умнее других, и они для меня не годятся. Мне надобны визири, у которых бы разум, без согласия их пяток, ничего не начинал». Теперь, любезной читатель, можем мы продолжать нашу повесть.

Каиб представил, что ему нужно выехать из города тайно месяцев на восемь или более; что от этого зависит его спокойствие, а следственно, благополучие целого государства; что в сие время не может он управлять никакими делами; что более всего нужно скрыть его путешествие от народа и, следственно, не остановлять никаких дел; что, наконец, во всем этом полагается он на их рассуждение.

Диван разделился на две стороны; одни говорили из учтивости, что калиф нужен государству и что оно не может обойтись без его высокой особы так долгое время, другие говорили, из учтивости же, что он может исполнить свое предприятие и что государство ничего не потеряет, естьли он отлучится на несколько месяцев. Каиб дал им волю спорить и между тем занимался будущим своим путешествием. Наконец, наскуча шумом, сказал: «Господа! я так хочу». Визири первого мнения, вспомня, что у них есть пятки, согласились с визирями последнего мнения. Путешествие было определено.

«Друзья мои! — сказал калиф, — я признателен к вашей сговорчивости; и хотя ни у какого калифа люди за слово так не получают столь большого жалованья, как у меня; хотя никакой султан не содержит такого числа полезных государству людей, при важной должности выговаривать чисто так; но вы столь усердно исполняете свое почтенное звание, что я охотнее издерживаю деньги на вас, нежели на лучших арабских лошадей и китайских кукол. Из сего вы можете заключить, как приятно мне всегда видеть у двора своего разумных людей, коих премудрые советы

полезны государству столько же, сколько скотные дворы полезны хлебопашеству».

Чувствительные визири были тронуты до слез такою похвалою, а Каиб, улыбаясь, продолжал: «Итак, когда вы согласны, то ничто уже не остановит моего путешествия; но мне еще нужен благоразумный ваш совет: я уже сказал, что отъезд мой должно скрыть от народа и что нужно не оставлять государственных дел; а к сему-то я еще никаких способов не выдумал; и естьли б не надеялся на ваше остроумие, то бы отчаялся согласить эти две вещи. Итак, любезные визири, присоветуйте мне, кто из вас как думает? Тому же, кто лучше подаст мнение в сих важных обстоятельствах, обещаю я подарить полное собрание арабских сказок в богатом сафьянном переплете и перевод Конфуция, писанной в лист, на такой твердой бумаге, из которой можно сделать прекрасные летучие змеи». Визири все видали перевод Конфуция, были охотники спускать змеи и не менее любили арабские сказки. Богатое обещание щедрого Каиба воспламенило их воображение, и они все пошли на голоса.

Первой был Дурсан, человек больших достоинств: главное из них было то, что борода его доставала до колен и важностию походила на бунчук. Калиф сам хотя не имел большой бороды, но он знал, что такие осанистые бороды придают важность дивану, и потому-то возвышал Дурсана по мере, как вырастала его борода; а когда, наконец, достала она до пояса, тогда допустил он его в свой диван. Дурсан, с своей стороны, не был беспечен: видя, что судьба назначила его служить отечеству бородою, ходил он за нею более, нежели садовник за огурцами, и до последнего волоска держал на счету. Впрочем, делал он много важных услуг отечеству: когда бывал при дворе праздник, тогда наряжался он пышнее всех женщин; и когда у калифа случалась бессонница, тогда сказывал он ему сказки. Сей-то знаменитой муж начал таким образом:

«Великий обладатель океана, самовластной повелитель известных и неизвестных земель и законной наследник всех монархий, какие только будут открыты! Для такой мелкой словесной твари, как я, велико уже и то снисхождение, что ты попускаешь ей думать; но с чем могу сравнить мое блаженство, когда ты, великой монарх, позволяешь мне объяснить пред тобою мысли мои и, что еще более, требуешь моего совета! Но солнце может ли от земли заимствовать свет? Нет, великой обладатель правоверных! Подобно я не рожден ни думать, ни говорить пред тобою, ниже знать, что ты думаешь! Голова твоя так же непостижима, как священной наш Коран; а голова моя пред тобою то же, что подушка, на которой я сижу; оба мы счастливы твоею щедростию, и лизать прах ног твоих есть священнейшая и важнейшая моя должность, коею наградил ты слабые мои способности. Велико уже и то мое счастие, когда употребляешь ты меня вместо морской трубы, чтобы объявлять мною рабам свои повеления».

«Это все правда, любезный Дурсан, — отвечал калиф, — я радуюсь, видя, что ты помнишь свои права... Но иногда философ видит перед собою пылинку, которую пренебрегает; потом, всматриваясь, познает, что пылинка эта двигается; наконец, разбирая далее, узнает в ней тварь чувствующую и находит, что сколь ни мало это насекомое, но оно может приносить ему пользу. Мы, калифы, обязаны вам, людям, такою же справедливостию. Часто, смотря на вас, пресмыкающихся, сомневаемся мы, можете ли вы думать; но, рассматривая далее, находим, что и вы иногда удобны рассуждать; и хотя неоспоримо, что мозг ваш не может быть такой же доброты, как мозг потомков великого Магомета, избираемых управлять вселенною, со всем тем и ваши рассуждения можно иногда употреблять с пользою: и они бывают довольно изрядны, а особливо в сравнении с рассуждениями черни, так что, под нашим смотрением, действительно можно дозволять вам мыслить. Итак, любезные визири, скажите мне ваши мнения. Не опасайтесь, естьли и глупо вздумаете: я знаю, что вы люди; природа не создала вас калифами». После такой скромной речи Каиб обратился к Дурсану, чтобы его дослушать.

«Когда обладатель земли повелевает мне объявить мои мнения, — говорил Дурсан, — то, волю его ставя своим законом, скажу устами, что чувствую сердцем. Итак, государь, нет больших препятств ни скрыть путешествия твоего от народа, ни продолжать государственных дел. Для первого нужно немедленно выдать повеление, чтобы подданные твои падали ниц на землю, когда мимо их будешь проезжать, и, под опасением смертной казни, страшились бы на тебя взирать. Естьли повелитель правоверных дозволит, то я беру на себя сочинить сие повеление, в котором докажу ясно, как непростительно дерзновение знать в лицо обладателя подлунного света и сколь велико оскорбление священной его особы, естьли черты ее впечатлеваются на грязном мозгу простолюдима; сколь, напротив того, спасительно валяться на земле, уткнувшись носом в грязь, когда проезжает мимо великой повелитель морей и суши. Потом, государь, дабы приучить к сему твоих подданных, можешь ты сделать несколько выездов по городу, и стоит только повесить первую дюжину любопытных, чтобы достальному числу верных рабов твоих отбить охоту подымать взоры до священного чела твоего. После сего можешь ты спокойно ехать. Мы же, одевши пышно куклу, будем привязывать ее к твоей верховой лошади и возить всякой день по городу, возвещая народу, что это ты сам... Все упадут ниц, и тот будет великой чародей, кто затылком узнает разницу между куклою и твоею священною особою. Сие можем мы продолжать до твоего возвращения. Естьли же к кукле сей приделать такие величественные усы, какими ты удивляешь вселенную и превосходишь всех монархов, то тайна будет еще непостижимее. Что ж до правления дел, то можешь ты, до возвращения своего, поручить их тому, кому более всего доверяешь, и не излишнее бы было, естьли б выбор твой, в таком важ-

ном случае, пал на человека достойного, с почтенною бородою, коея длина была бы мерою его глубокомыслия и опытности. Ибо, великой государь, непокорнейшие сердца смотрят на длинную бороду как на хорошей аттестат, данный природою. Такой человек пусть именем твоим производит дела и дает повеления, коих вся добрая слава упадет на тебя, и никто из народа не приметит твоего отсутствия». После сего Дурсан замолчал и начал разглаживать длинную свою бороду.

«У тебя довольно пылкое воображение, — сказал калиф, — и естьли б я был более горд, то бы употребил твои советы; но, любезной Дурсан, мне не нравится, чтобы мои народы валялись по грязи во время моих выездов. Мне приятнее, когда подданные мои продираются друг сквозь друга меня смотреть и после спорят, из какого вещества я создан; мне очень мило слышать, как одни говорят, что я весь вылит из серебра, другие, что я скован из золота; что я за тысячу миль вижу блоху так же свободно, как будто бы сидела она у меня на носу, и что я один в день столько же могу съесть, сколько целая армия в неделю, не опасаясь нималого отягощения в желудке. Такие прекрасные рассуждения и заключения меня забавляют, и мне жаль отнять у народа свободу меня смотреть, когда он с таким успехом в меня вглядывается и смешит меня иногда до слез своими догадками. Нет, нет, выдумайте другое средство; а это столь сурово, что я по любви своей к моим музульманам никогда его не употреблю».

Тогда Ослашид, первой по Дурсане, разгладил на обе стороны свои усы, растворил рот и начал... Но, любезной читатель, позволь мне познакомить тебя и с этим визирем. Речь сильнее действует, естьли оратор нам известен.

Ослашид еще за триста лет до своего рождения предназначен был играть не последнее лицо в диване, ибо он был из потомков Магомета, и белая чалма, которую надели на него при рождении, давала ему право на большие степени и почести. Правда, что голова его не знает, как она попала в белую чалму, дающую право на такие выгоды, а душа его не знает, как она попала в голову, имеющую право на белую чалму; но Ослашид был верной музульманин: он, не исследывая своих прав, старался только ими пользоваться и сохранял теплую веру, что судьба имела свои расчеты надеть на него белую чалму и произвести на свет обладателем великих сокровищ. Не вмешиваясь в виды ее, он ставил правилом проживать свои сокровища, как истинной музульманин. Ослашид имел у себя прекрасной сераль, множество евнухов, еще более невольников-христиан, которых прилежно секал за то, что они не принимают его закона и не могут понять того, чего он сам никогда не понимал. Он дивился, как люди могут не верить, что в обыкновенной рукав можно запрятать луну, которая в диаметре имеет не более 473 немецких миль, и говорил, что для верного музульманина очень легко вообразить, как в одну ночь льзя проехать более, нежели сколько пушечное ядро может, со всею своею ско-

ростию, пролететь в 500 000 лет и иметь еще довольно досугу понаделать на все исторические замечания. Словом, Ослашид верил всему с удивительною способностию, и это было первое его достоинство у двора, которое заставляло в нем терпеть множество других недостатков. Сей-то достойной визирь начал так свою речь:

«Истинной потомок великого пророка, блистательной калиф, снисходящий по прямой линии от просветителя вселенной, Магомета, ибо я несомненно верю, что, начиная от его жен, жены всех предков твоих были столь же верны, каковыми обещаются нам райские гурии, и что твое родословное дерево не покривлено ни одною женою твоих предшественников; и потому-то право твое повелевать нами столь же священно, как право самого Магомета, для рабства коему создан весь мир. Повелитель правоверных, имеющий власть связывать и разрешать руки и мысли, власть неоспоримую, которая, с помощию благословения пророка, поддерживается 500000 вооруженных музульман, почитающих счастьем перерезать горло тому, кто вздумает отымать у тебя право их перевешать; обладатель самовластной великого быка, на рогах которого взоткнуты твои пространные владения, — великой калиф! удостой выслушать мнения последнейшего из твоих рабов! Сколь ни премудр совет Дурсана, но, мне кажется, нет нужды заводить таких больших обрядов с народом, а особливо, когда человеколюбие твое признает их суровыми. Всего лучше, великой калиф, выехать тебе в путь сколь можно великолепнее; но при самом выезде за ворота объявить всем подданным, что ты, любя свою столицу, никуда не намерен от нее отлучаться. И тогда́, хотя весь город будет видеть, что ты удаляешься, но рабы твои, конечно, поверят тебе более, нежели своим глазам, и будут твердо уверены, что ты здесь, тогда как будешь ты осчастливливать своим присутствием другую половину земного шара. Притом же, отъезжая, можешь им сказать, что ты всякую неделю один раз будешь проезжаться по городу, и назначать день, в которой после мы можем водить по улицам под уздцы верховую твою лошадь. Хотя тебя на ней не будет, но рабы твои согласятся скорее поверить, что они все вдруг ослепли, нежели подумать, что ты не сам, высочайшею своею особою, сидишь на лошади, которую почтут они счастливейшею из всех чувствующих тварей, для того что она носит на себе величайшего в свете калифа. Что же до дел, то также можешь ты сказать, что все дела, которые решатся в такое-то время, будут непосредственно рассматриваемы и решены тобою. Словом, можешь ты заключить, что всякой тот преступник, кто в сие время осмелится, поверя пяти своим чувствам, усумниться в твоих словах. Такая речь, величайший калиф, произведет чудеса, и выезд твой для всего государства останется тайною».

«Способ, изрядно выдуманной, — отвечал калиф, — но он хорош для моих только музульман, а над иностранцами, не думаю, чтоб произвел подобное действие, и что еще досаднее, могут разгласить, что я калиф над слепыми народами, а это мало принесет

мне чести. Нет, друзья мои, я хочу, чтобы подданные мои верили иногда своим глазам или мне должно со временем терпеть величайший труд сказывать всякому, что он видит и что чувствует. Выдумайте какое-нибудь другое средство: я столько люблю моих подданных, что мне жаль сделать вдруг бесполезными несколько миллионов глаз. Итак, любезной Дурсан и почтенной Ослашид, вы не получите от меня арабских сказок в сафьянном переплете и не будете иметь удовольствия спускать змеев из Конфуциева переводу. Посмотрим, любезной Грабилей, будет ли счастливее твоя выдумка».

Грабилей не имел ни долгой бороды, ни счастия родиться в белой чалме; он был сын чеботаря, которой в свое время обувал со вкусом целой город. Грабилей, прискуча видеть с младенчества трудную работу отца, задумал блистать в свете совсем иною славою и искал способов, как бы со временем разувать тот народ, которой отец его обувал с таким успехом. Для сего-то вступил он в приказную службу. Грабилей был умен; он тотчас понял систему своего звания и начал драть с одних, дабы передавать другим. С таким прекрасным правилом недолго засиделся в нижних званиях и тотчас сделан кадием. На сем-то месте почел он нужным развернуть все свои способности и пользоваться всею уловчивостию, коею природа его одарила. Он тотчас понял трудную науку обнимать ласково того, кого хотел удавить; плакать о тех несчастиях, коим сам был причиною; умел к стате злословить тех, коих никогда не видал; приписывать тому добродетели, в ком видел одни пороки. Знал, когда нужно кланяться в землю и когда в пояс, умел к стате зажмуриваться на своей судейской подушке; но что всего важнее, знал к стате обирать и к стате одаривать. С такими-то блестящими дарованиями пролагал он себе путь к дивану и недолго медлил на сем пути. Калиф уважал способности... Грабилей стал одним из числа знаменитейших людей, снабженных способами утеснять бедных и освященных важным преимуществом получать удавку из рук самого султана. Грабилей так начал речь свою:

«Законной наследник всех имений, неоспоримой владетель сердец и помышлений, повелитель стихий и причина всех бывших и впредь будущих благ человеческого рода! Прости, что я осмеливаюсь шевелить языком моим в присутствии священной твоей особы. Я бы никогда не дерзал при тебе и мыслить, естьли б не было сие во исполнение верховной твоей воли, которая управляет всеми моими чувствами и делами, подобно как солнечное движение управляет движением тени. Мне кажется, самой лучшей способ для удержания в тайне путешествия есть тот, чтоб сделать запрещение говорить, каким бы то образом ни было, о твоей высокой особе и даже выговаривать священное твое имя, под опасением лишения живота и имений. Издав такое повеление, можешь ты спокойно отправиться в свой путь; и хотя некоторое число рабов твоих будет догадываться, что тебя здесь нет, но, в силу запрещения говорить

о тебе, они не возмогут никому сообщить своих догадок, ниже простирать вопросами свое любопытство далее. Известно, что молчание есть единственной способ хранения тайностей; так не самое ли лучшее средство — наложить его на языки болтливых рассказчиков и выспрашивателей, которых двумя или тремя примерными наказаниями можно уверить, что язык им дан только для того, чтобы, с помощию его, было легче глотать пищу».

Калиф не был доволен и сим мнением: он сам, любя говорить, знал, как тяжело честному человеку хотя на два часа лишиться этого прекрасного упражнения; притом же, хотя и мог он надеяться унять мужчин, но где, думал он, взять столько силы, чтобы унять говорить женщин? Калиф был премудр: он знал, что выдать закон на удержание говорливости женщин есть то же, что выдать закон для удержания прилива и отлива морского. Он требовал также совета у достальных визирей, наполняющих диван, но их не слушал, не ожидая от них ничего доброго. Калиф был расчетист: обыкновенно одного мудреца сажал между десяти дураков; умных людей сравнивал он со свечами, которых умеренное число производит приятной свет, а слишком большое может причинить пожар; и часто говаривал, что ему, для сохранения доброго порядка, дураки по крайней мере столько же нужны, как и умные люди. Вот причина, что и диван калифов был ими изобилен.

Все они пошли на голоса: приметить должно, что они охотнее всего расточали свои советы, хотя часто могли видеть, что оные ни на что ненадобны; но чем глупее голова, тем щедрее на советы. Наконец, калиф вышел из дивана, распустя своих визирей, не был доволен ни одним голосом, удалился во внутренние свои чертоги и надеялся в уединении найти то, чего не мог сыскать в многолюдстве.

Первой предмет, встретившийся его глазам, у него в комнате, была книга, данная ему волшебницею. Хотя Каиб никогда не советовался с книгами, потому что они по большей части писаны не калифами, но, вспомня, что этой книге приписано важное свойство — усыплять, взял он ее в руки, в надежде увидеть во сне добрую свою покровительницу. Калиф развернул — видит оду визирю, недавно повешенному им за взятки... Добродетели его были воспеты с таким восторгом, что калиф начал уже опасаться, не святого ли он повесил. Это привлекло его к важному рассуждению: сколь должно великому калифу быть осторожну в награждениях и в наказаниях... «Фея, — ворчал он тихонько, — фея, конечно, ошибкою дала мне эту книгу: она обещала мне с нею приятной сон, а книга эта, напротив того, подает мне причину к важным рассуждениям, приличным моему сану и полезным моему народу...» Но калиф не примечал, что он уже дремал, выговаривая последние слова... и действительно, в одну минуту погрузился он в глубокой сон и позабыл награждения, наказания, повешенного визиря, стихотворца и свою книгу, которую из рук выпустил к себе на колени.

Едва заснул калиф, едва увесистое собрание тяжелых стихов, обременявших за минуту руки его, сползло с коленей на богатой ковер, как покровительствующая фея явилась ему во сне. Она была прелестна, как... как то, что тебе всего милее, любезной читатель.... Скупой, ты можешь ее сравнить с твоим рублем; естьли ты автор, то вообрази, что она была так прекрасна, как твои стихи; или вообрази, что она прекрасна, как твоя любовница, — естьли ты читаешь это накануне своей свадьбы; естьли же на другой день, то признаюсь, что сравнение мое никуда не годится.

«Каиб, — сказала она калифу, — я выдумала способ сокрыть путешествие твое от народа и от самых визирей твоих. Проснувшись, ступай из дворца твоего, не говоря никому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такие способности, что она, до возвращения твоего заменит с успехом твое место. Так некогда Аполлон на Троянской брани подменил Энея подделанною под его вид статуею; и между тем как Эней отдыхал дома, то статуя храбро сражалась с греками; хотя Гомер ничего не говорит, но я знаю точно, что тогда многие славные дела ее приписаны самому Энею, чему он, по сговорчивости своей, никогда не противоречил. То же точно намерена я с тобою сделать. Иди и старайся только исполнить волю оракула; достальное я беру на себя. Поверь: ни одна душа не узнает, как изрядно подменю я тебя статуею из слоновой кости, которая в твое отсутствие наделает много славных дел; все они умножат в народе к тебе благодарность. Прости, калиф, ступай немедля, сложи с себя на время всю пышность, приличную твоему сану, и ты увидишь то, чего бы никогда не видал ни в какую зрительную трубку с высокого твоего престола, а, наконец, найдешь награждение, обещанное тебе оракулом». Фея исчезла.

Как бедной стихотворец, увидя во сне, что сочинении его вдруг разошлись четырью тиснениями и что он осыпан золотом, просыпается, и хотя не видит вокруг себя ничего, кроме огромных своих рукописей и разломанных стульев и стола, но, полагаясь на сновидение, наполняется надеждою, засвечает свечу и, не сходя с постели, гоняется за Пегасом по белой бумаге, которую покрывает следами своей скорости, так Каиб, просыпаясь, утешается, что во сне он выдумал более, нежели наяву, и, надеясь на обещание волшебницы, скидает пышные свои одежды, одевается так скромно, как сторож академической библиотеки, берет несколько мелких денег... Сколь ни верил он волшебствам, но знал очень, что есть много таких случаев, где и самое сильное чародейство наличных денег заменить не может; потом оставляет великолепной свой дворец и начинает поиск, предписанной ему оракулом.

Это было ночью; погода была довольно худа; дождь лил столь сильно, что, казалось, грозил смыть до основания все домы; молния, как будто насмех, блистая изредка, показывала только великому калифу, что он был по колени в грязи и отовсюду окружен лужами, как Англия океаном; гром оглушал его своими порывистыми ударами. Тогда-то калиф в первой раз усумнился, столь ли

самовластной он повелитель стихий, как то говаривали ему визири. Желая укрыться от негодной погоды, искал он, при свете молнии, какой-нибудь хижины; скоро, проходя далее, увидел в стороне огонь и пошел прямо на него, надеясь у хозяина выпросить позволения осушить платье.

Калиф подходит к хижине, отворяет дверь, видит большую комнату; в одном углу стоит кровать, в другом стул, которой, опираясь о стену щитом, стоял довольно гордо на остальных двух ножках; на полу набросано несколько старых книг и порядочной запас белой бумаги; немудрено калифу догадаться, что тут живет автор. Он всегда любопытствовал побеседовать с людьми этого роду; хотя прежде сияние его сана не дозволяло унижать ему себя до такой степени, но теперь не мог он не радоваться, нашед к тому удобной случай... Я было позабыл, описывая комнату, упомянуть о самом важном приборе: на кровати лежала сухощавая особа; с великою важностию рассматривала она старые рукописи и, казалось, с обгрызанным половину пером в руке, определяла судьбу целого света.

«Милостивой государь, — начал Каиб, — я лишь пришел в сей город и никого в нем не знаю, позволите ли вы страннику пользоваться гостеприимством?» — «Очень рад дорогому гостю! и естьли не обижаю вас, можно сделать заключение по скромному вашему платью, то позвольте спросить, не ученой ли вы?» — «Да, это правда, что я читаю книги».

«Читаете?.. По вашему разодранному кафтану я подумал, что вы их пишете. Но тем лучше. Я написал теперь оду Ослашиду и хотел бы знать ваше мнение». — «А! вы пишете оды?» — «Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльное. Недавно написал я оду одному вельможе; он восхищался ею и обещал мне щедро заплатить; но, как знатной человек, позабыв данное слово, умер на другой день. После этого я написал оду другому визирю; этот был не менее доволен, обещал меня наградить, и, верно бы, не обманул, но его на третий день повесили за взятки». — «Как, вы писали оду и недавно повешенному визирю? Я ее читал...»

«Признайтесь, что она недурна. Теперь я пишу оду Ослашиду, неприятелю повешенного визиря. Можно сказать, что она мне труда стоит: в этом добром человеке нет ни ума, ни добродетели; такие люди ужасно трудны для содержания лирической поэзии. Я же, не хвастаясь, скажу, что я более пишу для славы, нежели для денег; доказательство — мне хуже платят за оды, нежели за битые стеклы, которые иногда покупают у меня разносчики. Со всем тем я не оставлю лирического стихотворства».

«Мне удивительна способность ваша хвалить тех, в коих, по вашему ж признанию, весьма мало находите вы причин к похвалам». — «О! это ничего, поверьте, что это безделица: мы даем нашему воображению волю в похвалах с тем только условием, чтоб после всякое имя вставить можно было. Ода — как шелковой чулок, которой всякой старается растягивать на свою ногу. Она

имеет здесь совсем другое преимущество, нежели сатира. Естьли я хочу на кого из визирей писать сатиру, то должен обыкновенно трафить на порок, коему он более подвержен; но и тут принужден часто входить в самые мелкости, чтобы он себя узнал, что до оды, то там совсем другой порядок: можно набрать сколько угодно похвал, поднести кому угодно; и нет визиря, которой бы описания всех возможных достоинств не принял сколком с своей высокой особы».

«Но естьли свет знает, что ваше описание ложно, что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами?» — «Что же до того нужды? Аристотель негде очень премудро говорит, что действия и героев должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, — и мы подражаем сему благоразумному правилу в наших одах, иначе бы здесь оды превратились в пасквили; итак, вы видите, сколь нужно читать правила древних».

«Я всегда думал, что стихотворцы приступают к одам, воспаленные добродетелями и совершенствами своих героев». — «Как вы ошиблись: они воспаляются одним воображением и выбирают первого, кто попадется, как художник выбирает кусок мрамору; чем грубее и несовершеннее отломок, тем более славы и искусства дать ему нежный вид». — «Ах! — сказал, вздохнувши, калиф, — как же мало люди должны гордиться такими похвалами, которые нередко их ослепляют!..»

На другой день рано Каиб собрался в путь.

«Вы, конечно, хотите странствовать?» — спрашивал его стихотворец.

«Это правда. И хотя нет двух дней, как я начал свое путешествие, но мне столь это понравилось, что, может быть, несколько лет употреблю я на то, чтобы видеть вещи, которые, сидя дома, видел я чрез десятые глаза».

«Вы ничего нового не увидите. Где есть люди, там всегда найдете добродетели и пороки; где есть деньги, там найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; в городах увидите равнодушие к несчастию ближнего, в деревнях сострадание и гостеприимство, ибо сельской житель, подражая природе, учится у нее быть податливым, а городской житель, гоняясь за счастием, учится у него быть слепым и несправедливым». После сего они расстались, и Каиб продолжал свой путь.

Он пустился по большой дороге, желая с нетерпеливостию посмотреть сельских жителей. Давно уже, читая идиллии и эклоги, желал он полюбоваться золотым веком, царствующим в деревнях; давно желал быть свидетелем нежности пастушков и пастушек. Любя своих поселян, всегда с восхищением читал в идиллиях, какую блаженную ведут они жизнь, и часто говаривал: «Естьли б я не был калифом, то бы хотел быть пастушком».

Уже далеко был он от своей столицы, как в один день увидел рассеянное по полю стадо. — «Великой Магомет! — вскричал он, — я нашел то, чего давно искал!» — и сошел с дороги в поле

искать счастливого смертного, которой наслаждается при своем стаде золотым веком. Калиф искал ручейка, зная, что пастушку так же мил чистой источник, как волоките счастия передние знатных; и действительно, прошед несколько далее, увидел он на берегу речки запачканное творение, загорелое от солнца, заметанное грязью. Калиф было усумнился, человек ли это; но, по босым ногам и по бороде, скоро в том уверился. Вид его был столько же глуп, сколь прибор его беден.

«Скажи, мой друг, — спрашивал его калиф, — где здесь счастливой пастух этого стада?» — «Это я», — отвечало творение и в то же время размачивало в ручейке черствую корку хлеба, чтобы легче было ее разжевать. «Ты пастух! — вскричал с удивлением Каиб. — О! ты должен прекрасно играть на свирели». — «Может быть; но, голодной, не охотник я до песен». — «По крайней мере, у тебя есть пастушка; любовь утешает вас в вашем бедном состоянии. Но я дивлюсь, для чего пастушка твоя не с тобою?» — «Она поехала в город с возом дров и с последнею курицею, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимою от холодных утренников». — «Но поэтому жизнь ваша очень не завидна?» — «О! кто охотник умирать с голоду и мерзнуть от стужи, тот может лопнуть от зависти, глядя на нас».

«Признаюсь, что я много верил эклогам и идиллиям, — сказал калиф. — Фея! слова твои сбываются: я вижу то, чего бы никогда не подозревал. Стихотворец сказал правду, что поэты обходятся с людьми, как живописцы с холстиною. Но такую гадкую холстину, — продолжал он, смотря на пастуха, — такую негодную холстину разрисовать так пышно... Это, право, безбожно!..»

Наутро калиф проснулся рано и, дивясь странному сновидению своему, продолжал свой путь по одной из двух тропинок. Три часа шел он дремучим лесом и, наконец, вышел на прекрасной луг, через которой лежала дорога к маленькой хижине. Каиб любовался местоположением и, осматривая окрестности, удивлялся природе, как вдруг, оборотясь направо, увидел прекрасную четырнадцатилетнюю девушку. Она с великою прилежностию искала чего-то в траве; прекрасные глаза ее орошены были слезами, — знак, сколь дорого она ценила потерянную вещь. Каиб подошел к ней; она его не примечала; он не спускал с нее глаз: всякая черта, всякое движение, всякий шаг ее воспламеняли в нем кровь. Каиб обладал многими женщинами, он чувствовал иногда сильные желания, но теперь в первой раз узнал, что такое любовь.

«Иностранец, — сказала ему красавица, увидя его, — не находил ли ты здесь портрета? Ах! естьли он у тебя, так возврати Роксане то, что ей дороже жизни». — «Нет, прекрасная Роксана, — отвечал калиф, — судьба не хотела наградить меня счастием быть тебе полезным...» Калиф бы далее продолжал свои учтивости, но прекрасная его незнакомка, не выслушав и сих, отошла от него искать портрета. Калиф, не говоря ни слова более, сам стал шарить в траве. Надобно было посмотреть тогда величайшего калифа,

которой, почти ползая, искал в траве, может быть, какой-нибудь игрушки, чтобы угодить четырнадцатилетнему ребенку. Он был так счастлив, что в минуту нашел потерю. «Роксана! Роксана! портрет!» — кричал он, показывая ей издали портрет.

Она уже была от него далеко, как, услыша сей голос, бросилась к нему из всей силы. Радость, торопливость и нетерпение сделали то, что она запуталась в траве и упала бы, естьли б не поддержал ее Каиб. Какое приятное бремя чувствовал он, когда грудь Роксаны коснулась его груди! Какой жар разлился по всем его жилам, когда невинная Роксана, удерживаясь от падения, обхватила его своими руками, а он, своими поддерживая легкой и тонкой стан ее, чувствовал сильной трепет ее сердца. «Возьми, прекрасная Роксана, сей портрет, — говорил ей Каиб, — и вспоминай иногда сей день, которой возвратил тебе драгоценную потерю, а меня навсегда лишил вольности». Роксана ничего не говорила, но прелестной румянец, украсивший ее лицо, изъяснял более, нежели бы она могла сказать. «Незнакомец, — сказала она Каибу, — посети нашу хижину и дозволь, чтоб я отцу моему показала того, кто возвратил мне потерянный мною портрет моей матери».

Они вошли в дом, и Каиб увидел почтенного старца, читающего книгу. Роксана рассказала ему приключение, и старик не знал, как отблагодарить Каиба. Его просили остаться у них на день, — можно догадаться, что он не отказал; этого мало: чтобы пробыть долее, он притворился больным и имел удовольствие видеть, сколь Роксана о нем сожалела и как старалась оказывать ему угождения... Может ли любовь долго скрываться? Оба они узнали, что они любимы взаимно; старик усмотрел их страсть: множество на этот случай насказал он прекрасных правоучений, но чувствовал, сколь они бесплодны; и сам Каиб, которой с восхищением видел, как прекрасная Роксана чувствительна была ко правоучениям и как нежное сердце ее уважало добродетель, — сам Каиб не хотел бы, чтобы теперь слушала она нравоучения противу любви. Старик, любя дочь свою и пленясь добросердечием, скромностью и благоразумием Каиба, решился отговорить его от охоты к странствию и умножить его семейство.

Роксана просила его нежно, чтобы предпочел он спокойную жизнь и любовь ее — желанию скитаться. «Ах! Гасан, — сказала она ему некогда, — естьли б знал ты, как ты мне мил, то бы никогда не оставил нашей хижины ни для великолепнейших чертогов в свете... Я люблю тебя столько, сколько ненавижу Каиба нашего». — «Что я слышу? — вскричал калиф, — ты ненавидишь Каиба!» — «Да, да, я его ненавижу столько же, сколько тебя люблю, Гасан! Он причиною наших несчастий; отец мой был кадием в одном богатом городе; он исполнял со всею честностию свое звание; некогда, судя родню одного царедворца с бедным ремесленником, решил он дело, как требовала справедливость, в пользу последнего. Обвиненной искал мщения; он имел при дворе

знатную родню; отец мой был оклеветан, повелено отнять у него имение, разорить до основания дом его и лишить жизни. Он успел убежать, подхватя меня на руки. Мать моя, не перенеся сего несчастия, умерла в третий месяц после нашего сюда переселения, а мы остались, чтобы докончить здесь жизнь в бедности и в забвении от всего света».

«Оракул, ты исполнился! — вскричал калиф. — Роксана, ты меня ненавидишь!..» — «Что с тобою сделалось, Гасан? — прервала смущенная Роксана, — не тысячу ли раз говорила я тебе, что ты мне дороже моей жизни. Ах! во всем свете я ненавижу одного только Каиба». — «Каиба! Каиба! Ты его любишь, Роксана, и возводишь своею любовью на вышний степень блаженства!» — «Дорогой мой Гасан сошел с ума! — говорила тихонько Роксана, — надобно уведомить батюшку». Она бросилась к своему отцу: «Батюшка! батюшка! — кричала она, — помогите! бедной наш Гасан помешался в уме», — и слезы навертывались на ее глазах. Она бросилась к нему на помощь, но уже было поздно: Гасан их скрылся, оставя их хижину.

Старик сожалел о нем, а Роксана была неутешна. «Небо! — говорил старик, — доколе не престанешь ты гнать меня? Происками клеветы лишился я достоинств, имения, потерял жену и затворился в пустыне. Уже начинал я привыкать к моему несчастию, уже городскую пышность воспоминал равнодушно, сельское состояние начинало пленять меня, как вдруг судьба посылает ко мне странника; он возмущает уединенную нашу жизнь, становится любезен мне, становится душою моей дочери, делается для нас необходимым и потом убегает, оставя по себе слезы и сокрушение».

Роксана и отец ее проводили таким образом плачевные дни, как вдруг увидели огромную свиту, въезжавшую в их пустынь. «Мы погибли! — вскричал отец, — убежище наше узнано! Спасемся, любезная дочь!..» Роксана упала в обморок. Старик лучше хотел погибнуть, нежели ее оставить. Между тем начальник свиты к нему подходит и подает ему бумагу. «О, небо! не сон ли это? — вещал старик, — верить ли глазам моим? Мне возвращается честь моя, дается достоинство визиря; меня требуют ко двору!» — Между тем Роксана опомнилась и слушала с удивлением речи своего отца. Она радовалась, видя его счастливым, но воспоминание о Гасане отравляло ее радость; без него и в самом блаженстве видела она одно несчастие.

Они собрались в путь, приехали в столицу. Повеление дано представить отца и дочь калифу во внутренних комнатах. Их вводят. Они падают на колени; Роксана не смеет возвести глаз на монарха, и он с удовольствием видит ее печаль, зная причину оной и зная, как легко может он ее прекратить.

«Почтенной старец! — сказал он важным голосом, — прости, что, ослепленный моими визирями, погрешил я противу тебя: погрешил против самой добродетели. Но благодеяниями моими надеюсь загладить мою несправедливость, надеюсь, что ты про-

стишь меня. Но ты, Роксана, — продолжал он нежным голосом, — ты простишь ли меня и будет ли ненавидимой Каиб столь счастлив, как был счастлив любимой Гасан?»

Тут только Роксана и отец ее в величайшем калифе узнали странника Гасана. Роксана не могла ни слова выговорить: страх, восхищение, радость, любовь делили ее сердце. Вдруг явилась в великолепном уборе фея.

«Каиб! — сказала она, взяв за руку Роксану и подводя к нему, — вот то, чего недоставало к твоему счастию; вот предмет путешествия твоего и дар, посылаемый тебе небом за твои добродетели. Умей уважать его драгоценность, умей пользоваться тем, что видел ты в своем путешествии — и тебе более никакой нужды в волшебствах не будет. Прости!» При сем слове взяла она у него очарованное собрание од и исчезла.

Калиф возвел Роксану на свой трон, и супруги сии были столь верны и столь много любили друг друга, что в нынешнем веке почли бы их с ума сшедшими и стали бы на них указывать пальцами.

Н. М. КАРАМЗИН
(1766—1825)

Николай Михайлович Карамзин родился в семье симбирского помещика, отставного капитана. Воспитывался он сначала дома под руководством гувернеров, с 14-летнего возраста учился в Московском университетском пансионе, причем одновременно посещал лекции в Московском университете.

В 1783 г. Карамзин уехал в Петербург, короткое время был офицером. В конце 1784 г. Карамзин приезжает в Москву, знакомится с Новиковым, принимает деятельное участие в журнале «Детское чтение» (напечатал повесть «Евгений и Юлия»).

В мае 1789 г. Карамзин отправился в заграничное путешествие, был в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. По возвращении из-за границы Карамзин широко развернул литературную деятельность. Он издавал в 1791—1792 гг. «Московский журнал», в котором им напечатаны «Письма русского путешественника» (первая часть) и повести — «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Деревня», «Фрол Силин». В 1794 г. Карамзин издал альманах «Аглая», в котором поместил ряд своих произведений: «Путешествие в Лондон» (из «Писем русского путешественника»), «Остров Борнгольм» и др. В 1794 г. Карамзин напечатал сборник «Мои безделки». В 1797—1799 гг. Карамзиным был выпущен стихотворный альманах «Аониды» (в трех частях). В 1802—1803 гг. он издавал журнал «Вестник Европы».

Н. М. Карамзин

В 1803 г. Карамзин, получив звание историографа, отходит от занятий художественной литературой, исключительно отдается работе по составлению «Истории государства российского».

В начале своей литературной деятельности Карамзин держался прогрессивных взглядов: с некоторым сочувствием относился к

французской революции в начальном ее этапе, признавал историческое значение ее, но уже с 1793 г. у него появляется страх перед революцией. В дальнейшем в идейно-политических взглядах Карамзина консервативные начала быстро нарастают, и в начале XIX в. он становится во главе дворянской крепостнической реакции («Записка о древней и новой России»).

Карамзин — глава русского дворянского сентиментализма. Он дал теорию сентиментализма, противопоставил его господствовавшему тогда дворянскому классицизму.

Карамзин выдвигал на первый план жизнь сердца, вместо абстрактных, «идеальных» героев классицизма показывал живую человеческую личность с ее сложной многообразной психикой, раскрывал мир чувств личности.

Основным пороком дворянского сентиментализма вообще и сентиментализма Карамзина, в частности, являлась оторванность от социальной действительности: личность у Карамзина живет и развивается изолированно от среды, от социальной борьбы и потому она так же, как и у классицистов, в конечном счете становилась «идеальной».

«Московский журнал», альманахи «Аглая» и «Аониды» были теми изданиями, в которых проводились новые эстетические взгляды, утверждалось сентиментальное направление, давалась критика классицистического направления (рецензия на перевод Херасковым «Сида» Корнеля, статья Карамзина о «Кадме и Гармонии» Хераскова).

Карамзин дал многочисленные художественные образцы сентиментального направления. Напечатанные в «Московском журнале» «Письма русского путешественника» были своеобразной программой этого направления. Дать «зеркало» своей души, показать жизнь сердца — главные задачи, поставленные Карамзиным в «Письмах русского путешественника».

Повести Карамзина пользовались успехом у современного ему общества: «Его повести, особенно «Бедная Лиза» и «Марфа Посадница» сводили с ума всю публику» (Б е л и н с к и й). Однако увлечение Карамзиным было кратковременным, — произведения его — и самое популярное из них «Бедная Лиза» — имели «блестящий успех при самом появлении их и скорый конец».

Прогрессивность Карамзина быстро шла на убыль, — уже начиная с 1793 г. он мечтает о покое, тишине, зовет к субъективно-интимным переживаниям.

Поэзия Карамзина более и более насыщалась «водяной чувствительностью», «щеголеватой народностию» и неистощимой тоской и меланхолией.

И однако, несмотря на все сказанное, творчество Карамзина сыграло свою положительную роль в истории русской литературы, оно было «новой ступенью, новым шагом вперед начавшей развиваться литературы» (Б е л и н с к и й).

Нужно учитывать и то значение, какое имела литературная деятельность Карамзина в развитии русского литературного языка.

ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тверь, 18 мая 1789

Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знает, чего ты хочешь? — Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения?

Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов?

Но — когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и во всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего. На что ни смотрел — на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сиживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии и где так часто заставало меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные — одним словом, все, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но за то мыслями и чувствами обильной.

С вещами бездушными прощался я, как с друзьями; и в самое то время, как был размягчен, растроган, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забыл их и взял опять к себе, когда возвращусь. Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае.

Но вы мне всего любезнее, и с вами надлежало расстаться. Сердце мое так много чувствовало, что я говорить забывал. Но что вам сказывать! — минута, в которую мы прощались, была такова, что тысячи приятных минут в будущем едва ли мне за нее заплатят.

Милой Птрв. провожал меня до заставы. Там обнялись мы с ним, и еще в первый раз видел я слезы его; — там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: *прости!* Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!

Все прошедшее есть сон и тень: ах! где, где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему посреди вас, милые? — Естьли бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса, и язык его онемел бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!..

Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я, в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, *выплакать сердце свое*. Там-то все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде. — Но полно, полно! Мне опять становится чрезмерно грустно. — Простите! Дай бог вам утешений! — Помните друга, но без всякого горестного чувства!

Корчма, в миле за Тильзитом,
17 июня 1789, 11 часов ночи

Все вокруг меня спит. Я и сам было лег на постелю: но около часа напрасно ожидал сна, решился встать, засветить свечу и написать несколько строк к вам, друзья мои!

Я рад, что из Мемеля не согласился ехать водою. Места, через которые мы проезжали, очень приятны. То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то маленькие рощицы и кусты, как будто бы в искусственной симметрии расположенные, представлялись глазам нашим. Маленькие деревеньки вдали составляли также приятный вид. Qu'il est beau, ce pays-ci! твердили мы с италиянцом.

Вообще, кажется, земля в Пруссии еще лучше обработана, нежели в Курляндии, и в хорошие годы во всей здешней стороне хлеб бывает очень дешев; но в прошедший год урожай был так худ, что правительству надлежало довольствовать народ хлебом из заведенных магазинов. Пять, шесть лет хлеб родится хорошо; в седьмой год худо, и поселянину есть нечего — оттого что он всегда излишне надеется на будущее лето, не представляя себе ни засухи, ни града, и продает все сверх необходимого. Тильзит есть весьма изрядно выстроенный городок и лежит среди самых плодоноснейших долин на реке Мемеле. Он производит знатный торг хлебом и лесом, отправляя все водою в Кенигсберг.

Нас остановили у городских ворот, где стояли на карауле не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющие здешний гарнизон, не возвратились еще со смотру. Толстой часовой, у которого под брюхом моталась маленькая шпажонка, подняв на плечо изломанное и веревками связанное ружье, с гордым видом сделал три шага вперед и престранным голосом закричал мне: Wer sind Sie? *Кто вы?* Будучи занят рассматриванием его необыкновенной физиогномии и фигуры, не мог я тотчас отвечать ему. Он надулся, искривил глаза и закричал еще страшнейшим голосом: Wer seyd ihr? гораздо уже неучтивее! Несколько раз надлежало мне сказывать свою фамилию, и при всяком разе шатал он головою, дивясь чудному Русскому имени. С италиянцом история была еще длиннее. Напрасно отзывался он незнанием Немецкого языка: толстобрюхой часовой непременно хотел, чтоб он отвечал на все его вопросы, вероятно с великим трудом наизусть вытверженные. Наконец, я был призван в помощь, и насилу добились мы до того, чтобы нас пропустили. В городе показывали мне башню, в разных местах простреленную русскими ядрами...

Берлин, 30 июня 1789

Вчера приехал я в Берлин, друзья мои; а ныне, к великому своему удовольствию, получил от вас письмо, которого ждал с таким нетерпением. Известие, что вы остались здоровы, меня утешило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этого не было в уговоре. А естьли вы и впредь будете так немилостивы к себе

и к другу своему, который за несколько тысяч верст берет участие даже в минутной вашей неприятности, то он, в отмщение вам, сам будет грустить с утра до вечера...

В последнюю ночь нашего путешествия, приближаясь к Берлину, начинал я думать, что там делать буду и кого увижу. Ночью всякие мечты воображения бывают живее, и я так ясно представил себе любезного А***[1], идущего ко мне навстречу с трубкою и кричащего: *кого вижу? брат Рамзей* [2] *в Берлине?* что руки мои протянулись обнять его; но вместо моего дражайшего приятеля, который в сию минуту был от меня так далеко, чуть не обнял я мокрой женщины, сидевшей с нами в коляске...

Но естьли не найду его в Берлине! пришло мне вдруг на мысль — и в самую ту минуту встретилась нам коляска. Насилу мог я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это верно он, думал я, это верно он! Прости! Приезжай благополучно в наше отечество, к своим друзьям! Ты увидишь моих любезных; увидишь и не скажешь им ничего обо мне! — Между тем мы приехали на станцию. Я тотчас пошел к почмейстеру спросить, кто проехал в коляске. «Русской — купец из Риги», — отвечал он. Тут я готов был вспрыгнуть от радости, что это был не наш А ***.

В некотором расстоянии от Берлина начинается прекрасная аллея из каштановых деревьев, и дорога становится лучше и веселее. О виде Берлина нельзя было мне судить потому, что беспрестанный дождь мешал видеть далеко вперед. У ворот мы остановились. Сержант вышел из караульни нас допрашивать: *Кто вы? Откуда едете? Зачем приехали в Берлин? Где будете жить? Долго ли здесь пробудете? Куда поедете из Берлина?* Судите о любопытстве здешнего правительства! — Наконец мы въехали в улицу прекрасного Берлина, где я надеялся отдохнуть в объятиях сердечной приязни, рассказывать русскому о России и другу о друзьях, говорить о наших веселых московских вечерах и философских спорах!.. Но судьба смеялась надо мною!

Коляска наша остановилась у почтового дома. Там прежде всего спросил я у секретаря, где живет А ***? И что же? С хладнокровием, совсем противным моему нетерпению, отвечал он: «Его уже здесь нет». — Его здесь нет? — «Нет, сударь», — повторил он и начал перебирать письма. — Где же он? — «Во Франкфурте на Майне. Подите к своему священнику; там лучше все узнаете». — Я бросился на стул и готов был заплакать. Секретарь взглянул на меня с улыбкою. «Вы думали его здесь найти?» — спросил он. «Думал, государь мой, думал!» — и с сими словами я хотел идти вон. «Постойте, — сказал секретарь: — надобно осмотреть ваш чемодан». То-есть надобно было взять с меня несколько грошей. Вооб-

---

[1] Алексея Михайловича Кутузова, добродушного и любезного человека, который через несколько лет после того умер в Берлине, быв жертвою несчастных обстоятельств *(Прим. Карамзина)*.

[2] Рамзей — имя английского писателя. В дружеском обществе Карамзина называли Рамзеем.

разите друга вашего, идущего в самых горестных размышлениях по берлинским улицам, вслед за инвалидом, которой нес чемодан мой! Ни огромные домы, ни многолюдство, ни стук карет не могли вывести меня из меланхолической задумчивости. Я сам себе казался жалким сиротою, бедным, несчастным, и единственно от того, что А *** не хотел меня дождаться в Берлине!..

Ввечеру Д*** водил меня в зверинец. Он простирается от Берлина до Шарлотенбурга и состоит из разных аллей: одни идут во всю длину его, другие поперег, иные вкось и перенутываются — славное гульбище! Долго искал я того места, о котором некогда наш А*** писал ко мне следующее: «Я нашел в зверинце длинную аллею, состоящую из древних сосн; мрачность и непременяющаяся зелень дерев производит в душе некоторое священное благоговение. Не забуду я одного утра, когда, гуляя в зверинце один и предавшись стремлению своего воображения, которое, как известно тебе, склонно к пасмурным представлениям, вступил я нечаянно в сию аллею. До того места освещало меня лучезарное солнце, но вдруг исчез весь свет. Я поднял глаза и увидел перед собою сей путь мрачности. Только вдали при выходе виден был свет. Я остановился и долго глядел. Наконец, одна мысль пробудила меня...

Не есть ли, — думал я, — не есть ли тьма сия изображение твоего состояния, когда ты, разлучившись с телом, вступишь в неизвестный тебе путь? Мысль сия так во мне усилилась, что я уже представил себя облегченного от земного бремени, идущего к оному вдали светящемуся свету, и — с того времени всякой раз, когда бываю в зверинце, захожу туда и часто поминаю тебя». Любезный меланхолик! Я сам думал о тебе, вступая в сию аллею, и стоял может быть точно на том месте, где ты обо мне думал. Может быть ты опять здесь стоять будешь, но я буду далеко, далеко от тебя!

В зверинце много кофейных домов. Мы заходили в один из них, чтобы утолить жажду белым пивом, которое мне очень не полюбилось. Сад принца Фердинанда, в которой мы прошли из зверинца, отворен для всех порядочно одетых людей. Я не взял бы тысячи таких садов за зверинец. Тут прогуливался сам принц и с угрюмым видом отплатил нам поклон. Бьет час.

Веймар, июля 20

В путешествии своем от Лейпцига до Веймара не заметил я ничего, кроме прекрасной долины, на которой лежит город Наумбург, и маленькой деревеньки, где ребятишки набросали множество цветов к нам в коляску — к *нам*, говорю, потому, что я ехал до Буттельштета с одним молодым французом, который был чем-то в свите французского посланника в Дрездене. Разумеется, что ребятишки хотели денег: мы бросили несколько грошей, и они громко закричали: *спасибо!* Француз, который не разумел ни одного слова по-немецки и которому я служил переводчиком,

почти заплакал, когда нам пришлось расставаться. Впрочем, он был для меня совсем не занимателен.

На рассвете приехали мы в Буттельштет, где почмейстер дал мне до Веймара маленькую колясочку. Я подарил постиллиону фарфоровую трубку, купленную мною на берлинской фабрике, а он из благодарности привез меня в Веймар довольно скоро.

Местоположение Веймара изрядно. Окрестные деревеньки с полями и рощицами составляют приятный вид. Город очень невелик, и кроме герцогского дворца не найдешь здесь ни одного огромного дома. У городских ворот меня допрашивали; после чего предложил я караульному сержанту свои вопросы, а именно: «здесь ли Виланд? здесь ли Гердер? здесь ли Гете?» «Здесь, здесь, здесь», — отвечал он, и я велел постиллиону везти себя в трактир *Слона*.

Наемный слуга немедленно был отправлен мною к Виланду, спросить, дома ли он? *Нет, он во дворце.* — Дома ли Гердер? *Нет, он во дворце.* — Дома ли Гете? *Нет, он во дворце.*

Во дворце! во дворце! — повторил я, передражнивая слугу, — взял трость и пошел в сад. Большой зеленой луг, обсаженный деревьями и называемый *звездою*, мне очень полюбился; но еще более полюбились мне дикие, мрачные берега стремительно текущего ручья, под шумом которого, сев на мшистом камне, прочитал я первую книгу Фингала. Люди, которые встречались мне в саду, глядели на меня с таким любопытством, с каким не смотрят на людей в больших городах, где на всяком шагу встречаются незнакомые лица...

Лозанна

...В пять часов по утру вышел я из Лозанны с весельем в сердце — и с Руссовою Элоизою в руках. Вы конечно угадываете цель сего путешествия. Так, друзья мои! я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романических любовников. Дорога от Лозанны идет между виноградных садов, обведенных высокою каменною стеною, которая на обеих сторонах была границею моего зрения. Но где только стена прерывается, там видны с левой стороны разнообразные уступы и возвышения горы Юры, на которых представляются глазам или прекраснейшие виноградные сады, или маленькие домики, или башни с развалинами замков; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, с грозными скалами Савойского берега. — В девять часов был я уже в Веве (до которого от Лозанны четыре франц. мили) и, остановясь под тению каштановых дерев гульбища, смотрел на каменные утесы Мельери, с которых отчаянный Сен-Пре хотел низвергнуться в озеро и откуда писал к Юлии следующие строки:

«В ужасных исступлениях и в волнении души моей не могу я быть на одном месте; брожу, с усилием взбираюсь на высоты, устремляюсь на вершины скал; скорыми шагами обхожу все

окрестности и вижу во всех предметах тот самый ужас, который царствует в моей внутренности. Нигде уже нет зелени; трава поблекла и пожелтела, дерева стоят без листьев, холодный ветер надувает сугробы, и вся Натура мертва в глазах моих, как мертва надежда в моем сердце. Между скалами сего берега нашел я, в уединенном убежище, маленькую равнину, откуда виден счастливый город, в котором ты обитаешь. Вообрази, с какою жадностию устремился взор мой к сему любезному месту! В первый день я всячески старался найти глазами дом твой; но от чрезмерной отдаленности все мои усилия оставались тщетными; и я, приметив, что воображение обманывает глаза мои, пошел к священнику и взял у него телескоп, посредством которого увидел жилище твое...

С того времени целые дни провожу в сем убежище и смотрю на блаженные стены, заключающие в себе источник жизни моей. Не взирая на дурную погоду, прихожу туда поутру и возвращаюсь оттуда ночью. Листья, сухие ветви, мною зажигаемые, и беспрестанное движение охраняют меня от чрезвычайного холода. Сие дикое место мне так полюбилось, что я приношу туда бумагу с чернильницею и теперь пишу там письмо, на камне, отвалившемся от ближней скалы».

Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с вами его «Элоизу». Хотя в сем романе много неестественного, много увеличенного — одним словом, много романического, — однако ж на французском языке никто не описывал любви такими яркими, живыми красками, какими она в «Элоизе» описана — в «Элоизе», без которой не существовал бы и немецкой Вертер[1]. — Надобно, чтобы красота здешних мест сделала глубокое впечатление в Руссовой душе; все описания его так живы и притом так верны! Мне казалось, что я нашел глазами и ту равнину (esplanade), которая была столь привлекательна для несчастного Сен-Пре. Ах, друзья мои! для чего в самом деле не было Юлии! для чего Руссо не велит искать здесь следов ее! Жестокой! ты описал нам такое прекрасное существо и после говоришь: его нет! Вы помните это место в его Confessions: «Я скажу всем имеющим вкус, всем чувствительным: поезжайте в Веве, осмотрите его окрестности, гуляйте по озеру — и вы согласитесь, что сии прекрасные места достойны Юлии, Клеры и Сен-Пре; но не ищите их там». Кокс, известный английский путешественник, пишет, что Руссо сочинял «Элоизу», живучи в деревне Мельери; но это несправедливо. Господин де Л *, о котором вы слыхали, знал Руссо и уверял меня, что он писал сей роман в то время, когда жил в Эрмитаже, в трех или четырех милях от Парижа.

Отдохнув в трактире и напившись чаю, пошел я далее по берегу озера, чтобы видеть главную сцену романа, селение Кларан.

---

[1] Основание романа то же, и многие положения (situations) в «Вертере» взяты из «Элоизы»; но в нем более Натуры. *(Прим. Карамзина.)*

Высокие густые дерева скрывают его от нетерпеливых взоров. Подошел и увидел — бедную маленькую деревеньку, лежащую у подошвы гор, покрытых елями. Вместо жилища Юлиина, столь прекрасно описанного, представился мне старый замок с башнями; суровая наружность его показывает суровость тех времен, в которые он построен. Многие из тамошних жителей знают «Новую Элоизу» и весьма довольны тем, что великой Руссо прославил их родину, сделав его сценою своего романа. Работающий поселянин, видя там любопытного пришельца, говорил ему с усмешкою: барин, конечно, читал «Новую Элоизу»? Один старик показывал мне и тот лесок, в котором, по Руссову описанию, Юлия поцеловала в первый раз страстного Сен-Пре и сим магическим прикосновением потрясла в нем всю нервную систему его. За деревенькою волны озера омывают стены укрепленного замка Шильйона; унылый шум их склоняет душу к меланхолической дремоте. Еще далее при конце озера (где впадает в него Рона) лежит Вильнев, маленький городок; но я посмотрел на него издали и возвратился в Веве...

Париж, 2 апреля 1790

Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... *я в Париже!* говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в Поля Елисейские; вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством: на домы, на кареты, на людей. Что было мне известно по описанию, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию своих явлений.

Пять дней прошли для меня, как пять часов: в шуме, во многолюдстве, в спектаклях, в волшебном замке Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлениями; но я не могу самому себе дать в них отчета и не в состоянии сказать вам ничего связного о Париже. Пусть любопытство мое насыщается; а после будет время рассуждать, описывать, хвалить, критиковать. Теперь замечу одно то, что мне кажется главною чертою в характере Парижа: отменную живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах. Система Декартовых вихрей могла родиться только в голове француза, парижского жителя. Здесь все спешит куда-то; все, кажется, перегоняют друг друга; ловят, хватают мысли; угадывают, чего вы хотите, чтоб как можно скорее вас отправить. Какая страшная противоположность — например с важными швейцарами, которые ходят всегда размеренными шагами, слушают вас с величайшим вниманием, приводящим в краску стыдливого, скромного человека; слушают и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображают ваши слова и отвечают так медленно, так осторожно, боясь, что они вас не понимают! А парижской житель хочет всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, он сказал ответ свой, поклонился и ушел!

Париж, апреля... 1790

...Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего некогда пышного города. Златая роскошь, которая прежде царствовала в нем как в своей любезной столице, — златая роскошь, опустив черное покрывало на горестное лице свое, поднялась в воздух и скрылась за облаками: остался один бледный луч ее сияния, который едва сверкает на горизонте, подобно умирающей заре вечера. Ужасы Революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли; а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей и родственников.

«Здесь, — сказал мне Аббат Н *, идучи со мною по улице St. Honoré и указывая тростью на большие домы, которые стоят ныне пустые, — здесь, по воскресеньям, у маркизы Д * съезжались самые модные парижские дамы, знатные люди, славнейшие *остроумцы* (beaux esprits); одни играли в карты, другие судили о житейской философии, о нежных чувствах, приятностях, красоте, вкусе — тут, по четвергам, у графини А * собирались глубокомысленные политики обоего пола, сравнивали Мабли [1] с Ж. Жаком и сочиняли планы для новой Утопии — там, по субботам, у баронессы Ф * читал М* примечания свои на книгу Бытия, изъясняя любопытным женщинам свойство древнего Хаоса и представляя его в таком ужасном виде, что слушательницы падали в обморок от великого страха. Вы опоздали приехать в Париж; счастливые времена исчезли; приятные ужины кончились; *хорошее общество* (la bonne compagnie) рассеялось по всем концам земли. Маркиза Д. уехала в Лондон, графиня А* в Швейцарию, а баронесса Ф* в Рим, чтобы постричься там в монахини. Порядочный человек не знает теперь, куда деваться, что делать и как провести вечер»...

Париж, апреля... 1790

Говорить ли о Французской революции? Вы читаете газеты: следственно происшествия вам известны. Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своею любезностию и пели с восторгом от Кале до Марсели, от Перпиньяна до Страсбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi.
(Для любезного народа
Счастье — добрый государь.)

Не думайте однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует;

---

[1] Габриель де-Мабли (1709—1785) — французский писатель-энциклопедист.

все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре. Те, которым потерять нечего, дерзки, как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива. История не кончилась; но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона.

С 14 июля все твердят во Франции об аристократах и демократах; хвалят и бранят друг друга сими именами, по большей части не зная их смысла. Судите о народном невежестве по следующему анекдоту:

В одной деревеньке близ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одетого человека и требовали, чтобы он кричал с ними: vive la nation! да здравствует нация! Молодой человек исполнил их волю; махал шляпою и кричал: vive la nation! *Хорошо! хорошо!* сказали они: *мы довольны. Ты добрый француз; ступай, куда хочешь. Нет, постой: изъясни нам прежде, что такое... нация?*

Рассказывают, что маленькой дофин, играя с своею белкою, щелкает ее по носу и говорит: Ты *аристократ, великой аристократ, белка!* Любезный младенец, беспрестанно слыша это слово, затвердил его.

Один маркиз, который был некогда осыпан королевскими милостями, играет теперь не последнюю ролю между неприятелями двора. Некоторые из прежних его друзей изъявили ему свое негодование. Он пожал плечами и с холодным видом отвечал им: Que faire? j'aime les te-te-troubles! *(что делать? я люблю мятете-тежи!)* Маркиз — заика.

Но читал ли маркиз историю Греции и Рима? помнил ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и — самого злодейства.

Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. Утопия [1] будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастия добродетель необходима, тогда настанет век златой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот... Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно конечно имеет свой план; в его руке сердца государей — и довольно...

---

[1] Или *царство счастия*, сочинение Моруса. *(Прим. Карамзина.)*

Берег! Отечество! благословляю вас! Я в России и через несколько дней буду с вами! друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей. Вы знаете, что трудно найти город хуже Кронштадта, но мне он мил! Здешний трактир можно назвать гостиницею нищих, но мне в нем весело!

С каким удовольствием перебираю свои сокровища, записки, счеты, книги, камешки, сухие травки и венки, напоминающие мне или сокрытие Роны, или могилу отца Лоренза, или густую иву, под которою англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете Крезы бедны передо мною.

Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (естьли столько проживу на свете) будет для меня еще приятно — пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал; а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя? Почему знать? Может быть и другие найдут нечто приятное в моих *эскизах*; может быть и другие... но это их, а не мое дело.

А вы, любезные, скорее, скорее приготовьте мне опрятную хижинку, в которой я мог бы на свободе веселиться *китайскими тенями* моего воображения, грустить с моим сердцем и утешаться с друзьями!

МАРФА ПОСАДНИЦА
или
ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

(Историческая повесть.)

КНИГА ПЕРВАЯ

Раздался звук вечевого колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на великую площадь. Все спрашивают; никто не ответствует... Там, против древняго дому Ярославова, уже собралися посадники с золотыми на груди медалями, тысячские с высокими жезлами, бояре, люди житые со знаменами и старосты всех пяти концов Новгородских с серебряными секирами. Но еще не видно никого на месте лобном или Вадимовом (где возвышался мраморный образ сего витязя). Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча! Иосиф Делинский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником и всякий раз с новыми услугами отечеству, с новою честью для своего имени, всходит на железные ступени, открывает седую почтенную свою голову, смиренно кла-

няется народу и говорит ему, что князь московский прислал в великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить его требования. Посадник сходит — и боярин Иоаннов является на Вадимовом месте с видом гордым, перепоясанный мечом и в латах. То был воевода князь Холмский, муж благоразумный и твердый — правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных — храбрый в битвах, велеречивый в совете. Все безмолвствуют. Боярин хочет говорить, но юные надменные новгородцы восклицают: смирись пред народом! Он медлит — тысячи голосов повторяют: смирись пред великим народом! Боярин снимает шлем с головы своей — шум умолкает. «Граждане новгородские! — вещает он: — князь московский и всея России говорит с вами — внимайте! Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владетеля. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину... Новгородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братий своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властию... Вольность!.. но вы тоже рабствуете. Народ! я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь — ибо народ всегда повиноваться должен. Но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд, потомки славян ценят златом права властителей. Роды княжеские, издревле именитые, возвысились делами храбрости и славы: ваши посадники, тысячские, люди житые, обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа, кто им обещает злато, тому они вас обещают. Так известны князю московскому их дружественные, тайные связи с Литвою и Казимиром. Скоро, скоро вы соберетесь на звук вечевого колокола, и надменный поляк скажет вам на лобном месте: вы рабы мои!.. Но бог и великий Иоанн еще о вас пекутся. Новгородцы! земля Русская воскресает. Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших... Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, великий Новгород не возвратится под сень отечества. Вы оскорбляли его предков: он все забывает, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новгородским. Народ и граждане! да властвует Иоанн в Новгороде, как он в Москве властвует! или — внимайте его последнему слову, — или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирит мятежников... Мир или война? Ответствуйте!» С сим словом боярин Иоаннов надел шлем и сошел с лобного места.

Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: Марфа, Марфа! Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро, осененный горестию, взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала: «Вадим, Вадим! здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече: но предки мои были друзья Вадимовы; я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности. Оно куплено ценою моего счастия...»

— Говори, славная дочь Новгорода! — воскликнул народ единогласно — и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

«Когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим Храбрый звал его перед суд народа. — Меч и боги да будут нашими судьями! — ответствовал Рюрик, — и Вадим пал от руки его, сказав: Новгородцы! на место, обагренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших. Исполнилось желание великого мужа: народ собирается на священной могиле его свободно и независимо решать судьбу свою. Князь московский укоряет тебя, Новгород, самым твоим благоденствием — и в сей вине не можем оправдаться! Так конечно: цветут области новгородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются к нам рекою; великая Ганза гордится нашим союзом; чужеземные гости ищут дружбы нашей, удивляются славе великого града, красоте его зданий, общему избытку граждан и, возвратясь в страну свою, говорят: мы видели Новгород и ничего подобного ему не видали! Так конечно: Россия бедствует, ее земля обагряется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются; отец ищет детей и не находит; вдовы и сироты просят милостыни на распутьях. Так, мы счастливы — и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага, дерзнули не участвовать в междоусобиях князей, дерзнули спасти имя русское от стыда и поношения, не принять оков татарских и сохранить драгоценное достоинство народное! Не мы, о россияне несчастные, но всегда любезные нам братья! не мы, но вы нас оставили, когда пали на колени перед гордым ханом и требовали цепей для спасения поносной жизни. Иоанн желает повелевать великим градом: не удивительно! Он собственными глазами видел славу и богатство его. Но все народы земные и будущие столетия не перестали бы дивиться, если бы мы захотели повиноваться. Какими надеждами он может обольстить нас? Одни несчастные легковерны, одни несчастные желают

перемен — но мы благоденствуем и свободны! Благоденствуем оттого, что свободны! Да молит Иоанн небо, чтобы оно во гневе своем ослепило нас: тогда Новгород может возненавидеть счастье и пожелать гибели; но доколе видим славу свою и бедствия княжеств русских, доколе гордимся ею и жалеем об них, дотоле права Новгородские всего святее нам по боге.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общею доверенностью для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ ликует, там правители мудры и добродетельны. Как вы торгуете благом народным? Но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире? Разве последнего счастья умереть за отечество! Но если Иоанн говорит истину; если в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами Новгородцев; если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и вечевой колокол, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда мы позавидуем счастью народов, которые никогда не знали свободы. Ее грозная тень будет являться нам подобно мертвецу бледному и терзать сердце наше бесполезным раскаянием! Но знай, о Новгород, что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы, она привлекает иностранцев в наши стены с сокровищами торговли, она же окрыляет суда новгородские, когда они с богатым грузом по волнам несутся... Бедность, бедность накажет недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих! Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные концы твои; широкие улицы зарастут травою, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов. Напрасно любопытный странник среди развалин печальных захочет искать того места, где собиралось вече, где стоял дом Ярославов и мраморный образ Вадима: никто ему не укажет их. Он задумается горестно и скажет только: здесь был Новгород!..» Тут страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице. «Нет, нет! Мы все умрем за отечество!» восклицают бесчисленные голоса: «Новгород — государь наш! да явится Иоанн с воинством»...

ДЕРЕВНЯ

Благословляю вас, мирные сельские тени, густые, кудрявые рощи, душистые луга и поля, златыми класами покрытые! Благословляю тебя, тихая речка, и вас, журчащие ручейки, в нее текущие! Я пришел к вам искать отдохновения.

Давно уже душа моя не наслаждалась таким совершенным уединением, такою совершенною свободою. Я один — один с своими мыслями — один с Натурою...

Как мила природа в деревенской одежде своей! Ах! она воспоминает мне лета моего младенчества, — лета, проведенные мною в тишине сельской, на краю Европы, среди народов варварских. Там воспитывался дух мой в простоте естественной; великие феномены Натуры были первым предметом его внимания. Удар грома, скатившийся над моею головою с небесного свода, сообщил мне первое понятие о величестве мироправителя; и сей удар был основанием моей религии.

Вижу сад, аллеи, цветники — иду мимо их — осиновая роща для меня привлекательнее. В деревне всякое искусство противно. Луга, лес, река, буерак, холм лучше французских и английских садов. Все сии маленькие дорожки, песком усыпанные, обсаженные березками и липками, производят во мне какое-то противное чувство. Где видны труд и работа, там нет для меня удовольствия. Дерево пересаженное, обрезанное, подобно невольнику с золотою цепью. Мне кажется, что оно не так и зеленеет, не так и шумит в веянии ветра, как лесное. Я сравниваю его с таким человеком, который смеется без радости, плачет без печали, ласкает без любви. Натура лучше нашего знает, где расти дубу, вязу, липе; человек мудрит и портит.

Нет, нет! я никогда не буду украшать природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличивает дух мой. Рощи мои будут целы — пусть зарастают они высокою травою! Пастушка пойдет искать заблудшейся овцы своей и проложит мне тропинку. К тому же я люблю преодолевать затруднения — люблю продираться сквозь чащу кустарника и разделять сросшиеся ветви. Ядовитая змея услышит шорох и удалится от ноги моей. Листья, к которым дыхание человека редко прикасается, свежее и ароматнее.

Не хочу иметь в деревне большого, высокого дому; всякая огромность противна сельской простоте. Домик, как хижина, низенькой, со всех сторон осеняемый деревами — жилище прохлады и свежести, — вот чего желаю! Не будет виду из окон — правда — но его и не надобно. Естьли я, сидя в своей комнате, вижу прелестные ландшафты, то мне не так скоро захочется идти гулять. Нет, гораздо лучше смотреть на них с какого-нибудь холма. Да и как улыбнутся передо мною долины и пригорки, когда я взгляну на них, вышедши из моего сумрачного жилища! В комнате надобно только отдыхать или работать, а наслаждаться в поле.

ДЕНЬ МОЙ

И человек просыпает сии торжественные часы утра, когда белые облака на позлащенных хребтах своих из бездн океана выносят светозарного жениха Натуры, приветствуемого громкими хорами живого творения!.. Молчу и поклоняюсь!.. Удивительно ли, что младенцы человечества, чада дикой природы, простодушные на-

роды древности обожали сие великолепное светило, на все жизнь и свет изливающее? Оно есть покров и одежда невидимого божества.

Какая свежесть в воздухе! Моря благоуханий волнуются между небом и землею, как между двумя берегами, разделенными великим пространством.

Уже стада рассыпаются вокруг холмов; уже блистают косы на лугах зеленых; поющий жаворонок вьется над трудящимся поселянином — и нежная Лавиния приготовляет завтрак своему Палемону [1].

Гуляю среди полей разноцветных. Здесь сребрится растение Азии; там желтеет колосистая рожь; тут зеленеет ячмень с острыми иглами своими. Живописец! кисть твоя никогда не изобразит всех оттенок сей прекрасной картины!

Возвращаюсь в свое тихое жилище. Стакан густых желтых сливок ожидает меня: как они приятны после утренней прогулки! Теперь перебираю книги свои; нахожу Томсона [2] — иду с ним в рощу и читаю — кладу книгу подле малинового кусточка, смотрю на высокие дерева, на густую зелень ветвей, которая, при мерцающем свете солнца, из тени в тень переливается; слушая разногласный шум листьев, столь отличный от городского, парижского, лондонского шуму, — погружаюсь в задумчивость и потом снова берусь за книгу.

Время летит, и часы мои показывают полдень. Выхожу из рощи — солнце льет на меня пламя — ветерок не дышит — серебрящиеся листочки осинника не колеблются; легкое перо лежит на мураве неподвижно — василек повесил свою головку: пестрая сильфида [3] отдыхает на нем. Все молчит, кроме стрекозы, сидящей под томною травкою, — пчела с сладким запасом своим сокрылась в улей — селянин покоится на бальзамической траве, им скошенной. Речка журчит и манит меня к берегам своим — подхожу — ее струи прельщают, влекут меня — не могу противиться сему влечению и бросаюсь в текущий кристалл. Две ивы сплетают надо мною зеленую беседку — луч солнечный едва, едва проницает сквозь кров ее и пестрит осененную воду. Прохлада освежает мое сердце... Ах! тот не знает одного из живейших чувственных удовольствий, кто в жаркое время никогда в реке не купался!

Обед мой готов — два блюда, самые простые, составляют его. Сажусь под тению вяза, растущего против самых окон моих; читаю ла-Фонтена, Грессета [4], — книга из рук моих выпадает, и тонкая дремота на несколько минут покрывает глаза мои флером — зефир свевает его — пробуждаюсь и чувствую легкой жар в моей внутренности — услужливой садовник приносит мне кор-

---

[1] Имена идиллических пастушки и пастуха.

[2] Томсон (1700—1748) — английский поэт XVIII в., автор поэмы «Времена года».

[3] Сильфиды — мифические легкие, воздушные существа.

[4] Грессе (1709—1777) — французский поэт XVIII в., автор антирелигиозных сатир.

зинку с благовонною малиною... Как приятны, освежительны сии сочные плоды щедрой Натуры! Ах, можно ли не любить ее за все то, чем она тешит и нежит человека!

Жар проходит — иду на луг ботанизировать, как маленькой Коммерсон [1], — любуюсь травками и цветочками — рассматриваю их тонкие жилочки, зубчатые краешки, пестренькие листочки, будто бы из тончайшего шелка сотканные, то гладкие, то пушистые, — удивляюсь разнодушистым испарениям, разносвойственным сокам, варимым в цветочных чашечках искусною природою, — удивляюсь тонким сосудам, в которых сии питательные соки обращаются и которые втягивают во внутренность растения живительный воздух. Срываю — и каждую травку, каждый цветочек бережно завертываю в особливую бумажку. Возвратясь в свою комнату, разбираю, кладу их на солнце и, не будучи многоученым ботанистом, на каждое растение пишу краткие примечания... Например: «Сии белые цветочки с желтою оттенкою, па гладком темнозеленом, сочном стебле, приятны для глаз, но еще приятнее для обоняния». Когда сокроется дневное светило и вечерний мрак сгустится в пространстве воздуха, поди в темную рощу: там нервы твои затрепещут от небесного благоухания и ты в сладостном упоении чувств воскликнешь: *ангел на крылах ночи спустился в рощу!* Нет! сие благоухание изливается из колокольчиков, которые белеются в густой траве и по справедливости называются *красотою ночи*.

Я слышу свирель пастуха — стадо возвращается в деревню, и каждая овечка находит двор свой; но селянин еще не возвратился с поля. Как приятен чай на чистом воздухе! Вечерние ароматы льются ко мне в чашку. Но я спешу видеть конец лучезарного дня — спешу на высокой песчаной берег излучистой речки. Там обширный гладкий луг представляется глазам моим — и за сим лугом, по светлому небу, катится вечернее солнце, в тихом велелепии и в кротком величестве. Уже достигает оно до врат запада — мерцает за тонким, златоволнистым облаком — растопляет его лучами своими — является снова во всей полноте — бросает на землю блеск и сияние — и скрывается. Вечерняя заря алеет теперь на западе. Так мудрый и добродетельный муж, которого жизнь была благотворным светилом для нравственных существ, собратий его, тихо и великолепно приближается к цели своего течения. Пылкое воображение с летами прохлаждается, но разум не темнеет и на западе жизни; спокойное величество блистает на челе мудрого и в самое то время, когда мрачная могила перед ним разверзается; последний ясный взор его есть последнее благодеяние для человечества. Он скрывается, но память его сияет в мире, как заря вечерняя. — Я преклоняю колена. Всемогущий! сердце мое тебе открыто: исполни его желание, достойное человека!

---

[1] Ф. Коммерсон — французский ботаник XVIII в

Величественная ночь несется на черных орлах своих; ее темная мантия развевается по воздуху, и все на земле засыпает.

Я один иду по тихой равнине, в молчании, в глубокой задумчивости. Но вдруг душа моя содрогается от внезапного блеска огненных лучей. Смотрю на восточное небо — там в сизых тучах блистает молния и освещает передо мною развалины старой церкви и густою травою заросшие могилы. С другой стороны восходит светлая луна; небо вокруг ее чисто. Так мрак и свет, порок и добродетель, буря и спокойствие, скорбь и радость совокупно владычествуют в нашем мире!

1791

ЧТО НУЖНО АВТОРУ

Говорят, что автору нужны таланты и знания: острой, проницательной разум, живое воображение и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, естьли он хочет быть другом и любимцем души нашей; естьли хочет, чтобы дарования его сияли светом немерцающим; естьли хочет писать для вечности и собирать благословения народов. Творец всегда изображается в творении и часто против воли своей. Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златою одеждою пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя.

Естьли бы небо наделило какого-нибудь изверга великими дарованиями славного Аруэта [1], то, вместо прекрасной Заиры, написал бы он — карикатуру Заиры. Чистейший, целебный нектар в нечистом сосуде делается противным, ядовитым питием.

Когда ты хочешь писать портрет свой, то посмотрись прежде в верное зеркало: может ли быть лицо твое предметом искусства, которое должно заниматься одним *изящным*, изображать красоту, гармонию и распространять в *области чувствительного* приятные впечатления? Естьли творческая натура произвела тебя в час небрежения или в минуту раздора своего с красотою, то будь благоразумен, не безобразь художниковой кисти, — оставь свое намерение. Ты берешься за перо и хочешь быть автором: спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: *каков я*? ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего.

Ужели думаете вы, что Геснер [2] мог бы столь прелестно изображать невинность и добродушие пастухов и пастушек, естьли бы сии любезные черты были чужды собственному его сердцу?

---

[1] Защитник и покровитель невинных, благодетель Каласовой фамилии, благодетель всех фернейских жителей, имел, конечно, не злое сердце. *(Прим. Карамзина.)* Аруэ — настоящая фамилия Вольтера. «Заира» — трагедия его.

[2] Гесснер (1730—1788) — немецкий поэт и гравер; автор идиллий (Idyllen, 1756—1772).

Ты хочешь быть автором: читай историю несчастий рода человеческого — и естьли сердце твое не обольется кровию, оставь перо, — или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей.

Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь в чувствительную грудь твою; естьли душа твоя может возвыситься до *страсти к добру*, может питать в себе святое, никакими сферами неограниченное *желание всеобщего блага:* тогда смело призывай богинь парнасских — они пройдут мимо великолепных чертогов и посетят твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезным писателем, — и никто из добрых не взглянет сухими глазами на твою могилу.

Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством; естьли не оно разгорячает воображение писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будет его наградою.

Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? — Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие.

Напротив того, многие другие авторы, несмотря на свою ученость и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: — ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает ее. Одним словом: я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором.

1793

ОСТРОВ БОРНГОЛЬМ

Друзья! Прошло красное лето; златая осень побледнела; зелень увяла; дерева стоят без плодов и без листьев; туманное небо волнуется, как мрачное море; зимний пух сыплется на хладную землю — простимся с Природою до радостного весеннего свидания; укроемся от вьюг и мятелей — укроемся в тихом кабинете своем! Время не должно тяготить нас; мы знаем лекарство для скуки. Друзья! дуб и береза пылают в камине нашем — пусть свирепствует ветер и засыпает окна белым снегом! Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки и повести и всякие были.

Вы знаете, что я странствовал в чужих землях, далеко, далеко от моего отечества, далеко от вас, любезных моему сердцу; видел много чудного, слышал много удивительного; многое вам рассказывал, но не мог рассказать всего, что случилось со мною. Слушайте — я повествую — повествую истину, не выдумку.

Англия была крайним пределом моего путешествия. «Там, — сказал я самому себе, — отечество и друзья ожидают тебя; время

успокоиться в их объятиях, время посвятить страннический жезл свой сыну Майи [1]; время повесить его на густейшую ветвь того дерева, под которым играл ты в юных летах своих» — сказал, и сел в Лондоне на корабль *Британию*, чтобы плыть к любезным странам России.

Быстро катились мы на белых парусах вдоль цветущих берегов величественной Темзы. Уже беспредельное море засинелось перед нами; уже слышали мы шум его волнения, но вдруг переменился ветер, и корабль наш, в ожидании благоприятнейшего времени, должен был остановиться против местечка Гревзенда.

Вместе с капитаном вышел я на берег; гулял с покойным сердцем по зеленым лугам, украшенным природою и трудолюбием, — местам редким и живописным; наконец, утомленный жаром солнечным, лег на траву, под столетним вязом, близ морского берега, и смотрел на влажное пространство, на пенистые валы, которые в бесчисленных рядах из мрачной отдаленности неслися к острову с глухим ревом. Сей унылой шум и вид необозримых вод начинали склонять меня к той дремоте, к тому сладостному бездействию души, в котором все идеи и все чувства останавливаются и цепенеют, подобно вдруг замерзающим ключевым струям, и которое есть самой разительнейший и самой пиитический образ смерти: но вдруг ветви потряслись над моею головою... Я взглянул и увидел — молодого человека, худого, бледного, томного — более привидение, нежели человека. В одной руке держал он гитару, другой срывал листочки с дерева и смотрел на синее море неподвижными черными глазами своими, в которых сиял последний луч угасающей жизни. Взор мой не мог встретиться с его взором; чувства его были мертвы для внешних предметов; он стоял в двух шагах от меня, но не видал ничего, не слыхал ничего. «Несчастной молодой человек! — думал я, — ты убит роком. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастлив!»

Он вздохнул; поднял глаза к небу, опустил их опять на волны морские — отошел от дерева, сел на траву, заиграл на своей гитаре печальную прелюдию, смотря беспрестанно на море; и запел тихим голосом следующую песню (на датском языке, которому учил меня в Женеве приятель мой доктор N. N...):

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце! может
Противиться тебе?

Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?

Люблю, — любить ввек буду,
Кляните страсть мою,

[1] Во времена древности странники, возвращаясь в отечество, посвящали жезлы свои Меркурию. ***(Прим. Карамзина.)***

Безжалостные души,
Жестокие сердца!

Священная природа!
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;

Твои дары благие
Украсили ее —
Природа! ты хотела,
Чтоб Лилу я любил!

Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви.

О Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно,
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!

Еще ли ты, о Лила!
Живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?

Явися мне, явися,
Любезнейшая тень!
Я сам в волнах шумящих
С тобою погребусь.

Тут, по невольному внутреннему движению, хотел я броситься к незнакомцу и прижать его к сердцу своему; но капитан мой в самую сию минуту взял меня за руку и сказал, что благоприятный ветер развевает наши парусы и что нам не должно терять времени... Мы поплыли. Молодой человек, бросив гитару и сложив руки, смотрел вслед за нами — смотрел на синее море.

Волны пенились под рулем корабля нашего; берег Гревзендской скрылся в отдалении; северные провинции Англии чернелись на другом краю горизонта, наконец, все исчезло, и птицы, которые долго вились над нами, полетели назад к берегу, как будто бы устрашенные необозримостию моря. Волнение шумных вод и туманное небо остались единственным предметом глаз наших, предметом величественным и страшным. Друзья мои! Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть на открытом море, где *одна тонкая дощечка*, как говорит Виланд, *отделяет нас от влажной смерти;* но где искусный пловец, распуская парусы, летит и в мыслях своих видит уже блеск золота, которым в другой части мира наградится смелая его предприимчивость.

Nil mortalibus arduum est — *нет для смертных невозможного*, думал я с Горацием, теряясь взором в бесконечности Нептунова царства.

Но скоро жестокой припадок морской болезни лишил меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пеною бурных волн [1], едва билось в груди моей. В седьмой день я ожил, и хотя с бледным, но радостным лицом вышел на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже к западу; море, освещаемое златыми его лучами, шумело; корабль летел на всех парусах по грудам рассекаемых валов, которые тщетно силились опередить его. Вокруг нас, в разном отдалении, развевались белые, голубые и розовые флаги; а на правой стороне чернелось нечто подобное земле.

— Где мы? — спросил я у капитана.

— Плавание наше благополучно, — сказал он, — мы прошли Зунд: берега Швеции скрылись от глаз наших. На правой стороне видите вы датской остров Борнгольм, место опасное для кораблей; там мели и камни таятся на дне морском. Когда наступит ночь, мы бросим якорь.

«Остров Борнгольм, остров Борнгольм!» — повторил я в мыслях, и образ молодого гревзендского незнакомца оживился в душе моей. Печальные звуки и слова песни его отозвались в моем слухе. «Они заключают в себе тайну сердца его, — думал я: — но кто он? Какие законы осуждают любовь несчастного? Какая клятва удалила его от берегов Борнгольма, столь ему милого? Узнаю ли я когда-нибудь его историю?»

Между тем сильной ветер нес нас прямо к острову. Уже открылись грозные скалы его, откуда с шумом и пеною свергались кипящие ручьи во глубину морскую. Он казался со всех сторон неприступным, со всех сторон огражденным рукой величественной Натуры; ничего, кроме страшного, не представлялось на седых утесах. С ужасом видел я там образ хладной, безмолвной вечности, образ неумолимой смерти и того неописанного творческого могущества, перед которым все смертное трепетать должно.

Солнце погрузилось в волны — и мы бросили якорь. Ветер утих, и море едва, едва колебалось. Я смотрел на остров, которой неизъяснимою силою влек меня к берегам своим; темное предчувствие говорило мне: «Там можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольм останется навеки в твоей памяти!» Наконец, узнав, что недалеко от берега есть рыбачьи хижины, решился я просить у капитана шлюпки и ехать на остров с двумя или тремя матрозами. Он говорил об опасности, о подводных камнях; но, видя непреклонность своего пассажира, согласился исполнить мое требование, с тем условием, чтобы я на другой день рано поутру на корабль возвратился.

---

[1] В самом деле, пена волн часто орошала меня, лежащего почти без памяти на палубе. *(Прим. Карамзина.)*

Мы поплыли и благополучно пристали к берегу в небольшом тихом заливе. Тут встретили нас рыбаки, люди грубые и дикие, выросшие на хладной стихии, под шум валов морских, и незнакомые с улыбкою дружелюбного приветствия; впрочем, не хитрые и не злые люди. Услышав, что мы желаем посмотреть острова и ночевать в их хижинах, они привязали нашу лодку и повели нас сквозь распавшуюся кремнистую гору к своим жилищам. Через полчаса вышли мы на пространную зеленую равнину, где, подобно как на долинах альпийских, рассеяны были низенькие деревянные домики, рощицы и громады камней. Тут оставил я своих матрозов, а сам пошел далее, чтобы наслаждаться еще несколько времени приятностями вечера; мальчик лет тринадцати был проводником моим.

Алая заря не угасла еще на светлом небе; розовой свет ее сыпался на белые граниты и вдали, за высоким холмом, освещал острые башни древнего замка. Мальчик не мог сказать мне, кому принадлежал сей замок.

— Мы туда не ходим, — говорил он, — и бог знает, что там делается!

Я удвоил шаги свои и скоро приближился к большому готическому зданию, окруженному глубоким рвом и высокою стеною. Везде царствовала тишина; вдали шумело море; последний луч вечернего света угасал на медных шпицах башен.

Я обошел вокруг замка — ворота были заперты, мосты подняты. Проводник мой боялся, сам не зная чего, и просил меня идти назад к хижинам; но мог ли любопытный человек уважить такую просьбу?

Наступила ночь, и вдруг раздался голос — эхо повторило его, и опять все умолкло. Мальчик от страха схватил меня обеими руками и дрожал, как преступник в час казни. Через минуту снова раздался голос — спрашивали: *кто там*?

— Чужеземец, — сказал я, — приведенный любопытством на сей остров; и естьли гостеприимство почитается добродетелию в стенах вашего замка, то вы укроете странника на темное время ночи.

Ответа не было; но через несколько минут загремел и опустился с верху башни подъемной мост: с шумом отворились ворота — высокой человек в длинном черном платье встретил меня, взял за руку и повел в замок. Я оборотился назад: но мальчик, провожатой мой, скрылся.

Ворота хлопнули за нами; мост загремел и поднялся. Через обширной двор, заросший кустарником, крапивою и полынью, пришли мы к огромному дому, в котором светился огонь. Высокой перистиль, в древнем вкусе, вел к железному крыльцу, которого ступени звучали под ногами нашими. Везде было мрачно и пусто. В первой зале, окруженной внутри готическою колоннадою, висела лампада и едва, едва изливала бледный свет на ряды позлащенных столпов, которые от древности начинали разрушаться; в одном

месте лежали части карниза, в другом — отломки пиластров, в третьем — целые упавшие колонны. Путеводитель мой несколько раз взглядывал на меня проницательными глазами, но не говорил ни слова.

Все сие сделало в сердце моем страшное впечатление, смешанное отчасти с ужасом, отчасти с тайным неизъяснимым удовольствием или, лучше сказать, с приятным ожиданием чего-то чрезвычайного.

Мы прошли еще через две или три залы, подобные первой и освещенные такими же лампадами. Потом отворилась дверь направо — в углу небольшой комнаты сидел почтенной седовласой старец, облокотившись на стол, где горели две белые восковые свечи. Он поднял голову, взглянул на меня с какою-то печальною ласкою, подал мне слабую свою руку и сказал тихим приятным голосом:

— Хотя вечная горесть обитает в стенах здешнего замка, но странник, требующий гостеприимства, всегда найдет в нем мирное пристанище. Чужеземец! я не знаю тебя; но ты человек — в умирающем сердце моем жива еще любовь к людям — мой дом, мои объятия тебе отверсты.

Он обнял и посадил меня и, стараясь развеселить мрачный вид свой, уподоблялся хотя ясному, но хладному осеннему дню, которой напоминает более горестную зиму, нежели радостное лето. Ему хотелось быть приветливым, хотелось улыбкою вселить в меня доверенность и приятные чувства дружелюбия; но знаки сердечной печали, углубившиеся на лице его, не могли исчезнуть в одну минуту.

— Ты должен, молодой человек, — сказал он, — ты должен известить меня о происшествиях света, мною оставленного, но еще не совсем забытого. Давно живу я в уединении; давно не слышу ничего о судьбе людей. Скажи мне, царствует ли любовь на земном шаре? Курится ли фимиам на алтарях добродетели? Благоденствуют ли народы в странах, тобою виденных?

— Свет наук, — отвечал я, — распространяется более и более; но еще струится на земле кровь человеческая — льются слезы несчастных — хвалят имя добродетели и спорят о существе ее.

Старец вздохнул и пожал плечами.

Узнав, что я россиянин, сказал:

— Мы происходим от одного народа с вашим. Древние жители островов Рюгена и Борнгольма были славяне. Но вы прежде нас озарились светом христианства. Уже великолепные храмы, единому богу посвященные, возносились к облакам в странах ваших; но мы во мраке идолопоклонства приносили кровавые жертвы бесчувственным истуканам. Уже в торжественных гимнах славили вы великого творца вселенной; но мы, ослепленные заблуждением, хвалили в нестройных песнях идолов баснословия.

Старец говорил со мною об истории северных народов, о происшествии древности и новых времен; говорил так, что я должен был удивляться уму его, знаниям и даже красноречию.

Через полчаса он встал и пожелал мне доброй ночи. Слуга в черном платье, взяв со стола одну свечу, повел меня через длинные узкие переходы, и мы вошли в большую комнату, обвешенную древним оружием, мечами, копьями, латами и шишаками. В углу под золотым балдахином стояла высокая кровать, украшенная резьбою и древними барельефами.

Мне хотелось предложить множество вопросов сему человеку; но он, не дожидаясь их, поклонился и ушел; железная дверь хлопнула — звук страшно раздался в пустых стенах — и все утихло. Я лег на постелю — смотрел на древнее оружие, освещаемое сквозь маленькое окно слабым лучом месяца, — думал о своем хозяине, о первых словах его: *здесь обитает вечная горесть* — мечтал о временах прошедших, о тех приключениях, которым сей древний замок бывал свидетелем, — мечтал, подобно такому человеку, которой между гробов и могил взирает на прах умерших и оживляет его в своем воображении. Наконе́ц, образ печального гревзендского незнакомца представился душе моей, и я заснул.

Но сон мой не был покоен. Мне казалось, что все латы, висевшие на стене, превратились в рыцарей; что сии рыцари приближались ко мне с обнаженными мечами и с гневным лицом говорили: «Несчастной! как дерзнул ты пристать к нашему острову? Разве не бледнеют плаватели при виде гранитных берегов его? Как дерзнул ты войти в страшное святилище замка? Разве ужас его не гремит во всех окрестностях? Разве странник не удаляется от грозных его башен? Дерзкой! умри за сие погубное любопытство!» Мечи застучали надо мною; удары сыпались на грудь мою — но вдруг все скрылось — я пробудился и через минуту опять заснул. Тут новая мечта возмутила дух мой. Мне казалось, что страшной гром раздавался в замке, железные двери стучали, окна тряслися, пол колебался и ужасное крылатое чудовище, которого описать не умею, с ревом и свистом летело к моей постеле. Сновидение исчезло; но я не мог уже спать, чувствовал нужду в свежем воздухе, приблизился к окну, увидел подле него маленькую дверь, отворил ее и по крутой лестнице сошел в сад.

Ночь была ясная; свет полной луны осребрял темную зелень на древних дубах и вязах, которые составляли густую длинную аллею. Шум морских волн соединялся с шумом листьев, потрясаемых ветром. Вдали белелись каменные горы, которые, подобно зубчатой стене, окружают остров Борнгольм; между ими и стенами замка виден был с одной стороны большой лес, а с другой — открытая равнина и маленькие рощицы.

Сердце все еще билось у меня от страшных сновидений, и кровь моя не переставала волноваться. Я вступил в темную аллею, под кров шумящих дубов, и с некоторым благоговением углубился в мрак ее. Мысль о друидах возбудилась в душе моей, и мне казалось, что я приближаюсь к тому святилищу, где хранятся все таинства и все ужасы их богослужения. Наконец, сия длинная аллея привела меня к розмаринным кустам, за коими возвышался

песчаной холм. Мне хотелось взойти на вершину его, чтобы оттуда при свете ясной луны взглянуть на картину моря и острова; но тут представилось глазам моим отверстие во внутренность холма: человек с трудом мог войти в него. Непреодолимое любопытство влекло меня в сию пещеру, которая походила более на дело рук человеческих, нежели на произведение дикой Натуры. Я вошел — почувствовал сырость и холод, но решился идти далее и, сделав шагов десять вперед, рассмотрел несколько ступеней вниз и широкую железную дверь; она, к моему удивлению, была не заперта. Как будто бы невольным образом рука моя отворила ее — тут, за железною решеткою, на которой висел большой замок, горела лампада, привязанная к своду; а в углу на соломенной постеле лежала молодая бледная женщина в черном платье. Она спала, русые волосы, с которыми переплелись желтые соломинки, закрывали высокую грудь ее, едва едва дышащую; одна рука белая, но иссохшая, лежала на земле, а на другой покоилась голова спящей. Естьли бы живописец хотел изобразить томную, бесконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цветами Морфея, — то сия женщина могла бы служить прекрасным образцом для кисти его.

Друзья мои! кого не трогает вид несчастного? Но вид молодой женщины, страдающей в подземной темнице, — вид слабейшего и любезнейшего из всех существ, угнетенного судьбою, мог бы влить чувство в самой камень. Я смотрел на нее с горестию и думал сам в себе: «Какая варварская рука лишила тебя дневного света? Неужели за какое-нибудь тяжкое преступление? Но миловидное лице твое, но тихое движение груди твоей, но собственное сердце мое уверяют в твоей невинности!»

В самую сию минуту она проснулась — взглянула на решетку — увидела меня — изумилась — подняла голову — встала — приближилась — потупила глаза в землю, как будто бы собираясь с мыслями — снова устремила их на меня, хотела говорить и — не начинала.

— Естьли чувствительность странника (сказал я чрез несколько минут молчания), рукою судьбы приведенного в здешний замок и в эту пещеру, может облегчить твою участь; естьли искреннее его сострадание заслуживает твою доверенность, — требуй его помощи!

Она смотрела на меня неподвижными глазами, в которых видно было удивление, некоторое любопытство, нерешимость и сомнение. Наконец, после сильного внутреннего движения, которое как будто бы электрическим ударом потрясло грудь ее, отвечала твердым голосом:

— Кто бы ты ни был, каким бы случаем ни зашел сюда — чужеземец! я не могу требовать от тебя ничего, кроме сожаления. Не в твоих силах переменить долю мою. Я лобызаю руку, которая меня наказывает.

— Но сердце твое невинно, — сказал я, — оно, конечно, не заслуживает такого жестокого наказания?

— Сердце мое, — отвечала она, — могло быть в заблуждении. Бог простит слабую. Надеюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомец!

Тут приближилась она к решетке, взглянула на меня с ласкою и тихим голосом повторила:

— Ради бога, оставь меня!.. Естьли он сам послал тебя — тот, которого страшное проклятие гремит всегда в моем слухе, — скажи ему, что я страдаю, страдаю день и ночь, что сердце мое высохло от горести; что слезы не облегчают уже тоски моей. Скажи, что я без ропота, без жалоб сношу заключение; что я умру его нежною, несчастною...

Она вдруг замолчала, задумалась, удалилась от решетки, стала на колени и закрыла руками лице свое; через минуту посмотрела на меня, снова потупила глаза в землю и сказала с нежною робостию:

— Ты, может быть, знаешь мою историю; но естьли не знаешь, то не спрашивай меня — ради бога, не спрашивай!.. Чужеземец, прости!

Я хотел идти, сказав ей несколько слов, излившихся прямо из души моей; но взор мой еще встретился с ее взором — и мне показалось, что она хочет узнать от меня нечто важное для своего сердца. Я остановился, ждал вопроса; но он после глубокого вздоха умер на бледных устах ее. Мы расстались.

Вышедши из пещеры, не захотел я затворить железной двери, чтобы свежий, чистой воздух сквозь решетку проник в темницу и облегчил дыхание несчастной. Заря алела на небе; птички пробудились; ветерок свевал росу с кустов и цветочков, которые росли вокруг песчаного холма.

«Боже мой! — думал я, — Боже мой! как горестно быть исключенной из общества живых, вольных, радостных тварей, которыми везде населены необозримые пространства Натуры! — В самом севере, среди высоких, мшистых скал, ужасных для взора, творение руки твоей прекрасно, — творение руки твоей восхищает дух и сердце. И здесь, где пенистые волны от начала мира сражаются с гранитными утесами, — и здесь десница твоя напечатлела живые знаки творческой любви и благости; и здесь в час утра розы цветут на лазоревом небе; и здесь нежные зефиры дышат ароматами; и здесь зеленые ковры расстилаются, как мягкой бархат под ногами человека; и здесь поют птички — поют весело для веселого, печально для печального, приятно для всякого; и здесь скорбящее сердце в объятиях чувствительной Природы может облегчиться от бремени своих горестей! Но — бедная, заключенная в темнице не имеет сего утешения; роса утренняя не окропляет ее томного сердца; ветерок не освежает истлевшей груди; лучи солнечные не озаряют помраченных глаз ее; тихие бальзамические излияния луны не питают души ее кроткими сновидениями и приятными мечтами. Творец! почто даровал ты людям гибельную власть делать несчастными друг друга и самих себя?» — Силы мои ослабели, и

глаза закрылись, под ветвями высокого дуба, на мягкой зелени. Сон мой продолжался около двух часов.

— Дверь была отворена; чужестранец входил в пещеру, — вот что услышал я, проснувшись, — открыл глаза и увидел старца, хозяина своего; он сидел в задумчивости на дерновой лавке, шагах в пяти от меня; подле него стоял тот человек, которой ввел меня в замок. Я подошел к ним. Старик взглянул на меня с некоторою суровостию; встал, пожал мою руку — и вид его сделался ласковее. Мы вошли вместе в густую аллею, не говоря ни слова. Казалось, что он в душе своей колебался и был в нерешимости; но вдруг остановился и, устремив на меня проницательный, огненный взор, спросил твердым голосом:

— *Ты видел ее*?

— Видел, — отвечал я, — видел, не узнав, кто она и за что страдает в темнице.

— Узнаешь, — сказал он, — узнаешь, молодой человек, и сердце твое обольется кровью. Тогда спросишь у самого себя: за что небо излияло всю чашу гнева своего на сего слабого, седого старца, старца, которой любил добродетель, которой чтил святые законы его?

Мы сели под деревом, и старец рассказал мне ужаснейшую историю — историю, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она остается до другого времени. На сей раз скажу вам одно то, что я узнал тайну гревзендского незнакомца — тайну страшную!

Матрозы дожидались меня у ворот замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Борнгольм скрылся из глаз наших.

Море шумело. В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись рукою за мачту. Вздохи теснили грудь мою — наконец, я взглянул на небо — и ветер свеял в море слезу мою.

1793

ПОЭЗИЯ

Едва был создан мир огромный, велелепный,
Явился человек, прекраснейшая тварь,
Предмет любви творца, любовию рожденный;
Явился — весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой.
Узрев собор красот и чувствуя себя,
Сей гордый царь почувствовал и бога,
Причину бытия — толь живо ощутил
Величие творца, его премудрость, благость,
Что сердце у него в гимн нежный излилось,
Стремясь лететь к отцу... Поэзия святая!
Се ты в устах его, в источнике своем,
В высокой простоте! Поэзия святая!
Благословляю я рождение твое!

Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза, цвел в раю, Поэзия тебе
Утехою была. Ты пел свое блаженство,
Ты пел творца его. Сам бог тебе внимал,
Внимал, благословлял твои святые гимны:
Гармония была душою гимнов сих —
И часто ангелы в небесных мелодиях,
На лирах золотых, хвалили песнь твою.

Ты пал, о человек! Поэзия упала;
Но дщерь небес еще сияла лепотой,
Когда несчастный, вдруг раскаяся в грехе,
Молитвы воспевал — сидя на бережку
Журчащего ручья и слезы проливая...
Столетия текли, и в вечность погружались —
Поэзия всегда отрадою была
Невинных, чистых душ. Число их уменьшалось...

Омир в стихах своих описывал Героев,
И пылкий юный грек, вникая в песнь его,
В восторге восклицал: я буду Ахиллесом!
Я кровь свою пролью, за Грецию умру!

Как Сириус блестит светлее прочих звезд,
Так августов Поэт, так пастырь Мантуанский
Сиял в тебе, о Рим, среди твоих певцов...
Овидий воспевал начало всех вещей,
Златый блаженный век, серебряный и медный,
Железный, наконец, несчастный, страшный век...

Британия есть мать поэтов величайших.
Древнейший Бард ее, Фингалов мрачный сын,
Оплакивал друзей, героев, в битве падших,
И тени их к себе из гроба вызывал.
Как шум морских валов, носяся по пустыням
Далеко от брегов, уныние в сердцах
Внимающих родит: так песни Оссиана,
Важнейшую тоску вливая в томный дух,
Настраивают нас к печальным представленьям;
Но скорбь сия мила и сладостна душе.
Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!

Шекспир, Натуры друг! кто лучше твоего
Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством
Живописала их? Во глубине души
Нашел ты ключ ко всем великим тайнам рока
И светом своего бессмертнаго ума,
Как солнцем, озарил пути ночные в жизни!

Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях
Описывает нам бунт, гибель сатаны;

Природу возлюбив, природу рассмотрев
И вникнув в круг времен, в топчайшие их тени,
Нам Томсон возгласил природы красоту,
Приятности времен. Натуры сын любезный!
О Томсон! век тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить творца ее!

Несися на крылах превыспренних орлов,
Которые певцов божественныя славы
Мчат в вышние миры, да тему почерпнут
Для гимна своего. Певец избранный Клопшток
Вознесся выше всех и там, на небесах,
Был тайнам научен...

О Россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла нощи мгла — уже Авроры свет
В**** блестит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать,
Как в баснях Прометей тек к огненному Фебу,
Чтоб хладный, темный мир согреть и осветить.

Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, дотоле дщерь небес,
Поэзия, для душ чистейших благом будет:
Доколе я дышу, дотоле буду петь,
Поэзию хвалить и ею утешаться.
Когда ж умру, засну и снова пробужусь,
Тогда, в восторгах погружаясь
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь творцу,
Тебе, мой бог, господь всесильный,
Тебе, любви источник дивный,
Узрев там все лицом к лицу!

1787

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.
Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;

Пение в рощах умолкло —
  Скрылися птички.
Поздние гуси станицей
  К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
  В горних пределах.
Вьются седые туманы
  В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
  К небу восходят.
Странник, стоящий на холме,
  Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
  Томно вздыхая.
Странник печальный, утешься!
  Вянет природа
Только на малое время;
  Все оживится,
Все обновится весною;
  С гордой улыбкой
Снова природа восстанет
  В брачной одежде.
Смертный, ах! вянет навеки!
  Старец весною
Чувствует хладную зиму
  Ветхия жизни.

1789

И. И. ДМИТРИЕВ

(1760—1837)

Иван Иванович Дмитриев, сын дворянина-помещика, образование получил в частных пансионах, с 1774 по 1797 г. служил офицером, вышел в отставку с чином полковника, перешел на гражданскую службу, занимал высокие должности (сенатор, министр юстиции); после выхода в отставку в 1814 г. жил в Москве.

Дмитриев в конце XVIII и в начале XIX в. был одним из самых видных поэтов.

Он начал писать и печатать свои стихотворения очень рано, с 17-летнего возраста. Первые его произведения появились в журналах — «Санктпетербургские ученые ведомости», «Утро», «Собеседник любителей российского слова», но известность получил Дмитриев только тогда, когда стал печататься в «Московском журнале» и в альманахах — «Аглая» и «Аониды».

После закрытия «Московского журнала» Дмитриев деятельно сотрудничал в журналах карамзинского направления («Приятное и полезное препровождение времени», «Муза»); закончил он свою литературную деятельность на страницах «Вестника Европы» Карамзина.

С отходом от художественной литературы Карамзина отошел от нее и Дмитриев.

В школе Карамзина Дмитриев занимает «первое место», он был ревностным помощником и верным сотрудником Карамзина: «что Карамзин делал в отношении к прозе, то Дмитриев делал в отношении к стихотворству» (Белинский).

«Стихотворения Дмитриева, запечатленные умом, вкусом, остротою и грацией, имели такой же успех и такое же влияние, как и проза Карамзина».

Дмитриев выступал и как теоретик сентиментализма («Суд о Шекспире»); он резко критиковал торжественно-хвалебное одописание; им написана «злая сатира» на бездарных одописцев — «Чужой толк».

Дмитриев стремился приблизиться в своем творчестве к жизни, он написал большое количество произведений в басенном и сказочном жанрах, менее скованных строгими правилами классицизма, более доступных для проникновения в них веяний реальной жизни. Дмитриеву в его баснях и сказках действительно удалось связаться с жизнью, но с жизнью лишь дворянского великосветского общества: он отворил басне двери в великосветские гостиные, салоны.

Дмитриев вводил иногда в свои басни крестьян, но они нисколько не походили на настоящих русских крестьян, говорят они «каким-то общим, не принадлежащим исключительно ни одному сословию языком» (Белинский).

Какое зрелище пред очи
Представила ты, древность, мне!
Под ризою угрюмой ночи,
При бледной в облаках луне,
Я зрю Иртыш: крутит, сверкает,
Шумит и пеной подмывает
Высокой берег и крутой;
На нем два мужа изнуренны,
Как тени, в аде заключенны,
Сидят, склонясь на длань главой;
Единый млад, другий с брадой
Седою и до чресл висящей;
На каждом вижу я наряд,
Во ужас сердце приводящий!
С булатных шлемов их висят
Со всех сторон хвосты змеины
И веют крылия совины;
Одежда из звериных кож;
Вся грудь обвешена ремнями,
Железом ржавым и кремнями;
На поясе широкий нож;
У стоп же два лежат тимпана
И два повержены копья:
То два сибирские шамана,
И их слова внимаю я.
Старец. Шуми, Иртыш! реви ты с нами
И вторь плачевным голосам!
Навек отвержены богами!'
О горе нам!
Младый. О горе нам!
О страшная для нас невзгода!
Старец. О ты, которыя венец
Поддерживали три народа [1],
Гремевши мира по конец —
О сильна, древняя держава!
О матерь нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плен!
Младый. Твои народы расточенны,
Как вихрем возмятенный прах!
И сам Кучум [2], гроза вселенны,
Твой царь погиб в чужих песках!

---

[1] Татары, остяки и вогуличи. *(Прим. Дмитриева.)*
[2] Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими. *(Прим. Дмитриева.)*

С т а р е ц. Священные твои шаманы
Скитаются в глуши лесов.
На толь судили вы, шайтаны [1],
Достигнуть белых мне власов,
Чтоб я, столетний ваш служитель,
Стенал и в прахе, бывши зритель
Паденья тысяч ваших чад?
М л а д ы й. И от кого ж, о боги! пали?
С т а р е ц. От горсти русских!.. Мор и глад,
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ах лучше б трус, потоп иль гром
Всемощны на нее послали,
Чем быть попранной Ермаком!
М л а д ы й. Бичем и ужасом природы!..
Кляните вы его всяк час,
Сибирски горы, холмы, воды:
Он вечный мрак простер на вас!
С т а р е ц. Он шел, как столп, огнем палящий,
Как лютый мраз, все вкруг мертвящий!
Куда стрелу ни посылал —
Повсюду жизнь пред ней бледнела
И страшна смерть во след летела!
М л а д ы й. И царский брат пред ним упал.
С т а р е ц. Я зрел с ним бой Мегмета-Кула [2],
Сибирских стран богатыря:
Разсыпав стрелы все из тула
И вящшим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!» — он сказал
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! Они сразились!
Их сабли молнией блестят,
Удары тяжкие творят,
И обе разом сокрушились.
Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;
От вопля их дубравы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сыплет пот, как град;
Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат:
То сей, то оный на бок гнется;
Крутятся, и — Ермак сломил!

[1] Так назывались сибирские кумиры. *(Прим. Дмитриева.)*

[2] Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья сибирские. *(Прим. Дмитриева.)*

«Ты мой теперь! — Он возопил: —
И все отныне мне подвластно!»
Младый. Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, попрал Сибирь Ермак!..
Но что! уже ли стон сердечный
Гонимых будет...
Старец. Вечный! вечный!
Внемли, мой сын: вчера во мрак
Глухих лесов я углубился
И тамо с пламенной душой
Над жертвою богам молился —
Вдруг ветр восстал и поднял вой;
С деревьев листья полетели;
Столетни дубы заскрыпели,
И вихрь закланных серн унес!
Я пал — и слышу глас с небес:
«Неукротим, ужасен Рача [1],
Когда казнит вселенну он.
Сибирь, отвергша мой закон!
Пребудь вовек, стоная, плача,
Рабыней белого царя!
Да светлая тебя заря
И черна ночь в цепях застанет!
А слава грозна Ермака
И чад его да ввек не вянет
И будет под луной громка!»
Умолкнул глас, и гром трикратно
Протек по бурным небесам.
Увы! погибли невозвратно!
О горе нам!
Младый. О горе нам! —

Потом, с глубоким сердца вздохом,
Восстав с камней, обросших мохом,
И, сняв орудия с земли,
Они вдоль брега потекли
И вскоре скрылися в тумане.
Мир праху твоему, Ермак!
Да увенчают Россияне
Из злата вылитый твой зрак,
Из ребр Сибири источенна
Твоим булатным копием!
Но что я рек, о тень забвенна!
Что рек в усердии моем?

---

[1] Главной остяцкой идол, Кучум, родившийся в магометанской вере, частию уговорил, частию же принудил большую половину Сибири верить Алкорану. *(Прим. Дмитриева.)*

Где обелиск твой? — Мы не знаем,
Где даже прах твой был зарыт.
Увы! он вепрем попираем,
Или остяк по нем бежит
За данью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой.
Но будь утешен ты, герой!
Парящий стихотворства гений
Всяк день с Авророю златой,
В часы божественных явлений,
Над прахом плавает твоим
И сладку песнь гласит над ним:
«Великий! где б ты ни родился,
Хотя бы в варварских веках,
Твой подвиг жизни совершился;
Хотя б исчез твой самый прах;
Хотя б сыны твои, потомки,
Забыв деянья предка громки,
Скитались в дебрях и лесах
И жили с алчными волками,
Но ты, великий человек,
Пойдешь в ряду с полубогами
Из рода в род, из века в век;
И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится
И время на косу падет!»

ЧУЖОЙ ТОЛК

«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием все оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!
Уже ли выдал Феб свой имянной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру и их собратьи равным,
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь!.. Вчера случилось мне сличать
И их и нашу песнь: в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!

Над парою стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу,
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж, и в правилах: сперва прочтешь вступленье,
Тут предложение, а там и заключенье —
Точь в точь, как говорят учены по церквам!
Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы:
Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда, — короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!
Я бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник, иль на что подобное тому:
Тут найдешь то, чего б нехитрому уму
Не выдумать и ввек: *зари багряны персты*,
И *райский крин* и *Феб* и *небеса отверсты!*
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит,
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!»
. . . .
И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков разгромил,
Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил,
Он тотчас за перо, и разом вывел: *Ода!*
Потом, в один присест: *такого дня и года!*
«Тут как?.. *Пою!*.. иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: *даждь мне, Феб*?.. Иль так:
не ты одна
Попала под пяту, о чалмоносна Порта?
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме чорта?
Нет, нет! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу». —
Пошел, и на пути так в мыслях разсуждает:
«Начало никогда певцов не устрашает;
Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
С Румянцовым его иль с Грейгом, иль с Орловым?
Как жаль, что древних я не читывал! а с новым —
Не ловко что-то все. — Да просто напишу:
«*Ликуй, герой! ликуй!* Герой ты! возглашу.
Изрядно! Тут же что? Тут надобен восторг!

Скажу: *кто завесу мне вечности расторг?*
Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света
И то, и то... А там?.. Известно: *многи лета!*
Брависсимо! и план, и мысли — все уж есть!
Да здравствует Поэт! Осталося присесть,
Да только написать, да и печатать смело!»
Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело!
И оду уж его тисненью предают,
И в оде уж его нам ваксу продают.
. . . .
Да ведает же всяк по одам мой клеврет,
Как дерзостный язык бесславил нас, пичтожил,
Как лириков ценил! Воспрянем! Марсий ожил!
Товарищи, к столу, за перья! Отомстим,
Надуемся, напрем, ударим, поразим!
Напишем на него предлинную сатиру
И оправдаем тем Российску громку лиру.

МОДНАЯ ЖЕНА

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
Той песню, той сонет, той лестный мадригал;
А вы, о нежные мужья под сединою!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите в том меня; я молод, ветрен был,
Так диво ли, что вас забыл?
А ныне вяну сам; на лбу моем морщины
Велят уже и мне
Подобной вашей ждать судьбины,
И о Цитерской стороне
Лишь в сказках вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикам разглаживают лицы:
Так слушайте меня, я сказку вам начну
Про модную жену.
Пролаз в течение полвека
Все полз, да полз, да бил челом,
И наконец, таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть, стал с именем — я говорю ведь так,
Как говорится в свете:
То есть, стал ездить он шестеркою в карете;
Потом вступил он в брак
С пригожей девушкой, котора жить умела,
Была умна, ловка,
И старика
Вертела, как хотела;
А старикам такой закон:
Что если кто из них вскружит себя вертушкой,

То не она уже, а он
Быть должен наконец игрушкой;
Хоть рад, хотя не рад,
Но поступать с женою в лад
И рубль подчас считать полушкой.
Пролаз, хоть и Пролаз, но муж, как и другой,
И так же, как и все, ценою дорогой
Платил жене за нежны ласки;
Узнал и он, что блонды, каски,
Что креп, линобатист, тамбурна кисея.
Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то, ни се... как будто не своя,
Супругу говорит: «послушай, жизнь моя!
Мне к празднику нужна обнова:
Пожалуй у мадам Бобри купи тюрбан;
Да слушай, душенька: мне хочется экран
Для моего камина;
А от нее ведь три шага
До английского магазина;
Да еслиб там еще... нет, слишком дорога!
А ужасть как мила!» — Да что, мой свет, такое?
«Нет, папинька, так, так, пустое...
По чести, мне самой твоих расходов жаль». —
Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать мое, а не твое уж дело.
«Меня... стыжусь... пленила ш а л ь;
Послушай, ангел мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывал нарочно
Князь для княгини, как у князя праздник был».
С последним словом прыг на шею
И чмок два раза в лоб, примолвя: как ты мил!
«Изволь, изволь, я рад со всей моей душею
Услуживать тебе, мой свет!» —
Был мужнин ей ответ;
Карету!.. только вряд поспеть уж мне к обеду!
Да я... в Дворянской клуб оттоле заверну.
«Ах, мой жизненочик! как тешишь ты жену!
Ступай же, Ваничка, скорее». — Еду, Еду! —
И Ваничка седой,
Простясь с женою молодой,
В карету с помощью двух долгих слуг втащился,
Сел, крякнул, покатился.
Но он лишь со двора, а гость к нему на двор —
Угодник дамской, Миловзор,
Взлетел на лестницу и прямо порх к уборной.
«Ах! я лишь думала! как мил!» — Слуга покорной...

МУХА

Басня

Бык с плугом на покой тащился по трудах,
 А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали. —
Откуда ты, сестра? — от этой был вопрос.
 А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: — Откуда? мы пахали!

*

 От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
 «Мы сбили! мы решили?»

ПЕТУХ, КОТ И МЫШОНОК

Басня

О дети, дети! как опасны ваши лета! —
 Мышонок, не видавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
 Рассказывал в семье своей:
 «Оставя нашу нору
 И перебравшися чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
 Как молодой мышонок,
 Который хочет показать,
 Что он уж не ребенок.
Вдруг с розмаху на двух животных набежал:
 Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
 Так миловиден был собою!
Другой — нахал, крикун; теперь лишь будто с бою;
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост;
 Над самым лбом дрожит нарост
 Какой-то огненного цвета,
И так, как две руки, служащи для полета;
 Он ими так махал
 И так ужасно горло драл,
Что я таки не трус, а подавай бог ноги —
 Скорее от него с дороги.
Как больно! без него я верно бы в другом
 Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга;
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;

Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными мышами».
— А я тебе на то скажу —
Мышонка мать остановила —
Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот — кот!
Под видом кротости он враг наш, злой губитель;
Другой же был петух, смиренный кур любитель:
Не только от него не видим мы вреда
Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда.
Вперед по виду ты не делай заключенья!

ГОРЕСТЬ И СКУКА

Басня

Бедняк, не евши день, от глада
Лил слезы и вздыхал;
Богач от сытости скучал,
Зеваючи средь сада.
Кому тяжелее? Чтоб это разрешить,
Я должен мудреца здесь слово приложить:
От скуки самое желанье отлетает,
А горести слезу надежда отирает.

ИСТОЧНИКИ ХРЕСТОМАТИЙНОГО МАТЕРИАЛА

I. ЛИТЕРАТУРА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XVIII ВЕКА

К стр. 7. «Ведомости». Печатаются по изданию «Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 году», СПБ, 1855.

Светские повести начала XVIII века

К стр. 10. «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли». Текст повести взят из сборника В. В. Сиповского «Русские повести XVII—XVIII вв.», СПБ, 1905.

К стр. 25. «История о Александре, российском дворянипе». Текст повести взят из сборника В. В. Сиповского «Русские повести XVII—XVIII вв.», СПБ, 1905.

Книжные песни петровского времени[1]

Панегирическая поэзия

К стр. 31. «Победославная песнь на победу Полтавскую». Печатается по «Собранию разных записок», изд. В. Туманского, во граде святого Петра, 1788, ч. 8.

К стр. 34. «Кто идет с войском, лаврами венчанный». Печатается по изданию «Песни, собранные П. В. Киреевским», под ред. П. А. Бессонова, вып. 8, М., 1870.

Книжная бытовая и любовная лирика

К стр. 35. «Уж как пал туман на сине море». Песня сочинена П. С. Львовым. Текст перепечатан из «Московского журнала», ч. IV, 1791.

К стр. 36. Любовная, с акростихом. Печатается по рукописным материалам, сообщена А. В. Позднеевым.

К стр. 37. «Ах, свет мой горький моей молодости». Печатается по рукописным материалам, сообщена А. В. Позднеевым.

К стр. 37. «Что убо — сугубо сердце во мне играше». Печатается по рукописным материалам, сообщена А. В. Позднеевым.

К стр. 38. «Буря море раздымает...» Печатается по рукописным материалам, сообщена А. В. Позднеевым.

Народные исторические песни петровского времени

К стр. 40. «Ах, бедные головушки солдатские». Текст перепечатан из вып. 8 «Песен» П. В. Киреевского, М., 1870.

---

[1] Очерк «Книжные песни петровского времени» написан А. В. Позднеевым.

К стр. 40. «Подымалась Полтавская баталия». Печатается по изданию «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, М., 1870.

К стр. 41. «Как по матушке Москве...» Печатается по изд. «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, М., 1870.

Драма петровского времени

К стр. 42. «Слава российская». Печатается по публикации М. И. Соколова в журнале «Чтения в обществе истории и древностей российских» при Московском университете, кн. 2, 1892.

Феофан Прокопович

К стр. 52. Отрывки из публицистических произведений. Печатаются по изданию «Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные», ч. I—III, СПБ, 1760—1765, и по изд. «Духовный регламент», СПБ, 1721.

К стр. 54. Из «Епиникиона». Печатается по публикации в «Известиях отделения русского языка и словесности» Академии наук, кн. 1, 1903.

К стр. 55. Трагедокомедия «Владимир». Текст взят из сборника Н. С. Тихонравова «Драматические произведения 1672—1725 гг.», т. II, СПБ, 1874.

II. ЛИТЕРАТУРА 30—50-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

А. Д. Кантемир

К стр. 74. Сатиры (I, II и VII). Печатаются по изд. «Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира», под ред. Ефремова, СПБ, 1866.

В. К. Тредиаковский

К стр. 96. «Стихи похвальные России». Текст печатается по изд. «Езда во остров Любви», 1730.

К стр. 96. «Песенка любовна». Текст печатается по изданию «Езда во остров Любви», 1730.

К стр. 97. «Эпистола от российския поэзии к Аполлину». Печатается по изд. 1735 г.

К стр. 100. «Похвала Ижерской земле...». Печатается по изд. 1752 г.

К стр. 101. «Тилемахида». Печатается по изд. 1766 г.

К стр. 103. «Петух и жемчужина». Печатается по изд. 1752 г.

М. В. Ломоносов

К стр. 106. «Разговор с Анакреоном». Текст перепечатан из сборника «Российский Парнасс», ч. I, в Санктпетербурге, 1771. Принимаем чтение вместо Анакреонт — Анакреон, предложенное акад. Сухомлиновым (см. примечания к академич. изданию «Сочинения М. В. Ломоносова», т. II, 1893).

В сборнике «Российский Парнасс» допущены опечатки:

Но счастливой ты собою
Чрез приятный лиры звоя.

Можно принять исправление, предложенное в изд. «Ломоносов. Стихотворения» под ред. акад. А. С. Орлова, «Советский писатель», 1935:

Но счастливее ты собою
Через приятный лиры звон.

К стр. 109. Ода «На взятие Хотина». Текст печатается по второму прижизненному изданию сочинений М. В. Ломоносова (1757).

К стр. 116. «Ода 1747 года». Печатается по второму прижизненному изданию сочинений М. В. Ломоносова (1757).

В текст этого издания Ломоносовым внесены изменения, ср. например:

Отдельное издание оды 1747 г.	*Издание 1757 г.*
Россию, варварством попранну.	Россию, грубостью попранну.
В толикой праведной печали Сомненный их шатался путь.	В толикой горестной печали Сомненный их смущался путь.
Там влажная стезя белеет На всток пловущих кораблей. Колумб Российский через воды Спешит в неведомы народы Сказать о щедрости твоей.	Там влажный флота путь белеет, И море тщится уступить: Колумб Российский через воды Спешит в неведомы народы Твои щедроты возвестить.

К стр. 123. «Петр Великий, героическая поэма». Текст печатается по отдельному изданию 1760—1761 гг.

К стр. 133. «Тамира и Селим». Печатается по первому изданию (1750 г.).

К стр. 137. Ода «Вечернее размышление...» Печатается по второму прижизненному изданию сочинений М. В. Ломоносова (1757 г.).

Ода эта впервые опубликована Ломоносовым в «Риторике» (1748 г.). В текст издания 1757 г. Ломоносов внес ряд изменений.

Издание 1748 г.	*Издание 1757 г.*
Поля покрыла влажна ночь...	Поля покрыла мрачна ночь...
Лучи от нас прогнала прочь.	Лучи от нас склонились прочь.
Как персть между высоких гор, Так гибнет в ней мой ум и взор.	Так я в сей бездне углублен Теряюсь, мысльми утомлен!
Вы знаете пути планет, Скажите, что наш ум мятет?	Вам путь известен всех планет; Скажите, что нас так мятет?

К стр. 139. «Письмо о пользе Стекла». Печатается по второму прижизненному изданию сочинений М. В. Ломоносова (1757 г.). Текст в этом издании имеет некоторые отличия по сравнению с отдельным изданием «Письма о пользе Стекла» (1752 г.).

К стр. 147. «Надпись к статуе Петра Великого». Печатается по второму прижизненному изданию сочинений М. В. Ломоносова (1757 г.).

К стр. 147. «Надпись на день тезоименитства ее величества...». Печатается по второму прижизненному изданию сочинений М. В. Ломоносова (1757 г.).

К стр. 148. «Ночною темнотою...» Текст перепечатан из академического издания «Сочинения М. В. Ломоносова», т. III, Санкт-Петербург, 1895.

К стр. 149. «Лишь только дневный шум замолк». Текст перепечатан из академического издания «Сочинения М. В. Ломоносова», т. III, Санкт-Петербург, 1895.

К стр. 150. «Гимн бороде». Текст перепечатан из академического издания «Сочинения М. В. Ломоносова», т. II, СПБ, 1893.

К стр. 151. «Случились вместе два астронома в пиру». Текст перепечатан из академического издания «Сочинения М. В. Ломоносова», т. II, СПБ, 1893.

К стр. 152. «Письмо о правилах российского стихотворства». Печатается по изд. «Сборник разных сочинений в стихах и в прозе», книга вторая, 1778 г.

К стр. 156. «О качествах стихотворца рассуждение». Текст перепечатан из журнала «Ежемесячные сочинения...», май, 1755 г.

А. П. Сумароков

К стр. 160. «Наставление хотящим быти писателями». Текст перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. I, изд. 2, 1787.

К стр. 164. Трагедия «Димитрий Самозванец». Текст перепечатан из Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. V, изд. 2, 1787.

К стр. 192. Комедия «Опекун». Текст перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. V, изд. 2, 1787.

К стр. 206. «Рогоносец по воображению», комедия. Текст перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. VI, изд. 2, 1787.

К стр. 212. «Хор ко превратному свету». Текст перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. VIII, изд. 2, 1787.

К стр. 214. «О благородстве». Сатира эта перепечатана из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. VIII, изд. 2, 1787.

К стр. 216—219. «Болван», «Кисельник», «Голова и члены», «Овца», «Пир у льва», «Отстреленная нога». Текст этих притч перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. VII, изд. 2, 1787.

К стр. 220. Стихотворение «Жалоба» перепечатано из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. IX, изд. 2, 1787.

К стр. 220—221. «Весь город я спрошу...», «На что стояти мне», «Танцовщик, ты богат...» Текст этих эпиграмм перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. IX, изд. 2, 1787.

К стр. 221—222. «Сокрылись те часы...», «Уж прошел мой век драгой». Текст этих песен перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. VIII, изд. 2, 1787.

К стр. 223. «О стихотворстве камчадалов». Текст перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. IX, изд. 2, 1787.

К стр. 223. «О домостроительстве». Текст перепечатан из «Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова», ч. X, изд. 2, 1787.

III. ЛИТЕРАТУРА ОТ НАЧАЛА 60-х ГОДОВ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Н. И. Новиков

К стр. 229—232. «Трутень», лист IV, мая 19 дня; «Трутень», лист V, мая 26 дня; «Трутень», лист VI, июня 2 дня; «Трутень», лист VIII, июня 16 дня. Текст перепечатан из второго издания журнала «Трутень, еженедельное издание» (1770 г.).

К стр. 233—235. [«Трутень», лист XXIII, сентября 29 дня]; [«Трутень», лист XXIV, октября 6 дня]. Текст перепечатан из четвертого издания журнала «Живописец, еженедельное сатирическое сочинение», ч. I, 1781.

К стр. 236—237. [«Трутень», лист XXVI, октября 20 дня]; [«Трутень», лист XXX, ноября 17 дня]. Текст перепечатан из четвертого издания журнала «Живописец, еженедельное сатирическое сочинение», ч. I, 1781.

К стр. 240. «Трутень», лист XXXIV, декабря 15 дня. Текст перепечатан из второго издания журнала «Трутень».

К стр. 242. «Трутень», лист XVII и последний, апреля 27 дня. Текст перепечатан из журнала «Трутень, еженедельное издание» (1770 г.).

К стр. 244—246. [«Живописец», лист 5]; [«Живописец», лист 14]. Текст перепечатан из четвертого издания журнала «Живописец, еженедельное сатирическое сочинение», ч. II, 1781, последнего издания сборника «Живописец», вышедшего в свет под редакцией Н. И. Новикова.

К стр. 248—253. [«Живописец», лист 15]; [«Живописец», лист 23]; [«Живописец», лист 24]. Тексты перепечатаны из четвертого издания журнала «Живописец, еженедельное сатирическое сочинение», ч. I, 1781.

Н. И. Новиков в текст второго и последующих изданий внес ряд изменений и дополнений против первого издания. См. об этом в седьмом издании журнала «Живописец» Новикова (1772—1773), стр. 317—350, СПБ, 1864.

Приложение к разделу «Сатирические журналы Н. И. Новикова».

К стр. 256. «Письмо крестьянина к своему помещику». Перепечатано из журнала «Русская старина» за 1880 г. Редакция журнала указывает в примечании: «Напечатано здесь дословно по исправлении грамматических ошибок. Сообщил в 1879 г. А. Е. Мерцалов».

К стр. 256. «В Казельскую вотчину в село Уколицы бурмистру Тимофею Тимофееву». Напечатано по рукописи, принадлежащей А. В. Кокореву.

Народная сатира

К стр. 257. «Плач холопов». Сатира эта перепечатана из сборника «Почин» Общества любителей российской словесности, М., 1895.

К стр. 260. «О дворянине и мужике». Текст перепечатан из сборника «Старинная русская повесть», изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1941.

К стр. 261. «Бык не захотел быть быком». Текст перепечатан из сборника «Русские народные картинки» Д. Ровинского, кн. I, СПБ, 1882.

К стр. 261. «Указ Пугачева». Перепечатан из издания «Пугачевщина», т. I, Центр. архив, ГИЗ, М.—Л., 1926.

Народные песни о Пугачеве

К стр. 262. «Из-за леса, леса темного». Текст перепечатан из 9-го вып. «Песен» П. В. Киреевского, М., 1872.

К стр. 263. «Емельян ты наш, родный батюшка!» Текст перепечатан из сборника «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», Academia, 1935.

В. И. Лукин

К стр. 265. «Письмо к господину Ельчанинову». Перепечатано из книги «Сочинения и переводы Владимера Лукина», часть вторая, в Санкт-Петербурге, 1765. В тексте первого издания: «...соблюдено в ней единственно места» — выправляем по изданию Ефремова («Сочинения и переводы В. И. Лукина», СПБ, 1868) на «...соблюдено в ней единство места».

К стр. 270. «Щепетильник». Текст перепечатан из книги «Сочинения и переводы Владимера Лукина», часть вторая, в Санкт-Петербурге, 1765.

В тексте первого издания: «...а етот по пестренькому шарику развиликами тыщет». У Ефремова и в других изданиях: «...а етот по пестренькому шарику развильниками тыщет». Мы восстанавливаем текст первого издания. (См. у Срезневского: развилие — разветвление.) В тексте первого издания: «... а на даровой весь город собирается». У Ефремова и в последующих изданиях: «...а на даровое весь город собирается». Мы восстанавливаем текст первого издания, считая, что здесь речь идет о даровом маскараде (даровой маскарад).

Д. И. Фонвизин

К стр. 297. «Бригадир». Комедия эта перепечатана из XXXIII части сборника «Российский феатр», СПБ, 1790, с необходимыми исправлениями по рукописи акад. Н. С. Тихонравова, опубликованной им в «Матерьялах для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина», СПБ, 1894, а также по изданию «Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина», 4 части, в типографии Семена Селивановского, М., 1830 (Бекетовское издание).

Главнейшие из этих исправлений следующие:

Сборник «Российский феатр», СПБ, 1790, ч. XXXIII	Рукопись Тихонравова («Матерьялы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина»), СПБ, 1894	«Полн. собр. сочинений Д. И. Фонвизина», 4 части, М., 1830 (Бекетовское изд.)
Действие второе, явление 6.		
Сын. ... Тамо остатки дней наших ... будем иметь утешение проводить с французскими...	Сын. ... Тамо остатки дней наших... будем иметь утешение проводить с французами...	Сын. ... Тамо остатки дней наших... будем иметь утешение проводить с французами...

Выправляем текст по «Матерьялам» Тихонравова и изд. Бекетова.

Сборник «Российский феатр», СПБ, 1790, ч. XXXIII	Рукопись Тихонравова («Матерьялы для полн. собр. соч. Д. И. Фонвизина») СПБ, 1894	«Полн. собр. сочинений Д. И. Фонвизина», 4 части, М., 1830 (Бекетовское изд.)

Действие второе, явление 7.

Бригадир. Да я без тебя скучен.	Бригадир. Да мне без тебя скучно.	Бригадир. Да я без тебя скучаю.

Выправляем текст по изд. Бекетова.

Действие третье, явление 3.

Сын. ... Он зашумит, помешает, оставит...	Сын. ... Он зашумит, помешает и остановит...	Сын. ... Он зашумит, помешает, остановит.

Выправляем текст по «Матерьялам» Тихонравова.

В рукописи из собрания Тихонравова в 6-м явлении третьего действия после слов Советника: «Однако, ежели у кого есть 2 тысячи душ, то мне кажется, они все пороки наградить могут. 2000 душ и без помещичьих достоинств всегда 2000 душ, а достоинствы без них — какие, к чорту, достоинствы; однако, про нас слово, чудно мне, что ты мог так скоро выходить свое дело и, погнавшись за вим, не растерял и достальное» имеется вставка.

Даем эту вставку:

Добролюбов. Естьли б не страшились того, что слух о несправедливости и грабеже может в нынешнее время дойти далее и получить достойное наказание, то бы я, конечно, выхаживая ныне мое дело, имел случай совершенно разориться. Со всем тем, когда уж взятки запрещены наистрожайшим образом, бездельники нашли ныне другую дорогу к разорению.

Советник. Какую?

Добролюбов. Долго обо всем рассказывать *(Советнице)*. Я боюсь вам наскучить, сударыня.

Советница. Нет, сударь, я сама куриозна об этом слушать.

Добролюбов. Дорогу нашли такую, чтоб дело волочить и тем самым заставить жалеть публику уже и о том, что взятки запрещены, потому что, когда их брали, то сколько ни дорого становилось челобитчикам, однако деньгами можно было поспешить решением; напротив того, ныне взяток брать не смеют, следовательно, пресекся последний путь к скорейшему решению дел.

Советник. Ну, так не говорил ли я, что худо, ей, худо сделано то, что взятки запретили?..

Действие третье, явление 4.

Советник. Я всегда интересные дела решил по утрам.	Советник. Я всегда интересные дела решил по утрам.	Советник. Я всегда интересные дела решал по утрам.

Оставляем текст «Российского феатра» (Ср. в «Пригожей поварихе» Чулкова: «...таким образом смотря по величине приноси решил он и дела в приказе...»

Действие четвертое, явление 2.

Софья. Как же это; про себя, то про всех.	Софья. Как же это; то про себя, то про всех?	Софья. Как же это; то про себя, то про всех?

Выправляем текст по «Матерьялам» Тихонравова и изд. Бекетова.

Сборник «Российский феатр», СПБ, 1790, ч. XXXIII	Рукопись Тихонравова («Матерьялы для полн. собр. соч. Д. И. Фонвизина»), СПБ, 1894	«Полн. собр. сочинений Д. И. Фонвизина», 4 части, М., 1830 (Бекетовское изд.).

Действие четвертое, явление 3.

		Советница *(сыну)*. Не угодно ли сыграть партию в карты?

Вставляем в текст «Российского феатра» данную реплику по Бекетову. Ремарку «Между тем ставят стол и подают карты» даем по изд. Бекетова.

Действие четвертое, явление 4.

Бригадирша. Что за околесица — они и они? И то это они?	Бригадирша. Что за околесица? Они и они! А кто это они?	Бригадирша. Что за околесница? Они и они... Кто это они?

Выправляем текст по изд. Бекетова.

Действие четвертое, явление 4.

Сын. Матушка, да разве и виноват? *(Указывая на Добролюбова.)* est ce monsieur *(указывая на женщин)* est ce madame.	Сын. Матушка, да разве я виноват? *(Указывая на Добролюбова.)* Этот monsieur? (указывая на женщин). Эти medames?	Сын. Матушка, да разве я виноват? *(указывая на Добролюбова)* Qu ce monsieur? *(указывая на женщин)* Qu ces dames?

Выправляем текст по изд. Бекетова.

Действие четвертое, явление 7.

Бригадир. Вить я говорю жене моей, не говорю то, чтоб она была всех глупее.	Бригадир. Вить я, говоря о жене моей, не говорю того, чтоб она была всех глупее.	Бригадир. Ведь я, говоря о жене моей, не говорю того, чтоб она всех была глупее.

Выправляем текст по «Матерьялам» Тихонравова.

Действие четвертое, явление 7.

Советник. Жена какая бы, да только ежели у доброго мужа...	Советник. Жена какая бы ни была, да только коли у доброго мужа...	Советник. Жена какая бы ни была, да только ежели у доброго мужа...

Выправляем текст по изд. Бекетова.

К стр. 336. «Лисица-казнодей». Текст этой басни перепечатан из сборника «Распускающийся цветок или собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами учрежденного при Московском университете Вольного благородного пансиона», в университетской типографии у Н. Новикова, М., 1787.

Характерно примечание редакции «Распускающегося цветка»: «Издатели «Распускающегося цветка» изъявляют сим признательность свою к славному стихотворцу, известному свету многими своими громкими сочинениями, который доставил им сию басню для поощрения их к дальнейшему получению вкуса в свободных науках».

В первом издании — и в заглавии и в тексте — написание «Лисица-казнодей». В издании 1830 г. и в последующих выправлено «Лисица-кознодей». Мы восстанавливаем чтение «Лисица-казнодей». См. у Срезневского: казнь — указание, правило, устав; казати — сказать, указывать, показывать, учить, наставлять. «Чему ты не казаше сынов своих... не преступати роты?» («Пов. вр. л., 6611). «Поп не кажа людии благочестию» («Ефр. Крм. Апл. 58»). «Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи, а безумна посылай, сам не ленися по нем итти» («Сл. Дан. Зат.»). Ср. также: kasnodzieja (польск.) — проповедник; kazac (польск.) — велеть, приказывать, говорить проповедь; казвам (болгар.) — говорить, рассказывать, утверждать. В первом издании заглавие — «Баснь. Лисица-казнодей», в издании 1830 г. и в последующих — «Лисица-кознодей. Басня». Восстанавливаем заглавие первой публикации.

К стр. 337. «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». Текст перепечатан из книги «Сидней и Силли или благодеяние и благодарность». Печатано при Московском университете, 1769.

П. Л. Ефремов в библиографических заметках к изданию «Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина», СПБ, 1866 (стр. 664—665) утверждает: «Написано послание, без сомнения, в 1763 г., но напечатано в первый раз в Петербурге, по всей вероятности, в «Пустомеле», ежемесячном сочинении на 1770 год (см. стр. 98—103, изд. 1858 г.). Сопиков указывает отдельное издание 1769 г., но его никто не видел». К своей биографической справке П. А. Ефремов дает такое примечание: «С. Д. Полторацкий полагает, что «Послание» было приложено к первому изданию «Сиднея и Силли», но этого издания нигде нет и, не видав его, нельзя решить, что при нем было приложение, находящееся при втором издании». Витберг сообщил, что он видел экземпляр «Сиднея и Силли» 1-го изд. с «Посланием к слугам». Мы подтверждаем сообщение Витберга. Напечатано «Послание к слугам» в первый раз в Москве в 1769 г. — приложено к первому изданию «Сиднея и Силли». Книга эта мною обнаружена в Московской исторической библиотеке в отделе редких книг. По тексту данного издания мы и перепечатываем впервые «Послание к слугам». Точное время написания «Послания к слугам» до настоящего времени тоже остается невыясненным. Полагаем, что оно написано в Петербурге между августом — декабрем 1763 г.

К стр. 340. «Вопросы Фонвизина и ответы сочинителя «Былей и небылиц». Текст перепечатан из журнала «Собеседник любителей российского слова», ч. III, в Санктпетербурге, 1783.

К стр. 343. «Всеобщая придворная грамматика». Текст напечатан по изд. «Полное собр. соч. Д. И. Фонвизина», 4 части, М., 1830.

К стр. 346. «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей» перепечатано из книги «Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма». Общая редакция проф. Н. Л. Бродского, 1947 г.

К стр. 356. Письмо из Франции П. И. Панину 18/29 сентября 1778 г. печатается по изд. «Полное собр. соч. Д. И. Фонвизина», 4 части, М., 1830.

М. И. Попов

К стр. 360. «Анюта». Перепечатана из книги «Досуги или собрание сочинений и переводов Михайлы Попова», часть первая, в Санктпетербурге, 1772.

А. А. Аблесимов

К стр. 377. «Мельник — колдун, обманщик и сват». Печатается по первому прижизненному изданию, М., 1782.

М. Матинский

К стр. 400. «Санктпетербургский гостиный двор». Текст печатается по изданию «Опера комическая Санктпетербургской гостиной двор», в трех действиях, Москва, в Губернской типографии у А. Решетникова, 1799.

Н. П. Николев

К стр. 410. «Сорена и Замир». Печатается по сборнику «Российский феатр», ч. V, 1787.

К стр. 429. «Розана и Любим». Печатается по второму изданию, М., 1787.

Я. Б. Княжнин

К стр. 438. «Вадим Новгородский». Текст перепечатан из первого издания «Вадим Новгородский, трагедия в стихах в пяти действиях. Сочинена Як. Княжниным»; В Санктпетербурге, при Академии наук, 1793.

В ряде изданий в стихе из реплики Рамиды (Действие четвертое, явление 3)

Но время дорого: позвай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима лесть...

слово «лесть» выправлялось на «месть». Мы восстанавливаем чтение первого издания — «лесть» (См. Срезневский: лесть — обман, хитрость, заговор).

В ряде изданий в стихе из реплики Рамиды: «И стоны привлеку жаления сердечна!» (Действие пятое, явление 2), слово «жаления» выправлялось на «желания». Мы восстанавливаем чтение первого издания.

К стр. 458. «Несчастье от кареты». Текст печатается по первому изданию 1779 г.

К стр. 464. «Хвастун». Текст печатается по «Собранию сочинений Я. Б. Княжнина», СПБ, 1787.

В. В. Капнист

К стр. 471. «Ябеда». Печатается по отдельному изданию, СПБ, 1798, с дополнениями, внесенными редакцией «Избранных сочинений В. В. Капниста» («Советский писатель», Л., 1941) и редакцией сборника «Русская комедия и комическая опера XVIII века» (изд. «Искусство», М.—Л., 1950).

К стр. 493. Ода «На рабство». Печатается по изданию «Лирические сочинения В. В. Капниста», СПБ, 1806.

П. А. Плавильщиков

К стр. 498. Статьи «Нечто о врожденном свойстве душ российских», «Театр», «Комедия» печатаются по изданию «П. Плавильщиков. Сочинения», 4-я часть, Петербург, 1816.

К стр. 506. «Сиделец». Печатается по изданию «П. Плавильщиков. Сочинения», 4-я часть, Петербург, 1816.

В. И. Майков

К стр. 514. «Елисей или раздраженный Вакх». Поэма печатается по первому изданию, вышедшему в свет в Санктпетербурге в 1771 г.

В последующих изданиях в текст «Елисея» вносились поправки. Относительно этих поправок даем ряд комментариев.

Текст в издании 1771 г.	Текст в издании 1809 г.	Текст в издании 1867 г.
	Песнь четвертая.	
Елисей, искав погреба, зашел нечаянно в баню.	Елисей, искав погреба, зашел нечаянно в баню.	Елисей, искав погреба, взошел нечаянно в баню.

Восстанавливаем текст первого издания 1771 года.

Текст в издании 1771 г.	Текст в издании 1809 г.	Текст в издании 1867 г.

Песнь пятая.

Тут к нему явился Вакх с своею свитою и, сделав погребу разгром, уходят. И Вакх и Елисей пустошить погреба у других откупщиков.	Тут к нему явился Вакх с своею свитою, и сделав погребу разгром, уходят. Вакх и Елисей опустошают погреба у других откупщиков.	Тут к нему явился Вакх с своею свитою и, сделав погребу разгром, уходят. Вакх и Елисей опустошают погреба у других откупщиков.

Мы восстанавливаем текст первого издания 1771 г., изменяя лишь пунктуацию:

Тут к нему явился Вакх с своею свитою и, сделав погребу разгром, уходят — и Вакх и Елисей — пустошить погреба у других откупщиков.

Песнь первая, стих 182.

Поднявши бы его, герой мой о пол тропнул.	Поднявши бы его, герой мой о пол тропнул.	Поднявши бы его, герой мой о пол грохнул.

Восстанавливаем текст первого издания 1771 г.

Слово «тропнуть» в некоторых областях употреблялось в значении ударить о землю, повалить ударом: «Как он ёво, матушка, тропне о зень, индо кулы пошли». Новгород (Тихвин.) Тверь (См. «Опыт областного великорусского словаря», изд Академии наук, СПБ, 1852, стр. 232).

Песнь первая, стих 509.

В нравоученьи ты некстати залетела.	В нравоученые ты некстати залетела.	В нравоученье ты некстати залетела.

Оставляем чтение первого изд. 1771 г.

К стр. 527—530. Басни, помещенные в хрестоматии, перепечатаны из первого издания сборника «Нравоучительные басни Василья Майкова», ч. I, М., 1766; часть II, М., 1766. Второе издание сборника «Нравоучительные басни Василья Майкова», М., 1788.

И. Ф. Богданович

К стр. 532. «Душенька, древняя повесть в вольных стихах» печатается по третьему изданию, М., 1799.

Во второе и третье издания Богдановичем внесен целый ряд изменений против текста первого издания. Свод этих изменений дан в издании «Сочинения Богдановича», т. I, изд. Смирдина, СПБ, 1848 (стр. 125—168).

В. П. Петров

К стр. 560. Ода «На войну с турками». Текст дан по изданию «Сочинения В. Петрова», часть первая, в Санктпетербурге, печатана в Вольной типографии у Шнора, 1782.

М. М. Херасков

К стр. 564. «Россияда» дана по первому изданию: «Россияда, героическая поэма», печатана при Московском университете, 1779.

Ф. А. Эмин

К стр. 574. Отрывки из романа «Письма Ернеста и Доравры» печатаются по изданию 1766 года, части I—IV, СПБ.

М. Д. Чулков

К стр. 581. «Пригожая повариха». Текст печатается по изд. «Пригожая повариха или похождения развратной женщины», часть первая, в Санктпетербурге, 1770.

«Пригожая повариха» была переиздана в 1890 г. под редакцией Титова и в 1937 г.— в сборнике «Русская литература XVIII века». Оба раза неисправно: допущены многочисленные пропуски, искажения текста, опечатки. Например:

Издание 1770 г.	Издание 1890 г. под редакцией Титова.
...и во сне живо она представлялася передо мною...	...и во сне живо она представляла передо мною...
...Питомица мои не хотела за мною следовать...	...Питомница моя не хотела за мною следовать...
...под смотрением древнего моего любовника пришла в церковь...	...под смирением древнего моего любовника пришла в церковь...

К стр. 601. «Горькая участь». Печатается по изданию «Пересмешник или славенские сказки», ч. V, М., 1789.

В хрестоматии по русской литературе XVIII в. 1938 г. напечатано: «он крайне незавиден».

Восстанавливаем текст изданий 1789 г.: «он крайне незаводен», т. е. беден (Ср.: «Лещ такой же человек заводной» в «Повести о Ерше Ершовиче»).

В издании 1938 г. наблюдаются пропуски отдельных слов, например: «до десятилетнего возраста» вместо «до десятилетнего возраста своего».

Наблюдается также произвольная замена одних слов другими, например: «родственников» вместо «родственниц», «повернуться» вместо «поворохнуться».

К стр. 605. «Драгоценная щука». Печатается по изданию «Пересмешник или славенские сказки», ч. 5, М., 1789.

Г. Р. Державин

К стр. 611. Произведения Державина, помещенные в хрестоматии, печатаются по изданию: «Сочинения Г. Р. Державина», тт. I—V, СПБ, 1808—1816.

И. И. Хемницер

К стр. 652. Басни Хемницера печатаются по изданию «И. И. Хемницер. Сочинения и письма», СПБ, 1873.

А. Н. Радищев

К стр. 661. Примечание Радищева «О самодержавстве» перепечатывается из книги «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков», сочинение г. аббата Де-Мабли. Переведено с французского. В Санктпетербурге при императорской Академии наук 1773 года, стр. 126.

К стр. 661. «Беседа о том, что есть сын отечества» печатается по «Собранию сочинений А. Н. Радищева», изд. Академии наук СССР, т. I, М.—Л., 1938.

К стр. 668. «Путешествие из Петербурга в Москву». Текст печатается по изданию 1790 г.

При переиздании «Путешествия из Петербурга в Москву» в главе «Хотилов» вносилась поправка в фразе: «Леса бесплодные и горькие дебри претворнются в нивы плодоносные» — слово «горькие» выправлялось на «горные» («Избранные сочинения А. Н. Радищева», М.—Л., 1949; Сборник «Русская литература XVIII века» и др.). Мы восстанавливаем текст первого издания

1790 г. (См. Срезневский, «Материалы для словаря древнерусского языка»: горький — непригодный).

При перепечатывании главы «Вышний Волочок» в фразе «Сделать реку рукодельную» некоторые издатели выправляют — «Сделать реку рукодельною» (См. «Избранные сочинения А. Н. Радищева», М.—Л., 1949). Мы восстанавливаем текст первого издания 1790 г.

К стр. 717. Ода «Вольность», стихотворения «Ты хочешь знать: кто я?..», «Осмнадцатое столетие» напечатаны по «Собранию сочинений А. Н. Радищева», изд. Академии наук СССР, т. I, М.—Л., 1938 г.

И. А. Крылов

К стр. 728. «Почта духов» (письма VIII, X, XX) печатается по второму изданию, СПБ, 1802. Мы учитываем, что Крылов во втором издании сделал ряд изменений, так, например, абзац письма XX, начиная со слов «Область, опустошенная тщеславным победителем...» и кончая словами «так и подданных соседственных государей» в первом издании «Почты духов» читается так: «Для меня весьма кажется удивительно, премудрый Малькульмульк, что не взирая на все те бедствия, которые тщеславным Юлием и кровожаждущим Нероном свету причинены были, нашлись в то время столь гнусные люди, которые не устыдились превозносить их великими похвалами, приписывая им пышное название Великих и Победителей. Сии подлые льстецы не достойны называться именем человека; ибо похвалою своею развращая сердца государей, причиняют чрез то гибель роду человеческому. Желательно бы было, чтоб государи, предузнавая гнусное ласкательство таковых извергов, подвергали их строжайшему и примерному наказанию, а тем избавляли бы многих от несчастий».

К стр. 735. «Похвальная речь в память моему дедушке» и «Каиб» печатаются по журналу «Зритель», часть III, СПБ, 1782.

Н. М. Карамзин

К стр. 759. Тексты прозаических произведений Карамзина взяты из третьего прижизненного издания «Сочинений Карамзина», М., 1820.

К стр. 786. Стихотворение «Осень» перепечатано из третьего прижизненяого издания «Сочинений Карамзина», М., 1820.

Стихотворение «Поэзия» печатается по последнему прижизненному изданию этого произведения («Московский журнал», часть VII, 1803).

И. И. Дмитриев

К стр. 791. Тексты произведений Дмитриева, помещенные в хрестоматии, перепечатаны из четвертого издания «Сочинений И. И. Дмитриева», М., 1818.

СЛОВАРЬ

устаревших, иностранных и мифологических слов и имен.

абие — тотчас.
Авзония — древнее название Италии.
Аврора *(миф.)* — богиня утренней зари; заря.
авантаж *(франц.)* — выгода, выгодное положение.
аграмант *(франц.)* — украшение.
Адонис *(миф.)* — красавец-юноша, любимец Афродиты, Венеры и Прозерпины.
адамант *(греч.)* — алмаз, бриллиант.
ажно — тогда как, между тем как.
акция *(лат.)* — действие.
Алкид *(миф.)* — Геркулес, внук царя Алкея.
Алектона *(миф.)* — одна из трех фурий, адских чудовищ.
алкать — чувствовать голод.
альфреско *(итал.)* — стенная живопись водяными красками по сырой штукатурке.
амброзия *(миф.)* — пища богов, дарующая бессмертие.
амбиция *(лат.)* — домогательство; честолюбие, тщеславие.
Аминта *(миф.)* — имя пастуха, часто встречающееся в античной поэзии.
Амфион — легендарный древнегреческий поэт-певец.
Антей *(миф.)* — сын Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Победить его можно было только оторвав от земли. Геркулес задушил его в воздухе, приподняв от земли.
Апеллес — древнегреческий живописец.
Аполлон *(миф.)* — бог света, поэзии, сын Юпитера.
Ариадна *(миф.)* — дочь критского царя Миноса; помогла афинскому герою Тезею выйти из лабиринта при помощи клубка ниток (Ариаднина нить.)
артикул *(лат.)* — часть, раздел, ступень; устав воинский; ружейный прием.
Аристарх — древнегреческий критик; имя его применялось как нарицательное для обозначения строгого, но справедливого критика.
аркебузировать — расстрелять; от аркебуза (итал.) — старинное ружье.
аспида, аспид: 1) ядовитая змея; 2) в применении к человеку: злой, коварный человек.
Астрея *(миф.)* — богиня справедливости, дочь Юпитера и Фемиды.
Атлант *(миф.)* — титан, поддерживавший на своих плечах небесный свод.
Ахерон *(миф.)* — река в подземном царстве.

Бавий Марк — бездарный древнеримский поэт, служивший предметом насмешек Горация и Вергилия.
Батавия — Голландия (от батавы — народности, жившей между Рейном и Маасом).

b e l l e s   l e t t r e s — словесные науки, грамматика, стихотворчество, витийство.
Б е л л о н а *(миф.)* — богиня войны, сестра Марса.
б е с п е р е ч ь — постоянно.
Б и о н — философ киренской школы (III в. до н. э.).
б л о н д ы *(франц.)* — шелковое кружево тонкой работы.
б о р а — сборка, складка.
Б о р е й, Аквилон *(миф.)* — бог северного ветра.
б о с т р о к — безрукавка, верхняя мужская одежда.
б р а т и н к а — сосуд, в котором разносили вино, пиво во время пира.
б р а ш н о — мучное кушанье; пища вообще, снедь, еда.
б р ы з ж и — оборка в складках платья, гофрированный отложной воротничок.
Б р у т   М а р к Юний (85—42 до н. э.) — глава заговорщиков-республиканцев, убивших Юлия Цезаря.
б у й: 1) глупый, несмысленный; 2) смелый, сильный.
б ы ч о к — старинная пляска.

в а р — жара, палящий зной.
в а р я — варево.
в а с и л и с к *(греч.)*: 1) сказочное чудовище, убивающее одним взглядом своим; 2) род ящерицы.
в е р ж е н и е — падение.
В е н е р а, В е н у с *(миф.)* — богиня красоты, любви и брака; жена Вулкана, мать Амура-Купидона.
в е с к и *(уменьшит.)* — весы.
в и н а: 1) причина, 2) вина, виновность.
в и с с о н — драгоценная ткань.
в л а с н ы й *(польск.)* — собственный.
в н о з д р я т ь — вдыхать.
в н у ш и т ь — услышать.
в о з г н е с т и — развести огонь.
в о́ л н а — овечья шерсть.
в о л ж а н ы й   к н у т — кнут, сплетенный из тонких ветвей кустарника волжанки.
в о с к р и л и е, в о с к р ы л и е — край, пола верхней одежды.
в о с ь — авось.
в р е т и щ е: 1) мешок; 2) одежда из веретья, из грубой, толстой ткани.
в с п я т н о — назад, обратно.
в о с п я щ а т и — препятствовать, задерживать.
в ы н у — всегда.
В у л к а н *(миф.)* — римский бог огня, кузнечного дела, муж Венеры.

г а й т а н *(укр.)* — шнурок.
г а з а р д *(франц.)* — азарт, волнение.
г а м а з е и — магазины.
Г е б а *(миф.)* — богиня юности, жена Геркулеса.
Г е л и к о н *(миф.)* — гора в южной Беотии — местопребывание Аполлона и муз; символ поэзии.
Г е р к у л е с-Г е р а к л *(миф.)* — сын Юпитера и Алкмены, совершивший ряд необыкновенных подвигов.
Г е р м е с-Е р м и й *(миф.)* — бог торговли; то же, что Меркурий.
Г е с п е р и д ы *(миф.)* — три дочери Ночи, охранявшие в саду золотые яблоки.
г и д р а *(миф.)* — водяная змея; *Лернейская гидра* — многоголовая змея, убитая Геркулесом.
Г р а ц и и *(миф.)* — три богини красоты и веселья; то же, что х а р и т ы.
г у с т ы н я — чаща, густой лес.
д е з а б и л ь е *(франц.)* — домашнее платье.
д е н г а — полкопейки, 2 полушки.

Д и а н а *(миф.)* — богиня луны, охоты, дочь Юпитера.
д и с п о р а т *(франц.)* — нестройность, несогласие, расстройство; обморок.
д о в л е т ь, д о в л е е т — быть достаточным, следует.
д о б р ь, д е б р ь — чаща леса.
д о н д е ж е — пока, пока не, когда.
д р а б а н т *(польск.)* — телохранитель.
д р у и д ы *(франц.)* — жрецы у кельтов древней Франции, Англии и Ирландии.

е л и к о — поскольку, несколько.
е н д о в а — кувшин, сосуд в виде чугуна с рыльцем.
Е р а т а, Э р а т о *(миф.)* — муза лирической поэзии.
е р о ш к и — карточная игра.
е с т е с т в о с л о в и е — естествознание.
е с т е с т в о — природа; существо.
е ф и м о к — серебряная иностранная монета, имевшая хождение в России с XVI до половины XVIII в.

ж а д а т ь — жаждать, сильно желать.
ж е л е з ы — оковы, цепи.
ж е л н а — род дятла.
ж и в о т — жизнь, имение, имущество.

з а б о б о н ы *(укр.)* — предрассудки.
з а в и д е т ь — завидовать; увидеть, усмотреть.
з а н е — так как, потому что.
з а п о н а — завеса.
з а р а з ы — прелесть.
з а х о д — угол, тупик.
з а х р я с н у т ь — застыть, затвердеть.
з а х ы т и т и — захватить.
з е в а н и е — зияние.
з е л ь н о — сильно, очень.
з е л ь н ы й — сильный, большой.
з е н и ц ы — зрачки, глаза.
з е р ц а т ь — созерцать.
з е т и т ь — высматривать, нацеливаться, метить.
З е ф и р *(миф.)* — западный весенний ветер; легкий ветерок.
З о и л — греч. ритор и грамматик в Александрии (середина III в. до н. э.), мелочный критик Гомера; имя Зоила стало нарицательным и означало придирчивого, недобросовестного критика.
з ы б а т ь — колебать.
з я б н у т и — произрастать.

И б е р и я — страна иберов; поэтич. — Испания.
и з в о д с т в о — произведение.
и з в о л и т и — захотеть, пожелать; выбрать.
и з р я д н ы й — прекрасный, необыкновенный.
и н ф л ю е н ц и я *(франц.)* — влияние.
И п п о к р е н а *(миф.)* — посвященный музам источник на вершине Геликона, вода которого вдохновляла поэтов.
и с п о л и н н ы й — исполинский, гигантский.
и с т ы й — подлинный, настоящий.

К а д м *(миф.)* — основатель Фив, изобретатель греческого алфавита.
к а й м а к — упаренное до густоты молоко со сливками и густыми пенками.
к а м к а — узорчатая, цветная шелковая ткань.
к а р н е т *(франц.)* — женский головной убор, род чепчика.
к а н а п е *(франц.)* — небольшой диван.

к а н и ф а с *(нем.)* — плотная ткань из шерсти или льна, с полосками или клеточками.
К а с т а л ь с к и й и с т о ч н и к *(миф.)* — источник на Парнасе, посвященный музам и Аполлону; символ вдохновения.
к ё р ы *(франц.)* — одна из четырех карточных мастей.
К л и о *(миф.)* — муза истории.
к л у ш а — галка.
к о л е т *(франц.)* — короткий мундир из белого сукна в кирасирских полках.
к о м п л и м е н т *(франц.)* — приветствие, поздравление, учтивая речь.
к о м п л о т *(франц.)* — заговор, умысел.
к о р о л л а р и й *(лат.)* — добавление, следствие, вывод, суждение, вытекающее из каких-либо положений.
к р а ш е н и н а — холст, выкрашенный в какую-либо краску.
к р е з — обладатель огромных богатств (от имени легендарного царя Лидии Креза — обладателя несметных богатств).
к р е п и т ь — скреплять своею подписью.
к р и н — лилия.
к у в е р т *(франц.)* — столовый прибор.

л а з а р е ц к и й — лазаретный.
л а с т о в и ц а — ласточка.
Л е в а н т — часто употреблявшееся раньше название для всех стран восточного побережья Средиземного моря.
л е п о т а — красота.
л е т ь — можно.
л и к о в с т в о — радостные крики, возгласы, веселие.
л и т е р а л ь н ы й *(лат.)* — буквальный.
л ы в а — морские поросли.
л ь з я (л ь з е) — можно, следует.
л ь с т и т ь с я — обманываться.

м а е т н о с т ь *(польск.)* — имение, имущество, дом, поместье.
М а й я *(миф.)* — дочь Атланта, мать Меркурия.
м а р к е р *(франц.)* — прислуживающий, ведущий счет при бильярдной игре.
м а р к и т а н т *(нем.)* — мелочной торговец, преимущественно съестными припасами, сопровождавший в прежнее время армию в походе.
М а р с и й *(миф.)* — фригийский сатир, спутник Вакха, осмелившийся состязаться с Аполлоном в игре на флейте. Победив в состязании, Аполлон содрал с живого Марсия кожу.
М а ф у с а и л — библейский мифический патриарх, проживший якобы 969 лет.
М е г е р а *(миф.)* — одна из фурий.
м е л к о т р а в ч а т ы й — незначительный, неважный.
М е л ь п о м е н а *(миф.)* — муза трагедии и лирической поэзии.
м е н т о р *(франц.)* — наставник, воспитатель.
м е т р е с с а *(франц.)* — хозяйка в доме; в буржуазно-дворянском быту — любовница.
м е т а — цель, мишень.
М е ц е н а т — римский вельможа, близкий друг Августа, покровитель литературы и искусств; имя Мецената стало нарицательным для обозначения богатого покровителя наук и искусств.
М о м, М о м у с *(миф.)* — бог шуток, насмешек и театрального искусства.
М о р ф е й *(миф.)* — бог сна, сновидений, сын Сна и Ночи.
м о с л и с т ы й — костистый.
М о с х — пергамский ритор, современник Горация.
м о ч н о — можно.
м у с и я (м у с е я) — мозаика.
м у с и т ь *(польск.)* — быть должным, обязанным.
м ы т о, м ы т — плата, награда; подать, особый вид торговой пошлины.

м у ф т и й — глава органа духовного управления у мусульман.
м у х о р т и к — маленький, малорослый человек.

Н а р ц и с с *(миф.)* — сын речного бога Кефиса; увидев свое изображение в воде, он так влюбился в него, что зачах от тоски и превратился в цветок.
н а с т у п — движение; действие, деяние.
н а т у р а л ь н ы й и с т о р и к — автор сочинений по естествознанию.
н е в м е с т н ы й — не подобающий кому-нибудь.
н е г л и, н е к л и — нежели, чтобы, пусть, может быть.
н и м ф а — женское божество, олицетворявшее различные силы природы, например, нимфа Дафна, нимфа Эхо.
н у д и т ь — принуждать, понуждать
н у ж н ы й — тяжкий, трудный, мучительный.
н я т ь — брать, взять.

о б а ч е — но, однако, напротив того.
о б л ы й — полный, круглый, шарообразный.
о б н е с т и — окружить, объять; оклеветать.
о б щ е, о б ь ч е, о п ч е — вместе, совместно, нераздельно.
о б р а з — пример, образец.
о в а г д ы — иногда.
о в а м о — в ту сторону.
о г н е в а я б о л е з н ь — горячка.
о з о р н ы й — грубый, большой, огромный.
о к о л и ч н о с т ь — побочные обстоятельства.
О р е а д ы *(миф.)* — горные нимфы.
О р ф е й *(миф.)* — певец и музыкант, укрощавший своими песнями диких зверей и приводивший в движение деревья и скалы.
о т н е л е ж е — с тех пор как, когда.
о т р и н о в е н — отделен, удален от чего-нибудь.
о т р е в а т ь — отталкивать, отдалять.

п а к и — вторично, опять, снова, вновь.
П а л л а д а *(миф.)* — богиня мудрости.
П а н *(миф.)* — божество стад и пастухов.
П а р к и *(миф.)* — три богини человеческой судьбы.
п а с с и я *(франц.)* — предмет страсти, возлюбленный (-ая).
П е г а с *(миф.)* — крылатый конь муз; от удара его копыта на горе Геликон образовался источник Иппокрены.
П а н ф е й (миф.) — царь Фив, был растерзан вакханками за попытку воспрепятствовать установлению празднества в честь Вакха.
п е р у к — парик.
п е р с т ь — прах, пыль, земля.
п е р и с т и л ь *(греч.)* — колоннада, галерея.
П е р м е с с *(миф.)* — река в Беотии, посвященная Аполлону и музам; символ поэзии.
п е с т о в а т ь — оберегать уходом, заботой.
п е т и м е т р *(франц.)* — щеголь.
П е т р о н и й — римский писатель-аристократ (ум. в 66 г. н. э.).
п и ф и к — обезьяна.
п и щ а л ь — огнестрельное оружие в Московской Руси.
П л у т о н *(миф.)* — бог подземного царства, сын Сатурна.
П л у т у с *(миф.)* — бог богатства.
п о в ы т ч и к — чиновник, заведовавший делопроизводством в суде.
п о г р ы з н у т и с я — погрузиться.
п о д п о р, п о д п о р ь — укрепление, подпора.
п о ж и л ы й — жилой.
п о з о р, п о з о р и щ е — зрелище, представление.
п о к а л — бокал.

покосный — благоприятный.
Помона *(миф.)* — богиня плодов и плодовых деревьев.
поне — хотя, хотя бы, только.
понеже — так как, потому что.
поносный — обидный, оскорбительный.
Понт — Черное море; море, глубина, пучина.
поприще: 1) мера длины — $^2/_3$ версты; 2) мера длины — $1^1/_2$ версты (в XVI—XVII вв.).
порт, портище, порты — отрезок, кусок ткани, платье, одежда, одеяние.
поставец — невысокий шкаф для посуды.
потщиться — поспешить; постараться, потрудиться; устремиться.
прати — давить, топтать.
презор — гордость, высокомерие.
прелесть — соблазн.
претить — возбранять, запрещать, удерживать.
приклад — пример, образец.
приличность — соответствие.
прилог — пример.
провесный, провесной — вяленый.
провор — возбуждающее действие, действенность.
прозябение (прозябание) — произрастание.
прокуда — вред, зло; проказник.
промысл — мысль; забота; попечение; предначертание.
пря — спор, ссора.
пядь — старинная мера, равная длине между конечностями растянутых пальцев, большого и указательного.

рало — соха.
рамо, *мн.* рамена — плечо.
ранжир *(франц.)* — постановка людей по росту в одну шеренгу.
раченье — любовь, страсть, старанье.
регула *(лат.)* — правило.
репица — хвостовой отросток у позвоночных животных.
респект *(лат.)* — почтение, уважение.
речение — слово, речь.
реять — толкать, отталкивать, плавно лететь.
риза — одежда; священническое облачение.
Рифейские горы — Уральские горы; баснословные горы на северном краю земли.
роброн — женское платье.
рожен — кол, рогатина, острога.
рондо *(франц.)* — вид стихотворения.
роспуски — повозка (преимущ. сани).
руно — шерсть на овце; овечья шкура, овчина.

сайдак, садак, саадак — лук с налучником, колчан со стрелами.
самохотный — ненасильственный.
сарначь — зурнач, кто играет на зурне.
Сатир *(миф.)* — одно из низших божеств; развратный спутник Вакха.
Сатурн *(миф.)* — бог времени и плодородия.
секурс *(франц.)* — помощь, вспоможение; вспомогательное войско.
Семела *(миф.)* — дочь Кадма и Гармонии, мать Вакха.
семо — сюда.
сибарит — человек, живущий в роскоши и праздности.
сиделец — приказчик.
сила — ударение, акцент.
сиречь — то-есть.
сице — так, таким образом.
Силен *(миф.)* — сатир, воспитатель Вакха, вечно пьяный, тучный старик.

сильфы (в средневековых поверьях) — духи воздуха, мифические, легкие, воздушные существа.
Скамандр — река в Троаде, протекавшая вблизи Трои.
скаредный — нечистый, бесстыдный, бесчестный.
скосырь — щеголь, наглец.
скудельный — глиняный.
скудель — глиняный сосуд.
случай — успех, фаворитизм.
случайный человек — фаворит, временщик.
смок — змей, дракон.
смурый — темносерый.
сокк — обувь комических актеров; символ комедии.
сонм, сонем — собрание, скопление; сбор, съезд; община, народ.
сопель — музыкальный духовой народный инструмент.
сотреть — стереть.
стежка — тропа.
Стикс *(миф.)* — река в подземном царстве, в котором обитали души умерших.
стогна — улица.
стомах *(греч.)* — желудок.
страва — кушанье, пища.
стропотный — лукавый, неровный, кривой.
струг — плоскодонное гребное судно.
стряпчий — должность при великокняжеском дворе, адвокат, ходатай по делам.
студный — постыдный, бесстыдный, посрамленный.
стужать — докучать, теснить, затруднять.
сугубый — двойной, двоякий.
супостат — неприятель, враг, противник; враг, дьявол.
сый — настоящее причастие вспомогательного глагола быти.

Талия *(миф.)* — муза комедии.
тамбур *(франц.)* — род вышивания.
Тартар *(миф.)* — подземное царство.
тафта *(франц.)* — глянцевитая шелковая ткань.
термин — срок.
Терпсихора *(миф.)* — муза пляски.
тимпан *(греч.)* — бубен.
тинктура *(лат.)* — лекарственный настой.
торжище — базар, базарная площадь, вообще площадь; собрание.
Тритон *(миф.)* — морской бог, сын Нептуна; тритоны — морские божества, составлявшие свиту Нептуна.
тук — жир, сало.
тур — осадное передвижное укрепление.
тщий — тщетный.

угонзнуть (угонезнути) — убежать, избежать, спастись.
удол, удоль — долина, ложбина, яма, бездна.
устерсы — устрицы.
уязвиться — опечалиться.

фараон — название карточной игры.
Фаэтон *(миф.)* — сын бога солнца Гелиоса, взявшийся управлять солнечной колесницей отца, но чуть не сжегший землю и убитый за это молнией Юпитера.
Фемида *(миф.)* — богиня правосудия, изображалась с завязанными глазами (в знак беспристрастности), с весами в одной руке и с мечом в другой.
Феокрит (310—245 гг. до н. э.) — греческий поэт, идиллик.
Фетида *(миф.)* — богиня моря, мать Ахилла.

Ф и л о м е л а *(миф.)*: 1) дочь афинского царя Пандиона, превращенная в соловья; 2) *поэт.* — соловей.
ф и н и ф т ь — эмаль.
Ф л о р а *(миф.)* — римская богиня цветов и весны.
Ф у р и и *(миф.)* — три дочери Земли и Ночи, богини возмездия.

Х а р о н *(миф.)* — перевозчик душ умерших через Стикс.
Х и м е р а *(миф.)* — чудовище с львиной пастью, змеиным хвостом и козьим туловищем; несбыточная мечта.
х и т р о с т ь — искусство.
х л я б ь — водопад, стремнина, поток, бездна.
х у д о ж е с т в о — искусство, уменье.

ц е в н и ц а — струна, лира, свирель.
ц е з у р а (лат.) — пауза внутри стихотворной строки.
Ц е р б е р или К е р б е р *(миф.)* — много- или трехголовый пес, охранявший вход в подземное царство.
Ц и б е л а, К и б е л а *(миф.)* — фригийская богиня, символ плодородия.
Ц и р ц е я *(миф.)* — нимфа-чародейка.
Ц и т е р а — остров и город в греческом Архипелаге, в котором был развит культ Венеры.
ц у г *(нем.)* — запряжка лошадей гуськом в две или три пары; ездить цугом разрешалось только знатным людям.

ч а с о в н и к — часослов, церковная книга.
ч а т ь, ч а я т ь — в смысле: надо думать; ожидать.
ч е к а н — кирка, топор.
ч е с т ь — читать.
ч и н — порядок в чем-либо.
ч р е с л а — поясница, стан.
ч у л а н — театральная ложа (в XVIII веке.)
ч у м а к — слуга в трактире.

ш е л я г — название монеты.
ш и п о к *(польск.)* — кабак.
ш и́ п о к — кусты розы с шипами, цветок розы.
ш п ы н с т в о — насмешка, шутка.
ш у й ц а — левая рука.
ш у р м о в а т ь — участвовать в турнирах, фехтовать.

щ е п е т и л ь н и к — торговец галантерейным товаром.
щ е ч и т ь — брать, таскать.
щ е ч и т ь с я — наживаться.

Э а к *(миф.)* — один из трех судей подземного царства.
Э в т е р п а *(миф.)* — муза музыкального искусства.
э г и д а *(миф.)* — щит Зевеса; символ гнева и покровительства богов.
э к с т р а к т *(лат.)* — сжатое изложение какого-либо сочинения, документа и т. п.
Э л и з е й, Э л и с и й *(миф.)* — Елисейские поля, место обитания праведников в подземном царстве.
Э р е б *(миф.)* — бог подземной тьмы, муж Ночи.
Э р о т *(миф.)* — бог любви, то же, что Амур или Купидон.

я з в а — рана; немощь, болезнь; беда, несчастие.
я м — почтовая станция, ямская повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу.
Я р б *(миф.)* — сын Юпитера, царь гетулов (Африка).

ОГЛАВЛЕНИЕ

II. Литература 30—50-х годов XVIII века

III. Литература от начала 60-х годов до конца XVIII века

Редактор **П. Ф. Рощин.**

Техн. редактор **Р. В. Цыпно.** Художник **И. Г. Николаевцев.**

Подписано к печати 17/IV 1952 г. А-02935. Бумага 60×92¹/₁₆ =25,75 бум. л., 51,5 печ. л. 48,67 уч.-изд. л. Тираж 50 тыс. экз. Цена без переплета 9 р. 75 к. Переплет 1 р. 50 к. (Номинал по прейскуранту 1952 г.). Заказ № 1457.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII
ВЕКА